

SZYMON DATNER

ZBRODNIE WEHRMACHTU NA JENCACH WOJENNYCH
W II WOJNIE ŚWIATOWEJ

Warszawa 1961

ШИМОН ДАТНЕР

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОГО
ВЕРМАХТА
В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

Перевод с польского
Я. О. НЕМЧИНСКОГО

Вступительная статья
Маршала Советского Союза
С. К. ТИМОШЕНКО

Под редакцией
проф. Д. С. КАРЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

*Редакция литературы по международным отношениям,
дипломатии и праву*

Шимон Датнер
**ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОГО ВЕРМАХТА
В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВО 2-Й МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

Редакторы Н. А. ЗАХАРЧЕНКО и А. Л. ЛАРИОНОВ
Художник Н. А. Зарин. Художественный редактор В. И. Шаповалов.
Технический редактор Е. С. Потапенкова.

Сдано в производство 5/IV 1963 г. Подписано к печати 2/IX 1963 г. Бумага 60×90^{1/2} =
= 15,8 бум. л. 31,5 печ. л., в т. ч. 8 вкл. Уч.-изд. л. 32,1. Изд. № 10/1654.
Цена 1 р. 38 к. Зак. 1314.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УЦБ и ПП Ленсовиархоза
Ленинград, Измайловский пр., 29

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Восемнадцать лет прошло с тех памятных дней, когда смолкли залпы второй мировой войны, развязанной разбойничьим германским империализмом.

Преступная по своему характеру война, основным смыслом и целью которой для ее зачинщиков было стремление претворить в жизнь бредовую идею завоевания мирового господства, планировалась и подготавливалась с расчетом на то, что она будет войной истребительной, «тотальной», в ходе которой будут сметены с лица земли целые народы и государства, а десятки миллионов оставшихся в живых людей в завоеванных странах будут превращены в покорных рабов германских монополий.

Мир знает, сколь педантично и скрупулезно ставленники крупнейших германских монополий, Гитлер и его банда, старались выполнять эти преступные замыслы с помощью огромного, хорошо оснащенного, широко разветвленного и специально вымуштрованного военного и полицейско-террористического аппарата третьего рейха — вермахта, СС, СД, гестапо и т. д.

На Нюрнбергском процессе по делу главных немецких военных преступников были осуждены невиданные дотоле как по своим масштабам, так и по бесчеловечности кровавые злодеяния людоедов XX века, включавшие дикие насилия и зверства над миллионами мужчин и женщин, стариков и детей в оккупированных фашистами странах, рабский принудительный труд огромных масс невольников на предприятиях Германии, варварские убийства миллионов ни в чем не повинных людей в газовых камерах и печах крематориев освенцимов и майданеков. Не последнее место в этом далеко не полном страшном перечне занимают преступления гитлеровцев в отношении военнопленных.

За послевоенный период как в Советском Союзе, так и за рубежом издано немало книг, посвященных разоблачению

звериной, человеконенавистнической сущности фашизма и его чудовищных преступлений, совершенных в годы минувшей войны.

Предлагаемой вниманию советского читателя книге видного польского историка и публициста доктора Шимона Датнера «Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне» принадлежит видное место в этой литературе.

Несомненно, книга Датнера будет с интересом встречена советским читателем. Русский перевод книги был просмотрен и авторизован Ш. Датнером, и специально для советского издания им был сделан ряд дополнений.

Шимон Датнер — член Центральной комиссии по расследованию преступлений нацистов на территории Польши. Его труды, такие, как «Военные потери во второй мировой войне», «Истребление гражданского населения в Польше», «Военный аппарат третьего рейха по подавлению движения Сопротивления в Европе», свидетельствуют о том, что автор много работает над важными проблемами разоблачения тягчайших преступлений гитлеровского фашизма против мира, его военных преступлений и преступлений против человечности.

Широко известно, что Гитлер и его подручные самым бесцеремонным образом игнорировали общепризнанные нормы международного права, грубо нарушали законы и обычаи войны. Важнейшие международные договоры и соглашения, под которыми стояла также подпись Германии, рассматривались ими лишь как ничего не стоящие клочки бумаги. Таким было и их отношение к Гаагской конвенции 1907 года и к Женевской конвенции о режиме военнопленных 1929 года, подписанной 47 государствами, в том числе и Германией.

Книга Шимона Датнера — это основанное на огромном фактическом материале, прежде всего документах самого гитлеровского вермахта, исследование о преступлениях вермахта, совершенных в отношении советских, польских, французских, английских, американских, канадских и других военнопленных, а также против его бывших союзников — военнопленных итальянцев. Эти преступления поистине беспрецедентны. История войн всех времен и народов не знала примеров столь жестоких и массовых преступлений, совершенных воюющей стороной в отношении захваченных в плен воинов противника.

* * *

Вероломное нападение гитлеровской Германии на нашу страну 22 июня 1941 года, когда на нас обрушился огромной силы удар почти двухсот немецко-фашистских дивизий, во-

оруженных тысячами танков и самолетов, поставило нашу армию в крайне тяжелое положение в первый период войны. На огромном фронте — от Заполярья до Черного моря — советские войска, ведя тяжелые оборонительные бои, вынуждены были отступать, неся при этом большие потери. Именно в этот период сотни тысяч наших солдат и офицеров, честно выполнивших свой воинский долг, в силу различных не зависящих от них обстоятельств, а многие из них, будучи тяжело раненными или контуженными, попали в плен к гитлеровцам. Участь большинства из них была трагичной.

Если можно, правда, с большими оговорками, сказать о том, что в отношении военнопленных французов, англичан, американцев и военнопленных некоторых других национальностей фашистский вермахт иногда формально придерживался некоторых положений Женевской конвенции о режиме военнопленных 1929 года (хотя известно, что и их судьба была тяжелой, а иногда и жестокой), то в отношении советских военнопленных эти нормы были отброшены начисто.

Захваченных в плен советских солдат и офицеров гитлеровцы стремились физически истребить с помощью самых разнообразных средств и методов — убивали на поле боя, добивали в госпиталях больных и раненых, уничтожали во время «отборов» и транспортировки, в различного рода лагерях для военнопленных — дулагах, шталагах, оффлагах, — убивали непосильным трудом и голодом, холодом и болезнями, зверски умерщвляли в газовых камерах Освенцима, Маутхаузена, Бухенвальда, Саксенхаузена, Нейенгамме, Дахау, Равенсбрюка и других лагерей смерти. Советских военнопленных использовали в качестве «живого прикрытия» во время боевых операций, для разминирования минных полей, для проведения преступных «медицинских экспериментов» и т. д., и т. п.

Можно без преувеличения сказать, что злодейское обращение с советскими военнопленными является собой одну из самых мрачных страниц истории фашистского варварства.

Приведенные в книге Датнера многочисленные официальные документы — приказы и распоряжения гитлеровских глашатарей, показания главных фашистских военных преступников, свидетельства очевидцев, а также материалы комиссий по расследованию злодяйий немецко-фашистских захватчиков — неопровергнуто свидетельствуют о том, что преступления в отношении военнопленных, и прежде всего в отношении советских военнопленных, не были ни случайными, ни единичными, что все они являлись частью изуверской программы массового истребления людей, частью широкого плана мероприятий по «обезлюживанию» Европы до Урала и

превращению ее в «жизненное пространство» для «сверхчеловеков» гитлеровского рейха.

Многие из этих преступлений были запланированы и детально разработаны задолго до начала войны. Так, например, директива Гитлера о поголовном истреблении пленных политических комиссаров Советской Армии, работников советских органов безопасности, советской интеллигенции и военнослужащих еврейской национальности была официально сообщена высшим командирам и начальникам штабов вермахта на совещании 30 марта 1941 года, то есть за три месяца до вероломного нападения на СССР.

При этом Гитлер заявил, что отношение к советским военнопленным не должно соответствовать положениям Женевской конвенции 1929 года по той причине, что Советский Союз в ней не участвует.

Совершенно ясно, что никакие ссылки на «неучастие» Советского Союза в Женевской конвенции о режиме военнопленных 1929 года не могли служить хотя бы малейшим оправданием фашистских злодействий по отношению к советским военнопленным. Да и само по себе это утверждение Гитлера было лживым от начала до конца, ибо широко известно, что СССР присоединился к Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны (которая была положена в основу Женевской конвенции 1929 года), а также к Конвенции Красного Креста и неукоснительно соблюдал обязательства, вытекающие из этих международных соглашений.

Обо всем этом хорошо знало также гитлеровское руководство и военное командование.

Кто являлся главным орудием осуществления преступной политики правителей гитлеровской Германии в отношении военнопленных? Ответ на этот вопрос дает само название книги, а ее материалы полностью подтверждают, что фашистская армия была одним из наиболее активных и ревностных исполнителей этих преступных планов. Вместе с фактическими вершителями судеб гитлеровской Германии — хозяевами крупнейших капиталистических монополий, порожденной ими нацистской партией бандитов и погромщиков и ее так называемым «аппаратом безопасности»: СС, СД, гестапо и т. п., — за чудовищные преступления против военнопленных равную ответственность несет и гитлеровский вермахт.

Немецко-фашистская армия покрыла себя несмыываемым позором в глазах всего человечества как армия профессиональных убийц, лишенных элементарных понятий о совести и воинской чести, как армия грабителей, палачей и садистов.

Есть две основные причины, которые вызывали особую ненависть фашистов к воину Советской Армии: во-первых,

Гитлер боялся его, как самого сильного и стойкого противника, а во-вторых, каждый солдат или офицер Советских Вооруженных Сил, воспитанный Коммунистической партией в духе преданности своей Родине и идеям интернационализма и дружбы народов, был убежденным борцом против фашизма и его человеконенавистнической идеологии.

Именно поэтому подавляющее большинство попавших в титлеровский плен советских воинов, несмотря на ужасающий террор, дикие зверства, перед которыми бледнеют ужасы средневековой инквизиции, несмотря на постоянную угрозу истребления, остались непокоренными, мужественными борцами против коричневой чумы.

К числу несомненных достоинств книги Ш. Датнера следует отнести то, что ему удалось на ярких примерах показать эту самоотверженную, полную драматизма борьбу советских военнопленных против режима гибели, против фашизма.

«Плен — это страшная трагедия воина. Но пока идет война на Родине, мы должны бороться с врагом здесь, за колючей проволокой!» Эти слова принадлежат мужественному советскому патриоту, Герою Советского Союза, генерал-лейтенанту Дмитрию Михайловичу Карабышеву, зверски замученному фашистами в феврале 1945 года. И эта борьба велась повсюду, на всех этапах фашистского плена и в самых разнообразных формах — от помощи ослабевшим товарищам, чтобы они смогли выжить и продолжать борьбу, до широкого саботажа и диверсий на фашистских предприятиях, открытого вооруженного сопротивления эсэсовским палачам как это имело место в Бухенвальде, Маутхаузене и некоторых других местах.

В заключительной главе книги «Слово о мертвых и живых» Ш. Датнер пишет: «В основной своей массе советские военнопленные вместе с военнопленными других государств... первыми и с первого же дня неволи поднялись на борьбу против немецко-фашистских захватчиков... Военнопленные всех государств антигитлеровской коалиции вписали славную страницу в эту главу военной истории, однако надо со всей решительностью подчеркнуть, что советские военнопленные в этой борьбе стояли в первых рядах как по масштабам своей активности и боевитости, так и по использованию методов борьбы, совершенно не применявшимся или почти не применявшимся военнопленными других национальностей, — своим примером они увлекали других... В случаях когда здравый смысл и обстоятельства допускали это, они отвечали на силу силой, на насилие — насилием, то есть вооруженными выступлениями!» (стр. 460—461).

Эта разносторонняя и массовая борьба велась под руководством подпольных организаций Сопротивления, создавае-

мых повсюду советскими патриотами. Одной из самых массовых форм этой борьбы, как известно, были побеги советских воинов из плена, для того чтобы продолжать с оружием в руках борьбу с врагом. Бежали в одиночку и группами, бежали во время транспортировки, из лагерей и рабочих команд, бежали, используя любую, хотя бы малейшую, возможность, — даже улетали на самолетах, как это удалось Герою Советского Союза Михаилу Девятаеву.

Всем памятен легендарный побег нескольких сотен советских военнопленных из блока смерти № 20 концлагеря Маутхаузен.

Из документов известно, что для предотвращения побегов фашистам пришлось держать огромные контингенты полиции, усиленные снятыми с фронта эсэсовскими частями, общей численностью около 650 тысяч человек; четверть миллиона членов гитлеровской партии было специально мобилизовано для этих целей. Те, кто успешно бежал из плена на советской территории, вливались в отряды народных мстителей — партизан; те, кому удавались побеги вдали от Родины, шли в отряды Сопротивления Польши, Чехословакии, Франции, Бельгии, Норвегии, Югославии, Италии, Греции.

Их вклад в дело освободительной борьбы против гитлеровской тирании общеизвестен.

* * *

Большой разоблачительной силы материал книги Ш. Датнера о преступлениях гитлеровского вермахта в отношении военнопленных является весьма актуальным в настоящее время, когда под покровительством правящих кругов США, Англии и Франции в Западной Германии идет ускоренный процесс возрождения милитаризма и подготовки к новой войне.

В агрессивных планах НАТО, направленных против Советского Союза и других стран социалистического лагеря, Западной Германии отводится центральное место, как основной ударной силе.

Быстрыми темпами идет формирование бундесвера, который уже сейчас насчитывает более 400 тысяч солдат и офицеров и располагает 2 тысячами танков и свыше 600 самолетов. Все 170 генералов и адмиралов бундесвера занимали в прошлом видные командные посты в гитлеровском вермахте и творили чудовищные преступления в годы войны. Вопреки требованиям народов о предании этих преступников справедливому суду и наказанию за совершенные злодеяния их назначают на руководящие должности в бундесвере и НАТО. Так, во главе возрожденного вермахта стоит матерый пре-

ступник генерал Фёрч; в роли командующего сухопутными войсками НАТО в центральной зоне Европы выступает кровавый палач Шпейдель, а генерал Хойзингер, по прямым приказам которого фашистские каратели осуществляли массовое уничтожение военнопленных, расстреливали заложников, восседает ныне в кресле председателя постоянного военного комитета НАТО в Вашингтоне.

Так в нарушение Ялтинских и Потсдамских соглашений, в угоду своим агрессивным планам правящие круги западных держав снова дают в руки вчерашних убийц и вешателей оружие и власть. Боннские реваншисты и милитаристы, прикрываясь затащенным знаменем антикоммунизма, не стесняются заявлять о своих преступных замыслах, о новых военных походах. Битые генералы вновь строят планы «тотальной» войны, но теперь уже с применением ядерного оружия.

С полного одобрения американских стратегов западногерманские реваншисты всячески стремятся заполучить в свое распоряжение атомное оружие. Всем памятен пресловутый меморандум генералов бундесвера, нагло потребовавших неограниченного ракетно-ядерного вооружения западногерманской армии.

Нужно ли говорить о том, насколько возрастет угроза всеобщей ракетно-ядерной войны, если вчерашние палачи Орадура и Ковентри, Лидице и Роттердама, Варшавы и Минска, убийцы миллионов людей получат в свои руки это смертоносное оружие.

Эта опасность стала особенно реальной и ощутимой в связи с заключенным недавно агрессивным военно-политическим союзом между Францией и Западной Германией, который предусматривает возможность передачи атомного оружия в руки боннских реваншистов.

За ФРГ уже открыто признается право на участие в контроле над создаваемыми Вашингтоном «многосторонними ядерными силами НАТО».

Западногерманские милитаристы стремятся любой ценой и в самые минимальные сроки добиться желаемой цели — атомного вооружения бундесвера. Эти стремления вызывают самые решительные протесты со стороны миролюбивой общественности во всем мире.

Советское правительство в своей ноте правительству ФРГ 5 февраля 1963 года заявило, что «допуск бундесвера к ядерному оружию, независимо от формы такого допуска, — а сейчас на Западе усиленно обсуждается именно вопрос о форме допуска, — означал бы весьма серьезное обострение обстановки в Европе. Каким бы путем ядерное оружие ни

попало в руки бундесвера, прямо или косвенно, Советский Союз рассматривал бы это как непосредственную угрозу своим жизненным национальным интересам и был бы вынужден незамедлительно принять необходимые меры, которые диктовались бы такой обстановкой. В решимости Советского Союза осуществить свои права, вытекающие из победы над Германией, которая стоила ему миллионы человеческих жизней, и из его торжественных обязательств, взятых после второй мировой войны, не допустить новой германской агрессии, ни у кого не должно быть ни малейших сомнений»¹.

Это серьезное предупреждение Советского Союза зарвавшимся реваншистам встретило полное одобрение со стороны мировой общественности, проявляющей растущую тревогу и заботливость в связи с опасным курсом милитаристских сил ФРГ. Повсюду люди доброй воли все решительнее и настойчивее требуют положить конец безрассудной политике повторства западногерманским реваншистам, не допустить вооружения бундесвера атомным оружием.

Все шире и шире среди мировой общественности растет понимание необходимости скорейшего заключения германского мирного договора и урегулирования на его основе вопроса о Западном Берлине.

Мирный договор покончил бы с остатками второй мировой войны и создал бы серьезную преграду на пути западногерманского милитаризма и реваншизма.

Выступая на XXII съезде КПСС, товарищ Н. С. Хрущев сказал: «Мы считали и считаем, что мирный договор, закрепив германские границы, определенные Потсдамским соглашением, свяжет руки реваншистам и отобьет у них охоту к авантюрам»².

Советский Союз и другие государства социалистического лагеря считают, что германские границы установлены окончательно и не подлежат никакому пересмотру. Нет проблемы границ — есть проблема мира во всем мире, ибо любая попытка реваншистов изменить существующие границы неминуемо привела бы к войне.

Книга Ш. Датнера, напоминающая о тягчайших преступлениях, совершенных в недавнем прошлом гитлеровским фашизмом, зовет людей к борьбе за то, чтобы это никогда не повторилось в будущем, зовет к усилению бдительности, к активным действиям в защиту мира.

¹ «Правда», 8 февраля 1963 года.

² Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии, Госполитиздат, 1961, стр. 39.

* * *

Большое место в работе Ш. Датнера уделяется глубокому рассмотрению относящихся к теме данной книги международно-правовых вопросов.

Прослеживая шаг за шагом чудовищные злодеяния фашизма, автор документально подтверждает, что невозможно найти буквально ни одного принципа или нормы международного права, которые бы не попирались гитлеровской Германией, и притом самым грубым и циничным образом.

Книга Датнера всем своим содержанием ратует за необходимость строжайшего соблюдения всеми государствами, большими и малыми, международно-правовых норм, неукоснительного и последовательного выполнения всех обязательств, вытекающих из Устава ООН, международных договоров и соглашений.

Это обстоятельство еще больше подчеркивает актуальность книги в наши дни, когда, по образному выражению Н. С. Хрущева, «мир живет... на заминированном погребе, набитом термоядерным оружием»¹.

В таких условиях отход от международно-правовой законности и обычая, игнорирование общепринятых норм в отношениях между государствами может вызвать непоправимые последствия.

Советский Союз с первых дней своего существования своей внешней политикой является всему миру прекрасный образец действительного уважения всех основных принципов и норм международного права. Он всегда строго придерживается международных соглашений, участником которых он являлся, и взятых на себя обязательств в соответствии с этими соглашениями.

В годы, предшествовавшие второй мировой войне, Советский Союз стремился сделать все для того, чтобы укрепить мир, создать систему коллективной безопасности в Европе.

Можно с уверенностью сказать, что если бы не двурушническая политика правительств западных стран, если бы все они так же неуклонно и последовательно придерживались своих международных обязательств по поддержанию мира, как это делал Советский Союз, на фашистских агрессоров была бы надета крепкая смирительная рубашка, а если бы им все же удалось развязать войну, то она была бы потушена в самом ее начале и не принесла бы человечеству таких огромных страданий и жертв.

СССР твердо следовал своим союзническим обязательствам, вытекающим из его участия в антигитлеровской коа-

¹ Н. С. Хрущев, Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза, Госполитиздат, 1962, стр. 7.

лиции в годы второй мировой войны. Грядущие поколения вечно будут благодарны героизму, стойкости и мужеству советского народа, внесшего решающий вклад в дело победы над фашистскими агрессорами.

Основой внешнеполитического курса нашей страны в послевоенный период было и остается стремление обеспечить международную безопасность, утвердить на земле на вечные времена мир, добытый такой дорогой ценой. Искренней заботой о мире для блага всех народов проникнуты все предложения Советского Союза, выдвигавшиеся им в Организации Объединенных Наций, во время различных международных конференций и встреч: о запрещении пропаганды войны, о сокращении вооруженных сил и вооружений, о запрещении атомного оружия и прекращении его испытаний и т. д.

В условиях существующей напряженности в международных отношениях, непрерывного накопления и совершенствования ракетного и ядерного оружия огромное значение имеют советские предложения о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем. Принятие этих предложений явилось бы самым надежным путем к обеспечению мира и безопасности народов.

Не вина Советского Союза, что эти предложения до сих пор не приняты и не проведены в жизнь, несмотря на долгие месяцы работы Комитета 18-ти в Женеве. Ответственность за это всецело лежит на западных державах, которые воздвигают одно препятствие за другим, всячески затягивая решение этой жизненно важной проблемы.

В нарушение общепризнанных норм международного права правящие круги империалистических государств присвоили себе право открыто вмешиваться в дела других народов, плетут сети заговоров против независимых миролюбивых государств.

Именно по их вине то в одном, то в другом районе земного шара возникают конфликты и кризисы, которые еще больше накаляют международную атмосферу и обостряют военную опасность.

Самым серьезным из них был прошлогодний кризис в районе Карибского моря. Безрассудные агрессивные действия военщины США поставили мир перед угрозой всеобщей термоядерной катастрофы. Один неосторожный шаг, одно неверное действие в этих условиях могли привести к непоправимым последствиям.

Мир знает, что этот опасный кризис удалось успешно преодолеть прежде всего благодаря хладнокровию и выдержанке, мудрым и решительным действиям Советского правительства и лично товарища Н. С. Хрущева, сумевшим отвести от человечества страшную угрозу.

В нынешних условиях, когда неизмеримо выросли силы мира и социализма, есть все реальные условия для того, чтобы все спорные международные вопросы решались не путем войны, а путем переговоров, все условия для того, чтобы навсегда исключить войну из жизни человеческого общества.

Доказательством этого может служить подписанный 5 августа 1963 года в Москве представителями правительства Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой, к которому присоединилось подавляющее большинство государств земного шара. Этот договор отвечает жизненным интересам всех народов и способствует ослаблению международной напряженности. Он является победой миролюбивой политики Советского Союза. Однако с подписанием Московского договора сделан лишь первый шаг по пути к прекращению гонки вооружений, не означающий разоружения и не снимающий опасности войны.

Последовательно проводя линию на мирное сосуществование государств с различными общественными системами, Советский Союз делает все возможное для того, чтобы выиграть битву за мир, за мир без оружия и войн, — битву за жизнь.

Этого требуют интересы самоотверженного труда советского народа во имя построения коммунизма. Этого требует от нас память о миллионах людей, отдавших свою жизнь в годы войны с фашизмом.

Август 1963 года

С. К. Тимошенко

Председатель Советского комитета
ветеранов войны
Маршал Советского Союза

ВВЕДЕНИЕ

Когда международная конференция 47 государств, происходившая в Женеве с 1 по 27 июля 1929 года, завершила свою работу принятием новой международной конвенции о режиме военнопленных, казалось, что тем самым окончен путь, по которому человечество шло с незапамятных времен, что раз и навсегда закрыта последняя страница одной из самых мрачных глав в истории войн, страница, связанная с решением судьбы побежденных противников, оказавшихся в руках победителей. Это был долгий и страшный путь: от поголовного истребления военнопленных и использования их в качестве рабов, лишенных каких бы то ни было прав, до первой Женевской конвенции об улучшении участия больных и раненных на поле боя солдат (принятой в 1864 году и впоследствии замененной женевскими конвенциями об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях 1906 и 1929 годов). На женевских конференциях 1906 и 1929 годов были предприняты серьезные усилия облечь правила ведения войны (в том числе и вопросы обращения со здоровыми военнопленными) в форму обязательных постановлений. Это имело место также на первой (1899 год) и особенно на второй (1907 год) гаагских конференциях. Последняя конференция уделила много внимания вопросам гуманного отношения к военнопленным (IV Гаагская конвенция, приложение, ст. IV—XX). Ее постановления, касающиеся военнопленных, были дополнены и значительно расширены в Женевской конвенции о режиме военнопленных, принятой 27 июля 1929 года.

Что такое военный плен и каким он должен быть в понимании современного цивилизованного мира, четко определено в § 61 «Оксфордского учебника» 1880 года:

«Военный плен не является наказанием, налагаемым на пленного, а также не может быть и актом мести, он является

лишь временным задержанием, не имеющим характера кары»¹.

Этот принцип конкретизируется в Женевской конвенции 1929 года² (ст. 2):

«С военнопленными следует всегда обращаться гуманно, в особенности защищая их от насилий, оскорблений и любопытства толпы.

Применение к ним репрессий воспрещается».

Таким образом, на победителя возложены установленные международным правом обязанности по отношению к военнопленным. Целью пленения может быть только недопущение численного роста вооруженных сил противника, а целью действий по отношению к военнопленным в соответствии с современным международным правом должно быть лишь человеческое обращение с безоружным противником; противник, который попал в плен, подчиняется законам, действующим в армии победителя (то есть держащего в плену государства).

Своими варварскими методами ведения войны и отношением к армии и населению противника гитлеровцы нарушили все нормы международного права, в том числе и постановления об обращении с военнопленными.

Почти год (с 14 ноября 1945 по 1 октября 1946 года) в Нюрнберге продолжался первый в мировой истории процесс главных немецких военных преступников, которым было предъявлено обвинение в совершении преступлений против мира, в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Масштабы и характер этих преступлений определены вынесенным на этом процессе приговором.

«Доказательства относительно военных преступлений были колоссальными по объему и очень подробными. Невозможно в рамках данного приговора соответствующим образом вновь рассмотреть их или перечислить массу документальных и устных доказательств, которые были представ-

¹ «Manuel d'Oxford 1880. Les Lois de la Guerre sur Terre» (цит. F. Scheidl, Die Kriegsgefangenschaft von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart, Berlin, 1943, S. 68).

² Конвенция о режиме военнопленных, подписанный в Женеве 27 июля 1929 года. В дальнейшем называется сокращенно: Женевская конвенция 1929 года.

В данной работе, кроме Женевской конвенции 1929 года, упоминаются еще две конвенции: а) Женевская конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях от 27 июля 1929 года, именуемая сокращенно Конвенцией Красного Креста, и б) Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года. Приложение к конвенции — Положение о законах и обычаях сухопутной войны, именуемое сокращенно Гаагской конвенцией.

лены на суде. Остается истиной, что военные преступления совершились в таком широком масштабе, которого не знала история войн. Они совершались во всех странах, оккупированных Германией, и в открытых морях и сопровождались жестокостью и террором в масштабах, которые трудно себе представить»¹.

Вот что говорится в приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге по непосредственно интересующему нас вопросу — о преступлениях в отношении военнопленных:

«Другие военные преступления, такие, как убийство военнопленных, бежавших из лагерей и вновь захваченных в плен, или убийство командос² или захваченных в плен летчиков, или уничтожение советских комиссаров, были результатом прямых приказов, передаваемых по официальным каналам...

Военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам и убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности.

Та же судьба выпала на долю гражданского населения на оккупированных территориях»³.

Отдельные преступления в отношении военнопленных имели место уже во время сентябрьской кампании 1939 года. И хотя они, конечно, не достигали масштабов преступлений, совершенных в 1941—1945 годах, все же своим характером и жестокостью напоминали многие более поздние крупные преступления.

Уже в 1939 году, по окончании сентябрьской кампании, третий рейх, попирая нормы международного права, произвольно лишает польских военнопленных ряда прав, вытекающих из Женевской конвенции 1929 года. Так, 20 ноября 1939 года министерство иностранных дел третьего рейха, основываясь на ложной предпосылке о «несуществовании польского государства», сообщает шведскому посольству [в Германии. — Ред.], что считает мандат Швеции как державы — покровительницы польских военнопленных утратившим силу.

Подобное ущемление прав военнопленных, вытекающих из Женевской конвенции 1929 года, не ограничилось пунктом

¹ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах», т. VII, М., 1961, стр. 372—373 (в дальнейшем цитируется как «Нюрнбергский процесс»).

² Командос — подвижные соединения английской армии, действовавшие самостоятельно в тылу гитлеровских войск и выполнявшие специальные задания командования. — Прим. ред.

³ «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 373—374.

о «державе-покровительнице». В дальнейшем эти права были нарушены и в не менее важной области, какой является судебное преследование в отношении военнопленных за наказуемые действия. Вместо того чтобы направлять дела о преступлениях военнопленных в военные суды, их, в явное нарушение положений ст. 60—67 Женевской конвенции 1929 года, направляли в чрезвычайные гражданские суды (зондергерихты), где военнопленному, как правило, выносился смертный приговор. Более того, в обход установленного порядка судопроизводства военнопленных передавали прямо в руки полиции безопасности или в концентрационные лагеря, где их также ждала смерть.

Одна категория военнопленных еще в 1939—1940 годах стала жертвой открытого нарушения прав военнопленных. Это были евреи. Международное право осуждает дискриминацию в отношении военнопленных по признаку национальности, расы или религиозной принадлежности. Тем не менее гитлеровская Германия сочла, что эти положения не должны применяться в отношении евреев. Единственно авторитетными для гитлеровцев были пресловутые «Нюрнбергские законы», гласившие, что евреи являются низшей расой и их следует истребить.

Опираясь на «расовую теорию», гитлеровская Германия проводит дискриминацию в отношении военнопленных евреев с первых же дней войны: для евреев офицеров в олагах (лагерях для военнопленных офицеров) создаются гетто; евреи рядовые (при «освобождении» из плена в 1940 году) передаются в руки невоенной, эсэсовской охраны, вследствие чего многие из них погибли от рук эсэсовцев прежде, чем попали на родину. «Освобождение» (и перевод пленных в гетто) повлекло за собой поголовное их уничтожение в рамках плана тотального истребления евреев. Офицеры-евреи выжили в олагах по не выясненным до сих пор обстоятельствам.

22 июня 1941 года — дата вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз — поворотный пункт в германской политике в отношении военнопленных, характеризующийся полным отходом от общепризнанных принципов международного права.

Под предлогом, что СССР не присоединился к Женевской конвенции 1929 года, Германия вступает на путь совершения тягчайших преступлений. Насколько далеко зашли в своем цинизме гитлеровцы, опираясь на этот предлог, свидетельствует тот факт, что Советский Союз присоединился к Гаагской конвенции 1907 года и Конвенции Красного Креста 1929 года, о чем правительство третьего рейха и германское командование хорошо знали еще задолго до войны.

В немецком сборнике международно-правовых актов, имеющих обязательную силу также и для германского военного командования, изданном в Берлине в 1940 году, в разделе «Нормы права, касающиеся военнопленных. Гаагское положение о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года» имеется замечание о том, что предписания ст. IV—XX этого положения *обязательны сами по себе и без Женевской конвенции 1929 года*, после чего следует перечень государств, в отношениях между которыми применяется это положение и среди которых наряду с Боливией, Финляндией, Гватемалой, Гаити, Японией, Кубой, Либерией, Люксембургом, Никарагуа, Панамой, Сальвадором и Сиамом названа Россия (Rußland)¹.

Статьи IV—XX приложения к Гаагской конвенции — это нормы международного права, касающиеся военнопленных и составляющие основу Женевской конвенции 1929 года.

В том же сборнике в разделе «Конвенция Красного Креста 1929 года» мы находим указание о том, что действие этой конвенции распространяется на многие государства, в том числе и на Советскую Россию (Sowjetrußland)².

И Конвенция Красного Креста, и Гаагская конвенция, подписанные и соблюдаемые Советским Союзом, были грубо нарушены германской армией, которая своими действиями воскресила самые бесчеловечные методы ведения войн. Конвенция Красного Креста обязывает заботиться о раненых военнопленных, лечить их и обращаться с ними человеколюбиво. Гаагская конвенция запрещает убивать сдавшихся в плен (ст. XXIII), предписывая обращаться с ними человеколюбиво (ст. IV). Чудовищное по своим масштабам истребление раненых военнопленных наглядно показало, как Германия «соблюдала» подписанные ею конвенции.

Нюрнбергский трибунал, отвергая как совершенно неосновательную попытку оправдания убийств и жестокостей, совершенных в отношении советских военнопленных, тем, что СССР не присоединился к Женевской конвенции 1929 года, привел мнение начальника немецко-фашистской разведки и контрразведки адмирала Канариса, который выступил против политики истребления советских военнопленных, проводимой верховным главнокомандованием вооруженных сил (вермахта) — ОКВ³ совместно со службой безопасности (СД).

¹ «Deutsches Kriegsführungsrecht», bearbeitet von Dr. Friedrich Giese und Dr. Eberhard Menzel, Berlin, 1940, S. 58.

² Ibid.

³ ОКВ переводится так же как главный штаб вооруженных сил (вермахта). — Прим. ред.

15 сентября 1941 года Канарис в своем меморандуме начальнику ОКВ Кейтэлю раскритиковал изданное за неделю до этого (8 сентября 1941 года) распоряжение ОКВ «Об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях для военнопленных», которое уточняло политику дискриминации, убийств и сотрудничества с СД в этом деле.

Канарис, в частности, писал: «Правовое положение следующее: Женевская конвенция о военнопленных не действует между Германией и СССР, поэтому действуют только основные положения общего международного права об обращении с военнопленными. Эти последние сложились с XVIII столетия в том направлении, что военный плен не является ни местью, ни наказанием, а только мерой предосторожности, единственная цель которой заключается в том, чтобы воспрепятствовать военнопленным в дальнейшем участвовать в войне. Это основное положение развивалось в связи с господствующими во всех армиях взглядами, что с военной точки зрения недопустимо убивать или увечить беззащитных. Кроме того, каждый военачальник заинтересован в том, чтобы быть уверенным, что его собственные солдаты в случае пленения будут защищены от плохого обращения»¹.

Выдвигая ряд других существенных доводов, Канарис заканчивает свои возражения следующим образом:

«Управление заграничной контрразведки не было предупреждено об издании этих распоряжений или об их разработке. Эти распоряжения, по мнению управления заграничной контрразведки, вызывают большие сомнения как принципиальной точки зрения, так и из-за вредных последствий в области политической и военной, которые могут наступить»².

Однако доводы Канариса не были приняты во внимание. На полях его письма имеется резолюция Кейтеля, гласящая, что возражения Канариса проистекают из представлений солдата о рыцарском способе ведения войны, а данная война направлена на уничтожение враждебной идеологии.

В связи с замечаниями Канариса о том, что выявление гражданских лиц и «политически нежелательных военнопленных» проводят оперативные группы СД, Кейтель написал: «Вполне целесообразно»³, а в связи с другим замечанием Канариса, что это противоречит принципам вермахта, пометил: «Не совсем».

По-видимому, на трезвый юридический подход Канариса к зверствам, совершаемым в отношении советских военно-

¹ «Нюрнбергский процесс», т. III, М., 1958, стр. 103.

² Там же, стр. 105.

³ См. там же, стр. 103.

пленных, кроме всех прочих мотивов, должен был повлиять тот факт, что в то время в его руках находился советский закон, касающийся обращения с военнопленными, который, по словам Канариса, «соответствует основным положениям общего международного права и, более того, положениям Женевской конвенции о военнопленных»¹.

Следует заметить, что отдельным категориям «нежелательных» (с точки зрения политической и расовой) советских военнопленных смертный приговор был вынесен еще до нападения фашистской Германии на СССР. Приговор этот должен был выполнить вермахт вместе с оперативными группами СД, специально созданными для этой цели.

Решение об истреблении указанных категорий военнопленных, принятое еще за несколько месяцев до начала войны, не представляло собой, таким образом, даже репрессалий, кстати сказать, также запрещенных международным правом. Истребление политработников Советской Армии и других «нежелательных» военнопленных началось с первого дня войны и продолжалось до ее окончания. Эта акция, связанная с желанием гитлеровцев придать войне характер битвы двух противостоящих идеологий, имела место, несмотря на то, что Советский Союз, уважая свои международные обязательства (Конвенция Красного Креста и Гаагская конвенция), не применял никаких репрессалий ни к одной категории немецких военнопленных. Нет никаких доказательств того, чтобы «русские убивали немецких офицеров или солдат, которые являлись членами нацистской партии и войск СС. Наоборот, как явствует из тогдашних немецких данных, Россия не предприняла никакой аналогичной идеологической акции против личного состава германского вермахта»².

Независимо от того, что советские военнопленные относились к категории пленных, заранее обретенных на гибель, для них умышленно были созданы такие условия существования, что в 1941—1942 годах они умирали, а точнее — массами умерщвлялись в олагах, дулагах (пересыльных лагерях), шталагах (лагерях для военнопленных рядового и сержантского состава) и «лазаретах» для военнопленных. Десятки тысяч их погибли по пути к этим лагерям в результате бесчеловечных условий транспортировки.

¹ Выражая «сомнения», будут ли русские выполнять это постановление, Канарис предупреждает, однако, об опасности, «что немецкие распоряжения попадут в руки вражеской пропаганды и будут последней противопоставлены русскому закону» («Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 105).

² «Процесс Манштейна», Речь английского прокурора, AGK, 375 б/з, с. 85.

Больных и раненых пленных не лечили; во многих случаях их добивали на поле боя или убивали в госпиталях вместе с врачами, медсестрами, санитарами и санитарками. Многие военнопленные были подвергнуты в лазаретах и концлагерях медицинским экспериментам, бесчеловечным по своим целям, не говоря уже о способе их проведения, обычно кончавшимся мучительной смертью, уничтожением в газовых камерах или расстрелом.

Вполне понятно, что создание таких условий, которые явились причиной гибели огромных масс пленных, — это отнюдь не случайное дело, а осуществление запланированной с холодным и варварским расчетом акции истребления, которая была одним из средств достижения преступных политических целей. Восточная Европа, вплоть до Урала, должна была стать «немецким жизненным пространством», с территории которого должны были исчезнуть (то есть должны быть истреблены) «расово чуждые» евреи, все участвующие в Сопротивлении и в первую очередь коммунисты. «Излишок» населения в виде 50 миллионов славян, в том числе около 16—20 миллионов поляков, предполагалось переселить в Сибирь.

Таков был в основном план Гиммлера, известный под наименованием «Генеральный восточный план рейхсфюрера СС», обнаруженный после войны в немецких документах¹. Поскольку фашистам не удалось осуществить «переселение в Сибирь», они проводили программу истребления.

На этот путь, который превратил германскую армию в армию преступников, солдат вермахта толкали приказы верховного главнокомандования, командующих армиями, командующих военными округами, комендантов лагерей для военнопленных, а равно и других начальников.

Наряду с письменными и устными приказами, непосредственно призывающими к убийству, издавались специальные дискриминационные распоряжения, требующие «строгого» обращения с советскими военнопленными. Конвой во время транспортировки, охранник в дулаге и шталаге вкладывали в эти формы «соответствующее» содержание.

Вступив однажды на путь преступления, вермахт шел по нему все дальше и дальше. Категории «нежелательных» военнопленных быстро расширяются, охватывая такие группы, как пленные женщины, неизлечимо больные пленные и инвалиды войны.

¹ См. D. E. Wetzel, *Stellungnahme und Gedanken zum Generalplan-Ost des Reichsführers SS*. В польском переводе см. «Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce», t. V, s. 209—242.

Нечеловеческие условия существования в плену использовались для оказания нацистами с целью принудить пленных к измене родине и переходу на службу к врагу — в специальные войсковые или полицейские части либо во внутрилагерную охрану, которая пользовалась дурной славой.

Процесс массового истребления, вероятно, был бы доведен до конца, если бы не внезапное отрезвление гитлеровцев, вызванное разгромом их под Москвой в декабре 1941 года. Перед ними возникла перспектива затяжной войны и необходимость втягивания в военные усилия третьего рейха миллионов иностранных рабочих, которых вдруг стало нехватать в опустевших (в результате истребления и вымирания от голода и болезней) дулагах и шталагах. Тогда был приведен в действие огромный и сложный аппарат принуждения, который путем массового угона населения с территории всей оккупированной Европы должен был восполнить нехватку немецкой рабочей силы, мобилизованной на фронт. В конце 1941 — начале 1942 года гитлеровцы уже стремились сохранить еще оставшихся в живых советских военнопленных, поскольку в результате изменения военной обстановки не в пользу третьего рейха на увеличение их численности рассчитывать не приходилось.

Но и по отношению к тем, которых нацисты хотели сохранить в живых как невольников, политика дискриминации применялась до конца войны. Советские военнопленные были лишены права требовать, чтобы их судил суд. Смертный приговор советскому военнопленному выносился приказом немецкого офицера (так называемая «особая подсудность в районе «Барбаросса»). Огромные массы военнопленных были изъяты из компетенции вермахта, переданы службе безопасности (СД) и брошены в концлагеря, где их ожидала быстрая смерть или муки медленного умирания.

По мере затягивания войны допущенное в отношении советских военнопленных нарушение законов и обычаях войны распространяется и на военнопленных других национальностей. Гитлеровцам казалось, что этим путем им удастся парализовать сопротивление противника и обеспечить себе военное превосходство. В эту кампанию была втянута армия, тесно взаимодействующая с СД под надзором и покровительством нацистской партии (НСДАП).

Еще в 1940 году гитлеровцы начали нарушать положения Женевской конвенции 1929 года о судопроизводстве также и в отношении французских военнопленных. На разбор судебных дел не допускались наблюдатели державы-покровительницы, не соблюдался установленный трехмесячный срок в случаях вынесения смертного приговора и т. д.

Рейды командос вызвали со стороны германского командования реакцию в форме преступного приказа о командос от 18 октября 1942 года, предусматривающего расстрел взятых в плен парашютистов и других солдат, выполняющих все функции комбатанта. Когда же усилилась эффективность воздушных налетов на Германию, ОКВ, по согласованию с СД, издало инструкцию, запрещающую солдатам вермахта вмешиваться в случае линчевания разъяренной толпой сбитых и спасшихся на парашюте летчиков союзных держав.

Выход Италии из фашистской коалиции осенью 1943 года вызвал со стороны третьего рейха противоречие международному праву преступные репрессии вплоть до расстрела вчерашних союзников по оси Берлин — Рим — Токио — итальянских офицеров, а равно и интернирование десятков тысяч итальянских офицеров и солдат в «генерал-губернаторство» (Польша), в оккупированные области Белоруссии и Украины, а затем и в Германию, где они были обречены на моральные и физические мучения, во многом напоминающие судьбу советских военнопленных.

Участвовавшие и принимавшие массовый характер побеги военнопленных повлекли за собой полный отход заправил третьего рейха от элементарных норм международных конвенций и массовые казни, жертвами которых пали военнопленные всех категорий, но в первую очередь польские (Дёссель). Пойманных беглецов не подвергали дисциплинарному взысканию, а передавали в руки СД и расстреливали в рамках так называемой «акции «Кугель» (акции «Пуля»).

Почти всех военнопленных — представителей государств, находившихся в состоянии войны с Германией, в широких масштабах принуждали к выполнению работ, непосредственно связанных с военным производством, усиливающим военный потенциал врага. Военнопленных заставляли также выполнять различные работы в прифронтовых районах либо опасные для жизни работы, как, например, обезвреживание мин, неразорвавшихся бомб, разминирование дорог, перевозка боеприпасов и т. д.

Советских, французских, польских и других военнопленных во многих случаях насилино оставляли в качестве «зажимников безопасности» в районах, подверженных воздушным налетам союзников, либо создавали из них «живое прикрытие» и гнали его впереди наступающих гитлеровских частей. Это глумление не только над международным правом, но и над патриотическими чувствами военнопленных — еще один показатель глубины той бездны, в которую скатились военные круги третьего рейха, под «опекой» которых находились военнопленные.

Нет такой нормы международного права, которая не была бы попрана Германией в годы второй мировой войны. Как же она дошла до этого?

Процесс этот не был неожиданным. Военнопленные, в соответствии с положениями международного права, находились во власти правительства, а точнее говоря — под надзором вооруженных сил противника, в руки которого они попали. Начиная с 1933 года на германский вермахт оказывался сильный политический нажим со стороны правящей национал-социалистской партии. С 1934 года верховным главнокомандующим вермахтом стал Гитлер. Этот факт не мог не оказать своего влияния как на образ мышления командиров, так и на методы воспитания немецкого солдата, хотя Гитлер и не произвел немедленной радикальной чистки и перемен в офицерском корпусе.

Все более сильное влияние на вермахт нацистская партия начинает оказывать с 4 февраля 1938 года, то есть с момента реорганизации военного руководства, ликвидации военного министерства и захвата Гитлером непосредственного командования вермахтом через назначенное им новое ОКВ во главе с послушным Гитлеру фельдмаршалом Кейтелем и генералом Иодлем, начальником самого ответственного отдела ОКВ — отдела стратегического планирования. Одновременно был уволен в отставку генерал Фриче (командующий сухопутными войсками), а вскоре и единственный офицер, имевший гражданское мужество говорить правду Гитлеру, — начальник генерального штаба генерал Бек. Все это устроило последние преграды на пути быстрого укрепления гитлеровского влияния в вермахте. «Человек № 2» гитлеровского третьего рейха, рейхсмаршал Геринг, лавирующий генерал Браухич, несколько замкнутый, но тем не менее верный адмирал Редер становятся во главе трех видов вооруженных сил. Эти люди были надежной опорой Гитлера в армии. Молниеносные, ошеломляющие политические «победы» нацистов, одержанные до 1 сентября 1939 года, а позже и временные военные успехи усиливают престиж Гитлера и НСДАП также и в армии. Созданный этими нацистскими главарями режим, основанный на терроре и провокациях, на бредовых расовых теориях и теории «нации господ», на неуважении к международному праву и извращенном его толковании, предопределил преступления вермахта в отношении военнопленных.

Конечно, для офицеров и солдат вермахта не прошли незамеченными ни пожар рейхстага, ни резня в нацистской партии («путч Рема»), ни преследования евреев и католической церкви, ни водворение коммунистов, социалистов, пацифистов и иных противников фашизма в концлагеря, ни

ряд других преступлений, оставшихся безнаказанными. Война только внешне ставит вермахт, находящийся на территории оккупированных стран, перед вопросом: уважать ли международное право или волю «фюрера» и НСДАП? Вопрос этот уже давно заранее был решен, и армия всегда избирает путь слепого повиновения своему «фюреру». Последний военный министр — а в свое время любимчик и падин Гитлера — фельдмаршал Бломберг писал: «Нельзя заглянуть людям в сердца. Но я не знаю ни одного случая, когда генералы твердо выступили бы против Гитлера или его национал-социалистской программы.

Если теперь [то есть после войны. — Ш. Д.] столько генералов оспаривают свои тогдашние позиции и утверждают, что они всегда были противниками Гитлера, то, видимо, им изменяет память; это процесс, возможно, продиктованный бессознательным стремлением умалить свою вину¹.

Офицеры вермахта стали на сторону Гитлера, были его помощниками и советниками уже в то время, когда в голове «фюрера» зрели планы захватов, несмотря на то, что они знали: это грозит войной, нарушением связывающих Германию международных договоров о недопущении агрессии (пакт Бриана — Келлога 1928 года). Они принимали участие в совещаниях, на которых Гитлер излагал планы агрессии и устанавливал противоречащие международному праву правила поведения по отношению к противнику.

Военные советники Гитлера не протестовали ни в ноябре 1937 года, когда «фюрер» впервые раскрыл план захватов, ни 22 августа 1939 года в Оберзальцберге, когда были сказаны слова о войне «на уничтожение» против Польши, ни 30 марта 1941 года, когда им недвусмысленно изложили «идею» истребления определенных категорий советских офицеров.

От этого молчаливого согласия на преступление до соучастия в самом преступлении путь был коротким. Поначалу это было участие в провокационном «нападении» на радиостанцию в Гливицах [Гляйвиц] (сигнал к нападению на Польшу и развязыванию второй мировой войны), проявление терпимости к «выходкам» отдельных лиц в отношении польских военнопленных во время сентябрьской кампании 1939 года, часто выражавшимся в садистских убийствах, а затем допущение дискриминации определенных категорий пленных, применяемой сначала только в отношении евреев, и позже — передача этих военнопленных в руки СД. Наконец, последовали развязывание «расового» разгула и травля

¹ Показания Бломберга от 26 февраля 1946 года, «Trial», v. XL, p. 406 (dok. Keitel-18).

всех пленных, а в случаях связи пленных с немками применение за эту «провинность» единственной меры наказания — смертной казни.

Вступив на путь попрания международного права, который заводил его все дальше, вермахт все чаще и чаще прибегает к отравленному оружию провокации, при помощи которого он хочет оправдать и обосновать преступную агрессию и преступные действия по отношению к армии и гражданскому населению противника. «Поводов» много: то Польша вызвала войну, «напав» на радиостанцию в Гливицах; то «агрессивные намерения» ближних и дальних соседей Германии «заставили» ее выступить с оружием в руках... Словом, вермахт обвиняет своих противников в использовании тех методов, которыми пользуется или которые собирается применить сам; за варварскую бомбежку Варшавы вину несет... Англия! Поляки якобы применяют в сентябре 1939 года ядовитые газы; французы будто бы убивают немецких летчиков, а англичане обстреливают потерпевших крушение на море и т. д. и т. п.

Не следует также забывать о том, что на глазах вермахта происходят отвратительные преступления, совершаемые против жизни, имущества и чести гражданского населения оккупированных стран. И если вермахт не всегда принимает непосредственное участие в этих преступлениях, то, во всяком случае, офицеры и солдаты вермахта знают о них и молчаливо соглашаются с ними. Эта позиция терпимости в отношении преступлений приводит к тому, что почти никто в руководстве вермахта не противится им, когда они непосредственно затрагивают армию. Все эти факторы становятся причиной того, что, когда фашистская Германия напала на Советский Союз и Гитлер провозгласил «тотальную», «идеологическую» войну, целью которой он поставил «уничтожение коммунизма и большевизма» всеми средствами, включая истребление «нежелательных» советских военнопленных, — вермахт не только не воспротивился преступлению, но разработал его принципы и детали.

Теперь уже и масштабы преступлений в отношении военнопленных становятся ужасающими. Десятки тысяч «нежелательных» пленных гибнут в концентрационных лагерях и вблизи лагерей для военнопленных, а сотни тысяч военнопленных умирают в дулагах, олагах и шталагах из-за нечеловеческих условий существования. ОКВ и Управление по делам военнопленных, давая свое согласие на сотрудничество с СД в деле истребления пленных, еще пытаются «сохранить лицо», обосновать преступления, сваливая вину на... сами жертвы! Советских политработников было решено физически уничтожить еще за три месяца до

нападения на СССР, поскольку утверждалось, что они якобы будут воевать не по-рыцарски, а с советскими военнопленными не обращались в соответствии с положениями Женевской конвенции 1929 года только потому, что Советский Союз не присоединился к ней!

Но нормы международного права нарушались гитлеровской Германией также и в отношении военнопленных других государств, а стало быть, и граждан государств — участников Женевской конвенции. В 1942 году выносится коллективный смертный приговор парашютистам и командос союзных государств, а еще через два года — такой же смертный приговор бежавшим и вновь схваченным военнопленным офицерам. Здесь даже не возникал юридический вопрос о том, следует ли соблюдать конвенцию. Она была подписана гитлеровской Германией, но, несмотря на это, попрана. И здесь мы тоже видим тесное сотрудничество вермахта с полицейским аппаратом Гиммлера при осуществлении данного преступления.

Так германское командование безоговорочно взаимодействовало с НСДАП и СД в отходе от международного права как обременительного балласта.

23 ноября 1939 года Гитлер поучал своих генералов, что хотя Германия заключила пакт о ненападении с Советским Союзом, но «соглашения нужно придерживаться только до тех пор, пока оно служит определенной цели»¹.

Презрение, которое испытывали Гитлер и главари НСДАП к международному праву, впитывали в себя и офицеры. Так, главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Редер писал Гитлеру 15 октября 1939 года: «Желательно проводить все принятые военные меры на базе существующего международного права. Однако меры, которые представляются необходимыми с военной точки зрения, должны быть проведены при условии, что они принесут желательный успех, даже если они не предусмотрены существующими нормами международного права»².

Эта казуистика означала, что в любом случае, если возникает конфликт между «военной необходимостью» и правом, право должно уступить и что международное право связывает гитлеровскую Германию до тех пор, пока оно отвечает ее интересам.

А вот другой пример такого жонглирования правом со стороны ОКВ.

¹ «23/XI 1939 12 Uhr. Besprechung beim Führer zu der alle Befehlshaber befohlen sind», «Trial», 789-PS, v. XXVI, p. 327—338.

² «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 840.

4 января 1944 года немецкая контрразведка обращается к ОКВ с жалобой, что по делам расстрелянных командос не получено никаких материалов, которые свидетельствовали бы о том, что командос нарушили международное право. На это Кейтель ответил:

«Речь идет не о том, чтобы с помощью документов доказывать нарушения международного права, а о том, чтобы подготовить пропагандистский материал для показательного процесса»¹.

Применение столь циничных принципов в обращении с военнопленными стало возможно благодаря «совместному хозяйственнику» в этой области наряду с вермахтом как НСДАП, так и СД. Ни одно важное решение по делам военнопленных не могло быть принято, пока оно не получило санкции НСДАП и согласия СД на взаимодействие.

Все важнейшие приказы ОКВ, его Общего управления (АВА) и Управления по делам военнопленных, касающиеся обращения с военнопленными, особенно максимального использования их труда в военной экономике третьего рейха, пересыпались не только в партийную канцелярию НСДАП для сведения, но также и гауляйтерам, крейслайтерам и другим нацистским руководителям. Так было, например, в случае с приказом Управления по делам военнопленных от 29 января 1943 года «Об охране военнопленных»². Иногда в самом приказе содержалась оговорка, поручающая военным властям сообщить содержание данного приказа местным партийным организациям НСДАП. Так, например, адресованный комендантом лагерей для военнопленных приказ генерала Гревенитца (от 26 октября 1943 года) по вопросу о повышении производительности труда военнопленных и применении против них оружия в случае оказания пассивного сопротивления содержит такое указание: «Прошу информировать организации НСДАП об этой нашей позиции...»³.

В других подобных случаях приказы военного командования упоминают о позиции, занятой в определенных вопросах НСДАП, что является исходным пунктом для отдачи соответствующих распоряжений. В особенности это характерно для упомянутого выше приказа Управления по делам военнопленных, в котором говорится: «В военных и партийных кругах часто высказывается мнение, что положения Женевской конвенции 1929 года, касающиеся наказания (плен-

¹ «Trial», 057-UK, v. XXXIX, p. 121 («Gegenaktion Charkow» — «акция в противовес харьковскому процессу»). В освобожденном Харькове состоялся один из первых процессов над гитлеровскими военными преступниками.

² «Trial», 656-PS, v. XXVI, p. 203—206.

³ 226-PS.

ных), являются недостаточными». Число таких примеров можно увеличить.

НСДАП в данном конкретном случае выполняет роль не только контролирующей и санкционирующей инстанции: во многих случаях гитлеровская партия является инициатором и ускорителем — причем всегда с успехом — определенных мероприятий. Это стало возможным благодаря исключительному положению гитлеровской партии в третьем рейхе, а также благодаря тому, что во главе этой партии стоял Гитлер, покрывавший все действия своих заместителей, фактических руководителей партии — Гесса, а позже Бормана — в этой области. В свою очередь они отдают ряд распоряжений, касающихся военнопленных, разумеется, по согласованию с ОКВ, АВА или Управлением по делам военнопленных¹.

Так, например, в марте 1940 года Гесс издает инструкцию партийным функционерам НСДАП об аресте или «обезвреживании» парашютистов противника. В сентябре 1941 года пиркуляр Бормана знакомит гаулейтеров и крейслейтеров с основным преступным приказом ОКВ от 8 сентября 1941 года об обращении с советскими военнопленными и о функциях оперативных отрядов полиции безопасности и СД в лагерях для военнопленных по отбору и ликвидации «нежелательных» военнопленных. Тот же Борман распоряжением от 5 ноября 1941 года запретил устраивать «приличные» похороны советских военнопленных. 25 ноября 1941 года он потребовал от гаулейтеров, чтобы они докладывали о всех случаях мягкого обращения с пленными. 13 сентября 1941 года Борман предписывает рейхслейтерам, гаулейтерам и крейслейтерам установить тесный контакт с комендантами лагерей для военнопленных с целью наиболее интенсивного использования труда военнопленных «в соответствии с политическими и экономическими требованиями».

30 сентября 1944 года Борман подписал распоряжение о передаче военнопленных через вермахт в компетенцию Гиммлера и СС и распоряжение об использовании труда военнопленных (на основе соглашения между новым начальником Управления по делам военнопленных обергруппенфюрером СС Бергером, начальником Главного административно-хозяйственного управления СС (ВФХА) обергруппенфюрером СС Полем, а также соответствующими управлениями по использованию рабочей силы).

Но перечень этот далеко не исчерпывает всех случаев непосредственного вмешательства НСДАП в дела военно-

¹ См. документы 1519-PS, D-163, L-154 и др., а также приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге («Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 376) и приговор PN-4, sten., s. 7977.

пленных. Несомненно, НСДАП стояла за всеми преступлениями, за всеми важнейшими действиями, связанными с нарушением международных обязательств Германии.

Генерал Вестгоф, начальник общего отдела в Управлении по делам военнопленных, утверждал, что дела военнопленных скорее подлежали контролю НСДАП, чем ОКВ. Так, например, он вынужден был каждый приказ представлять в партийную канцелярию НСДАП, которая и решала вопрос о его окончательной редакции¹.

По словам Вестгофа, сколько он ни жаловался на то, что та или иная акция, связанная с военнопленными, противоречила Женевской конвенции 1929 года, на его жалобу следовал стереотипный ответ партийной канцелярии: «Конвенция является клочком бумаги, который нас не интересует»².

В другом случае, во время совещания в партийной канцелярии, Фридрих (заместитель Бормана) сказал, что Женевская конвенция «не имеет значения»³.

Таким образом, Управление по делам военнопленных было послушным орудием НСДАП.

Наряду с НСДАП другим столпом, на который опиралось командование вермахта при осуществлении своих преступных планов, в частности в отношении военнопленных, был аппарат германской службы безопасности. Если до 1 сентября 1939 года [дата нападения на Польшу. — Ред.] полицейский диктатор третьего рейха рейхсфюрер СС Гиммлер еще не удостоился чести сблизиться с генералами, по традиции ревниво оберегавшими свои привилегии и обособленность, то с началом второй мировой войны, особенно после нападения на Советский Союз 22 июня 1941 года, положение изменилось. Общие цели, а равно и единая платформа и отношение к «внутреннему врагу» как в самой Германии, так и в оккупированных странах (угрожающему безопасности тылов немецких войск и германским владениям) приводят к все более тесной связи обоих партнеров при подавлении сопротивления на оккупированных территориях. Не подлежит сомнению, что это «сотрудничество на высшем уровне»: Кейтель — Гиммлер или Рейнеке — Гейдрих (позднее Кальтенбруннер) или очень часто выступающий в их отсутствие начальник IV отдела РСХА (гестапо) Мюллер, а также взаимодействие на «периферии» (то есть в оккупированных странах) между военной администрацией (командованием тыла групп армий и отдельных армий) и местными органами

¹ «Trial», v. XI, p. 165 (показания Вестгофа).

² «The Interrogation of Major General Westhoff, former Chief of POW Affairs», Document CSDIC (UK) J. R. G. G. 315 C. UNWCC (Research Office). Summary of Information № 37, VIII/1945.

³ Ibid.

безопасности (например, высшими начальниками СС и полиции в данном районе) должны были оказать свое влияние на применяемые вермахтом методы действий. И вермахт все более скатывался до уровня СД. Последняя имела за собой период легких «побед» над политическими противниками гитлеризма в Германии, достигнутых при помощи самых грубых и бесчеловечных методов. В кругах СД господствовало мнение, что применение этих же методов приведет к полному «усмирению» оккупированных стран. С некоторыми проволочками и известным противодействием, особенно в начальный период войны¹, вермахт поддерживает эти методы и сам участвует в их применении. Шаг вперед в этом «сотрудничестве» был сделан с момента принятия решения об «отборе» для уничтожения десятков тысяч рабово и политически «нежелательных» советских военнопленных (замысел, раскрытый Гитлером 30 марта 1941 года и осуществлявшийся со дня нападения на Советский Союз и до конца войны). Осуществление этой цели — поначалу совместное, а затем почти полностью предоставленное СД, но требующее полного взаимодействия с ней войсковых частей, которые брали солдат противника в плен и несли охрану в лагерях, — в значительной степени сделало вермахт зависимым от аппарата службы безопасности. С этого момента распространение методов зверского обращения на другие категории военнопленных, в том числе и западных, становится уже только вопросом времени: в каждом случае подобного нарушения международного права надежным партнером вермахта остается СД. А принцип таков: где только это возможно, вермахт избегает непосредственно участвовать в убийстве военнопленных — для этого имеются исполнители в лице полицейского аппарата (СС, СД, гестапо и т. д.). Таких подлежащих уничтожению военнопленных «передавали» СД после предварительного «освобождения из плена», то есть исключения из списков военнопленных. Таким образом, формальности были полностью «соблюдены»: СД убивала уже не военнопленного, а лишь «гражданское лицо».

После второй мировой войны высшие и низшие чины СС и СД пытались оправдаться, выпячивая ханжескую роль вчерашних своих компаньонов. Например, заместитель коменданта концлагеря в Штуттгофе, некий Мейер, защищался перед польским судом в Гданьске — по обвинению в массовых убийствах военнопленных в этом лагере — тем, что убитые «уже не были военнопленными, а обычными преступни-

¹ Генерал Улекс (польское «генерал-губернаторство») в своем известном «Спальском рапорте» жалуется на жестокости, допускаемые СС в отношении гражданского населения Польши; AGK.

ками, ибо были освобождены из лагеря для военнопленных и переданы в распоряжение гестапо»¹.

Благодаря зависимости вермахта от исполнителей его преступной политики в отношении военнопленных чувство превосходства у презираемых ранее полицейских и агентов гестапо явно возрастает. Это выражается в определенной конфиденциальности и покровительственном характере приказов СД.

В приложении № 1 к пресловутому приказу по частям СД № 8 от 17 июля 1941 года Гейдрих разъясняет цели предпринятого полицией безопасности совместно с ОКВ «отбора нежелательных»: «Вермахт должен немедленно освободиться от тех элементов из числа военнопленных, которых следует считать ведущей большевистской силой»².

Нет, пожалуй, такого приказа начальника полиции безопасности и СД, касающегося истребления военнопленных или несовместимого с международным правом обращения с ними, в котором не было бы упоминания, что он разработан ОКВ при полном согласии СД или издан после согласования с ОКВ. В то же время это обстоятельство тщательно обходится в большинстве приказов ОКВ, которое, видимо, не очень-то гордилось партнером по грязной работе и упоминает о нем только в списках рассылки данного приказа.

Так, списки рассылки важнейших приказов ОКВ или ОКХ (главного командования сухопутных войск) содержат лишь такие инстанции, как рейхсфюрер СС, начальник полиции безопасности и СД и т. д. Высшие же офицеры СС и полиции извещаются армиями, в районе расположения которых они находятся.

В списках рассылки приказов ОКВ об уничтожении политработников, «нежелательных пленных», парашютистов, командос, бежавших пленных и т. д. указываются также и полицейские инстанции.

СД находится в курсе дел и знает, какое «противодействие» существует среди штабистов в отношении полиции и той роли, какая ей предназначена, и порой... не подчиняется!

После того как начальник Управления по делам военнопленных генерал Рейнеке 20 декабря 1941 года отдал приказ, запрещающий солдатам вермахта вешать приговоренных к смерти советских военнопленных, и рекомендовал передавать их для этой цели в руки гестапо, начальник полиции безопасности и СД, в свою очередь, 13 февраля 1942 года запретил приводить в исполнение такие приговоры руками со-

¹ Приговор по делу Теодора Мейера; AGK.

² PN-12, NO-3414, dok. prok., t. XV, s. 176.

трудников гестапо или СД (569-D). Это отнюдь не означало, что военнопленным сохранялась жизнь. Палач всегда найдется: его находили даже среди заключенных.

И еще не раз во время совещаний «на высшем уровне» СД «боролась» за то, чтобы не быть «палачом на службе вермахта». Так было, когда вермахт хотел передать СД «неизлечимо больных и нежизнеспособных» советских военнопленных с целью их ликвидации в концлагерях. Начальник IV отдела (гестапо) Главного имперского управления безопасности Мюллер запретил тогда своим подчиненным, занятым «отбором» военнопленных в лагерях, принимать к транспортировке «полуживых» пленных, которые умерли бы по пути от железнодорожной станции к концлагерю. Последний такой случай мы отмечаем в 1944 году, когда начальник Главного имперского управления безопасности Кальтенбруннер деликатно обратил внимание вермахта на то, что последний должен своими средствами «ликвидировать» захваченных армией парашютистов, а не «подбрасывать их» СД¹.

Тем не менее СД не слишком сопротивлялась и делала свое «дело». Но недовольство профессиональных убийц против стремящихся сохранить хотя бы видимость «невиновности» штабистов весьма знаменательно. Одним из наиболее ярких, а вместе с тем и наиболее позорных проявлений этого тесного, а часто и «сердечного» сотрудничества является полная поддержка, оказанная вермахтом одной из наиболее преступных организаций, какие только знала история, так называемым «оперативным группам СД», на «совести» которых миллионы человеческих жертв на всем пространстве между Одером и Волгой.

Под конец войны это «сотрудничество» затронуло даже и чисто тактические вопросы, где необходим был «опыт» СД.

Так, например, при отступлении из Северной Норвегии в октябре — ноябре 1944 года был создан военно-эвакуационный штаб, в состав которого вошелoberштурмбанфюрер СС Нейман в качестве уполномоченного имперского комиссара оккупированных норвежских областей².

Приказом ОКВ от 30 октября 1944 года части вермахта, дислоцированные в Дании и Норвегии и несущие охрану доков, передаются под командование СД³.

¹ См. документы 2542-PS, NO-3424, 1165-PS. Подробнее — в последующих главах.

² Приказ по 20-й армии от 29/X 1944 (командующий генерал-полковник Рендулич) об эвакуации Северной Норвегии, PN-7, NOKW-086, sten., s. 2526.

³ «Betr: Sabotage in Norwegen und Dänemark», «Trial», C-48, v. XXXIV, p. 248—249.

В обоих случаях речь идет не о фронтовых войсках СС, а лишь об эсэсовцах из аппарата службы безопасности в тылах. Влияние СД в силу ее исполнительских функций и соучастия в преступлениях, совершаемых «по поручению» вермахта, одновременно повышало акции Гиммлера и значение всего аппарата службы безопасности в ее собственных глазах и... в глазах вермахта! Этот рост влияния отмечен с начала войны, и он усиливался в ходе ее, особенно к концу, когда Геринг — «человек № 2» гитлеровской Германии — окончательно уступил место Гиммлеру.

О том, что в высших кругах вермахта понимали, с каким партнером они взаимодействуют в осуществлении политики третьего рейха в отношении военнопленных, свидетельствует следующий факт. В 1942 году в связи с планируемым убийством бежавшего французского генерала Жиро, выполнение которого было сначала поручено контрразведке, среди сотрудников этой организации циркулировало «классическое высказывание» полковника Пикенброка, начальника одного из отделов службы контрразведки: «Следовало бы еще раз ясно сказать г-ну Кейтелью, чтобы он доложил своему г-ну Гитлеру, что мы, то есть военная контрразведка, не являемся организацией убийц, как СД или СС»¹.

К такой формулировке добавить нечего. Следует лишь заметить, что до того, как служба разведки и контрразведки была целиком и полностью поглощена аппаратом СД (1944 год), и прежде, чем ее начальник Канарис сам пал ее жертвой (убит в 1945 году), существовало самое тесное сотрудничество разведки и контрразведки с СД независимо от личных антипатий Канариса и его подчиненных к этой организации убийц. Этую антипатию сглаживали совместная лояльная работа ради победы третьего рейха, боязнь за собственную шкуру и трепет всех военных органов, включая службу разведки и контрразведки перед всемогущим аппаратом СД.

Масштабы влияния и значения СД в армии, которые достигли своего кульмиационного пункта в последний период войны, иллюстрирует один факт, который имел место в ее начале. Так, после капитуляции в 1939 году крепости Модлин (Польша) СД вопреки условиям капитуляции арестовала офицеров гарнизона и вывезла их в концентрационные лагеря. Когда письменный протест в связи с тем, что немцы не выполнили условий модлинской капитуляции, — подписанный в Кольдице генералами Томмэ (командующий обороной), Цехаком, Малаховским и Бонча-Уздовским, — остался без ответа, генерал Томмэ заявил устный протест. В присут-

¹ K. H. Abshagen, Canaris, Stuttgart, 1949, S. 293—294.

ствии свиты одного из генералов вермахта, инспектировавшего оффлаг, где находились офицеры из Модлина, он спросил гитлеровца: «Почему не сдержали солдатского слова, данного немецкими генералами [Штраусом — командиром II корпуса, осаждавшего Модлин, и Беме — генерал-квартирмейстером корпуса. — Ш. Д.] на поле боя?» На это Томмэ получил ответ: «Господин генерал неправ, немецкие генералы дали вам солдатское слово и сдержали его. Вы и весь мужественный гарнизон Модлина были освобождены. А если вас арестовала полиция и она держит вас как узника¹, то вы должны понять, что полиция и политика стоят над армией»².

Это дело — одно из многих, иллюстрирующих связь и взаимодействие вермахта с НСДАП и СС и его соучастие в преступлениях в отношении военнопленных.

Результатом этой связи и сотрудничества были единство и согласованность поведения всех трех столпов третьего рейха. В период войны 1939—1945 годов, когда наибольшая ответственность за существование гитлеровского государства легла на плечи вермахта, эта опора нацистского режима оказалась вполне достойной доверия, сражаясь и защищая гитлеризм до конца, а в выборе средств борьбы вермахт не стеснялся ограничениями, налагаемыми международным правом. Именно от ОКВ и его штаба оперативного руководства вермахта исходили директивы и приказы, которые обеспечивали гитлеровскому командованию и всему вермахту прочное место в истории крупнейших преступлений, какие только знало человечество.

«Это кровавые документы», — сказал Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко о приказах гитлеровского фельдмаршала Кейтеля³.

Да, на них кровь миллионов жертв, в том числе многих военнопленных, убитых и замученных на основании этих приказов.

¹ Кольдиц был оффлагом, подчиненным исключительно армии.

² Отчет генерала Томмэ, командующего обороной Модлина. AGK — Akta Rundstedta, т. II, с. 287—288 (расследование по делу Рундштедта, Манштейна и Штрауса).

³ «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 221.

Структура немецко-фашистского аппарата по делам военнопленных

Тайное вооружение Германии, проводившееся еще в период Веймарской республики, особенно усилилось с приходом к власти Гитлера и его клики. В скором времени Гитлер открыто создал в Германии одну из самых мощных военных машин, какие знала история. Целью этого форсированного вооружения с самого начала было создание такого военного механизма, который мог бы путем военной агрессии осуществить бредовые планы овладения Европой, а затем и всем миром. Когда в ноябре 1937 года Гитлер впервые решился на то, чтобы в кругу ближайших военных сотрудников частично раскрыть свои намерения, процесс создания военной машины был уже близок к завершению. В детально разработанных планах не были забыты даже такие вопросы, связанные с агрессией, как организация аппарата по делам военнопленных. Речь шла о создании учреждения, которое занималось бы всеми вопросами приема от действующих армий, а также содержания и использования военнопленных в будущей войне. К началу 1939 года такой аппарат в основном был создан, и в ходе войны в нем были произведены лишь незначительные изменения. Такие вопросы, как, например, строительство лагерей для военнопленных, их дислокация и размеры, еще до войны были предметом обсуждения между военными инстанциями (ОКВ) и экономическими учреждениями третьего рейха (генеральный уполномоченный по вопросам военной экономики), причем эти последние, отстаивая интересы военной экономики, с первых же дней подчеркивали необходимость максимального использования военнопленных в качестве рабочей силы. В итоге система содержания военнопленных в лагерях была организована с учетом именно этой цели.

Таким образом, делами военнопленных в третьем рейхе в период второй мировой войны занимался аппарат,

находившийся под надзором и входивший в сферу компетенции высших военных властей. Все вопросы, включая управление лагерями для военнопленных, находящимися на территории Германии в ее довоенных границах, а также и во всей оккупированной Европе, подлежали компетенции:

а) Главного командования сухопутных войск (ОКХ) — на территориях, включавших оперативные районы, то есть зону военных действий вместе с прилегающей к ней тыловой зоной.

б) Верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ) — на всех остальных территориях, то есть на территории третьего рейха, польского «генерал-губернаторства» «имперских комиссариатов» на Востоке («Украина», «Остланд»), в Норвегии, Бельгии, оккупированной части Франции и т. д.

В течение всей войны происходило перемещение огромных масс военнопленных из оперативных районов, подчиненных ОКХ, в глубокий тыл, подчиненный ОКВ. Прием военнопленных аппаратом ОКВ от представителей аппарата ОКХ происходил в пересыльных (этапных) лагерях, так называемых дулагах, откуда военнопленных направляли в постоянно действующие лагеря для рядового и сержантского состава, так называемые шталаги, и для офицеров, так называемые олаги¹.

АППАРАТ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ОПЕРАТИВНЫХ РАЙОНАХ

После взятия солдат противника в плен (на поле боя) их разоружали, офицеров отделяли от остальных, а затем направляли на дивизионные или корпусные сборные пункты. Контроль и надзор за этими сборными пунктами осуществляли полевая жандармерия и охранные батальоны.

Во время транспортировки военнопленных конвоировала охрана, состоявшая из группы велосипедистов полевой жандармерии, запасных батальонов, или же в случае необходимости конвой, выделенный фронтовыми частями. Со сборных пунктов военнопленных направляли в дулаги, где их принимали органы ОКВ.

Схема эта применялась гитлеровцами на всех театрах войны начиная с 1 сентября 1939 года и вплоть до нападе-

¹ В сентябре 1941 года ОКВ запретило упоминать во всех официальных документах сокращения вроде «шталаг» («Stalag») или «оффлаг» («Oflag»). В официальной переписке или на ориентировочных таблицах писалось «M.-Stammlager», «Offizierslager» и т. д.

ния на СССР, когда «стабилизация» войны, то есть провал «блицкрига», с одной стороны, и полный отход от норм международного права — с другой, повлекли за собой весьма существенную реорганизацию системы содержания пленных в оперативных районах. Огромные пространства на Востоке, большие массы дислоцированных там германских войск, испытывающих острую нехватку рабочей силы, а также множество иных проблем, которые прежде не существовали, — все это требовало нового подхода. Так, например, нехватка рабочей силы была ликвидирована вопреки международному праву путем использования в оперативных районах и даже в зоне боевых действий (нередко под обстрелом) больших масс военнопленных (строительство оборонительных сооружений, дорог и железнодорожных путей, подвоз боеприпасов и т. д.).

В связи с этим перед гитлеровцами встала необходимость расширить сеть лагерей военнопленных в оперативных районах и создать специальные группы военной администрации для управления этими лагерями. И вот наряду со сборными пунктами и дулагами в оперативных районах на Востоке возникли шталаги и олаги. Но эти последние имели очень мало общего с олагами для военнопленных офицеров других государств. Это были лагеря для военнопленных (на правах шталагов), где пленные советские офицеры, лишенные каких-либо прав, вытекающих из положений международных конвенций (запрещение принуждать к труду и т. д.), находились под строжайшим надзором и в невыносимых условиях. Так, например, в марте 1942 года в «округе для военнопленных С» (см. ниже) находились дулаги № 320 (Луга) и № 100 (Порхов), шталаги № 332 (Вильянди) и XXI (Тапа), олаг № VI (Псков) и т. д. На территории группы армий «Центр» функционировали постоянные лагеря для военнопленных в Витебске, Вязьме и других местах.

Советские военнопленные, размещенные в оперативных районах, подлежали компетенции командования армии (главного квартирмейстера армии), действующей на данной территории. Предположительно в середине 1942 года были созданы специальные управления; в их руках и были сосредоточены все основные вопросы быта военнопленных. Эти управления охватывали своей деятельностью большие территории. Компетенция управления «начальника военнопленных» в оперативном районе распространялась на всю территорию действий группы армий¹. Так, например, в рамках группы армий «Север» в 1942—1944 годах действовал

¹ В начальный период войны на Востоке действовали следующие группы армий: «Север», «Центр» и «Юг».

«начальник военнопленных» в оперативном районе № 4 генерал-майор Дробниг, которому подчинялось 14—16 лагерей для военнопленных. Эти лагеря охранялись 3 тысячами солдат из лагерной охраны. Вопросы снабжения, подсудности (судо-производства) и использования труда военнопленных подлежали компетенции командующих армиями (квартирмейстеров) или же начальников тыловых районов армий или начальников тыла группы армий. «Начальников военнопленных» назначал генерал-квартирмейстер ОКХ, которому они непосредственно подчинялись. Генерал-квартирмейстер ОКХ генерал Вагнер в свою очередь был подчинен главнокомандующему сухопутных войск. Иначе говоря, он отвечал за весь комплекс вопросов, касавшихся военнопленных на Востоке, вместе с командующими группами армий и армиями, осуществлявшими контроль за содержанием военнопленных в районе действий своих войск через подчиненных им начальников тыловых районов, оберквартирмейстеров и квартирмейстеров. Эти последние, несмотря на то, что они непосредственно были ответственны перед своим командиром, поддерживали также самую тесную связь с генерал-квартирмейстером ОКХ¹.

В то время как в ведение «начальника военнопленных» в оперативном районе входил район действия группы армий, вопросами военнопленных в масштабе армий занимались окружные коменданты по делам военнопленных, действовавшие уже с 1941 года. Им были подчинены лагеря для военнопленных, организованные в районах действия одной или двух армий.

Таким образом, организация аппарата по делам военнопленных в оперативном районе с точки зрения подчиненности выглядела следующим образом:

- а) верховный главнокомандующий вермахтом (Гитлер),
- б) главнокомандующий сухопутными войсками (Браухич, а после его отставки — Гитлер),
- в) генерал-квартирмейстер ОКХ (Вагнер),
- г) командующие группами армий, командующие армиями и их начальники тылов, «начальники военнопленных» в оперативном районе, окружные коменданты по делам военнопленных и, наконец, коменданты лагерей для военнопленных.

Поименованные в пункте «г» инстанции были ответственны прежде всего за судьбы военнопленных в оперативных

¹ В вермахте функция генерал-квартирмейстера соответствовала должности заместителя начальника генерального штаба сухопутных войск по оперативным вопросам.

районах. Это они были исполнителями зверской политики в отношении военнопленных, запланированной в высших сферах третьего рейха, политики, следствием которой была трагическая смерть массы советских военнопленных в первый период войны.

АППАРАТ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СИСТЕМЕ ОКВ

За исключением оперативного района на Востоке, все вопросы, касавшиеся военнопленных, в том числе широко разветвленная сеть лагерей для военнопленных на территории оккупированной Европы, подлежали компетенции ОКВ, в частности Управления по делам военнопленных. Это управление являлось составной частью одного из основных звеньев ОКВ, так называемого АВА.

Верховное главнокомандование вооруженных сил распалось на ряд главных управлений, как-то: штаб оперативного руководства вермахта (начальник — генерал-полковник Иодль, его заместитель — генерал артиллерии Варлимонт), военно-юридический отдел, Управление кадров, так называемое Общее управление (АВА) и многие другие. После ликвидации (в феврале 1938 года) военного министерства большинство его функций перешло к АВА, действовавшему в рамках созданного к тому времени ОКВ. В свою очередь АВА делилось на три группы с семью отделами и три самостоятельных отдела вместе с многочисленными подчиненными им учреждениями. Это были: I группа — инспектораты (снабжение, обучение, дела инвалидов), II группа — административно-хозяйственный отдел (финансовые вопросы и т. д.). Делами военнопленных занималась III группа. В состав АВА входило также бюро «чиновника по специальным поручениям» Пассе. Это был пункт связи между ОКВ и партийной канцелярией НСДАП; этим путем нацистская партия оказывала свое всесильное и губительное влияние, в частности, и на политику ОКВ в отношении военнопленных.

Начальником АВА и непосредственным шефом начальника Управления по делам военнопленных в течение всей войны был генерал Рейнеке. Он подчинялся непосредственно начальнику главного штаба вермахта (ОКВ). О том, каков был этот непосредственный «опекун» военнопленных, свидетельствует тот факт, что в конце декабря 1943 года его назначили также и «шефом национал-социалистского руководящего штаба в ОКВ», то есть организации, целью которой было воспитание солдат вермахта в чисто нацистском духе. Он был также награжден золотым партийным значком НСДАП. Начальником штаба генерала Рейнеке был

генерал-майор Линде, с 1 февраля 1944 года выполнявший еще и функции заместителя начальника АВА.

Из недр АВА вышло большинство директив и приказов, касающихся военнопленных. Перед опубликованием этих документов проводились специальные консультации с заинтересованными министерствами и главными учреждениями третьего рейха. Каждая директива непременно проходила через партийную канцелярию (при посредничестве Пассе), которая оказывала свое влияние на их окончательную формулировку. Многие директивы подписал сам начальник ОКВ (Кейтель) либо они были изданы от его имени. В таких случаях на заголовке директивы (или приказа) ставился штамп «ОКВ/АВА», а возле подписи «Рейнеке» — пометка: «По уполномочию начальника ОКВ». Ряд директив начальник АВА издал совершенно самостоятельно; в их разработке особенно важную роль сыграл генерал Вестгоф из Управления по делам военнопленных.

В АВА под председательством Рейнеке проходили многочисленные совещания с участием представителей ведомства Гиммлера, военной разведки и контрразведки (шеф — адмирал Канарис) и других органов по вопросам, касающимся основных положений политики в отношении военнопленных. Рейнеке также организовывал периодические совещания «начальников военнопленных».

Летом 1943 года было создано Управление генерального инспектора по делам военнопленных. Во главе этого управления был поставлен генерал Реттиг. Это новое учреждение занималось вопросами предотвращения побегов военнопленных и координацией мер, направленных на максимальное использование их труда. Компетенция управления распространялась также и на оперативные районы. Генеральный инспектор подчинялся непосредственно начальнику ОКВ; инспектора лагерей для военнопленных были подчинены непосредственно начальнику АВА.

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Управление по делам военнопленных состояло из двух отделов: общего и организационного. В отдельных секторах общего отдела были сосредоточены технические вопросы, переписка с министерством иностранных дел и учреждениями (держав-покровительниц), осуществляющими покровительство над военнопленными в немецком плену¹, вопросы

¹ Например, покровительство над американскими и британскими пленными осуществлял представитель Швейцарии, над польскими и югославскими пленными — Международный комитет Красного Креста. Вся переписка держав-покровительниц с пленными шла по линии: министерство

размещения военнопленных, снабжения, оплаты и другие бытовые вопросы военнопленных, переписка с Международным Красным Крестом и почта военнопленных, отпуска, освобождение и обмен пленных. Организационный отдел занимался планированием, учетом (статистикой), надзором, личными делами «начальников военнопленных» при военных округах, а также комендантов лагерей и их заместителей. Кроме того, к компетенции этого отдела относились вопросы транспорта, распределения на работы, оборудования лагерей и дела о побегах военнопленных.

Начальниками Управления по делам военнопленных были поочередно: подполковник Брейер (1939—1941), генерал Гривенитц (1942—1/IV 1944), генерал Вестгоф (1/IV 1944—1/X 1944) и, наконец, обергруппенфюрер СС Бергер (с 1/X 1944 и до конца войны). Начальником общего отдела Управления по делам военнопленных был генерал Вестгоф, а после него — полковник Ремонд. Заместителем Вестгофа был подполковник Крафт. Начальником организационного отдела был полковник Вильрода. После ухода с поста начальника Управления по делам военнопленных генерал Вестгоф занял пост инспектора по делам военнопленных.

Управление по делам военнопленных руководило лагерями через командование военных округов. Таких округов насчитывалось 21, и они охватывали не только территорию довоенной Германии, но и оккупированные страны. В штабе каждого командующего военным округом состоял высший офицер — обычно в звании генерал-майора, — в ведении которого находились дела военнопленных в данном округе. Это был так называемый «начальник военнопленных». Среди нескольких офицеров, составлявших его штаб (или бюро), к наиболее влиятельным относился офицер, осуществлявший надзор за использованием труда военнопленных.

ЛАГЕРЯ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Власть в лагерях для военнопленных (оффлаги, шталаги) осуществлял комендант лагеря (как правило, в звании полковника). Ему помогал заместитель (чаще всего в звании подполковника). Одним из ближайших сотрудников коменданта был офицер контрразведки (обычно в звании капитана или обер-лейтенанта). В руках этого офицера были сосредо-

иностранных дел в Берлине — ОКВ/АВА — коменданты лагерей. Каждый визит представителей держав-покровительниц в лагерь требовал предварительного согласия ОКВ. Разумеется, гитлеровцы всячески тормозили и затрудняли деятельность держав-покровительниц.

точены все вопросы полицейского и политического характера (изучение настроений военнопленных, подавление подпольного движения Сопротивления и нелегальных боевых организаций военнопленных, предотвращение восстаний, побегов и т. д.). Свое задание офицер контрразведки выполнял путем перлюстрации писем военнопленных, просмотра почтовых посылок (если таковые доходили до лагеря), внезапных повальных обысков, а кроме того, путем создания сети доносчиков из числа пленных и т. д. Учитывая интересы безопасности, гитлеровцы, как правило, создавали лагеря только для одной национальности и избегали «смешивания» военнопленных.

Охрану в лагере, как правило, несли регулярные части вермахта, состоявшие преимущественно из призывников старшего возраста. Это были так называемые отдельные батальоны ландвера. Охрану подвергали специальной идеологической обработке, стараясь привить ей жестокость и враждебное отношение к пленным. Начиная с 1944 года в ряде лагерей для военнопленных охрану стали нести также и части СА.

Использование военнопленных рядового состава мелкими группами и рабочими командами, особенно на сельскохозяйственных работах и в мелких предприятиях, а также нехватка достаточного числа охранников вынудили Управление по делам военнопленных во многих местах заменить солдат гражданскими лицами — так называемой вспомогательной охраной. Обычно это были лица, работавшие вместе с пленными, например бригадиры или крестьяне, у которых работали пленные. Общая численность «вспомогательной охраны» составляла около 400 тысяч человек. Они носили желтые нарукавные повязки и были вооружены полицейскими дубинками. В части выполнения своих функций они подпадали под военную юрисдикцию. Их отношение к военнопленным, особенно к советским людям, зачастую оставляло желать много лучшего.

Лагеря для военнопленных на территории третьего рейха обозначались римскими цифрами, совпадавшими с цифровым обозначением соответствующего военного округа, большой буквой латинского алфавита и названием данной местности. К примеру, цифра VII означала мюнхенский (баварский) военный округ. Все олаги и шталаги, находившиеся на территории этого округа, обозначались следующим образом: «шталаг VIIA, Мосбург» или «оффлаг VIIA, Мурнау» и т. д. Обозначение шталагов и олагов арабскими цифрами имело место преимущественно на оккупированных территориях (скажем, «шталаг 307, Демблин»).

Ниже приводится перечень лагерей для военнопленных на территории третьего рейха и в районах, насильственно включенных в его состав¹.

I военный округ, Кёнигсберг (Ольштын)

Шталаги: IA, Стаблак; IB, Ольштынек [Хоэнштайн]; IF, Сувалки; 373, Простки; 331, Туросль [Фишборн].

Офлаги²: 63, Прёкульс; 53, Хайдекруг; 60, Ширвинд; 52, Шютценорт (Эбенроде); 56, Простки; 68, Сувалки; 57, Островленка.

II военный округ, Щецин [Штеттин] (Кошалин, Шверин)

Шталаги: IIА, Ней-Бранденбург; IIВ, Хаммерштайн; IIС, Грайфсвальд; IIД, Старгард; IIЕ, Шверин; IIН, Надажице [Редериц]; 351, Баркенбрюгге.

Офлаги: IIА, Пренцлау; IIВ, Хоэн [Арнсвальде]; IIС Добегнев [Вольденберг]; IIД, Гроссборн, Надажице [Редериц]; IIЕ, Ней-Бранденбург; 67, Ней-Бранденбург.

III военный округ, Берлин (Франкфурт-на-Одере, Потсдам, Котбус)

Шталаги: IIIА, Люккенвальде (с филиалами в Прицвальке, Ниострау, Бранденбурге); IIIВ, Фюрстенберг (с филиалом в Кирхайне); IIIС, Кшевице [Альт-Древиц]; IIIД, Берлин (Штеглиц).

Офлаги: IIIВ, Вуцец (Фризак); IIIС, Люббен [Шпревальд].

IV военный округ, Дрезден (Рейхенберг, Лейпциг, Хемниц)

Шталаги: IVА, Хоэнштайн; IVВ, Мюльберг (Эльба); IVС, Вистриц (Теплиц-Шонау); IVД, Торгau; IVД, Аннабург; IVF, Хартмансдорф (с филиалом в Альтенбурге); IVG, Ошац.

Офлаги: IVА, Хоэнштайн (Бад-Шандау); IVВ, Кёнигштайн; IVС, Кольдиц; IVД, Эльстерхорст (Хойерсверда).

¹ В приведенном перечне шталагов и офлагов после номера военного округа дано название местности, совпадающее с местоположением командования корпуса. Названия же местностей, указанные в круглых скобках, означают места расположения командования дивизий (по состоянию на 1940 год).

[В квадратных скобках указаны немецкие названия населенных пунктов (употреблявшиеся до 1945 года в официальных немецких документах) на территориях, воссоединенных с Польшей в 1945 году. — Прим. ред.]

² Поименованные в I военном округе офлаги функционировали летом 1941 года как шталаги, в которых оперативные отряды полиции безопасности производили зверский «отбор» среди советских военнопленных. Списки их были разосланы оперативным отрядам непосредственно начальником IV отдела РСХА (гестапо) Мюллером.

V военный округ, Штутгарт
(Ульм, Людвигсбург, Карлсруэ)

Шталаги: VA, Людвигсбург; VB, Виллинген; VC, Оффенбург (с филиалами в Мальшбахе и Страсбурге).

Офлаги: VA, Вейнсберг (Хейльбон); VB, Роттенсмюнстер (Вюрт); 65, Страсбург.

VI военный округ, Мюнстер (Вестфалия)
(Билефельд, Кёльн, Вупперталь)

Шталаги: VIA, Хамер; VIC, Ратхорн (Эмсланд с филиалом в Везуве); VIC, Ней-Ферзен; VIC, Оберланген; VIC, Мюнстер; VID, Дортмунд; VIF, Бохольт; VIF, Мюнстер; VIG, Бонн (Дуйсдорф с филиалом в Арнольдсвейлере); VII, Фихтенхайн (с филиалом в Дорстене); VIK, Зенне (Падерборн).

Офлаги: VIA, Зёст; VIB, Дёссель; VIC, Оsnабрюк (Эверштейд); VID, Мюнстер; VIWK, Оберланген; VIE, Дорстен.

VII военный округ, Мюнхен
(Аугсбург, Гармиш-Партенкирхен)

Шталаги: VIIA, Мосбург (Изар); VIIIB, Мемминген.

Офлаги: VIIA, Мурнау; VIIIB, Эйхштетт; VII, Титтмюнинг.

VIII военный округ, Броцлав [Бреслау]
(Ниса [Нейсе], Легница [Лигниц], Ополе [Оппельн])

Шталаги: VIIIA, Мойс (Гёrlиц); VIIIB, Ламбиноице [Ламсдорф]; VIIIC, Цешин; VIIIC, Жагань [Кунау] (с филиалом в Свентошуве); VIIIF, Ламбиноице [Ламсдорф].

Офлаги: VIIIF, Моравска Трабова; 64, Легницке-Поле [Вальштадт]; 6, Тёст.

IX военный округ, Кассель
(Гисен, Франкфурт-на-Майне, Эрфурт, Гера, Веймар)

Шталаги: IXA, Цигенхайн; IXB, Вегсхейде (Бад-Орб); IXС, Бад-Зульца (с филиалом в Мюльхаузере).

Офлаги: IXA, Шпангенберг; IXA, Ротенбург.

X военный округ, Гамбург
(Бремен, Любек)

Шталаги: XA, Шлезвиг (с филиалами в Хейдкатене и Гудендорфе); XB, Зандбостель; XC, Нинбург (Везер с филиалом в Рерсе).

Офлаги: ХА, Итцехо; ХВ, Нинбург (Везер); ХС, Любек; ХД, Фишбек (Харбург); 83, Витцендорф (Зольтау); 92, Зандбостель.

XI военный округ, Ганновер
(Магдебург, Брауншвейг)

Шталаги: ХIA, Альтенграбов; ХIB, Фаллингбостель (с филиалом в Берген-Бельзене); 335, Орбке.

Офлаги: ХIA, Остероде; 79, Брауншвейг-Кверум.

XII военный округ, Висбаден
(Мангейм, Кобленц, Кайзерслаутерн)

Шталаги: XIIA, Лимбург (Лан); XIIIB, Франкенталь; XIIID, Тревир; XIIIF, Фрейнсхейм; XIIIF, Форбах (с филиалами в Бамберге и Больхене).

Офлаги: XIIIB, Майнц; XIIIB, Хадамар.

XIII военный округ, Нюрнберг
(Регенсбург, Карлсбад, Вюрцбург)

Шталаги: XIIIА, Зульцбах (Розенберг); XIIIВ, Вейден; XIIIС, Хаммельбург; XIIIID, Нюрнберг; 385, Хоэнфельс; 385, Боген.

Офлаги: XIIIВ, Хаммельбург; XIIIВ, Нюрнберг-Лангвас-сер; 383, Штейнберг (Боген).

XVII военный округ, Вена (Линц)

Шталаги: XVIIA, Кайзерштейнбрух; XVIIIB, Гнейксендорф (Кремс); 398, Пуппинг; 398, Пернау (Вельс); XVIIIC, Маркт-Понгай.

Офлаги: XVIIA, Эдельбах.

XVIII военный округ, Зальцбург
(Инсбрук, Грац)

Шталаги: XVIIIА, Вольфсберг (с филиалом в Шпитале); XVIII/z, Вагна; XVIIIIC/z, Ландек.

Офлаги: XVIIIА, Линц (Вагна).

XX военный округ, Гданьск [Данциг]

Шталаги: XXA, Торунь [Торн]; XXA, Грудзёндз [Грауденц]; XXB, Мальборк [Мариенбург].

XXI военный округ, Познань

Шталаги: XXID, Познань (с филиалами в Раухе, Кундорфе и Притвице); 383; Хоэнфельс.

Офлаги: XXIB, Шубин [Альт-Бургунд]; XXIC, Шокен; XXIC/H, Остшешув [Шильдберг]; XXIC/z, Лешно [Лисса]; 10, Ментвы.

* * *

В оккупированных странах на востоке и севере Европы существовала широкая сеть лагерей для военнопленных. Они находились на территории так называемых «имперских комиссариатов на Востоке», охватывающих два огромных административных района — так называемые «Остланд» и «Украина», а также на территории «имперского комиссариата «Норвегия» и польского «генерал-губернаторства». Все эти районы были подчинены верховной гражданской оккупационной власти (соответственно имперским комиссарам Лозе, Коху, Тербовену и «генерал-губернатору» Франку). По военной линии эти территории подчинялись ОКВ. Весь же аппарат по делам военнопленных подчинялся Управлению по делам военнопленных, которое осуществляло свою власть через командиров вермахта на данной территории, а точнее — с помощью «начальников военнопленных» при командах вермахта.

В «Остланде» функционировало 8—9 лагерей для советских военнопленных, которые были разбросаны на территории четырех «генеральных комиссариатов» (Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия), разделивших между собой это огромное пространство на четыре части. Каждый из этих четырех «генеральных комиссариатов» имел своего окружного коменданта по делам военнопленных. Вся же система в целом здесь подчинялась «начальнику военнопленных» при командующем группировкой вермахта «Остланд» (в Риге).

Такое же положение существовало и в «имперском комиссариате «Украина». Там дела пленных подлежали ведению «начальника военнопленных» при командующем группой армий на Украине (сначала в Бердичеве, а затем в Ровно).

Дела пленных в Норвегии подлежали компетенции командающего германскими войсками в Норвегии (в Осло).

На территории «генерал-губернаторства» (Польша) высшую власть над лагерями для военнопленных осуществлял «начальник военнопленных в генерал-губернаторстве». Функции эти выполнял генерал Герргот, резиденция которого находилась в Кельцах, а затем этот пост занял генерал Витас, перенесший свой штаб в Люблин. При «начальнике военно-

пленных» в Люблине находился в качестве офицера связи РСХА штурмбанфюрер СС Лиска. Эта должность была введена (так же, как и в I военном округе в Восточной Пруссии) ввиду особого значения «генерал-губернаторства» и Восточной Пруссии как промежуточных территорий — между оперативными районами и «имперскими комиссариатами на Востоке» и Германией. Именно здесь в многочисленных лагерях производились преступный «отбор» и ликвидация «нежелательных элементов» из числа советских военнопленных.

Приводим неполный перечень лагерей для военнопленных на территории «генерал-губернаторства»: шталаг («фронтшталаг») 307 — Демблин, шталаг 316 — Седльце, шталаг 319 — Хелм, шталаг 324 — Острув-Мазовецкий, шталаг 325 — Замосць, шталаг 327 — Ярослав, шталаг 333 — Острувек-Венгровский, шталаг 371 — Станиславов и многие другие лагеря.

Наряду с перечисленными лагерями мрачной славой пользовался штрафной лагерь в Раве-Русской, предназначенный, в частности, для совершивших побег и отказавшихся от работ лиц сержантского состава французской, бельгийской и других армий и получивший страшное название: «лагерь медленной смерти»¹.

В лагерях для военнопленных на востоке и севере оккупированной Европы содержались почти исключительно советские военнопленные. В 1943—1944 годах, после выхода Италии из фашистской коалиции, гитлеровцы перебросили на территорию «генерал-губернаторства» значительную часть итальянских («интернированных») военнопленных. Кроме того, на территории «генерал-губернаторства» находилось некоторое число французских, бельгийских, голландских и других военнопленных.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что иерархия в аппарате по делам военнопленных на территориях, подведомственных ОКВ, представлялась следующей: Гитлер — ОКВ (Кейтель) — генеральный инспектор по делам военнопленных — АВА (Рейнеке); инспектора по делам военнопленных — Управление по делам военнопленных — военные округа (командующий округом — «начальник военнопленных» данного округа) — окружные коменданты лагерей для военнопленных (в «комиссариатах») — коменданты лагерей для военнопленных.

Особое положение занимали лагеря для военнопленных военно-воздушных сил. Лагеря для пленных летчиков были изъяты из ведения ОКВ (Управления по делам военноплен-

¹ «Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof», Nürnberg, 1948, Bd VII, S. 432 (далее цитируется сокращенно «Der Prozeß»).

ных) и подчинены исключительно ОКЛ (главному командованию люфтваффе — военно-воздушных сил) по настоятельному требованию главнокомандующего люфтваффе Геринга. В эти лагеря помещали всех пленных летчиков западных держав. Советские и польские военнопленные летчики в основном водворялись в лагеря ОКВ вместе со своими товарищами из других родов войск.

В подчинении ОКЛ находились следующие лагеря¹:

Дулаг «люфт 1», Франкфурт-на-Майне (IX); дулаг «люфт 1», Вецлар (Клостервальд) (IX); шталаг «люфт 1», Барт; шталаг «люфт 2», Лодзь (XXI); шталаг «люфт 3», Жагань (VIII); шталаг «люфт 4», Тыхово (II); шталаг «люфт 4», Жагань (VIII); шталаг «люфт 5», Вольфен (Есниц) (IV); шталаг «люфт 6», Хайдекруг (I); шталаг «люфт 7», Бенкау (III); особый лагерь люфтваффе «Ост», Сувалки [Судауэн].

Лагеря военно-воздушных сил были подчинены коменданту лагерей для военнопленных при штабе ВВС. Общность проблем (вопросы использования труда военнопленных, обращение с ними и особенно побеги военнопленных) явилась причиной того, что обе организации, занимавшиеся делами военнопленных — ОКВ и ОКЛ, установили между собой тесный контакт. В мае 1943 года было ликвидировано бюро коменданта лагерей люфтваффе и вместо него создана инспекция авиационно-строительных войск и военнопленных, кратко именуемая «Инспекция № 17». Она осуществляла надзор за лагерями для военнопленных летного состава и одновременно была как бы органом связи между Управлением по делам военнопленных ОКВ и ОКЛ. Во главе этой инспекции стал генерал Грош, а его заместителем был полковник Вальде. Контроль за их деятельностью осуществлял начальник организационного отдела министерства авиации, ведавшего производством самолетов, генерал Ферстер, который в свою очередь был подчинен статс-секретарю того же министерства фельдмаршалу Мильху (впоследствии генерал-инспектор военно-воздушных сил).

* * *

Свою, хотя и небольшую, сеть лагерей для военнопленных моряков имел германский военно-морской флот.

Германским военно-морским силам принадлежали лагеря: дулаг в Гдыне (XX), дулаг «Норд Вестертильке» и «Марлаг-Милаг» в Норд-Вестертильке.

¹ Приведенные в скобках римские цифры не представляют собой части официального обозначения шталага, они даны лишь для ориентации, как обозначение военного округа, на территории которого были размещены. Определение «шталаг» использовано здесь в общем смысле: оно равно обозначает и лагеря для пленных офицеров-летчиков.

СС И УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Зловещую и влиятельную роль при осуществлении преступной линии в политике третьего рейха в отношении военнопленных, особенно с 1941 года, играл нацистский аппарат безопасности. Не будучи организационно связан с военным аппаратом по делам военнопленных, аппарат безопасности, однако, координировал свою деятельность в этой области путем согласования ее на «высшем уровне» с военными кругами. С точки зрения исполнения применялись те же методы совместной реализации политики Гитлера и стоявшего за ним Гиммлера в отношении военнопленных. Партнером ОКВ (Управление по делам военнопленных) и ОКХ (генерал-квартирмейстер) в осуществлении этой политики было Главное имперское управление безопасности (РСХА). Это было учреждение, которому подчинялись все органы германской полиции, в первую очередь гестапо и уголовная полиция. Гестапо и уголовная полиция носили общее название «полиция безопасности». Под контролем РСХА находилась также и служба безопасности НСДАП (СД). Начальника полицейского аппарата третьего рейха рейхсфюрера СС Гиммлера в переговорах с военным партнером (ОКВ) представлял начальник РСХА Гейдрих, а после его уничтожения чешскими патриотами в 1942 году — Кальтенбруннер (с января 1943 года). В свою очередь этих двух полицейских сановников в указанных переговорах заменял начальник IV отдела РСХА (гестапо) Мюллер.

Начиная с 1941 года в РСХА существовал специальный сектор (бюро) — в рамках IV отдела РСХА (гестапо) — IVA1c, который занимался делами военнопленных. Во главе этого сектора стоял гауптштурмфюрер СС Кенигсхауз. В этот сектор поступали все донесения о казнях, присылаемые оперативными отрядами СД (подробнее об этом см. в следующих главах). Здесь составлялись приказы о проведении казни военнопленных, которые подписывал начальник IV отдела, то есть «сам» Мюллер. Эти приказы рассыпались не только в лагеря для военнопленных, но и в общие концлагеря, куда военнопленных отправляли для ликвидации. Непосредственным начальником Кенигсхаузца был начальник отдела IVA1 штурмбанфюрер СС Линдт, который в свою очередь подчинялся начальнику отдела IVA Пантцингеру, а тот — непосредственно Мюллеру.

С начала 1943 года сектор Кенигсхаузца был «расформирован», а точнее — был разделен между всеми подотделами отдела IVB. Дела советских военнопленных были переданы отделу IVB2, во главе которого стал штурмбанфюрер СС Вольф.

Тесное сотрудничество с вермахтом в вопросах, касающихся военнопленных, а равно большое влияние, которое оказывал в этом отношении немецкий аппарат безопасности в первые годы войны, привели почти к полной монополии РСХА в делах военнопленных на последней ее стадии. Во второй половине 1944 года было произведено основное и радикальное изменение в высших звеньях германского аппарата по делам военнопленных. Когда после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года Гиммлер был назначен командующим армией резерва, он принял в свое ведение также и дела военнопленных. С этого времени, как показал подполковник Крафт (см. РН-12), начальник ОКВ Кейтель «не захотел» больше заниматься делами военнопленных, а АВА (генерал Рейнеке) уже утратило власть над Управлением по делам военнопленных. На должность начальника этого управления Гиммлер назначил обергруппенфюрера СС Бергера, генерала войск СС, который был подчинен непосредственно ему. В это время начальником штаба Бергера в Управлении по делам военнопленных был полковник Маурер. Под руководство Бергера перешел и прежний организационный отдел (лагеря для военнопленных, использование труда пленных, обращение с ними, наказания и т. д.). В компетенции ОКВ/АВА остался только общий отдел (международно-правовые вопросы, державы-покровительницы, жалобы военнопленных, немецкие военнопленные в Англии, Франции и т. п.).

Власть Бергера распространялась и на генералов вермахта, исполнявших в отдельных военных округах функции «начальников военнопленных». Однако они не подчинялись ему непосредственно. В каждом военном округе действовал высший офицер СС и полиции. Эти офицеры и стали «высшими начальниками военнопленных». Таким образом, эсэсовцы стали непосредственными начальниками генералов вермахта, а СС в целом оказывала непосредственное влияние на лагеря для военнопленных и дела военнопленных.

Первым шагом новых «управителей» было введение более жесткого лагерного режима и более строгого надзора над пленными. Были усилены охрана и контроль в связи с возможностью активных выступлений организаций Сопротивления военнопленных и даже восстаний в лагерях. СС ввела самый строгий осмотр всех посылок и передач, получаемых военнопленными, вплоть до вскрытия банок с консервами и т. д. Положение военнопленных ухудшилось бы во много раз (чем это имело место после введения нового режима), если бы не то обстоятельство, что война вскоре вступила в свою заключительную стадию и поражение гитлеровской Германии уже ни у кого не вызывало сомнений. Основное внимание но-

вых «олекунов» военнопленных вскоре было целиком обращено на организационные и технические проблемы, связанные с эвакуацией лагерей для военнопленных ввиду приближения фронта к центральным районам Германии.

Переход Управления по делам военнопленных в ведение СС не был неожиданностью. Почти с первых дней войны нацист в этом направлении оказывал рейхсфюрер СС и полицейский диктатор третьего рейха Гиммлер. Это подтверждается показаниями генерала Рейнеке и показаниями подполковника Крафта. Причина такого положения вещей была двойкой: СС жадно взирала на дешевую рабочую силу, находящуюся в шталагах, и жаждала использовать ее труд на своих многочисленных предприятиях. Кроме того, массовые побеги военнопленных причиняли много хлопот аппарату безопасности рейха, и Гиммлер неоднократно упрекал вермахт в том, что тот не может справиться с этими делами. Тесное сотрудничество вермахта, оперативных отрядов и групп полиции безопасности и СД в массовом истреблении советских военнопленных, соучастие в убийстве бежавших польских офицеров в Дёсселе и английских в Жагани¹, уничтожение командос и парашютистов — все это со временем превратило СС, полицию безопасности и СД в грозных конкурентов вермахта в стремлении захватить полный контроль над аппаратом по делам военнопленных.

Наряду с Гиммлером нацист в целях передачи пленных в руки СС оказывали также и те инстанции и организации третьего рейха, которые во время войны были ответственны за военную экономику государства (военная промышленность, распределение рабочей силы, эксплуатация и выделение стратегического сырья и т. д.). Все они обещали, что после этого производительность труда военнопленных повысится. Среди сторонников этой «реформы» наряду с уполномоченным по вопросам четырехлетнего плана Герингом оказались члены «комитета центрального планирования» (министр Шпеер, фельдмаршал Мильх), генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Заукель, члены «егерштаба»² (например, Заур и другие). В марте 1944 года Заур на заседании «егерштаба» сообщает, что выдвинуто предложение о передаче шталагов в ведение СС, а на заседании «комитета центрального планирования» Шпеер информирует, что Гитлер согласился с проектом Геринга, чтобы все шталаги,

¹ На Нюрнбергском процессе фигурировала как «Саган» (см. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 79 и сл.). — Прим. ред.

² «Егерштаб» (нем. — Jägerstab) — учреждение, созданное в начале 1944 года с целью координации работ по увеличению производства самолетов-истребителей.

за исключением тех, где размещены английские и американские военнопленные, передать СС.

Эти концентрированные усилия привели на конечной стадии войны к победе СС в этом вопросе и установлению ее «опеки» над всеми военнопленными.

Организационное подчинение аппарата по делам военнопленных преступной организации СС было вершиной и как бы символическим окончанием длительного процесса — идеологического отождествления германских вооруженных сил с НСДАП, с провозглашенными гитлеризмом «идеями». Это отождествление, произошедшее в результате захвата генералами-гитлеровцами ключевых позиций в вермахте, было одним из главных источников всяческих преступлений, совершенных вермахтом во второй мировой войне, в том числе в отношении военнопленных.

Преступления в отношении военнопленных в оперативных районах

«ПЛЕННЫХ НЕ БРАТЬ!»

К варварской практике прошлого относился широко распространенный военный обычай не брать пленных, «не давать им пардону». Этот обычай заключался в истреблении не только взятого в плен противника, но также часто и гражданского населения, не принимающего участия в военных действиях. Сражающимся войскам внушали, что в случае победы следует убивать всех или же определенные категории побежденных.

Казалось бы, что этому варварству навсегда положен конец в настоящее время, когда значительное большинство государств добровольно приняли на себя обязательства, сформулированные в многосторонних международных соглашениях. Так, ст. XXIII, пункт «г», Гаагской конвенции 1899 года (а равно идентичное предписание Гаагской конвенции 1907 года) гласит: «Кроме ограничений, установленных особыми соглашениями, воспрещается... объявлять, что никому не будет дано пощады».

В период войны 1939—1945 годов вермахт совершил беспрецедентные преступления в отношении военнопленных. Преступления эти были совершены по приказам командования и в соответствии с указаниями заправил третьего рейха. Приказы касались в первую очередь массового истребления политработников Советской Армии, членов Коммунистической партии Советского Союза, советских офицеров и солдат, военнослужащих-евреев, тяжелобольных и инвалидов Советской Армии и т. д. Приказы немецко-фашистского командования являлись не только преступлением против человечности, но и грубым попранием норм международного права. Характерно, что командование вермахта тщательно избегало открыто заявлять о том, что определенные категории военнопленных (в первую очередь советских) не могут рассчитывать на то, что им будет дана пощада или «дарована жизнь» в случае взятия в плен. Гитлеровское командование вообще старалось не допустить огласки изданных им приказов,

касающихся убийства политработников Советской Армии, коммунистов, военнослужащих-евреев, тяжелобольных и инвалидов Советской Армии, а также итальянских офицеров, которые осенью 1943 года отказались разоружиться по требованию гитлеровцев. Не были преданы огласке и приказы о расправах в случаях массовых побегов военнопленных (например, уничтожение польских офицеров в Дёсселе), о передаче пытающихся совершить побег военнопленных в лагерь уничтожения Маутхаузен («акция «Кугель») и т. д. Единственным исключением в данном случае была недвусмысленная угроза, о которой ОКВ сообщило по радио всему миру 7 октября 1942 года, предупреждающая об уничтожении командос. Все же иные *заранее* запланированные меры по «ликвидации» определенных категорий военнопленных были окружены строжайшей тайной. Однако она не всегда последовательно соблюдалась, особенно когда сталкивались различные точки зрения относительно целесообразности указанных мер, — скажем, желание добиться устрашающего эффекта и страх перед ответственностью за явное нарушение норм международного права.

Кроме этих осуществляемых в широких масштабах преступлений, некоторые воинские части Германии и ее союзников в определенных случаях «не брали в плен» и по устному приказу своих командиров.

Немецкий военнопленный Ганс Древс, находившийся в СССР, сообщил, что генерал Модель, командир 3-й танковой дивизии, а также генерал-майор Неринг, командир 18-й танковой дивизии, накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз приказали своим войскам не брать пленных¹.

Командир 3-й роты 49-го отдельного батальона автоматчиков Книп и его подчиненный командир 2-го взвода унтер-офицер Вихман в августе 1944 года на Западном фронте в районе Брэ-Лю (Франция) отдали приказ не брать пленных и расстреливать их. После войны британский военный суд приговорил обоих к трем годам тюрьмы!²

Боевавшая на Восточном фронте (против СССР) франкистская «Голубая дивизия», как правило, не брала пленных. «Пленных не брали!» — вот короткая запись 27 октября 1941 года в дневнике одного из сотрудников адмирала Канариса, который посетил эту фашистскую часть на фронте³.

В одном случае приказ не брать пленных, случайно от данный не устно, а на бланке, оказался после войны в руках победителей.

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 46.

² UNWCC, «Synopsis of Trial Reports», C204, 11/VI 1946, para 22.

³ PN-12, NOKW-3146, dok. prok., т. LIX, с. 324.

В сентябре 1943 года, после выхода Италии из фашистской коалиции, многие итальянские воинские части начали оказывать сопротивление гитлеровцам, пытавшимся их разоружить. Тогда нацисты провели операцию против «взбунтовавшихся» итальянцев на о. Корфу. Эту операцию, под характерным названием «операция «Измена», проводила 1-я горнострелковая дивизия. Накануне этого предательского нападения гитлеровцев на своих бывших союзников, 24 сентября 1943 года, генерал Ланц, командир XXII корпуса, направил командиру 1-й горнострелковой дивизии следующий приказ:

«На основании распоряжения высшего командования, в ходе «операции «Измена» брать пленных не следует»¹.

Гитлеровцы открыто нарушали положения ст. XXIII, пункт «г», Гаагской конвенции 1907 года также и в ходе подавления известного Варшавского восстания [август — сентябрь 1944 года. — Перев.]. В первый период восстания пощады не давали никому, включая даже младенцев (резня в Воле, район Варшавы). Гитлеровские солдаты получили в эти дни приказ: не щадить никого. Примерно со второй декады августа убивали «только» мужчин, а уже к концу восстания уничтожали всех повстанцев без различия пола, включая инвалидов и тяжелораненых.

Принцип «в плен не брать» гитлеровцы применяли ко всем активным участникам движения Сопротивления во всей оккупированной Европе, а также ко всем лицам, «подозреваемым в сочувствии бандам²». Такая практика вермахта и СД в отношении определенных категорий военнопленных регулярных армий противника, а также отдельные действия (на основе приказа вышестоящих начальников) некоторых фронтовых частей соответствовали генеральной линии отношения к сражающимся в германском тылу патриотическим силам организаций Сопротивления.

Широкое применение гитлеровцами во второй мировой войне принципа «в плен не брать» было возвращением к варварству прошлых далеких веков. Когда такие факты имели место в истории войн последнего времени, они вызывали и всегда будут вызывать всеобщее осуждение и чувство омерзения.

По самой природе вещей беспощадность проявлялась прежде всего непосредственно после того, как солдат противника попадал в руки врага, то есть на поле боя.

Преступления в отношении военнопленных в зоне боевых действий и на прилегающей к ней тыловой территории носили

¹ PN-7, NOKW-865, dok. prok., t. VIII, s. 126—127.

² Так гитлеровцы называли партизан. — Прим. ред.

двойственный характер: массового истребления больших или малых групп и полностью взятых в плен частей, а также расстрела одиночных солдат или групп в несколько человек (например, экипажа сбитого самолета, подбитого танка и т. д.). Массовое убийство было явлением весьма редким, зато умерщвление одиночек — это почти обычное явление в германской военной практике начиная с сентябрьской кампании 1939 года. Обе формы преступления отнюдь не являются следствием «выходок недисциплинированных солдат», но, как правило, выполнением приказа.

Мотивы целого ряда массовых преступлений и зверств объяснить трудно; в большинстве случаев немецкие источники умалчивают об этом, и поэтому приходится основываться главным образом на устных или письменных донесениях об истреблении жертв, а часто и на показаниях участников преступлений, если они были обнаружены и привлечены к ответственности. Ввиду отсутствия первых двух источников приходится скрупулезно и хлопотливо раскрывать и восстанавливать обстоятельства преступления и его мотивы на основе анализа и исследования всего стечения обстоятельств, предшествующих преступлению и сопутствовавших ему данных, какие могут дать, например, эксгумация останков и т. п.

Однако в ряде случаев восстановление и раскрытие мотивов массовых преступлений в отношении военнопленных не представляют особых трудностей, например, когда в определенном оперативном районе Восточного (советского) фронта будет установлена «деятельность» так называемых «оперативных групп» СД, особенно при небольшой удаленности (несколько километров, а самое большое — несколько десятков километров) от лагеря для военнопленных. В таких случаях дело всегда заканчивается расстрелом так называемых «нежелательных» категорий пленных. Иногда в наши руки попадал какой-либо рапорт или донесение оперативной группы СД или даже итоговый отчет начальника полиции безопасности и СД в Берлине о деятельности всех «оперативных групп» на Востоке.

В то же время если говорить об убийстве одиночек или небольших групп военнопленных, то донесений мелких и крупных подразделений имеется более чем достаточно. В этих донесениях можно чаще найти «мотивы» убийства. Они весьма разнородны. Например, «среди военнопленных выловили политработника», «обнаружили еврея», «убиты при попытке к бегству» (часто эта «попытка» просто выдумана). Убивали за все: за действительную или воображаемую «партизанскую деятельность», за отказ выполнить приказ германского командования (зачастую принуждающий к действиям против

своих сражающихся товарищей), за сопротивление или восстание, за высказывание сомнения в победе Германии или выражение веры в победу своей армии, за отказ давать показания, содержащие элементы измены родине, и т. д. Однако весьма часто в таком донесении не указываются мотивы казни, а содержится лишь сухая реляция: «Расстреляно столько-то и столько-то военнопленных».

На основе этих донесений и рапортов составлялись сводные рапорты или отчеты более крупных войсковых соединений: например, корпус доносит об общем количестве пленных, расстрелянных во всех дивизиях, входящих в его состав; начальник тыла армии — о всех военнопленных, уничтоженных тайной полевой полицией в районе этой армии; полки или дивизии охраны — о казнях в дулагах или на сборных пунктах военнопленных, и т. д. Каждая войсковая часть, находящаяся в зоне боевых действий или в тыловом районе, представляет ежемесячные донесения по вопросу о пленных, содержащие такие данные, как общая численность пленных в данном месте, «приход — расход» их, число работающих, совершивших побег, переданных СД, умерших и расстрелянных. Характерная деталь: расстрелянных советских военнопленных включали в одну общую рубрику с умершими, под единым наименованием: «расстреляно, умерло!» Ясно, что при таких данных трудно установить, сколько именно жертв приходится на каждую отдельную категорию из этих двух. Поскольку все эти донесения были строго секретными, трудно установить и мотивы такого совмещения рубрик: то ли дело тут шло о «техническом упрощении» рапорта (одна рубрика — мертвые пленные), то ли, что кажется более правдоподобным, речь идет о маскировке огромного числа людей, убитых непосредственно после взятия в плен. Кстати, колоссальное число военнопленных, умерших в 1941—1942 годах, по своей страшной выразительности ни в чем не уступает числу расстрелянных.

В указанную рубрику не включались пленные, истребляемые в рамках кампании по ликвидации «нежелательных» элементов. Этих людей, как мы полагаем, включали в рубрику: «Переданы СД».

УБИЙСТВО ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СЕНТЯБРЕ 1939 года

В период сентябрьской кампании 1939 года немецкие фронтовые части, захватывавшие пленных, пытались сохранить по отношению к ним видимость соблюдения военных обычаев цивилизованных государств. Однако уже при отправке в тыл и на этапах положение сразу ухудшалось:

отношение к пленным в дулагах и стационарных лагерях складывалось по-разному, в большинстве случаев доходя до издевательств и преследований.

Сказанное выше не относится к военнопленным-евреям (особенно рядового состава); отношение гитлеровцев к ним с первой же минуты пленения было явно дискриминационным¹.

Независимо от степени издевательств, допускаемых в отношении польских военнопленных, независимо от проявлений более или менее человечного обращения с ними в сентябре 1939 года отмечен ряд тяжких преступлений, совершенных в отношении беззащитных польских военнопленных. Если своими масштабами они уступают преступлениям такого рода, совершенным гитлеровцами в более поздний период войны, то все же их значение и последствия весьма серьезны, если учесть, что это были *первые безнаказанные военные преступления в отношении военнопленных во второй мировой войне*. В этих сентябрьских преступлениях, одиночных и массовых — равно в «гуманном» расстреле, как и в зверском сожжении заживо — содержатся многие элементы более поздних, запланированных в широком масштабе систематических преступлений в отношении военнопленных почти всех государств, находившихся в состоянии войны с гитлеровской Германией.

Из множества этих фактов приведем несколько:

«2 и 3 сентября 1939 года в Силезии, в районе Рыбника, в плен к немцам попала группа польских солдат 12-го пехотного полка. Пленных не пощадили: «...их бросили на землю, и по телам несчастных прошли танки»².

3 сентября 1939 года в с. Бугай (волость Дменин, Радомского уезда) гитлеровцы сбили польский самолет и взяли в плен его экипаж из 2 человек. Одного из пленных после зверских пыток (ему отрезали язык, уши и нос) расстреляли. Это варварское преступление совершили солдаты 4-й танковой дивизии XVI корпуса 10-й армии (генерал Рейхенау)³.

4 сентября того же года вступающие в Катовицу германские части натолкнулись на вооруженное сопротивление, которое им было оказано мелкими группами силезских повстанцев и харцеров (бойскаутов), защищавших свой родной город от чужеземных захватчиков. Более 80 взятых в плен героев-патриотов отвели в парк имени Костюшко и там расстреляли. Это преступление совершили солдаты 8-й пехотной

¹ Подробнее см. ниже, главу III.

² «The German New Order in Poland», Published for the Polish Ministry of Information by Hutchinson & Co. Publishers Ltd., London, 1941, p. 115.

³ «Zbrodnie Wehrmachtu w Polsce w 1939 r.», t. VI, 178/z, inw. № 178, AGK.

дивизии VIII корпуса 14-й армии (генерал Лист)¹. Это было явным нарушением норм международного права².

6 сентября на поле вблизи д. Морыца гитлеровцы расстреляли 19 взятых в плен польских офицеров 76-пехотного полка, а рядовых того же полка сожгли заживо в будке путевого обходчика в Морыце и в одной из хат с. Лонгиновка. «Мотивы» преступления следует искать, видимо, в том факте, что 76-й пехотный полк, геронически сражаясь против врага, нанес чувствительные удары гитлеровской танковой части³.

8 сентября того же года в Надажине (уезд Блоне) два гитлеровских солдата вывели в поле взятого в плен майора (фамилия не установлена), чтобы расстрелять его. Солдаты приказали пленному копать себе могилу. Во время работы майор неожиданно обернулся и молниеносным ударом лопаты убил одного солдата, а когда бросился на второго, тот пронзил его штыком. Подбежало еще несколько солдат, и лежащего пленного затоптали, превратив его тело в кровавое месиво. Преступление совершено 4-й танковой дивизией⁴.

Одно из самых крупных установленных нами преступлений против польских военнопленных в сентябре 1939 года имело место 9 сентября в государственном лесном заповеднике под с. Домброва (волость Цепелюв, уезд Илжа), рядом с шоссе, ведущим из Липска в Цепелюв. Подробности этого преступления были раскрыты при весьма необычных обстоятельствах. В сентябре 1950 года польская военная миссия в Берлине получила через польское консульство в Мюнхене две страницы машинописного текста на немецком языке, но без даты и подписи, и 5 фото, на которых запечатлена казнь польских солдат. Неизвестный отправитель, по всей вероятности участник боев под Цепелювом, отправил свой (или чужой) машинописный текст, видимо, составляющий фрагмент дневника или воспоминаний того времени. Документ этот носил название «*Unser erstes Gefecht in Polen*» («Наш первый

¹ «*Zbrodnie Wehrmachtu w Polsce w 1939 r.*», t. VI, 178/z, inw. № 178, AGK.

² Ст. I Приложения к Гаагской конвенции 1907 года признает права комбатантов, в частности, за бойцами добровольческих отрядов, если у них есть ответственный командир, если они носят отличительные знаки, имеют официально выданное им оружие и соблюдают законы и обычай войны. Еще более четко определяет это ст. II той же конвенции: «Население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возвьется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками и которое не имело времени устроиться согласно статье I, будет признаваться в качестве воюющего, если будет открыто носить оружие и будет соблюдать законы и обычай войны».

³ «*The German New Order in Poland*», p. 116.

⁴ AGK. «*AKta dochodzeń przeciw Rundstedtowi (i innym)*», t. II, s. 189 (zeznanie Wojciecha Byliniaka).

бой в Польше»). Автор приводит факт расстрела старого крестьянина и раненого польского солдата. Их убили проезжавшие по шоссе на военном грузовике гитлеровские солдаты. Автор осуждает это злодеяние, а затем описывает самый бой и преступление, которое имело место в Цепелюве:

«...В Цепелювском лесу, неподалеку от Зволеня, находилась в головной походной заставе 11-я рота нашего батальона. Мы не спеша продвигались за нею. Вдруг слышу трескотню пулеметов: наш авангард обстреляли. «Высаживайся!» Взвизгивают рикошетирующие пули. Теперь вижу, что поляки тоже стреляют... И тут вдруг упал капитан Левинский: выстрел в голову сверху. Значит, снайперы на деревьях. Удивляюсь отваге этих стрелков... Через час все мы собираемся на шоссе. В роте насчитывается 14 убитых, в том числе капитан Левинский. Командир полка полковник Вессель (из Касселя) приходит в ярость: «Что за наглость! Они хотели нас задержать и убили моего капитана Левинского»... Полковник Вессель заявил, что мы имеем дело с партизанами, хотя каждый из польских пленных одет в военную форму. Он заставляет их снять куртки. Теперь они, конечно, больше похожи на партизан. Затем у них отрезают помочи, видимо для того, чтобы они не могли удрать. Полковник приказывает пленным идти по обочине шоссе гуськом, друг за другом. Невольно встает вопрос: куда их ведут? В противоположную сторону от обоза, откуда их должны были отправить на сборный пункт для пленных.

Пять минут спустя я услышал длинные очереди дюжины наших немецких автоматов. Поспешил в ту сторону и метрах в ста увидел 300 расстрелянных польских военнопленных, лежавших в придорожном кювете. Рискнул сделать два снимка, и тут перед моим объективом гордо стал один из тех автоматчиков-мотоциклистов, которые по приказанию полковника Весселя совершили это дело¹.

Правдивость событий, приведенных в анонимном письме, как и подлинность приложенных фотографий, иллюстрирующих описанные факты, не вызывает никаких сомнений.

10 октября 1939 года в Бельске комендант лагеря во время поверки приказал пленным, которые добровольно вступили в армию, поднять руку. Таких объявилось трое. Их застрелили на месте².

¹ AGK. Этот анонимный немецкий документ был впервые опубликован в статье Януша Гумковского (см. J. Gumiowski, Hitlerowska «gusęskosc» wobec jeńców, «Za Wolność i Lód», 1956, № 3/96). Польские свидетели Ян Скочилас из Домбровы и Владислав Сайног полагают, что число убитых тогда пленных достигало 400 человек. Но только эксгумация жертв (которая еще пока не произведена) может установить точные масштабы преступления.

² «Der Prozeß», Bd. VII, S. 472—473 (USSR-93).

12 сентября 1939 года в Щучине (уезд Домброва-Тарновска) имел место следующий факт: в здании школы-семилетки были собраны пленные. Наряду со здоровыми тут находилась также и группа легкораненых. Один из пленных, фамилия которого не установлена, офицер польской армии, схватил лежавший на столе пистолет гитлеровского офицера, застрелил его, а затем покончил с собой. Гитлеровцы реагировали на это событие, как обычно, немедля, зверски и беспощадно. Они забросали школу гранатами, а через окна и двери открыли огонь из автоматов. «Здание запылало. Находившиеся там польские солдаты сгорели заживо... Некоторые пытались выпрыгнуть со второго этажа и с крыши, но по ним стреляли в упор и убивали на месте. До поздней ночи слышались крики и стоны умирающих... Обгоревшие трупы лежали на лестничных клетках и на полу в подвале. Долго еще были видны следы крови, которая текла по стенам сожженной школы...»¹.

18 сентября 1939 года в с. Слядов (Туловицкой волости, Сохачевского уезда) вступившие в этот район гитлеровские войска совершили одно из самых отвратительных преступлений, отмеченных в летописи второй мировой войны. В этот день гитлеровцы из неустановленной танковой части² расстреляли и утопили в Висле свыше 300 человек, в том числе около 150 военнопленных (здоровых и раненых) и 150 человек из числа мирного населения (мужчин в возрасте от 15 до 75 лет и даже малолетних детей). Среди расстрелянных мирных граждан было 84 человека из той же Туловицкой волости, остальные — из других мест. Вероятнее всего, это были беженцы, тысячами запрудившие тогда дороги и села Польши. От этой резни уцелело лишь двое³.

В сентябре 1939 года на р. Сан, около Пшемысля, был разбит в бою батальон 4-го полка подгалийских стрелков (из Тешина). В руках гитлеровцев оказалось свыше 100 польских пленных, которых погнали в сторону Дрогобыча. Во время привала в д. Урыче от группы сдавшихся было отделено несколько человек, которые выдали себя за украинцев, после чего всех остальных (около 100 человек) загнали в овии, где, как их заверили, они должны были переночевать.

¹ На основе показаний ксендзов Франтишека Мазура и Яна Лигензы. Солдаты, совершившие это гнусное злодействие, принадлежали к 2-й роте 128-го отдельного железнодорожного батальона, подчиненного генералу Улексу.

² Возможно, что речь здесь идет о прославившейся своими зверствами 4-й танковой дивизии из состава XVI корпуса 10-й армии, которая действовала в этом районе.

³ «Ankiety, Egzekusje, Groby 1939—1945. Wojew. warszawskie», t. IV, s. 709.

Когда все пленные оказались в овине, гитлеровцы заперли ворота, облили овин керосином и подожгли ручными гранатами. Почти все военнопленные сгорели заживо. От всей группы уцелело только два человека: рядовые Антоний Добийя и Ян Марек.

При особых обстоятельствах произошел расстрел 50 военнопленных из Быдгощского батальона Национальной обороны.

Случилось это 22 сентября 1939 года на кирпичном заводе «Борышев» (волость Козлув-Бискупий, Сохачевский уезд). Остатки батальона, разбитого 17 сентября под Иловом, оказались в сборном лагере в Жиардове. Распространив ложный слух, будто в первую очередь будут освобождать пленных родом из Поморья, особенно из Быдгощи, гитлеровцы выманили из беспорядочной (насчитывающей около 30 000 человек) массы военнопленных 179 бойцов Быдгощского батальона Национальной обороны.

21 сентября этих военнопленных под сильной охраной вывезли из Жиардова в Сохачев. На следующий день мнимый «полевой суд» допросил всех офицеров, сержантов и по одному бойцу от каждой роты. После этого, отделив «фольксдойче» (их оказалось двое) и лиц, имеющих жен-немок или какого-либо предка-немца, а также окончивших немецкие гимназии, гитлеровцы отобрали всех офицеров и «наудачу» («четверка — шаг вперед, четверка — на месте!») группу солдат общей численностью 50 человек. Этой группе, окруженной плотным кольцом охраны, в присутствии оставшихся 129 человек, некий капитан Шопелиус зачитал «приговор» на немецком языке, а затем перевел его на польский. Текст приговора гласил: «Хотя все свидетели-поляки показали, что батальон не принимал участия в «кровавом воскресенье» и что в это время он вообще не был в Быдгощи, признано доказанным, на основании показаний немца, подхорунжего польской армии¹, что батальон принимал участие в убийстве граждан немецкой национальности, и в качестве возмездия за убийство 5000 немцев в Быдгощи будет расстреляно 50 солдат этого батальона». Командир батальона капитан Клосовский громко потребовал предоставить ему «последнее слово». Гитлеровцы отказали, загнав его обратно в шеренгу, и приказали 50 осужденным идти вперед. Через несколько минут стоявшие в напряженном молчании солдаты услышали пулеметные очереди. Это гибли их товарищи — солдаты и офицеры батальона вместе с капитаном Клосовским, — не пер-

¹ Этот предатель, имени которого установить не удалось, встретил пригнанный в Сохачев батальон словами: «Весь этот батальон — самые отъявленные кровопийцы!»

вые и не последние жертвы мести гитлеровцев за подавление диверсии фашистов в Быдгоши 3 сентября 1939 года. Этот факт пропаганда третьего рейха превратила в одну из самых крупных провокаций в истории: в Быдгощское «кровавое воскресенье»¹.

* * *

Во время сентябрьской кампании 1939 года имели место также и другие факты бесчеловечного обращения с пленными, убийства раненых, неуважения к знакам Красного Креста и истребления санитарного персонала. Эти преступления, но уже в больших масштабах, были совершены гитлеровцами в ходе войны против СССР и при подавлении Варшавского восстания.

После захвата Груйца (город в Польше. — *Перев.*) 8 сентября 1939 года гитлеровцы немедленно выбросили из палат находившихся на лечении в уездной больнице раненых польских солдат, а на их места положили своих раненых. Поначалу раненые поляки лежали на голом полу в больничных коридорах, но затем больничный персонал и сестры-монахини перенесли польских солдат в местное пожарное депо, где ввиду отсутствия коек и матрасов раненых уложили просто на соломе².

8 сентября 1939 года в местечке Понятки-Носы (волость Коне) гитлеровцы расстреляли двух пленных — Юзефа Бернардзюка и Петра Кемля, санитара с повязкой Красного Креста на руке³.

В тот же день в д. Бруйце (Лодзинский уезд) экипаж ворвавшегося в деревню гитлеровского танка обстрелял из пулемета едущую впереди крестьянскую подводу, на которой находились санитар (с повязкой Красного Креста) и несколько раненых польских солдат. Один из раненых был убит, а второй вскоре умер от повторного ранения⁴.

В ночь с 8 на 9 сентября 1939 года в д. Лубнице (волость Пионтек, уезд Ленчица) гитлеровская солдатня подожгла стог и крестьянский двор, а затем бросила в бушевавшее пламя лежавшего рядом тяжелораненого польского солдата⁵.

¹ На основе сообщения Людвика Бандуры. См. J. Kołodziejczyk, Prawda o «krwawej niedzieli bydgoskiej», Bydgoszcz, 1945, s. 63—66, см. также «Ankiety, Egzekucje, Groby 1939—1945. Wojew. warszawskie», t. IV, s. 680.

² AGK, «Akta dochodzeń w sprawie Rundstedta, Mansteina i Straussa», t. II, s. 93.

³ Ibid., s. 198.

⁴ Ibid., t. II/z, s. 141.

⁵ Ibid., t. II, s. 232.

* * *

Чем же все-таки объяснить эти бесчисленные, нередко чудовищные преступления, примеры которых мы привели выше?

Знало ли о них верховное главнокомандование германской армии и как оно реагировало на тот факт, что это были не «выходки отдельных солдат» и что, как правило, они совершились по приказу вышестоящих офицеров? Как это командование реагировало на то, что обычно не проводилось никакого расследования и судебного разбирательства?

8 сентября 1939 года начальник разведки группы армий «Юг» майор Лангхаузер представил своему «шефу», начальнику штаба этой группы армий генералу Манштейну, рапорт, в котором обратил его внимание на донесения, свидетельствующие о варварском обращении немецких солдат с польскими военнопленными, в ряде случаев «зверски и бесчеловечно избитыми». Лангхаузер предлагал резко выступить против этих преступлений и привлечь виновных к ответственности. Свои мысли он изложил в форме проекта донесения по этому делу, которое должно было бы быть представлено командующему группой армий «Юг» генералу Рундштедту. Однако Манштейн отказался представить такой рапорт¹.

Итак, ясно, что германское командование уже 8 сентября 1939 года знало о фактах зверств со стороны немецких солдат в отношении польских военнопленных. Несомненно также, что оно знало и о каждом случае массовых убийств польских солдат. Жесткая дисциплина в германской армии (обязанность каждого офицера рапортовать о любом более или менее важном происшествии), четкая организация руководства (постоянная связь с командованием), а также «молниеносные» победы, одерживаемые на фронте [имеется в виду кампания 1939 года. — Ред.], — все это говорит о том, что германское командование было хорошо осведомлено о преступлениях в отношении военнопленных. Поэтому, хотя у нас и нет документации по вопросу о том, как германское верховное главнокомандование реагировало на эти первые преступления, совершаемые против беззащитных пленных, — ясно, что это произошло не потому, что оно не знало о них, но потому лишь, что оно не хотело реагировать на эти злодействия. Между отказом Манштейна [представить рапорт. — Ред.] и фактом оставления без наказания преступлений, совершаемых над пленными, существует бесспорная причинная связь.

¹ «Stenogram procesu Manssteina», t. II, s. 128.

Гитлеровские генералы допускали эти преступления, так как были связаны директивами своего «фюрера» Гитлера. На совещании генералов в Оберзальцберге 22 августа 1939 года он «вещал»: «Наша задача — уничтожение живой силы противника, а не достижение определенной линии... Не проявляйте милосердия, будьте жестокими... закон на стороне сильнейшего»¹.

«Я послал на Восток свои формирования «с черепами» [имеются в виду СС. — Ред.] и приказал им безжалостно убивать всех мужчин, женщин и детей польской национальности и языка»².

1 сентября 1939 года, в день нападения на Польшу, «фюрер» издает свой пресловутый приказ по армии³, в котором беспардонная ложь и лицемерие тесно сочетаются с преступным подстрекательством. Из этого приказа германский солдат «узнал», что не Германия напала на Польшу, а, наоборот, Польша «призвала к оружию» и многократно «совершенно невыносимым» образом допускала нарушения границ третьего рейха, а потому волей «фюрера» является наказ, чтобы война велась с «непоколебимой решительностью». Приказ заканчивался призывом: «Будьте всегда и в любой ситуации в сознании того, что вы являетесь представителями национал-социалистской Великой Германии!»

Этот призыв к национал-социалистским чувствам, который был чем угодно, но только не обращением к рыцарским чувствам немецкого солдата, санкционировал акты «репрессий» и мести «за обиды». Так, отдельные случаи убийств военнопленных совпадали с волей «фюрера» и командования вермахта, апробировавшего эти указания.

Исследуя вопрос о поведении германской армии в сентябре 1939 года в Польше, изумляешься учащению случаев совершения преступлений как в отношении военнопленных, так и в отношении мирного населения, особенно вдоль пути, по которому шла из Силезии на Варшаву 10-я армия под командованием генерала, а позднее фельдмаршала Рейхенау. Генерал Рейхенау был отъявленным нацистом, фаворитом Гитлера. Во время сентябрьской кампании он прославился изданием жестоких приказов о борьбе с польскими «вольными стрелками» (партизанами). Рейхенау одним из первых приказал брать и расстреливать заложников, он же прославился исключительными зверствами также и во время войны против Советского Союза.

¹ PS-1014.

² L-003.

³ «An die Wehrmacht», «Der großdeutsche Freiheitskampf. Reden Adolf Hitlers», München, 1943, S. 29.

На правом фланге армии Рейхенау в сентябре 1939 года находилась 14-я армия генерала Листа, путь которой через Польшу до Львова был отмечен многими кровавыми преступлениями. Полученный в Польше «опыт» Лист позднее использовал в Югославии, «прославившись» там исключительной жестокостью.

Командующий группой армий «Юг» генерал, а позднее фельдмаршал Рундштедт, после того как Германия проиграла войну, много разглагольствовал о значении, которое якобы придавалось в германской армии соблюдению законов и обычаяев войны. На практике он не доказал этого ни в Польше, где допускал зверства Рейхенау и Листа, ни на Украине в 1941 году, где тот же Рейхенау и другие гитлеровские генералы, находившиеся под его командованием, совершали значительно большие преступления. И опять он же, Рундштедт, как главнокомандующий германскими вооруженными силами на Западе, ревностно выполнял преступные приказы об истреблении командос и парашютистов.

Начальник штаба Рундштедта во время сентябрьской кампании генерал (а позднее фельдмаршал) Манштейн, которого ряд западных авторов рекламируют как одного из самых способных немецких полководцев второй мировой войны, бесспорно, был одним из самых кровавых военных преступников. Он «показал» себя в Польше и особенно в войне против СССР в качестве командующего 11-й армией, командующего группой армий «Дон», а затем и группой армий «Юг».

Вполне понятно, что, коль скоро немецкий солдат имел таких «наставников», он мог рассчитывать на «понимание» с их стороны, когда во фронтовой обстановке, где не так уж трудно приписать противнику, даже безоружным пленным, любые намерения, этот солдат допускал любые нарушения законов и обычаяев войны. Тем более, что наряду со «снисходительностью» командиров на немецкого солдата воздействовала необузданная, монополистическая гитлеровская пропаганда, изо дня в день вдалблившая в солдатские умы как до войны, так и в ходе ее лживое утверждение, что поляки будто бы жестоко преследовали немецкое население, что они якобы первыми начали войну, предательски напав на Германию (provokacija в Гливицах), что они допускают зверства над немецкими пленными и т. д.¹

¹ Масштаб распространяемых в рядах вермахта лживых измышлений был огромен: утверждали, например, что поляки отрубают немецким пленным руки, ноги и другие части тела, обстреливают спасающихся на парашютах немецких летчиков, используют боевые отравляющие вещества и, наконец, возводят баррикады из трупов убитых ими «фольксдойче» (этот «факт» якобы был установлен авиаразведкой!) и т. д. и т. п.

Немецкие офицеры и солдаты, которые, не сделав ни одного выстрела и не подвергаясь никакому риску, захватили Австрию и Клайпеду, слепо веря в «гений» своего «фюрера», надеялись, что так будет всегда и везде и что с помощью одного лишь шантажа они будут кованым сапогом топтать народы и государства. Но эти же офицеры и солдаты, видя падающих рядом своих товарищ по оружию, скоро поняли, что «блюменкраги» («войны в цветах») кончились, что наступила война, масштабы и последствия которой предусматреть невозможно. Неудивительно поэтому, что они начали «мстить» за обманутые надежды, цепляясь даже за тень предлога, — а часто и без всякого предлога, — чтобы «отомстить» мирному населению и безоружным пленным. Командные кадры вермахта, начавшие совершать свои преступления еще во время кампании 1939 года, без малейшего колебания вступили на путь, который привел их к Нюрнбергскому процессу и покрыл несмываемым позором.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В ОПЕРАТИВНЫХ РАЙОНАХ НА ЗАПАДЕ

Гитлеровские войска совершали преступления также и в отношении военнопленных западных государств. Наряду с частями вермахта в этих преступлениях принимали участие и формирования войск СС.

Убийство английских пленных в Ле-Паради¹

26 мая 1940 года после ожесточенного боя у селения Ле-Паради (департамент Па-де-Кале, Франция) в плен к гитлеровцам попало около 100 английских офицеров и солдат из 2-го батальона Королевского Норфолкского полка. Они были захвачены 1-м батальоном 2-го полка дивизии СС «Мертвая голова», входящей в состав XVI корпуса вермахта. Эсэсовцы зверски избили и ограбили пленных в присутствии своих офицеров, которые не реагировали на эти выходки. Командир 4-й роты этого батальона Кнохлейн приказал подразделению станковых пулеметов открыть огонь по колонне военнопленных. В результате такого преступного приказа почти все пленные погибли. Англичан, подающих признаки жизни, добивали. Под грудой трупов уцелели лишь два раненых солдата: Альберт Пули и Вильям О'Каллаген. Когда убийцы устроили ночную попойку неподалеку от места

¹ См. Э. Рассел, Проклятие свастики, М., 1954, стр. 42—44; «Die Tat», 1957, № 33. Согласно «Die Tat», эти события имели место 27 мая 1940 года.

преступления, даже не потрудившись захоронить убитых, оба раненых англичанина выбрались из-под груды мертвых тел и заползли в стоявший рядом полусгоревший дом. Там они прятались 3 дня, а затем были подобраны французской санитарной машиной и позднее попали в Германию как военнопленные. Тяжелораненый Пули был обменен и репатриирован в Англию в 1943 году. Его рассказ о зверском убийстве пленных восприняли с явным недоверием. Еще в 1942 году французские власти экзгумировали убитых, причем было установлено, что значительное число жертв было ранено еще до расстрела, на что указывали остатки бинтов. Все павшие англичане были затем похоронены на кладбище в Ле-Паради. Лорд Рассел сообщает, что командир XVI корпуса, извещенный об этой резне, приказал учинить расследование, которое, однако, «не дало никаких результатов», а затем, также безрезультатно, представил подробный рапорт по инстанции. Рассел делает вывод, что в этом деле не обошлось без руки самого Гиммлера¹. Виновник этого зверства Кнохлейн, осужденный в 1948 году английским военным судом к смертной казни, в январе 1949 года был повешен в Гамбурге².

Убийство итальянских солдат

Разгром гитлеровских войск под Сталинградом, победа союзников в африканской кампании и вторжение на о. Сицилия — все эти военные поражения фашизма повлекли за собой отставку Муссолини и создание нового правительства во главе с маршалом Бадольо, который 8 сентября 1943 года подписал безоговорочную капитуляцию Италии. Условия прекращения огня предусматривали, что итальянские войска немедленно прекратят всякие военные действия против союзников, а итальянские воинские части, дислоцированные за пределами своей страны, немедленно возвратятся в Италию. Таким образом, от оси Берлин — Рим — Токио отпадал один из важнейших сателлитов гитлеровской Германии.

Реакция Германии была мгновенной. 15 сентября 1943 года ОКВ издало приказ об обращении с итальянскими вооруженными силами и милицией — своими вчерашними союзниками³. Солдат итальянской армии разделили на три катего-

¹ См. Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 44.

² На основе показаний обоих уцелевших английских солдат, а также материалов Гамбургского процесса С. Джолли в 1957 году написал потрясающий репортаж «Расплата солдата Пули».

³ OKW (WEST) Qu 2, № 005282. «Grundsätzliche Richtlinien über die Behandlung der Soldaten der italienischen Wehrmacht und Miliz», PN-12, L-218, dok. prk., t. XV, s. 14—19.

рии: на тех, которые оставались верны Германии и которым надлежало оставить оружие, «относясь к ним с полным уважением»; на тех, которые не хотели оказать немцам никакой помощи (их следовало разоружить, взять в плен и заставить работать); на тех, которые оказывали активное или пассивное сопротивление или же «вели тайные переговоры с врагом или бандами» [то есть партизанами и участниками движения Сопротивления. — Ред.]. В отношении этой последней категории гитлеровцы в явное нарушение норм международного права применили самые жестокие меры. В частности, приказ гласил: «По приказу фюрера, с итальянскими воинскими частями, которые допустили передачу своего оружия повстанцам [югославским и греческим. — Ш. Д.] либо соединились с повстанцами, должно поступить следующим образом:

1. Офицеров расстрелять по приговору военно-полевого суда.

2. Унтер-офицеров и рядовых направить непосредственно на Восток, по возможности обходным путем, минуя рейх, при посредстве АВА в распоряжение главного штаба сухопутных войск (генерал-квартирмейстер) с целью использования на работах.

3. Там, где итальянские войска или вооруженные группы еще оказывают сопротивление, следует предъявить краткосрочный ультиматум. Его надлежит сформулировать в том смысле, что ответственные за сопротивление итальянские командиры будут расстреляны как партизаны, если до установленного срока не дадут своим войскам приказ сдать оружие германскому командованию».

Большая часть итальянских войск, находившихся непосредственно в районах действий гитлеровской армии, дислоцировалась на Балканах (Югославия, Греция, Албания). Командовавший гитлеровскими войсками в этом районе фельдмаршал Вейхс передал этот варварский приказ для немедленного исполнения. Некоторые из его подчиненных этот приказ «усовершенствовали» еще больше. Так, генерал-полковник Рендулич, командующий 2-й танковой армией в Хорватии, приказал своим частям в тех случаях, если какая-либо итальянская дивизия уничтожит свою материальную часть и оружие, расстреливать, кроме всех непосредственных «виновников», также одного офицера из штаба этой дивизии и 50 солдат. По смыслу этого приказа следовало расстрелять каждого итальянского солдата, который продаст или отдаст свое оружие гражданскому лицу, а также каждого солдата, который явится для отправки [в лагерь. — Ред.] без оружия. В этом случае должен быть расстрелян также и его командир. За уничтожение автомашины,

трактора, тягача и т. п. следовало расстрелять одного офицера и 10 солдат¹.

В приказе от 16 сентября 1943 года, направленном в 1-ю горнострелковую дивизию и 104-ю егерскую дивизию, командир XXII горнострелкового корпуса генерал Ланц приказывает расстреливать всех итальянских военнослужащих, переодевшихся в гражданское платье и смешавшихся с населением, поскольку «это значительно усиливает опасность со стороны партизан»².

Драконовские меры против вчерашнего союзника способствовали тому, что в самое короткое время итальянские войска в большинстве своем были разоружены. Однако несколько дивизий еще оказывали сопротивление, а многие офицеры и солдаты бежали в горы и присоединились к югославским и греческим партизанам. В то время германское командование уже ввело в действие и осуществило угрозы, содержавшиеся в приказах ОКВ, Рендулича и Ланца.

Через несколько дней после издания приказа ОКВ в районе Салоник был потоплен в крови бунт разоружаемых итальянцев. При этом расстреляно несколько офицеров³.

23 сентября 1943 года на о. Кефаллиния был расстрелян генерал Гандини и весь его штаб. Преступление совершено солдатами XXII горнострелкового корпуса (генерала Ланца)⁴.

27 сентября того же года был расстрелян командующий итальянскими войсками, оборонявшимися на о. Корфу⁵.

После захвата гитлеровцами 27 сентября того же года города и порта Сплит на Далматинском побережье расстреляны по приговору военно-полевого суда 3 итальянских генерала и 45 офицеров из дивизии «Бергамо»⁶.

В рапорте штаба 7-й дивизии СС читаем «29 сентября итальянский генерал Фульгови был признан виновным в передаче оружия партизанам и приговорен к смертной казни»⁷.

Овладев о. Кос, гитлеровцы захватили в плен английских и итальянских военнослужащих. Итальянский комендант острова был расстрелян⁸.

3—5 октября 1943 года 1-я горнострелковая дивизия, стоявшая в г. Саранада, расстреляла 58 итальянских офицеров «за измену». Разумеется, под изменой гитлеровцы по-

¹ PN-7, sten., t. I, s. 69.

² PN-7, NOKW-1118, dok. prok., t. VIII, s. 11.

³ PN-7, NOKW-1354; NOKW-811, s. 12, 29.

⁴ Ibid., NOKW-1354, s. 14.

⁵ Ibid., s. 16.

⁶ PN-7, обвинительная речь генерала Тейлора, sten., s. 68.

⁷ Ibid., s. 69.

⁸ Журнал боевых действий командующего вермахта на юго-восточном театре войны. Ibid., NOKW-811, dok. prok., t. VIII, s. 32 (5/X 1943).

нимали сохранение верности законному правительству Италии. В числе убитых (написание имен согласно американским документам) были: Эрн. Кимелло, командир дивизии (из Флоренции); подполковник Бенестри, командир батальона (из Сполето); майор Марио Джиганте, командир батальона (из Неаполя); подпоручики — Альб. Абананди (из Милана); Джулио Корда (из Серренти) и Пьетро Фелиганелло (из Валероны)¹.

9 октября 1943 года XXI горнострелковый корпус доносит: «В основном закончена операция против итальянской дивизии «Тауризезе»; ответные меры проведены в отношении 18 офицеров»².

13 октября 1943 года командующий германскими войсками на юго-восточном театре докладывает: «Дано распоряжение ликвидировать командира XV итальянского корпуса генерала Ронкалио в случае продолжения сопротивления»³.

А вот донесение 100-й пехотной дивизии от 1 ноября 1943 года: «Осуществлены ответные меры против 2 итальянских полковников, захваченных в плен вблизи высоты «505»⁴.

В уничтожении итальянских офицеров (сентябрь — ноябрь 1943 года) «за пальму первенства» борются два гитлеровских генерала: командующий 2-й танковой армией генерал Рендулич, несущий ответственность за убийство итальянских офицеров из дивизий «Бергамо» и «Тауризезе», и командир XXII горнострелкового корпуса генерал Ланц, 1-я горнострелковая дивизия которого расстреляла на о. Кефаллиния итальянского генерала Гандини и весь его штаб, коменданта о. Корфу, а также несколько десятков офицеров в Саранаде. Перед штурмом о. Корфу («операция «Измена»), которого итальянский комендант не хотел сдавать гитлеровцам, генерал Ланц дал приказ 1-й горнострелковой дивизии «пленных не брать»⁵. Командир 1-й горнострелковой дивизии со своей стороны издает приказ: одной из рот пресловутого полка «Бранденбург» принять участие в этом штурме. Солдаты этой роты были переодеты в итальянскую форму⁶, что полностью оправдывало, хотя и совершенно непредвиденным образом, немецкое название операции («Измена»).

28 ноября 1943 года командующий группой армий «Е» докладывает командованию германских войск на юго-восточ-

¹ Донесение «боевой группы фон Гиршфельда» штабу 1-й горнострелковой дивизии от 3—5 октября 1943 года. PN-7, NOKW-960, s. 34, 36 и sten., s. 9497.

² PN-7, обвинительная речь генерала Тейлора, sten., s. 69.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ PN-7, NOKW-865, dok. prok., t. VIII, s. 126—127.

⁶ Ibid.

ном театре: «При очищении северо-восточной части о. Самос произошло столкновение с вооруженными итальянскими офицерами. 53 человека взято в плен, а большая часть — расстреляна. Пленных рассматриваем как партизан»¹.

Рассматривать пленных как партизан в практике гитлеровцев во второй мировой войне означало расстрел без суда, в редких случаях после комедии военно-полевого суда. Однако если говорить о подавлении движения Сопротивления в Греции, то там не было и намека на военно-полевой суд. Воинская часть, которая захватывала пленных, сама выносila им приговор, а разведывательный отдел дивизии утверждал его и отдавал распоряжение привести приговор в исполнение и доложить об этом. Такова была, в частности, практика 1-й горнострелковой дивизии при подавлении итalo-греческого партизанского движения после захвата гитлеровцами о. Корфу. Донесения штаба этой дивизии содержат имена расстрелянных, причем в опубликованных после казни сообщениях для устрашения населения приводились только имена расстрелянных греческих партизан, имена же казненных солдат регулярной итальянской армии не объявлялись, по-видимому в связи с преступным характером этой процедуры и явным попранием норм международного права. Приведем пример: донесение о расстреле партизан Николы Баколя и Иоанниса Итоса и итальянского солдата Франческо Фурнери, казненных 8 ноября 1943 года², и второе такое же донесение от 10 ноября, касающееся партизана-грека Георгия Матиани и итальянского солдата Чиро Рандацио. Если говорить о втором донесении, то, как явствует из его текста, итальянский военнопленный, 27-летний сицилиец из Палермо, отказался давать какие бы то ни было показания на допросе³. В обоих этих случаях казнь была совершена отрядом полевой жандармерии № 54 из 1-й горнострелковой дивизии.

Участие солдат и офицеров итальянской армии в греческом и югославском партизанском движении — факт симптоматичный. Обильно пролитая кровь и жертвы, принесенные позднее в общей борьбе против фашистских захватчиков, в значительной степени искупили позор нашествия орд Муссолини на эти страны в 1940—1941 годах и их оккупацию.

Мелкие регулярные итальянские части совместно с югославскими и греческими партизанами, а также и самостоятельно принимали участие в боях против гитлеровцев. В до-

¹ «Tagesmeldung Okdo H. Gr. E. an OB Südost (Okdo H. Gr. F.) vom 28/XI 1943», ibid., NOKW-755, dok. prok., t. VIII, s. 99.

² PN-7, NOKW-959, s. 163. Донесение отряда полевой жандармерии № 54 штабу 1-й горнострелковой дивизии.

³ Ibid., s. 165—166.

несениях частей вермахта упоминается о совместных действиях итальянцев с «коммунистическими бандами». (Так, например, 18 ноября 1943 года под Спиле и Истоком итальянцы приняли участие в боях против 100-й горнострелковой и 297-й пехотной дивизий, входящих в состав XXI горнострелкового корпуса.) Гитлеровцы часто называют сражающихся итальянцев «бандитами» (термин, повсеместно принятый в фашистской официальной терминологии для обозначения партизан и патриотов). В донесении 189-й резервной дивизии (LIX корпус) указывается, например, что в окрестностях г. Дервента она атаковала 400 «бандитов» в итальянской военной форме¹.

Несмотря на то что итальянцы сражались в военном обмундировании, что полностью соответствует требованиям международного права (в случае взятия их в плен они считаются комбатантами), судьба итальянских военнопленных, попавших в руки гитлеровцев с оружием в руках, была неизменной и страшной: немедленный расстрел. В первую очередь это относится к офицерам. Вот несколько фактов.

Во время нападения на колонну немецких автомашин на о. Родос были захвачены в плен и расстреляны 4 итальянца. Этую казнь совершили солдаты воинской части, входящей в состав группы армий «Е»².

В донесении полка «Бранденбург» (LXIX корпус, 2-я танковая армия) от 18 ноября 1943 года говорилось: «Расстреляны 3 пленных итальянских офицера» (донесение от 16/XI 1943)³.

В донесении 297-й пехотной дивизии (2-я танковая армия) от 26 ноября 1943 года читаем: «Во время прочесывания территории на северо-запад от г. Добра расстреляно 16 коммунистов и взято в плен 30 итальянцев. В отношении 8 итальянских офицеров осуществлены ответные меры»⁴.

Приведенный выше перечень случаев убийства солдат и офицеров итальянской армии не является полным, а цифры — окончательными. После захвата Кефалинии и расстрела гитлеровцами генерала Гандини вместе с его штабом генерал Ланц (в своем рапорте о ходе этой «операции») сообщает о собственных потерях: около 80—100 человек, а потери итальянцев — «600 убитых и расстрелянных»⁵. Разумеется, трудно определить точно, сколько жертв приходится на каждый из этих двух «способов» истребления пленных. Так же обстоит дело и с установлением потерь итальянцев в боях за

¹ PN-12, dok. prok., t. XV, s. 35 (NOKW-075, NOKW-052).

² PN-12, NOKW-044, t. XXXV, s. 31.

³ PN-12, NOKW-075, t. XV, s. 22.

⁴ PN-12, NOKW-052, t. XV, s. 47.

⁵ PN-12, sten., s. 9494.

о. Корфу и в других местах¹. Далеко не полными являются и данные о числе расстрелянных итальянцев, принимавших участие в действиях греческих партизан. Однако и эти неполные данные красноречиво говорят о преступлениях, совершенных против беззащитных военнопленных, которые осмелились сохранить верность своему законному правительству и не хотели покориться гитлеровцам.

Истребление итальянских офицеров осенью 1943 года — одна из позорнейших страниц в летописи преступлений вермахта во второй мировой войне — стало известно миру буквально на следующий же день, вызвав повсюду гнев и возмущение. На совещании министров иностранных дел трех держав в Москве (19—30 октября 1943 года) была принята Декларация правительств Советского Союза, США и Великобритании об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства, которая, в частности, стала основой заключенного в Лондоне 8 августа 1945 года соглашения об учреждении Международного военного трибунала для наказания главных военных преступников европейских стран оси. Среди многочисленных преступлений, совершенных фашистами, в этой Декларации были указаны также и «массовые расстрелы итальянских офицеров». Московская декларация предупреждала, что немецкие солдаты и офицеры, а также члены нацистской партии будут (после победы союзников) судимы и наказаны за совершенные ими военные преступления, за попрание законов и обычаев войны, в частности в отношении итальянских офицеров и солдат.

Десятки тысяч итальянских солдат и офицеров, которые не пожелали перейти на сторону Гитлера, а также тысячи уцелевших солдат и офицеров из «взбунтовавшихся» дивизий были отправлены в фашистскую неволю в качестве так называемых «интернированных». Переброшенные на Восток, голодные и униженные, они были принуждены вчерашними союзниками к изнурительному труду, в частности в военной промышленности. Они «жили» и массами гибли в лагерях для военнопленных также в польском «генерал-губернаторстве».

Убийство канадских пленных в Нормандии в 1944 году²

Сразу же после высадки войск союзников в Нормандии (6 июня 1944 года) войсковые части, входящие в состав 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд» (командир бригадефю-

¹ PN-12, sten., s. 9494.

² По материалам «Supplementary Report of the Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force, Court of Inquiry re(garding) Shooting of Allied Prisoners of War by 12. SS Panzer-Division (Hitlerjugend), Normandy, France, 7—21 June 1944», «Trial», 2997-PS, v. XXXI, p. 451—461.

рер СС Витт, а после него, с 10 июня 1944 года, бригадефюрер СС Курт Мейер) в тридцать одном случае совершили преступные убийства взятых в плен безоружных солдат войск союзников. В период с 7 по 21 июня 1944 года убийства эти имели место в следующих пунктах Нормандии: Шато д'Одриё, Сен Сюльпис-сюр-Риль, Ле Солле, Ле Мениль-Патри, Ле Мэн, Муан, Аржантан.

Преступления выразились в расстреле пленных либо карательными взводами под командованием унтер-офицеров СС, либо лично офицерами и унтер-офицерами указанных частей. Солдат 25-го и 26-го мотопехотных полков СС и 12-го батальона инженерных войск СС учили на поворке перед проведением казней: «СС не берет пленных, поскольку этого не делают англичане». Совершенно ясно, что такую провокацию офицеры не могли организовать самостоятельно. «Во всей дивизии было известно, что политика беспощадности была по крайней мере, апробирована, если не открыто поддерживаема командиром дивизии (Куртом Мейером) и командирами полков»¹: Милиусом, оберштурмбанфюрером СС, командиром 25-го мотопехотного полка СС, и Монке, штандартенфюрером СС, командиром 26-го мотопехотного полка СС.

Непосредственное участие в этих убийствах принимали следующие офицеры и унтер-офицеры упомянутой дивизии: штурмбанфюрер СС Бремер, гауптштурмфюрер СС фон Ритценштейн, оберштурмфюреры Шенк и Кирхнер, штабсшарфюрер СС Хагетори, унтершарфюрер Вольф и другие.

Жертвами эсэсовских преступлений пали 107 военнопленных из союзных частей, в том числе 103 канадца, 3 англичанина и 1 американец. Среди них были раненые. Ни один из них не был убит «при попытке к бегству», ни один не оказал сопротивления при захвате его в плен.

В результате быстрого продвижения союзников в Нормандии это преступление, то есть массовое убийство канадских солдат, было вскоре раскрыто, а его обстоятельства и виновники выявлены на основе показаний избежавших смерти товарищей погибших, а также по показаниям взятых в плен солдат из 12-й танковой дивизии СС: Торбаниша, Мертенса, Гергольца, командира дивизии Мейера и других.

Еще в июле 1944 года канадское правительство через посредство Международного комитета Красного Креста заявило решительный протест против подобных преступлений. И тогда — скорее всего из боязни ответственности — солдатам 12-й дивизии стали говорить о положениях Женевской конвенции о военнопленных 1929 года и о необходимости их соблюдения.

¹ «Trial», 2997-PS, *ibid.*

Дивизия «Гитлерюгенд» в июне 1944 года входила в состав 1-го танкового корпуса СС (командир — обергруппенфюрер СС Зепп Дитрих). Этот корпус входил в танковую группу «Вест» (командующий — генерал танковых войск фон Швеппенбург), входившую в состав 7-й армии (командующий — генерал-полковник Дольман).

После войны канадский суд приговорил Курта Мейера к смертной казни. Однако приговор не был приведен в исполнение, и спустя некоторое время Мейера выпустили на свободу.

* * *

25 июля 1944 года солдаты 11-й дивизии СС взяли в плен экипаж английского танка типа «Шерман». Один из офицеров этой дивизии приказал расстрелять англичан, поскольку, как он утверждал, у него «не было людей для конвоирования пленных»¹.

28 июля 1944 года около Кана 752-й пехотный полк захватил в плен 4 английских солдата. Приведенные в штаб роты пленные отказались давать требуемые от них показания, в связи с чем все были расстреляны на месте².

Убийство 129 американских пленных под Сен-Витом

17 декабря 1944 года, во время зимнего наступления войск Рундштедта в Арденнах, под Сен-Витом в Бельгии была взята в плен группа из 129 американских солдат. Пленных гнали по шоссе с закинутыми на затылок руками, по дороге их ограбили — отобрали часы, кольца и другие личные вещи. У перекрестка дорог их отвели в поле и выстроили против нескольких стоявших там немецких танков.

Свидетелями этого преступления были несколько американцев, которые в момент пленения своих товарищей успели скрыться в зарослях и находившемся неподалеку сарае.

Неожиданно один из немцев, высунувшись из танка, дважды выстрелил из пистолета по стоявшим вблизи пленным, в результате чего двое из них упали на землю. В этот момент из двух танков был открыт огонь из пулеметов, продолжавшийся 2—3 минуты. Вся группа пленных, словно срезанная косой, свалилась на землю. Затем танки отошли, вскоре появилась другая колонна фашистских танков, которая снова обстреляла лежавших пленных. Подающих признаки

¹ Нота протesta английского правительства вместе с приложенным перечнем преступлений была передана германскому правительству 29 декабря 1944 года при посредничестве швейцарского правительства. PN-12, 757-PS, dok. prok., t. V, s. 209.

² Ibid., s. 210.

жизни гитлеровцы добивали выстрелом в лоб, висок или затылок, а некоторым размозжили головы ударом приклада или других тяжелых предметов¹.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В ОПЕРАТИВНЫХ РАЙОНАХ НА ВОСТОКЕ

Если весь цивилизованный мир был до глубины души возмущен преступлениями, совершенными гитлеровцами в отношении военнопленных из состава союзных и итальянских войск, то, надо прямо сказать, это была только капля в море по сравнению с масштабами и характером зверских преступлений фашистов в отношении военнопленных из состава Советской Армии. Достаточно сказать, что с советскими военнопленными гитлеровцы обращались особо, то есть особенно жестоко, зверски. Мы не будем здесь тщательно анализировать причины такого положения вещей, а также приказы ОКВ, касающиеся обращения с советскими военнопленными. Об этом речь пойдет в главе III. Однако приведем несколько фактов, основанных на немецких документах, чтобы читатели могли хотя бы иметь представление о количестве убитых и методах гитлеровских военных властей, применявшихся по отношению к советским военнопленным в оперативных районах на Востоке.

Приводим данные из донесений II-й армии командованию группы армий «Юг»².

В декабре 1941 года расстреляно («умерло») 135 советских военнопленных.

В январе 1942 года расстреляно («умерло») 1116 советских военнопленных, в феврале — 1115, в марте — 1035, в апреле — 538, в мае — 468, в июне — 490, в июле 1942 года расстреляно («умерло») 1379 советских военнопленных.

Окружной «начальник военнопленных «С» докладывает 29 марта 1942 года начальнику тыла группы армий «Север», что в феврале 1942 года в дулагах и шталагах, находящихся в его ведении, «умерло или расстреляно» 4570 советских военнопленных³.

В тыловом районе 2-й армии (генерал Зальмут) в сентябре 1942 года «умерли и расстреляны» 241 советский пленный, в октябре — 384⁴, а в ноябре — 360 пленных⁵.

¹ «Trial», 1634-PS (RF-382), v. VI, p. 375—376.

² Выдержка из «Meldungen über Kriegsgefangene», PN-12, NOKW-1284, dok. prok., t. XI, s. 55—61.

³ «Monatsbericht für OKH», ibid. NOKW-2415, dok. prok., t. XI, s. 110.

⁴ Журнал боевых действий начальника тыла 2-й армии (Корицк 580) за 3/X 1942, ibid., dok. prok., t. XIV, s. 5.

⁵ Ibid., донесение 9/XI 1942, NOKW-2361, dok. prok., t. XXXIV, s. 121—122.

Ежемесячные донесения LIX корпуса, направляемые в штаб танковой армии генерала Рейнгардта, показывают¹, что в январе 1943 года «умерло, расстреляно» 6 советских военнопленных, в феврале — 3, в марте — 3 и в мае 1943 года — 4 советских военнопленных.

А вот несколько особых донесений:

В первый день германского вторжения в СССР, 22 июня 1941 года, лейтенант Фогельполь из 504-го пехотного полка 291-й пехотной дивизии 18-й армии фельдмаршала Кюхлера (группа армий «Север») на поле боя, к западу от шоссе Кретинга — Боланга (Литовская ССР), в ходе боя приказал взятому в плен советскому солдату раскрыть тайну подземного перехода между двумя атакованными гитлеровцами, но упорно защищавшимися дотами. Когда пленный отказался предать своих товарищей, Фогельполь приказал тут же расстрелять его. Об этом бое и приведенном выше случае «герр лейтенант» написал обширное, выдержанное в «лирическом» духе донесение, которое потом было, как приложение, включено в журнал боевых действий его дивизии².

Штаб XXVIII корпуса докладывал 26 июня 1941 года штабу 16-й армии: в имении «Нарва» расстреляно 18 русских пленных ввиду их коварного сопротивления (!)³.

Донесение 16-й армии (группа армий «Север») от 24 декабря 1941 года содержит сообщение о «расстреле 9 русских солдат и 1 еврея»⁴.

Журнал боевых действий 281-й охранной дивизии (группа армий «Север») содержит запись от 30 декабря 1941 года о «расстреле 7 русских солдат и 2 комиссаров»⁵.

Тайная полевая полиция (группа 703) сообщает 26 января 1942 года: «28 декабря 1941 года арестован и расстрелян на ст. Шаховская (Московская область) военнопленный Александр Васильев, который был назначен в команду по расчистке дорог от снега, но установил связь с гражданским населением и распространял среди жителей тревожные слухи, рассказывая им о тяжелом поражении Германии и обещая скорое возвращение русских в их город»⁶.

В 1941 году 17-я армия расстреляла в Умани 500 военнопленных. Командующий этой армией генерал Гот впослед-

¹ PN-12, NOKW-2208, dok. prok., t. XIV, s. 78 и NOKW-2355, s. 217.

² «Bericht über den Sonderauftrag des 1. Zuges der 1/I. R. 504», PN 12, NOKW-1170, dok. prok., t. IX, s. 151.

³ Ibid., NOKW-2179, t. III, s. 178.

⁴ Ibid., NOKW-1934, sten., s. 670.

⁵ PN-12, NOKW-2154.

⁶ «GFP Gruppe 703; Tätigkeitsbericht für Monat Januar 1942», ibid., NOKW-696, dok. prok., t. XXXI, s. 137.

ствии оправдывался на суде тем, что это произошло якобы в связи с восстанием пленных в лагере¹.

Выдержки из журнала боевых действий 285-й охранной дивизии: «В период с 1 по 15 июля 1942 года полевая комендатура № 190 расстреляла 1 красноармейца.

19 июля того же года тайная полевая полиция (группа 728) расстреляла за партизанскую деятельность 2 красноармейцев. 21 июля того же года полевая комендатура № 190 расстреляла 1 бежавшего красноармейца за его партизанскую деятельность².

Запись в журнале боевых действий штаба тыла 2-й армии (Когицк 580) за 3 октября 1942 года: «В местности Боровка находилось 50 лиц, сильно подозреваемых в участии в партизанских действиях, среди них 27 незарегистрировавшихся красноармейцев, которые прибыли сюда в самые последние дни. Их публично расстреляли»³.

Донесение 3-й горнострелковой дивизии (6-я армия генерала Холлидта) от 5 августа 1943 года: «Атака на советские позиции неожиданно натолкнулась на ожесточенное сопротивление, в связи с чем мы вынуждены были застрелить 5 уже взятых в плен советских солдат»⁴.

УБИЙСТВО ВОЕННОПЛЕННЫХ — ВАРШАВСКИХ ПОВСТАНЦЕВ

Во время Варшавского восстания солдаты гитлеровского вермахта совершили ряд преступлений в отношении взятых в плен повстанцев. Мы не в состоянии привести здесь всех случаев убийств, однако полагаем, что несколько фактов, подобно тому как это сделано во вступлении, дадут читателю некоторое представление об имевших тогда место событиях. Преступления начались с первого же дня восстания и продолжались до его подавления. Вот эти факты.

1 августа 1944 года после разгрома в Мокотове [район Варшавы. — *Перев.*] повстанческого батальона «Одвест» («Возмездие») гитлеровцы расстреляли на месте несколько десятков захваченных в плен повстанцев⁵.

В ходе подавления Варшавского восстания имели место неоднократные пытки пленных перед казнью⁶.

¹ Показания генерала Гота, PN-12, sten., s. 3105.

² «Tätigkeitsbericht der Abteilung I-c», KTB 1/VII—28/XII 1942, *ibid.*, NOKW-2232, dok. prok., t. XIV, s. 83—88.

³ PN-12, NOKW-2276, s. 12.

⁴ Журнал боевых действий 3-й горнострелковой дивизии, *ibid.*, NOKW-2928, dok. prok., t. XVIII, s. 31.

⁵ См. A. Borkiewicz, Powstanie warszawskie, Warszawa, 1957, s. 75.

⁶ См. W. Bartoszewski, Smiertelny bój powstańców z Ochoty (Pęcice, 2/VIII 1944), «Stolica», 1956, № 33, s. 450.

В ночь с 1 на 2 августа 1944 года отступавшая с Охоты [район Варшавы. — *Перев.*] группа повстанцев, насчитывавшая около 700 человек, под командованием начальника повстанческого района подполковника Соколовского (псевдоним «Гжимала»), продвигаясь вдоль линии железной дороги, пыталась пройти через Регулы-Пенцицы в Сенкоцинские леса, а оттуда в Хойновские леса. В Пенцицах группа натолкнулась на гитлеровцев. Произошла стычка, однако большинство бойцов группы пробилось в Сенкоцинские леса. Все же в руки фашистов попало 67 повстанцев, преимущественно раненых. Семь человек, в том числе несколько женщин (как пишет Боркевич), были спасены благодаря заступничеству какого-то немецкого офицера, раненного в этой стычке¹. Остальные 60 человек после чудовищных пыток были расстреляны 2 августа в 6 часов вечера. Останки убитых в Пенцицах повстанцев были экскремированы в апреле 1946 года, и в большинстве своем имена их были установлены. Они «лежали в могилах с нарукавными повязками «АК» [«Армия Крайова» — национальная армия, находившаяся под руководством лондонского эмигрантского «правительства». — *Перев.*], одни с сохранившимися еще гранатами в карманах, у других перед смертью были связаны руки и ноги, на некоторых имелись следы пыток перед казнью»².

3 августа, в доме № 2 по улице Третьего мая был захвачен в плен почти безоружный взвод 1139. Все бойцы взвода были расстреляны под виадуком³.

В первых числах августа 1944 года в саду напротив больничного здания на улице Гурчевской [в Варшаве. — *Перев.*] расстреляно несколько сот повстанцев (мужчин). Несчастных заставили рыть для себя глубокий ров, после чего их ставили группами по 25 человек лицом к могиле, без рубах, в одних брюках, и убивали выстрелами из пистолетов в затылок. После расстрела одной группы приводили другую. «Никто не кричал, не просил пощады, не сопротивлялся». Среди казненных были 10—12-летние мальчики. Видимо, гитлеровские палачи били повстанцев и издевались над ними, так как последние подходили к могиле шатаясь⁴.

19 августа после захвата гитлеровцами здания Политехнического института были расстреляны все схваченные там повстанцы, а также все мужчины, искавшие убежища на территории института, в количестве 150 человек⁵.

¹ См. A. Borkiewicz, op. cit., s. 89.

² W. Bartoszewski, op. cit.

³ См. A. Borkiewicz, op. cit., s. 123.

⁴ «Documenta Occupationis Teletonicæ», Poznań, 1946, t. II, s. 34—35. Показания очевидца Яна Бенцвалка.

⁵ Ibid., s. 192. Боркевич говорит о нескольких расстрелянных повстанцах и о группе мирных граждан (см. A. Borkiewicz, op. cit., s. 357).

Всех подозреваемых в участии в обороне Старувки [Старе Място, район Варшавы. — *Перев.*] гитлеровцы расстреливали на месте. Боркевич подсчитал, что число расстрелянных в Старувке за время с 13 августа по 12 сентября 1944 года достигает 1309 человек¹.

В дни капитуляции Мокотова 26 сентября 1944 года на улице Хоцимской, в 150 метрах от больницы, гитлеровцы замучили и расстреляли 98 повстанцев, которые вышли из канализационных тоннелей. Пленных заставили встать на колени с поднятыми вверх руками, их били прикладами, а затем расстреляли². После сдачи повстанцами Мокотова 27 сентября 1944 года на улице Дворковой вышла на поверхность через канализационный колодец группа из 60 повстанцев. Она тут же была схвачена гитлеровцами и расстреляна. На следующий день другая группа, при таких же обстоятельствах, попала в руки гитлеровцев и разделила судьбу первой группы. Всего на улице Дворковой за два дня было расстреляно около 150 повстанцев. Все они были из полка «Башта»³.

* * *

Гитлеровцы убивали также взятых в плен солдат 1-й Польской армии [созданной в СССР в 1943—1944 годах. — *Перев.*], которые пришли на помощь сражающейся Варшаве.

23 сентября на Черняковском плацдарме⁴ гитлеровцы прямо на поле боя расстреляли несколько взятых в плен офицеров и солдат, а также убили около 200 раненых, размещенных в уцелевших от разрушений домах. Жертвами этого преступления пали офицеры и солдаты 9-го пехотного полка (3-я дивизия 1-й армии Войска Польского), а также командиры и рядовые бойцы-повстанцы⁵.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И МАССОВЫЕ САДИСТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В ОПЕРАТИВНЫХ РАЙОНАХ

В ряде случаев, прежде чем убить военнопленного, его мучили и пытали либо казнили особенно зверским способом. Зверства в отношении военнопленных были одним из аспект-

¹ См. A. Borkiewicz, op. cit., s. 302.

² «Documenta Occupationis Teutonicae, t. II, s. 128. Показания Владислава Чевского.

³ A. Borkiewicz, op. cit., s. 639.

⁴ 15 сентября 1944 года передовые части Советской Армии и Войска Польского, освободившие предместье Варшавы — Прагу, захватили на левом берегу р. Вислы плацдарм на Черняковской и Горносленской улицах, оказав тем самым поддержку варшавским повстанцам. На этом плацдарме сражались солдаты и офицеры 1-й Польской армии. — *Прим. перев.*

⁵ W. Wołoszyn, Walki 1 armii WP o Warszawę, «Wojskowy Przegląd Historyczny», Warszawa, 1958, № 2, s. 80—81.

тов садистских преступлений, совершаемых гитлеровцами в более широком масштабе в ходе подавления движения Сопротивления гражданского населения оккупированных стран. Речь шла не о том, чтобы попросту убить жертву выстрелом в затылок или в лоб, а чтобы предварительно замучить жертву и насладиться ее предсмертными муками. Подобные методы особенно широко применялись на Востоке, хотя нередко мы встречались с ними и при подавлении движения Сопротивления на Западе¹. Формы жестокостей и изуверств были здесь самыми разнообразными: от «обычного» избиения до запаривания насмерть, а равно сожжение заживо и много других чудовищных способов. Если говорить о сожжении заживо, то этот вид казни гитлеровцы применяли еще в период сентябрьской кампании 1939 года, а затем на Восточном фронте, особенно при массовом истреблении раненых во время Варшавского восстания.

Приведенные ниже факты садистских преступлений, совершенных в отношении советских военнопленных, собранные и изложенные в трех нотах Советского правительства — от 25 ноября 1941 года, 6 января и 27 апреля 1942 года, — были переданы правительствам всех государств, с которыми СССР поддерживал дипломатические отношения. Достоверность изложенных там фактов не подлежит сомнению. В частности, это подтвердил даже гитлеровский рейхсминистр Розенберг. В письме к Кайтэлю от 24 февраля 1942 года, приводя факты бесчеловечного истребления советских военнопленных, Розенберг пишет: «...Как видно из советской ноты, переданной кружным путем, Советы располагают бесспорными данными о вышеуказанных фактах»².

Зверства вермахта над захваченными в плен советскими людьми были частично раскрыты уже в 1941 году. Факты эти установлены советским командованием. Будучи опубликованы Советским правительством, они еще раз разоблачили «германскую военщину и германское правительство, как банду насильников, не считающих ни с какими нормами международного права, ни с какими законами человеческой морали»³.

Советская нота от 25 ноября 1941 года содержит, в частности, краткое описание преступлений, совершенных с исключительной жестокостью.

¹ «Trial», RF-425, v. VI, p. 406.

² «Trial», 081-PS, v. XXV, p. 159.

³ Нота Наркоминдела СССР от 25 ноября 1941 года «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных», «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, Госполитиздат, 1946, стр. 184.

В Украинской ССР на острове Хортица, на Днепре, после изгнания гитлеровцев были найдены трупы советских военнопленных с отсеченными руками, выколотыми глазами и вспоротыми животами.

У деревни Репки, на Украине, были обнаружены трупы замученных советских людей: командира батальона Боброва, политрука Пятигорского и двух бойцов. Руки и ноги всех замученных были пригвождены к кольям, на тела раскаленными ножами вырезаны пятиконечные звезды, лица изрезаны и обожжены. Неподалеку обнаружен труп бойца с обгоревшими ногами, с отрезанными ушами.

После изгнания фашистов из деревни Холмы (Северо-Западный фронт) найдены изуродованные трупы нескольких советских солдат, и среди них останки Андрея Осипова (из Казахской ССР), сожженного на костре.

На железнодорожной станции Грейгово (Украинская ССР) группе захваченных в плен советских солдат несколько дней не давали никакой пищи и воды. Затем военнопленным отрезали уши, выкололи глаза, отрубили руки и закололи штыками.

Недалеко от колхоза «Красный Октябрь» (около Брянска) найдены обгоревшие трупы 11 советских военнопленных. У одного из них на теле обнаружены следы пыток раскаленным железом.

В районе деревень Кудрово и Борисово (Ленинградская область) фашистами был зверски замучен начальник дивизионного медицинского пункта военврач 3-го ранга И. С. Лыстого. Все его тело было исколото штыками, в голове и плече имелись пулевые раны, на лице остались следы диких побоев. Несколько в стороне от него найден труп санитара П. М. Богачева, а также труп растерзанного шоferа санитарной машины Горбунова¹.

В городе Тихвине (Ленинградская область) найден обезображеный труп военного врача Рамзанцева: нос отрезан, руки вывернуты, голова скальпирована, шея в нескольких местах проткнута штыком².

Разгром немцев под Москвой зимой 1941/42 года и наступление на других участках советско-германского фронта позволили раскрыть на освобожденных территориях ряд ужасающих преступлений, совершенных в отношении военнопленных. Эти факты были оглашены в ноте Наркоминдела СССР

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 186.

² Нота Наркоминдела СССР от 6 января 1942 года «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях», «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 210.

от 27 апреля 1942 года «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления»¹.

В городе Старица (Калининская область) после освобождения его от оккупантов в одном из древних исторических монастырей найдены наваленные штабелями раздетые трупы замученных советских военнопленных.

Ограбленный гитлеровскими оккупантами собор в городе Верей (Московская область) был превращен в застенок. После бегства фашистов из Верей там обнаружено 26 изуродованных трупов советских военнопленных.

В деревне Красноперово (Смоленская область) наступающие части Советской Армии нашли 29 раздетых трупов советских военнопленных, заколотых ножами.

В деревне Бабаево (Смоленская область) гитлеровцы поставили у стога сена 58 советских военнопленных и двух девушек-санитарок и подожгли стог. Когда обреченные на сожжение люди пытались бежать, фашисты перестреляли их.

В городе Волоколамске на Пролетарской улице 3/6, куда загнали военнопленных, вдруг возник пожар. Когда запертые на пятом этаже военнопленные попытались выбраться из огненной западни, их перестреляли. Таким образом погибли в огне и расстреляны 60 военнопленных.

В деревне Поповка (Тульская область) гитлеровцы загнали 140 военнопленных в сарай и подожгли его. В огне погибло 95 человек.

В марте 1942 года части Советской Армии нашли вблизи деревни Джантора (Крымский фронт) 9 трупов советских военнопленных с выколотыми глазами и вырванными ногтями. У одного из замученных была вырезана вся правая часть груди, у других обнаружены следы пытки огнем, многочисленные ножевые раны и разбитые челюсти.

В Феодосии (Крым) были найдены обезображеные пытками десятки трупов солдат-азербайджанцев. Среди них: Джафаров Исмани-Заде, которому гитлеровцы выкололи глаза и отрезали уши, Алибеков Кули-Заде (вывернуты руки, заколот штыком), ефрейтор Ислам-Мамед Али оглы (вспорот живот); Аскеров Мустафа оглы (привязан проволокой к столбу и в этом положении умер от нанесенных ему ран).

Неподалеку от станции Погостье (Ленинградская область) гитлеровцы при отступлении после зверского избиения и пыток расстреляли разрывными пулями свыше 150 со-

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 228 и сл.

ветских военнопленных. У большинства замученных отрезаны уши, выколоты глаза, отрублены пальцы рук (у некоторых отрублена одна или обе руки), вырваны языки, а на спинах трех солдат вырезаны звезды.

В 1942 году в городе Керчи гитлеровские изувверы согнали 400 советских солдат и офицеров в здание школы имени Войкова и в клуб инженерно-технических работников, а затем подожгли эти здания. Пытавшихся спасти расстреливали из автоматов. Все пленные погибли¹.

В 1944 году под Оршой советский танковый десант, прорвав гитлеровскую линию укреплений, совершил рейд по тылам 78-й германской штурмовой дивизии, прервав ее связь с частями и нарушив управление войсками. В ходе рейда один из его участников, рядовой Юрий Смирнов, был ранен, упал с танка и попал в руки гитлеровцев. Раненого советского солдата затащили в командный бункер и стали допрашивать, чтобы получить от Смирнова крайне необходимую фашистам военную информацию. Вскоре после этого советские воинские части, продолжая наступление, нашли в бункере вблизи деревни Шалашино (Оршанский район, Витебской области) окровавленный труп советского солдата. Всё тело и лицо его были покрыты ранами и следами зверских пыток. «Большие ржавые гвозди были вбиты в лоб, руки и ноги замученного солдата. Возле него лежали красноармейская книжка и комсомольский билет. Оставшийся на месте незаконченный протокол допроса, брошенный фашистами при паническом бегстве, содержал отметку после каждого вопроса: «Молчит». В изуродованном трупе был опознан молодой солдат 1-го батальона 77-го гвардейского стрелкового полка комсомолец Юрий Смирнов, родившийся в деревне Макрево на Унже. Его отец Василий Смирнов погиб при обороне Сталинграда. В сентябре 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР молодому патриоту посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза»².

Нам известен другой случай подобного зверства гитлеровцев на Западе, когда трехлетний ребенок был распят на дверях дома (после предварительных пыток) в Пресле около Ниццы (Франция) 20 июля 1944 года. Мать этого ребенка была сначала изнасилована, а затем вместе с мужем расстреляна. Преступление совершено отрядом под командованием эсэсовцев. «Повод» — помочь, оказанная партизанам³.

1941—1942 годы — годы массового истребления многих тысяч советских военнопленных в лагерях — полны описаний

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 42.

² «Wolnosc», 14/XI 1949.

³ «Trial», v. VI, p. 406.

мук истощенных, еле передвигающихся, но еще живых узников. При массовой смертности, какая царила в этих лагерях, гитлеровцы ничем не утруждали себя и не обращали внимания на такие «мелочи»; они даже не всегда добивали полуживого, еще подающего признаки жизни человека — того, кто должен был вскоре умереть, бросали просто в кучу трупов, затем грузили на подводу и сбрасывали в общую могилу. В ходе послевоенных эксгумаций неоднократно обнаруживали в легких некоторых трупов песчинки, что ясно указывало на факт погребения заживо.

Сохранились и показания свидетелей этих фактов.

Два вольнонаемных работника пекарни в лагере для советских военнопленных в Демблине, поляки Хольда и Липец, показали, что лично видели, как из кучи трупов, брошенных на подводу, выполз еще живой пленный. «Немцы заметили это, избили его палками и снова бросили на подводу. Когда они ушли, пленный снова сполз с подводы, и, опираясь рукой о стену, шатаясь, стал уходить прочь. Немцы опять заметили его и снова бросили пленного на подводу. Но пленный сполз в третий раз. Тогда немцы кинули его на дно подводы, завалили сверху трупами, вывезли его из лагеря вместе с трупами, а затем закопали в могилу...»¹

На судебном процессе гитлеровских палачей из лагеря Штуттгоф (в 1947 году) был выявлен потрясающий факт. После того как эсэсовец Фот застрелил советского пленного и его «труп» был брошен в кремационную печь, оттуда послышались страшные крики: «На помощь, товарищи!». Это кричал принятый за убитого, но еще живой человек. Его добили выстрелом через смотровое окошко печи...²

Во время ожесточенных боев на «Поморском валу» в феврале 1945 года 32 военнослужащих из 3-го пехотного полка 1-й дивизии имени Тадеуша Костюшко попали в плен к фашистам и были зверски умерщвлены. Однако двум из них удалось бежать. Это были хорунжий Фургала и капрал Бондзюрецкий. Их донесение, а также немедленно начатое на месте расследование позволили выявить все обстоятельства этого страшного преступления³.

1 февраля 1945 года части 1-й дивизии вели тяжелые наступательные бои к востоку от шоссе Ландек — Ястров. Они атаковали противника, поддержанного огнем опорного пункта

¹ «Akta sprawy A. Giese», s. 209, AGK.

² «Akta sprawy Theodora Meyer», № 288-pr, sten., s. 38 и 66, а также показания Пауля Вихерна из лагерной охраны (ibid., s. 337); AGK.

³ Источники:

а) Протокол осмотра трупов польских солдат, сожженных гитлеровцами в с. Фледерборн (уезд Злотув). Составлен 5 февраля 1945 года капитаном М. Калитой (заместитель командира по политчасти 3-го легко-

в с. Подгайе (Фледерборн), а также подкреплениями, беспрерывно подходившими из Ястрова. Гитлеровцы все время контратаковали, используя тяжелые танки и пытаясь остановить продвижение польков. Во время одной из таких контратак часть 4-й роты 3-го пехотного полка, несшая боевое охранение, попала в засаду, была обнаружена и, несмотря на упорное сопротивление, захвачена в плен (у окруженных кончились боеприпасы). Группа пленных, воспользовавшись тем, что внимание охраны было отвлечено, пыталась бежать и пробиться к своим. Однако это удалось только двум вышеупомянутым бойцам. Несколько человек, в том числе командир роты подпоручик Альфред Софка, были убиты при попытке к бегству. Остальных 32 пленных погнали в с. Подгайе, где всех заперли в сарае, предварительно связав им руки колючей проволокой (одного даже железной цепью), после чего сарай облили бензином и подожгли.

Это преступление, по всей видимости, совершила воинская часть латышских изменников из 15-й дивизии СС, занимавшая с. Подгайе. «Мотивом» этого зверства были тяжелые потери, понесенные немецкими войсками в этом районе. Преступление было раскрыто почти немедленно после его совершения, как только польские части заняли с. Подгайе, и было официально запротоколировано. Останки героев и мучеников были захоронены их товарищами по оружию с воинскими почестями.

* * *

Не подлежит сомнению, что приведенный выше перечень садистских преступлений и зверств в отношении военнопленных далеко не полон. Ряд таких преступлений мы приведем в последующих главах, а многие еще ждут выявления.

Однако и то, что уже раскрыто, дает достаточное представление о бесчеловечной жестокости, с какой совершены многие военные преступления гитлеровцев во второй мировой войне, жестокости, являющейся одной из характерных черт фашизма вообще и германского фашизма в особенности.

артиллерийского полка) и старшим врачом полка, подпоручиком Вероникой Густав (GZPW, teczka 111, s. 16).

б) Рапорт заместителя командира по политчасти 1-й дивизии майора Казиора от 3/II 1945 года (CAW, I SP, t. 554, s. 48).

в) Донесение № 1 заместителя командира по политчасти 1-й дивизии майора Казиора за период 1—10/II 1945 года (jw).

г) «Szlakiem bojowym I Dywizji Piechoty od Wisły do Odry» (CAW, I DP, t. 570, s. 4).

д) Журнал боевых действий 3-го пехотного полка за февраль 1945 года (3 pp., t. 8, s. 7).

е) J. Gulgowski, Z. Welfeld, Historia 3 Berlinskiego Pułku Piechoty, Warszawa, 1955, s. 112.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ КАК «ЖИВОЕ ПРИКРЫТИЕ» АТАКУЮЩИХ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК

Ст. 9 Женевской конвенции 1929 года гласит:

«Ни один военнопленный ни в какое время не может быть послан в такое место, где он подвергался бы действию огня с поля боя, а также не может быть использован для защиты своим присутствием каких-либо пунктов или районов от неприятельского обстрела».

Это означает, что военнопленный не может быть использован: а) как живое прикрытие определенных объектов или военных укреплений (или промышленных объектов, имеющих военное значение) с целью защиты этих объектов от бомбардировки или атаки противника; б) как живое прикрытие собственных войск от воздействия противника с целью защиты этих войск от потерь, а также с целью облегчения захвата определенных объектов или подавления сопротивления противника.

Мысль об использовании «живого прикрытия» из военнопленных или гражданского населения не была «открытием» гитлеровцев, однако применение этой преступной меры во второй мировой войне было исключительно их «заслугой» и представляло собой беспрецедентный возврат к мрачным временам варварства прошлого.

Варварский обычай создания «живого прикрытия» гитлеровцы применили уже во время сентябрьской кампании 1939 года, когда гнали гражданское население впереди наступающих танков и пехоты на Оксиве под Варшавой, в боях на Бзуре («живой щит» в Ловиче) и т. д.¹.

Этот «опыт» был продолжен и развит также в борьбе против движения Сопротивления в оккупированных странах. Гитлеровцы пытались таким способом парализовать деятельность партизан, они выставляли заложников в местах, подвергавшихся нападению патриотов: в определенных зданиях, на путях сообщения, на промышленных объектах и т. д.

Особую форму этот «опыт» гитлеровцев приобрел в Греции. На железнодорожной линии Салоники — Афины первые два вагона курсирующих здесь поездов составляли так называемые «Geiselwagen» (вагоны с заложниками), за ними прицеплялся локомотив, потом вагон с охраной, а дальше — обычные вагоны. Как правило, заложников (до 50 человек), крепко связанных веревками, размещали на открытых платформах. Таких заложников, в частности, поставлял пресло-

¹ «Akta dochodzeń przeciw Rundstedtowi i inn.», t. II, s. 244, 246, AGK.

вутый концлагерь в Хайдари. Таким способом гитлеровцы пытались защитить поезд от нападения партизан¹.

Для прикрытия отступающих по морскому пути из Северной Норвегии германских войск командующий 20-й армией генерал-полковник Рендулич, основываясь на распоряжении ОКВ от 28 октября 1944 года относительно полной эвакуации местного гражданского населения, приказал посадить возможно большее число гражданских лиц на все корабли, перевозившие немецкие войска². А ведь всем было известно, что морские пути отступления гитлеровцев были густо заминированы и подвержены воздушным атакам союзников.

Особо широкие масштабы этот «метод» приобрел в войне гитлеровской Германии против СССР и при подавлении Варшавского восстания.

Случаи, когда гитлеровцы гнали советских военнопленных впереди своих наступающих частей, имели место уже в первые дни войны. Так было в районе совхоза «Выборы» (Ленинградская область), в районе Ельни (Смоленская область), в Гомельской области (Белорусская ССР), в Полтавской области (Украинская ССР) и в ряде других мест³. Преступления эти стали широко известны, сведения о них проникли через линию фронта и были сообщены всему миру еще осенью 1941 года.

Советских военнопленных пытались также использовать для оказания нажима на своих сражающихся товарищей, чтобы те сложили оружие и сдались в плен.

Так, например, в журнале боевых действий 96-й пехотной дивизии гитлеровцев 15 августа 1941 года отмечается: «Утром 15 августа дивизии надлежит разбросать в лесу листовки, призывающие к сдаче в плен. Остающихся на расстоянии видимости пленных следует выслать вперед: они также должны ходить по лесу и призывать к сдаче»⁴.

В период ожесточенных боев под Сталинградом в сентябре 1942 года гитлеровцы неоднократно прибегали к использованию «живого прикрытия», гоня впереди своих атакующих подразделений женщин и детей⁵.

Как уже говорилось выше, этот «боевой метод» гитлеровцы в самых широких масштабах применяли при подавлении Варшавского восстания.

¹ PN-7, sten., s. 2043—2045, 2486—2487.

² PN-7, NOKW-086, sten., s. 2527 (приказ генерала Рендулича от 29 октября 1944 года).

³ Нота Наркоминдела СССР от 25 ноября 1941 года. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 186.

⁴ Журнал боевых действий 96-й пехотной дивизии (16-я армия вермахта, группа армий «Север»), PN-12, NOKW-1924, dok. prok., t. VI, s. 54.

⁵ А. Еременко, Историческая победа под Сталинградом, «Коммунист», 1958, № 1, стр. 31.

В январе 1946 года на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников произошел следующий диалог между бывшим начальником штаба германских сухопутных войск генерал-полковником Гудерианом и допрашивавшим его от имени Польши прокурором Ежи Савицким:

«Савицкий: Знали ли вы о том, что ваши солдаты привязывали женщин и детей, а также и мужчин к танкам, которые шли в атаку на повстанцев, чтобы лишить последних возможности отбить эту атаку?

Гудериан: Не знал об этом и не верю в это. Считаю невозможным, чтобы немецкие войска могли творить что-либо подобное... Никогда бы не отдал такого приказа. При мысли об этом меня охватывает отвращение и ужас»¹.

Однако все эти действия, при одной мысли о которых Гудериана якобы охватывали «отвращение и ужас» и о которых он якобы не знал, имели место и являлись преступлением, совершенным в отношении сотен тысяч жителей сжигаемой и разрушающейся польской столицы.

Вопреки тому, что утверждал Гудериан, существуют доказательства, что пленных повстанцев гнали впереди наступающих танков, а иногда и сажали на броню танков; что пленных использовали для разборки баррикад (под огнем обороныющихся), а также как «живое прикрытие» наступающих фашистских частей. Еще чаще как «живое прикрытие» использовалось мирное гражданское население, нередко женщины и дети.

3 августа 1944 года гитлеровцы заставили около 200 мужчин разбирать под огнем повстанцев баррикады на Вольской, Млынтарской и Карольковой улицах².

Боркевич пишет, что 5 сентября группа фашистских танков, гоня впереди себя женщин и мужчин, атаковала баррикады повстанцев на Ордынцах, Свентокжской и Крулевской улицах³.

В тот же день гитлеровский полковник Гейбель, пытаясь оказать помощь осажденной повстанцами телефонной станции на улице Пия, 19, приказал гнать впереди своих танков группу около 200 женщин, причем часть из них насильно посадили на танки. В ходе отражения повстанцами этой атаки около 50 женщин погибло, а многие были обожжены⁴.

¹ Główna Komisja Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce — «Zburzenie Warszawy. Zeznania generałów niemieckich przed polskim prokurem, członkiem polskiej delegacji przy Międzynarodowym Trybunale Wojennym w Norymberdze», Katowice, 1946, s. 136—137.

² Показания Константина Смолинского, 850/z, OKMW III—I, inw. № 900, s. 3, AGK.

³ См. А. Borkiewicz, op. cit., s. 309.

⁴ Ibid., s. 311—312.

Случалось и так, что размещенное на танках «живое прикрытие» соскачивало у самых баррикад, удачно спасаясь от перекрестного огня, если удавалось скрыться за баррикадой. Отмечен случай такого спасения неизвестной юной санитарки повстанцев; она вся поседела после такого потрясения¹.

7 августа, атакуя позиции повстанцев на Повисле, гитлеровцы погнали впереди себя по Беднарской и Каровой улицам группу раненых повстанцев, захваченных в плен в медпункте на Фурманской улице, 7. Несколько человек погибло².

Приведенный перечень этого вида военных преступлений фашистов в сражающейся Варшаве далеко не исчерпывающий. Вся польская столица представляла собой тогда — для трусливо и варварски воюющих гитлеровцев — один огромный «живой заслон».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПАРЛАМЕНТЕРОВ

Убийство капитана Ильи Остапенко

В статье XXXII «Положения о законах и обычаях войны» (приложение к IV Гаагской конвенции 1907 года, глава III «О парламентерах») говорится:

«Парламентером считается лицо, уполномоченное одной из воюющих сторон вступить в переговоры с другой и являющееся с белым флагом. Как сам парламентер, так и сопровождающие его трубач, горнист или барабанщик, лицо, несущее флаг, и переводчик пользуются правом неприкосненности».

* * *

Офицер Советской Армии Илья Афанасьевич Остапенко никогда не был военнопленным, хотя и оказался (безоружным!) в руках гитлеровского вермахта и в результате этого был убит из-за угла фашистскими палачами. Выполняя приказ своего командования, капитан Остапенко, охраняемый исстари установившимися военными обычаями и четкими предписаниями международного права, перешел линию фронта в качестве парламентера, чтобы передать германскому командованию ультиматум о капитуляции.

В момент выполнения полученного им последнего боевого задания капитан Остапенко был старшим пропагандистом политотдела 316-й дважды Краснознаменной Темрюкской стрелковой дивизии. Преподаватель немецкого языка на гражданской службе, он овдовел во время войны. Отец двух

¹ «Documenta Occupationis Teutonicae», t. II, s. 177.

² Ibid., s. 171; см. также A. Borkiewicz, op. cit., s. 315.

детей, человек с седеющей головой, серьезный и чуткий, всеми уважаемый и любимый офицер, он прошел славный боевой путь от Кубани до Будапешта. И здесь, 28 декабря 1944 года, он получил от начальника политотдела дивизии полковника Шведова приказание возглавить от имени Советского командования группу парламентеров из трех человек, которой поручалась специальная миссия по передаче ультиматума командованию окруженных немецких войск в Будапеште¹.

Капитан Остапенко был взволнован, когда ему передали весть о предстоящей ему миссии. В этом нет ничего удивительного: он знал, что от успеха или провала его миссии зависит судьба тысяч людей. А может быть, и просто по-человечески он — фронтовик и боец, привыкший идти на врага с оружием в руках, — чувствовал себя несколько скованно теперь, когда ему предстояло идти в самое логово врага безоружным, хранимым лишь освященной тысячелетиями традицией неприкосновенности парламентера и положениями международного права.

Ультиматум Советского командования о капитуляции немцев основывался на безнадежном положении, в котором оказалась крупная гитлеровская группировка на южном участке Восточного фронта в результате мощного и победоносного наступления советских войск². 26 декабря 1944 года Будапешт и находившийся в нем 180-тысячный гарнизон были замкнуты в железное кольцо. Исходя из гуманных соображений и стремясь предотвратить напрасное кровопролитие, а также и разрушение венгерской столицы, Совет-

¹ Согласно сообщению С. Демонова из с. Изобильное (на Ставропольщине) и двух боевых товарищей И. Остапенко — супругов Анны Ивановны и Петра Григорьевича Борисовых (из Киева), помещенному в статье Евг. Долматовского: «Илья Остапенко, парламентер» («Литературная газета», 2 июля 1957 года).

² Это был осуществленный силами 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов на линии наступления длиной 1300 и глубиной 600 километров удар, начатый 28 сентября 1944 года и закончившийся 13 февраля 1945 года. Результатом этого удара был захват Будапешта и разгром крупной стратегической группировки гитлеровцев. В ходе боев на стороне Советской Армии приняли участие румынские, болгарские, югославские и чехосlovakские формирования, а также венгерские части. 29 декабря 1944 года командование окруженных в Будапеште немецких войск отвергло гуманное предложение о капитуляции, причем сделало это в беспрецедентно-зверской форме: путем убийства капитана И. Остапенко. В январе 1945 года советские войска отразили три мощные контратаки гитлеровцев, направленные на оказание помощи осажденному немецкому гарнизону Будапешта.

13 февраля 1945 года Будапешт пал, гитлеровские войска были разгромлены и, таким образом, открылся путь к освобождению Чехословакии и Австрии, а также к нанесению удара по Южной Германии (см. «Вторая мировая война 1939—1945 гг. Военно-исторический очерк», М., Воениздат, 1958, стр. 613—614).

ское командование решило послать к немцам парламентера с предложением о капитуляции. Ему предстояло передать германскому командованию пакет с ультиматумом.

В ночь с 28 на 29 декабря 1944 года в районе Будаэрш, под Будапештом, советские полевые радиостанции трижды передали в эфир сообщения о том, что 29 декабря в 12.00 советский парламентер перейдет линию фронта и направится к немецким позициям. Парламентером назначен капитан Остапенко, а сопровождать его будут переводчик лейтенант Орлов и старший сержант Горбатюк с мегафоном.

29 декабря в 11.30 на участке шоссе Будаэрш—Буда с советской стороны был прекращен огонь всех видов оружия, но едва три советских парламентера поднялись во весь рост, как по ним был открыт огонь немецких ручных пулеметов и полетели гранаты. Это повторилось еще раз. Лишь на третий раз гитлеровцы прекратили огонь, и ровно в 12.00 Горбатюк, размахивая белым флагом, вместе с обоими офицерами вышел на шоссе, и все трое направились к немецким позициям.

После своего возвращения лейтенант Орлов так описал дальнейший ход событий:

«Примерно через 10 минут мы достигли переднего края немецких позиций. Они проходят по склону холма, по которому идет шоссе. Когда мы приблизились к холму, оттуда выбежало навстречу нам пятеро немцев, один из них в офицерском мундире. Они окружили нас и тотчас же завязали нам глаза, после чего повели дальше. Спустя минут двадцать (за это время мы уже преодолели холм) нас посадили в грузовик. Во время поездки один из немцев, видимо переводчик, сказал по-русски: «Мы вас ждали с самого утра». Мы проехали около полутора километров, после чего нас ввели в какой-то подвал и посадили за круглый стол. По требованию капитана Остапенко с нас сняли наглазные повязки, и мы увидели перед собой за столом четырех офицеров. По-видимому, это был штаб полка. Капитан Остапенко обратился по-русски к одному из офицеров, который был старшим по званию. Я переводил его слова на немецкий язык. Капитан Остапенко разъяснил немецкому офицеру, что прислан сюда Советским командованием в качестве парламентера, чтобы передать окруженным в районе Будапешта частям ультиматум, подписанный маршалами Советского Союза Толбухиным и Малиновским. Капитан Остапенко попытался вручить немецкому подполковнику запечатанный пакет, но подполковник не принял пакета и вышел в соседнюю комнату, откуда начал разговаривать по телефону. Беседа его длилась минут десять. Все указывало на то, что немцы

отклоняют ультиматум: подполковник вернулся и что-то сказал своим офицерам. Все встали. Нам снова завязали глаза, посадили в грузовик и отвезли на фронтовые позиции. Здесь нам придали в качестве эскорта семь немецких солдат. Едва мы сделали несколько десятков шагов по шоссе, как сзади прогремело три выстрела. Я сорвал с глаз повязку и увидел следующее: капитан Остапенко лежал навзничь, а около него, присев на корточки, искал что-то гитлеровский солдат. Вместе со старшим сержантом Горбатюком я подошел ближе и обнаружил, что капитан Остапенко смертельно ранен. Гитлеровец, который склонился над телом Остапенко, вытащил у него пакет с ультиматумом, сунул его в карман моей шинели и велел нам идти вперед. Через несколько минут мы достигли наших позиций»¹.

Это преступление было совершено при абсолютном за-тишье по обе стороны фронта. Тело капитана Остапенко осталось на шоссе, ведущем в Буду. Весть об этом гнусном убийстве, об отклонении ультиматума положила конец прекращению огня. Лишь с наступлением темноты советские разведчики добрались до убитого капитана Остапенко и перенесли его тело к своим, где его похоронили с воинскими почестями.

На третий день после совершения этого преступления, 1 января 1945 года, начался штурм Будапешта, и 18 января была освобождена часть столицы — Пешт. Штурм Буды, осуществлявшийся в условиях ожесточенного сопротивления гитлеровцев, закончился 13 февраля 1945 года полным разгромом гитлеровцев и освобождением всего города. Советские войска захватили свыше 110 тысяч пленных. «Командующий окруженной группировкой немецких войск эсэсовский генерал-полковник Пфеффер-Вильденбрух вместе со своим штабом пытался бежать из города по канализационным трубам, но был вытащен оттуда под громкий смех советских воинов»².

Командующий войсками 2-го Украинского фронта, освободившими Будапешт, Маршал Советского Союза Р. Малиновский по случаю 10-летия разгрома гитлеровцев в Будапеште, касаясь преступления, совершенного фашистами в отношении капитана И. Остапенко, писал следующее:

¹ Согласно сообщению обер-лейтенанта Эбергарда Харисиуса, уполномоченного Национального комитета «Свободная Германия» при 3-м Украинском фронте, помещенному в печатном органе этого комитета — газете «Freies Deutschland» № 3 от 14 января 1945 года, в статье «Ein beispielloses Verbrechen» («Беспрецедентное преступление»).

² Маршал Советского Союза Р. Малиновский, Битва за Будапешт, «Правда», 13 февраля 1955 года.

«Советское командование, стремясь сохранить жизнь мирного населения и избежать ненужного кровопролития, а также с целью сохранения Будапешта, его исторических ценностей, памятников культуры и искусства, предложило гитлеровскому командованию и войскам, окруженным в городе, вполне приемлемые условия капитуляции. Но немецко-фашистское командование безрассудно отвергло это предложение. Более того, гитлеровцы, как подлые и трусливые убийцы, учинили вероломную кровавую расправу над советскими парламентерами»¹.

Обстоятельства, при которых совершено преступление в отношении капитана И. А. Остапенко, неопровергимо доказывают, что оно было совершено по приказу сверху.

Преступление, совершенное в Будапеште, формально касается только одного человека. Но тот факт, что оно произошло в самом конце войны, что свершилось оно на виду у сотен тысяч советских солдат 2-го и 3-го Украинских фронтов, окруживших Будапешт, на глазах 180 тысяч осажденных гитлеровцев, что оно было совершено цинично и трусливо, при одновременном попрании одного из наиболее древних принципов цивилизованного общества, — выводит это событие далеко за пределы ценности одной честной солдатской жизни. Без обиняков, открыто, средь бела дня, германский фашизм и милитаризм показали всему миру, на что они способны и что они представляют собой по самой своей сути. Поэтому капитан Остапенко пожертвовал своей жизнью не напрасно: бессмертная слава увековечила его имя, а его убийц покрыл несмываемый позор.

Убийство капитана Остапенко не было единственным преступлением, совершенным гитлеровцами в отношении парламентеров во время второй мировой войны. В своей статье Евг. Долматовский (не приводя подробностей убийства) упоминает о таком же факте, имевшем место там же, под Будапештом, и в то же время. Это произошло при иных обстоятельствах и на другом участке фронта с венгром Стеймцем, ходившим с ультиматумом в стан врага и убитым при выполнении своей миссии мира.

Еще один инцидент из той же категории преступлений имел место в 1945 году, перед самой капитуляцией гитлеровской Германии, — в Чехословакии, в местности Гавличков Брод. Штабс-капитан Сула вместе с сопровождавшим его офицером направился на местный аэродром, чтобы от имени чехословацкой армии обсудить условия капитуляции немецкого гарнизона. Оба чешских офицера не вернулись. После

¹ Маршал Советского Союза Р. Малиновский, Битва за Будапешт, «Правда», 13 февраля 1955 года.

захвата аэродрома было произведено расследование, в результате которого установлено, что оба парламентера вместе с шестью другими лицами были завлечены в госпиталь СС и там замучены насмерть. «Штабс-капитану Суле был вырезан язык, выколот глаз и разрезана грудь. С остальными поступили подобным образом. У большинства из них были вырезаны половые органы». Этот факт был подтвержден документами и фотографиями, представленными Суду народов в Нюрнберге¹.

ГРАБЕЖ ИМУЩЕСТВА ВОЕННОПЛЕННЫХ. МАРОДЕРСТВО И НАДРУГАТЕЛЬСТВО НАД ТРУПАМИ ПАВШИХ

Войнам и армиям в далеком прошлом неразлучно сопутствовали «гиены побоищ», обдиравшие трупы солдат, павших на поле боя. Войны также сопровождались массовым грабежом общественного и частного имущества, совершаемым государствами, армиями и отдельными мародерами-грабителями в мундирах. Жертвами этих грабежей наряду с мирным гражданским населением становились также и военно-пленные.

Международные конвенции и соглашения нашего времени стремились положить конец этой варварской практике.

Международная конференция в Брюсселе (1874 год), постановления которой хотя и не имеют обязательной силы, но стали, однако, фундаментом ряда позднейших международных конвенций, сформулировала эту проблему коротко: «Грабеж безусловно воспрещается» (ст. 39 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1874 года). В то же время ст. IV Гаагской конвенции 1907 года гласит: «Все, что принадлежит им [то есть военнопленным. — Ш. Д.] лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью», а ст. XXIII, пункт «ж», той же конвенции запрещает «истреблять или захватывать неприятельскую собственность, кроме случаев, когда подобное истребление или захват настоятельно вызывается военной необходимости».

Очень подробно трактуются эти вопросы в Женевской конвенции 1929 года, ст. 6 которой гласит: «Все вещи и предметы личного пользования, за исключением оружия, лошадей, воинского снаряжения и военных документов, остаются во владении военнопленных.

¹ О «деле Сулы», содержащемся в Чехословацком правительственном докладе, доложил трибуналу обвинитель от СССР полковник Покровский, «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 77—78.

Денежные суммы, находящиеся у военнопленных, могут быть отобраны у них только по распоряжению офицера и только после подсчета их; в принятии денег выдается расписка. Денежные суммы, отобранные таким образом, должны поступать на лицевой счет военнопленного.

Удостоверения личности, знаки различия военного звания, награды и ценные предметы не могут быть отняты у пленных».

Юридическая принадлежность личного имущества военнопленных — в свете указанных положений — не вызывает никаких сомнений. Женевская конвенция 1929 года не оставляет никаких лазеек для грабежа.

Не оставляет в этом сомнений также и немецкий военно-уголовный кодекс (*Militärstrafgesetzbuch*), действовавший в Германии во время последней войны. § 134 этого кодекса гласит:

«1. Кто на поле боя возьмет у павшего солдата, принадлежащего к немецким или союзным войскам, какую-либо вещь с целью незаконного ее присвоения, либо отнимет такую вещь у больного или раненого на поле боя, на марше, при транспортировке или в госпитале, либо у пленного, порученного его опеке [разрядка наша. — Ш. Д.], либо принудит отдать ее, — карается строгим тюремным заключением. В особо тяжких случаях виновный приговаривается к смертной казни, а в менее тяжких случаях — к тюремному заключению.

2. Допускается также лишение гражданских прав»¹.

Обязательности этих постановлений не отрицают даже немецкие теоретики международного права, хотя, по вполне понятным причинам, они оставляют своему гитлеровскому государству лазейку, дающую возможность при определенных обстоятельствах грабить пленных. Так, например, Шейдль писал в 1942 году: «Частная и личная собственность военнопленного, которую он имеет при себе, принципиально исключена из права на военную добычу государства, берущего в плен. Однако, если этого требуют интересы государства, она подлежит окончательной или временной конфискации»².

Не подлежит сомнению, что в этой области для третьего рейха в 1939—1945 годах были обязательны как постановления Женевской конвенции 1929 года, так и собственный

¹ «*Militärstrafgesetzbuch einschließlich Kriegsstrafrecht*». Erläutert von Prof. Dr. Erich Schwinge, 5. Auflage, Berlin, 1943, S. 303—304.

² F. Scheidl, *Die Kriegsgefangenschaft von ältesten Zeiten bis zur Gegenwart*, Berlin, 1943, S. 303.

военно-уголовный кодекс, то есть юридические документы, в которых ничто не оправдывает интерпретации Шейдля. Но Шейдль писал свою книгу в декабре 1942 года, и ему уже многое было известно, а третий рейх, как известно, имел своих «теоретиков». Следует также подчеркнуть, что позиция Шейдля расходится даже с воинским уставом... СС! Приведу пример.

«У военнопленных и подчиненных отбирать ничего нельзя», — гласит один из пунктов этого устава. Пункт этот перечисляет, что именно может приказать реквизировать командир. «...Все остальное является грабежом и карается смертной казнью»¹.

Однако гитлеровская практика была совершенно противоположной.

Война 1939—1945 годов со всей отчетливостью обрисовала главные особенности гитлеровского фашистского государства. Это было государство-чудовище, жившее убийствами и грабежами и, кроме того, отличавшееся полным презрением к законам, даже к своим собственным, гитлеровским, формально обязательным законам!

Война для третьего рейха была колоссальным грабительским предприятием. Этому грабежу покровительствовали заправилы рейха, которые участвовали в нем и часто сами грабили на свой страх и риск. При посредстве специально созданного грабительского аппарата, как, например, «Wirtschaftsorganisation Ost» («Хозяйственная организация «Восток») или «Оперативный штаб рейхслейтера Розенберга», в Германию бесконечным потоком вывозилось награбленное у населения оккупированных районов имущество, сырье, произведения искусства и т. д. За счет этого грабежа Геринг, например, пополнял свои личные коллекции, на Геринга же «работала», в частности, и дивизия, носившая его имя (дивизия СС «Герман Геринг»).

Колоссальным грабительским предприятием было также истребление евреев («акция «Рейнгард»). Кампания наглого грабежа проводилась и под предлогом борьбы с движением Сопротивления. При подавлении Варшавского восстания все участвовавшие в этом подавлении гитлеровские формирования не только убивали жителей и уничтожали имущество людей, но также занимались систематическим грабежом. Наряду с армией и гражданской администрации оккупированных стран усматривала в грабеже местного населения один из источников своего обогащения. Достаточно здесь напо-

¹ «Merkblatt über die Wegnahme von Feindesgut. Zur Einlage im Soldbuch», «Trial», SS-8, v. XLII, p. 476.

мнить хотя бы «деятельность» Франка в «генерал-губернаторстве» или Эриха Коха на Украине и в Белоруссии!

В принципе «легальным» был только грабеж, проводимый официально уполномоченными на это органами. Грабеж же, совершающийся отдельными лицами на свой страх и риск, был в принципе недопустим и при «несчастливом» стечении обстоятельств даже наказуем¹.

Организованный грабеж, санкционируемый приказами вышестоящих начальников, имел место в отношении военно-пленных всех государств. В отношении пленных западных государств он носил скорее эпизодический, но порой не менее наглый характер, как, например, в случае ограбления перед убийством 129 американских солдат в Сен-Вите. Напомним здесь два факта.

Французские пленные офицеры, доставленные в олаг XIII в Нюрнберге, были подвергнуты тщательному обыску, в результате которого их ограбили: отобрали много предметов личного пользования².

Такая же судьба постигла и транспорт польских офицеров, привезенных в феврале 1941 года из Румынии: по прибытии в лагерь в Дорстене их ограбили начисто³.

Особенно широкие масштабы приняло ограбление советских военнопленных.

Генерал Эстеррейх, «начальник военнопленных» в XX военном округе рейха, а затем на Украине, в своих показаниях о транспортах советских военнопленных, поступавших в лагеря, находившиеся в его ведении, заявил: «Многие поступавшие ко мне военнопленные были в тяжелом физическом состоянии, обессилены и неработоспособны, в рваном обмундировании и без обуви вследствие того, что военнослужащие германской армии отбирали у военнопленных сапоги, ботинки, обмундирование, белье и другие вещи»⁴.

Приведенные генералом Эстеррейхом факты не носили эпизодического характера: советских военнопленных грабили систематически, «по плану», в соответствии с издаваемыми приказами. К этому готовились еще до начала агрессии против Советского Союза. Этот факт доказывается захваченным во время войны циркуляром № 121-4 от 6 июня 1941 года, найденным в архиве 234-го пехотного полка 56-й немецкой дивизии. Сей документ называется «О принципах снабжения

¹ См. показания фельдмаршала Э. Мильха, «Der Prozeß», Bd IX, S. 148.

² Официальный доклад французского правительства: «Rapport sur la Captivité», 078/2/UK, «Trial», v. XXXIX, p. 160.

³ Сообщение узника лагерей Дорстен и Дёссель инженер-поручика Игнация Земянского, переданное автору.

«Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 129.

в восточном пространстве». В нем сказано буквально следующее: «На снабжение одеждой не рассчитывать. Поэтому особенно важно снимать с военнопленных годную обувь и немедленно использовать всю пригодную одежду, белье, носки и т. д.»¹

Особенно рьяно этот циркуляр выполнялся в период тяжелой для гитлеровцев зимы 1941/42 года. Но не только тогда.

Гитлеровские орды хлынули в СССР, уверенные в молниеносной победе, они не сомневались в том, что так и будет, что им не придется вести войну в зимних условиях. Но случилось иначе: планы гитлеровцев провалились. Отсутствие теплого обмундирования, шинелей, белья, обуви, перчаток и т. п. вынудило германское командование организовать «добровольные» сборы зимней одежды в самом рейхе, а также в самых широких масштабах грабеж этой одежды в оккупированных странах, особенно в еврейских гетто. Фашистский солдат в дамских мехах и платках стал в то время обычным явлением на Восточном фронте. Дополнительным источником снабжения теплой одеждой явилось для гитлеровцев также обмундирование павших в бою советских солдат и военнопленных.

О массовых грабежах и лишении военнопленных наиболее необходимых для них в зимних условиях предметов личного пользования, так же как и о других преступлениях гитлеровцев, стало незамедлительно известно, и это вызвало резкий протест со стороны Советского Союза. В советской ноте от 25 ноября 1941 года говорилось: «С наступлением зимних холодов мародерство стало принимать массовый характер, причем гитлеровские разбойники в погоне за теплыми вещами не считаются ни с чем. Они не только сдирают теплую одежду и обувь с убитых советских бойцов, но снимают буквально все теплые вещи — валенки, сапоги, носки, фуфайки, телогрейки, ушанки с раненых бойцов, раздевая их догола и напяливая на себя все, включая теплые женские вещи, снятые с раненых и убитых медицинских сестер»².

Этот грабеж, который в зимних условиях равнялся обречению ограбленных военнопленных на замерзание, не носил — и это надо еще раз подчеркнуть! — характера индивидуального мародерства: он регулировался приказами свыше.

В приказе штаба 88-го полка 34-й немецкой пехотной дивизии, озаглавленном «Положение с обмундированием»,

¹ Нота Наркоминдела СССР от 27 апреля 1942 года, «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 266.

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 187.

предлагается: «Не задумываясь, снимать с русских военно-пленных обувь»¹.

Таких локальных приказов было значительно больше, и они, по-видимому, издавались на основе вышеупомянутой директивы от 6 июня 1941 года, а возможно, и других, пока еще не известных нам приказов, о чем свидетельствует распространенность подобной грабительской практики.

Генерал-полковник Рейнгардт признал, тоже после войны, что зимой 1941/42 года у советских военнопленных отбирали валенки, но он «считал это правильным, ибо эти русские солдаты имели другую обувь» (!)². Даже если бы это и было так, то и тогда это весьма сомнительное оправдание грабежа.

Раздевали также, о чем мы упоминали выше, без приказа и по приказам трупы павших солдат.

Генерал Холлидт, командующий 6-й армией (вновь сформированной уже после разгрома армии Паулюса под Стalingрадом), допрошенный по вопросу об ограблении трупов солдатами его армии, под присягой показал (на процессе гитлеровского фельдмаршала Лееба и других), что такого приказа не было. Он смог лишь сказать суду, что по собственному опыту знает, что во время *первой мировой войны* был издан приказ: снимать со всех убитых немцев их верхнее обмундирование, «поскольку у живых его не было в достаточном количестве»³.

К явному позору Холлидта и всего германского командования сохранился один из таких приказов, отданных во время *второй мировой войны*, относящийся к сдиранию одежды с убитых советских солдат одной воинской частью, подчиненной Холлидту. Вот инструкция 79-й пехотной дивизии 6-й армии Холлидта от 27 января 1943 года: «С целью сбора трофеейной одежды необходимо, чтобы соответствующие команды из числа гражданского населения снимали одежду со всех убитых русских. Трофейная одежда должна быть незамедлительно доставлена на вещевой склад дивизии»⁴.

Вопрос этот для командования дивизии был чрезвычайно важен, что явствует из дальнейших положений указанной инструкции, оговаривающих для командования исключительное право распоряжаться всей военной добычей, включая

¹ Нота Наркоминдела СССР от 27 апреля 1942 года, там же, стр. 266.

² «Trial», v. XLII, p. 127 (Colonel Neave Report).

³ PN-12, sten., s. 4485.

⁴ Журнал боевых действий 79-й пехотной дивизии (27/I—3/II 1943 года), I-б, № 21—43, секретно, «Особые указания по снабжению, № 4—43». PN-12, NOKW-3002, dok. prok., t. IX, s. 80.

сюда «трофейную» одежду, содранную с убитого противника.

В то же время, если ограбленный и босой пленный взял у умершего товарища какой-либо предмет одежды, он считался преступником и карался смертной казнью. Так, например, когда в штталаге в Ламбиновицах [Ламсдорф] советские военнопленные, голые и босые в условиях суровой зимы, снимали лохмотья со своих убитых, умерших от голода или замерзших товарищ, чтобы как-то согреть свое коченеющее тело, спасаясь таким образом от неминуемой смерти, их зверски избивали, а затем вешали¹.

Так давняя практика «гнен побоищ» получила право гражданства в нацистском вермахте. Не щадили ни живых, ни мертвых противников, которые попадали в его руки. Создавая заведомо нечеловеческие условия существования в лагерях, фактически обрекая военнопленных, лишенных соответствующей одежды, на смерть от холода, гитлеровцы в то же время наказывали их за «нарушение закона».

¹ Показания двух немцев — Кароля Шпиннера, служащего лагеря, и Иосифа Генкеля из лагерной охраны. «Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. О преступлениях, совершенных германским правительством и германским верховным командованием над советскими военнопленными в лагере «Ламсдорф», М., 1946, стр. 19 и 22.

Преступная дискриминация отдельных категорий военнопленных

В период второй мировой войны гитлеровцы вопреки четко определенным положениям международного права самым преступным образом подвергали дискриминации определенные категории военнопленных вплоть до их полного, физического истребления.

Дискриминация эта заключалась в дифференцированном обращении с пленными в зависимости от того, представителем какой «расы» являлся тот или иной пленный, какова была его национальная или государственная принадлежность (в последнем случае имелся в виду социальный строй государства), в каком роде войск он служил, был ли это мужчина или женщина и как он вел себя после плена (не восставал ли против плены, пытаясь бежать из него).

Указанные критерии применялись в разное время и в различной степени. В то время как, например, в отношении определенных категорий советских военнопленных дискриминация и убийство были запланированы еще до нападения на СССР и осуществлялись с первого дня войны, дискриминация и убийство военнослужащих некоторых специальных формирований противника, прибегавших к новым методам борьбы, стали практиковаться либо вскоре после их появления (командос), либо тогда, когда гитлеровцы утратили прежнее преимущество в этой области (парашютисты). Некоторые дискриминационные критерии были введены в позднейшие периоды войны (убийство бежавших несоветских военнопленных на рубеже 1943—1944 годов).

Как же выглядит проблема дискриминации в отношении военнопленных в свете международного права? Пункт 2 статьи 4 Женевской конвенции 1929 года гласит:

«Различия в содержании военнопленных допускаются только в тех случаях, если они основаны на различии их воинских званий, состояния физического и психического

здоровья, профессиональных способностей, а также на различии пола».

Вышеприведенная норма права устанавливает, таким образом, принцип равноправия в обращении со всеми категориями военнопленных. Из него совершенно отчетливо явствует, что нельзя обращаться с военнопленными хуже (подвергать их дискриминации) по признакам национальности, расы, вероисповедания, принадлежности к роду войск и т. д. Конвенция допускает отклонение только в сторону улучшения обращения (например, в отношении офицеров, женщин, лиц со слабым здоровьем или профессионально одаренных) ¹.

Дискриминация в отношении советских военнопленных, истребление комиссаров, коммунистов, командос, парашютистов и пленных женщин являли собой беспрецедентное попрание прав некоторых категорий пленных (не говоря уже об их физическом уничтожении), сформулированных в приведенной статье Женевской конвенции 1929 года.

К этой категории дискриминируемых и уничтожаемых относились также пленные евреи.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ПОЛИТРАБОТНИКОВ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Советское государство, которое возникло на развалинах царской России в результате могучего исторического потрясения, каким была Великая Октябрьская социалистическая революция, с первого же дня своего существования оказалось в опасности, вызванной вооруженными интервенциями извне и контрреволюцией внутри.

В 1918—1922 годах молодая Красная Армия в тяжелых и упорных боях изгнала чужеземных интервентов и разгромила внутреннюю контрреволюцию. Эта изумительная победа малоподготовленной армии и ее молодых, поначалу почти совсем неопытных командиров над превосходящими численностью, вооружением, организацией и профессиональным опытом неприятельскими армиями стала возможной лишь

¹ Особым вопросом является практиковавшееся гитлеровцами в ходе второй мировой войны дифференцированное обращение с некоторыми национальными категориями пленных. Обращение с американскими, английскими и частично французскими пленными было в основном лучшим, чем с пленными других национальностей. Особыми привилегиями пользовались «фольксдайч» всех категорий независимо от их государственной принадлежности. Среди белгийцев выделяли фламандцев — за счет валлонцев; среди французов — бретонцев и т. д. Особой привилегией было массовое освобождение из плена вышеназванных категорий пленных (но это не относилось к англичанам и американцам). Расово-политические мотивы этого явления совершенно очевидны.

благодаря энтузиазму и революционному духу, который охватил сотни тысяч рабочих и крестьян, ставших солдатами и командирами Красной Армии, а также благодаря их беспримерной самоотверженности и героизму. Партия большевиков направила в каждую воинскую часть политических руководителей, которые — действуя плечом к плечу и в тесном содружестве с воинскими командирами — днем и ночью работали над повышением политической сознательности бойцов и командиров, над укреплением дисциплины и боевого духа солдат, поддерживая среди них авторитет командира, преданного революции. Их самоотверженность и мужество беспримерны. В то же время они беспощадно подавляли всякие проявления анархии в рядах армии и предательства в различных звеньях командования.

Институт военных комиссаров явился силой, которая поистине стала соавтором славных побед Красной Армии и тем самым защитила молодую Советскую республику и способствовала ее укреплению. Его роль и значение высоко оценил В. И. Ленин, сказавший: «Без военкома мы не имели бы Красной Армии»¹.

Институт военных комиссаров просуществовал в Советской Армии (с перерывами) до октября 1942 года. Отмененный в последний раз в августе 1940 года, он вновь был восстановлен в тяжелые дни неудач и отступления первого периода Великой Отечественной войны — 16 июля 1941 года. И опять — как это уже было в 1918—1920 годах — участие военных комиссаров в ликвидации опасности первого, наиболее трудного, периода войны стало весьма существенным и неоспоримым фактором победы. Армия любила своих комиссаров, верила им, видела в них самого близкого и верного друга и руководителя, надежную опору в тяжкие дни неудач и переменных судеб боев, а равно и соавторов побед. Популярная фронтовая песня того времени воспевает комиссара:

Много раз немецким гадам
Наносили мы удар,
И всегда был с нами рядом
Наш любимый комиссар.

Сложили песню мы не даром
И от души ее поем:
Вперед, вперед за нашим комиссаром
В огонь и воду мы пойдем!

Значительно дольше — почти до конца военных действий во второй мировой войне — просуществовал институт комиссаров в советских партизанских отрядах, где комиссары наряду с командирами были подлинной душой отрядов.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 154.

Чтобы избежать возможного недоразумения, следует сразу же разъяснить, что гитлеровцы употребляли термины «комиссар» (Kommissar), политрук (Politleiter), политический комиссар (politischer Kommissar) и военный комиссар (Truppenkommissar) не только для обозначения «комиссара» (военного комиссара) батальона, полка, дивизии или политрука роты, батареи и т. д. (старший политрук в фашистской терминологии значился как «Oberpolitruk»), но и для обозначения заместителей командиров по политической части даже в тот период, когда функции и звания комиссаров в Советской Армии были уже отменены. Гитлеровцы часто употребляли и более детальные обозначения: например, «politischer Kommissar in der Truppe» (для обозначения военного комиссара) и «politischer Kommissar in der Zivilbevölkerung» («гражданский комиссар»). В данной книге при употреблении определения «politischer Kommissar» всегда имеется в виду военный комиссар.

Когда в третьем рейхе созрело решение о нападении на Советский Союз, Гитлер в своих расчетах и планах обратил внимание, в частности, и на комиссаров Советской Армии. Он видел в них одну из тех сил, полное истребление которых считал необходимейшим условием победы, то есть «окончательного уничтожения советского государства».

Зверский замысел истребления комиссаров был впервые раскрыт Гитлером на совещании высших командиров и их начальников штабов в здании «имперской канцелярии» 30 марта 1941 года. На этом совещании (Kommissaren-Konferenz) присутствовали, в частности, Кейтель, Браухич, Гальдер, а также многие командующие группами армий и армиями, такие, например, как Лееб, Манштейн, Гёпнер и другие. Гитлер представил собравшимся свой план нападения на Советский Союз, раскрыл цели этой «кампании», а также способы ее проведения. Он заявил, что война эта, названная им «превентивной», не может вестись рыцарскими методами. Это будет война противостоящих идеологий и рас. Целью ее является искоренение «азиатско-варварского большевизма». Россия не подписала Женевской конвенции. Политические комиссары, которые являются носителями враждебной национал-социализму идеологии, не могут быть признаваемы солдатами. После взятия в плен их следует расстреливать, тем более-де, что есть основания предполагать, что русские не признают членов формирований СС и полиции военнослужащими и, конечно, будут их расстреливать. Это будет победоносная война, но, если немцы не хотят, чтобы через 30 лет ее пришлось возобновить, она не может вестись рыцарски, как на Западе; это должна быть война на истребление. Наряду с комиссарами надлежит уничтожить советскую

интеллигенцию и сотрудников ГПУ, также являющихся опорой большевистской идеологии. Ликвидация их [то есть всех перечисленных категорий советских людей. — Ред.] не может быть делом военных судов. Армия сама должна действовать организованно и методично... В заключение Гитлер категорически потребовал, чтобы офицерский корпус не просто уяснил его приказы, но и выполнял их безоговорочно: он-де желает, чтобы командиры преодолели свою личную щепетильность и принесли определенные жертвы¹.

Итак, слова Гитлера имели лишь один смысл: генералов открыто призывали к совершению преступлений в отношении офицеров Советской Армии, носящих форму, открыто владеющих оружием, представляющих неотъемлемую часть регулярной армии. Участников совещания, таким образом, не могло быть даже и тени сомнения относительно того, чего от них — воспитанников военных академий, хорошо понимающих, что такое военные обычай и международные конвенции, — требует их «фюрер». То был смертный приговор определенным группам сражающегося противника, располагающим всеми правами комбатантов, приговор, вынесенный за 3 месяца до начала военных действий! Это было запланированное с холодным, бесчеловечным расчетом убийство, наглое попрание законов войны. Такой речи высшие чины вермахта не слышали уже полтора года, то есть с 22 августа 1939 года, когда Гитлер накануне нападения на Польшу произнес в Оберзальцберге такую же кровожадную речь перед своими генералами.

Как повели себя эти генералы? Они были «благовоспитаны» и молчали. Лишь после ухода «фюрера» они якобы дали волю своим чувствам.

В ряде послевоенных показаний и свидетельств участников совещания 30 марта 1941 года упоминается о том, что «...все присутствующие командиры были возмущены», что после ухода Гитлера из зала они апеллировали к Браухичу, а тот к Кейтелю, якобы настаивая на отмене указания о ликвидации комиссаров. Однако факты говорят о том, что попытки не допустить преступление были чрезвычайно робкими, в принципе же все генералы ломали голову над тем, как... провести директиву Гитлера в жизнь.

¹ См. следующие источники: а) запись в дневнике Гальдера (PN-12, sten., s. 10 071—10 072), б) письменные показания фельдмаршалов Браухича и Манштейна, а также генерала Гальдера от 19 ноября 1945 года, данные Международному военному трибуналу (PN-12, dok. 3798-PS, dok. prok., t. XLVI, s. 244), в) обвинительное заключение по делу Манштейна (s. 73—74), г) стенограмма процесса по делу Манштейна (t. III, s. 144—145) и д) показания В. Варлимонта (PN-12, dok. 2884-PS, dok. prok., t. IV, s. 278). См. также «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 19—22 и 114.

Необходимо было прежде всего как-то определить принципы сотрудничества и сферу действия будущих исполнителей этой акции (из состава армии и службы безопасности), а также создать «организационные основы» задуманного преступления.

Занитесованные круги действовали безотказно, они быстро и единодушно пришли к соглашению. Уже через три дня после этого совещания («Kommissaren-Konferenz») генерал-квартирмейстер ОКХ генерал Вагнер доложил своему шефу, начальнику генерального штаба генералу Гальдеру, что он провел совещание с шефом РСХА Гейдрихом, на котором оба они пришли к соглашению (был заключен настоящий «договор», как охарактеризовал это соглашение после войны руководитель СД Шелленберг, также участник данного совещания) по вопросу о принципах взаимодействия между армией и «специальными отрядами» рейхсфюрера СС Гиммлера. На них-то и ложилось основное «бремя» осуществления директив Гитлера, то есть «отбора» и уничтожения «нежелательных элементов» из числа пленных, в особенности военных комиссаров. 28 апреля 1941 года главнокомандующий сухопутными войсками генерал Браухич специальным приказом довел текст «договора» до сведения командующих армиями¹.

Следующим шагом было создание «юридических оснований». Изданный 13 мая 1941 года приказ ОКВ, известный под названием «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»² («Gerichtsbarkeit «Barbarossa»), уполномочивал каждого германского офицера, которому придется «действовать» на оккупированной территории на Востоке, производить казни без суда и соблюдения каких-либо формальностей, казни любых лиц, подозреваемых во враждебном отношении к Германии. Одновременно этот приказ освобождал от уголовной ответственности германских солдат, совершивших преступления против населения оккупированных стран, даже в тех случаях, когда действия эти подлежали наказанию по немецким законам. Именно этот приказ стал первым «юридическим основанием» истребления комиссаров, и в нем, кстати, содержалось недвусмысленное заявление о том, что «по вопросу об обращении с политическими чинами будет дано специальное распоряжение»³.

24 мая 1941 года Браухич издал некое «Дополнение» к распоряжению «Об особой подсудности в районе «Барба-

¹ PN-12, slen., s. 2123.

² «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 339—341.

³ «Erlaß über die Ausführung der Kriegsgerichtsbarkeit im Gebiet «Barbarossa» und über besondere Maßnahmen der Truppe» («Trial», dok. C-50, v. XXXIV, p. 249—255).

ресса». То был «Приказ о соблюдении дисциплины». По мнению некоторых (германских) генералов, сей приказ должен был несколько смягчить наиболее жестоко звучавшие пункты приказа Гитлера, однако фактически он лишь более детально и тщательно сформулировал высказанные Гитлером на совещании 30 марта 1941 года положения о том, что армию должно держать в строгом повиновении и что нельзя допускать *индивидуальных* эксцессов со стороны солдат. «Солдат, — говорится в «Дополнении» Браухича, — должен чувствовать в каждом случае, что его обязывает приказ офицера, что должна соблюдаться дисциплина — основа нашего успеха». В заключение Браухич требует, чтобы обо всех важнейших событиях и случаях докладывалось в ОКХ¹. Этими особыми случаями и событиями (*besondere Ereignisse*) вскоре должны были стать убийства комиссаров. Таким образом, «Приказ о соблюдении дисциплины» ни в чем не изменил судьбы людей, обреченных на смерть, и никак не может служить смягчающим обстоятельством ни для самого Браухича, ни для ОКХ. С введением в действие указанного «Дополнения» были устраниены все препятствия на пути издания приказа о расправе с комиссарами.

Вопреки утверждениям Браухича, совершенно ясно, что именно ОКХ получило распоряжение подготовить проект приказа о комиссарах. Подготовка эта длилась весь апрель; 6 мая генерал Мюллер, подававшийся в ОКХ, направил в штаб оперативного руководства ОКВ (на имя генерала Варлимонта) первый проект. Заручившись положительным отзывом начальника военно-юридического отдела ОКВ генерала Лемана и будущего министра по делам «восточных территорий» рейхслейтера Розенберга (этот высказался за ликвидацию «только» высших должностных лиц), Варлимонт 12 мая 1941 года представил этот проект — с рядом поправок и дополнений — «самому» Иодлю². 6 июня приказ этот, названный в окончательной редакции «Kommissaren Erlass» («Распоряжение о комиссарах»), был передан из ОКВ в ОКХ, ОКЛ и ОКМ³. Спустя два дня, то есть 8 июня, шеф ОКХ фельдмаршал Браухич разослал это распоряжение подчиненным ему командующим армиями для сведения и исполнения⁴. Так за две недели до начала наступательных действий германские войска на Востоке были «обеспечены»

¹ PN-12, sten., s. 10 075—10 076.

² «Нюрнбергский процесс», т. II, стр. 637.

³ OKW (WFSt) Abt. L (IV. Qu.). «Richtlinien für die Behandlung politischer Kommissare», Befehl № 44822/41 (PN-12, dok. NOKW-484, dok. prok., т. III, с. 25—28).

⁴ PN-12, dok. NOKW-1076, с. 28—31.

одной из самых преступных директив, какие только знала военная история новейшего времени.

Привожу текст «Распоряжения о комиссарах»:

«Директивы об обращении с политическими комиссарами от 6 июня 1941 года

В борьбе против большевизма не следует рассчитывать на то, что враг будет придерживаться принципов человечности или международного права. В частности, от политических комиссаров всех рангов, как непосредственных организаторов сопротивления, нужно ожидать преисполненного ненависти, жестокого и бесчеловечного обращения с нашими пленными. Войска должны помнить следующее:

1. Щадить в этой борьбе подобные элементы и обращаться с ними в соответствии с нормами международного права — неправильно. Эти элементы представляют угрозу для нашей собственной безопасности и для быстрого умиротворения завоеванных областей.
2. Изобретателями варварских азиатских методов борьбы являются политические комиссары. Поэтому против них нужно со всей строгостью принимать меры немедленно и без всяких разговоров. Поэтому, если они будут захвачены в бою и окажут сопротивление, их, как правило, следует немедленно уничтожать.

В остальных случаях действуют следующие постановления:

I. Район военных действий

1. С политическими комиссарами, которые выступают против наших войск, следует обращаться в соответствии с распоряжением «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». Это относится к комиссарам всех званий и занимающим любую должность, даже если они только подозреваются в оказании сопротивления, саботаже или подстрекательстве к этому. Необходимо помнить «Директивы о поведении войск в России».
2. Политических комиссаров во вражеских войсках можно опознать по особым знакам отличия — красной звезде с вытканными золотом серпом и молотом на рукаве (подробнее см. «Вооруженные силы СССР», OKH/Gen. St. d. H. O. Qu IV, отдел войск иностранных государств, Восток (II) № 100/41 секр. от 15/I 1941 г., приложение 9 d).

Их нужно немедленно, прямо на поле боя, отделить от других военнопленных. Это необходимо для того, чтобы лишить их всякой возможности оказывать воздействие на пленных солдат. Эти комиссары не признаются в качестве солдат; на них не распространяется защита, предоставляемая военнопленным международным правом. После отделения их следует уничтожать.

3. Политические комиссары, которые не виновны во враждебном отношении или только подозреваются в таковом, могут быть оставлены до особого распоряжения. Только при дальнейшем продвижении в глубь страны можно будет решить, могут ли оставшиеся работники быть оставлены на месте или их следует передавать зондеркомандам. Следует стремиться к тому, чтобы последние сами производили расследование. При решении вопроса о том, «виновен или невиновен», личное впечатление об образе мыслей и поведении того или иного комиссара, как правило, важнее, чем состав преступления, который, пожалуй, не может быть доказан.
4. В первом и во втором случаях следует составить о происшедшем краткое донесение (докладную записку):
 - а) из подчиненных дивизии подразделений донесения направляются в дивизию.
 - б) из подразделений, непосредственно подчиненных командованию корпуса, армии или группы войск или группе танковых войск, донесения направляются командованию корпуса и т. д.
5. Все названные выше мероприятия не должны мешать проведению операций. Поэтому планомерные операции по розыску и прочесыванию не проводятся полевыми войсками.

II. В тылу войск

Комиссаров, которые будут задержаны ввиду их подозрительного поведения, следует передавать энзатцгруппам или эйнзатцкомандам полиции безопасности (СД).

III. Ограничения для военных и военно-полевых судов

Осуществление мероприятий, предусмотренных в разделах I и II, не может быть возложено на военные и военно-полевые суды командиров полков и выше».

«Распоряжение о комиссарах» (далее мы будем называть его сокращенно РОК) охватывает не только категорию военных комиссаров Советской Армии, но и всех других (то есть гражданских) советских политических работников. Самым циничным моментом в приведенном распоряжении является то, что, будучи само по себе глубоко античеловечным, оно принимает за «аксиому» предположение, что комиссары будут якобы действовать бесчеловечно, и ориентирует на то, что достаточно одного лишь подозрения в враждебных намерениях комиссара и что при решении вопроса «убить или не убить» все должно решать *впечатление*. Отстранение судов, тесное сотрудничество с СД — вот новые моменты в истории преступлений вермахта.

Кто же был автором РОК?

Генерал Варлимонт сообщает, что автором проекта I части РОК было ОКХ, зато II и III части добавил он сам¹. Версия эта находит свое подтверждение в документах. В содержащую наиболее преступные указания I часть РОК некоторые поправки внес сам Браухич — в момент передачи РОК командующим армиями (8 июня 1941 года). Поправки сделаны в форме двух дополнений (Zusätze), из которых первое допускало более «либеральное» в некоторых отношениях толкование зверского приказа, а в то же время второе еще больше вскрывало трусливый и циничный облик его авторов. Первое дополнение гласило, что акция против комиссара может иметь место только в том случае, если его «поведение и действия явно указывают на то, что он выступает или выступит» против вермахта. Однако второе дополнение (к пункту 2 части I) буквально топит «человечного» Браухича. Ликвидация комиссаров должна была осуществляться «после их изоляции... по приказу офицера не привлекающим внимания способом» [подчеркнуто в оригинал. — Ш. Д.]²

«Распоряжение о комиссарах» было передано письменно только командующим армиями и воздушными флотами; командиры меньших соединений были информированы о содержании этого распоряжения *устно* на совещаниях, которые состоялись во второй декаде июня 1941 года³. И всюду командиры корпусов, дивизий и т. д. принимали РОК без про-

¹ Показания В. Варлимонта от 14 ноября 1945 года (N. С., v. II, p. 283; v. V, p. 550, dok. 2884-PS).

² PN-12, NOKW-1016, dok. prok., t. III, s. 28—31.

³ После начала агрессии против СССР гитлеровское командование постаралось уничтожить этот компрометирующий приказ. Начальник штаба группы армий «Север» генерал Бренеке в своем приказе от 2 июля 1941 года, разосланном подчиненным группе армий войскам (16-й и 18-й армиям, 4-й танковой группе и командованию тыла этой группы армий), писал: «Считаю необходимым, чтобы распоряжение ОКХ

теста, молчаливо. Некоторые из них, вдохновленные ненавистью, которой было проникнуто РОК, отдавали подчиненным им частям собственные приказы, составленные в аналогичном духе. Так, например, во время совещания в Ольштыне 12 июня 1941 года командующий 4-й танковой группой генерал Гёйнер ознакомил с РОК командиров XLI танкового корпуса (генерал Рейнхардт), XVI танкового корпуса (генерал Манштейн), а также командиров дивизий и их начальников отделов I-с. В тот же день фон Манштейн издал свой собственный приказ, призывающий войска к беспощадному подавлению «большевистских поджигателей, саботажников и евреев». А 26 ноября 1941 года уже в качестве командующего 11-й армии упомянутый генерал в специальном приказе призывает армию к беспощадной расправе с военными и гражданскими комиссарами¹.

17 июня 1941 года на совещании в штабе LVII танкового корпуса в Миколайках командиры дивизий были лаконично поставлены в известность о том, что «фюрер» отдал приказ «ликвидировать» [это слово взято в кавычки в оригинале. — Ш. Д.] русских политических комиссаров и что приказ этот следует далее передать устно². В журнале боевых действий 17-й армии (запись от 18 июня 1941 года) сообщается о том, что с командирами корпусов обсужден «вопрос об обращении с красными комиссарами»³.

Совещания, на которых разъяснялись вопросы, связанные с некоторыми формулировками РОК, проводились в различных армейских инстанциях. Так, например, на совещании офицеров 454-й охранной дивизии, проведенном 20 июня 1941 года, обсуждался пункт 3 части I (политические комиссары — военные и гражданские). На совещании было констатировано следующее: «Нас интересуют только первые; не следует считать их комбатантами и обращаться как с комбатантами, в то же время комиссаров гражданских надлежит оставлять в покое»⁴.

об обращении с политическими комиссарами было уничтожено в целях предотвращения возможности его попадания в руки противника и использования в пропагандистских целях» (PN-12, NOKW-3136, sten., s. 2576). Отметим, что «предусмотрительный» Бренеке, выступая в апреле 1948 года в качестве свидетеля в процессе своего шефа фельдмаршала Лееба, решительно «не мог» припомнить, чтобы получал РОК, рассыпал его армиям и сам приказал его уничтожить. Отправительство продолжалось до тех пор, пока названный документ (NOKW-3136) с собственноручной подписью «забывчивого» генерала, который считал его уничтоженным, не был предъявлен ему судом!

¹ «Proces Manssteina», sten., t. III, s. 148.

² PN-12, NOKW-2334, dok. prok., t. III, s. 39.

³ Ibid., NOKW-1888, s. 57.

⁴ «Kriegstagebuch № 1 (15/V 1941 — 12/VIII 1941) der 454. Sici. Division» (PN-12, NOKW-2277, dok. prok., t. III, s. 57).

Аналогичную позицию занимали и в 3-й танковой группе, что нашло свое отражение в отчете отдела I-с, датированном 3 июля 1941 года¹. Такая интерпретация РОК, говорится в отчете, становится общепринятой, и донесения фронтовых частей будут содержать в дальнейшем [то есть в ходе войны против СССР. — Ред.] сообщения о ликвидации только военных комиссаров.

Однако это не было железным правилом, особенно в тыловых районах. Части вермахта, которым были поручены обеспечение тылов действующих войск и борьба с партизанским движением, в течение почти всей войны старательно «выискивали» и «обезвреживали» как военных, так и гражданских комиссаров. Об этом свидетельствует, в частности, приказ командира 444-й охранной дивизии от 14 июня 1942 года, направленный подчиненной ей группе тайной полевой полиции (ГФП) и требовавший 10-го и 25-го числа каждого месяца сообщать в штаб дивизии количество «уставновленных»: а) военных комиссаров, б) гражданских комиссаров и в) комиссаров, переданных в руки СД².

Так приказ об убийстве комиссаров еще задолго до зловещего дня 22 июня 1941 года был доведен до самых мелких подразделений группировки вермахта, сконцентрированной для нападения на СССР между Балтийским и Черным морями. Он был известен не только штабам корпусов и дивизий, но также и тем, кто непосредственно должен был проводить его в жизнь, — командирам полков, батальонов и рот.

«Распоряжение о комиссарах» было известно всюду, — категорически утверждает командир дивизии генерал Лейзер. — Каждый говорил о нем, и, естественно, оно широко обсуждалось в дивизиях. Я знал об этом из бесед, которые вел с командирами³.

Весьма компетентный генерал-полковник Гудериан (впоследствии начальник генерального штаба) подтвердил, что содержание РОК было сообщено всем нижестоящим офицерам — до командиров рот включительно⁴.

А солдатская масса? Ведь без сообщения текста РОК миллионам солдат выполнение такого приказа было бы невозможным. Гарри Марек, немецкий солдат из штабной роты 18-й танковой дивизии (командир дивизии — генерал Неринг), показал:

¹ Panzergruppe 3, I-с, «Zweiter Tätigkeitsbericht, Januar bis Juli 1941» (PN-12, NOKW-2239, s. 213).

² PN-12, NOKW-2891, dok. prok., t. IV, s. 348.

³ PN-12, sten., s. 2188.

⁴ J. Sawicki, Zburzenie Warszawy, Warszawa 1946, s. 118.

«21 июня, за день до начала войны против России, мы от наших офицеров получили следующий приказ: комиссаров Красной Армии необходимо расстреливать на месте, ибо с ними нечего церемониться. С ранеными русскими также нечего возиться: их надо просто приканчивать на месте»¹.

Немецкий солдат Вольфганг Шарте показал:

«За день до нашего выступления против Советского Союза офицеры нам заявили следующее:

«Если вы по пути встретите русских комиссаров, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, и русских женщин в форме, то их немедленно нужно расстреливать. Кто этого не сделает и не выполнит приказа, тот будет привлечен к ответственности и наказан»².

То же показал Йозеф Берндин, немецкий пленный из 6-й танковой дивизии³.

Итак, солдатская масса была информирована о содержании РОК накануне агрессии. Донесения о ликвидации комиссаров, поступившие уже в первый день войны, также подтверждают тезис о том, что РОК было доведено до сведения всего вермахта. Однако, с другой стороны, вполне понятно, что директива такого особого значения, как РОК, до самого начала нападения на СССР сохранялась в глубокой тайне, и нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о том, что РОК в то время было известно вне пределов рейха.

После войны некоторые германские командиры утверждали, что они, понимая преступный характер РОК, якобы не сообщали его содержание подчиненным им войскам. Мы еще вернемся к этому вопросу. Сейчас же только подчеркнем, что если бы даже отдельные такие случаи и имели место, все равно они нисколько не меняют того факта, что РОК было распространено во всех немецких соединениях и частях, действовавших на Востоке, и методично реализовалось ими.

Наступил день 22 июня 1941 года. На всем протяжении фронта разгорелись ожесточенные бои, вызванные германской агрессией. Одновременно на всем этом огромном фронте началось запланированное с холодным расчетом убийство пленных комиссаров и политработников.

¹ Выдержка из протesta свыше 60 немецких военнопленных из лагеря № 78 (в СССР), направленного в январе 1942 года в адрес Международного Красного Креста против зверского обращения германских властей с советскими военнопленными («Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 46).

² «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 46.

³ Там же, стр. 47.

В штабы дивизий, корпусов и армий сразу же стали поступать донесения о «ликвидированных» комиссарах. Там, где такие донесения запаздывали, оказывался нажим сверху. Язык тех, кто «подгонял» нижестоящих, был различен: одни с откровенным цинизмом называли вещи своими именами, другие стыдливо маскировали смысл распоряжения.

Командир XLI танкового корпуса генерал Рейнгардт 23 июля 1941 года писал командиру 1-й танковой дивизии: «Командование 4-й танковой группы требует регулярного представления донесений о ликвидированных политруках в положенные сроки. Ближайшее донесение надлежит прислать к 10.00 3.8.41 по состоянию на 2.8.41»¹.

Командующий 4-й танковой группой генерал Гёпнер 16 августа направил Рейнгардту следующую телеграмму: «Секретно. Доложить до 17.8.41 о приконченных политруках за период с 3 по 16 августа, включительно»². Аналогичное напоминание повторялось 13 сентября и т. д. и т. д.

К иной фразеологии прибегал, например, штаб 227-й пехотной дивизии, который в донесении от 1 января 1942 года сообщал штабу XXVIII корпуса (18-я армия): «Приказом по дивизии 14-е и предпоследнее числа каждого месяца определены в качестве сроков представления донесений о количестве достоверно зафиксированных *мертвых* («*toten*») комиссаров и политруков»³.

Донесения о «ликвидации» комиссаров стали поступать уже с первого дня войны и продолжали поступать (правда, в уменьшающемся количестве) в течение последующих двух лет. Полки рапортовали об этом дивизии, дивизия — корпусу, корпус — армии, армия — группе армий, а эта последняя — ОКХ.

Весьма характерно одно из самых ранних донесений, представленное в первый же день войны. В 17.45 штаб XXVIII корпуса сообщил штабу 16-й армии (группа армий «Север») о небольшом числе взятых пленных. В донесении указывалось, что среди пленных якобы царит плохое настроение, зато комиссары «производят хорошее впечатление, они отлично сражались и побуждали людей к упорной обороне». Этот почти рыцарский тон донесения заканчивается зубовым скрежетом в духе РОК: «1 комиссар и 1 офицер ввиду скрытного поведения (wegen hinterhältigen Verhaltens) были расстреляны»⁴.

В 19.15 того же дня отдел I-с 20-й моторизованной дивизии доложил штабу XXXIX корпуса: «Были убиты 1 комиссар

¹ PN-12, NOKW-1587, t. IV, s. 243.

² Ibid., NOKW-1674, s. 225.

³ Ibid., NOKW-2816, dok. prok., t. IV, s. 318.

⁴ Ibid., NOKW-2117, s. 67.

сар и 1 гражданский», а на следующий день: «Кроме доложенных случаев, убит 1 политический комиссар»¹.

В этом донесении использована более завуалированная форма: вместо слов «прикончен» или «расстрелян» написано «убит», но бесспорно, что речь тут идет не об убитых в бою.

Упомянутый выше XXVIII корпус в тот же день передал и второе донесение: «Приведен в исполнение приговор в отношении красного комиссара»². Речь здесь идет об убийстве комиссара, «ликвидированного» 123-й пехотной дивизией, которая входила в состав этого корпуса. Захваченные документы 123-й пехотной дивизии проливают свет на личность жертвы преступления. В отчете начальника разведки дивизии (за первый день войны) мы находим следующую запись, датированную 22 июня 1941 года: «Среди русских пленных оказался также политический комиссар Кузьма Сарын из 178-го строительного батальона. В 20.35 в соответствии с приказом он был расстрелян»³.

В приведенном донесении следует обратить внимание на тот факт, что расстрел совершен на основании приказа и что тут уже не было никакого «личного преступка» или действий на собственный страх и риск. Все происходило так, как этого требовал изданный Браухичем «Приказ о дисциплине», которым после войны словно щитом хотели прикрыть преступный характер РОК.

После этих первых донесений вскоре стали поступать другие (речь также идет о XXVIII корпусе):

23 июня 1941 года расстреляны 2 комиссара, 14 и 21 июля — по одному (в том числе один из 42-го бронетанкового полка), а 23 июля корпус уже доложил о 14 расстрелянных и 2 павших в бою комиссарах⁴.

К наиболее ранним донесениям следует также отнести донесение штаба 12-й танковой дивизии от 1 июля 1941 года, направленное в штаб XXXIX корпуса: «30 июня 1941 года взят в плен политический комиссар в чине полковника. После произведенного дознания он был расстрелян согласно приказу»⁵.

А вот несколько донесений, адресованных штабу 16-й армии:

из 123-й пехотной дивизии (I корпус): 14 сентября 1941 года расстрелян 1 политрук;

из 123-й пехотной дивизии (I корпус): 14 сентября 1941 года расстрелян 1 комиссар;

¹ PN-12, NOKW-2246, dok. prok., t. III, s. 69.

² Ibid., NOKW-217, s. 65.

³ Ibid., NOKW-2061, t. IV, s. 160.

⁴ Ibid., NOKW-2117, s. 59—67.

⁵ Ibid., NOKW-2245, s. 201.

из 126-й пехотной дивизии (I корпус): 15 сентября 1941 года захвачен в плен 1 комиссар;
из 30-й пехотной дивизии (X корпус): 15 сентября 1941 года расстрелян 1 политрук;
из 21-й пехотной дивизии (I корпус): 27 сентября 1941 года расстрелян 1 комиссар;
из 30-й пехотной дивизии: 5 октября 1941 года расстрелян 1 политрук;
из 126-й пехотной дивизии: 6 октября 1941 года расстрелян 1 комиссар;
из I корпуса: 11 октября 1941 года расстрелян 1 комиссар;
из I корпуса: 22 октября 1941 года расстреляно 2 комиссара¹.

Из многочисленных донесений такого содержания, которые поступали в штаб 16-й армии от подчиненных корпусов (I, II, X, XXVIII и XXXIX), мы процитируем два особенно красноречивых. 23 июля 1941 года I корпус доложил: «Не расстреляно ни одного комиссара», а 23 августа 1941 года 122-я пехотная дивизия XXVIII корпуса: «1 комиссар пал в бою»².

Таким образом, день, когда не был убит ни один пленный комиссар, считался в 16-й армии днем особенным, комиссара же, который пал в бою, признано было необходимым выделить из общего числа других, в отношении которых язык донесений неизменно употреблял понятия «erschossen» («расстрелян») или — реже — «getötet» («убит»).

II корпус 2 августа 1941 года доложил: «За истекшую неделю расстреляно 6 комиссаров»³.

I корпус доложил: «1 ноября 1941 года расстреляно 2 комиссара», а XXXIX корпус: «2 ноября 1941 года расстреляно 7 комиссаров»⁴.

16 ноября 1941 года XXXIX корпус представил загадочное донесение: «22 комиссара и 9 партизан». Несомненно, здесь стыдливо пропущено слово «расстреляны»⁵.

I корпус 11 и 17 ноября расстрелял по 1 комиссару.

* Не отставала и 18-я армия генерала Кюхлера, того самого, который командовал 3-й армией в сентябрьскую кампанию 1939 года⁶.

Здесь особенно «отличался» XXVIII корпус (в начале войны находившийся в подчинении 16-й армии). Входившая

¹ PN-12, dok. prok., t. III, s. 73—124.

² Ibid.

³ Ibid., NOKW-2148, dok. prok., t. IV, s. 202.

⁴ Ibid., s. 200—201.

⁵ Ibid., NOKW-2467, t. IV, s. 104.

⁶ Ibid., NOKW-2288.

в его состав 1-я пехотная дивизия доложила 26 октября 1941 года: «Ни каких особых происшествий не произошло. Расстреляно 16 комиссаров»¹. 122-я дивизия 29 ноября 1941 года сообщила: «Расстреляно 2 комиссара». Точно так же 227-я пехотная дивизия доложила 15 декабря 1941 года: «Расстреляно 2 политрука»².

269-й артиллерийский полк (269-й пехотной дивизии L корпуса 18-й армии) доложил 20 ноября 1941 года: «В 1-й батарее по приказу командира подразделения расстреляно 2 русских пленных. Это были 1 комиссар и 1 старший офицер»³.

Не было пощады и женщинам. Штаб 269-й пехотной дивизии доложил 28 сентября 1941 года: «Расстреляна 1 женщина-комиссар»⁴.

В некоторых донесениях не исключалось, что число «ликвидированных» комиссаров могло быть выше сообщенных официальных данных. Так, например, 17 июля 1941 года 20-я пехотная дивизия доложила XXXIX корпусу, что с 5 июля в зоне ее действий расстреляно 20 комиссаров, но «цифра эта может быть выше, поскольку не всегда удается установить, не были ли комиссары ликвидированы еще и другим способом»⁵.

Наряду с донесениями, поступавшими от частей в вышестоящие штабы, имела место также и взаимная информация соседних армий, касавшаяся боевой обстановки и особых происшествий, какие имели место на их участках фронта и в тыловых районах. К этой последней категории информации относились также сообщения о «ликвидации» комиссаров.

Так, 16-я армия пересыпала подобного рода информацию не только непосредственному начальнику — главнокомандующему группой армий «Север», но также и своим соседям: 18-й армии, 3-й и 4-й танковым группам, VIII авиакорпусу, 9-й армии⁶. Тот факт, что гитлеровцы с циничной откровенностью распространяли данные о расстрелянных комиссарах, является еще одним доказательством того, что практика истребления политработников Советской Армии была повсеместно известна и применяема в вермахте и что дело это считалось самым обычным.

16-я армия информировала 18-ю армию раз в неделю. Вот донесение за 19 октября 1941 года: «В период с 12 по

¹ PN-12, NOKW-1449, s. 69.

² Ibid., NOKW-1461, s. 118, 123.

³ Ibid., NOKW-2290, dok. prok., t. X, s. 84.

⁴ Ibid., NOKW-2207, t. IV, s. 42.

⁵ Ibid., NOKW-2412, s. 218.

⁶ Ibid., NOKW-2179, dok. prok., t. III, s. 125.

18 октября 1941 года расстреляно: 121 партизан, 2 политрука, 1 шпион». В недельном рапорте за время с 19 по 25 октября 1941 года сообщается: «Расстреляно 240 партизан, 1 женщина, 5 комиссаров». За время с 26 октября по 1 ноября 1941 года: «Расстреляно 150 партизан, повешено 7 партизан, расстреляно 7 комиссаров». За время с 1 по 15 октября 1941 года: «Расстреляно 225 партизан, 11 шпионов, 10 политруков»¹. Донесение от 30 ноября 1941 года гласит: «Расстреляно 6 партизан, 1 комиссар, 2 политрука, 3 женщины и... [число не указано. — Ш. Д.] несовершеннолетних»².

Таким же способом обменивались информацией 3-я и 4-я танковые группы и т. д. и т. д.

Установить общее число истребленных политработников чрезвычайно трудно. Разрозненные, неполные данные позволяют восстановить положение вещей только в некоторых армиях и лишь в определенные периоды времени. Так, в частности, установлено, что до конца декабря 1941 года 16-я армия расстреляла 71 комиссара, а 18-я армия — 25³. Значительно выше цифры истребленных комиссаров в 4-й танковой группе генерала Гёпнера, входившей вместе с 16-й и 18-й армиями в состав группы армий «Север». Особенное «ревение» в выполнении РОК проявлял XLI корпус генерала Рейнгардта. Одна лишь 269-я пехотная дивизия, входившая в его состав, доложила о ликвидированных на 8 июля 1941 года... 34 политруках! За то же время весь корпус уничтожил 97 политруков. Цифра эта по всей танковой группе на 10 июля 1941 года составила 101 убитого⁴, а на 19-е того же месяца возросла уже до 172 человек⁵. Следует помнить, что данные цифры относятся только к первым четырем неделям войны. Так, например, число «ликвидированных» 269-й пехотной дивизией комиссаров на 20 мая 1942 года возросло до 50 человек⁶.

Факты зверских расстрелов комиссаров Советской Армии имели место также в районах действия групп армий «Центр» и «Юг». Об этом свидетельствуют соответствующие донесения, часть которых мы приводим ниже.

19 июля 1941 года 3-я танковая группа (группа армий «Центр») информировала 4-ю танковую группу о том, что еще не поступили донесения о «ликвидированных» комиссарах: «Число взятых до сего времени в плен и ликвидирован-

¹ PN-12, NOKW-1349, dok. prok., t. IV, s. 57—64.

² Ibid., NOKW-1325, s. 204.

³ PN-12, sten., s. 1795—1796.

⁴ Ibid., sten., s. 3363—3365.

⁵ Ibid., NOKW-1674, dok. prok., t. III, s. 224.

⁶ Ibid., sten., s. 9071—9072; NOKW-3409.

ных комиссаров, видимо, очень незначительно» (около 50!) ¹. Однако вскоре такие донесения поступили, и 3-я танковая группа определила число умерщвленных по состоянию на 31 июля 1941 года: их было «около 170» ².

Действовавшая в составе группы армий «Юг» 11-я армия отличалась особенной жестокостью по отношению к гражданскому населению, партизанам и пленным. Жертвами ее стали также многие комиссары и политруки. Только до 21 ноября 1942 года, — то есть за тот период, когда командующим этой армией был фельдмаршал фон Манштейн, — было уничтожено 40 комиссаров ³.

Значительное количество донесений о расстрелянных комиссарах (наряду с приведенными выше) падает на долю 17-й армии, действовавшей в составе группы армий «Юг», а также 6-й армии, IV, XVII, LIV корпусов и 9-й, 50-й, 79-й 239-й, 293-й, 294-й дивизий ⁴.

Вместе с фронтовыми частями в истреблении комиссаров принимали участие также специальные охранные дивизии (*Sicherungsdivisionen*), дислоцировавшиеся в тыловых районах и подчинявшиеся начальникам тылов. С ними «взаимодействовали» формирования тайной полевой полиции, полевой жандармерии, подчиненные начальнику тыла армии полевые комендатуры и комендатуры населенных пунктов (*Feld- und Ortskommandanturen*), а также специально выделенные для подавления партизанского движения команды, руководимые особыми «штабами по борьбе с партизанами» (*«Stäbe für Partisanenbekämpfung»*).

Вот несколько донесений из тыловых районов 11-й армии. Комендант гарнизона в Березовке (Одесская область) докладывал: «По приказу коменданта тылового района армии 27 сентября 1941 года расстрелян 1 политический комиссар» ⁵.

683-й моторизованный отряд полевой жандармерии 5 ноября 1941 года доложил начальнику тыла 11-й армии: «В связи с задержанием комиссара в с. Явкино (о чем донесено в отчете за 5 ноября 1941 года) докладываю, что после допроса, на котором комиссар этот признался в своей деятельности, он был расстрелян» ⁶.

Комендант Феодосии (Крым) рапортовал 1 мая 1942 года: «Расстреляно 22 еврея, 3 сотрудника НКВД, 4 коммуниста,

¹ PN-12, NOKW-2283, s. 234.

² Ibid., NOKW-1904, s. 198.

³ «Proces Mansteina», sten., t. III, s. 150.

⁴ Dok. NOKW-775, 1871, 2805, 2847, 2945, 2975.

⁵ PN-12, NOKW-1672, s. 553.

⁶ Ibid., NOKW-1840, t. IV, s. 56.

1 политрук, 3 поджигателя, 3 команда Красного Флота, 4 партизана и 3 человека из истребительного батальона¹.

Приводим выдержку из отчета 454-й охранной дивизии за ноябрь 1941 года: «Расстреляно 24 политрука и сотрудника НКВД за «нелегальную деятельность»².

В дулагах и на сборных пунктах военнопленных комиссаров «вылавливали» с помощью тайной полевой полиции (ГФП), предателей и т. п.

В пересыльном лагере для советских военнопленных (дулаг № 160) в г. Хорол (Украинская ССР) ГФП «изъяла 1 комиссара», после чего пленному приказали раздеться до нага и расстреляли его³.

А вот выдержка из отчета отдела I-с штаба 16-й армии: «5 ноября 1941 года в дулаге № 150 был выявлен политрук, который сменил мундир. По поручению офицера контрразведки (АО) он был допрошен командиром X корпуса и офицером контрразведки дулага, после чего по приказу коменданта дулага был расстрелян»⁴.

Роль палачей очень часто принимали на себя и охранные дивизии. Об этом свидетельствует, в частности, запись в журнале боевых действий (КТБ) 281-й охранной дивизии (группа армий «Север») за 30 декабря 1941 года. «Расстреляно 7 солдат и 2 комиссара»⁵.

Но вернемся к 11-й армии:

«Штаб по борьбе с партизанами» 11-й армии докладывал 12 мая 1942 года: «В акции против партизанских групп Селезнева и Макарова в районе Конш 10—11 мая 1942 года расстреляно 32 партизана, в том числе 3 комиссара»⁶.

454-я дивизия (группа армий «Юг») 14 октября 1941 года доложила: «4 октября 1941 года на дороге под с. Хабно [Киевская область. — Ред.] схвачены 1 комиссар и 3 еврея, которых после короткого допроса расстреляли»⁷.

Начальник тыла группы армий «Север» доносил 12 февраля 1942 года: «5 февраля 1942 года 207-я охранная дивизия, подвергнув допросу политрука-еврея, который под чужим именем, выдавая себя за итальянца, проник в г. Псков, расстреляла его»⁸.

Во всех этих документах очень редко сообщались более подробные данные о личности расстрелянных. Случай, когда

¹ PN-12, NOKW-1717, s. 233.

² Ibid., sten., s. 10 229.

³ Ibid., sten., s. 10 230.

⁴ PN-12, NOKW-2088, dok. prok., t. IX, s. 254.

⁵ Ibid., NOKW-2154, sten., s. 670.

⁶ Ibid., NOKW-1549, dok. prok., t. IV, s. 253.

⁷ Ibid., NOKW-1615, dok. prok., t. X, s. 46.

⁸ Ibid., NOKW-2146, dok. prok., t. XI, s. 132.

такие данные сообщались, составляли крайне редкое исключение. Так, например, в отчете (*Tätigkeitsbericht*) начальника разведки XXVIII корпуса от 27 сентября 1941 года, направленном в штаб 18-й армии, говорится, что 25 сентября на берегу р. Тосна (Ленинградская область), вблизи ее устья, был захвачен в плен батальонный комиссар Канаев из 110-го полка железнодорожной охраны, до войны — сотрудник Института литературы Академии наук... После обстоятельного допроса Канаев был расстрелян¹.

Привожу также выдержку из донесения начальника разведки 16-й армии главнокомандующему группой армий «Север» от 1 октября 1941 года: «Схваченные старостой с. Бедрино Овсеенко, Тогонаев (возможно, Тотонаев) и Соловьев были допрошены в ГФП. Овсеенко был расстрелян как политрук, Тогонаев передан в СД, а Соловьев направлен в лагерь для военнопленных в с. Медведь»².

В отчете штаба XXVIII корпуса от 3 ноября 1941 года, направленном в штаб 18-й армии, читаем: «В г. Тосно (Ленинградская область) схвачен и повешен 15 октября 1941 года бывший комиссар Советской Армии Фокин, поскольку он был заподозрен в убийстве немецких летчиков, совершивших вынужденную посадку»³.

Приводим выдержку из отчета начальника разведки 16-й армии от 27 ноября 1941 года: «Григорий Скрипник был разоблачен и выдан немецким осведомителем (V-Mann) в руки ГФП в тыловом районе армии как бывший политрук. Несмотря на отрицание [предъявленного обвинения. — Ред.], он был расстрелян, поскольку его объяснения показались неправдоподобными»⁴.

В том же отчете содержится упоминание о расстреле 5 декабря 1941 года карательями тайной полевой полиции советского солдата Венедиктова, «заподозренного в том, что он был политическим агентом или комиссаром»⁵.

Одним из руководителей легендарной и героической обороны Брестской крепости в 1941 году был полковой комиссар Ефим Фомин. Попав в плен, Фомин был опознан как комиссар и расстрелян у стены разрушенной крепости⁶.

Наибольшее число убийств советских комиссаров приходится на первые месяцы войны. Однако и в 1942—1943 годах из различных частей германского вермахта продолжали

¹ PN-12, NOKW-2096, dok. prok., t. IV, s. 35—37.

² Ibid., NOKW-2088, dok. prok., t. IX, s. 252.

³ Ibid., NOKW-1580, dok. prok., t. XXIX, s. 21—22.

⁴ Ibid., NOKW-2088, dok. prok., t. IX, s. 272.

⁵ Ibid., s. 276.

⁶ Р. Додин, «Мужество защитников Брестской крепости», газета «Советская Белоруссия» от 1 ноября 1957 года.

поступать донесения о выполнении предписаний РОК. Так, 647-й отряд тайной полевой полиции 29 апреля 1942 года донес штабу 11-й армии о захвате 2 марта того же года «одного русского» с поддельными документами. После «допроса» он признался, что был политруком Советской Армии. По этой причине расстрелян¹.

В донесении командования XVII корпуса штабу 17-й армии от 30 июня 1942 года говорится: «Расстреляны 2 комиссара и двое других мужчин»².

Начальник разведки XLIII корпуса докладывал штабу 4-й армии (группа армий «Центр»): «3 июля 1942 года при попытке к бегству убит 1 лейтенант и 1 комиссар. 6 июля во время бегства убито 2 комиссара. 6 июля патруль захватил в плен 8 человек и, кроме того, были застрелены 2 комиссара и 6 женщин»³.

Как же выглядела процедура «ликвидации»?

Комиссаров расстреливали на месте, на поле боя, сразу после захвата в плен и установления их политического звания. Опознанных и схваченных на сборных пунктах расстреливали после короткого допроса. Всю «работу» в таких случаях выполняли непосредственно части вермахта.

В тыловых районах армий наряду с частями вермахта в акциях по «ликвидации» комиссаров принимали участие также отряды СД. Независимо от порученной ей «работы» по «вылавливанию», а следовательно, и ликвидации комиссаров в дулагах и шталагах СД тесно взаимодействовала с вермахтом еще и в массовых облавах на комиссаров и других «подозрительных лиц» в городах, поселках и на дорогах, а также в ходе акций по изъятию оружия и т. д. Во многих случаях после захвата комиссаров в тыловых районах вермахт передавал их в руки СД для совершения казни. Отметка в отчете вермахта — «передан СД» — неизменно означала, что пленный комиссар или другой «нежелательный» пленный будет ликвидирован. Однако убийство военнопленных производилось не вермахтом непосредственно, а СД. Захваченных собственными силами комиссаров и «нежелательных» СД расстреливала самостоятельно, лишь информируя соответствующие военные власти оперативного района, в котором действовала данная группа СД (командование тыла, комендатуру населенного пункта или района, отдел I-с, офицера контрразведки, штаб охранной дивизии и т. д.).

Вот несколько таких донесений-отчетов:

Донесение коменданта одного из подрайонов в Мелитополе (Украина) начальнику тылового района 11-й армии от

¹ PN-12, NOKW-854, dok. prok., t. IV, s. 245.

² Ibid., NOKW-2805, dok. prok., t. IV, s. 347.

³ Ibid., NOKW-2568, t. IV, s. 262—268.

19 октября 1941 года: «За отчетный период с 14 по 19 октября 1941 года комендатура выследила одного политического комиссара, который был казнен СД»¹.

Комендант Симферополя (Крым) доложил начальнику тылового района 11-й армии 10 января 1942 года: «СД расстреляла 3 комиссаров, схваченных в ходе акции по изъятию оружия»².

СД в Бахчисарае (тыловой район 11-й армии) 20 февраля 1942 года передала в руки местной полиции 1 комиссара. В период с 1 по 15 июля 1942 года СД расстреляла в Бахчисарае 1 комиссара и 2 политруков³.

В июле 1942 года СД расстреляла в Керчи 2 комиссаров и 1 политрука⁴.

Захваченных в плен комиссаров СД (как и ГФП) считала дополнительным источником информации. Поэтому перед расстрелом такого пленного непременно допрашивали, порой весьма обстоятельно. Со временем и вермахт пошел по следам СД: он уже не расстреливал на месте захваченных комиссаров, а передавал их в «испытанные» руки СД или ГФП, которые зверскими пытками старались вырвать из них показания и лишь потом беспощадно убивали.

Высший начальник СС и полиции при командовании тыла группы армий «Юг» Еккельн (который во главе бригады СС «Герман Геринг» и полицейского полка «Юг» проводил «очистительную» акцию против разбросанных к югу от шоссе Ровно — Новоград-Волынский частей Советской Армии, в особенности против частей 124-й стрелковой дивизии) в своем приказе от 25 июля 1941 года дал совершенно ясные указания: «Взятых в плен комиссаров после короткого допроса следует — при посредничестве офицера СД из моего штаба — доставить ко мне для исчерпывающего допроса»⁵. Таким способом в руки Еккельна попало, в частности, 73 русских солдата, 165 партийных работников и 1685 гражданских лиц-евреев⁶. Все они, как это установлено на процессе гитлеровского фельдмаршала Лееба и других, были расстреляны⁷.

Подобные директивы давал также командующий 11-й армией (Манштейн). В приказе от 26 ноября 1941 года по вопросу о борьбе с партизанским движением в Крыму он, в

¹ PN-12, NOKW-1577, dok. prok., t. IV, s. 66.

² Ibid., NOKW-1842, s. 208.

³ «Proces Mansteina», akt oskarzenia, s. 16 (AGK-375/z/a).

⁴ Ibid.

⁵ «Einsatzbefehl für Säuberungsaktion in den Wäldern südlich der Straße Rowno — Zwiachel», PN-12, NOKW-1597, dok. prok., t. IV, s. 247.

⁶ Ibid., NOKW-1165, s. 252.

⁷ Ibid., sten., s. 10 228—10 229.

частности, указывал, что захваченных в плен комиссаров и советских руководителей необходимо расстреливать не сразу, а лишь после полного разгрома партизанских организаций. Об этом решении были поставлены в известность также СД и ГФП¹.

Согласно этой директиве, «штаб по борьбе с партизанским движением», созданный при 11-й армии, сообщал 10 февраля 1942 года о расстреле группы партизан численностью 23 человека в Ай-Тодоре (Крым), отмечая одновременно, что командир и комиссары этой группы были переданы СД в Бахчисарай для « дальнейшего допроса»².

О передаче комиссаров в руки СД мы узнаем также из донесения командования 207-й охранной дивизии (группа армий «Север») от 25 августа 1942 года. В населенном пункте Сланцы (Ленинградская область) после длительного расследования было установлено, что выдававший себя за рядового военнопленного Лакшинский на самом деле являлся бывшим старшим политруком Перепелятниковым. Его передали СД в Нарве³.

Как видим, язык донесений лаконичен. В них весьма редко описываются обстоятельства убийства, а еще реже сообщаются имена замученных комиссаров и их воинская часть. Для определения убийства комиссара употребляются самые различные термины. Чаще всего указывается «erschossen» («расстрелян») или гангстерское словечко «erledigt» («прикончен»). Это последнее определение являлось излюбленным выражением, например, в 4-й танковой группе генерала Гёпнера. А то, что слово «erledigt» означает то же самое, что и «ликвидирован», категорически и недвусмысленно подтверждает свидетель защиты на Нюрнбергском процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других капитан Георг Мюллер, подавившийся в отделе контрразведки 4-й танковой группы⁴. Наряду с вышеупомянутыми терминами значительно реже употреблялось слово «liquidiert» («ликвидирован») или «sonderbehandelt» (непереводимо, дословно: «подвергшийся особому обращению»). Оба эти выражения очень часто использовались германской службой безопасности. Еще реже употреблялось слово «getötet» («убит»), причем из контекста всякий раз явствовало, что и речи не было о ситуации, в которой комиссар был бы убит в бою, просто он бывал захвачен в плен и убит (замучен) пытавшими его гитлеровцами.

¹ PN-12, NOKW-503, dok. prok., t. IV, s. 128.

² Ibid., NOKW-1537, s. 212.

³ Ibid., NOKW-2426, dok. prok., t. XIII, s. 72.

⁴ Ibid., sten., s. 3677.

Но попадаются и другие определения. Например, в журнале боевых действий 293-й пехотной дивизии (2-я армия генерала Вейхса) читаем: «До 25 июля 1941 года убрано с дороги 3 комиссара» («aus dem Weg geräumt») ¹.

И все-таки во многих случаях эти формулировки не являются ни сжатыми, ни ясными. В них чувствуется определенное замешательство, бесспорно вызванное сознанием совершенного преступления, которое хотелось бы замаскировать и окутать туманом, используя при этом слова, редко применяемые при обозначении убийства, например «beseitigt» («устранен»), либо формулировки, по которым только косвенно можно догадаться о судьбе жертвы, но которые одновременно можно понимать по-разному. Например, в донесении коменданта одного из подрайонов в Херсоне начальнику тыла 11-й армии сообщается: «СД удалила ненадежные элементы, а среди них переданного мною комиссара-еврея» ². В отчете о деятельности 3-й танковой группы за июнь — июль 1941 года читаем:

«В первые недели войны захвачено в плен лишь небольшое число политических комиссаров и офицеров. До начала августа корпуса донесли, что на территории всей группы захвачено в плен, изолировано и отправлено [«gesondert abgeschoben»] около 170 комиссаров... о которых частями доложено корпусам». Можно сколько угодно ломать голову над расшифровкой этой головоломки, если рассматривать данный отчет в отрыве от действительности. Однако следующая фраза — лаконичная и потрясающая — разъясняет, в чем дело: «Осуществление [«отправки». — Ш. Д.] не представляло никакой проблемы для армии» ³. Ясно, что нормальная отправка (в смысле «транспортировки») не может представлять проблемы для армии. Однако убийство комиссаров в 3-й танковой группе генерала Гота тоже «не представляло никакой проблемы». Вот об этом и говорит отчет.

Подобные туманные формулировки мы встречаем также в донесении IV корпуса 17-й армии от 1 декабря 1941 года: «Одного политического комиссара расценили как партизана» ⁴. В отчете 239-й пехотной дивизии (17-я армия) читаем: «За время с 1 по 16 октября 1941 года взяты в плен 3 комиссара, с ними поступили согласно циркуляру армии» ⁵.

Уже на основании только этих донесений мы видим, что гитлеровцы чрезвычайно строго избегали слова «убить». Даже у генерала Варлимонта — одного из авторов РОК и не

¹ PN-7, sten., s. 108.

² PN-12, NOKW-1839, dok. prok., t. IV, s. 24.

³ Ibid., NOKW-1904, dok. prok., t. III, s. 198.

⁴ Ibid., NOKW-1893, dok. prok., t. IV, s. 136.

⁵ Ibid., NOKW-1871, s. 50.

менее преступного «Приказа о командос» — слово «убить» прямо-таки застrevает в горле. Давая после войны показания на одном из процессов, Варлимонт заявил, что РОК-де только предписывало, чтобы «германские войска в случае невозможности передать политических работников и комиссаров в руки СД отводили их в сторону» («*beiseite geschafft*»). В данном случае, как и в донесениях военного периода, речь, несомненно, идет об определенного рода алиби: бесспорные вещи объяснялись таким способом, который отдал бы угрозу петли!

Эти «деликатные» языковые оттенки и эвфемизмы донесений вермахта некоторые немецкие генералы после войны пытались использовать для своей защиты. Они утверждали, что их донесения касаются не расстрелянных, а павших комиссаров. Такую тактику, например, избрала защита на процессе гитлеровского фельдмаршала Лееба и других, используя в этих целях свидетелей защиты в лице бывшего начальника разведки группы армий «Север» Есселя, бывшего начальника разведки группы армий «Центр» Сикста, бывшего командира XLIV корпуса 17-й армии и других. Из их показаний явствовало, что упомянутые донесения касались только комиссаров, «убитых в бою» или «умерших естественной смертью», и что даже эти данные вообще были... «фиктивны»! Почему? Потому, оказывается, что «армии не выполняли приказ о комиссарах и саботировали его»! По этой причине Ессель якобы вообще не представлял этих данных Леебу и Кюхлеру!¹

Как же все-таки обстояло дело в действительности?

Там, где докладывающий говорил о комиссарах, которые погибли *не* в результате расстрела, он и не скрывал этого факта. Если в донесении говорилось о *павших в бою* комиссарах, то неизменно употреблялось слово «*gefallen*» («пал»).

Например, 9-я пехотная дивизия доложила III корпусу 15 октября 1941 года: «Была атакована группа партизан, численностью 60—70 человек, при этом *пали* 8 партизан и 1 комиссар»².

Во всех приводившихся в этой главе донесениях речь идет о судьбе комиссаров, попавших в руки гитлеровцев. Следует также упомянуть о запланированных, но не осуществленных преступлениях — по причинам, от командиров вермахта не зависящим. Так, например, командующий 18-й армией генерал Кюхлер, уверенный, что Ленинград вот-вот прекратит оборону и падет, заранее «позаботился» о судьбе комиссаров, находившихся в городе, который должен был

¹ PN-12, sten., s. 2211—2212.

² Ibid., NOKW-2975, dok. prok., t. IV, s. 325.

попасть в его руки. В меморандуме от 15 сентября 1941 года, направленном командованию группы армий «Север» и озаглавленном «Об обращении с населением Петербурга»¹, Кюхлер делит население на определенные категории и для каждой предусматривает «соответствующее» обращение. Разумеется, самая печальная судьба должна была постичь всех членов коммунистической партии, комсомольцев, евреев, «подозрительные элементы», военных комиссаров и политруков. Этим последних предполагалось отправить на сборные пункты для военнопленных и «поместить отдельно» («getrennte Unterbringung»). В то же время гражданских комиссаров (Zivilkommissare) в противоположность военкомам (Truppenkommissare) Кюхлер предписывал направлять в концлагерь, где их также надлежало поместить отдельно, то есть передать в распоряжение СД. Такая изоляция должна была стать первым этапом преступной процедуры; в качестве второго и последнего предусматривалась казнь.

Чтобы не дать отдельным комиссарам возможности проколзнути через сеть облав и смешаться с массой пленных, некоторые командующие армиями издавали соответствующие инструкции. Так, например, 3-я танковая группа генерала Гота еще 3 июля 1941 года предусмотрительно известила свои части, что «политические комиссары часто снимают свои знаки различия и находятся среди солдат в мундире рядового. Распознать их можно преимущественно по невыгоревшим местам на воротнике и рукавах»².

Но, рассуждали гитлеровцы, комиссары могут ведь попасть не только в германский плен. Были ведь и сателлиты: Италия, Венгрия, Румыния, Финляндия. Как же поступить в таком случае? «Заботливое» германское командование нашло выход и из этого положения. Оно потребовало от своих союзников передавать политических комиссаров, подстрекателей и «нежелательных» на германские сборные пункты для военнопленных и в дулаги³.

О том, как выглядел рост числа преступлений против комиссаров во времени, частично сказано выше. Судя по имеющимся материалам, кривая роста преступлений достигает наивысшей точки в самом начале войны против СССР, резко снижаясь и доходя до нуля во второй половине 1943 года.

Среди последних известных нам донесений о выполнении РОК одно датировано 16 мая 1943 года. Это донесение

¹ PN-12, NOKW-1571, dok. prok., t. IV, s. 15—16. Сразу бросается в глаза слово «Петербург», так как гитлеровцы на всех временно оккупированных ими советских территориях возвращали городам их прежние, царские названия. Такая же судьба предназначалась и Ленинграду.

² Ibid., NOKW-2249, dok. prok., t. III, s. 207.

³ Ibid., NOKW-2303, t. VI, s. 39.

294-й пехотной дивизии (XVII корпус, 6-я армия) о расстреле 1 политрука¹. Еще одно донесение датировано июнем — июлем 1943 года и содержит сообщение о расстреле женщины-политрука «эйнзатцкомандой № 1»².

Был ли резкий спад числа убийств комиссаров вызван «конфликтом с совестью» или тут действовали еще и другие причины?

Абсолютно не установлено, чтобы хоть кто-нибудь из немецких командиров протестовал против порученной ему «миссии», превращающей его в обычного убийцу. Никто не отказался выполнять преступный приказ, никто не подал в отставку и даже не пригрозил ею. Никто из них не рискнул своей карьерой, не говоря уже о риске поплатиться своей головой за сопротивление приказу. Если Гудериан и некоторые другие командующие действительно запретили, как они утверждают, сообщать содержание РОК своим войскам, то это *пассивное «сопротивление»* нескольких генералов (если это вообще не вымысел!) николько не повлияло на уменьшение числа убийств комиссаров. Большинство же немецких генералов никаких сомнений не испытывало вообще и выполняло РОК с присущей им педантичностью, поскольку такова была воля «фюрера». Поэтому более чем сомнительными кажутся предположения, будто эти «конфликты с совестью» германских офицеров повлияли на снижение кривой преступлений. Как раз наоборот, «заботливая» старательность фельдмаршала Кюхлера о судьбе «комиссаров из Петербурга», инструкция генерала Гота относительно «вылавливания» комиссаров, скрывающихся среди массы пленных, кровожадные приказы фельдмаршалов Рейхенау и Манштейна, напоминания о представлении донесений о «ликвидированных» комиссарах — все это указывает на то, что очень много гитлеровских вояк ревностно заботилось об «усовершенствовании методов» осуществления РОК.

В действительности на снижение кривой преступлений воздействовали иные факторы, и прежде всего чисто военные. Несмотря на неудачи первых месяцев войны на Западном и Юго-Западном фронтах, Советская Армия отступала лишь после упорных боев, уходя в глубь страны по-прежнему непобежденной и нанося врагу большие потери. Сопротивление советских войск нарастало. Усилиению этого сопротивления, росту патриотических чувств советских воинов способствовали, в частности, и военные комиссары. Фашистское командование очень хорошо понимало это и отдавало себе отчет в значении политкомиссаров. Об этом среди прочего

¹ «Proces Mansteina», akt osk., s. 17, AGK-375 a/z.

² NOKW-2977.

свидетельствуют очень ранние высказывания некоторых германских генералов, их упреки и сетования на то, что... РОК осуществлялось плохо, что надо было сделать то же самое, но несколько иначе, и т. д. Подлинные чувства и стремления немецких генералов выступают здесь во всей своей выразительности:

«Весть об особом обращении [читай: убийстве. — Ш. Д.] с политическими комиссарами весьма быстро проникла на русскую сторону и способствовала усилению воли к сопротивлению. Дабы особое обращение не оказалось раскрытым для противника, его следовало практиковать лишь в лагерях, расположенных в глубоком тылу. Большинство взятых в плен красноармейцев и офицеров также верят в особое обращение, о котором они были извещены служебными приказами и, в частности, бежавшими [из плена. — Ред.] политическими комиссарами»¹.

Так писал начальник разведки 3-й танковой группы в своем отчете за январь — июль 1941 года, несомненно отражая чувства и мысли своего командующего, которым в это время был упомянутый выше генерал Гот. Никого не должна удивлять смелость этой «критики», довольно необычной для германских офицеров. Ведь отчет этот подтверждает только плохое выполнение приказа главнокомандующего сухопутными войсками фельдмаршала Браухича, который в своем пресловутом дополнении к РОК от 8 июня 1941 года требовал, чтобы «устранение» комиссаров осуществлялось «способом, не привлекающим внимания» («unauffällig»). Стало быть, плохо было не само РОК, а лишь его выполнение. К подобной, с позволения сказать, «критике» прибегал также начальник разведки 35-й пехотной дивизии. В том факте, что советский солдат сражался до последнего вздоха, фашистская разведка видела плод работы комиссаров, а причина такого положения вещей была в том, что «враг преждевременно дознался, как в немецком плену обращаются с комиссарами и политруками».

«Следует признать ошибкой упоминание об этом [то есть об обращении с комиссарами и политруками. — Ш. Д.] даже в сбрасываемых германскими войсками листовках. Было бы целесообразнее держать в тайне наше обращение с комиссарами. Для этой цели достаточно было бы переправлять их после изоляции в специально организованный лагерь и только там привлекать к ответственности»².

¹ PN-12, NOKW-1904, dok. prok., t. III, s. 196.

² 35. Infanterie-Division, Abt., I-c. «Tätigkeitsbericht vom 22. Juni 1941 bis 10. November 1942» (PN-12, NOKW-2356, dok. prok., t. III, s. 184—185).

Наряду с такими фактами на уменьшение числа расстрелянных комиссаров, несомненно, повлияло и то (подчеркиваемое германским командованием) обстоятельство, что в большинстве случаев комиссары сражались до последнего вздоха и не сдавались живыми, что в явно безнадежном положении они предпочитали фашистскому плену последний выстрел в себя¹.

Так после нескольких месяцев войны, когда уже был развеян миф о «блицкриге» произошла первая — разумеется, легальная и «официальная» — попытка ревизовать РОК. Мы подчеркиваем: после того как был развеян миф о молниеносной войне, поскольку генералы вермахта впоследствии упорно твердили, что они якобы реагировали немедленно по ознакомлении с планами Гитлера в отношении комиссаров. Например, генерал Герсдорф, начальник разведки группы армий «Центр», а позднее начальник штаба 7-й армии, показал, что штаб группы армий «Центр» получил РОК для сведения в июне 1941 года. По этим показаниям выходит, что главнокомандующий группой армий фельдмаршал фон Бок был «страшно потрясен». Он будто бы беседовал с обоими другими главнокомандующими группами армий (Леебом и Рундштедтом). Все трое, утверждал Герсдорф, выразили свое отрицательное отношение к РОК.

Но если и есть хоть какое-то основание предполагать, что главнокомандующие группами армий на Востоке Лееб и Бок, а возможно, и Рундштедт прилагали определенные усилия в направлении смягчения положений РОК, то, разумеется, стремления их не имели ничего общего с желанием уважать законы войны и тем более не были продиктованы гуманными побуждениями. Столь же трудно приписать подобные намерения также начальнику ОКВ Кейтелью и главнокомандующему сухопутными войсками Браухичу, к которым будто бы обращались Лееб и Бок. Уже 13 марта 1941 года, а стало быть, до генерального совещания 30 марта, на котором было объявлено содержание РОК, Кейтель издал свою пресловутую «Инструкцию к директиве фюрера 21» (см. ниже), в которой заложены основы геноцида на Востоке путем выделения «специальных заданий» для Гиммлера. Об этой «директиве», кроме Кейтеля, знали также Браухич и главнокомандующие военно-морскими силами (Редер) и военно-воздушными силами (Геринг). Таким образом, Кейтель, а частично и Браухич, обещая вмешаться в дело о комиссарах, уничтожение которых, кстати сказать, являлось лишь частью общей программы истребления миллионов людей на Востоке, действовали двулично, неискренне.

¹ Показания генерала Герсдорфа (PN-12, sten., s. 2179).

Такова была ситуация накануне начала агрессии против СССР. «Вмешательство» генералов закончилось немедля, как только была развязана война. Видимо, первоначальные успехи на Восточном фронте склонили господ генералов к молчанию. Впрочем, еще 22 августа 1939 года в Оберзальцберге «Фюрер» поучал их, что победителя никто не будет спрашивать — был ли он прав и соблюдал ли законы ведения войны. Однако, когда в сентябре 1941 года, несмотря на значительные успехи, достигнутые гитлеровцами на Восточном фронте, стало совершенно ясно, что до конца войны еще очень далеко, главнокомандующие группами армий под впечатлением ожесточенного сопротивления Советской Армии и огромных собственных потерь возобновили свои усилия. Под их влиянием ОКХ вмешалось вторично.

Генерал по специальным поручениям при ОКХ Мюллер от имени ОКХ 23 сентября 1941 года обратился в ОКВ (письмо) с просьбой о «пересмотре прежних принципов обращения с комиссарами». Руководствуясь соображениями *войennei целесообразности*, Мюллер делал вывод о том, что создание комиссарами возможности сдачи в плен в немалой степени будет способствовать преодолению сопротивления войск противника, «наиболее горячими и яростными носителями» которого являются комиссары. Таково мнение, оправдывался Мюллер, не только командиров, но и войск, не только Браухича, но и главнокомандующих группами армий¹.

Это была робкая попытка со стороны армейских командиров устраниТЬ, отвести от себя РОК. Однако нетрудно заметить, что генерал Мюллер исходил только из соображений военной целесообразности, призывая не совершать преступлений в отношении комиссаров лишь потому, что это не в интересах Германии, то есть обращаться с захваченными в плен комиссарами, как с обычными военнопленными, лишь постольку, поскольку это якобы будет способствовать ослаблению силы сопротивления противника. Ни о глумлении над международным правом, ни о попрании человеческой морали здесь нет и речи!

В писаниях Мюллера обращают на себя внимание два момента: а) наивное желание объяснить неудачи гитлеровских войск лишь ожесточенным сопротивлением комиссаров, в то время как это был только один из факторов наряду с иными, не менее важными, а порой даже и более важными, б) столь же наивные и необоснованные расчеты на то, что комиссары, если за ними признают статус военнопленных, будут сражаться менее яростно и, возможно, охотнее... сда-

¹ OKH Gen. z. b. V. 23.9.41 an OKW/L, «Politische Kommissare» (PN-12, NOKW-200, dok. prok., t. IV, s. 27—30).

ваться в плен! Какое глубокое заблуждение! История Советских Вооруженных Сил неоспоримо доказывает всю беспочвенность надежд, которые Германия связывала с возможным изменением своей политики в отношении пленных.

Попытка ОКХ устраниТЬ или «смягчить» РОК потерпела полное фиаско. 26 сентября 1941 года, через три дня после отсылки письма Мюллера, из ОКВ пришел ответ: «Фюрер не согласился на внесение какого-либо изменения в уже изданные приказы, касающиеся обращения с политическими комиссарами»¹. Однако несомненно, что попытка эта могла оказать определенное влияние на смягчение курса в отношении комиссаров непосредственно на передовой и в прифронтовой полосе. Кроме того, за истекшие 3 месяца изменилась боевая обстановка. Период «молниеносных» побед, когда в плен попадали большие группы советских воинов, в том числе и комиссары, заканчивался. Комиссаров, которым судьба сулила плен, уже трудно было отличить от иных военно-пленных, согнанных на гитлеровские сборные пункты.

В такой ситуации ОКХ (Браухич) решило свалить основное бремя этой грязной работы на испытанных палачей из аппарата Гиммлера. 7 октября 1941 года, через две недели после категорического отказа в пересмотре РОК, ОКХ издало приказ, уполномочивавший СД самостоятельно проводить «отбор» военнопленных в тыловых районах армий².

Итак, с указанного дня «ликвидация» комиссаров должна была производиться в тылу. Заниматься ею предстояло опытным в полицейской «работе» палачам из полиции безопасности и СД. Этот «отбор» они могли производить в спокойных условиях дулагов и шталагов, куда загоняли несчастных пленников. Вся «работа» выполнялась в тесном сотрудничестве с военными комендантами лагерей. Таким образом, несмотря на некоторую смену декораций, истребление комиссаров продолжалось. Из дулагов и шталагов сотням и тысячам «отобранных» отныне предстояло идти на заклание в концентрационные лагеря. В Саксенхаузене, Освенциме и других лагерях на тысячах комиссаров и политруков испытывалась система массового умерщвления газами, их черепами пополнялись антропологические коллекции гитлеровского университета в Страсбурге. Но все это отныне стало свершаться уже за пределами компетенции вермахта. Вермахт наконец освободился от «грязной работы». Вермахт умыл руки.

Многие германские командиры утверждали после войны, что в первой половине 1942 года РОК якобы было отменено.

¹ PN-12, NOKW-200, dok. prok., t. IV, s. 27—30.

² Ibid., sten., s. 10 231.

В частности, генерал Реттигер определил дату — «около мая 1942 года»¹. Начальник полиции безопасности и СД в своем циркуляре от 2 июня 1942 года также ссылается на распоряжение Управления по делам военных АВА от июня того же года, в котором говорится об «отказе от особого обращения» с комиссарами и политруками².

Однако это не находит ни малейшего подтверждения ни в фактах, ни в документах. Правда, циркуляр начальника полиции безопасности и СД (*Schnellbrief*) от 10 июня 1942 года по вопросу об «отборе» советских военнопленных предписывает всех отобранных комиссаров и политруков «только» передавать в концлагерь Маутхаузен, но было известно, что в этом лагере их ждало уничтожение³. Донесения о выполнении РОК, хотя и в меньших размерах, по-прежнему поступали из воинских частей, а также и из концлагерей. Тот же начальник полиции безопасности и СД в циркуляре от 20 октября 1942 года требовал от своих подчиненных, чтобы они в будущем указывали: были ли опознанные комиссары захвачены в плен в бою (и тогда их следует расстрелять) или же они сдались сами (в этом случае их надлежит отправить в лагерь Маутхаузен)⁴. Это неоспоримо доказывает, что истребление комиссаров продолжалось по-прежнему. Если даже допустить, что в первой половине 1942 года возникла какая-то временная конъюнктура (или желание со стороны ОКВ) для отмены РОК, то все-таки и на этот раз она не дала результата.

Генерал Варлимонт сообщает, что в 1943 году тогдашний начальник генерального штаба Цейтцлер неоднократно вмешивался в дело отмены «специальных мер» (*Sonderstaf-pnahmen*) против «политических работников и комиссаров», выдвигая, подобно генералу Мюллеру, аргументы целесообразности, с которыми РОК находилось в противоречии⁵. Варлимонт не уточняет, каков был результат этих «стараний», и это позволяет нам сделать вывод, что скорее всего они ни к чему не привели. Однако защитник ОКВ на главном Нюрнбергском процессе Латернзер, используя тот факт, что тогда еще не были известны все документы, пытался с помощью свидетелей защиты (*dok. 301-B*) убедить суд, что усилия Цейтцлера увенчались полным успехом и Гитлер якобы отменил РОК⁶. В обоих этих утверждениях важно, однако, только то, что они указывают на 1943 год.

¹ PN-12, sten., s. 3731.

² PN-12, NOKW-040, dok. prok., t. XVI, s. 14.

³ PN-4, NO-2138, dok. prok., t. V, s. 12.

⁴ PN-12, NOKW-2140, dok. prok., t. XVII, s. 142.

⁵ 2884-PS, Affid. W. Warlimonta, 14. XI. 1945. N. C., v. V, p. 551.

⁶ «Trial», v. XLII, p. 77.

как на самую раннюю дату возможной отмены РОК. Но ни одного немецкого официального документа, подтверждающего такое утверждение, не имеется. Выделенная Международным военным трибуналом в Нюрнберге комиссия под председательством подполковника Нива, в задачу которой входил допрос свидетелей по делу преступных организаций третьего рейха, приводит показания генерала Рейнгардта о том, что РОК аннулировано не было, но его саботировали все заинтересованные генералы¹. Последнее известное нам официальное донесение об убийстве комиссаров исходит от группы армий «Юг» и датировано июлем 1943 года, когда этой группой командовал Манштейн².

Конечно, отсутствие дальнейших донесений о «ликвидированных» комиссарах отнюдь не свидетельствует о том, что после указанного периода на Восточном фронте или в его тылу комиссаров уже больше не убивали, но существует определенное предположение, что акция эта после 1943 года со стороны вермахта была сокращена до минимума.

РОК было осуждено как преступный приказ на трех крупнейших процессах в Нюрнберге. За участие в его издании были осуждены на Нюрнбергском процессе главные немецкие военные преступники Кейтель и Иодль, а на процессе гитлеровского фельдмаршала Лееба и других — Варлимонт. За передачу и проведение РОК в жизнь был осужден на процессе гитлеровского фельдмаршала Листа и других генерал Лейзер, а на процессе гитлеровского фельдмаршала Лееба и других — фельдмаршал Кюхлер и генералы Рейнгардт, Рок, Гот, Рейнеке (этот последний и за так называемый «отбор» в лагерях для военнопленных, охватывавший также комиссаров). За самый факт передачи РОК был осужден на процессе гитлеровского фельдмаршала Листа и других генерал Рендулич. Приговоры эти имеют большое, но вместе с тем и лишь сугубо символическое значение. Подавляющая часть наиболее ответственных представителей гитлеровского командования не ответила за свое участие в преступном истреблении советских военных комиссаров во второй мировой войне.

МЕХАНИЗМ ИСТРЕБЛЕНИЯ «НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ»

Как сказано выше, смертный приговор военным комиссарам и другим «нежелательным» был вынесен за три месяца до начала войны против СССР. Гитлеровцы решили, что истребление «нежелательных» из числа военнопленных

¹ «Trial», v. XLII, p. 123.

² «Proces Mansteina», t. III, s. 150.

будут осуществлять специальные органы — так называемые оперативные группы полиции безопасности и СД (Einsatzgruppen) либо эйнзатцкоманды (Einsatzkommandos) полиции безопасности и СД. Кроме того, оперативные группы должны были осуществлять массовые убийства и среди гражданского населения, в частности среди советской интеллигенции, партийных и других руководящих работников.

Кто же были эти убийцы?

Понятие «оперативная группа» возникло и стабилизировалось перед самым началом сентябрьской кампании 1939 года для обозначения формирований полиции безопасности, действующих в оперативных зонах армий. Деятельность оперативных групп и эйнзатцкоманд в период сентябрьской кампании пока что исследована мало. Из немногих имеющихся у нас документов яствует, что в тесном взаимодействии с армией эйнзатцкоманды «ликвидировали» тогда (в тыловых районах) все проявления саботажа, сопротивления и шпионажа, проводили облавы на членов «Западного союза», сибирских и великопольских повстанцев, а также коммунистов, расстреливали евреев и т. д. В то же время с помощью «фольксдойче» они вылавливали в лагерях для пленных мнимых убийц «фольксдойче»¹.

В июне 1941 года, накануне нападения на Советский Союз, на основе соглашения между ОКВ и ОКХ, с одной стороны, и РСХА — с другой, в каждую группу армий, выделенную для действий на Востоке, был назначен «уполномоченный начальник полиции безопасности и СД», которому подчинялась одна оперативная группа, разделенная на несколько оперативных (эйнзатцкоманды) или специальных (зондеркоманды) отрядов. Каждой армии выделялась одна эйнзатцкоманда.

На Востоке действовали четыре оперативные группы. Каждая из них (кроме оперативной группы «Д») закреплялась за отдельной группой армий. Это были: оперативная группа «А» со штаб-квартирой (октябрь 1941 года) в Красногвардейске под Ленинградом — при группе армий «Север» (ее шефом был бригадефюрер СС Штальэcker); оперативная группа «Б» в Смоленске — при группе армий «Центр» (шеф — Небе); оперативная группа «Ц», с резиденцией в Киеве — при группе армий «Юг» (шеф — Раsher, бывший начальник уголовной полиции в Кёнигсберге, а после него — Томас) и оперативная группа «Д» при 11-й армии (шеф — бригадефюрер СС Олendorф).

Каждая оперативная группа насчитывала 300—400 человек и делилась на 4—5 эйнзатцкоманд и зондеркоманд,

¹ «Proces Mansteina», NOKW-2664, t. VI, s. 386—387.

прикрепленных к отдельным армиям (например, эйнзатцкоманда-2 из состава оперативной группы «А» действовала в оперативном тылу 16-й армии). Такая эйнзатцкоманда насчитывала от 70 до 120 человек. Для проведения «отбора» «политически нежелательных» эйнзатцкоманда направляла в каждый лагерь для военнопленных группы из 6—7 сотрудников, так называемые подотряды (*Teilkommandos*).

Эйнзатцкоманды, действовавшие в отдельных лагерях вне оперативного тыла армий и насчитывавшие по 6—7 человек, фактически соответствовали этим подотрядам. Члены эйнзатцкоманд носили форму войск СС с нарукавной нашивкой «СД». Отдельные эйнзатцкоманды формировались высшими начальниками СС и полиции данного военного округа. В боевых условиях эйнзатцкоманды действовали в самом тесном контакте с разведкой и контрразведкой данной армии. С точки зрения дисциплинарной и «деловой» они подчинялись соответствующему высшему начальнику СС и полиции, зато в отношении тактическом и материальном — начальнику тыла армии. Начальники эйнзатцкоманд обязаны были представлять отчеты о своей деятельности соответствующим штабам армий. Для координации действий и устранения трудностей они высыпали офицеров связи в штаб данной армии. На территории рейха эйнзатцкоманды занимались исключительно чисткой «нежелательных» в лагерях для военнопленных (по свидетельству генерала Шеммеля их порой называли «командами по чистке» [*«Säuberungskommandos»*] либо «командами по сортировке [*«Aussonderungskommandos»*]»). В то же время в оперативных районах это была лишь одна из сфер «многогранной деятельности», в результате которой были истреблены сотни тысяч человек¹. Деятельность СД (оперативных групп, эйнзатцкоманд и зондеркоманд) в лагерях для военнопленных в оперативных районах на Востоке, в «имперских комиссариатах» и «генерал-губернаторстве» продолжалась вплоть до изгнания гитлеровцев из соответствующих районов.

А вот как создавалась эта истребительная машина.

13 марта 1941 года Кейтель издал совершенно секретную дополнительную директиву к «Директиве фюрера № 21»², адресованную исключительно лишь главнокомандующим всех трех видов вооруженных сил рейха, а также началь-

¹ Документы: 2846-PS, NO-3422, 4136, 4773, 4774, 4775, 5134; NOKW-2147, 2203, 2268, 3407, а также показания начальника разведки (отдел I-с) группы армий «Север» (PN-12, sten., s. 2255) и письменное показание Олендорфа (N. C., v. VIII, p. 596).

² «Richtlinien auf Sondergebieten zur Weisung 21 (Fall Barbarossa)» («Trial», 447-PS, v. XXVI, p. 53—58).

нику штаба оперативного руководства вермахта Иодлю и его заместителю Варлимонту. Директива касалась прежде всего организации власти на оккупированных советских территориях, а в связи с этим и обязанностей вермахта. В соответствии с директивой исполнительная власть на театре военных действий должна была находиться в руках главнокомандующего сухопутными войсками, но с одним ограничением: на этой территории рейхсфюрер СС Гиммлер имел право выполнять «специальные задачи», в которые армия не могла вмешиваться. В связи с этим директива предписывала обсудить детали и пункты сотрудничества вермахта с СС путем непосредственных переговоров между ОКХ и рейхсфюрером СС. Во исполнение этого указания состоялось совещание, на котором между представителем Гиммлера — шефом РСХА Гейдрихом, с одной стороны, и представителем ОКХ — генерал-квартирмейстером сухопутных войск генералом Вагнером — с другой, были согласованы принципы сотрудничества. К началу апреля 1941 года указанные переговоры привели к заключению *письменного* соглашения, детально излагавшего принципы сотрудничества армии с оперативными группами полиции безопасности и СД. Оперативные группы подчинялись шефу РСХА, а их члены набирались из числа сотрудников уголовной полиции, полиции безопасности, войск СС и полиции порядка. Главной задачей оперативных групп было проведение «массовых казней евреев, коммунистов и иных элементов сопротивления» в тылу германских войск на Востоке¹. Такова была одна из «специальных задач» рейхсфюрера СС, о которой упоминалось в директиве ОКВ от 13 марта 1941 года. Эти «специальные задачи», вытекавшие из людоедской программы Гитлера, которую он изложил 30 марта 1941 года на генеральском совещании в Оберзальцберге, должны были проводиться в жизнь — и действительно проводились — через оперативные группы СД. И происходило это при полной поддержке вермахта.

20 апреля 1941 года Браухич, по согласованию с Гейдрихом, издал приказ, определявший основы взаимодействия командующих армиями с оперативными группами СД². Приказ этот, устанавливая, что военные операции имеют преимущество перед всеми иными, затем подтвердил, что эйн-

¹ Показания генерала СС Шелленберга (3710-PS, «Trial», v. XXXII, p. 471—475, N. C., v. VI, p. 420—423).

² «Regelung des Einsatzes der Sicherheitspolizei und des SD im Bereich der Verbände des Heeres» (PN-12, NOKW-2080, dok. prok., t. XXXVI, s. 187). Проект данного приказа был разработан в ОКХ уже 26 марта 1941 года, а затем представлен на одобрение Гейдриха (NOKW-256, op. cit., s. 177—183).

затцкоманды (зондеркоманды) уполномочены предпринимать «исполнительные меры против гражданского населения» и при этом должны поддерживать тесный контакт с начальниками разведки (I-с) каждой армии, которым обязаны представлять отчеты о своей деятельности¹. Таким образом, германское командование было обстоятельно информировано о «деятельности» оперативных групп СД.

Рейхсфюрер СС Гиммлер — уже по своей линии, но тоже по согласованию с ОКХ — издал 21 мая 1941 года приказ, регулирующий сферу деятельности оперативных групп, которые отныне были подчинены высшим начальникам СС и полиции. Он упомянул также о взаимодействии оперативных групп с армией в соответствии с приказом Браухича².

Практические формы этого «сотрудничества» были обсуждены в начале июня 1941 года на совещании в Берлине, на котором присутствовали генерал Вагнер, начальник службы разведки и контрразведки адмирал Канарис (который, по крайней мере теоретически, кажется, был против политики истребления военнопленных³), Гейдрих, а также начальники отдельных оперативных групп и эйнзатцкоманд, начальники разведки групп армий, корпусов и даже некоторых дивизий. Будущие «товарищи по оружию» получили исчерпывающую информацию о соглашении Вагнер — Гейдрих и затем обсудили формы взаимодействия⁴.

Чем ближе был день начала военных действий против СССР, тем шире становился круг командиров, посвященных в эти сугубо тайные планы. В их задачу входило воздействие в соответствующем духе на «моральное состояние» армии. Так, например, 19 июня 1941 года командир 198-й пехотной дивизии (XXX корпус генерала Зальмута) издал приказ «О поведении войск на Востоке», которым, в частности, обязывал своих подчиненных применять беспощадные меры против «евреев, коммунистов, партизан и прочих»⁵.

Наступило 22 июня 1941 года. Гитлеровские орды ринулись на советскую землю, и за продвигающимися в глубь СССР германскими армиями следовали оперативные группы, отмечая каждый свой шаг массовым истреблением гражданского населения.

В отношении военнопленных оперативные группы получили задание «вылавливать» в дулагах и шталагах советских комиссаров и политруков, которые до этого не были

¹ PN-12, sten., s. 131—132.

² «Sonderauftrag des Führers» (PN-12, NOKW-2079, s. 190—192).

³ Э. Р а с с е л. Проклятие свастики, стр. 68—69. См. также Е. С г а н к - ш а в Gestapo, narzędzie tyranii, Warszawa 1959, s. 241.

⁴ Показания Шелленберга (см. выше, стр. 143).

⁵ NOKW-2946.

опознаны и расстреляны на поле боя и на сборных пунктах, а кроме того, выявлять коммунистов, партийных работников и всех евреев. Целью «отбора» было истребление называемых категорий военнопленных. Вся эта акция проводилась на основе соглашения между высшими военными властями и органами безопасности рейха после длительных переговоров, окончившихся 16 июля 1941 года.

Уже на следующий день, 17 июля 1941 года, Гейдрих издал свой пресловутый «Оперативный приказ № 8», адресованный, в частности, органам полиции безопасности «генерал-губернаторства» и Восточной Пруссии и содержащий указания для откомандированных в шталаги и дулаги частей полиции безопасности и СД¹.

Уже сама сопроводительная записка вводит нас в суть вопроса: «При сем направляю инструкцию по вопросу чистки («Säuberung») в лагерях для военнопленных, где размещены советские пленные («Sowjetrussen»). Эти указания разработаны по согласованию с ОКВ Управлением по делам военнопленных (см. приложение № 1). Команданты лагерей для военнопленных и пересыльных лагерей (шталагов и дулагов) были информированы через ОКВ».

Гейдрих потребовал откомандирования небольших групп в составе 4—6 человек в лагеря для военнопленных, находящиеся на территории «генерал-губернаторства» и Восточной Пруссии. В целях «облегчения проведения акции отбора» он направил офицеров связи к «начальникам военнопленных»: в военный округ № 1 (Восточная Пруссия, «начальник военнопленных» генерал-майор фон Гинденбург, офицер связи — советник Шиффер из гестапо в Щецине) и в «генерал-губернаторство» («начальник военнопленных» — генерал Гергот, резиденция в Кельцах, офицер связи — комиссар по уголовным делам Рашвитц из гестапо в Кракове). В задачу офицеров связи входило наблюдение за деятельностью указанных групп в соответствии с директивами Гейдриха и обеспечение бесперебойного взаимодействия с частями вермахта.

Акция по «отбору» должна была проводиться, как известует из инструкции Гейдриха, на обеих этих территориях. Однако из приложения № 1 к приказу вытекало, что разработанные в инструкции принципы «отбора» распространялись также и на оперативные отряды полиции безопасности, действовавшие на оккупированных территориях, в оперативных районах и в лагерях на территории рейха. Подтверждая,

¹ «Einsatzbefehl № 8: Richtlinien für die in die Stalags und Dulags abzustellenden Kommandos des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD» (PN-12. NOKW-3414, dok. prok., t. XV, s. 170—188).

что целью новой политики в отношении военнопленных должно быть освобождение вермахта от пленных, являющихся «движущей силой большевизма», а равно защита немецкого народа от «большевистских подстрекателей» и скорейшее усмирение оккупированных районов, Гейдрих отметил, что цель эта может быть достигнута с помощью отбора «политически нежелательных элементов» [*politisch untragbarer Elemente*], дословно: политически невыносимых, не могущих быть терпимыми в политическом отношении элементов. — *Ш. Д.*, проводимого эйнзатцкомандами. Гейдрих подчинил эйнзатцкоманды непосредственно начальнику полиции безопасности и СД (то есть самому себе!). Для них предусматривалась специальная подготовка. В конце инструкции Гейдрих подчеркнул, что эйнзатцкоманды в своей деятельности обязаны руководствоваться соответствующими указаниями, и приказал самым тесным образом сотрудничать с комендантами лагерей для военнопленных и офицерами разведки.

К тем «нежелательным», которых надлежало «выловить» среди военнопленных прежде всего, Гейдрих относил профессиональных революционеров, работников Коминтерна, «авторитетных деятелей партии» и ее разветвленных органов — как из Центрального Комитета, так и из местных организаций, народных комиссаров и их заместителей, политических комиссаров Советской Армии, руководящих лиц из государственного аппарата и хозяйственных органов, представителей советской интеллигенции, всех евреев и, наконец, определенных лиц, подпадающих под понятие «поджигатели, подстрекатели или фанатичные коммунисты».

Гейдрих дал также несколько указаний относительно методов, какими должны пользоваться эйнзатцкоманды при вылавливании «нежелательных». Им надлежало:

- а) полагаться на собственные определения и наблюдения во время допроса пленных;
- б) опираться также на определения, даваемые военными комендантами лагерей;
- в) подбирать себе осведомителей среди пленных;
- г) в исключительных случаях основываться на разработанных *ad hoc* (для данного случая) списках советских работников, помнятуя, однако, что эти списки (*Sonderfahndungsbuch UdSSR*) некомплектны. (Сам по себе факт составления подобных списков красноречиво показывает, какие методы «идеологической» борьбы применялись главарями третьего рейха).

Не обошелся Гейдрих и без подробных поучений относительно самой процедуры истребления «отобранных». Он ука-

зывает, что казни следует проводить способом, «по возможности не привлекающим внимания» («möglichst unauffällig»), и поэтому их нельзя устраивать ни в самом лагере, ни поблизости от него. О каждой экзекуции надлежит извещать соответствующие высшие территориальные органы безопасности.

Для проведения казней эйнзатцкоманды обязаны были обращаться к военным комендантом лагерей с просьбой о выдаче им пленных.

Гейдрих подчеркивал, что ОКВ поручило комендантом лагерей учитывать такие обращения¹. По свершении казни эйнзатцкоманда должна была представить донесение с поименным перечнем расстрелянных. Такие донесения надлежало направлять в РСХА (отдел IV A-1c).

«Отбору» «нежелательных» было посвящено несколько совещаний в АВА и издано несколько новых приказов, целью которых было дальнейшее «упорядочение» процедуры убийства на основе накопленного опыта. В одном из таких совещаний, созванном шефом АВА генералом Рейнеке, приняли участие: начальник IV отдела РСХА (гестапо) обергруппенфюрер СС Мюллер и представитель контрразведки генерал Лахузен, причем этот последний якобы старался (но безрезультатно) смягчить изданные распоряжения².

Отто Брайтгам, офицер связи министерства Розенберга (министерство по делам оккупированных территорий на Востоке) при ОКВ и ОКХ, принимавший участие в одном из этих совещаний, показал Трибуналу, что эйнзатцкоманды в первой стадии своей деятельности проводили также массовые экзекуции «азиатов», переходя, таким образом, границы уничтожения, официально предусмотренные в «Оперативном приказе № 8»³. Кроме того, эйнзатцкоманды расстреливали всех так называемых «обрезанных» военнопленных, в частности представителей кавказских народностей и туркменов, относя их к евреям. Когда же Брайтгам на совещании в сентябре 1941 года (Рейнеке—Мюллер и т. д.) жаловался на эти факты, Мюллер заявил, что он впервые слышит, чтобы магометане практиковали обычай обрезания. Однако вскоре Мюллер издал новый приказ, требуя, чтобы его подчиненные приняли это во внимание⁴.

Некоторое время спустя после опубликования «Оперативного приказа № 8» Гейдрих издал 21 июля 1941 года очередной «Оперативный приказ № 9»⁵. Этот приказ еще раз

¹ PN-12, NOKW-3414, dok. prok., t. XV, s. 186.

² N. C., v. V, p. 500—507.

³ PN-12, sten., s. 9165—9166.

⁴ Ibid.

⁵ «Einsatzbefehl № 9» (PN-12, NOKW-3415, dok. prok., t. III, s. 239).

повторил установку о нецелесообразности проведения казней военнопленных в лагерях. Таким образом, гитлеровцы старались избежать отрицательного влияния, оказываемого на моральное состояние германской армии зреющим массовой экзекуции плленных в военной форме (об этом говорил на совещании генерал Лахузен). Кроме того, вести о массовых казнях очень быстро распространялись среди гражданского населения и грозили попасть за линию фронта. А этого гла-вари третьего рейха боялись пуще всего. «Приказ № 9» расширял сферу деятельности эйнзатцкоманд и на лагеря советских военнопленных в Германии, куда уже начали прибывать первые транспорты с плленными. Это были лагеря: Хаммерштейн, Гросборн-Редериц, Гросборн-Бартенбрюгге (II военный округ); Цайтхайн, Мюльберг (IV военный округ); Зенне (VI военный округ); Нейхаммер, Ламбиноице [Ламсдорф] (VIII военный округ); Мюнстерлагер, Витцендорф (X военный округ); Берге, Берген-Бельзен, Фаллингбостель (XI военных округ); Нюрнберг, Хаммельбург, Зульцбах-Розенберг, Вейден, Фалькенау-Егер (XIII военный округ) и Торунь [Торн] (XX военный округ). «Нежелательных», отобранных в эти лагеря, в соответствии с указаниями Гейдриха следовало ликвидировать на территории ближайшего концентрационного лагеря¹.

«Отбор» и истребление «нежелательных» в оперативных районах производились на основе приказа генерал-квартирмейстера ОКХ генерала Вагнера от 24 июля 1941 года².

Заслуживает внимания тот факт, что в противоположность Гейдриху генерал Вагнер не включал военнопленных-евреев в категорию обреченных на истребление, но относил их вместе с «азиатами» и говорящими по-немецки русскими к той группе, которую не следовало направлять в Германию, а лишь оставлять в оперативном тылу и заставлять там работать.

Вероятно, в этом распоряжении и таилась причина массового истребления «азиатов» наряду с евреями в первой стадии войны, о чем упоминал Бройтигам.

Приказ генерала Вагнера не разрешал эйнзатцкомандам производить «отбор» и казни в лагерях для военнопленных, расположенных в оперативном тылу, их должен был производить своими силами вермахт. И это чрезвычайно характерно, поскольку до тех пор никогда еще не случалось, чтобы вермахт не сваливал «грязную работу» на плечи СС или гестапо. На сей раз вермахт сам брался за «почетную» за-

¹ PN-12, NOKW-3415, dok. prok., t. III, s. 239.

² OKH (Gen. St.) Gen. z b. V. b. Ob. d. H. (Gen. Qu. Abt. K. Verw.) AZ. II 4590/41 g. «Russische Kriegsgefangene» (PN-12, NOKW-2423, dok. prok., t. IX, s. 170—172).

дачу истребления «носителей коммунистической идеологии». Почему? Трудно ответить на этот вопрос. Возможно, Вагнер не хотел допустить, чтобы профессиональные палачи из СД слишком уж хоязяйничали в армейских тылах: известно, что простой солдат вермахта не чувствовал к СД большой симпатии.

Уже к октябрю 1941 года произошла «унификация» отношения к «нежелательным» военнопленным.

Поскольку главари третьего рейха провозгласили войну против Советского Союза войной с «большевистской идеологией», носителей которой следовало беспощадно истреблять, ничего не должно было мешать специально назначенным реализовать эту «миссию» людям осуществлять ее также и на театрах военных действий.

И вот 2 августа 1941 года командир XXX корпуса генерал Зальмут в приказе своим войскам объявил: «Фанатичное стремление евреев и коммунистов любой ценой приостановить продвижение вермахта вперед должно быть подавлено». Дальше генерал Зальмут информировал своих солдат о том, что задача эта поручена специальным отрядам СД (зондеркомандам)¹.

8 сентября 1941 года ОКВ издало пространное «Распоряжение об обращении с советскими военнопленными»². Это «Распоряжение» еще раз подчеркивало, что «большевизм» является «смертельным врагом» национал-социалистской Германии и что ввиду этого отношение немецкого солдата к советскому военнопленному должно быть самым суровым. В целях устранения наиболее опасных элементов надлежало проводить разделение военнопленных на категории более привилегированные, в некоторых случаях даже подлежащие освобождению, и на «политически нежелательные элементы» независимо от их национальности. В отношении этих последних распоряжение *дословно* повторяло мотивировки гейдриховского «Оперативного приказа № 8» и добавляло, что «вермахт должен как можно быстрее освободиться от этих элементов из среды военнопленных, поскольку эти элементы следует считать движущей большевистской силой». Дальше шла ссылка на то, что «особая ситуация в восточной кампании требует специальных мер [подчеркнуто в оригинале. — Ш. Д.], свободных от бюрократических и административных влияний и могущих быть проведенными в жизнь в радостном ощущении ответственности». Одновременно ОКВ сообщало, что отбор военнопленных с политической точки зрения относится к компетенции органов полиции безопасности.

¹ PN-12, NOKW-2963, sten., s. 1482.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 106.

сти и СД, деятельность которых регулируется указаниями рейхсфюрера СС. В задачу отрядов полиции безопасности и СД входило, согласно «Распоряжению», определение того, какие именно элементы среди военнопленных являются «политически нежелательными». Поэтому лагерные власти не должны были чинить препятствий при выдаче таких военнопленных в руки эйнзатцкоманд. Это положение распространялось и на гражданских узников, находящихся в лагере. Весьма примечателен тот пункт «Распоряжения», который заранее предопределял, что пленные офицеры «...будут часто подлежать сегрегации как «политически нежелательные» элементы» и что «...самое тесное сотрудничество комендантов лагерей и лагерных офицеров контрразведки с эйнзатцкомандами входит в круг их служебных обязанностей».

Итак, уже 8 сентября 1941 года командиры вермахта были «официально» информированы об «отборе» военнопленных и о роли, которую должны играть в этом деле эйнзатцкоманды. Правда, ОКВ, видимо, не имея смелости называть вещи своими именами, не заявляло о массовом истреблении «нежелательных элементов», но об этом открыто говорилось в оперативных приказах начальника полиции безопасности и СД. Таким образом, ОКВ и РСХА поделили эту задачу и взаимно дополняли друг друга в отборе «нежелательных». Иначе говоря, «Оперативный приказ № 8» и «Распоряжение» ОКВ стали основой совместной деятельности этих двух опор третьего рейха.

В дальнейшем Гейдрих неоднократно дополнял свои указания по вопросу об «отборе» военнопленных, не внося, однако, никаких принципиальных изменений. Так, в приказе от 12 сентября 1941 года он уточнил смысл понятия «интеллигент» (одна из категорий, подлежащих «отбору»), разъясняя при этом, что в первую очередь речь тут идет о «профессиональных революционерах», литераторах, редакторах, работниках Коминтерна и т. д. В приказе содержится также указание, чтобы ликвидация «отобранных» производилась после получения утверждения из РСХА безотлагательно, в целях избежания дальнейшего содержания их в лагерях «по хорошо известным причинам». Он еще раз подчеркнул необходимость сохранения казней в строгой тайне: «...Эти экзекуции не являются публичными. Как правило, свидетелей допускать не следует». Одновременно РСХА начало проявлять некоторое стремление к сужению масштабов истребления. Так, например, пленных украинцев, белорусов, кавказцев и представителей тюркских народностей Гейдрих приказал истреблять только в случаях, когда речь идет о «фанатически настроенных большевиках, политических комиссарах или других опасных функционерах».

Характерно, что в указаниях своим подчиненным Гейдрих постоянно ссылался на то, что все происходящее в области отбора «нежелательных» полностью апробировано вермахтом.

Направляя «дополнительные инструкции» в низы, заместитель Гейдриха Мюллер в письме отрядам полиции безопасности и эйнзатцкомандам от 27 сентября 1941 года предписывал, чтобы в случае возникновения каких-либо трудностей в проведении «отбора» в лагерях обращать внимание соответствующих частей вермахта на совместно с ОКВ разработанные «указания» [то есть на «Оперативный приказ № 8» Гейдриха от 17 июля 1941 года. — Ш. Д.], а также на «Распоряжение» ОКВ от 8 сентября 1941 года, которые были разосланы всем штабам военных округов¹. «Дополнение это [от 12 сентября. — Ш. Д.] было разработано по согласованию с Управлением по делам военнопленных ОКВ. Команданты лагерей для военнопленных и коменданты дулагов извещены о нем через ОКВ»².

После издания «Распоряжения» ОКВ вермахт прекратил «отбор» в лагерях для пленных. 7 октября 1941 года ОКХ издало приказ, предусматривавший действие оперативных отрядов полиции безопасности и СД в дулагах в оперативных районах с целью проведения «отбора» «нежелательных»³. Этот документ в противоположность директивам ОКВ по данному вопросу открыто называет вещи своими именами. С этой точки зрения он является особенно важным, и мы поэтому приводим его полностью.

«1. Во изменение приведенного в пункте «б» указания [приказа от 24 июля 1941 г. — Ш. Д.] в дулаги на тыловых территориях армий [на Востоке. — Ш. Д.] вводятся специальные отряды полиции безопасности и СД с целью проведения селекции нежелательных элементов. Эти отряды будут действовать на свою ответственность, согласно нижеуказанным инструкциям.

2. По согласованию с начальником полиции безопасности и СД использование выделенных для этих целей специальных отрядов регулируется следующим образом:

а) выделенные для этих заданий специальные отряды остаются в подчинении уполномоченных начальника полиции безопасности и СД при начальниках тыловых районов армий на основе соглашения, заключенного 28 апреля 1941 года...

¹ PN-12, NOKW-3417, dok. prok., t. XV, s. 190.

² Ibid.

³ PN-12, NO-3422, dok. prok., t. XV, s. 235—238. См. также приговор (sten., s. 10 231).

б) способ использования специальных отрядов надлежит согласовать с начальниками тыловых районов армий («начальниками военнопленных»), чтобы по возможности проводить отбор способом, не привлекающим внимания, а ликвидацию — безотлагательно по проведении «отбора» за пределами дулагов и населенных пунктов, дабы весть об этом не достигала других военнопленных и гражданского населения;

в) главнокомандующие группами армий и начальники тыловых районов могут на основе соглашения от 28 апреля ограничить деятельность специальных отрядов в отдельных частях тыловых территорий в связи с [военными. — Ш. Д] операциями;

г) в дулагах, находящихся в тыловых районах армий, где специальные отряды еще не смогли провести селекцию, следует поступать согласно прежним инструкциям на ответственность комендантов [подчеркнуто в оригинале. — Ш. Д]. С момента прибытия специальных отрядов проведение селекции нежелательных элементов является исключительно их задачей. Совместное проведение селекции не должно иметь места.

3. Письменная передача настоящего приказа, даже в извлечениях, недопустима. Приказ надлежит сообщить «начальникам военнопленных» и комендантом дулагов только устно».

Приказ этот («Оперативный приказ № 14») вместе с соответствующими «указаниями» начальника полиции безопасности и СД Гейдриха 29 октября 1941 года был доведен до сведения непосредственных исполнителей, то есть всех четырех оперативных групп, действовавших на Восточном фронте¹. Гейдрих предписал немедленно выделить «достаточно сильные» специальные отряды под командованием офицеров СС и приступить к «работе» в лагерях для военнопленных. В случае «возникновения трудностей» приказ предусматривал личные переговоры с соответствующими инстанциями вермахта.

В приложенной к приказу «Инструкции по вопросу отбора подозрительных советских военнопленных и гражданских лиц в лагерях для военнопленных и дулагах, находящихся в тыловых районах армий» вслед за «Распоряжением» ОКВ от 8 сентября 1941 года повторялись пункты о категориях «нежелательных», которые подлежали истреблению, а также содержались указания о тайном проведении

¹ Der Chef der Sipo und des SD. B. № 21 B/41 g. Ks-IV A-1c; Schnellbrief 29.X.1941; «Einsatzbefehl № 14» (PN-12, NO-3422, dok. prok., t. XV, s. 227—235).

экзекуций. Новыми моментами здесь являлись: 1) исключение из «отбора» врачей и прочих категорий медицинских работников, даже если они евреи (что было вызвано нехваткой медперсонала и необходимостью оставления их в лагерях для военнопленных); 2) «сохранение» руководящих государственных и партийных деятелей с целью вынудить их к даче информации; 3) возложение на эйнзатцкоманды обязанности безотлагательного и должного захоронения останков казненных, что, несомненно, было продиктовано желанием замести следы преступления.

Вышеупомянутые «указания» содержат собственную интерпретацию того раздела приказа ОКХ от 7 октября 1941 года, в котором говорится, что эйнзатцкоманды производят «отбор» на свою ответственность. «Указания» устанавливают, что вся акция по «отбору» и экзекуции «отобранных» относится исключительно к компетенции эйнзатцкоманд, а начальники оперативных групп на свою ответственность утверждают предложения о казнях и дают соответствующие инструкции эйнзатцкомандам. Роль военных комендантов лагерей сводится «только» к выдаче пленных в руки эйнзатцкоманд (зондеркоманд) по предложению этих последних, что, как гласят «Указания», вытекает из инструкции ОКХ.

Приведенные выше приказы и инструкции создавали «юридические» основания той отменно согласованной и скоординированной совместной акции, в результате которой истреблены десятки тысяч советских военнопленных как в оперативных тылах немецко-фашистских войск, так и на остальных оккупированных территориях и в самом рейхе. Своего апогея эта акция достигла осенью 1941 года и на рубеже 1941—1942 годов. Однако значительная часть жертв из этой категории военнопленных приходится также на предшествующий и последующий периоды. Отбор «нежелательных» проводился в массовом масштабе. Транспорты, насчитывающие сотни и тысячи военнопленных, шли на «ликвидацию» в концлагеря или были ликвидированы в безлюдных местах на Востоке (в тылу действовавших там немецко-фашистских армий).

Распоряжения ОКВ и полиции безопасности относительно «отбора» советских военнопленных имели обязательную силу в течение всей войны и выполнялись до последнего ее дня.

Тот факт, что число истребленных пленных под конец войны несколько уменьшилось, ни в коей мере не свидетельствует о «гуманизации» войны со стороны ОКВ и полиции безопасности. Причина тут простая: с весны 1942 года в руки гитлеровцев стало попадать все меньше и меньше советских

военнопленных, а кроме того, и определенные практические соображения побуждали гитлеровцев воздерживаться от чрезмерного увлечения экзекуциями.

На рубеже 1941—1942 годов гитлеровцы обнаружили, что они переборщили в своих истребительных замыслах, обострив тем самым и без того весьма болезненно ощущавшуюся в рейхе нехватку рабочей силы. Поэтому началось постепенное ограничение людоедских «чисток».

Так, на одном из совещаний 5 декабря 1941 года генерал Рейнеке обратился к начальнику IV отдела РСХА (гестапо) Мюллеру с просьбой, чтобы его люди в ходе проведения «кампаний по селекции» по возможности щадили специалистов. Просьбу свою генерал Рейнеке мотивировал трудностями с обеспечением промышленности рабочей силой. Мюллер проявил «полное понимание» пожелания представителя ОКВ и заверил, что даст указание своим подчиненным, чтобы в «спорных случаях они щадили ценных работников». С этого момента при «селекциях» упор делался на то, чтобы «отбирать» только полностью «нежелательных» по роду их прежней деятельности пленных, которые в случае использования их в качестве рабочей силы на важных с военной точки зрения предприятиях могли бы оказаться «опасными»¹. Дабы не было сомнений, что тут и речи нет о гуманности, начальник полиции безопасности разъяснил, что делается это «в силу необходимости решения срочных производственных задач в военной промышленности»².

«Необходимость усиленного использования труда советских военнопленных требует нового урегулирования вопроса об обращении с ними», — говорилось в директиве генерала Рейнеке от 24 марта 1942 года³. Одновременно в директиве подчеркивалось, что отбор «нежелательных» пленных должен производиться эйнзатцкомандами и впредь.

Тот же лейтмотив прозвучал и в докладе начальника отдела IV A1 в РСХА Линдова на состоявшемся 27 января 1943 года в Люблине совещании начальников эйнзатцкоманд, которые действовали в лагерях для военнопленных на территории польского «генерал-губернаторства». Линдов подчеркивал, что в будущем следует обрекать на «ликвидацию» только те элементы, которых «абсолютно нельзя терпеть». А, например, тех советских политруков, которых «заставили» выполнять эту функцию, следует передавать в качестве

¹ PN-12, NO-2138, dok. prok., t. XV, s. 41—42 (распоряжение начальника полиции безопасности и СД от 13 февраля 1942 года, цитированное начальником гестапо Мюллером в его циркуляре от 10 июня 1942 года).

² Ibid.

³ PN-12, NO KW-040, dok. prok., t. XV, s. 22.

рабочей силы в концентрационные лагеря¹. Общий курс по отношению к советским военнопленным в части отбора «нежелательных» также подвергся постепенным ограничениям с учетом территориальности. 5 мая 1942 года приказом ОКВ² было запрещено производить «отбор» на территории рейха. С этого времени «отбор» можно было производить лишь в лагерях на территории «генерал-губернаторства» и восточных комиссариатов («Украина», «Остланд»). Отправка контингентов военнопленных в Германию с этого времени допускалась только после проверки пленных и изъятия «нежелательных». В приказе эта мера именовалась «политическим карантином». Во избежание задержек с транспортировкой пленных в пределы рейха ОКВ потребовало от комендантов лагерей для военнопленных на территории «генерал-губернаторства», комиссариатов «Украина» и «Остланд», чтобы они по прибытии новых транспортов с пленными немедленно извещали об этом местные органы гестапо в целях безотлагательного проведения «отбора»³. В связи с выводом эйнзатцкоманд из лагерей для военнопленных на территории рейха предусмотрительное ОКВ/АВА одновременно распорядилось, чтобы дальнейший надзор над рабочими командами (Arbeitskommandos) осуществляли коменданты лагерей⁴, в обязанности которых, следовательно, отныне входила передача в руки гестапо «неблагонадежных» и т. д. Со своей стороны начальник полиции безопасности обязал своих подчиненных всегда быть в распоряжении комендантов лагерей, если эти последние потребуют проверки отдельных рабочих бригад сотрудниками полиции безопасности⁵. Одновременно он предписывал им принимать передаваемых коменданты советских военнопленных [после «отбора», произведенного комендантами своими силами.—Ш. Д.] и вообще сохранять прежние контакты с лагерями. Поскольку перенесение всей тяжести акции по «отбору» за пределы рейха должно было привести к резкому усилению деятельности эйнзатцкоманд на восточных территориях, особенно в «генерал-губернаторстве», что в свою очередь могло бы снизить темпы отправки эшелонов с пленными на работы в Германию, начальник полиции безопасности потребовал, чтобы большинство выве-

¹ «Arbeitstagung der Einsatzkommandos bei den Stalags im GG» («Proces A. Giese», s. 234, AGK).

² OKW, Chef Kgf. № 1155/42, v. 5.5.42. «Behandlung sowjet. Kg. Gef.» (PN-12, NOKW-040, dok. prok., t. XV, s. 16—17).

³ PN-12, NOKW-040, dok. prok., t. XV, s. 16—17.

⁴ Ibid.

⁵ PN-12, NO-2139, dok. prok., t. XV, s. 44 («Überprüfung sowjetrussischer Kriegsgefangener, Auflösung der Einsatzkommandos im Reich», Befehl des Chefs der Sipo und SD v. 31. Juli 1942).

денных из пределов рейха эйнзатцкоманд было направлено в польское «генерал-губернаторство» в качестве «подкрепления» для проведения там отбора «нежелательных»¹.

В результате в начале июня 1942 года мы наблюдаем некоторое кажущееся ограничение истребления «нежелательных». В соответствии с приказом ОКВ «чистка» политических комиссаров и политруков должна была совершаться с этого времени исключительно на территории «генерал-губернаторства», причем «отобранных» не следовало ликвидировать на месте, как это было прежде («за исключением тех случаев, когда доказано совершение ими таких наказуемых действий, как убийство и т. п.»), а надлежало передавать в «специально подготовленные лагеря на территории «генерал-губернаторства» или рейха»². В связи с этим начальник полиции безопасности издал 2 июня 1942 года свой приказ, в котором сообщил для сведения своих подчиненных решение ОКВ, подчеркнув одновременно, что в отношении других категорий пленных, подлежащих «отбору» (например, евреев), остаются в силе прежние методы³.

Через несколько дней было принято решение по вопросу организации специального лагеря для комиссаров. 10 июня 1942 года Мюллер распорядился, чтобы отделенные от остальной массы пленных комиссары и политруки направлялись в лагерь Маутхаузен⁴. Это мнимое «более либеральное» отношение к комиссарам (своим жестоким обращением с узниками Маутхаузен мог успешно конкурировать с Освенцимом или пресловутым тоннель-лагерем «Дора») продолжалось недолго. Уже в октябре 1942 года последовала дифференциация этой категории пленных, повлекшая за собой различное обращение с ними. 20 октября 1942 года Мюллер предписал:

«Чтобы определить, как обращаться с политическими комиссарами и политруками, следует установить, были ли они взяты в плен в бою или же дезертировали. В первом случае должна быть совершена экзекуция, а при установленном дезертирстве — только возвращение в концентрационный лагерь Маутхаузен»⁵.

В германских документах времен войны очень трудно обнаружить даже единичные случаи зафиксированного «де-

¹ PN-12, NO-2139, dok. prok., t. XV, s. 44.

² Ibid., NOKW-040, dok. prok., t. XV, s. 19—20.

³ Ibid., NOKW-040, dok. prok., t. XV, s. 14.

⁴ PN-4, NO-2130, dok. prok., t. V, s. 10—12.

⁵ PN-12, NO-2140, dok. prok., t. XVII, s. 142 (Rundschreiben des Chefs der Sipo und SD v. 20. Oktober 1942: «Behandlung flüchtiger sowjetischer Kriegsgefangener»).

зерттирства» политрука или комиссара. Так что и после мюллераовского приказа о дифференцированном обращении с комиссарами и политруками все осталось по-старому.

Директивы по вопросу отбора «нежелательных» проводились в жизнь, как и все прочие приказы и директивы, скрупулезно, систематически и беспощадно. На многих проводившихся в Берлине под председательством генерала Рейнеке совещаниях с участием «начальников военнопленных» всех военных округов разъяснялись ранее изданные письменные распоряжения АВА, касавшиеся «политически подозрительных» военнопленных и в первую очередь комиссаров Советской Армии. Как в письменных директивах, так и в устных инструкциях в оправдание указывалось на необходимость «защиты местного населения от большевистских влияний и предотвращение возможности дальнейшего воздействия на военнопленных» [со стороны «политически подозрительных». — Ш. Д.]¹.

На этих совещаниях постоянно напоминалось о необходимости тесного сотрудничества комендантов лагерей для военнопленных с эйнзатцкомандами при «отборах» пленных. В лагерях велся учет выданных эйнзатцкомандам пленных, а подробные письменные отчеты коменданты лагерей отсылали для сведения в ОКВ/АВА².

До сих пор мы говорили об «отборах», производившихся эйнзатцкомандами полиции безопасности и СД. Однако еще до того, как в лагерях для военнопленных начали действовать отряды СД, инструкцию об «отборе» выполнял вермахт «своими силами».

Генерал Эстеррейх, «начальник военнопленных» в ХХ военном округе, письменно показал³, что спустя два дня после нападения на Советский Союз он получил от генерала Рейнеке приказы с приложенным к ним «Распоряжением о комиссарах», в котором всем фронтовым частям и комендантом лагерей вменялось в обязанность расстреливать политруков, коммунистов и евреев. Следующий приказ ОКВ, показал Эстеррейх, предписывал захоронение расстрелянных в массовых могилах и по возможности сожжение их тел. Эстеррейх подтвердил, что передал указанный приказ для исполнения подчиненным ему комендантом лагерей для советских военнопленных в Торуни майору Зегеру, полковнику Больману и подполковнику Дульнигу. Во исполнение этого приказа подполковник Дульниг распорядился немедленно

¹ Показания генерала Шеммеля, «начальника военнопленных» в XIII военном округе (PN-12, sten., s. 409).

² Ibid.

³ Показания генерала Эстеррейха, «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 127.

расстрелять 300 пленных, в том числе политруков Советской Армии, коммунистов и евреев. Останки расстрелянных были погребены в массовых могилах на территории лагеря ХХС¹. Позже комендант лагеря уже передавал пленных в руки специальных отрядов СД. Генерал Эстеррейх вспоминает в своих письменных показаниях о факте передачи комендантом шталаха ХХС (Торунь) в руки СД для расстрела 1200 советских военнопленных².

Трудно детально установить, в какой степени практика, имевшая место в XX военном округе, была типична также для других округов и для оперативных районов. Во всяком случае, массовое убийство комиссаров, многочисленные случаи истребления пленных-евреев и пленных-коммунистов армейскими частями являются достаточно веским доказательством того, что *непосредственное* истребление «нежелательных» частями вермахта не ограничивалось только этим одним округом. Мы помним, что в цитированном выше приказе генерала Вагнера от 24 июля 1941 года относительно отбора «нежелательных» в оперативных районах участие в этой акции эйнзатцкоманд не предусматривалось. Мы помним также, что такое положение продолжалось до октября 1941 года. Это значит, что в течение трех с лишним месяцев «отбор» и истребление советских военнопленных в оперативных районах производились исключительно вермахтом. В дальнейшем, то есть с октября 1941 года, донесения об «отборе» и ликвидации представлялись уже эйнзатцкомандами, действовавшими на территориях лагерей для военнопленных. Приводим образцы таких донесений.

Оперативная группа «Д» сообщила 22 сентября 1941 года, что во время «инспектирования» лагеря для военнопленных в Витебске выявлено, а затем расстреляно 207 военнопленных-евреев³.

Эйнзатцгруппа 10-А доложила о «ликвидации» 28 ноября 1941 года в Таганроге «70 офицеров и солдат из русского истребительного батальона»⁴. (Таганрог находился в районе действия XXX корпуса 11-й армии.)

15 мая 1942 года в результате «отбора» в дулаге 160 (Хорол) СД расстреляла около 500 советских военнопленных (евреев и других «подозрительных»). Проводивший «отбор»unterштурмфюрер ССставил в списке проверяемых военнопленных против каждой фамилии буквы «Е» (erschießen — расстрелять) или «Ф» (freilassen — освободить)⁵.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 128.

² Там же.

³ PN-12, NO-2833, sten., s. 1104.

⁴ Ibid., NO-2836, sten., s. 1098.

⁵ Ibid., sten., s. 10 233.

В то время как в оперативных районах «чистка» в соответствии с приказом ОКХ была, по крайней мере теоретически, отдана целиком на откуп эйнзатцкомандам, на остальных территориях проверка и допрос пленных с целью выявления «нежелательных» производили сообща представитель эйнзатцкоманды и офицер контрразведки данного лагеря. Список «отобранных» («Ausgesonderte») представлялся коменданту лагеря для исключения этих лиц из общего списка военнопленных. Затем этот именной список пересыпался в РСХА (отдел IV A1), где после утверждения предложения о казни решался вопрос о том, в какой концлагерь надлежит направить данных военнопленных на «ликвидацию»¹.

Коменданту шталаха XIIIА в Зульцбахе полковник Рид показал, что за время выполнения им функций коменданта (то есть до октября 1941 года) гестапо потребовало от него выдачи 300 советских пленных. Рид утверждал, что выдал «только» 20. Этих пленных гестапо перевезло в концлагерь во Флоссенбюрге. «...Таково было распоряжение органов безопасности, направленное против коммунистических элементов», — разъяснял Рид².

На территории шталаха XIIIС в Хаммельбурге (Нюрнберг) действовала эйнзатцкоманда СД, которая «вылавливала» евреев, коммунистов, комиссаров и другие «нежелательные элементы». В своей «работе» она поддерживала тесный контакт с комендантом и офицером контрразведки лагеря. «Отбор» пленных происходил в условиях полного единодушия между органами СД, комендантом лагеря и офицером контрразведки. Допросы «подозрительных» и «свидетелей» производились с помощью переводчика, преимущественно «фольксдайче» с Востока, и продолжались в среднем по 15 минут. Если «подозрительный» отвергал обвинение в том, что он является комиссаром или политруком, то в этом случае достаточно было показаний двух «свидетелей», чтобы решить дело (разумеется, не в пользу обвиняемого). Жертвы «отбора» сразу же направлялись в отдельное помещение. Затем после утверждения в РСХА предложения о казни (см. выше) обреченных на смерть отводили под конвоем солдат вермахта на железнодорожную станцию, где и передавали сотрудникам гестапо. Связанных или скованных по двое пленных загоняли в закрытые, не отапливаемые зимой вагоны для скота (по 60—80 человек в каждом вагоне) и транспортировали в концлагерь Даухау. Отсюда смертников перевозили на автомашинах к месту казни, где всех заставляли раздеваться догола. Экзекуцию совершал отряд СС.

¹ Affid. Kurt Lindowa, PN-12, NO-5481, dok. prok., t. XVII, s. 35—39.

² Affid. plk. Adriana Rieda, PN-12, NO-5523, dok. prok., t. IV, s. 295—296.

Расстреливали группами по пять человек. Казнь совершилась в присутствии начальника той эйнзатцкоманды, которая производила «отбор».

Таким способом в течение всего нескольких месяцев 1941 года в одном только лагере Хаммельбург было расстреляно около 500 советских офицеров¹.

Оперативный отряд гестапо в Регенсбурге «проверил» в течение сентября — декабря 1941 года 2344 советских военнопленных, находившихся в лагерях на территории XIII военного округа (Нюрнберг). Из этого числа было «отобрано» 330 пленных, которые затем были расстреляны в концлагере Флоссенбюрг².

В тот же период другой оперативный отряд гестапо из Регенсбурга «проверил» на территории VII военного округа 3578 военнопленных и назначил на «ликвидацию» 456 человек из них³.

Эйнзатцкоманда в Мюнхене за период с 29 сентября по 22 ноября 1941 года допросила на территории шталага VIIA в Мосбурге 3788 советских пленных. Из них было «отобрано» в качестве «нежелательных элементов» 484 человека. Эти обреченные делились на следующие категории: служащие и офицеры — 4, евреи — 31, интеллигенты — 81, «фанатические коммунисты» — 174, «подстрекатели» — 94, беглецы — 38 и неизлечимо больные — 62⁴.

Эта последняя категория особенно характерна. Оказывается, в некоторых случаях эйнзатцкоманды выходили за рамки «Оперативного приказа № 8». Этот вопрос мы подробно рассмотрим в главе IV. Здесь, однако, отметим, что уже в 1941 году наиболее рьяные исполнители опережали изданные позднее распоряжения высших органов рейха.

Наряду с регенсбургской очень активное участие в ликвидации «нежелательных» в шталагах и оффлагах XIII военного округа принимала также нюрнбергская эйнзатцкоманда. Последняя до 27 января 1942 года «проверила» в общей сложности 10 760 советских военнопленных. В это число входило 5100 офицеров из оффлага XIIIIB в Хаммельбурге. В результате этой акции было «отобрано» 2009 пленных (652 офицера и 1357 рядовых), которых затем подвергли «особому обращению» («Sonderbehandlung»)⁵.

¹ Из показаний оберштурмфюрера СС и инспектора уголовной полиции П. Олера (PN-12, sten., s. 583—592).

² Ibid., R-178, dok. prok., t. XVI, s. 139—140.

³ PN-12, R-178, dok. prok., t. XVI, s. 139—140.

⁴ Ibid., s. 135.

⁵ Ibid., R-178, s. 181. См. также показания бывшего «начальника военнопленных» XIII военного округа генерала Шеммеля, который сообщил о выдаче в руки эйнзатцкоманд около 2000 пленных (sten., s. 409, 429).

Из лагерей, расположенных на территории рейха, эшелоны с пленными, подлежащими уничтожению, направлялись для совершения казни в ближайшие концентрационные лагеря. Однако, когда осенью 1941 года наряду с партиями «нежелательных», направляемых на смерть, в концлагеря стали прибывать также эшелоны с советскими военнопленными, назначенными на работы, возникла необходимость («во избежание ошибок») издания распоряжений, предотвращающих смешивание этих двух категорий пленных. На начальников эйнзатцкоманд была возложена обязанность предупреждать комендантов концлагерей о дате прибытия эшелона и его численности, а также передавать распоряжения начальника полиции безопасности и СД о проведении казней¹.

Как заявил упоминавшийся выше Линдов, транспортировка и конвоирование пленных до концлагерей относились к компетенции вермахта². Это обстоятельство подтверждается также письмом начальника полиции безопасности и СД от 9 ноября 1941 года: «...Эти транспорты до концентрационных лагерей, как правило, сопровождаются подразделениями вермахта...»³

После ликвидации (во второй половине 1942 года) эйнзатцкоманд СД на территории рейха индивидуальная «чистка» «подозрительных» проводилась, как мы уже упоминали выше, военными властями лагеря. «Судопроизводство» основывалось на допросе «подозрительных» лагерным судебным офицером (*Gerichtsoffizier*) или офицером контрразведки с помощью переводчика. Если допрашивающий устанавливал, что пленный относится к категории «нежелательных» или что в данном случае лагерная мера дисциплинарного наказания недостаточна, он передавал этого пленного в руки гестапо — после утверждения его решения комендантом лагеря. Как сообщает Маттиас Патучник,unter-офицер лагерной охраны в шталаге 317 (XVIII C) в Маркт Понгау, в 1943—1944 годах таким способом было передано гестапо 50—100 советских военнопленных. Этих пленных гестапо направило в концлагерь Дахау, где многие из них погибли⁴.

Массовые расстрелы «нежелательных» имели место и в так называемом Белостокском округе.

В лагере для советских военнопленных в Богуше (уезд Граево) производились «отборы» «нежелательных», которых

¹ PN-12, NO-3421, dok. prok., t. XV, s. 217—219.

² Affid. Kurfa Lindowa, PN-12, NO-5481, dok. prok., t. XVII, s. 35—39.

³ «Transport der zur Exekution bestimmten sowjetrussischen Kriegsgefangenen in die Konzentrationslager» («Trial», PS-1165, v. XXVII, p. 43).

⁴ PN-12, NO-5239, dok. prok., t. XVII, s. 47.

затем расстреливали в Рыдзеве, находящемся в 2 км от лагеря. Число расстрелянных достигло 5000 человек. Во время произведенной после войны эксгумации установлено, что у большинства жертв имеются огнестрельные ранения в области черепа. Убитые солдаты были захоронены беспорядочно, в обмундировании. Рядом с ними найдено много котелков и фляг, которыми во время войны пользовались военнослужащие Советской Армии¹.

В откопанном после войны подпольном архиве белостокского гетто, замурованном двумя ведущими представителями движения Сопротивления Мерсиком и Тамарофом, найдены, в частности, потрясающие записи очевидца этих казней:

«...Около Богусина [Богуш, — Ред.], на расстоянии 4 км от Граева, находится лагерь с 20 000 пленных. Оттуда выводили пленных на расстрел. Случалось, что граевских евреев заставляли копать ямы. Приходилось это делать и сообщившему данный факт Зелику Тененбауму, который рассказал:

«Пленных — голодных, избитых, едва волочащих ноги — приводили на место казни партиями. Ямы были приготовлены, и пленных заставляли самих укладываться там. Они сами должны были заползать туда и ложиться рядами. Прибывшие пленные выполняли приказ. В каждую яму заползло по 150 человек. Вокруг стояли жандармы, вооруженные автоматами, и наблюдали за их [пленных. — Ред.] передвижением. Руководили экзекуцией и подгоняли гестаповцы.

Когда все уже лежали в ямах, их расстреливали из автоматов. Раздавались короткие стоны, и через минуту все утихало. Среди пленных можно было распознать несколько человек с еврейскими чертами; один из них, уже лежа в яме, простонал по-еврейски: «Ох, что же будет с моей женой и с моими детьми!»

Ямы засыпали, и земля поглотила тайну убитых².

Бесчеловечный режим царил также и в других лагерях для советских военнопленных на территории Белостокского округа: в Волковыске, Келбасине под Гродно, Замбруве и в бывших казармах 10-го полка литовских уланов в Белостоке. По всей вероятности, и там расстреливали «нежелательных». Однако недостает свидетельства тех, кто уцелел от этого побоища. Эксгумацию жертв из этих лагерей произвели сами немцы весной и в начале лета 1944 года при по-

¹ Z. Lukasziewicz, Zagłada jeńców radzieckich w obozach na ziemiach polskich (Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce, 1949, t. V, s. 159).

² Archiwum Mersik-Tamarof: «Der blutiger kapitl Grajewe» (Архив Еврейского исторического института).

моши пресловутой «команды 1005», состоявшей из заключенных. Во время этой операции были сожжены десятки тысяч трупов. Среди сожженных были обнаружены останки многих тысяч военнопленных¹.

В качестве руководителя гражданской администрации власть в Белостокском округе осуществлял гаулейтер Восточной Пруссии и рейхскомиссар на Украине и в Белоруссии известный военный преступник Эрих Кох. Однако преступления против военнопленных на территории Белостокского округа не лежат непосредственно на совести кровавого гаулейтера. Ответственность за это несут исключительно военные власти (и их сообщники из СД), в особенности командование I военного округа в Кенигсберге и прежде всего «начальник военнопленных» этого округа, поскольку именно ему были подчинены лагеря военнопленных в Белостокском округе. Этим «начальником» был генерал-майор Оскар Гинденбург, сын фельдмаршала Пауля Гинденбурга, бывшего президента Германии².

Массовые расстрелы «нежелательных», особенно в первые месяцы 1941 года, имели место также в шталагах на территории польского «генерал-губернаторства». Установлено, что такие экзекуции проводились в шталаге 316 в Седльцах³, а также в шталаге 324 в Грондах около Острува-Мазовецкого, где было «на глазок» отобрано 1800 пленных, которых расстреляли около деревни Гуты⁴. Всего в 1942 году на территории «генерал-губернаторства» в результате «отбора», по официальным германским данным, было умерщвлено 3217 советских военнопленных и 78 передано в концлагеря⁵. Мы не знаем соответствующих цифр за 1941 год. Однако, судя по совокупности обстоятельств, они должны быть в несколько, а возможно, и во много раз выше.

Оживленную «деятельность» развивали эйнзатцкоманды также на Украине. Ввиду характера их «деятельности» отряды эти называли «ликвидационными» («Liquidationskommandos»)⁶.

¹ Материалы процесса гауптштурмфюрера СС Махолла на суде в Белостоке (AGK).

² «Материалы Махолла — Фридля — Мельцера». Показания оберштурмфюрера СС Фридля (Архив Еврейского исторического института).

³ Z. Łukaszkiewicz, op. cit., s. 153.

⁴ Ibid., s. 146.

⁵ Цифры эти приведены начальником отдела IVAlc РСХА Кенигсхаузом на «рабочем совещании» начальников эйнзатцкоманд, действовавших в шталагах на территории «генерал-губернаторства», 27 января 1943 года в Люблине («Proces A. Giese», s. 231—232, AGK).

⁶ Показания полковника Рида, который с ноября 1941 года по сентябрь 1942 года был окружным комендантом лагерей военнопленных на Украине (PN-12, NO-5523, dok. prok., t. IV, s. 295—296).

К действиям на этой территории относится, в частности, донесение начальника полиции безопасности и СД от 14 июля 1942 года: «Во Владимире-Волынском СД подвергла «особому обращению» 36 комиссаров из лагеря для пленных офицеров»¹.

В оперативных районах, а также в определенной мере и на всех территориях, находившихся под контролем ОКВ, наряду с «отбором» «нежелательных», проводившимся СД «на свою ответственность», в течение всего периода войны практиковалась иная форма истребления пленных, в которой СД и части вермахта тесно сотрудничали друг с другом: во многих случаях вермахт сам передавал «нежелательных» и другие категории пленных непосредственно в руки СД. Это имело место тогда, когда из-за недостатка соответствующих сил органы СД не могли сами проводить «отбор» — прежде всего в шталагах и дулагах, — а также в тех случаях, когда «подозрительные» выявлялись на сборных пунктах или в рабочих командах. Аналогично поступал вермахт и в случаях провинности военнопленных, если лагерное начальство считало, что дисциплинарное наказание является слишком мягким (поскольку судопроизводства в отношении советских военнопленных, как правило, не существовало). Такое решение судьбы пленных имело место там, где устанавливалось, что среди пленных находятся «подозрительные и неблагонадежные» элементы, с которыми сам вермахт справиться без помощи «специалистов» в области следствия (имеются в виду полиция безопасности, военная полиция и тайная полевая полиция) не может. В таких случаях пленных передавали в руки СД или тайной полевой полиции для « дальнейшего рассмотрения вопроса».

В руки СД наряду с вышеуказанными категориями пленных во многих случаях вермахт передавал парашютистов, сбитых летчиков, беглецов, отказавшихся от работы советских пленных и пленных, подозреваемых в участии в движении Сопротивления, а часто поступал так и тогда, когда надо было избавиться от хлопот в связи с казнями пленных.

Передача военнопленных в руки СД в оперативных районах Восточного фронта была равнозначна смертному приговору, в то время как на территориях, подконтрольных ОКВ, еще существовала ничтожная возможность, что пленный будет отправлен в концлагерь на «работу», хотя, конечно, и при таком исходе у него имелась лишь очень слабая надежда выжить.

Специфическое положение существовало в гитлеровских ВВС, где начиная с 1943 года в определенных ситуациях

¹ PN-12, sten., s. 10229.

допускалось применение судопроизводства в случаях провинности советских военнопленных, подлежащих компетенции ВВС. Однако существовала оговорка, что на любой стадии процесса военнопленного можно было передать в руки СД¹. В результате можно было отказаться от судебной процедуры и передать пленного в СД, не говоря уже о случаях, когда передача производилась после вынесения приговора, для исполнения его. Решение о передаче военнопленного в СД мог принять офицер, имеющий дисциплинарные права в объеме по крайней мере командира дивизии. Кроме того, такое решение требовалось пересыпать главнокомандующему ВВС (то есть самому Герингу) для сведения с указанием мотивировки.

Военнопленных передавали СД еще и в 1944 году. Об этом свидетельствует приказ «начальника военнопленных» в VI военном округе генерала Клемма от 27 июля 1944 года. В приказе говорилось о необходимости передачи в руки СД, кроме советских офицеров и солдат, которые были «отобранны» за их политические убеждения эйнзатцкомандой полиции безопасности и СД, также следующих категорий военнопленных:

- а) советских военнопленных — за проступки, мера наказания по которым превышает дисциплинарные права коменданта лагеря, в особенности за побег и отказ от работы;
- б) польских военнопленных — в случаях доказанного саботажа;
- в) военнопленных всех национальностей — по прямому приказу ОКВ;
- г) военнопленных, подозреваемых в участии в организации сопротивления (эта категория должна была все-таки оставаться на правах военнопленных, передача же их могла произойти только в целях проведения допроса и лишь по специальному распоряжению ОКВ, но вместе с тем передача могла быть и окончательной);
- д) бельгийских, французских и итальянских военнопленных (здесь в каждом отдельном случае требовалось согласие «начальника военнопленных», то есть самого Клемма)².

Был ли такой приказ издан только в VI военном округе? Основываясь на практике действий властей третьего рейха, можно предположить, что должны были существовать общие обязательные инструкции, касающиеся политики в отношении военнопленных в целом.

¹ «Merkblatt für den Arbeitseinsatz der sowjet. Kgf. im Bereich der Luftwaffe», Dez. 1943 (PN-12, NOKW-2946, dok. prok., t. IX, s. 13—14).

² «Trial», 1514-PS, v. XXVII, p. 261—264.

Следует отметить, что все попытки некоторых высших офицеров вермахта, которые в качестве обвиняемых или свидетелей на различных послевоенных процессах утверждали, что выражение «передан СД» (или гестапо) не всегда означало смерть, были в высшей степени неуклюжими и неудачными. Так, например, понятие «передан СД» в интерпретации генерал-полковника Рейнгардта означало, что... СД всего-навсего требовала себе переводчиков, тайных агентов и т. д. и вермахт поставлял ей таковых¹.

Подполковник Крафт из Управления по делам военнопленных «допускал», что дело тут шло о передаче... на работу под усиленной охраной². Эти наивные и вместе с тем лицемерные попытки были начисто опровергнуты приводившимися на нюрнбергских процессах фактами. Безоговорочно установлено, что термин «передан СД» в 99% случаев означал не только убийство, но еще и предварительные пытки и мучения с целью заставить дать нужные показания.

В руки палачей СД во время войны выдано определенное число польских военнопленных — и одиночек, и целых групп. Их обвиняли то в участии в лагерном движении Сопротивления, то в «убийстве» немцев в сентябре 1939 года или даже еще до начала войны. Делались также попытки выдачи СД целой группы пленных офицеров, которые работали в военной разведке.

На процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других свидетелю защиты подполковнику Крафту из Управления по делам военнопленных 8 апреля 1948 года были заданы следующие вопросы:

«Вопрос: Знаете ли вы что-либо о требовании полиции [безопасности. — Ред.] выдать ей офицеров польской разведки?

Ответ: Да, это имело место в период, когда я начинал свою работу в АВА³. Я нашел тогда материалы, из которых явствовало, что полиция неоднократно пытала добиться передачи офицеров польской разведки под ее охрану. Мы сопротивлялись этим попыткам, поскольку придерживались мнения, что эти офицеры разведки действовали только согласно своим служебным обязанностям («assignments») и инструкциям, и ввиду этого не было оснований для лишения их статуса военнопленных. Поэтому мы отказались удовлетворить такое требование⁴.

¹ PN-12, sten., s. 3395.

² Ibid., s. 1637.

³ С октября 1939 года Крафт работал в качестве эксперта по делам военнопленных в VI военном округе (Мюнстер), а с осени 1941 года — в Управлении по делам военнопленных ОКВ.

⁴ PN-12, sten., s. 1624.

Все же к утверждению Крафта следует отнести с определенной осторожностью. Трудно предположить, чтобы известные нам случаи выдачи СД и казни пленных офицеров разведки (например, случай с капитаном Каштеляном — тоже офицером разведки) произошли без согласия Управления по делам военнопленных.

Комендант олага ПД в Гроссборне в 1944 году выдал гестапо в Пиле польских пленных офицеров — полковника Моравского, майора Холубского и поручика Клоца. Все трое были убиты. В этом преступлении были замешаны следующие гестаповцы: Либталь, Венцель, Фоссберг, Третин и Майнда¹.

В феврале 1945 года лагерное начальство в Дёсселе (VIB) выдало гестапо в Падерборне капитана Шапера и 12 солдат под предлогом того, что они якобы занимались «распространением коммунизма» среди железнодорожников².

Однако наиболее многочисленные случаи выдачи пленных в руки СД имели место в оперативных районах на Востоке. Так, например, 15 октября 1941 года 11-я армия (командующий — Манштейн) передала СД 26 пленных евреев³. Кроме того, эта армия передала СД:

В 1941 году, декабрь . . .	140 пленных
В 1942 году, январь . . .	111 »
февраль . . .	36 »
март . . .	103 »
апрель . . .	122 »
май . . .	114 »
июнь . . .	374 »
июль . . .	2022 »
август . . .	259 »

Всего . . . 3281 пленного⁴

Но и в других армиях было не лучше: 703-й отряд военно-полевой полиции доносил 3-й танковой армии генерала Рейнгардта об аресте 48 мужчин, в том числе нескольких скрывающихся красноармейцев; часть арестованных была передана эйнзатцкоманде в Витебске «как коммунисты, представляющие опасность для вермахта»⁵.

¹ «Polish Charges Against German War Criminals» Warszawa, 1948, s. 142.

² AGK-3139.

³ «Proces Mansteina», akt oskarzenia, s. 7.

⁴ Ibid., s. 58.

⁵ PN-12, NOKW-2274, sten., s. 3580; ibid., dok. prok., t. XXXI, s. 148.

В сентябре 1942 года комендант тылового района 2-й армии (генерала Зальмута) передал СД группу из 88 пленных¹.

А вот донесение начальника тыла 4-й танковой армии (командующий генерал Гот) от 7 августа 1943 года: «Передано СД, тайной полевой полиции и службе контрразведки в общей сложности 24 пленных».

8 сентября 1943 года 4-й танковой армией передано СД, тайной полевой полиции и службе контрразведки 39 пленных².

Донесение коменданта тылового района 2-й армии от 9 ноября 1942 года: «Передано СД 42 пленных»³.

В месячном отчете от 1 января 1943 года тот же комендант сообщал о передаче СД 18 пленных⁴. И т. д., и т. д.

КЛЕЙМЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Приказ о клеймении советских военнопленных издавался и отменялся несколько раз. Почему это происходило?

Ненависть к «идеологическому» противнику выражалась со стороны гитлеровцев не только в массовом истреблении советских военнопленных в первые месяцы войны и зимой 1941/42 года. Чтобы еще больше унизить человеческое достоинство советских людей, издавались приказы о применении к ним таких методов, которые обычно допускаются при тавровке скота. Панический страх гитлеровцев перед беглыми военнопленными создал в третьем рейхе необходимость изыскания способов быстрого опознания беглецов. Но на пути стояли неодолимой преградой слишком явное попрание норм международного права, чрезвычайная трудоемкость «мероприятия» по клеймению (учитывая большие массы пленных), возможные физические осложнения (заражение крови), связанные с потерей работоспособности пленных, и, наконец, опасение потерять даровую рабочую силу, которая уже с 1942 года попадала в руки гитлеровцев в резко уменьшающееся количестве и нехватка которой все острее ощущалась в военной экономике Германии. В этом и кроются причины отмены приказа о клеймении.

Каков же все-таки был генезис проекта о клеймении советских военнопленных?

Вероятнее всего, на возникновение самого проекта клеймения людей сильное влияние оказал «успех» так называеме-

¹ PN-12, NOKW-2276, dok. prok., t. XIV, s. 12.

² PN-12, NOKW-2261, dok. prok., t. XIV, s. 251.

³ PN-12, NOKW-2361, dok. prok., t. XXIV, s. 121.

⁴ PN-12, NOKW-2103, dok. prok., t. XIV, s. 175.

мого «маркирования» евреев желтыми нашивками или сионистскими звездами на одежду, а также «метка» иностранных рабочих в Германии знаками «П» («поляк»), «Ост» («житель восточных территорий») и т. д. Эти последние меры облегчили властям третьего рейха осуществление контроля над людьми «низшей расы», а в отношении евреев позволили им в сравнительно короткий срок осуществить полное истребление этой национальности в тех районах, где был введен фашистский «новый порядок».

Что касается клеймения пленных, то это был проект тем более бесчеловечный, что он преследовал гнусную цель: на всю жизнь обезобразить человека позорным клеймом на теле.

К сожалению, мы пока еще не знаем всех обстоятельств возникновения столь чудовищной мысли о клеймении советских военнопленных.

Первым документальным свидетельством реализации идеи клеймения является изданное 16 января 1942 года распоряжение ОКВ о клеймении советских военнопленных¹. Но уже спустя 11 дней, то есть 27 января 1942 года, это распоряжение было отменено самим же ОКВ. Тесное сотрудничество вермахта с РСХА нашло в данном случае свое выражение в том, что РСХА, информированное о распоряжении ОКВ от 16 января 1942 года, разослало всем подчиненным ему органам свое особое распоряжение от 3 февраля 1942 года, которое в свою очередь было отменено поспешным циркулярным письмом РСХА от 12 февраля². В этом последнем документе³ мы находим все необходимые подробности, относящиеся к обоим распоряжениям ОКВ и распоряжению РСХА от 3 февраля 1942 года⁴.

Полгода спустя, то есть 20 июля 1942 года, ОКВ вновь издало распоряжение о клеймении советских военнопленных⁵.

Оно касалось пленных, находившихся в ведении ОКВ, а также всех новых пленных на территориях, подконтрольных командующим войсками вермахта (Wehrmachtbefehlshaber) в «Остланде», на Украине и в «генерал-губернаторстве», которых надлежало там же и маркировать.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 110.

² Как видно из сопоставления дат, РСХА известило подчиненные ему органы о распоряжении ОКВ уже после его отмены, что, вероятнее всего, следует отнести за счет бюрократизма.

³ Schnellbrief des Chefs der Sipo und des SD v. 12. Februar, 1942, IV A 1c B, № 2103 B/41 g., betitelt «Kennzeichnung der sowjetischen Kriegsgefangenen» (PN-12, № 3427, dok. prok. t. XVII, s. 268).

⁴ К сожалению, мы не располагаем этими документами, и потому нам трудно составить мнение о том, какой характер носило тогдашнее распоряжение о клеймении.

⁵ «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 111—112.

Распоряжением предусматривалось завершить клеймение пленных, находившихся в ведении ОКВ, к 30 сентября 1942 года, а вновь поступивших пленных — после первой санобработки. Распоряжение подробно описывает конфигурацию клейма, которое должно было иметь форму перевернутой литеры «V» (Δ) и ставиться на левой ягодице на расстоянии примерно ширины ладони от заднего прохода. Клеймение надлежало производить с помощью ланцета, а в качестве красителя следовало использовать китайскую тушь. Процедура эта, подчеркивало ОКВ, не должна рассматриваться как медицинское мероприятие, и потому не следует обременять этим делом немецкий медицинский персонал. Выполнять клеймение должен был санитарный персонал и срочно обученные люди из числа советских же военнопленных. Единственным «профессионально медицинским» указанием, содерявшимся в распоряжении ОКВ, являлось предписание избегать при надрезе кожи ланцетом «глубоких, кровоточащих порезов». ОКВ «заботливо» предупреждало, что клеймение не должно вызвать перебоев в работе пленного, которая должна была продолжаться нормально.

Дату клеймения надлежало отметить в личной карте пленного. Само клеймо следовало проверять через определенное время (с точки зрения его «прочности») и в случае надобности возобновлять.

Что касается советских военнопленных, остававшихся в ведении ОКХ, то в отношении их распоряжение ОКВ ограничивалось общим указанием, чтобы генерал-квартирмейстерство ОКХ издало «необходимые приказания» и сообщило об этом в ОКВ¹.

Распоряжение ОКВ от 20 июля 1942 года о клеймении советских военнопленных было передано всем заинтересованным военным и полицейским органам, а также управлению по использованию рабочей силы (Arbeitsamt)².

¹ «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 111—112.

² По линии вермахта оно было сообщено для сведения в первую очередь начальникам отделов по делам военнопленных при всех военных округах и командующих войсками вермахта на территории «генерал-губернаторств» и комиссариатов «Остланд», «Украина» и «Норвегия», а также генеральному штабу (ОКХ), ОКМ и ОКЛ. Кроме военных органов, были информированы: министерство иностранных дел, министерство по делам оккупированных восточных территорий, рейхсфюрер СС и начальник германской полиции Гиммлер и другие (см. PN-12, NO-5675, dok. prok., т. XVII, с. 276—277 и показания генерала Эстеррейха, приведенные в «Trial», USSR-151, в. VII, р. 364).

В качестве заместителя начальника РСХА Гейдриха начальник отдела гестапо Мюллер своим письмом от 30 июля 1942 года передал распоряжение ОКВ для сведения подчиненным ему органам, в том числе офицеру связи СС при «начальниках военнопленных» в «генерал-губер-

Не успело еще распоряжение о клеймении дойти до всех заинтересованных инстанций¹, как две недели спустя после его издания, то есть 3 августа 1942 года, последовала его отмена. В коротком и лаконичном письме ко всем заинтересованным органам начальник Управления по делам военнопленных ОКВ сообщил: «Ввиду изменения процедуры временно прекратить проведение клеймения русских»².

Приказ ОКВ, отменявший клеймение, был на этот раз окончательным. За ним последовало аналогичное распоряжение и со стороны полицейских властей³.

Как сам генезис клеймения, так и отказ от этого преступного проекта до сих пор еще не выяснены. Вероятнее всего, план этот вызвал, в частности, трения среди гитлеровской верхушки. Некоторый свет на этот вопрос проливают показания Риббентропа на Нюрнбергском процессе по делу главных военных преступников. По версии Риббентропа, начальник ОКВ Кейтель, находясь в главной ставке Гитлера в Виннице, якобы обратился к нему с вопросом, имеются ли с точки зрения международного права возражения против клеймения советских военнопленных (которого добивался Гитлер). И Риббентроп якобы обратил внимание Кейтеля на то, что «克莱мение пленных таким способом в расчет не входило». Ввиду этого Кейтель якобы согласился с мнением Риббентропа и приказал прекратить клеймение⁴.

Генерал Гревенитц, занимавший тогда пост начальника Управления по делам военнопленных, судя по показаниям сотрудника управления подполковника Крафта, якобы противился изданию приказа о клеймении, но «категорическое распоряжение сверху» заставило его сделать это. Однако

наторстве» и Кенигсберге, высшим начальникам СС и полиции и т. д. (PN-12, USSR-343, s. 275). Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Заукель 12 августа 1942 года передал распоряжение ОКВ для сведения начальникам бюро (управлений) труда и своим уполномоченным, подчеркнув тот пункт распоряжения ОКВ, в котором говорилось о том, что в связи с проведением акции клеймения не должна нарушаться работа клейменных пленных (PN-12, NO-5674, dok. prok. t. XVII, s. 278; «Trial», 1191-PS, v. VII, p. 367).

¹ Распоряжение ОКВ от 20 июля 1942 года было разослано для сведения всем земельным управлениям по использованию рабочей силы 12 августа 1942 года. Начальник жандармерии в Штирии сообщил о его содержании отделениям жандармерии 3 сентября 1942 года (PN-12, USSR-15, dok. prok., t. XVII, s. 280). Та же дата стоит на соответствующем письме начальника полиции порядка в Гааге своим подчиненным (*ibid.*, R-94).

² PN-12, NO-5675, dok. prok., t. XVII, s. 276.

³ «Rundschreiben des Chefs der Sipo und des SD Nr. 9587/42, v. 12. September 1942». (PN-12, NO-3429, dok. prok., t. XVII, s. 287—288).

⁴ «Trial», v. X, p. 318—319.

приказ о клеймении так и не был выполнен, а спустя несколько дней после его издания вообще отменен¹.

Независимо от мотивов и перипетий, связанных с изданием этого приказа, независимо от того, в какой мере он был проведен в жизнь, сама мысль о нем и само намерение высших военных органов третьего рейха реализовать его — с помощью таких сообщников, как РСХА или полиция порядка, — навеки покрывает позором немецких милитаристов.

Международный военный трибунал в Нюрнберге установил бесспорную ответственность командования вермахта за клеймение советских военнопленных и в этой связи записал в своем приговоре:

«За выполнение этого приказа несли ответственность военные власти, однако начальник ЗИПО [полиции безопасности. — Ред.] и СД широко распространил этот приказ среди чиновников немецкой полиции»².

ДЕЛО МАЙОРА КАРЛА МЕЙНЕЛЯ³

На фоне общей системы бездушного выполнения преступных приказов об «отборе» и активного взаимодействия военных органов с убийцами из СД ярко выступает один-единственный случай, когда небольшая группа офицеров пытаясь не допустить актов «отбора», пробовала бороться с сильным и опасным аппаратом СД за жизнь «отобранных», а стало быть, и обреченных на смерть советских военнопленных.

Дело это началось в сентябре 1941 года с прибытия в шталаг VIIA в Мосбурге эшелона с 5000 советских военнопленных. Начальник гестапо в Мюнхене д-р Иссельхорст, осуществлявший контроль над указанным шталагом, 12 сентября получил от одного из своих подчиненных рапорт, в котором высказывалось мнение, что данный эшелон — поскольку он прибыл в Мосбург не прямо с Востока, а непосредственно из лагерей для пленных, расположенных на территории IV военного округа (Саксония) — надо освободить от «отбора», так как он, вероятно, уже проведен на месте. Однако «предусмотрительный» Иссельхорст предполил проверить, действительно ли дело обстояло так, и с этой целью обратился 23 сентября за разъяснениями в отделы гестапо (*Staatspolizeistellen*) в Дрездене и Галле. «Прозорливость» гестаповца оказалась обоснованной: спустя два дня

¹ PN-12, sten., s. 1641.

² «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 378.

³ Источник: R-178 (переписка мюнхенского гестапо с РСХА и «начальником военнопленных» VII военного округа за 1941—1942 годы) («Trial», v. XXXVIII, p. 419—498; PN-12, t. XVI, s. 67—248).

он получил сообщение о том, что направленный в Мосбург эшелон с 5328 советскими военнопленными проверен в лагерях для пленных IV военного округа (Цейтхайн около Дрездена и Мюльберг на Эльбе) *не был*.

В связи с этим Иссельхорст потребовал проведения «отбора» «нежелательных» среди данного контингента пленных в шталаге Мосбург.

Выполняя распоряжение Иссельхорста, эйнзатцкоманда мюнхенской СД «проверила» в октябре и первой половине ноября 1941 года на территории штала в Мосбурге и во внешнелагерных местах работы пленных, куда была направлена большая часть эшелона, 3088 пленных. В итоге было «отобрано» 410 «нежелательных». До 12 ноября 1941 года 301 человек из них был отправлен четырьмя партиями в концлагерь Дахау и там «ликвидирован».

Едва завершив эту акцию, Иссельхорст получил 14 ноября напоминание из РСХА о том, что, «согласно сообщениям, поступившим в ОКВ, проверка советских военнопленных в лагерях и рабочих командах VII военного округа проводится поверхностно», в связи с чем РСХА потребовало строго придерживаться «Оперативного приказа № 8» от 17 июля 1941 года и лично выяснить обстоятельства у «начальника военнопленных» VII округа.

Иссельхорст почувствовал себя оскорблённым и на следующий день в подробном отчете, направленном в РСХА, представил имеющиеся цифровые данные о деятельности мюнхенской эйнзатцкоманды, утверждая при этом, что последняя проверяет пленных очень тщательно, что лично он, Иссельхорст, контролирует деятельность эйнзатцкоманды и что он вынужден решительно отклонить упрек ОКВ в «поверхностной проверке». Как на неоспоримый довод «добросовестной» работы эйнзатцкоманды Иссельхорст сослался на тот факт, что доля «отобранных» мюнхенской эйнзатцкомандой «нежелательных» составляет «только» 13%, тогда как «отделы гестапо в Нюрнберге-Фюрте и в Регенсбурге «отбирают» в среднем до 15—17%».

Разобуженный Иссельхорст в этом же отчете информировал РСХА, что он догадывается о следующем: рапорт с жалобой на поверхностную работу эйнзатцкоманды, видимо, исходит от лагерного офицера контрразведки в Мосбурге капитана Германа, который с самого начала был недоброжелательно настроен в отношении деятельности эйнзатцкоманды.

Решив любой ценой раскрыть виновника «доноса» в ОКВ, Иссельхорст распространил свои подозрения на весь офицерский состав из окружения «начальника военнопленных» VII округа генерала Заура, концентрируя свое внимание

особенно на начальнике сектора распределения пленных на работы в VII округе майоре Карле Мейнеле. Свои сведения начальник гестапо черпал из секретных сообщений начальника контрразведки VII округа и внушиавшего доверие «старого наци» капитана д-ра Вёльзеля. Гестапо не замедлило изучить личное дело Мейнеля в мюнхенском управлении СД. Из дела явствовало, что Мейнель, бывший подполковник баварской жандармерии, уволенный в запас 1 февраля 1937 года, «не только абсолютно равнодушен к национал-социалистской идеологии, но в определенной степени относится к ней негативно». Так, например, один из своих прежних приказов (что было установлено по баварским архивам) Мейнель заканчивал призывом: «С богом, вперед!», ни словом не обмолвившись о «фюрере». В другом приказе он употребил нежелательный термин: «баварская жандармерия». Еще больше компрометировал Мейнеля следующий скрупулезно описанный Иссельхорстом факт: когда в начале октября 1941 года он, Иссельхорст, хотел лично побеседовать с Мейнелем или с «начальником военнопленных» VII округа по вопросу об «отборе» военнопленных, Мейнель не счел это целесообразным, мотивируя отказ тем, что, «по его мнению, проверка русских в VII округе больше не нужна, поскольку они прошли через иные дулаги и шталаги и уже были проверены», что оказалось неправдой.

Все собранные им факты Иссельхорст сообщил 24 ноября 1941 года в РСХА, приложив также список офицеров вермахта, недоброжелательно относящихся к его работе по «отбору» военнопленных.

В списке фигурировали заместитель Мейнеля майор Мюллер, комендант шталага VIIA в Мосбурге полковник Непф, офицер разведки в этом лагере капитан Герман¹ и группа неизвестных офицеров того же лагеря. Вот выдержка из рапорта Иссельхорста:

«Офицеры шталага VIIA со всей энергией стремятся к тому, чтобы исправить русских мягкостью, чтобы русским больным «дать пищу» и таким способом задрапироваться в оболочку гуманности. Однако опыт показал, что принудить русских к труду можно только путем максимальной строгости, применяя телесные наказания. Офицеры лагеря не облегчили мне моего специального задания. Тем не менее я поступал в строгом соответствии с полученными директивами».

¹ Капитан Герман, согласно рапорту мюнхенского гестапо высшему начальнику СС и полиции в VII и XIII военных округах Эберштейну, саботировал работу эйзенштадтской комендатуры, действовавшей под руководством комиссара уголовной полиции Шермера в шталаге Мосбург (рапорт от 17 декабря 1941 года).

Иссельхорст также не замедлил информировать РСХА о том, что у него создалось впечатление, что «сотрудники гестапо там [то есть в Мосбурге. — Ш. Д.] не очень желательны» и что единственным офицером, который поощрял его поступать с «негодными русскими согласно инструкции и не позволил этим офицерам влиять на себя, был капитан Вёльзель».

Независимо от рапорта, а лишь в соответствии с полученной инструкцией дело все же дошло до личной встречи заместителя Иссельхорста советника Шиммеля с Мейнелем. На этом совещании, докладывал Шиммель начальству, майор Мейнель дал понять, что «жалоба [в ОКВ. — Ш. Д.] исходила от него и что он считает обращение с советскими военнопленными, какое имеет тут место, нетерпимым («untragbar»)».

По словам Шиммеля, майор Мейнель утверждал, что он «старый солдат, а с солдатской точки зрения нельзя мириться с таким обращением [с военнопленными. — Ред.]. Если неприятельский солдат попадает в плен, то он становится военнопленным и не может просто так быть расстрелян». Затем Мейнель ссылался на нехватку рабочей силы, а кроме того, высказывал опасение, что о подобном обращении с советскими пленными станет известно русским, и тогда они начнут поступать точно так же с немецкими пленными.

Шиммель поспешил его заверить, что, как известует из имеющихся сведений, «Советы вообще не берут пленных и что ни один германский солдат не вернется живым из советской неволи (!), в то время как эйнзатцкоманда поступает в соответствии с директивами, разработанными по согласованию с Управлением по делам военнопленных при ОКВ». Однако Мейнель не дал сбить себя с толку и заявил, что, по его мнению, вся эта процедура является фальшивой. На это Шиммель ответил, что нельзя критиковать приказы ОКВ и начальника полиции безопасности, изданные после тщательного обсуждения вопроса. Поскольку «переговоры» не привели ни к какой договоренности, Шиммель перед уходом заявил, что точка зрения Мейнеля ни в чем не связывает его, Шиммеля, и что эйнзатцкоманда будет последовательно проводить «отбор» до самого конца.

И мюнхенская эйнзатцкоманда действительно продолжала свою деятельность. Число «проверенных» пленных к этому времени достигло 3605 человек, а «отобранных» — 474. Из них 301, как мы уже упоминали выше, был отправлен в Дахау и там ликвидирован. Осталось 173 человека...

И тут начинается вторая часть драмы.

Мейнель не ограничился открытым выражением своего несогласия с процедурой, апробированной и введенной высшими

государственными и военными органами (дело само по себе неслыханное в истории германского офицерского корпуса, особенно во время войны!), он отдал коменданту Мосбургского шталага приказ: задержать оставшихся «отобранных» пленных. Началась борьба за жизнь этих людей. Мюнхенское гестапо, опираясь на «закон» и добиваясь выдачи оставшихся «отобранных» пленных, донесло об инциденте высшему начальнику СС и полиции в VII (Бавария) и XIII (Нюрнберг) военных округах барону фон Эберштейну.

Ситуация осложнилась, тем более что, как одновременно обнаружилось, инцидент в Мосбурге не являлся исключением и что в Регенсбурге — лагере, также подчиненном «начальнику военнопленных» VII округа, — создалось аналогичное положение. Из «отобранных» там регенсбургским гестапо 244 советских пленных было выдано для совершения казни в Дахау всего лишь 30 человек и запрещена выдача остальных. Действовавший там оперативный отряд под командованием комиссара уголовной полиции Куна испытывал те же трудности, что и отряд комиссара Шермера из Мюнхена, которому было отказано в выдаче 173 «бунтарских, фанатичных коммунистов». Независимо от этих аргументов мюнхенское гестапо подняло перед Эберштейном еще и другой вопрос: 24 ноября эйнзатцкоманда закончила «отбор» среди прежних партий пленных, и уже поступило сообщение о подходе нового транспорта советских пленных, а позиция Мейнеля не сулила ничего хорошего для сотрудничества с СД на будущее.

Эберштейн признал приведенные доводы серьезными и обратился в РСХА с предложением, чтобы прежде всего отозвать или сместить Мейнеля с занимаемой им должности.

Это был уже открытый конфликт. Не ожидая решения ОКВ, Эберштейн обратился прямо к «начальнику военнопленных» VII округа генералу Зауру, добиваясь выдачи пленных. Прижатый к стене доводами и ссылками гестаповцев на совершенно недвусмысленные приказы ОКВ по вопросу о «ненжелательных», генерал Заур пытался выиграть время и по возможности спасти хотя бы часть «отобранных» для уничтожения. 14 января 1942 года он обратился к Эберштейну и в мюнхенское гестапо с просьбой о повторной проверке 173 отобранных пленных. Свое предложение генерал Заур обосновал тем, что «отбор» проводился с 29 сентября по 22 ноября 1941 года, а в декабре «фюрер» издал приказ «Об усиленном использовании труда советских военнопленных». Заур ссылался также на то, что положение с рабочей силой в VII округе очень напряженное и там требуется как можно больше людей. Не мешкая, Эберштейн представил это дело на решение имперскому комиссару обороны («Reichsverteidigungs-

kommissar») в VII округе гаулайтеру Вагнеру. Последний быстро решил, что повторная проверка не требуется и что «в интересах безопасности рейха начатую акцию необходимо довести до конца». О принятом решении незамедлительно, 23 января 1942 года, был поставлен в известность Заур.

Положение «начальника военнопленных» стало тяжелым. Позиция этого генерала, который не захотел дать аудиенцию гестаповцу и официально поддержал версию Мейнеля о том, что «отбор» в VII округе не нужен, ибо он уже был проведен в другом (IV) округе (что было неправдой), показывала, что он, Заур, стал на сторону своего подчиненного и охотно отказался бы от дальнейших «отборов» в своем округе. Ситуация была тяжелой еще и потому, что сопротивление группы офицеров из VII округа было совершенно обособленным. Пример Регенсбурга являлся особенно поучительным. Местное гестапо посыпало эйнзатцкоманды для проведения «отбора» в два округа: VII (Мюнхен) и XIII (Нюрнберг). О том, насколько различным было отношение к гестапо в обоих округах, свидетельствует обмен информацией между регенсбургскими гестаповцами и их мюнхенскими коллегами: из «отобранных» по VII округу еще в октябре и начале ноября 1941 года 278 «нежелательных» (из общего числа 1254 «проповеденных» пленных), несмотря на неоднократные напоминания, до 7 января 1942 года было выдано и казнено в Дааху «только» 34 пленника. Лагерные власти отказывались выдавать остальных. Иным было положение в XIII округе. Здесь та же самая эйнзатцкоманда из Регенсбурга «отобрала» в сентябре — ноябре 1941 года из общего числа 2344 пленных 330 «бесполезных», которых без каких-либо трудностей выдали и переслали в концлагерь во Флоссенбюрге, где их «ликвидировали». В связи с этим начальник гестапо в Регенсбурге резюмировал:

«В XIII военном округе между эйнзатцкомандой полиции безопасности, действующей в лагерях для советских военнопленных, и вермахтом царят самые хорошие отношения. Отобранные советские пленные здесь без труда и в самое короткое время передаются по первому же требованию в концлагерь во Флоссенбюрге».

При таком положении вещей Мейнель и Заур оказались под двойным обстрелом. Гестаповцы из Регенсбурга, придя на помощь своим «коллегам» из Мюнхена, начали со своей стороны тревожить РСХА информацией о встречах ими трудностях. Масла в огонь подлили и дальнейшие события.

Когда начальник регенсбургской эйнзатцкоманды Кун потребовал в штабе шталага VIIA в Мосбурге разъяснения, почему 244 оставшихся «отобранных» не переданы в Дааху, он получил ответ, что это делается по приказу «начальника

военнопленных» VII военного округа. Не удовлетворившись этим, Кун отправился к Мейнелю и попросил у него дополнительных разъяснений. Мейнель сослался на упоминавшийся выше приказ ОКВ «Об усиленном использовании труда советских военнопленных». Кун не согласился с этим аргументом и заявил, что «начальник военнопленных» в XIII военном округе генерал Шеммель выдает гестапо пленных беспрепятственно. Мейнель решительно возразил, что это его нисколько не касается: в своем округе Шеммель может делать что хочет, а здесь VII округ, и он, Мейнель, дал приказ воздержаться от передачи военнопленных гестапо.

В рапорте своему шефу, начальнику гестапо в Регенсбурге Поппу Кун писал:

«Во время моей беседы с майором Мейнелем у меня создалось впечатление, что дело тут не в желании сохранить рабочую силу, а в том, чтобы противодействовать распоряжениям тайной государственной полиции. Это вытекало из его, Мейнеля, высказывания, что русские, пока они еще не переданы гестапо, подчиняются приказам вермахта, и гестапо лишь после того, как их передадут ему, может делать с ними, что хочет».

Рапорт Куна Попп направил в РСХА. 23 января начальник мюнхенского гестапо составил исчерпывающее донесение об этом инциденте и направил его заместителю инспектора полиции безопасности и СД оберштурмбанфюреру СС Шмитц-Фойгту, вновь добиваясь отзыва Мейнеля. А 24 января Попп доложил Эберштейну о таких же трудностях, на которые и регенсбургское гестапо натолкнулось при проведении отбора в VII округе. Кун сообщил, что во время совещания с ним Мейнель занимал «совершенно неприемлемую позицию в вопросе об отборе русских военнопленных».

Эта концентрическая атака достигла апогея в рапорте от 26 января, отправленном начальником мюнхенского гестапо шефу IV отдела РСХА обергруппенфюреру СС Мюллеру. В нем отказ Мейнеля выдать 399 «отобранных» пленных¹ квалифицировался как «саботаж государственно-полицейских распоряжений», а дальнейшее оставление Мейнеля на прежней должности признавалось «нетерпимым». Одновременно начальник мюнхенского гестапо просил предпринять необходимые шаги в ОКВ, обратившись к генералу Рейнеке с целью заставить «начальника военнопленных» VII военного округа выдать спорных пленных.

¹ Эта цифра взята из рапорта. Из данных, которыми прежде оперировало гестапо (по Мюнхену — 173, по Регенсбургу — 244), вытекало, что общее число невыданных «нежелательных» должно было составлять 417 пленных.

Со своей стороны Эберштейн потребовал от своих подчиненных, чтобы они постоянно информировали его о возможных дальнейших трудностях, которые могли бы встретиться на их пути при передаче «отобранных» русских в концлагерь Даахау. Вскоре возникли эти «дальнейшие трудности», подтверждавшие обвинение в «саботаже». В конце января гестапо удалось выследить, что почти все «отобранные» пленные, которых собирали в Мюсбург из различных рабочих команд для «ликвидации» в Даахау, были отправлены из лагеря и вновь распылены по рабочим командам. Об этом немедленно, 28 января, было доложено Мюллеру в РСХА с просьбой о вмешательстве. При этом гестаповцы не замедлили сослаться на интересы безопасности рейха.

Распределение «отобранных» пленных по рабочим командам «переполнило чашу терпения» гестапо. Это уже было не пассивное сопротивление, а злокозненное, с точки зрения гестапо, действие! РСХА, встревоженное и подстегиваемое многочисленными донесениями своих сотрудников, обратилось в ОКВ и потребовало вмешательства.

В результате состоявшихся переговоров обе стороны (ОКВ и РСХА) подтвердили:

а) не было никакого соглашения ОКВ — РСХА, позволявшего задерживать пленных: в мюсбургском деле речь шла об односторонней, временной инструкции ОКВ;

б) находившихся в лагере [курсив наш. — Ш. Д.] «отобранных» пленных надлежало передать СД;

в) находившихся в рабочих командах военнопленных следовало вновь проверить силами эйнзатцкоманды, информируя при этом руководство последней о поведении военнопленных с политической точки зрения и об их отношении к работе, однако мнение это не будет иметь решающего значения. Пленных, которые при этом будут вновь «отобраны», надлежало безотлагательно выдать СД и направить в Бухенвальд.

Начальник отдела IVA в РСХА Пантцингер, извещая своим письмом от 9 февраля 1942 года Эберштейна и гестапо в Мюнхене и Регенсбурге о вышеуказанном решении, как бы оправдываясь, сообщил доверительно, что «число пленных со многих точек зрения является значительно меньшим, чем предполагалось, в связи с чем «отбор» надлежит проводить очень осторожно, принимая во внимание как аспекты безопасности, так и интересы военной промышленности». Пантцингер добавил также, что дело Мейнеля обсуждается с генералом Рейнеке.

19 февраля 1942 года генерал Заур получил приказ, предписывающий немедленно передать пленных, из-за которых возник конфликт, в руки гестапо. Этот приказ Заур напра-

вил коменданту штала га в Мосбурге и добавил от себя, чтобы к личному делу каждого военнопленного, отправляемого из Мосбургского лагеря в концлагерь Бухенвальд¹, была приложена краткая характеристика, составленная на основе сведений, полученных за время работы данного пленника в Мосбургском лагере, а копия характеристики прислана ему, Зауру. Несомненно, это была последняя слабая попытка спасти некоторое число пленных во время повторной «проверки».

Даже в самый последний момент Эберштейн пытался торпедировать «компромиссное» решение [ОКВ — РСХА от 9 февраля 1942 года. — Ред.], предлагая обратиться в ОКВ с просьбой о выдаче пленных без предварительного условия повторной «проверки». Однако эта попытка осталась безрезультатной. «Отобранных» пленных передали для новой проверки в Бухенвальд. В то же время на Мейнеля продолжались нападки во всех инстанциях. РСХА обратилось в ОКВ с «резким возражением» против оставления его на прежнем посту. Гестапо в Мюнхене 18 февраля направило Эберштейну новый донос, в котором подчеркивало, что опыт сотрудничества с Мейнелем — самое худшее, что можно себе представить, и вновь выдвинуло обвинение в «сознательном, заведомом саботаже».

«Своим поведением Мейнель многократно сумел саботировать распоряжения относительно проверки советских военнопленных, изданные ОКВ по согласованию с РСХА», — говорится в доносе мюнхенского гестапо.

В результате этих атак, проводившихся со стороны РСХА правой рукой Гиммлера и Гейдриха начальником гестапо Мюллером, ОКВ отзывало со своих постов и генерала Заура, и майора Мейнеля.

Из общего числа примерно 450 советских пленных, переданных для новой «проверки» в Бухенвальд, было повторно «отобрано» и казнено 330 человек, а 120 сохранена жизнь (то есть их уже не зачисляли в категорию «нежелательных»). На основе «компромиссного» соглашения РСХА — ОКВ их следовало бы отправить обратно в штала га. Однако РСХА не сделало этого. Из записи, найденной в архивах мюнхенского гестапо², явствует, что «РСХА сделает это только в том случае, если вермахт вновь вернется к данному вопросу». Судьба этих 120 пленных, оставшихся в Бухенвальде, нам неведома. Также неизвестно, вспомнили ли о них преемники Заура

¹ Пленных передавали в Бухенвальд при посредничестве веймарского гестапо. В результате «компромисса» мюнхенское гестапо было отстранено от дальнейшего участия в этом деле.

² См. пометку от 13 июля 1942 года на «Дел. майора Мейнеля НА 9074-41» (R-178). См. также письмо начальника отдела IVА в РСХА Панцингера вновь назначенному начальнику гестапо в Мюнхене Шаферу от 15 июня 1942 года, в котором описан финал мосбургской драмы (ibid.).

и Мейнеля или предоставили несчастных их собственной судьбе. А ведь каждый день пребывания в Бухенвальде уменьшал шансы выжить...

Неизвестна также судьба Заура и Мейнеля.

В летописи преступного сотрудничества вермахта с СД дело майора Мейнеля и стоявших за ним генерала Заура, капитана Германа, а возможно, и других является, как мы уже указывали выше, случаем беспрецедентным. Мейнель со своими коллегами хотел сохранить жизнь нескольким сотням пленных, несмотря на существование четких приказов, вытекающих из пресловутого «соглашения» РСХА—ОКВ по вопросу об истреблении «нежелательных». И не вызывает никаких сомнений, что он руководствовался при этом только правильно понятой солдатской честью и чувством человечности. Высказывавшаяся им озабоченность об ущербе, какой мог возникнуть для рейха в результате потери рабочей силы, не была главным мотивом его действий, то была тактика, в конечном счете «разоблаченная» гестапо. Перед тем как возник конфликт, шталаг в Мосбурге выдал несколько сот пленных, «отобранных» для ликвидации их в Дахау. Вероятнее всего, что делалось это с ведома Заура и Мейнеля. Возможно, что сначала они обманывались насчет предполагаемой судьбы «отобранных», а быть может, действовали по всесильному солдатскому навыку слепого исполнения любого приказа.

Отстранение обоих офицеров за попытку воспротивиться заранее предписанному преступлению и их противодействие всесильным убийцам из РСХА и СД — факты, не имеющие аналогии в истории гитлеровских преступлений во второй мировой войне. Это не было тихим, внутренним отмежеванием от преступлений или платоническим осуждением злодеяний, — такую позицию занимал не один офицер, — это был риск борьбы, личный порыв, попытка действовать. Подполковник Леблер, начальник лагеря в Хороле, «внутренне» не соглашался с «отбором», но выдавал «нежелательных» на смерть, видя безнадежность любой оппозиции категорическим приказам. Так делали все. Мейнель же пробовал противодействовать. Брошенные им гестаповцу слова о том, что пленный — это пленный и его нельзя ни с того, ни сего расстрелять, останутся светлой страницей в черной книге гитлеровских преступлений.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ, СОВЕРШЕННЫЕ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ

В гитлеровских концентрационных лагерях (где перед второй мировой войной и в ходе ее были зверски замучены и убиты лучшие сыны и дочери немецкого народа) наряду

с миллионами мужчин и женщин из числа гражданского населения оккупированных Германией стран в 1939—1945 годах томились также десятки тысяч «нежелательных» военно-пленных — граждан почти всех государств, находившихся в состоянии войны с гитлеровской Германией. В нарушение общепринятых норм международного права, предусматривающих оставление военнопленных под «опекой» пленивших их вооруженных сил, военнопленные, которых захватывали немецко-фашистские войска, передавались вермахтом под «опеку» эсэсовских формирований «Мертвая голова» («Totenkopfverbände») и направлялись в концлагеря, где их, прежде чем уничтожить, подвергали самым зверским истязаниям.

Комиссия из двенадцати членов сената и палаты представителей конгресса Соединенных Штатов Америки по приглашению главнокомандующего союзнических войск генерала Д. Эйзенхауэра в апреле 1945 года посетила концлагеря в Бухенвальде, Нордхаузене и Дааху. Потрясенные тем, что им довелось увидеть, члены комиссии представили конгрессу США обширный доклад¹, в котором, однако, говорилось:

«Прежде чем перейти к подробному описанию осмотренных нами лагерей, мы считаем необходимым уже во вступлении разъяснить, что представляли собой эти лагеря и для чего они служили. Прежде всего не следует отождествлять лагеря для политических заключенных с лагерями для военнопленных. *Ни один военнопленный не был заключен в каком-либо из этих лагерей для политических заключенных* [курсив наш. — Ш. Д.]. Нет никакой связи между лагерями для политических заключенных и лагерями для военнопленных. Концентрационные лагеря для политических заключенных являются точно тем, что означает их название. Это места заключения, наказания и уничтожения гражданских лиц — противников режима Гитлера или же таких лиц, которые были заподозрены в том, что они являются его противниками»².

Утверждение американских конгрессменов о том, что в концлагерях не содержалось ни одного военнопленного, представляет собой, разумеется, стопроцентную ложь. Оно лживо даже в отношении тех лагерей, которые посетила комиссия конгресса США (Бухенвальд, Дааху). Непреложная истина

¹ Доклад, представленный 15 мая 1945 года и носящий название «Report of the Committee Requested by Gen. Dwight D. Eisenhower through the Chief of Staff, Gen. George C. Marshall, to the Congress of the United States Relative to Atrocities and Other Conditions in Concentration Camps in Germany» («Trial», 159-L, v. XXXVII, p. 605—626).

² Ibid., p. 610.

состоит, наоборот, в том, что в гитлеровских концлагерях, включая сюда Бухенвальд и Дахау, находились, подвергались чудовищным пыткам и были уничтожены десятки тысяч советских, польских, французских и других военнопленных, в том числе также американских.

Это авторитетно подтвердил сам же Освальд Поль — начальник ВФХА¹. И для нас не имеет никакого значения его последующее заявление о том, что он, Поль, совершенно не причастен к таким действиям и что он якобы не знает также, по каким причинам военнопленные были туда переданы.

Неопровергимо доказано, что военнопленные действительно заключались в концентрационные лагеря. Наиболее многочисленную часть этих жертв составляли советские военнопленные. Как мы уже говорили выше, во исполнение специальных приказов ОКВ в 1941 и 1942 годах среди советских военнопленных производились «отборы», в результате которых было отобрано и уничтожено несколько десятков тысяч «политически нежелательных». Местом, где главным образом и производились эти массовые убийства, были сначала лагеря для пленных (преимущественно дулаги), а в дальнейшем концентрационные лагеря. Доставлявшиеся из дулагов под конвоем частей вермахта военнопленные прибывали в концентрационные лагеря в состоянии полного физического истощения, так что многие из них на пути со станции назначения к лагерю не выдерживали перехода, падали, а охрана добивала их на месте. Путь к концлагерю бывал усеян трупами. С течением времени наученные «опытом» комманданты концлагерей стали посыпать на станции машины, которые подбирали убитых, умерших и умирающих пленных. Весьма часто этот последний, смертный путь проходил через густонаселенные районы, благодаря чему преступная практика обращения с пленными стала известна местному населению, в том числе и немецкому. Такое положение вещей смущало даже профессиональных убийц из полиции безопасности и СД, которые опасались, что могут быть осуждены общественным мнением своих соотечественников за преступления, совершенные не ими, а вермахтом. И главари полиции безопасности начали вмешиваться в это дело. Так появился один из наиболее характерных документов о гитлеровских преступлениях, не только подтверждающий факт использования концлагерей для массового истребления военнопленных, но и указывающий также на инстанции, ответственные за эти преступления.

¹ PN-4, sten. niem., s. 1335. Американским военным судом в Нюрнберге (процесс № 4) Поль был приговорен к смертной казни и после долгих проволочек казнен.

В ноябре 1941 года начальник полиции безопасности и СД направил подчиненным ему органам циркуляр, который мы цитируем здесь полностью:

«Коменданты концлагерей жалуются на то, что от 5 до 10% советских пленных, подлежащих экзекуции, доставляются в лагеря мертвыми или полумертвыми. Возникает впечатление, что шталаги хотели бы подобным способом избавиться от таких пленных.

Установлено, в частности, что во время пеших переходов, например со станции к лагерю, немалое число военнопленных падает в пути от истощения мертвыми или полумертвыми и их приходится перевозить на телегах, следующих за колонной. При таком положении вещей невозможно исключить, чтобы немецкое население не узнало об этих случаях. Если даже такого рода транспорты, направляемые в концлагеря, как правило, находятся под опекой вермахта, все равно население такое обращение с пленными припишет СС.

Во избежание подобного рода случаев в будущем со всей категоричностью приказываю, чтобы окончательно отобранные подозрительные советские пленные, которые явным образом выказывают признаки приближающейся смерти (например, в случае крайнего истощения) и которые ввиду этого не в состоянии преодолеть трудности даже короткого перехода, в будущем решительно исключались из транспортиров пленных, направляемых в концентрационные лагеря для целей экзекуции»¹.

Документ этот подписал замещавший начальника полиции безопасности и СД Г. Мюллер.

Наряду с транспортами советских военнопленных, подлежащих истреблению, начиная с осени 1941 года в концлагеря стали направляться также транспорты советских граждан (в том числе и пленных), назначенных на «работы». Чтобы избежать ошибок, начальник полиции безопасности и СД 13 октября 1941 года вменил начальникам эйнзатцкоманд, которые комплектовали транспорты пленных, подлежащих уничтожению в концлагерях, в обязанность: а) извещать коменданта лагеря о примерной дате прибытия туда данного транспорта и его численности, б) снабжать начальника такого транспорта письменным документом, в котором должна быть отметка, что речь идет о транспорте советских военнопленных, уничтожение которых санкционировано начальником полиции безопасности и СД².

¹ «Trial», PS-1165, v. XXVII, p. 42—44.

² Schnellbrief: «Richtlinien für die in die Stalags und Dulags abzustel-

Практически и влюбленные в порядок немцы не забывали при этом и о «капиталах», которые потенциально могли оказаться у уничтожаемых в лагерях пленных. 16 декабря 1941 года инспектор концлагерей распорядился, чтобы в случае обнаружения у советского пленного из транспорта, направляемого на уничтожение, денег администрация концлагеря изымала их и переводила... на текущий счет начальника полиции безопасности и СД в Берлине¹!

На «соответствующий уровень» был поставлен и вопрос учета случаев смерти (умерших и убитых) советских военно-пленных: в каждом случае администрация концлагеря обязана была извещать об этом Управление учета военных потерь вермахта (ВАСТ)². В то же время ВФХА ввиду колоссального числа умерших и убитых советских военнопленных — для упрощения процедуры и принимая во внимание необходимость экономить бумагу (!) — довольствовалось отчетами, сообщавшими лишь число жертв (*Totenmeldung*). В отношении же других категорий жертв были обязательны обстоятельный отчеты (*Totenberichte*)³.

Из вышесказанного вполне бесспорно является, что о судьбе военнопленных в концлагерях командование вермахта было информировано постоянно. Инспекция концентрационных лагерей уже в октябре 1941 года издала инструкцию по вопросу о находящихся в концлагерях советских военнопленных. Эта инструкция предусматривала, что извещение семей умерших не входит в обязанность лагеря, зато обязательно представление соответствующей информации в ВАСТ⁴.

Уничтожение «нежелательных» советских военнопленных производилось преимущественно путем отравления газом, — таков был, по мнению гитлеровцев, наиболее «экономичный» способ умерщвления людей. Трупы удушенных газом обычно сжигали в крематориях, а пепел использовали в качестве удобрения.

Подобная «практика» применялась также в отношении пленных всех других национальностей.

lenden Kommandos des Chefs der Sipo und des SD» (PN-12, NO-3421, dok. prok., t. XV, s. 218).

¹ «Eingezogene Barmittel der zur Exekution kommenden Sowjetrussen» (PN-12, 569-D, dok. prok., t. XVII, s. 14).

² На формулярах типа KL/62/4 (PN-4, NO-1991, dok. prok., t. VI, s. 10).

³ «Totenbericht für politische Russen» (PN-4, NO-2148, t. IV, s. 70).

⁴ Письмо инспекции концентрационных лагерей (подпись подпись Либенштейн) комендантам лагерей от 23 октября 1941 года под названием: «Schriftliche Meldungen über sowjetrussische Kriegsgefangene» (PN-4, NO-1239, dok. prok., t. V, s. 1—2).

Во многих случаях концентрационные лагеря были также местом казни и для отдельных советских военнопленных, приговоренных к смерти. Дело это всплыло в связи с вынесением смертного приговора через повешение неизвестному советскому пленному в одном из концлагерей в конце 1941 года. Встал вопрос: кто должен привести приговор в исполнение? В нормальных условиях, совершенно ясно, обязанность эта возлагается на сторону, выносящую приговор.

Однако у гитлеровцев возникли сомнения, по всей вероятности, такого характера: может ли германский солдат, являющийся представителем расы господ, махать руки повешением «недочеловека»? Ссылаясь на вышеописанный случай¹, начальник АВА генерал Рейнеке, действовавший как заместитель Кейтеля, издал 29 декабря 1941 года специальный приказ, содержавший принципиальные установки относительно улаживания подобных дел впредь². Приказ этот категорически запрещал солдатам вермахта приводить смертные приговоры через повешение в исполнение. Приказ допускал две возможности: комендант лагеря для военнопленных, на территории которого должен быть приведен в исполнение такой приговор, обязан найти среди пленных соответствующих людей, которые бы за соответствующее вознаграждение в виде денег или продуктов питания взяли на себя выполнение функции вешателей. В случае же отсутствия желающих приговоренного следовало передать ближайшему отделению гестапо, поскольку, как говорится в приказе, «не исключено, что оно в состоянии выполнить приговор с помощью иностранцев».

Несмотря на то что шеф АВА предупредил, что вермахт передает военнопленного с целью приведения в исполнение смертного приговора не руками — упаси боже! — самих гестаповцев, но лишь с помощью иностранцев, все же и в этом случае эсэсовское «чувство чести» было явно задето фактом перекладывания на полицию безопасности грязной работы при виселицах, которую вермахт считал унизительной для своих людей. 13 февраля 1942 года начальник полиции безопасности и СД категорически запретил сотрудникам гестапо и СД приводить в исполнение приговоры в отношении советских пленных, осужденных вермахтом. Согласно этому распоряжению, приговоры должны были приводиться в исполнение

¹ Без сообщения подробностей, а стало быть, без сообщения имени пленного и названия лагеря, где имел место данный случай.

² Befehl OKW/AWA/Kgf: «Vollstreckung von Todesstrafen an sowjetischen Kriegsgefangenen» («Trial», 569-D, v. XXXV, p. 169—170).

иностранными заключенными либо на территории данного лагеря, либо в ближайшем концлагере¹.

Концентрационные лагеря, были, однако, не только местом ликвидации направляемых туда с этой целью советских пленных особых категорий. Они являлись также местом медленного умерщвления пленных с помощью специально разработанного зверского режима, направленного на их физическое уничтожение. В ряде случаев, особенно в 1943—1945 годах, множество военнопленных, уравненных в правах с «гражданскими» заключенными, «жило» надеждой на избавление от мук в результате смерти, поскольку у них были самые ничтожные шансы дожить до освобождения. Это касается всех национальных категорий гражданских узников и пленных, включая сюда английских и американских военнопленных, а также арестованных граждан этих государств.

С точки зрения численности военнопленные по сравнению с «гражданскими» заключенными составляли незначительный процент общего числа заключенных концлагерей. Увеличение количества транспортов с советскими военнопленными приходится на осень 1941 года. Эти транспорты направлялись преимущественно на ликвидацию. Но с момента разгрома гитлеровцев под Москвой (декабрь 1941 года) вместе с общим уменьшением числа новых пленных сократилось и поступление транспортов с пленными, подлежавшими уничтожению.

25 января 1942 года Гиммлер информировал главного инспектора концлагерей группенфюрера СС Глюкса, что в ближайшем будущем не следует ожидать наплыва русских пленных, в связи с чем он, Гиммлер, передаст в скором времени 150 тысяч евреев и евреек в германские концлагеря, которые «ждут большие экономические задачи»².

Что касается всех других пленных, то они попадали в концентрационные лагеря одиночками или малыми группами. Это были пленные, которые поддерживали интимные отношения с немцами, беглецы из лагерей для пленных и т. д. и т. п.

Были среди них также командос и связные союзных армий в отрядах движения Сопротивления.

Одной из форм массового истребления в концлагерях была так называемая «работа до смерти»: от заключенных требовали нечеловеческих усилий при работе в самых худших

¹ Schnellbrief des Chefs der Sipo und des SD: «Vollstreckung von Todesstrafen an sowjetrussischen Kriegsgefangenen» («Trial», 569-D, v. XXXV, p. 169—170).

² PN-4, NO-500, dok. prok., t. II, s. 50.

условиях существования. «Vernichtung durch Arbeit»¹ («ис-
требление трудом») — такова была «нормальная» судьба
узников концентрационных лагерей. Заключенных (в том
числе и пленных) заставляли работать на предприятиях
военной промышленности, организованных на территории
концлагеря или поблизости от него. Узников отдавали внаем
концернам и заводам, производящим вооружение, прину-
ждая, таким образом, против их воли участвовать в произ-
водстве военных материалов, используемых против их сра-
жавшихся товарищей и братьев. За этот изнуряющий
труд была одна награда — нищенское, полуголодное суще-
ствование.

Как мы упоминали выше, положение военнопленного,
оказавшегося в концлагере, абсолютно ничем не отличалось
от положения «гражданских» заключенных. Однаково тяж-
кой была их судьба, одинаково их морили голодом, пытали,
мучили, убивали.

Герман Пистер, комендант Бухенвальда, подтвердил, что
на основании приказа отдела «Д» РСХА от 1942 года военно-
пленные, находившиеся в концлагерях, подлежали такому
же обращению, как и другие заключенные, а потому их след-
овало полностью использовать на работах без учета нацио-
нальности².

Филипп Гrimm, начальник сектора распределения военно-
пленных на работы (Arbeitseinsatzführer) в Бухенвальде,
Саксенхаузене, Кракове-Плашове и Нейенгамме, ссылаясь
на свою работу в указанном секторе, заявил: «...никогда не
делалось различия между отдельными категориями заклю-
ченных, и военнопленные наравне с заключенными других
категорий самым беспощадным образом использовались на
предприятиях, производивших вооружение, а также во всех
иных внелагерных командах»³.

Это подтверждает и бывший узник лагеря Гузен-И Юзеф
Крысяк, который на основании своих наблюдений в период
работы на авиационном заводе Мессершмитта (самолеты
типа «Ме-109»), филиал которого был организован в этом
лагере, установил, что не было никакой разницы в обраще-
нии с военнопленными и прочими узниками, что всем приход-
илось одинаково тяжело работать⁴, что он часто бывал

¹ Это выражение было употреблено во время совещания Гиммлера
с представителями министерства юстиции 18 сентября 1942 года, на ко-
тором министерство юстиции выразило согласие на передачу в руки СС
«антисоциальных элементов» (PN-4, 654-PS, dok. prok., t. XII, s. 32).

² Заявление Г. Пистера от 3 марта 1947 года (PN-4, NO-2327, dok.
prok., t. III, s. 128).

³ Affid. Ph. Grimm (PN-4, NO-2126, sten. niem., s. 602).

⁴ Ibid., sten. niem., s. 459.

свидетелем того, как военнопленных били, истязали и убивали¹.

Органом, передававшим военнопленного (за индивидуальную провинность) в концентрационные лагеря, первоначально было РСХА, а в последующие периоды — начальники отделений гестапо на периферии. Совершенно ясно, что передача военнопленного в концлагерь не могла произойти без участия военных властей. Вопреки международному праву вермахт (команданты лагерей для военнопленных) вычеркивал данного пленного из общего списка пленных, лишая его тем самым статуса военнопленного (гитлеровцы лицемерно называли это действие «освобождением» — «Entlassung»), и передавал в руки полиции безопасности. Начальник РСХА (на практике — чаще всего замещавший его начальник IV отдела Мюллер) решал вопрос о передаче данного лица в концлагерь на каторжные работы (так называемый «Schutzhafbefehl») или же отправке в концлагерь для немедленной ликвидации (в соответствии с понятием «Sonderbehandlung»). Начиная с 1942 года такая практика установилась первоначально только в отношении советских военнопленных.

Тех пленных, которые при попытке к бегству допускали мелкие провинности, гестапо передавало в концлагеря, где их принуждали работать. Таким же образом поступали и в тех случаях, когда подобного рода провинность военнопленные совершали в шталагах, если наказание выходило за рамки дисциплинарных прав коменданта лагеря. В случае же более тяжких провинностей (а к таким гитлеровцы относили, в частности, многократные попытки к бегству и так называемые «преступные наклонности» — «verbrecherische Veranlagung») пленных через органы полиции безопасности направляли в концлагерь для проведения экзекуции. Однако со временем острая нехватка рабочей силы вынудила гитлеровцев сузить круг «тяжких преступлений» до так называемых «преступлений, связанных с насилием» («Gewaltverbrechen»). Под этим определением гитлеровцы понимали такие действия, как убийство, подстрекательство, нападение на работодателя или охрану, «преступное поведение с женщинами» (особенно половая связь с ними), а также «опасные политические правонарушения», то есть призыв к саботажу, забастовке и т. д. Все эти действия карались смертью, остальные проступки — отправкой в концлагерь на тяжелые работы. Как мы уже говорили, каждое направление военнопленного в концлагерь могло произойти только по указанию начальника

¹ Ю. Крысяк утверждает, что в лагере Гузен-І обязательный труд не касался пленных-англичан, в то же время американцы, французы, а равно и русские должны были работать.

РСХА. Однако позднее в соответствии с приказом Мюллера от 30 октября 1943 года право это получили начальники отделений гестапо на периферии и командиры отрядов полиции безопасности и СД¹.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что все органы, занимавшиеся передачей, приемом и содержанием военно-пленных в концлагерях, отдавали себе отчет в преступности этой процедуры. В первую очередь, но не исключительно, это относится к высшему командованию вермахта, к начальникам тылов армий, комендантом дулагов и лагерей для военнопленных, РСХА, гестапо, ВФХА, комендантом концлагерей и т. д. Отсюда, кстати сказать, и оценка этих действий как сугубо секретных всеми заинтересованными органами. Отсюда же многочисленные попытки отрицать — перед трибуналами — свое соучастие или даже осведомленность о наличии военнопленных в концлагерях и их судьбе. Отсюда и попытки подкрепить свою невиновность наивными ссылками на... международное право!

Например, на международное право ссылался один из обвиняемых на процессе по делу генерала СС Освальда Поля — д-р Фольк, занимавший ответственный пост в ВФХА. Он заявил, что, согласно имевшейся у него информации, пленные находились в ведении только вермахта, ввиду чего они не должны были и не могли находиться в концлагерях. Особен-но ввиду того, что существовали международные конвенции (!)².

Но вот — для иллюстрации показаний Фолька и других — несколько подробностей о преступлениях против военнопленных в отдельных концентрационных лагерях.

Бухенвальд. Этот концлагерь (расположенный поблизости от Веймара) был организован в 1937 году. Через него прошло около четверти миллиона узников, из которых было уничтожено свыше 56 тысяч человек. Бухенвальд был освобожден 11 апреля 1945 года американскими войсками, но предварительно там было организовано общее восстание заключенных.

Как и на территории других концлагерей, в Бухенвальде в 1941—1942 годах проводилось массовое истребление «отобранных» в лагерях для пленных офицеров и солдат Советской Армии. Здесь, в Бухенвальде, это делалось особенно подлым, коварным и жестоким способом.

Первые транспорты с советскими пленными начали прибывать в Бухенвальд в октябре 1941 года. Пленные наход-

¹ PN-4, NO-2141, sten. niem., s. 641.

² Ibid., sten. niem., s. 5024.

дились в состоянии крайнего истощения. Как правило, всех людей из таких транспортов уничтожали полностью. Жертвы эти даже не заносились в списки заключенных лагеря, а просто немедленно расстреливались. Однако скоро в эсэсовских кругах сочли, что такого рода массовые экзекуции, проводившиеся на открытой территории и потому весьма быстро становившиеся известными в лагере, не отвечают интересам гитлеровского государства. Поэтому впредь было решено проводить экзекуции более замаскированно. С этой целью использовали расположенную в стороне, за лагерной оградой, бывшую конюшню, которую преобразовали в «лечебное заведение». Но и в данном случае была применена излюбленная гитлеровцами «метода» усыпления бдительности жертв, чтобы не допустить сопротивления и бунта. Жертвы вводились в конюшню ночью, там их встречали музыкой из репродукторов (грамзапись), пленные раздевались догола и шли на «медицинский осмотр» в одно из помещений. Первой «медицинской» процедурой было измерение роста. Когда пленный становился под ростомер, «врач» давал знак, и тогда в стене открывалось маленькое окошко, через которое палач стрелял в затылок жертвы (Genickschuss). Труп тут же быстро убирали, вводили нового пленного, и «осмотр» продолжался. Из динамиков гремела музыка, одетые в белые халаты «врачи» отдавали громкие распоряжения, вызывали очередных «пациентов» по номерам и вели себя так, чтобы не было слышно выстрелов. Таким способом уничтожалось по 20—150 «нежелательных» пленных ежедневно. Поскольку подобная процедура при больших контингентах пленных была слишком длительной, позднее стали вводить в «кабинет врача» по 7—8 человек одновременно и убивать их здесь всех сразу — очередью из автомата. Однако залпы, доносящиеся из закрытой и освещенной конюшни, стали вызывать тревогу среди пленных. Гитлеровцам вновь пришлось «усовершенствовать» свои «методы работы» — они начали убивать пленных с помощью тяжелых дубинок. Убитых отвозили на грузовиках в крематорий и там сжигали. Но на дороге, ведущей из конюшни в крематорий, оставались следы крови, и это не могло не привлечь внимания заключенных. Поэтому убийцы стали использовать машины с кузовами, обитыми внутри цинком, — наподобие машин мясокомбинатов. В дни особенного усиления ликвидационной акции крематории не успевали сжигать трупы, и тогда в их подвалах скапливались огромные горы трупов, из-под которых... нередко выползали тяжелораненые, еще живые пленники! Их добивали работающие в крематориях «БВ» («Berufsverbrecher» — профессиональные преступники с нашивками в виде зеленого треугольника). О том, что творилось в момент разгрузки автомашин,

привозивших свой груз — трупы людей из «конюшни», рассказал очевидец, политический заключенный, немец:

«По моему мнению, не все солдаты [советские пленные. — Ред.] были мертвыми, поскольку каждый раз, когда нацисты выгружали в подвал полную машину [тел. — Ш. Д.], раздавались длительные вопли и стоны: некоторые расстрелянные в момент удара о твердый цементный пол подвала приходили в сознание...»¹

Казни производились специальной командой эсэсовцев («команда 99»), в состав которой входили гауптшарфюреры СС Тауфратсхофер и Шефер, обершарфюреры СС Бергер, Тальман, Бруно Михаэль и унтершарфюрер СС Кельц. После каждой экзекуции эсэсовцы получали дополнительные порции хлеба, колбасы, маргарина и водки, а кроме того, все они были награждены «Крестами за военные заслуги»².

По данным Международного комитета Бухенвальда, число убитых в таких массовых экзекуциях советских военно-пленных составляет 7200 человек³.

Советские пленные, которых не ликвидировали немедленно по прибытии в лагерь, до самого момента казни подвергались различным пыткам. Например, их по многу часов держали в холодные осенние дни 1941 года под открытым небом — перед блоками в летнем обмундировании. Некоторых из них отбирали «на работы». Отбор сводился к тому, что назначенные старостами блоков начальники рабочих команд из среды заключенных-уголовников обходили стоявших рядами пленных и ударом кожаного ремня выделяли тех, кто годен к труду⁴.

В Бухенвальде героически погиб Григорий Екимов («Гриша»), коммунист-политофицер Красной Армии, уроженец Алтая. Поздней осенью 1944 года в так называемом «блоке № 30» узники организовали митинг в честь Эриста Тельмана. Одновременно в одной из малых «рабочих команд» заключенные почтили память вождя немецкого пролетариата паузой во время работы. Какой-то предатель донес обо всех, кто принимал участие в этой молчаливой демонстрации.

Среди выданных провокатором оказались Екимов и его товарищ Тимофей Савин. Обоих, особенно Екимова, зверски

¹ «Konzentrationslager Buchenwald, B. I, Bericht des Internationalen Lagerkomitees», Weimar 1949, S. 22.

² Показания бывшего узника Бухенвальда д-ра Карла Зитте, сделанные на Бухенвальдском процессе князя Иозиаса цу Вальдека и других в 1947 году. См. стенограмму процесса (английская версия), т. I, стр. 372, а также «Konzentrationslager Buchenwald...», S. 22.

³ «Konzentrationslager Buchenwald...», S. 17. Некоторые источники указывают на большее число жертв (9000—9500 человек).

⁴ Показания д-ра Зитте, стр. 364.

избили и подвергли пыткам. Горящими сигаретами ему прижигали губы и нос, в течение многих часов допроса заставляли стоять у раскаленной докрасна печки, били резиновыми палками, со связанными за спиной руками втискивали в ящик размером 70 × 140 сантиметров, одной из стенок которого являлись подогреваемые паром трубы, ящик нагревали, поднимая температуру в этой «камере признания» («Geständniszelle») до 50° Цельсия, и держали пытаемого там два дня без еды и питья.

Все это происходило в Веймарской тюрьме. Но и эти чудовищные пытки не сломили ни Екимова, ни 18-летнего Савина. Оба молчали и никого из товарищей не выдали. Вместе с ними молчали и пытаемые политические заключенные — немцы. Замученного, изуродованного и умирающего Екимова гестаповцы отправили из Веймара обратно в лагерь. Все усилия товарищей спасти его жизнь остались тщетными: через три дня Екимов умер¹.

В отдельных случаях в Бухенвальд засыдались пленные и других национальностей. Так, 20 французских пленных из шталага VI C, арестованных гестапо в июле 1944 года, были заключены в Браунвиллере, около Кельна, а затем отправлены в Бухенвальд².

Французский парашютист лейтенант Морис Перчук попал в плен в 1943 году, был заключен в Компьене, а затем — в гражданской одежде — отправлен в Бухенвальд и здесь недолго до прихода американцев повешен³.

В 1943 году в оффлаге VI B в Десселе капитан польской армии Василевский тайно прочел лекцию об общей военно-политической обстановке, причем во враждебном Германии духе. Факт стал известен лагерным властям. Василевского вывезли в Бухенвальд и там повесили⁴. В том же году из Десселя был отправлен в Бухенвальд подпоручик польской армии Тиханович. Судьба его неизвестна⁵.

Ксендз-капеллан Бронислав Закржевский был вывезен в 1941 или 1942 году из одного оффлага в Бухенвальд. Причина этой репрессии неизвестна. Польский Красный Крест при посредничестве Германского Красного Креста выступил перед немецкими властями, требуя возвращения ксендза Закржевского в оффлаг. Попытка оказалась тщетной. Через несколько

¹ См. N. Kjung, *Aus dem antifaschistischen Widerstandskampf im KZ Buchenwald*, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, № 5/1958, S. 1025—1026.

² *Rapport sur la Captivité etc.* («Trial», 078/2/UK 1, v. XXXIX, p. 182).

³ «СС в действии», М., Издательство иностранной литературы, 1960, стр. 247.

⁴ *Acta Głównej Komisji w Polsce*, № 3139.

⁵ *Ibid.*

месяцев мать Закржевского получила официальное сообщение о смерти сына в Бухенвальде¹.

В 1941 году Павел Заец, польский сержант, в течение семи дней сидел в лагерном карцере, и все это время отъявленный убийца, бухенвальдский палач эсэсовец Зоммер морил его голодом. После этого сержант был умерщвлен путем смертельной инъекции, сделанной ему лагерным «врачом» д-ром (!) Ховеном².

Таким же способом в 1941 году был убит капеллан польской армии ксендз-капитан Гелачинский из Кракова³.

В том же Бухенвальде разыгрался трагический финал побега 47 польских офицеров, совершенного 19 сентября 1943 года из олага VIB в Дёсселе. Здесь в последние дни сентября того же года были убиты 20 из них, а несколько позднее еще 17 их товарищей разделили ту же судьбу. Здесь же, по всей вероятности, погибли и организаторы побега подполковник Ковальчевский и майор Пронашко.

Из пленных других национальностей следует упомянуть голландских заложников, схваченных гитлеровцами преимущественно из среды высших чиновников и офицеров. Они находились в Бухенвальде в 1940 году⁴. Нельзя также умолчать и о парашютистах союзных войск, расстрелянных и затем сожженных в крематорных печах в сентябре 1943 года⁵. В начале 1945 года в Бухенвальд было отправлено около 350 американских военнопленных, захваченных в плен во время зимнего наступления Рундштедта в Арденнах. Они находились в таких же ужасающих условиях, как и «гражданские» заключенные, — покрытые вшами, голодные, страдающие дизентерией, лишенные элементарной медицинской помощи. Через месяц 40 из них умерли от болезней и истощения⁶.

В апреле 1945 года, сразу же после освобождения Бухенвальда, лагерь посетила делегация английских парламентариев. Под впечатлением увиденного там обычно сдержанные англичане заявили, что «подобный лагерь свидетельствует о пределе падения, до которого когда-либо может дойти человечество»⁷.

Дахау (Бавария). Здесь концлагерь был основан еще в 1933 году. Лагерь этот стал местом казни многих тысяч по-

¹ Akta proc. Bühlera, t. IX, s. 179—182, AGK.

² «Konzentrationslager Buchenwald...», S. 143.

³ Ibid.

⁴ Ibid., S. 36.

⁵ Показания д-ра Зитте, стр. 372.

⁶ Affid dr. Karelka Sperbera, (UNWCC, sygn. K.S. 1, nr inw. 9, s. 14—15, AGK).

⁷ «СС в действии», стр. 250.

литических заключенных, в том числе значительного числа поляков. Он был оборудован газовыми камерами, крематориями и находившимся поблизости стрельбищем — для массовых убийств. Освобожден был американскими войсками 29 апреля 1945 года.

Начиная с осени 1941 года здесь производились массовые казни советских военнопленных, преимущественно офицеров. Почти ежедневно прибывали сюда эшелоны с закрытыми вагонами, набитыми пленными. Вагоны эти разгружались по ночам. Пленных группами по 400—500 человек отправляли на стрельбище. Здесь им приказывали раздеться (жаль обмундирования!), после чего расстреливали из автоматов. Около 10% численного состава транспортов на короткое время оставляли в живых, после чего расстреливали и этих последних, а больных из их числа, находившихся в лазарете, умерщвляли инъекциями бензина. Со временем гитлеровцы отказались от расстрелов за пределами лагеря, и казни совершились вблизи крематория. В сентябре 1944 года перед бараками крематория были расстреляны 94 высших советских офицера, в том числе два военных врача, которые до этого работали в лагерном госпитале Даахау¹. По другим источникам, дело идет о 97 офицерах, из которых один назван по имени: это Алексей Кириленко, офицер, корнетист лагерного оркестра².

Д-р Блаха оценивает число расстрелянных в 1942 году советских военнопленных в 5—6 тысяч³. Д-р Карл Рюдрих, также бывший узник, сообщает, что число расстрелянных с осени 1941 года до начала 1943 года советских военнопленных составило 4500 человек, а всего в Даахау расстреляно свыше 7000 советских пленных⁴. В то же время Франц Вейгель, который также был узником Даахау, говорит о 12 тысячах (согласно подсчитанным узниками комплектам русского обмундирования)⁵.

Д-р Блаха сообщает, что в апреле 1945 года, перед самым освобождением лагеря, гитлеровцы расстреляли в Даахау двух французских генералов, имена которых он не мог вспомнить⁶.

¹ Показания д-ра Франца Блахи («Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 457). См. также показания д-ра Ф. Миса (PN-4, PS-2428, dok. prok., т. V, с. 163).

² Показания Франца Вейгеля (UNWCC, Researche Office, Documents Series № 47, AGK).

³ Показания д-ра Блахи («Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 451).

⁴ Сообщение бывшего политического заключенного д-ра Карла Рюдриха о концлагере Даахау («СС в действии», стр. 280).

⁵ Показания Франца Вейгеля (UNWCC, Researche Office, Dokuments Series № 47, AGK).

⁶ Показания д-ра Блахи («Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 451).

Дора-Нордхаузен. Концентрационный лагерь Дора первоначально был филиалом Бухенвальда, но с января 1944 года его преобразовали в самостоятельный лагерь. Он был расположен вблизи города Нордхаузена (около 40 тысяч жителей), на южных склонах Гарца, в старой заброшенной шахте. На большой глубине под землей в длинных штольнях были устроены огромные цехи, соединенные между собой десятками специально прорытых туннелей. Здесь летом 1943 года был организован завод по производству «чудодейственного оружия» — снарядов «Фау-1» и «Фау-2»¹. Лагерь и предприятие Дора построили руками узников концлагерей: в производстве были заняты почти исключительно политические заключенные около 30 европейских национальностей, причем второе место по численности (после русских) занимали среди них поляки. Узники были размещены в 31 лагере, расположенным на разном удалении от места работы в штольнях. Значительное число рабочих жило в самой шахте, в течение долгого времени — обычно до самой смерти — они не видели дневного света. Только в одном каменном гроте «жило» 3500 узников. Смертность среди живших и работавших в шахте заключенных была ужасающей.

В январе 1944 года число погибших здесь составило 800 человек, в феврале — при общей численности 50 тысяч узников — 3500, а в марте — 5000².

Когда 11 апреля 1945 года американцы вступили в Нордхаузен, они нашли вокруг этой «дьявольской фабрики» и помещений узников свыше 2 тысяч непогребенных трупов.

Среди узников Доры находилось много французских, итальянских и советских военнопленных³.

Флоссенбюрг. Концлагерь Флоссенбюрг был сдан «в эксплуатацию» в апреле 1940 года. Он имел свыше 70 филиалов (Aussenkommandos), из которых Герсбрук, Литомежице, Оберштаублинг, Мюльзен и Залль считались самыми худшими. Большинство заключенных, которых согнали сюда почти из всех стран Европы, составляли русские и поляки. Только в течение последнего года существования этих лагерей-филиалов погибло в основном лагере и его филиалах 14 739 мужчин и 1300 женщин. Однако даже эти цифры еще не являются полными и окончательными, учитывая, что они были основаны на официальных записях и не принимали в расчет массовых тайных казней, имевших место в этих ла-

¹ PN-4, dok. prok., t. VI, s. 91.

² PN-4, sten. niem., S. 958—960. См. также показания эсэсовца д-ра Карла Кара, подававшегося в качестве врача в Дахау и Доре (Ibid., S. 204—206).

³ Ibid.

герях. Поэтому общее число казненных там жертв, указанное сразу после войны, — «свыше 29 тысяч», — представляется слишком заниженным¹.

В концлагерь Флоссенбюрг передавали для уничтожения отобранных «нежелательных» советских пленных из XIII военного округа (Нюрнберг)².

Среди жертв лагеря Флоссенбюрг оказалось в общей сложности около 2 тысяч советских пленных, из коих в живых осталось только... 102 человека! В марте или апреле 1945 года здесь было повешено 15 американских и английских парашютистов, схваченных при попытках взрыва мостов³.

Гросс-Розен. Расположенный в 60 километрах от Броцлава (немцы переименовали его в Бреславу) концлагерь Гросс-Розен возник в 1940 году. Кроме основного лагеря, имелось еще около 80 «подлагерей» и так называемых «рабочих групп», находившихся за его пределами («Aussenkompanados») и использовавшихся преимущественно на германских промышленных предприятиях. В самом же лагере наиболее тяжелой была работа в каменоломнях предприятия «ДЕСТ». Через этот лагерь прошло свыше 125 тысяч заключенных различных национальностей, преимущественно поляков и русских. Значительный процент заключенных Гросс-Розена составляли польские узники (так называемые «Schutzhäftlern»), участники движения Сопротивления. Многих из них специально направляли в этот лагерь на верную гибель после вынесения смертных приговоров так называемыми «зондергерихтами» в «генерал-губернаторстве». Зверский режим в Гросс-Розене был причиной гибели свыше 40 тысяч заключенных этого концлагеря⁴. Гросс-Розен был освобожден Советской Армией в феврале 1945 года, но гитлеровцы успели эвакуировать лагерь.

В Гросс-Розене было убито также несколько тысяч военно-пленных. В октябре 1941 года туда прибыл транспорт советских пленных в количестве, согласно единодушному мнению всех источников, 2500 человек. Отгороженные от остального лагеря, они пребывали там в страшных условиях. Эти условия, а также непрекращающиеся экзекуции, явились

¹ «Report of Investigation of War Crimes», составленный 3-й американской армией («Trial», 2309-PS, v. XXX, p. 160—163). Значительно более поздние и детальные исследования определяют число узников, которые прошли через этот лагерь, в 112 тысяч человек, из которых уничтожено 73 296 («Die Tat», Frankfurt a. M., 22. Februar 1958).

² PN-12, R-178, dok. prok., t. XVI, s. 139—140 (письмо регенсбургского гестапо мюнхенскому от 17 января 1942 года).

³ Ibid., dok. 2309-PS.

⁴ Z. Lukasziewicz, Gross Rosen («Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce», 1956, t. VIII, s. 102).

причиной того, что спустя два месяца почти все эти люди были истреблены. Казни советских пленных проводились с октября 1941 года почти до конца войны. Частыми были также казни гражданских узников концлагеря — советских якобы «комиссаров»¹.

Как сообщает бывший узник Казимеж Шостак, в январе 1942 года от всего этого транспорта оставалось в живых лишь 80 пленных².

По словам узника Юзефа Зеглоня, к июню 1942 года их было уже только около 50 человек³.

Сохранился рапорт комендатуры концлагеря Гросс-Розен от 23 октября 1941 года о произведенной накануне казни 20 советских военнопленных и сожжении их трупов. Об этой экзекуции была также информирована инспекция концлагерей в Ораниенбурге, которой был направлен именной список казненных⁴. Вот он:

Николай Троицкий (род. 1 февраля 1921 года); Константин Морфанков (род. 6 мая 1922 года); Василий Маинко [возможно, Манько. — Ред.] (род. 23 марта 1920 года); Владимир Варнашин (род. 24 июля 1919 года); Николай Панкратов (род. 23 августа 1920 года); Петр Горолов [возможно, Горелов. — Ред.] (род. 8 июня 1921 года); Евгений Пятницкий (род. 18 марта 1919 года); Георгий Кожуховский (род. 10 июля 1916 года); Александр Коновалов (род. 3 сентября 1920 года); Александр Ибриганов (род. 1 апреля 1907 года); Михаил Игнатов (род. 20 сентября 1909 года); Яков Яковлев (род. 21 июля 1916 года); Яков Барсуков (род. 22 ноября 1905 года); Георгий Виркеенко (род. 19 апреля 1913 года); Николай Ибрилов (род. 3 мая 1915 года); Владимир Алешков (род. 19 апреля 1920 года); Иван Королев (род. 14 июня 1911 года); Аполлон Дименцов (род. 18 марта 1918 года); Василий Кирсанов (род. 14 января 1910 года); Алексей Меркулов (род. 11 апреля 1915 года).

В 1944 году в Гросс-Розен прибыли транспорты заключенных, эвакуированных из концлагеря Майданек. Среди них было много советских военнопленных.

В связи с попыткой к бегству одного из советских пленных в 1944 году по приказу лагерфюрера всех советских пленных согнали на плац для перекличек и заставили бежать к ограде. Когда пленные приблизились к проволоке, охрана

¹ Показания узника лагеря Исаака Эгона Оксгорна (UNWCC, Research Office, Documents Series № 4 (IX/1945), AGK).

² AGK-69 ob., № 51, S. 122.

³ Ibid., s. 133.

⁴ «Exekutionen von russischen Kriegsgefangenen» («Trial», PS-1165, v. XXVII, p. 44—45);

ялагеря открыла по ним, как по настоящим беглецам, шквальный огонь. В результате погибло очень много пленных¹.

Наряду с такими кровавыми боями в Гросс-Розене имели место также расстрелы небольших групп военнопленных. Так, один из свидетелей сообщает о расстреле вблизи крематория (раздельно) 6 советских офицеров и 25 итальянских военнопленных².

В более поздний период в концлагерь Гросс-Розен направлялись мелкие группы пленных, скваченных при попытке к бегству из олаголов или шталагов. Наряду с небольшими группами советских военнопленных этой категории в Гросс-Розен было брошено также несколько голландских пленных. Обе эти группы наряду с поляками выделялись в Гросс-Розен своей моральной стойкостью, высоким чувством товарищества и солидарности³.

Майданек (возле Люблина). Этот огромный концлагерь был организован гитлеровцами осенью 1941 года. Первоначально он в течение 2—3 месяцев был предназначен для советских пленных. Отсюда и его начальное название «Лагерь для военнопленных» («Kriegsgefangenenlager»), употреблявшееся в течение длительного времени и впоследствии, когда Майданек уже утратил это свое назначение.

Особо отметим характерную деталь: в директиве главного административно-хозяйственного управления СС (ВФХА) от 21 апреля 1942 года, направленной комендантам всех концентрационных лагерей и посвященной вопросу о применении сурового режима труда в отношении польских и литовских ксендзов, наряду с 12 «нормальными» концлагерями упомянут также «лагерь для военнопленных в Люблине»⁴.

Как и все другие лагеря, предназначенные в 1941 году для советских военнопленных, Майданек носил ярко выраженный характер лагеря уничтожения. Из общего числа 5 тысяч советских пленных⁵, доставленных сюда ранней осенью 1941 года, к концу ноября того же года в результате массовых казней, голода, эпидемии тифа и т. д. осталось только 1500 человек, но и они быстро вымирали здесь от болезней и истощения. В 1942 году в Майданек начали завозить небольшими группами новые партии советских военнопленных,

¹ Показания Мечислава Михаловича; (AGK-69 ob., № inw. 51, S. 129).

² Показания бывшего узника Томаша Длуготша (AGK-69 ob., № inw. 51, S. 120).

³ Показания Романа Невяровича (AGK-69 ob., № inw. 52, odpis 10, s. 5).

⁴ «Trial», 1164—PS, v. XXXVII, p. 40.

⁵ Z. Łukasziewicz, Obóz koncentracyjny i zagłady — Majdanek («Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce»), t. IV, s. 64).

преимущественно больных туберкулезом или инвалидов. С течением времени для них на так называемом «втором поле» был создан «лазарет»: по мере продолжения войны обращение с пленными стало несколько лучше.

Несмотря на это, время от времени в лагере производились казни крупных и небольших групп узников. Так, например, в 1943 году, после массового побега советских военно-пленных, было расстреляно из пулеметов 40 их товарищей¹.

С декабря 1943 года по апрель 1944 года в Майданеке находился известный советский врач Владимир Дегтярев. Тут он встретил известного ныне писателя Игоря Неверли: оба болели тифом. Рассказы советского пленного о пережитом послужили Неверли сюжетом для его книги «Парень из Сальских степей», в которой друг Неверли выступает под именем Дергачева.

Наряду с советскими военно-пленными в Майданеке уничтожались также польские солдаты — евреи. З ноября 1943 года гитлеровцы провели специальную акцию, в ходе которой было истреблено в общей сложности около 18 тысяч евреев. В этой известной под условным названием «Праздник урожая» («Erntefest») резне, которая повлекла за собой смерть остававшихся еще в живых евреев среди узников различных лагерей Люблинского воеводства, погибло также несколько сот польских военно-пленных, евреев из лагеря на Липовой улице в Люблине, а равно из других лагерей (например, Понятова и Травников).

Вот что показал один из исполнителей этого преступления, высший начальник СС и полиции в Люблинском «дистрикте» (округе), группенфюрер СС Шпорренберг:

«Около 12 часов ночи [с 2 на 3 ноября. — Ш. Д.] д-р Плюц² сообщил мне, что возникла необходимость воздержаться от проведения акции «Erntefest», поскольку установлено, что среди находящихся в лагерях евреев имеются польские военно-пленные, остающиеся под защитой Женевской конвенции. Я немедленно связался по телефону с Крюгером³ и просил его согласовать с Гиммлером вопрос об отсрочке акции. Когда Крюгер ответил, что он не может связаться с Гиммлером, я предложил ему, что сделаю это сам, на что он согласился. На высланный мною срочный запрос я получил при посредничестве Крюгера ответ, что ликвидации подлежат все без исключения евреи и что впредь я должен воз-

¹ Okręgowa Komisja Badania Zbrodni Hitlerowskich w Lublinie: «Sprawozdanie z dochodzeń w sprawie obozu Koncentracyjnego na Majdanku. Akta procesu Bühlera», t. LXX, s. 45b.

² Начальник полиции безопасности и СД в Люблинском «дистрикте».

³ Высший начальник СС и полиции в «генерал-губернаторстве».

держиваться от запросов. Ответ пришел из полевой ставки рейхсфюрера СС и был подписан тогдашним первым адъютантом Гиммлера Гротманом. В одном только лагере на Липовой улице должно было находиться около 150 пленных [евреев. — Ред.], а сколько их было в других лагерях, точно не знаю»¹.

На следующий день на окруженному многотысячным кордном эсэсовцев и полиции месте казней под звуки вальсов Штрауса произошла кровавая резня, от которой никто из жертв не уцелел².

Общее число жертв, погибших в лагере Майданек, определяется Лукашевичем в 360 тысяч человек³.

Генерал фон Альтрок, комендант ОФК-372 в Люблине, а также генерал Мозер, который занял этот пост после Альтрока, хорошо знали, что происходит за проволочной оградой Майданека, несмотря на то что, как утверждает Мозер, имелся четкий приказ высших военных властей (генерала Рейнеке), запрещавший им доступ в этот лагерь.

Попав в плен к советским войскам, генерал Мозер сделал заявление, которое в форме листовки было распространено по обе стороны фронта и в котором, в частности, говорилось:

«У меня нет причин умалчивать о тяжких преступлениях Гитлера или их покрывать, поэтому я считаю себя обязанным рассказать всю правду о так называемом «лагере уничтожения», сооруженном гитлеровцами близ города Люблина на Холмском шоссе»⁴.

В листовках Национального комитета «Свободная Германия» (в августе 1944 года) Мозер рассказывал об отравлении газом и расстрелах узников, в том числе женщин и детей, о непосильном труде заключенных, о чудовищных пытках. Мозер вспоминает о судьбе пленных: «С возмущением я узнал, что перед смертью заключенных жестоко мучили и пытали».

Мозер говорил также об эксгумации останков жертв и об их сожжении с целью замести следы преступления⁵.

Маутхаузен. Лагерь уничтожения в Маутхаузене (Австрия) возник в 1938 году. Первоначально он был задуман как

¹ Показания Шпорренберга (AGK, «Akta w sprawie zbrodni hitlerowskich na Lubelszczyźnie», t. IV, s. 997—998).

² Шпорренберг определяет число умерщвленных в 42 тысячи. Лукашевич и другие авторы называют цифру в 18 тысяч человек, что является наиболее правдоподобным.

³ Z. Lukaszewicz, op. cit., s. 68, 86.

⁴ «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 385.

⁵ Листовка Национального комитета «Свободная Германия» от 29 августа 1944 года с заявлением Мозера (см. «СС в действии», стр. 305).

скромный филиал лагеря Даахау. Расширенный в 1939 году, Маутхаузен стал местом казней многих тысяч мучеников, в том числе советских людей и граждан иных национальностей. Многие из них умерли «естественней смертью» от голода и в результате убийственной работы в пресловутых каменоломнях. В лагере были построены газовые камеры и кремационные печи. Между Маутхаузеном и Гузеном даже «курсировала» передвижная газовая камера, оборудованная в автомашине.

Маутхаузен имел 45 филиалов, из них наиболее «известными» были Гузен, Эбензее, Линц, Пассау, Тернборг, Грос-Раминг, Мельк, Эйзенерц, Санкт-Ламбрехт, Пеггау, Клагенфурт, Лайбах, Лойблльпас, Вин-Швехат, Винер-Нойштадт, Флорисдорф, Шлиер (фабрика фальшивых банкнот), Штейр-Мюниххольц, Санкт-Валентин, Вельс, Амштеттен, Гунскирхен.

В этих филиалах узников принуждали работать до полного истощения сил, а затем отсылали в Маутхаузен на уничтожение.

Комендантом лагеря был Франц Цирайс. В мае 1945 года, попав в окружение американских войск, тяжело раненный при попытке к бегству, он на ложе смерти сделал потрясающие показания о преступлениях собственных и своих коллег по лагерю. Среди его подчиненных завоевали мрачную славу его помощник Георг Бахмайер и осуществлявший техническое руководство работами в каменоломне обершарфюрер СС Ганс Гrimm, а также оберштурмфюрер СС Вальгер¹.

О числе жертв, погибших в Маутхаузене, некоторое представление дают сохранившиеся официальные книги регистрации умерших (*Totenbücher*). На стр. 203 приводится составленная на их основе таблица.

Цифры эти не дают полной картины преступлений, так как они не охватывают многих тысяч узников, отравленных газом, замученных и расстрелянных немедленно или вскоре после прибытия, в том числе значительного количества военнопленных, уничтоженных в Маутхаузене в ходе «операции «Кугель»².

Суммарные численные данные о жертвах Маутхаузена содержатся в речи Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева, произнесенной им в начале июля 1960 года во время осмотра этого лагеря смерти. Он определил общее количество жертв в «123 тысячи антифашистов из всех стран Европы», в том числе «свыше 32 тысяч советских граждан»³.

¹ «Trial», v. XXIX, p. 310, а также показания Вольфганга Заннера — бывшего эсэсовца, впоследствии узника Маутхаузена (PN-12, NO-3104, dok. prok., t. XVII, s. 250).

² Заявление Эрнста Мартина (PN-4, 499-PS, dok. prok., t. V, s. 18).

³ «Правда», 4 июля 1960 года.

Эти последние данные охватывают также уничтоженных советских военнопленных. Число пленных других государств, которые пали жертвами Маутхаузена, не определено до сих пор даже приблизительно.

Данные о количестве узников, погибших в Маутхаузене и его филиалах

Год	В Маутхаузене и филиалах	В Гузене	В том числе военнопленных	Умирало ежедневно (в среднем)
1939	445	—	—	1,2
1940	2 311	1 522	—	10,5
1941	1 402	5 570	710	21,1
1942	4 429	3 890	4 105	30,7
1943	3 209	5 116	147	23,2
1944	7 075	4 404	326	39,4
	2 980 ¹			
1945	16 399	8 214	—	208,6 ²

¹ Число «2980» означает количество узников, высланных из Маутхаузена в «лагерь для выздоравливающих» в Иббесе на Дунае, где их умерщвляли инъекцией в сердце и сжигали в крематории. Фамилии этих пленных книги регистрации умерших не содержат.

² Заявление Эрнста Мартина (PN-4, 499-PS, dok. prok., t. V, s. 18).

Наибольшие потери и жертвы среди военнопленных и в Маутхаузене приходятся на долю советских людей.

В 1941 году сюда прибыли первые транспорты советских пленных. Около 200—300 человек работало в каменоломнях. Каждый вечер рабочие команды, возвращавшиеся в лагерь, приносили с собой по 20—30 умерших товарищей — частично замерзших, частично убитых или забитых насмерть плетьми¹.

О физическом состоянии, в каком находились только что прибывшие пленные, свидетельствует следующее циничное сообщение лагерного врача:

«В ноябре [1941 года. — Ш. Д.] прибыли первые транспорты советских пленных. Были они в очень плохом общем состоянии, ненакормленные, почти изголодавшиеся, но зато они принесли с собой сыпной тиф...»²

¹ Affid. W. Sappera, PN-12, NO-3104, dok. prok., t. XVII, s. 250.

² Сообщение военного преступника врача Маутхаузена, Равенсбрюка и других лагерей гауптштурмфюрера СС Герхарда Шидлауского (PN-4, NO-508, dok. prok., t. V, s. 508).

Как сказано выше, многие пленные погибли от пули или в газовых камерах. Так, например, штурмбаннфюрер СС Шульпетцкий по приказу тогдашнего коменданта лагеря Хмелевского умертвил в бараке № 16 газом «циклон» 170 советских пленных¹.

Крупные и небольшие партии советских пленных прибывали в Маутхаузен и в 1942 году.

Так, в январе 1942 года по распоряжению инспекции концентрационных лагерей (подписанному Либехеншелем) было направлено из Бухенвальда на тяжелые работы в каменоломнях Маутхаузена 138 пленных².

Осенью 1942 года в Маутхаузен прибыли два транспорта советских пленных, насчитывавшие около тысячи человек каждый. Сначала этих пленных поместили в изолированной части лагеря, но в 1943 году перевели в общий лагерь (*Schutzhaftlager*). Пленных использовали на внутрилагерных работах, в строительных командах и на каменоломнях. Около тысячи были подвергнуты «диетическим» экспериментам. От двух транспортов общей численностью около 2 тысяч человек к моменту освобождения лагеря в 1945 году осталось в живых только... 5 пленных! Все остальные были уничтожены различными способами³.

Хотя наиболее распространенным способом истребления был метод «работы до смерти», тем не менее гитлеровцы время от времени организовывали и массовые экзекуции. Так, во время визита Гиммлера в Маутхаузен «для его удовольствия» было расстреляно 50 советских офицеров⁴.

Весной 1944 года были убиты 94 старших советских офицера, но уже по иному поводу: они отказались дать показания военного характера⁵.

Вместе с советскими военнопленными в Маутхаузене и его филиалах страдали и гибли, хотя и в меньшем числе, военно-пленные других национальностей. На заводе Мессершмитта в Гузене (где выпускались самолеты типа «Ме-109») работали также американцы и французы. Занятых там пленных «били, пытали и убивали»⁶.

В лагерь Маутхаузен было брошено около 8 тысяч испанцев, сражавшихся в рядах французской армии. То были анти-

¹ Показания коменданта лагеря Маутхаузен Франца Цирайса, сделанные им накануне смерти, 23 мая 1945 года (UNWCC, Research Office, Documents Series No 21, Juli 1946, AGK).

² Письмо Либехеншеля комендантом Бухенвальда и Маутхаузена от 20 января 1942 года (PN-4, NO-1958, dok. prok., t. XI, s. 160).

³ Affid. W. Sannera (PN-12, NO-3104, dok. prok., t. XVII, s. 250—251).

⁴ «Trial», v. XIX, p. 594.

⁵ Ibid.

⁶ Показания Юзефа Крысяка, бывшего узника Маутхаузена (PN-4, sten. niem., s. 459).

фашисты, бывшие бойцы испанской республиканской армии, которые после падения Испанской республики добровольно вступили во французскую армию, чтобы в ее рядах продолжать борьбу с фашизмом. После военного поражения Франции в 1940 году судьба пленных-испанцев несколько месяцев оставалась неопределенной. В гитлеровском министерстве иностранных дел и ОКВ раздумывали над тем, признавать за испанцами статус военнопленных или нет. В конце концов было принято решение: бросить их в Маутхаузен.

Из 8 тысяч испанцев уцелело только 1600 человек¹.

Маутхаузен «прославился» также благодаря экзекуциям, проводившимся в рамках «акции «Кугель».

С весны 1944 года по февраль 1945 года в Маутхаузен направлялись транспорты военнопленных — преимущественно русских, англичан, французов и поляков, предназначенных для уничтожения. То были бежавшие и вновь схваченные офицеры и сержантский (унтер-офицерский) состав всех национальностей. На основе соглашения между ОКВ и полицией безопасности весной 1944 года всех таких беглецов коменданты лагерей передавали в руки полиции безопасности с пометкой «степень III» («Stufe gōt. III»). Этим шифром обозначали беглецов, подлежащих (с сохранением строжайшей тайны) ликвидации в Маутхаузене. Передавая пленных, полиция безопасности информировала коменданта Маутхаузена, что все эти узники помещаются в лагерь в рамках «акции «Кугель».

Здесь их поместили в изолированном от остальной части лагеря высокими стенами так называемом блоке № 20 и не регистрировали в лагерной канцелярии: лишь в каждом отдельном случае сообщали на кухню общее число этих узников. Их зорко стерегли эсэсовцы. Казнь осуществлялась почти исключительно путем расстрела².

Казни проводились большей частью с применением испытанный уже в других лагерях «методы», основанной на обмане бдительности жертв. Если в Маутхаузен прибывал более крупный транспорт таких пленных, их отправляли газом³.

Особенным зверством отмечена одна из экзекуций, совершенная над офицерами союзных армий. Весной 1944 года в Маутхаузен прибыла группа из 36 бельгийских, голландских, французских и британских офицеров. После регистрации в лагерной картотеке их всех направили в штрафную роту. На другой день их под градом ударов погнали — босых, одетых

¹ Показания бывшего французского военнопленного Франсуа Буа («Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 436).

² PN-4, 499-PS, dok. prok., t. V, s. 26.

³ Показания французских офицеров, узников Маутхаузена («Rapport sur la Captivité», «Trial», C78/2/UK, v. XXXIX, p. 185).

только в нижнее белье — вниз, в каменоломню. Оттуда на-
груженных тяжелыми каменными глыбами, избиваемых эс-
совцами Фаркашем, Тумом и Ригером, их погнали обратно
в гору. Стоило кому-либо зашататься или споткнуться, как
его пристреливали на месте. После трех таких «восхожде-
ний» никого из этих офицеров не осталось в живых. В тот
же день работавший в лагерной картотеке французский воен-
нопленный полковник Г. де Сен-Гаст по приказу гитлеровцев
вычеркнул всех этих мучеников из списков штрафной роты,
сделав против каждой фамилии пометку: «Убит при попытке
к бегству»¹.

Убивали в этом лагере и американских военнопленных.
В декабре 1944 года старший лейтенант военно-морского
флота США Джек Х. Тейлор, сброшенный на парашюте в ок-
тябре 1944 года на территорию Австрии, был схвачен гитле-
ровцами и до полусмерти избит гестаповцами, несмотря на
то что был в военном обмундировании. Ввиду приближения
советских войск Тейлор был переброшен из венской тюрьмы
в Маутхаузен, где, по его словам, царили «голодная смерть,
избиение и убийство». По крайней мере два других амери-
канских офицера были уничтожены в газовых камерах Маут-
хаузена. Тейлор и еще один американский офицер тоже были
приговорены к смерти, но им удалось избежать судьбы своих
товарищей по несчастью благодаря быстрому освобождению
Маутхаузена 11-й американской танковой дивизией².

В октябре 1944 года в Маутхаузен был брошен полковник
Витольд Моравский, старшина польского олага IID в Грос-
борне. Вместе с ним прибыли майор Голубский, поручик
Клоц и подхорунжий Шайбо — тоже из олага Гросборн.
Полковник Моравский стоял во главе широко разветвленной
подпольной организации и вместе с группой своих ближай-
ших помощников был выдан вермахтом в руки гестаповцев,
а затем, после долгих мучарств, отправлен в Маутхаузен. При-
мерно в это же время сюда было заключено несколько поль-
ских унтер-офицеров, схваченных во время бегства. В конце
октября или начале ноября 1944 года все они были уничто-
жены и сожжены в крематории.

Майора Голубского и поручика Клоца выволокли из госпи-
таля на казнь в тяжелейшем состоянии³.

В феврале 1945 года в Маутхаузен были доставлены
14—15 членов англо-американской военной миссии (в том
числе одна женщина) при югославской Народно-освободи-
тельной армии. Все пленные были в национальном военном

¹ Affid. W. Sannera (PN-12, NO-3104, dok. prok., t. XVII, s. 249).

² Показания Д. Х. Тейлора («Trial», 2430-PS, t. XXX, s. 467).

³ По статье M. Sadzeniwick, Polska śmierć feldfebla Heima, «Tygodnik Zachodni», Poznań 1957, № 20 (28).

обмундировании. В ходе «следствия» пленных жестоко пытали. Этим «следствием» руководили комиссар Гамехен из РСХА и штандартенфюрер СС Гешке. С того времени в лагерном лексиконе появился термин «тибетская молитва», под которым подразумевался допрос, сочетающий с пытками. Всех упомянутых англо-американских офицеров гитлеровцы уничтожили¹.

Нейенгамме. Концлагерь Нейенгамме был организован 15 августа 1940 года². В течение почти пяти лет, до 3 мая 1945 года, когда этот лагерь был освобожден английскими войсками, через него прошли десятки тысяч узников различных национальностей и значительное количество советских, польских и французских военнопленных.

О том, какова была судьба узников Нейенгамме, каковы были условия их существования, можно судить хотя бы по одному тому факту, что из 13 тысяч французов, отправленных в Нейенгамме, вернулось только 600 человек³.

В первые недели после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в Нейенгамме прибыло несколько менее крупных транспортов с советскими военнопленными: в общей сложности до 300—400 человек. Этих пленных немедленно умертили в газовых камерах или выстрелами в затылок⁴.

В августе 1941 года сюда прибыл транспорт с 1200 советскими пленными, которых поместили в бараки, отгороженные колючей проволокой от остальной части лагеря и снабженные табличкой с надписью: «Лагерь для военнопленных» («Kriegsgefangenenlager»). На пленных немедленно был распространен режим голода, и они, конечно, умирали массами. Некоторые узники общего лагеря перебрасывали им через проволоку немного пищи, выделенной из своих и без того скучных рационов⁵. К апрелю 1942 года из этого транспорта осталось в живых только 200 человек, остальные умерли от голода. Эти 200 пленных — сущие живые скелеты — были затем якобы отправлены в лагерь для военнопленных⁶.

Еще одна группа советских военнопленных была уничтожена в Нейенгамме осенью 1942 года. 197 советских пленных

¹ Показания Франца Црайса накануне смерти (UNWCC, Research Office, Documents Series № 21, AGK, см. также «Trial», 3846-PS, 051-L).

² PN-4, sten. niem., s. 5465. Рассел сообщает, что лагерь возник в 1938 г. (Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 209).

³ «СС в действии», стр. 301.

⁴ Показания политического узника Нейенгамме немца Гельмута Биккеля (PN-4, sten. niem., s. 5431).

⁵ Ibid., s. 5452.

⁶ Ibid., s. 5453.

были загнаны в одну тесную камеру, а затем отравлены газом «циклон-Б». Затем в ходе погрузки трупов на машины гитлеровцы заставили всех узников «ассистировать» при этом противоестественном, зверском спектакле, да еще и петь — под угрозой смерти! — веселую песенку, начинавшуюся словами: «Привет, любимый трубадур, будем веселиться и радоваться!»¹

Часть советских военнопленных, как сказано выше, была уничтожена смертельными инъекциями. Из показаний бывшего коменданта Нейенгамме Макса Паули явствует, что приказы об уничтожении советских пленных с помощью газа и смертоносных инъекций исходили из отдела «Д» ВФХА².

В Нейенгамме находились также польские военнопленные, которые либо бежали из лагерей для пленных, либо состояли в интимной связи с немками³.

Было там много и французских военнопленных. После высадки союзников в Нормандии в 1944 году в Нейенгамме была передана группа работников умственного труда, среди которых оказалось немало высших французских офицеров, до той поры остававшихся на свободе. Обращение с этими последними было несколько лучше, чем с остальными узниками⁴.

Лагерь Нейенгамме завоевал мрачную славу из-за трагической судьбы его узников, эвакуированных перед самым освобождением этого лагеря. Их погрузили на корабли («Кап-Аркона», «Тильбек», «Атен», «Дейчланд» и несколько меньших), по всей вероятности, с целью утопить в море. 3 мая 1945 года в Нейштадтской бухте, несмотря на призыв союзной авиации вывесить белый флаг, эсэсовцы и гитлеровские военные моряки, применив террор, не разрешили сделать этого. Корабли были подвергнуты бомбажке с воздуха и стали тонуть, а оказавшихся в воде узников обстреляли с гитлеровских военных кораблей. Из 10 тысяч узников 8 тысяч нашли свою смерть на дне бухты⁵.

Освенцим. Этот концлагерь с 40 филиалами — самый крупный гитлеровский «комбинат смерти» — возник в 1940 году.

Комендантом Освенцима были поочередно: Рудольф Гесс, Артур Либхеншель и Рихард Бер. Через Освенцим прошли миллионы узников из всех стран Европы. Наибольший контингент истребленных здесь людей составляли евреи.

¹ Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 211.

² PN-4, NO-1201, dok. prok., t. V, s. 151.

³ Показания Гельмута Биккеля (PN-4, sten. niem., s. 5452).

⁴ Ibid., s. 5453.

⁵ «СС в действии», стр. 302—304.

Число жертв, которое Гесс определял в 3 миллиона человека (2,5 миллиона удушенных в газовых камерах и убитых разными способами и полмиллиона умерших с голода), надо считать очень заниженным. В Освенциме уничтожено также большое количество военнопленных.

Конец чудовищной «деятельности» этого «комбината смерти» положила 27 января 1945 года победоносная Советская Армия.

Обширный отчет о судьбе крупного (около 10 тысяч человек) транспорта советских военнопленных, который прибыл в Освенцим осенью 1941 года, содержится в данном под присягой письменном показании от 15 декабря 1947 года узника Освенцима, писаря лагерной канцелярии Казимежа Смоленя¹, а также в его устных показаниях на процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других, данных 24 февраля 1948 года².

Все сообщения Смоленя были подкреплены официальным германским документом большого значения — книгой регистрации умерших («Тотенбух»³) советских пленных из этого транспорта. Ее нашел в мае 1945 года там же, в Освенциме, Ян Сен — специальный следователь и член Главной комиссии по расследованию преступлений гитлеровцев в Польше. Письменные показания Сена и Смоленя о «тотенбухе», представленные 16 декабря 1947 года, были включены в перечень доказательственных материалов обвинения на указанном процессе (обозначение документов соответственно «NO-5847» и «NO-5848»)⁴.

Сообщение Смоленя в целом соответствует данным, содержащимся в книге Фридмана и Холуя⁵, а также ряду фактов, имеющихся в показаниях Рудольфа Гесса⁶. События, которые имели место в отношении советских военнопленных в Освенциме, находятся в пределах тождественных описаний по другим лагерям уничтожения того периода.

Приводим в значительно сокращенном изложении сообщение Смоленя.

Первые транспорты советских пленных стали прибывать в Освенцим в начале октября 1941 года. Пленные прибывали из шталага VIII B в Ламбиновицах, а также из Нейгаммера транспортами по 1—2 тысячи человек ежедневно. Примерно в течение недели количество их достигло 10 тысяч.

¹ PN-12, NO-5849, dok. prok., t. XVIII, s. 126.

² Ibid., sten. (ang.), s. 956—1031.

³ Ibid., NO-5850, dok. prok., t. XVIII, s. 36—102.

⁴ Ibid., dok. prok., t. XVIII, s. 115—116, 117—119.

⁵ F. Friedman, T. Hołuj, Oświęcim, Kraków, 1946, s. 24.

⁶ «Wspomnienia Rudolfa Hoessa, komendanta obozu oświecimskiego», Warszawa 1956, s. 110—113.

Пленные прибывали в состоянии полного истощения. В каждом транспорте было 20—30 человек, умерших в пути. Пленные были изголодавшимися. Во время транспортировки они не получали никакого питания. Все обовшивели. После выгрузки из вагонов они, несмотря на мороз, должны были раздеваться догола, после чего в течение многих часов ждали своей очереди на дезинфекцию, а затем их, голых и мокрых, гнали ударами [плетей и прикладов. — Ред.] в лагерь. В лагере для них было выделено 9 бараков, которые были обнесены колючей проволокой под током высокого напряжения, а над входными воротами помещена надпись: «Трудовой лагерь для военнопленных». Пленных заносили в лагерную картотеку (именной реестр) и на левой стороне груди, отступив в данном случае от «гуманной» татуировки на руках, выжигали очередной номер (от 1 до 10 000). Условия транспортировки, бесчеловечная «дезинфекция» и условия лагерной «жизни» повлекли за собой огромную смертность среди вновь прибывших. Уже в течение первых трех недель — именно столько времени продолжались «формальности» по приемке 10 тысяч пленных — умерло от голода и холода 1500 пленных. В лагере действовал еще один фактор — каторжный труд. Всех без исключения пленных направляли в рабочие команды (преимущественно строительные) и заставляли работать — зимой, на морозе — на расширении Бжезинки [филиал Освенцима. — Ред.] и на разгрузке вагонов. Во время работы пленных мучили, били, приказывали делать «гимнастику» на морозе. В качестве наказания «пронившегося» запирали голым (зимой!) в сарай; умирающих добивали палками, а затем раскаленным железом проверяли, жив ли¹. Каждый день, возвращаясь в лагерь, пленные приносили с собой по 40—50 товарищей, замерзших во время работ. В среднем умирало в день 80—250 пленных, но были и такие дни, когда смертность достигала 400—500 человек².

В ноябре 1941 года из Катовиц в Освенцим прибыла специальная комиссия гестапо во главе с д-ром Мильднером. Три члена комиссии этого «доктора» владели русским языком. Все советские пленные были означенной комиссией подвергнуты допросу: избиением их принуждали дать ответ на вопрос, не являются ли они членами коммунистической

¹ «Obóz koncentracyjny Oświęcim», Główna Komisja Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce, Warszawa, 1955, s. 37.

² Можно сравнить эти цифры с данными о смертности в женском секторе лагеря Освенцим, которые, по заявлению француженки Мари Клод Вайян-Кутюрье, выступавшей в качестве свидетельницы на Нюрнбергском процессе, составляли зимой 1943/44 года 200—350 человек ежедневно («Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 402).

партии, комсомольцами или комиссарами. Эти ответы члены комиссии сравнивали со списком партийных, комсомольских и советских работников, который они привезли с собой. По окончании допросов всех пленных разделили на три группы. Первую группу, насчитывающую около 300 «коммунистов», немедленно изолировали от остальных и поместили в блок № 24, а в середине декабря 1941 года уничтожили в блоке № 11. Письменное донесение об этом прислал в ОКВ заместитель коменданта лагеря оберштурмфюрер СС Зейдлер. Вторая группа — «политически нежелательных» — насчитывала около 700 пленных. 300 из них пали жертвами первого «экспериментального» умерщвления в газовых камерах, остальных 400 человек небольшими группами ликвидировали в блоке № 11. Уничтожили также всех тяжелобольных, истощенных и нетрудоспособных. Оставшимся «позволили жить», а больных поместили в «лазарет», где не было лекарств. Из-за огромной смертности находившихся там больных этот «лазарет» прозвали «кладбищем»¹.

В результате всех этих массовых экзекуций и массовой смертности (от голода, болезней и т. д.) к февралю 1942 года от транспорта, насчитывавшего 10 тысяч пленных, осталось менее 1700 человек. К лету же 1942 года, как сообщает сам Гесс, их уцелело всего несколько сот. Смолень указывает другую цифру — 150. Часть трупов, которые не успели сжечь в крематории, закопали. Осенью 1942 года эти останки были выкопаны и сожжены.

Как же выглядит ответственность вермахта за судьбу этих пленных?

О пресловутом «соглашении» ОКВ — РСХА мы уже подробно писали выше. Кроме того факта, что пленных до самого лагеря сопровождали части вермахта (это обстоятельство ясно подтвердил Гесс²), ОКВ доставляло коменданту лагеря, как сообщает Смолень, кроме обычных учетных карточек по каждому пленному также определенное количество зеленых карточек, которые (в случае смерти пленного) заполнялись администрацией лагеря и отсылались обратно в ОКВ (ВАСТ). Это были бланки, которые в случае надобности заказывались непосредственно в ОКВ и привозились в лагерь, все остальные бланки печатались в лагерной типографии. Наряду с зелеными карточками ОКВ доставляло на каждого пленного бланк полевой почты с печатным текстом примерно такого содержания: «Нахожусь в германском плену, чувствую себя хорошо и по мере возможности сообщу свой адрес». Смолень также утверждает, что зеленые

¹ PN-12, t. XVIII, s. 122—125.

² «СС в действии», стр. 307—310.

карточки в случае смерти пленного отсылались исключительно в ВАСТ, семьи же умерших пленных не уведомлялись никогда¹.

Находившиеся в лагере военнопленные, хотя они по-прежнему фигурировали в учетной картотеке как «военнопленные», внешне ничем не отличались от иных, «гражданских» узников. Однако условия существования пленных были значительно худшими, нежели других узников лагеря: они получали меньше хлеба, не имели права пользоваться помещениями для мытья, не имели права переписки. Огромная смертность, как следствие бесчеловечных условий существования, специально созданных гитлеровцами, а кроме того, частые экзекуции вскоре привели к ликвидации сектора военнопленных в Освенциме².

Необходимо подчеркнуть еще одно важное обстоятельство. Все источники единодушно утверждают, что умерщвление в газовых камерах было впервые опробовано в Освенциме на советских пленных. Нет расхождений и в сообщениях о том, что первые отравления газом состоялись во второй половине 1941 года. Имеется лишь разница в датах: в то время как Фридман и Холуй пишут о 15 сентября³, Смолень связывает этот день с «работой» комиссии Мильднера, то есть с периодом не раньше ноября 1941 года. Имеются также указания на «лето» 1941 года⁴.

«Пробное» умерщвление советских пленных газом было организовано в бункерах блока № 11. Были удушены 600 советских пленных и 250 больных гражданских узников. Наблюдение осуществлялось эсэсовцем Фричем, заместителем Гесса.

Когда люки подвалов были засыпаны землей, Фрич впустил через двери дозу «циклона-Б», а затем плотно закрыл двери. На следующий день известный палач эсэсовец Палич, надев противогаз, вошел в бункер и установил, что некоторые жертвы еще живы. Поэтому была дополнительна пущена доза «циклона», и только последующая проверка (снова на другой день) показала, что все пленные умерщвлены⁵.

Как показал Гесс, первыми были удушены газом комиссары и политруки Советской Армии.

С конца 1943 до лета 1944 года в Освенцим продолжали прибывать небольшие транспорты советских пленных.

Бывший узник Освенцима д-р Отто Волькен составил полный перечень транспортов с узниками-мужчинами, при-

¹ PN-12, NO-5849.

² Ibid., NO-5849, s. 125—126.

³ Friedman i Holuij, op. cit., s. 32.

⁴ «Obóz koncentracyjny Oświęcim», s. 47.

⁵ Ibid., а также «Wspomnienia Rudolfa Hoessa», s. 134.

бывшими в Освенцим-II (Бжезинка) в период с 21 октября 1943 года по 30 октября 1944 года и прошедшими через блок 11-а (карантина). А вот данные, относящиеся к прибывшим транспортам советских военнопленных¹.

Дата	Откуда прибыли пленные	Порядковые номера
15. 11. 1943	Ламбиновице	R 10 632—10 706
28. 11. 1943	Вильянди (Эстонская ССР)	R 10 040—10 707
12. 12. 1943	Ламбиновице	R 11 075—11 129
13. 1. 1944	Ламбиновице	R 11 142—11 214
24. 2. 1944	Ламбиновице	R 11 222—11 340
26. 2. 1944	Ламбиновице	R 11 341—11 406
7. 7. 1944	Ламбиновице	R 11 574—11 617
23. 7. 1944	Ченстохова	R 11 618—11 651
25. 8. 1944	Ламбиновице	R 11 672—11 780

10 декабря 1943 года был умерщвлен газом транспорт тяжелораненых и калек (из числа советских пленных), прибывший 28 ноября 1943 года из эстонского лагеря в Вильянди. Посаженным на грузовики пленным заявили, что их повезут в Люблин.

Всего через Освенцим прошло 16 тысяч зарегистрированных советских пленных². Гесс называет другую цифру: 20 тысяч советских пленных, уничтоженных в Освенциме³. Учитывая, что, кроме зарегистрированных (как это было в других лагерях), в Освенциме наверняка находились еще и незарегистрированные пленные (умершие во время транспортировки и т. д.), названная Гессом цифра представляется более близкой к истине. Цифра же в 70 тысяч советских пленных, уничтоженных в Освенциме, сообщенная Расселом⁴ со ссылкой на Гесса, но без точного указания источника, является мало обоснованной.

Зато все источники единодушны в отношении числа оставшихся в живых советских пленных к 17 января 1945 года, то есть накануне эвакуации Освенцима: количество таких пленных составляло 96 человек⁵.

¹ См. Friedman i Holuj, op. cit., s. 246—249.

² Friedman i Holuj, op. cit., s. 24. См. также J. Sehn, Obóz koncentracyjny i zagłady Oświęcim, Biuletyn Głównej Komisji, t. I, s. 92—93.

³ «СС в действии», стр. 307.

⁴ Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 185.

⁵ Friedman i Holuj, op. cit., а также Sehn, op. cit.

Наряду с крупными акциями по уничтожению советских военнопленных в Освенциме были зафиксированы спорадические случаи преступлений, совершенных в отношении польских пленных.

Так, например, дежурный офицер Освенцима гауптштурмфюрер Палич 15 августа 1940 года приказал группе польских офицеров целовать ему сапоги, а когда они отказались это сделать, расстрелял их¹.

23 января 1943 года к гауптштурмфюреру СС Аумейеру, лагерфюреру основного лагеря в Освенциме, подошел польский полковник Ян Карч: он просил об освобождении его из штрафной роты, в которой находился уже свыше полугода. Аумейер дал ответ через два дня: 25 января 1943 года Карча расстреляли в блоке № 11².

Фридман и Холуй упоминают о случае массового расстрела 500 польских офицеров, совершенного 20 августа 1943 года в «блоке смерти» (блок № 11)³, не сообщая, однако, ни подробностей, ни источника информации.

На огромной территории Освенцимского лагеря смерти находился также барак для английских военнопленных, тщательно изолированный от остального лагеря. Обращение с пленными там было в общем хорошее. После освобождения Освенцима Советской Армией эти англичане-пленные на вопрос, что они знают о преступлениях в Освенциме, ответили, что им ничего неизвестно, что обращение с ними было безупречным⁴.

Равенсбрюк. Этот концентрационный лагерь для женщин был построен в 1939 году. Через него прошло свыше 100 тысяч женщин, и свыше 50 тысяч из них погибли там. Газовые камеры, голод, эпидемии, антисанитарные условия существования, бесконечные «поверки» в любую, самую неблагоприятную погоду, преступные «медицинские эксперименты» — вот из чего складывался «ад для женщин» в Равенсбрюке.

В этот лагерь были заключены также медицинские сестры Советской Армии⁵.

В блоке «Мрак и туман»⁶ находились наряду с польками,

¹ Sehn, op. cit., s. 118.

² Ibid.

³ Friedman i Holuj, op. cit., s. 78.

⁴ Ibid., s. 22.

⁵ Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 212.

⁶ Под таким шифром 7 декабря 1941 года Гитлер издал распоряжение, в силу которого лица, совершившие преступление против рейха или германских вооруженных сил на оккупированных территориях, подлежали тайной высылке в Германию, а там передаче в руки полиции безопасности и СД для наказания. Распоряжение это не касалось случаев, когда смертный приговор данному лицу был уже «обеспечен». О судьбе этих вывезенных семью не извещались.

француженками и немками женщины—военнослужащие Советской Армии. В отношении их применялся самый суровый режим, и они были совершенно изолированы от остальных узниц¹. Всего через Равенсбрюк прошло около 600 женщин—военнослужащих Советской Армии. Они представляли собой сплоченную группу, отличались дисциплинированностью и личными достоинствами, «...гордые в своем отношении к [лагерным. — Ш. Д.] властям и непоколебимые как товарищи, особенно в минуты опасности»².

В Равенсбрюке уничтожены также две английские парашютистки, принадлежавшие к женской вспомогательной транспортной службе и в качестве радисток сброшенные во Франции³.

Саксенхаузен. В этом концлагере находилось около 200 тысяч узников почти из всех стран Европы, и половина их погибла. Здесь держали в заточении множество поляков, в частности (в 1939—1940 годах) профессоров Ягеллонского университета, профессоров Католического университета в Люблине, чешских профессоров и студентов. Было здесь и немало так называемых «проминентов», как именовали гитлеровцы видных политических деятелей и членов их семей (А. Запотоцкий, О. Гrotеволь, Макс Рейман, Нимёller, Даладье, Шушнig, Блюм и другие).

Саксенхаузен был также местом массового истребления военнопленных, главным образом советских.

В начале сентября 1941 года в Саксенхаузен прибыл транспорт, насчитывавший около 18 тысяч советских военнопленных, захваченных на территории Литвы и в районе Белостока. Их загнали в 8 бараков, где они жили в страшной тесноте. С момента захвата в плен эти мученики не получали никакого питания и в концлагерь попали уже полумертвыми. В течение одной недели весь этот транспорт советских военнопленных был целиком и полностью истреблен: часть пленных умерла с голода, остальные были расстреляны⁴.

Казни производились по испытанным и разработанным в Бухенвальде методам («медицинский осмотр»). Их совершали в специально построенных для этой цели бараках на

¹ «СС в действии», стр. 275.

² Из сообщения, присланного в апреле 1945 года в Международный Красный Крест бывшей узницей Каролиной Ланцкоронской (AGK, 83/ob, s. 50—51).

³ Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 246.

⁴ См. документ «Untersuchungsbericht für Oberstes Hauptquartier, Allierte Streitkräfte, Untersuchungsgerichtshof», а также показания Вилли Фейлера, антифашиста и узника лагеря Саксенхаузен (PN-12, NO-1932, dok. prok. t. XVII, s. 253, 259).

«индустриоф», рядом с которыми было поставлено 6 передвижных крематорных печей (Feldkrematorium). До 13 сентября 1941 года таким способом было уничтожено около 12 тысяч советских пленных¹. В этих массовых убийствах принимали участие следующие эсэсовцы: Кайзер, Майер, Шуберт, Геринг, Вандерен, Хельман, Гофман, Кампе, Бугдалле².

Еще до истребления первого транспорта прибыл второй, насчитывавший около 8 тысяч человек. Для них не было никаких помещений, пищи и даже воды. Поэтому всех оставили под открытым небом. Но зато были построены сторожевые вышки с пулеметами. В течение нескольких дней все эти пленные умерли от голода. Группа ранее прибывших военнопленных получила приказ — убрать трупы. Один из них пережил все ужасы и впоследствии рассказал:

«Во время моего пребывания в концентрационном лагере Саксенхаузен я видел много страшных вещей, но вот это было, несомненно, самым страшным. Человеческие создания ползали вокруг, как черви...»³.

После ликвидации этих двух крупных транспортов в Саксенхаузен продолжали поступать более мелкие партии советских пленных, которых здесь уничтожали в газовых камерах⁴. До своего уничтожения эти пленные работали в изолированной части лагеря — в так называемом «зондерлагере» — на обработке камня (предприятие «Штайнбекербайтунгсверке ДЕСТ»)⁵.

Общее число советских пленных, истребленных в Саксенхаузене, установить весьма трудно. Показания свидетелей из числа бывших узников-немцев значительно расходятся между собой. Фейлер, например, называет цифру в 26 тысяч человек, уничтоженных осенью 1941 года, а Симолка говорит о 12 тысячах жертв (за период до 13 сентября 1941 года). Третий же свидетель, Ганс Витт, определяет число этих жертв как «значительно превышающее 10 тысяч»⁶.

Обвинительный акт по делу убийц из личного состава лагерного управления Саксенхаузена упоминает о более чем 18 тысячах советских военнопленных⁷, уничтоженных осенью

¹ Показания узника концлагерей немца Гельмута Симолки (UNWCC, AGK, Informacje Obóz. № 1, s. 20).

² Ibid.

³ Показания В. Фейлера (PN-12, NO-1932, dok. prok., t. XVII, s. 259).

⁴ Ibid., s. 260.

⁵ PN-4, sten. piem., s. 489, 744.

⁶ Показания узника концлагерей Ганса Христиана Витта (UNWCC, Research Office, Documents Series № 5, IX — 1945, AGK).

⁷ «СС в действии», стр. 273.

1941 года, но один из обвиняемых, Вильгельм Шуберт, говорит, что слышал о цифре в 13 тысяч расстрелянных советских военнопленных в 1941 году¹. Останки этих многих тысяч убитых солдат были, как и в других концлагерях, сожжены в крематориях, которые работали днем и ночью.

В Саксенхаузене наряду с советскими пленными была истреблена также группа летчиков и моряков союзных армий. За период с декабря 1942 года по апрель 1943 года в руки гитлеровцев попало несколько десятков сбитых американских и английских летчиков. Поскольку «нормальный» допрос этих союзных пленных (с целью получения от них нужной военной информации), видимо, не дал ожидаемого результата, пленники эти были переданы в центральные органы гестапо в Берлине, откуда их небольшими группами выслали в Саксенхаузен. В начале мая 1943 года этих пленных загнали на пресловутый «индустрехоф» (место казней в Саксенхаузене). Понимая, что должно произойти, летчики начали громко выкрикивать свои фамилии и названия родных городов — Сен-Луи, Детройт, Лондон, Бристоль, а некоторые даже запели английский гимн. Гитлеровцы косили их пулеметными очередями. Крики и стрельба взбудоражили весь лагерь. Кровопролитие это стало известным повсюду, в частности, благодаря тому, что спустя несколько часов обмундирование расстрелянных было снято с трупов и доставлено в лагерную прачечную, а затем распределено между узниками.

Это массовое убийство власти третьего рейха попытались замять весьма своеобразным способом. В тот же день, едва была совершена казнь, в Берлине и Оранienбурге был широко распространен слух о бегстве 70 летчиков союзных армий. Население призвали оказать помощь властям в поимке беглецов. В течение нескольких последующих дней полиция, СД и СС в Берлине проверяли удостоверения личности каждого прохожего, якобы в поисках «бежавших» летчиков. Так фашисты старались замести следы преступления. Разумеется, позднее можно было, по старому испытанному методу, объявить, что летчики были «убиты при попытке к бегству» или же «ввиду оказания сопротивления». Однако палачи допустили явную неосторожность: они своевременно не ликвидировали всех свидетелей преступления из числа заключенных. Некоторые из них выжили.

Непосредственную ответственность за это убийство несут комендант лагеря Кайндль, его заместитель Грюнвальд, его второй заместитель Кольб, высший офицер СС Вагнер, а также

¹ «СС в действии», стр. 270.

непосредственные исполнители экзекуции Мёллер, Бирке, Свен и другиеunter-офицеры СС¹.

В 1944 году в штрафную рогу лагеря Саксенхаузен были отправлены 14 военнопленных-англичан, членов экипажа миноносца (или подводной лодки), которые высадились в Норвегии и были там схвачены гитлеровцами. Их заставляли работать сверх меры: они маршировали ежедневно по 50 километров, часто с грузом в 10—15 килограммов. Установлены две фамилии из 14: Эндрю Уэст из Эдинбурга и Джек Кокс из Уэльса. Двух других спустя некоторое время передали в «зондерлагерь» в Натцвейлере (Эльзас), который «прославился» как самый худший из концлагерей. Вместе с узниками различных национальностей, в том числе поляками, русскими, чехами, норвежцами и немцами, этих двух англичан заставили работать в каменоломнях².

Штуттгоф. Расположенный в 36 километрах от Гданьска, концентрационный лагерь в Штуттгофе был основан в 1939 году как «лагерь для гражданских пленных» («Zivilkriegsgefangenenlager») и предназначался для политических узников-поляков. Но в 1942 году название лагеря было изменено, и он стал именоваться концентрационным лагерем. Через Штуттгоф прошло 110 тысяч заключенных, погибло здесь 65 тысяч человек³. Лагерь освобожден войсками Советской Армии в мае 1945 года.

В Штуттгофе наряду с десятками тысяч гражданских заключенных гитлеровцы держали также военнопленных, в том числе значительное количество советских. Судьба их была очень тяжелой. Лукашевич сообщает факты удушения газом в 1944 году группы из 50 советских инвалидов, обманом захваченных в газовые камеры под предлогом помещения в лазарет; расстрела в 1943 году двух женщин — врачей Советской Армии; частых расстрелов советских парашютистов — мужчин и женщин — на рубеже 1943—1944 годов⁴.

В период Варшавского восстания в Штуттгоф было доставлено большое число жителей Варшавы, в том числе много повстанцев — мужчин и женщин. Были направлены сюда и 40 связисток Армии Крайовой, одетых в военное обмундиро-

¹ Показания В. Фейлера (PN-12, NO-1932, dok. prok., t. XVII, s. 257—260).

² Показания Ганса Христиана Витта (UNWCC, Research Office, Documents Series № 5, IX — 1945, AGK).

³ Z. Lukaszewicz, Obóz koncentracyjny Stutthof (Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce, t. III, Poznań, 1947, s. 82).

⁴ Ibid.

вание. Первоначально с ними обращались как с военнопленными, но уже некоторое время спустя пленницы были лишены прав, вытекающих из статуса военнопленных, и к ним стали относиться как к обычным узницам¹.

На территории концлагеря Штуттгоф действовала подпольная организация польского движения Сопротивления. Одним из ее руководителей являлся подпоручик Казимеж Русинек (ныне вице-министр культуры и искусства ПНР), неожиданно вывезенный из олага ПА в Пренцлау и после долгих мятарств заключенный в Штуттгоф². С этой организацией сотрудничал находившийся некоторое время в Штуттгофе капитан Каштелян: он обслуживал коротковолновый передатчик и радиоаппарат, вмонтированный в стену помещения склада, куда был назначен на работу. Каштелян, как уже указывалось, был казнен в 1942 году в Кенигсберге. Это был «человек очень правильный, настоящий гражданин и хороший товарищ, он оказывал организации большие услуги и был с нею в контакте с 1940 года»³.

В Штуттгофе имела место попытка организации массового побега почти 150 «польских партизан», которых 21 или 22 декабря 1944 года отправляли на ликвидацию в крематорий. В тот момент, когда их, закованных в кандалы, вели мимо столовой, они неожиданно бросились бежать. Конвоиры и охрана, стоявшая на сторожевых вышках, открыли шквальный огонь и убили на месте около 15 человек, остальных схватили, затащили в газовые камеры и там умертили⁴.

В начале 1944 года в филиал Штуттгофа, находившийся в трех километрах от основного лагеря, заточили отряд норвежских полицейских в количестве 350—400 человек. Поначалу к ним в этом так называемом «лагере для германцев» («Germanenlager») относились с известной предпочтительностью: они пользовались относительной свободой за проволокой и состояли на эсэсовском довольствии. Но едва они отказались от перехода на службу в СС, отношение к ним резко изменилось: их отправили на тяжелые работы, перевели на общелагерное питание и применили режим, являвшийся «нормальным» для всех узников Штуттгофа⁵.

¹ 31 августа 1944 года из лагеря в Прушкове прибыл транспорт, насчитывающий свыше 3 тысяч мужчин и женщин. 29 сентября того же года прибыл второй транспорт с 1200 мужчин из Варшавы, среди которых было много повстанцев. Примерно в это же время были доставлены и связистки Армии Крайовой (Z. Łukaszkiwicz, op. cit.).

² Устное заявление д-ра Т. Кулаковского автору.

³ Заявление К. Русинека от 2 февраля 1957 года (AGK).

⁴ Показания Г. Вея, немецкого антифашиста, узника Штуттгофа; (Akta procesu T. Meyera, t. IV, s. 29, AGK).

⁵ Показания Г. Вея (ibid.).

После войны состоялся ряд процессов над начальниками и сотрудниками гитлеровских концлагерей. Особо отметим процесс 42 обвиняемых из лагерной команды Даахау, поскольку обвинительный акт инкриминировал им, кроме пыток и убийства гражданских заключенных, также и то, что они «умышленно и злорадно подстрекали, помогали и участвовали в по-рабощении военнослужащих вооруженных сил тех наций, которые находились тогда в состоянии войны с рейхом, хотя эти военнослужащие, попав в плен, были безоружными военно-пленными под опекой тогдашнего германского государства; что [пленные. — Ред.] подвергались жестокостям и мучениям, включая сюда убийство, избиение, унижение достоинства и издевательство. И хотя имена и число этих пленных точно не известны, однако они составляют многие сотни людей»¹.

Американский военный суд, приговорив 36 из 42 обвиняемых к смертной казни, нарисовал фон картины преступлений, а также указал на сообщников эсэсовских палачей из Даахау (и, бесспорно, всех иных лагерей уничтожения), которых не оказалось тогда на скамье подсудимых:

«Многие действия, совершенные в Даахау, имели явную санкцию высоких чиновников тогдашнего правительства рейха, равно как и фактических законов и обычаев, установленных этим правительством. Суд полагает, что если суверенное государство становится над признанным и установленным международным правом и с готовностью нарушает цивилизованные обычай гуманного и достойного обращения с людьми, то в этом случае лица, осуществляющие подобную политику, должны нести ответственность за свое участие в попрании международного права, а также обычаев и законов человечности»².

Явную вину и соучастие германских военных органов, которые, выдавая военнопленных в руки палачей из СД, создали возможность засылки пленных в концентрационные лагеря и истребления их там, констатировал приговор по процессу над шефом ВФХА Освальдом Полем (PN-4):

«Со времен римских императоров, которые, возвращаясь с войны, приковывали военнопленных к своим триумфальным колесницам, еще не было случаев столь бесчеловечного обращения с взятыми в плен в бою воинами, какое выявил доказательственный материал по данному процессу»³.

¹ «Trial», 3590-PS, t. XXXII, s. 417.

² Ibid.

³ PN-4, sten., s. 7977—7978.

ПРЕСТУПНОЕ «СОТРУДНИЧЕСТВО» ВЕРМАХТА С ОПЕРАТИВНЫМИ ГРУППАМИ СД

Результаты «деятельности» оперативных групп и эйнзатцкоманд СД на Востоке выражаются страшными, потрясающими цифрами, хотя дело это трудно поддается учету. Около 2 миллионов замученных и уничтоженных евреев, сотни тысяч истребленных представителей советской интеллигенции, коммунистов, партийных работников, партизан и различных «подозрительных» лиц — таков итог их «деятельности» в «гражданском» секторе. А как обстоит дело в «военном» секторе? Сколько военнопленных было «отобрано» и уничтожено оперативными группами и эйнзатцкомандами? Сколько истребил вермахт «своими силами»?

На совещании 5 декабря 1941 года в Берлине между начальником АВА генералом Рейнеке и начальником гестапо Г. Мюллером последний огласил несколько важных цифр, относящихся к «отбору», проведенному эйнзатцкомандами в течение трех с половиной месяцев (начиная с 17 июля 1941 года — даты издания «Оперативного приказа № 8»).

По данным Мюллера, эйнзатцкоманды «отобрали» в общей сложности «всего» 22 тысячи советских пленных, из коих ликвидировали 16 тысяч человек¹.

Трудно предположить, чтобы эти названные в конфиденциальной беседе между Мюллером и Рейнеке цифры — 22 тысячи «отобранных» и 16 тысяч уничтоженных — охватывали на 5 декабря 1941 года всех уничтоженных советских пленных на тех территориях, где действовали эйнзатцкоманды. По всей вероятности, данные эти относились к лицам, «отобранным» в лагерях для пленных, расположенных на территории рейха. Весьма сомнительно, чтобы они охватывали польское «генерал-губернаторство» и «имперские комиссариаты» на Востоке и уж тем более тыловые районы действующих войск. Не подлежит сомнению, что количество пленных, уничтоженных на протяжении этого времени в результате деятельности эйнзатцкоманд, в несколько раз выше тех цифр, которые привел Мюллер.

Деятельность оперативных групп и эйнзатцкоманд — это одна из наиболее омерзительных страниц в истории преступлений, совершенных гитлеровской Германией в период второй мировой войны. У сотрудников эйнзатцкоманд было только одно задание: уничтожать определенные категории гражданского населения, «вылавливать» и истреблять определенные категории военнопленных, принимать от вермахта пленных с целью пытать и убивать их. Опуская этот последний

¹ PN-12, NOKW-147, dok. prok., t. XVI, s. 9.

аспект деятельности эйнзатцкоманд, где роль их выглядит более или менее пассивной (ибо эйнзатцкоманды выступают здесь исключительно в качестве наемного палача вермахта), мы должны поставить вопрос: как выглядит вермахт в свете своей собственной «активной» деятельности? «Не могу представить себе, чтобы какой-либо армейский офицер, хорошо знающий миссию и значение эйнзатцкоманд, мог сотрудничать с ними каким-либо образом...» — напыщенно утверждал бывший начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер, выступая в качестве свидетеля на процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других¹.

Начальник АВА генерал Рейнеке утверждал после войны, что он знал по «общим разговорам» об имеющемся стремлении «устранить» русских комиссаров, но в отношении «отобранных» он слышал — и «Кейтель всегда подтверждал это», — что они «используются самыми различными способами». Своему шефу вторил и подполковник Крафт из Управления по делам военнопленных, который — также после войны — «предполагал», что при отборе «политически нежелательных» речь шла лишь об «...исключении их влияния на других пленных». Он утверждал далее, что по принципиальным причинам АВА было против практики «отбора». Правда, передача советских военнопленных СД за проступки, не подлежащие наказанию в дисциплинарном порядке, имела место, но, по мнению Крафта, это были только «...репрессалии за такое же обращение (!) с немецкими пленными», и, несмотря на все старания АВА, подобного положения вещей не удалось изменить до самого конца войны².

Гальдеру, который «возмущался» деятельностью оперативных групп, эйнзатцкоманд и зондеркоманд, «осуждая» ее, вторили и другие офицеры вермахта. Все они пытались обелить себя утверждением, что вермахт ничего не знал о подобной деятельности оперативных групп и эйнзатцкоманд и не сотрудничал с ними, а если бы знал, то не потерпел бы ее.

Исключая из нашего рассмотрения деятельность эйнзатцкоманд в отношении гражданского населения как не входящую в рамки данной работы³, мы утверждаем, что преступ-

¹ PN-12, sten., s. 2110.

² Ibid., NO-1968 (показания генерала Рейнеке), а также PN-12, sten., s. 1632, 1637—1638.

³ Здесь мы имеем право сказать, что истребление миллионов лиц из числа гражданского населения, осуществленное оперативными группами и эйнзатцкомандами прежде всего в оперативных районах действующих войск, а также на территории рейха и «генерал-губернаторства», не могло бы иметь места без молчаливого согласия, а порой и активного сотрудничества вермахта.

пления эйнзатцкоманд в отношении советских военных комиссаров и других «нежелательных» оказались бы невозможными без активного участия армии: без такого «сотрудничества» нельзя было проводить «отборы», «чистки» и казни. Об этом свидетельствуют директивы ОКВ и ОКХ. Это подтверждается также приказами отдельных армейских командиров. Это доказывается и «оперативными приказами» их сообщников из СД, о чем говорилось выше.

Основным доказательством в этом вопросе является соглашение Вагнер — Гейдрих, разработанное в ОКХ и в форме приказа переданное в войска 28 апреля 1941 года. А ведь Вагнер был генерал-квартирмейстером ОКХ, его непосредственным начальником являлся Гальдер, который «ничего не знал» о деятельности оперативных групп СД и потому «осуждал» ее... после проигранной войны.

Однако мы помним, что на описанном нами совещании Рейнеке и Мюллера 5 декабря 1941 года последний информировал начальника АВА о 22 тысячах «отобранных» и 16 тысячах уничтоженных «нежелательных». Разве после этого не ясно, что «опекун пленных» Рейнеке вполне отдавал себе отчет в том, какая судьба ожидала эти 22 тысячи человек, не говоря уже о 16 тысячах просто истребленных? Попытка же Крафта изобразить «передачу пленных в руки СД» как некую «репрессалию» не выдерживает критики при сопоставлении ее с тем фактом, что и соглашение Вагнер — Гейдрих, заключенное в апреле 1941 года, и «Распоряжение о комиссарах» от 8 мая того же года, предусматривавшее, в частности, участие СД в «отборе» комиссаров, были изданы еще до начала военных действий, когда вообще не существовало никаких поводов для «репрессалий».

Дальнейшими доказательствами того, что командование вермахта сотрудничало с оперативными группами и инспирировало их преступления, служат приказы ОКХ (генерала Вагнера) от 24 июля и 5 октября 1941 года, «Распоряжение о комиссарах» ОКВ, «Оперативные приказы» 8, 9 и 14 Гейдриха и, наконец, организация института связных начальника полиции безопасности при «начальниках военнопленных» в I военном округе и в «генерал-губернаторстве». Направляя эйнзатцкоманды на территорию их будущей «деятельности», РСХА передало им только дислокацию шталагов (в I военном округе и «генерал-губернаторстве»), поскольку само еще не знало размещения дулагов в оперативных районах действующей армии. А чтобы подчиненные не оставались «в неведении», оно отослало командиров отдельных эйнзатцкоманд непосредственно к управлению генерал-квартирмейстера ОКХ, сообщив им номер телефона специальной

армейской связи и фамилию офицера (Анна-757, капитан Зонн), где давалась информация по этому вопросу¹.

О совместных действиях вермахта с аппаратом безопасности (в оперативных районах ОКХ и на территории, под контролльной ОКВ) свидетельствуют многочисленные приказы и донесения. Так, 17 октября 1941 года командиру эйзатцкоманды 10-б Перстнеру было велено впредь подчиняться приказам начальника тыла 11-й армии, что он не замедлил сделать².

Командир эйзатцкоманды 4-б, входившей в состав оперативной группы «Ц» (17-я армия), Вальтер Хенш показал на процессе по делу фельдмаршала Лееба и других, что существовало тесное сотрудничество между его эйзатцкомандой и полевыми и местными комендатурами вермахта на тыловых территориях этой армии: армия посыпала в эйзатцкоманду своих офицеров связи, проводились совместные совещания с командованием армии, согласовывались вопросы экзекуций и т. д.³

«Невозможно представить себе, — под присягой утверждал Хенш, — чтобы любое явление, касающееся деятельности эйзатцкоманды, не было известно соответствующим военным властям, чтобы любое действие не было обсуждено вместе с ними или было выполнено без согласования с ними»⁴.

Сотрудничество оперативной группы «А» с вермахтом было систематическим и длительным. Как подчеркивается в донесении этой группы от 2 января 1942 года, в местах дислокации командования оперативной группы «А» проводились регулярные совещания с представителями различных военных органов «по вопросам локального значения»⁵.

Бывший командир оперативной группы «Д» при 11-й армии Отто Олendorф на процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других категорически утверждал, что армия в своем оперативном районе имела полную полицейскую власть и вся деятельность группы «Д» находилась под ее контролем, что армия постоянно получала донесения от оперативной группы и даже непосредственно отдавала ей приказы о проведении экзекуций⁶.

Начальник штаба 4-й армии (группа армий «Центр») генерал Рёттигер заявил, что отряды СД, действовавшие в оперативном районе этой армии, в связи с совершенными ими

¹ PN-12, NO-3414, dok. prok., t. XV, s. 189.

² Ibid., NOKW-1765, NOKW-1869, sten., s. 1090.

³ Ibid., sten., s. 1489—1501.

⁴ Ibid., NO-4567, s. 1181.

⁵ Ibid., NO-2834, s. 1105

⁶ Ibid., sten., s. 9275—9277.

массовыми преступлениями против евреев и других людей были выведены из этого района по приказу командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Клюге, поскольку их деятельность из-за возмущения населения создала опасность для армии¹.

Возможно, что заявление это соответствует истине. Однако независимо от того обстоятельства, что это мог быть только один-единственный известный нам факт отстранения эйнзатцкоманд от деятельности на каком-то участке оперативного района, существенным элементом процитированного заявления надо считать то, что военные власти знали все о деятельности СД в оперативных районах армий вермахта.

Нюрнбергское гестапо, информируя 24 января 1942 года гестапо в Мюнхене о работе эйнзатцкоманды в Нюрнберге, которая уже «отобрала» 2009 советских пленных и отправила их в концлагеря для «зондербехандлунг», отмечало: «Сотрудничество с «начальником военнопленных» в XIII военном округе генерал-майором Шеммелем отличное. До сих пор не обнаружилось каких-либо трудностей»².

В некоторых случаях рапорты оперативных групп говорят даже о «сердечном сотрудничестве» с вермахтом (например, между оперативной группой «А» и 4-й танковой группой генерала Гёпнера). На процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других командующих группой армий «Север» фельдмаршал Лееб, пытаясь объяснить этот случай, заявил, что здесь речь шла о «сердечном сотрудничестве» в борьбе с партизанами³.

Но факт остается фактом: наряду с терпимостью и сотрудничеством с эйнзатцкомандами в области их подлинной «деятельности» вермахт пользовался их услугами также и при подавлении партизанского движения, поручая отрядам СД и тайной полевой полиции опрос и проведение следствия в отношении пленных-партизан, сопровождавшегося пытками и убийствами.

Знаменательным аргументом признания германскими командирами «полезности» деятельности эйнзатцкоманд были предложения о награждении отдельных представителей органов СД за участие в «подавлении партизан». Так, например, фельдмаршал Кюхлер после боя под Добней наградил начальника одной из эйнзатцкоманд д-ра (!) Зандбергера медалью⁴, а командование группы армий «А» 16 декабря 1942 года обратилось к командованию группы армий «Дон»

¹ Affid. gen. Röltigera, 28. XI. 1945 («Trial», 3714-PS, t. XXXII, s. 479—480).

² PN-12, R-178, dok. prok., t. XVI, s. 181.

³ Ibid., sten. s. 2390.

⁴ Ibid., sten., s. 2972.

с предложением обсудить возможность награждения оперативной группы «Д» «Железным крестом» 2-го класса «за участие в боях с партизанами в Крыму»¹.

Ясно, что только в условиях такого «сердечного сотрудничества» с вермахтом оперативные группы и эйнзатцкоманды могли выполнять свою «миссию».

Убийство «нежелательных» было одним из аспектов борьбы рейха с внешним «идеологическим противником». Провозглашенное в марте 1941 года и осуществлявшееся с первых же дней нападения на Советский Союз (22 июня 1941 года), оно представляло собой неотъемлемую часть национал-социалистской программы, проводившейся в жизнь на внутреннем фронте с момента захвата Гитлером власти в самой Германии (30 января 1933 года).

Концентрационные лагеря, истребление коммунистов, профсоюзных деятелей, пацифистов, преследование евреев и священников в Германии — все это возвещало наступление более позднего периода убийства «нежелательных» в ходе войны. Уничтожение немецких коммунистов продолжалось до конца второй мировой войны, и оно находило поддержку среди высокопоставленных чинов в руководящих кругах вермахта. Об этом, в частности, свидетельствует случай, связанный с крейсером «Корморан». В приказе от 19 апреля 1945 года (!) гроссадмирал Дениц потребовал от своих подчиненных адмиралов и офицеров, чтобы они повышали в чинах «смелых и обладающих сильным характером» моряков. В качестве иллюстрации в приказе приводится «образец» такого «сильного характера»:

«...В одном лагере для немецких военнопленных с вспомогательного крейсера «Корморан» некий обер-фельдфебель, являясь старостой лагеря, заметил, что среди пленных начинают действовать коммунисты. Что он сделал? Обдуманно и незаметным для охраны способом ликвидировал их». Дениц пообещал, что по возвращении этого обер-фельдфебеля из плена он повысит его, а свой приказ закончил следующими словами: «...Таких людей на фронте много»². С выводами господина гроссадмирала можно лишь согласиться. Именно воспитанная в таком духе армия могла — в идеологическом крестовом походе против коммунистов и других «нежелательных» — совершить как самостоятельно, так и в сотрудничестве с оперативными группами СД преступления, которые лишили каждого ее военнослужащего права считаться честным солдатом.

¹ PN-12, NOKW-3402, s. 4222.

² «Trial», 650-D, v. XXXV, p. 309, а также v. XIII, p. 394, 399, 473.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующий вывод.

Деятельность оперативных групп и эйнзатцкоманд СД — это одна из самых мрачных страниц в истории человечества вообще, а в истории войн особенно. Бесчинствовали они, в частности, и на территориях, находившихся исключительно под контролем вермахта. В районах, где осуществлялось гражданское управление, оперативные группы и эйнзатцкоманды находили поддержку или в крайнем случае встречались с пассивной позицией высших военачальников. Благодаря такому положению и стали возможными зверские преступления в отношении гражданского населения. «Дополнительная» деятельность оперативных групп в лагерях для военнопленных также оказалась возможной лишь благодаря участию и помощи вермахта. Непосредственная и наибольшая ответственность вермахта за деятельность отрядов СД в войсковых оперативных районах и в лагерях для пленных, равно как и общая моральная ответственность за эту деятельность в районах, находившихся под контролем гражданской администрации, не подлежат сомнению.

После второй мировой войны состоялось несколько судебных процессов над немецкими генералами за допущенные подчиненными им войсками военные преступления, в особенности за соучастие в преступлениях, совершенных отрядами СД. Никто, даже адвокаты обвиняемых генералов, не был в состоянии поставить под сомнение действительно имевшие место «отборы» пленных и их уничтожение, равно как и массовые убийства среди гражданского населения, совершенные оперативными группами. Защита подсудимых сводилась лишь к поискам аргументов для доказательства того, что:

- а) войсковые командиры не имели никакой власти над оперативными группами и эйнзатцкомандами, действовавшими на подконтрольных им территориях;
- б) командиры *не знали* ни о массовых экзекуциях гражданских лиц, ни о судьбе «отобранных» пленных;
- в) если бы командиры даже и знали это, то они ничего не могли бы сделать, поскольку оперативные группы подчинялись Гиммлеру, а не им.

На процессах, о которых идет речь, из уст генералов не раз слышались слова, что если бы они знали, что творят оперативные группы и эйнзатцкоманды, то «...не допустили бы их деятельности и разоружили бы этих убийц». Но так говорилось со скамьи подсудимых, когда господам генералам надо было спасать собственные головы.

Независимо от юридического аспекта и уголовной ответственности в связи с вопросом о сотрудничестве между вер-

махтом и оперативными группами непреходящее значение имеют определенные утверждения и оценки, сделанные на процессах немецких фельдмаршалов и генералов.

Даже защитники подсудимых генералов терялись перед безмерностью преступлений оперативных групп. «Человечество стоит потрясенное перед лицом деятельности этих формирований», — говорил д-р Белинг, защитник фельдмаршала Кюхлера на процессе по делу фельдмаршала Лееба и других, стараясь одновременно облегчить положение генералов утверждением, будто они «не знали», что творили отряды СД¹.

Весьма характерны запоздалые сожаления и оценка «отборов», «чисток» и передачи советских военнопленных в СД со стороны соавтора этой процедуры, начальника АВА генерала Рейнеке:

«Что касается передачи пленных в руки СД, то я всегда высказывал мнение, что, согласно Женевской конвенции, забота о пленных — это исключительно дело вермахта и что передача пленных [в СД. — Ред.] находится в противоречии с упомянутым международным соглашением. Относительно же русских мне всегда разъясняли, что они не подписали и не хотели подписать конвенцию. Во всяком случае, с Россией такого соглашения не было. Однако, несмотря на все это, я убежден, что *передача пленных в руки СД находилась в противоречии с международным соглашением, которое мы подписали со всеми другими государствами* [курсив наш. — Ш. Д.]. Несомненно, что было бы лучше для военного командования, как и для пользы будущего Германии, если бы эта передача не имела места, а русские пленные чувствовали бы себя намного лучше под надзором вермахта, нежели под надзором СД»².

Об отношении вермахта к военнопленным, об отборах и казнях говорил на процессе главных немецких военных преступников заместитель главного обвинителя от США Томас Додд:

«Разве можно забыть, что в течение всей войны гестапо проверяло лагеря для военнопленных в поисках евреев и коммунистов, которых затем преднамеренно умерщвляли...

Местные отделения гестапо в Мюнхене, Регенсбурге, Фюрте и Нюрнберге сортировали военнопленных... на группы, которые необходимо было отправить в Дахау для ликвидации их охраной СС, и... эти отделения гестапо подверглись кри-

¹ PN-12, sten., s. 2693.

² Показания под присягой генерала Рейнеке 11 февраля 1947 года в Нюрнберге (PN-12, NO-1968, dok. prok., t. 1, s. 105—106).

тике со стороны главного командования [вермахта. — Ред.] за то, что они не сумели провести эту сортировку так эффективно, как этого желало главное командование [курсив наш. — Ш. Д.]. Это один из наиболее ясных случаев предумышленного и преднамеренного убийства военнопленных в нарушение норм международного права. Это, безусловно, демонстрация законченной жестокости по отношению к военнопленным со стороны ответственных за это организаций»¹.

Заметим, что единственной «ответственной» за обращение с военнопленными организацией, о которой упоминал американский прокурор, были германские вооруженные силы — вермахт.

ДИСКРИМИНАЦИЯ И УНИЧТОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ-ЕВРЕЕВ

Дискриминация и убийство пленных-евреев представляют собой особый раздел в истории преступлений германских вооруженных сил и одну из составных частей акции истребления «нежелательных».

Отношение вермахта к пленным-евреям было отображением отношения третьего рейха к еврейскому вопросу в целом. Ловкое и лишенное щепетильностей жонглирование лозунгами расовой ненависти, игра на самых низменных инстинктах толпы путем пропаганды антисемитизма были одним из факторов, которые привели национал-социалистскую партию к власти. Дискриминация в отношении немецких евреев, объявление их вне закона, грабеж имущества и унижение достоинства — все это являлось прелюдией к плацдармному и тотальному истреблению еврейского населения во всей оккупированной Европе. Очередными этапами этой истребительной политики после 1 сентября 1939 года [то есть после нападения на Польшу. — Ред.] были следующие: «маркировка» евреев желтыми нашивками на одежду, изоляция в многочисленных гетто, рабский каторжный труд, голод, «выселение» в лагеря уничтожения, газовые камеры, крематорные печи, а на оккупированной территории СССР — массовое истребление на местах, проводившееся оперативными группами СД.

Вполне понятно, что без поддержки вермахта оперативные группы СД не смогли бы осуществить истребление миллионов людей ни в оперативных районах, подконтрольных военным властям, ни на территориях, где существовало гражданское управление и где наряду с органами власти, подчиненными «имперским комиссарам» или «генерал-губер-

¹ «Нюрнбергский процесс», т. VI, стр. 640.

натору», наиболее важным фактором в ходе войны были дислоцировавшиеся там соединения вермахта. Вермахт всюду создавал «щит» для убийц из СД. Истребление евреев-военно-пленных также не могло бы иметь места без активного соучастия армии.

Чтобы понять ту роль, до которой скатились германские вооруженные силы, нельзя забывать, что в процессе фашизации вермахта «расовый» фактор имел немалое значение.

Еще 12 марта 1934 года военный министр третьего рейха начал «ариизацию» армии. Военный закон от 21 мая 1935 года устанавливал, что для прохождения действительной военной службы непременным условием является «арийское» происхождение, что только «арийцы» могут занимать командные должности. Закон этот запрещал военным заключать браки с «неарийками».

В этот закон позднее был внесен ряд поправок. Поправка от 26 июня 1936 года придала § 15 закона от 1935 года такой смысл: «Еврей не может отбывать действительную военную службу, метисы [то есть лица смешанного происхождения. — Ред.] не могут занимать командные посты в армии». 8 апреля 1940 года Кейтель удалил из армии всех «метисов I категории, а также немцев, остающихся в супружеской связи с «метисами I категории» или еврейками, позволив остаться в армии лишь «метисам II категории» и немцам, женатым на «метисках II категории», но... без права повышения по службе.

В 1939—1945 годах «чистый» с расовой точки зрения «арийский» вермахт воевал против коалиции антигитлеровских армий, в рядах которых сражалось около миллиона евреев, а равно неисчислимое множество «метисов I и II категории», и это, как известно, не принесло победы гитлеровской Германии.

Но определенное число этих солдат-евреев, к сожалению, попало в германский плен. Какая же судьба постигла их?

Польские пленные-евреи в 1939—1940 годах

Сведения, которыми мы располагаем о пленных-евреях, солдатах польской армии во время сентябрьской кампании, весьма скучны. Имеющиеся данные указывают на то, что солдаты-евреи подвергались дискриминации с первых же минут захвата в плен. Как правило, при первом же допросе задавался стереотипный вопрос: «Еврей?» И в случае утвердительного ответа происходило немедленное отделение евреев от их товарищей по оружию. Судьба таких «отделенных» еще не совсем установлена. Многие попадали вместе со всеми в штабаги и олаги, причем в некоторых случаях судьба таких лиц была трагической.

В октябре 1939 года в Жирадове польские военнопленные из числа участников обороны Варшавы, расположившиеся на площадке возле железнодорожных мастерских, заметили грузовик с солдатами-евреями, которых конвоировали избивавшие их немецкие солдаты. Дальнейшая судьба этих евреев неизвестна¹.

Обычно в лагерях проводилась изоляция евреев-солдат от их товарищей по оружию — поляков. Изоляция эта не везде начиналась в одно и то же время: в некоторых лагерях ее предпринимали в первый же день по прибытии, в других (особенно там, где пленные были распылены по различным рабочим группам) она проводилась лишь после сосредоточения евреев в более крупном лагере.

В ноябре 1939 года в Конине Жаганском отбор пленных евреев был проведен немедленно по прибытии транспорта с несколькими тысячами польских военнопленных. «Отобранных» поместили в отдельной палатке. В этом лагере, где вообще царил очень суровый режим, издевательство над евреями приобрело особенно дикие формы. Во время работ (пленные были заняты на строительстве будущего застенка — штала ГВПС в Жагани) охранники и конвоиры подгоняли пленных палками, били и издевались самыми различными способами. Пленные-евреи даже в этом были «отмечены» особым «вниманием»².

Вот фрагмент воспоминаний пленного офицера из дулага в Старгарде, который видел пленных-евреев, изолированных от своих товарищей — поляков и помещенных в отдельном дворе:

«Выглядели они исключительно жалко. Вообще физически более слабые, менее приспособленные к холodu, а возможно, и хуже питающиеся, они сновали как тени. Охранники строили их в шеренги ударами палок и пинками».

Вид избиваемых подчиненных и чувство бессилия продиктовали офицеру слова, полные горечи:

«Снова глядим на это через проволоку, мы, их офицеры. Смотрим так, как смотрели на польского мальчика, избиваемого в нашем присутствии немцем. А прежде через ограду казармы в Радоме мы смотрели, как немцы били по лицу женщин. Глядели мы на все это тогда и смотрим сейчас. Мы, офицеры. Мы, солдаты. Мы, сильные, здоровые мужчины.

¹ Устное сообщение бывшего военнопленного капитана Ст. Еленты автору.

² Согласно показаниям бывшего узника Конина, Жагани и других лагерей Доминика Мартыны, служившего до плена взводным командиром роты аэростатов воздушного заграждения (AGK).

Которым поверили. Мы, которые должны были защищать их! Мы понимаем теперь, что представляют собой наши мундиры и погоны, если у нас уже нет оружия. И чем стала утраченная солдатская гордость. И что такое банальности о «позоре пленя»¹.

В шталаге VIIA в Мосбурге (около Мюнхена) на рубеже 1939—1940 годов евреев заставляли носить на обмундировании красные заплатки, их беспощадно избивали и использовали на самых тяжелых и грязных работах, особенно на очистке выгребных ям. В палатах, где «квартировали» пленные, гитлеровцы установили строжайшее разделение: евреи занимали одну сторону палатки, а поляки другую. Всякая связь между ними была строго запрещена.

Несомненно, что одной из целей этого издевательства над рядовыми-евреями было желание настроить против евреев их «арийских» товарищей. Но этой цели гитлеровцы не достигли ни в Мосбурге, ни в каком-либо другом польском шталаге или дулаге. Как раз наоборот. Были факты вмешательства и попытки защитить преследуемых. Весьма вероятно, что это обстоятельство и склонило гитлеровцев к радикальному отделению евреев от поляков путем «освобождения» первых из плена, о чем речь пойдет ниже.

Заслуживает упоминания тот факт, что в отношении пленных-евреев (рядовых солдат) — граждан других государств применение этой мерзкой практики было более редким явлением (французские военнопленные-евреи) или почти вовсе не имело места (англосаксы). Так, например, в шталаге XVIIIB в Гнейксендорфе (около Кремса, в Австрии), где были сосредоточены французские солдаты, «особых преследований» на расовой почве не было².

При всем том указанные факты не являлись железным правилом.

22 июня 1940 года гитлеровцы собрали польских военно-пленных (в количестве нескольких тысяч), разбросанных по различным лагерям и рабочим командам, в местности Стаблак, неподалеку от Прейсиш-Эйлау, на территории Восточной Пруссии. В этом лагере наряду с поляками было сконцентрировано свыше 10 тысяч французских и бельгийских пленных. Всего в Стаблаке находилось тогда около 20 тысяч пленных. И тут, впервые в этих районах, гитлеровцы отделили пленных-евреев как среди польских, так и среди французских пленных. Евреев поместили в бараки, отгороженные от

¹ M. Sadzewicz, Oflag. Pamiętnik jenca wojennego, Warszawa 1948, s. 63.

² J. Moret-Bailly, Le camp de base Stalag XVIIIB, «Revue d'Histoire de la deuxième guerre mondiale», № 25, Janvier 1957, p. 28.

остальной части лагеря колючей проволокой. Акция была проведена со всей строгостью и скрупулезностью. Применились все «подходящие методы», вплоть до «анатомо-оптического» обследования, проводившегося гитлеровскими санитарами с целью обнаружения укрывавшихся евреев. В этом лагерном гетто царил более суровый режим, а отношение охраны было еще более бесчеловечным: нередко и в лагере избиение палками здесь было более частым. Из Стаблака евреев «освобождали» и направляли в «генерал-губернаторство» (часть была отправлена в Варшаву). В то же время большинство поляков после нескольких дней пребывания здесь были отправлены в шталаги на запад¹.

Такие же солдатские гетто были организованы и в других дулагах (например, в Старгарде), однако просуществовали они недолго, поскольку в это время было принято решение об «освобождении» пленных-евреев. На стыке 1939—1940 годов пленных-евреев из числа рядового и унтер-офицерского состава неожиданно начали «освобождать». В отношении же военнопленных-поляков этого сделано не было. Мотивы столь непонятного «благородства» тогда еще не были известны.

Садзевич, который наблюдал «освобождение» евреев еще во время пребывания в Старгарде, пишет в этой связи следующее:

«Мы были удивлены этим. Как же так: гитлеровцы, самые заклятые враги евреев, освобождают из плена именно их! Мы еще не знали тогда, что евреев освобождали из лагеря для военнопленных, чтобы направить в концентрационный лагерь и — в крематорий»².

Стыпулковский, который видел эту процедуру в шталаге VIIA в Мосбурге на рубеже 1939—1940 годов, писал:

«Их [то есть солдат-евреев. — Ш. Д.] надежды оживились, когда начали отправлять транспорты пленных евреев в Польшу — на общественные работы, как говорили, а на самом деле в гетто. Видимо, германская армия не хотела брать на себя ответственность за массовое истребление военнопленных и освобождала их из плена. Расправляясь с ними должны были германские «гражданские» власти»³.

Возвращение в феврале и марте 1940 года многих тысяч пленных-евреев вызвало громкий резонанс в «еврейских жилых районах» и немногочисленных еще тогда гетто. Об этом пишет Рингельблум:

¹ Сообщение бывшего пленного инженера Тадеуша Чаплицкого, солдата 8-й (Модлинской) пехотной дивизии (AGK).

² M. Sadzewicz, op. cit.

³ Zb. Stypułkowski, W zawieruszeziej. Wspomnienia 1939—1945, London 1951, s. 65.

«14.2.40. Прибывает много освобожденных военнопленных.

18.2.40. В последнее время вернулось из Германии 2 тысячи военнопленных — из Зигесхайма около Касселя и из Баварии. По большей части они голые.

6.3.40. Ежедневно прибывают тысячи военнопленных-евреев. Проблема одежды: им нельзя носить военное обмундирование, а гражданского у них нет!

16.3.40. В рамках акции по экипировке военнопленных итальянский офицер подарил одежду... Пленные из Бяла-Подляски прибыли в Мамтиц около Гомбина (Бранденбург). Оттуда их направили в Шубин, где была большая радость среди поляков.

16.3.40. Видел военнопленных из Алленштейна [Ольштын.—Ред.] в летних тапочках.

17.9.40. В Уяздовском госпитале лежит 700 раненых евреев при общем числе больных 1500 человек. Обращаются с ними хорошо»¹.

Однако много транспортов с «освобожденными» не дошло до места назначения: их просто истребили по дороге. Вероятнее всего, вина за это падает на СС, ибо наряду с солдатами вермахта для конвоирования «освобожденных» пленных использовались и эсэсовцы.

В одном случае гитлеровцы транспортировали пленных по железной дороге в таких нечеловеческих условиях, что некоторые из них в дороге погибли от холода. Вот соответствующее немецкое донесение:

«27-й полицейский участок. Вокзальная охрана. Лодзь, 11.1.1940.

При сем передаются конторе кладбища в Лодзе трупы тридцати польско-еврейских пленных — военных и гражданских. Эти пленные замерзли во время транспортировки из военного лагеря в Хоэнштейне (Восточная Пруссия) в Люблин...²»

В ряде случаев «освобожденных» гнали пешком. Истошенных и отстающих от колонны расстреливали на месте. Порой расстреливали и на месте ночевок. Этот способ истребления в ходе транспортировки примерно спустя полтора года был применен — в во сто крат большем масштабе — по отношению к советским военнопленным.

В селе Немце Любартовского уезда Люблинского воеводства 15 февраля 1940 года гитлеровцы расстреляли 11 пленных, которые не успевали за остальными транспортируемыми.

¹ E. Ringelblum, Notatki z getta, «Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego», Warszawa 1951, № 2, s. 100, 107, 108, 143.

² N. Blumenthal, Słowa niewinne, Kraków 1947, s. 170.

Имена большинства убитых были установлены: в карманах их обмундирования найдены документы и номера пленных. Вот их имена: Давид Зимноводский из Хшанова (шталаг XVIIС, № 3201), Шимон Герш Розен из Бендзина (шталаг XVIIВ, № 9503), Иосек Перельбергер (шталаг IVВ, № 107242), Израиль Швед из Калиша (род. в 1916 году), Айзик Цукерман из Челадзи, Бендзинский уезд (шталаг XVIIС, № 3133), Леон Ипуч (№ 3513), Т. Г. (инициалы на шинели), Игер Цигенхейн (№ 6452), Абрахам Соломонович (№ 3282), Фрадман (№ 9871), Арон Розенталь. Стремясь скрыть следы преступления, гитлеровцы заявили, что убийство это якобы совершили украинцы в немецком обмундировании. Трупы были закопаны в общей могиле на римско-католическом приходском кладбище в с. Немце¹.

Наиболее крупное по масштабам преступление в отношении военнопленных-евреев гитлеровцы совершили под Парчевом 20 февраля 1940 года, когда было убито около 350 пленных. Факт этот, широко известный в свое время, нашел свое отражение и в записках Рингельблюма. Так, 6 марта 1940 года он записал в дневнике:

«*Трагедия военнопленных из Вартегау*. Отправлен транспорт численностью более 600 человек. Община в Люблине не могла их принять, так как не располагала штатской одеждой. Их погнали дальше, в направлении Парчева, стреляли по тем, кто отставал по дороге. Пленные шли в деревянных башмаках, которые спадали с ног, многих раненых застрелили. Затем [гитлеровцы. — Ред.] загнали их в два овина... выводили партиями по 20 человек и расстреливали. Из 627 человек осталось только 287. Двадцати с лишним пленным удалось бежать... В Парчеве многие из них собирались покончить жизнь самоубийством; по пути евреи хотели взбунтоваться, поскольку было всего 13 охранников, однако им сказали, что они навлекут несчастье на всех евреев в Польше»².

Послевоенные источники подтверждают факт расстрела большой группы пленных-евреев, одетых в форму польских солдат, которых гнали в сторону Буга «с целью произвести обмен пленными с Советским Союзом». Разница здесь только в числе жертв. По одной версии³, количество убитых составляло 350 человек, захороненных на еврейском кладбище в Парчеве (три массовые могилы: две — по 150 трупов и одна — 50 трупов). По другим данным⁴, захоронено 92 человека.

¹ Ankieta Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce, «Egzekucje masowe, groby masowe. Woj. lubelskie», t. III, s. 478, AGK.

² E. Ringelblum, op. cit., s. 104.

³ AGK, «Egzekucje i t. d., Woj. lubelskie», t. VII, s. 1199.

⁴ Pismo MRN w Parczewie z 3 września 1956, AGK.

Однако здесь не приводится число расстрелянных во время транспортировки по трассе Люблин — Любартов — Семень — Парчев из той колонны пленных евреев, численность которой определялась в 800 и более человек. Конвой состоял из эсэсовцев и якобы из членов «Гитлерюгенда».

В населенном пункте Палончица Тарловской волости Любартовского уезда в феврале 1940 года на пятом километре шоссе Любартов — Парчев расстреляно 250 военнопленных (95% их составляли евреи и 5% — поляки). На остановке гитлеровцы объявили, что все евреи должны выйти из рядов, поскольку их отпускают домой. Вместе с евреями вышли несколько поляков. Всех их расстреляли, а трупы закопали в общей могиле среди кустарника в местности, именуемой Волчьи Горы, на территории Палончицы. Это массовое убийство совершили конвоиры, состоявшие из членов СС, СД и жандармерии¹.

В 1940 году (месяц точно не установлен) эшелон, в товарных вагонах которого находились пленные-евреи, был разгружен между станциями Собибур и Буг-Влодавский, а пленные здесь же расстреляны. Жертвами этого кровопролития пало несколько сот человек, которых захоронили на еврейском кладбище во Влодаве (Любельской) стараниями местной еврейской общины. Гитлеровцы приказали служащим еврейской общины записать в акте, что все жертвы погибли от холода. Часть пленных во время эвакуации спаслась бегством, и о них позаботился совет упомянутой общины. Весной 1944 года под строгим наблюдением СД могилы эти были разрыты, часть трупов вывезена в Адамполь и там сожжена².

14 декабря 1942 года в лагере на Будзыне в Краснике (Люблинское воеводство) замучены и затем повешены за ноги трое, а также расстреляны 12 пленных — офицеров(?) и солдат польской армии, предварительно доставленных сюда из лагеря для военнопленных в Люблине (ул. Липовая, 7). Казнь была совершена в отместку за связь с партизанами и за побег из лагеря. Осуществили ее эсэсовцы и «украинцы». Трупы были закопаны в лесу неподалеку от лагеря³.

Некоторое довольно значительное число пленных-евреев по недостаточно точно установленным причинам не было «освобождено» в 1940 году. Их собрали в подконтрольном СС лагере в Люблине на Липовой улице, 7, а также в Понятовой и Травниках. Число их постепенно уменьшалось за счет отправки в рабочие команды. Они просуществовали до страшного массового кровопролития в Майданеке 3 ноября 1943 года, когда наряду с 18 тысячами евреев из числа

¹ AGK, «Egzekucje i t. d. Woj. lubelskie», t. VII, s. 501.

² AGK, Akta 644/z, s. 2, 7 (zeznanie Czeslawa Głowackiego).

³ AGK, «Egzekucje i t. d. Woj. lubelskie», t. III, s. 379.

гражданского населения было убито (расстреляно) также несколько сот пленных из упомянутых выше лагерей.

Комендантом лагеря в Люблине некоторое время был д-р Дирлевангер. Среди офицеров лагерного управления остались в памяти следующие имена: фон Альфонслебен (?), Таль, Зейле, Бербекке, Гунке, Брох¹.

Офицеры-евреи в лагерях для военнопленных (оффлагах)

Офицеров-евреев гитлеровцы из плена не «освобождали». Они остались в оффлагах и выжили. Это также относится и к офицерам-евреям всех других государств, находившихся в состоянии войны с гитлеровской Германией, за исключением советских офицеров. Факт спасения этой категории евреев от смерти на фоне тотального истребления еврейского населения относится к наиболее загадочным явлениям в истории проблемы военнопленных периода второй мировой войны.

Не подлежит сомнению, что Гиммлер и весь аппарат СД со скрежетом зубовным взирали на сотни пленных еврейской национальности, которые, оказавшись за колючей проволокой лагерей для военнопленных, избегали смерти в газовых камерах. Согласно послевоенным признаниям подполковника Теодора Крафта из Управления по делам военнопленных, начальник полиции безопасности обратился в это управление с требованием выдать ему военнопленных-евреев всех государств. Однако после нескольких месяцев «борьбы» требование полиции безопасности было отвергнуто².

Несомненно, что по вопросу о судьбе этой категории пленных велись бурные дискуссии: высказывались «за» и «против» уничтожения путем передачи этой группы пленных в руки убийц из СД. Но прежде чем было принято окончательное решение, брала верх то одна концепция, то другая. Каждый раз это так или иначе отражалось на положении данной категории военнопленных, о чем речь будет ниже. Офицеров-евреев не «освободили» вместе с рядовыми (в начале 1940 года), видимо, потому, что гитлеровцы опасались, что эта категория пленных офицеров наряду с другими сможет усилить движение Сопротивления командными кадрами. По всей вероятности, именно это и повлияло на решение о временном задержании офицеров-евреев в оффлагах.

Однако «расовые» тенденции гитлеровцев требовали отделения евреев от «арийцев» даже за колючей проволокой лагерей. Наверняка здесь играли какую-то роль и другие, побочные факторы, например стремление разделить и поссорить

¹ AGK, 747/z OL., inw. № 791, s. 13.

² PN-12, sten., s. 1635.

обычно монолитную во всех лагерях офицерскую массу всех национальных категорий, одинаково настроенную в отношении оккупантов и лагерных властей.

Первые попытки организации гитлеровцами еврейских гетто в офлагах относятся к лету 1940 года. Однако вопрос о возникновении проблемы организации этих гетто не выяснен до конца. В офлагах для англичан и американцев гетто не было. Пытались ли гитлеровцы организовать их, встретились ли они с явным сопротивлением или вообще такие попытки не предпринимались, — до сих пор не установлено. В некоторых польских и французских офлагах гетто были созданы, в других — нет. Возникали гетто только на основе решения гитлеровских властей, но они никогда не являлись плодом инициативы самих пленных. Но тогда встает вопрос: почему же все-таки в одних лагерях гетто были, а в других — нет? Некоторые пленные (например, капитан Елента) в своих сообщениях склонны приписать такое положение всей личной позиции старосты лагеря по отношению к требованиям гитлеровцев, касающимся регистрации и «геттоизации» пленных-евреев. Некоторые факты подтверждают этот тезис.

В лагере Итцехо (Шлезвиг-Гольштейн) в 1940 году во время проверки было объявлено, что все евреи (разумеется, в расистском толковании этой национальности, то есть до третьего поколения, включая сюда даже поляков-католиков, у которых бабушка или дед были евреями) должны зарегистрироваться в лагерной комендатуре. Мера эта вызвала горячие дискуссии среди офицеров. Большинство их склонялось к мнению, что евреи не должны регистрироваться. При этом они формулировали свою позицию примерно в том духе, что Германия не должна вмешиваться в национальные дела польских офицеров. Это большинство высказывало претензии к тем пленным, которые подчинились приказу (осталась значительная группа незарегистрировавшихся). Уже тогда распространился слух, что проведенная регистрация была прелюдией к «геттоизации», но староста лагеря генерал-майор Зулауф заявил, что не допустит организации гетто. И действительно, в Итцехо, как и в офлаге Зандбостель, где генерал Зулауф также являлся старостой лагеря, гетто не были созданы¹.

Не было допущено создание гетто и в офлаге ХС в Любеке (международный «штрафной» лагерь для «строптивых» пленных), на что в решительной степени повлияла позиция польского старосты лагеря генерала Пискора².

¹ Согласно сообщению капитана Ст. Еленты (AGK).

² Устное сообщение капитана Ст. Еленты автору.

В то же время существовало гетто в Дёсселе, созданное на основе распоряжения ОКВ почти через девять месяцев после прибытия туда польских офицеров. Гитлеровцы пригрозили «последствиями» всем, кто не сознается в том, что он еврей. При этом отдел контрразведки оставил за собой право окончательно решать, кого считать евреем. Характерно, что по прибытии в Дёссель транспорта польских военнопленных из Любека (II и III батальоны) находившихся там евреев не стали помещать в гетто, хотя офицер контрразведки по данным картотеки знал о наличии их в этом транспорте. В результате в гетто находилась лишь часть офицеров (I батальон) ¹.

В офлаге II в Нейбранденбурге гетто было организовано в 1942 году. Гитлеровцы поименно вызывали евреев для помещения их в отдельный барак. В своих прежних скитаниях по лагерям в Ламбиновицах и Пренцлау пленные-евреи не подвергались изоляции от остальных военнопленных. Весной 1943 года группу пленных из нейбранденбургского гетто, а вместе с ними и группу офицеров-поляков, находившихся на очень плохом счету у офицеров контрразведки (всего 200 человек), перевели в олаг Дёссель. Факт отправки значительной группы офицеров-поляков вместе со своими еврейскими товарищами пленные встретили с некоторым облегчением: мера была понята так, что евреев по крайней мере не вывозят на «ликвидацию» ².

Проблему гетто в олаге IIС в Добегневе (Вольденберг), а также попытки фальсифицировать события, предшествующие созданию гетто для пленных вообще, затрагивает Марьян Брандys в своей книге «Поход в шталаг» ³. По его словам, летом 1940 года все офицеры-евреи были сосредоточены в международном дулаге в Хаммерштейне, откуда их должны были «освободить» и направить в гетто либо выслать в концентрационные лагеря. Однако по непонятным причинам гитлеровцы отказались от такого намерения. Пленных распределили по различным олагам, в частности 80 человек поместили в Добегневе в отдельном бараке (XII-а). В течение последующих лет их неоднократно тревожили «подготовкой к походу», но каждый раз послетщательной проверки, обысков и регистрации у лагерного офицера контрразведки пленные возвращались в свой барак-гетто, где и пробыли до конца войны. Брандys делает весьма обоснованный вывод, что эти повторяющиеся перетряски и регистраций

¹ AGK, GK-3139.

² Устное сообщение бывшего пленного майора Т. Кулаковского автору.

³ M. Brandy, Wyprawa do Oflagu, Warszawa 1955.

отражали попытку гитлеровцев изъять этих пленных из-под защиты Женевской Конвенции.

В других лагерях, например в Дёсселе, из кругов, близких к отделу контрразведки, тоже проникали вести о некоторых, еще не выкристаллизовавшихся замыслах относительно пленных-евреев. Ходили слухи о намерении сосредоточить их в особом лагере¹. Но и в этом случае все ограничилось слухами.

Мы уже упоминали выше, что наряду с возможной закулисной «борьбой» между Гиммлером и Управлением по делам военнопленных осуществление политики отделения евреев внутри олагов, по-видимому, имело целью сеять и ширить национальную рознь и ненависть среди офицеров, вбивать клин между отдельными группами пленных. Расчеты эти потерпели полное фиаско. Вот некоторые примеры.

Когда в штрафном олаге в Любеке гитлеровцы заставили старосту лагеря выделить специальный блок для французских офицеров-евреев, в это гетто демонстративно вошли два офицера-француза (в гражданской службе — священники). Гитлеровцы держались пассивно².

Мы уже говорили о поведении генералов Зулауфа и Пискора. Позиция офицерской массы польских олагов в вопросе о гетто независимо от личных чувств и взглядов была одинаковой. Все осуждали расовую дискриминацию и поддерживали нормальные товарищеские отношения с офицерами-евреями.

Подобное свидетельствует и Брандис, говоря о лагере в Добегневе: «...Антисемитские выходки, пользовавшиеся полной поддержкой отдела контрразведки, не смогли превратить это лагерное гетто в гетто действительное. В течение всех лет плены между бараком XII-а [где было гетто. — Ш. Д.] и остальной частью лагеря нензименно сохранялись нормальные товарищеские отношения, а лишенные передач от родственников пленные из барака XII-а получали материальную поддержку за счет посылок, передаваемых им товарищами из других бараков»³.

От этого правила отступали только немногочисленные предатели — «фольксдействие», к которым все пленные относились с презрением и которые бойкотировались остальными офицерами, а также некоторые старые члены ОНР [«Национально-радикальный лагерь» — польская фашистская организация, созданная в 1934 году. — Ред.].

М. Брандис приводит случай, произошедший с одним подпоручиком — членом ОНР, пойманым пленными «в тот мо-

¹ AGK, GK-3139.

² Устное сообщение капитана Ст. Еленты автору.

³ M. Balandys, op. cit., s. 105.

мент, когда он хотел бросить в почтовый ящик адресованный отделу контрразведки донос на товарища, скрывавшего от немцев свое еврейское происхождение»¹.

Резюмируя вышесказанное, мы можем утверждать, что регистрация и «геттоизация» офицеров-евреев в том виде, как они практиковались в отношении еврейского населения вообще, призваны были явиться первыми шагами к их уничтожению (постановка на учет, сосредоточение в одном месте, легкость «выселения» в нужный момент). Однако истребления не произошло. Этого гитлеровцы не сделали даже тогда, когда верховная власть над всеми пленными перешла (в октябре 1944 года) в руки СС. Весьма сомнительно, чтобы причина тут крылась в уважении к Женевской конвенции: гитлеровцы неоднократно попирали ее. По-видимому, здесь сыграло свою роль опасение за последствия, поскольку пленные офицеры были поименно зарегистрированы в Международном Красном Кресте.

Не подлежит никакому сомнению, что гитлеровцы нечили бы препятствий, если бы подвергшиеся сегрегации и запертые в гетто евреи пали жертвами «народного гнева» в форме самосуда, учиненного другими пленными, как это в некоторых случаях гитлеровцы умели организовывать в отношении еврейского мирного населения. Но этого фашистам не удалось добиться ни в одном из лагерей.

Убийство советских военнопленных-евреев

Одной из категорий «нежелательных» советских военнопленных, обреченных на смерть, как мы уже говорили выше, были евреи независимо от их звания. Истребление этой категории пленных, составлявшей значительный процент «нежелательных», было одним из актов тотального уничтожения евреев, осуществлявшегося на Востоке оперативными группами СД.

Официальная гитлеровская пропаганда, стараясь «обосновать» эти преступления как перед собственными войсками, так и перед «арийским» населением, ставила знак равенства между евреями и «большевистской идеологией». Поскольку целью войны по заявлениям главарей третьего рейха было уничтожение «большевистской идеологии» во всем мире, то, по мнению гитлеровцев, следовало уничтожить и еврейское население².

¹ M. Brandys, op. cit., s. 115.

² Когда же, в другом контексте, потребовалось выступить с провозглашением крестового похода против западных «плутократов», гитлеровская пропаганда, нимало не смущаясь, ставила знак равенства между «плутократами» и евреями.

В директиве ОКВ, изданной в июне 1941 года, непосредственно перед нападением на СССР, и разъяснявшей принципы проведения пропагандистской кампании среди населения и армии на будущих театрах военных действий, в частности, сказано:

«Противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно советское, еврейско-большевистское правительство с его чиновниками и коммунистической партией, стремящейся вызвать мировую революцию»¹.

О том, как гитлеровцы на практике понимали эту борьбу с «еврейско-большевистским» правительством, свидетельствует истребление всего мирного еврейского населения, включая детей и младенцев, проводившееся оперативными группами как на Востоке, так и в «имперских комиссариатах» при абсолютно снисходительном отношении вермахта к этой кровавой акции, а порой и «сердечном» содействии с его стороны.

Применительно к пленным этот курс на тотальное истребление евреев со всей откровенностью был сформулирован прежде всего в «Оперативном приказе № 8» начальника полиции безопасности и СД от 17 июля 1941 года (в известном пункте, начинающемся словами «Все евреи...»), а опосредованно, в замаскированном виде проходил красной нитью через все приказы ОКХ и ОКВ, в которых говорилось об «отборе» или «особом обращении» («зондербехандлунг») с «нежелательными», а также о «специальной миссии» оперативных групп и эйнзатцкоманд на этом «поприще».

Согласно специальному приказу генерал-квартирмейстера ОКХ генерала Вагнера от 24 июля 1941 года, пленных-евреев оставляли в оперативных районах. Отправка пленных-евреев в Германию была строго запрещена². Таких пленных вместе с другими «нежелательными» надлежало «вылавливать» в лагерях для пленных и расстреливать на месте, что на практике и делалось.

Военный врач Ганс Фрюхте, служивший в дулаге 160 в Хороле (на Украине, в тыловом районе группы армий «Юг») с сентября 1941 года по конец мая 1942 года, в своих свидетельских показаниях на процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других, в частности, заявил:

¹ «Weisung für die Handhabung der Propaganda im Fall «Barbarossa» («Trial», 026-C, v. XXXIV, p. 192).

² PN-12, NOKW-2423, dok. prok., t. IX, s. 170. В своем приказе Вагнер запрещал также отправлять в Германию всех «азиатов», что, по всей вероятности, и было причиной описанных нами выше «недоразумений», в частности расстрела в Крыму пленных-мусульман, которых ввиду обрезания приняли за евреев.

«Каждый транспорт советских пленных «просеивался» вермахтом в поисках комиссаров... Евреев отбирали и передавали в специальные лагеря, после чего СД расстреливала их... Спустя неделю мы уже знали, что целью отбора был расстрел евреев.

...Для каждого офицера и солдата было совершенно естественным делом, что расстреливали каждого еврея [курсив наш. — Ш. Д.]¹.

...Комендант лагеря в Хороле подполковник Леблер (из Штутгарта)... заявил [Фрюхте. — Ш. Д.], что он получил указание дать СД полную свободу действий в лагере и не должен вмешиваться»².

Из показаний Фрюхте явствует, что в лагере Хорол в целях истребления евреев были проведены три «отбора». Первый имел место в августе 1941 года, второй — в октябре — ноябре того же года. Оба они проводились агентами тайной полевой полиции. Третий был предпринят 15 мая 1942 года. Осуществили его сотрудники СД, а жертвами его пали 450 евреев-военнопленных и 50 «подозрительных»³.

Заявление Фрюхте было подтверждено показаниями другого свидетеля — бывшего узника этого же лагеря Х. Блюменштока, который дополнил указанные факты некоторыми подробностями. В частности, Блюменшток рассказал о приказе гитлеровцев, согласно которому пленные-евреи перед эвакуацией должны были раздеваться догола⁴.

Было правилом: если кого-нибудь из пленных, захваченных в ходе военных действий, «опознавали» как еврея, его тотчас же расстреливали на месте, не утруждая себя передачей в дулаг.

Так, например, отряд под командованием обер-лейтенанта Бутковитца из 504-го пехотного полка (291-я пехотная дивизия, группа армий «Север») 30 июня 1941 года захватил в плен 40 советских солдат. Об этом Бутковиц представил следующий рапорт: «Из числа пленных расстрелян один с

¹ Этот пункт показаний Фрюхте вызвал яростную реакцию на скамьях защиты и концентрированное наступление на свидетеля, который в своих данных под присягой показаниях подрывал один из главных тезисов защиты обвиняемых генералов. Установленные на процессе факты массовых убийств пленных-евреев, «нежелательных» и т. д., признавали обвиняемые, достойны осуждения. Но они, генералы вермахта, сидящие на скамье подсудимых, ничего об этом не знали. Д-р Фрюхте, несмотря на грубые нападки, не дал себя сбить с толку и настоял на своих показаниях.

² Показания д-ра Ганса Фрюхте (PN-12, sten., s. 9102, 9103, 9115, 9117, 9131—9133).

³ Ibid.

⁴ Ibid., sten., s. 9139.

[найденными при нем. — Ш. Д.] пулями «дум-дум», а также один еврей¹.

В июле 1941 года неподалеку от Подволочиска отряд эсэсовцев взял в плен группу солдат. Отобрав среди них солдат-евреев, гитлеровцы расстреляли их на месте².

Однако большинство пленных-евреев выявлялись лишь на территориях дулагов, а порой и шталагов в ходе «отборов», проводившихся эйнзатцкомандами СД.

Оперативная группа «Ц» 12 ноября 1941 года докладывала:

«10 октября 1941 года комендант лагеря для военнопленных в Борисполе выдал 4-й эйнзатцкоманде (входящей в оперативную группу «Ц») 357 пленных-евреев, в том числе 78 раненых, а также несколько комиссаров. 14 октября 1941 года он выдал еще 752 пленных-евреев. Все переданные нам расстреляны»³.

Привожу выдержку из донесения оперативной группы «Б», находившейся тогда в Смоленске (начальник — оберфюрер СС Нейман), за декабрь 1941 года:

«...В ходе проверки лагеря для военнопленных в Витебске выявлено 207 евреев, которых расстреляли. В ходе проверки лагеря пленных в Вязьме изъято в общей сложности 117 человек. Расстреляны»⁴.

В лагере для пленных во Владимире-Волынском, где были сконцентрированы советские военнопленные-офицеры, местная СД расстреляла в июле 1942 года 36 комиссаров и 78 офицеров-евреев⁵.

А вот донесение 713-го отряда тайной полевой полиции из Пскова от 25 августа 1942 года:

«Из шталага 372 передан 21-летний пленный-еврей Степан Крамер. Крамер неоднократно пытался склонить других пленных к совместному побегу. Его намерением было пробиться к Красной Армии или присоединиться к партизанам. В случае невозможности бежать означенный пленный намеревался поджечь находящийся поблизости от лагеря склад бензина. Он был расстрелян...»⁶.

Еще одна выдержка, взятая из донесения 1-й эйнзатцкоманды (оперативная группа «А») начальнику разведки

1 «Gefechtsbericht des Jagdkommandos Buttkowitz für die Zeit von 26. VI—4. VII. 1941» (PN-12, NOKW-1170, dok. prok., t. IX, s. 164).

2 Affid. Mojzesza Goldberga («Trial», D-955, v. XX, p. 388).

3 PN-12, NO-2830, sten., s. 1153 и 5106.

4 Ibid., NO-2833, dok. prok., t. XXXVIII, s. 17.

5 Ibid., sten., s. 10 229 (приговор).

6 Ibid., NOKW-2544, dok. prok., t. XIII, s. 52.

корпуса (18-я армия группы армий «Север») от 16 июля 1943 года:

«Отделение 1-й эйнзатцкоманды в Любани выявило, что красноармеец Лисов Василий, родившийся в 1921 году в Гомеле, является евреем. Л. был казнен»¹.

Резюмируя указанные факты и примеры, нетрудно сделать вывод о тесном сотрудничестве вермахта и СД в деле ликвидации пленных-евреев. Приказы, напоминавшие об обязательной передаче взятых в плен советских солдат-евреев в руки СД, встречались еще и во второй половине 1943 года.

Отсутствие каких бы то ни было данных, свидетельствующих о том, что приказ о ликвидации пленных-евреев был отменен (так же, как не была отменена и ликвидация нежелательных вообще), подтверждает наши выводы. «Процедура» эта продолжалась до конца войны даже в тех немногочисленных случаях, когда в руки гитлеровцев попадали новые пленные.

Ликвидация пленных-евреев, как и комиссаров, в первые недели войны осуществлялась непосредственно вермахтом. Передача их в руки СД стала практиковаться позднее.

Из некоторых документов явствует, что в ряде случаев такая передача, а затем ликвидация пленных не вызывали энтузиазма среди занимавшихся этим делом офицеров. Тем не менее мы не знаем ни одного факта невыполнения преступных приказов. Команданты лагерей для пленных безропотно выполняли инструкции своих высших начальников. А выдавая пленных в руки убийц, они полностью отдавали себе отчет в том, что ожидает выданных.

На процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других упомянутый выше д-р Фрюхте показал, что вместе с другим военным врачом он обращался к коменданту лагеря в Хороле с просьбой сохранить жизнь некоторым врачам из числа военнопленных евреев и полуевреев, мотивируя свое вмешательство санитарно-медицинским состоянием лагеря. Вот что говорил он о позиции коменданта лагеря подполковника Леблера:

«Лично он был против расстрела [евреев.—Ш. Д.], но терпел такую меру как не поддающийся изменению факт. Так было, когда я хотел спасти от расстрела нескольких еврейских врачей. Когда я ему сказал: «Есть тут несколько врачей, которые мне необходимы немедленно, а также несколько полуевреев, и они не должны быть расстреляны», он отказал мне, заявив дословно: «Не будем касаться этого

¹ PN-12, NOKW-2977, dok. prok., t. XLII, s. 194; ibid., sten., s. 1512.

вопроса. Рано или поздно они будут расстреляны. Лучше, чтобы их расстреляли теперь. Пусть их расстреляют теперь»¹.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ-ЖЕНЩИН

Почти во всех армиях антигитлеровской коалиции воевали тысячи женщин. На протяжении войны гитлеровцы совершили много преступлений и в отношении захваченных в плен женщин-военнослужащих. Тысячи советских врачей, медицинских сестер и санитарок погибли от рук гитлеровских палачей, неоднократно становясь перед этим жертвами насилия и глумлений. Такая же судьба постигла и польских санитарок — участниц Варшавского восстания, а также медицинский персонал движения Сопротивления многих стран.

Неоднократно жертвами таких преступлений становились безымянные женщины — солдаты частей связи (телефонистки, курьеры, связистки и т. д.) и других вспомогательных служб.

Некоторое число женщин-парашютисток независимо от их государственной принадлежности после захвата в плен было передано в руки СД и после страшных пыток ликвидировано в концлагерях (Равенсбрюке, Штуттгофе и др.) или в полицейских застенках гестапо и тайной полевой полиции.

Статья 3 Женевской конвенции 1929 года гласит:

«Военнопленные имеют право на уважение их личности и чести. К женщинам следует относиться со всем полагающимся ими уважением...»

Международное право защищало, таким образом, женщину-пленного вдвойне: и как пленного, и как женщину.

Но вот несколько примеров из военной практики гитлеровцев в 1939—1945 годах:

28 мая 1942 года в рыбачьем поселке Маяк под Керчью гитлеровцы убили девушку в военной форме, когда она стала сопротивляться захвату в плен².

В лагере для советских пленных в крепости Демблин женщины-пленные под угрозой применения оружия принуждали раздеваться догола, а затем спускали на них огромных дресированных собак, которые рвали и душили несчастных пленниц³.

Об убийстве в Штуттгофе советской парашютистки рас-

1 PN-12, sten., s. 9126.

2 «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 42.

3 Akta procesu plk. Giese, s. 208, AGK.

сказал в своих показаниях польскому суду заместитель коменданта этого лагеря эсэсовец Мейер:

«Я помню случай, когда одна русская была приговорена к смерти. Эту русскую подозревали в шпионаже, поскольку она принадлежала к парашютистам. Комендант постеснялся (!) поставить ее перед экзекуционной командой и приказал поместить эту женщину во внелагерный лазарет, а затем поручил врачу сделать ей смертельную инъекцию»¹.

Когда гитлеровцы захватили 22 сентября 1944 года последний дом на Сольце в Варшаве [речь идет о Варшавском восстании 1944 года — Ред.], то в их руки попали связистки Ирена Ковальская, Барбара Плебаньская, Гражина Засацкая, Кристина Нижинская из батальона «Зоська», а также две санитарки (Ганка и Марыся) из батальона «Парасоль». 24 сентября 1944 года их всех расстреляли около костела на Воле [район Варшавы. — Ред.]².

Две молодые английские парашютистки, сброшенные в 1944 году над Францией, попали в руки гитлеровцев и были переданы гестаповцам. Во время допроса их мучили, избивали, а затем отправили в концлагерь Равенсбрюк и там убили выстрелами в затылок³.

Каковы же были «юридические» основания убийства многих женщин-воинов?

Пленных-женщин, захваченных в ходе подавления Варшавского восстания, гитлеровцы убивали на основе общего приказа об истреблении всех лиц, принимающих активное участие в борьбе. Английских парашютисток, так же как и всяких других представителей этого рода вооруженных сил, убивали на основании специальных приказов о борьбе с парашютистами и командос. Но женщин из Красной Армии уничтожали также и за то, что они... были женщинами.

Перед нападением на Советский Союз вермахт получил инструкцию о ликвидации всех женщин, находящихся на военной службе. Они подлежали уничтожению наравне с политическими комиссарами Красной Армии.

Вольфганг Шварте, немец, находившийся в советском плену, заявил в письменном коллективном протесте пленных-немцев, направленном Международному Красному Кресту, что германские солдаты еще до нападения Германии на СССР получили от своих офицеров приказ о ликвидации наряду с военными комиссарами также «и русских женщин в форме». Шварте добавил, что соответствующие приказы

¹ Akta procesu T. Meyera i innych, dok. 282-47, s. 250, AGK.

² A. Borkiewicz, op. cit., s. 614.

³ Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 246.

предусматривали привлечение к ответственности тех, кто со- противлялся выполнению такого преступления¹.

Заявление В. Шварте означает, что к категориям «нежелательных» советских военнопленных, обреченных гитлеровцами на смерть еще до совершения агрессии, наряду с коммунистами, евреями, комиссарами и т. д. были отнесены также женщины-солдаты. Соответствует ли утверждение Шварте истине? Действительно ли вермахт поручил, как и в других случаях с «нежелательными», грязную работу по ликвидации безоружных пленных-женщин своим верным союзникам из СД?

Ответ на эти вопросы дает приказ начальника полиции безопасности и СД, подписанный замещавшим Кальтенбруннера шефом гестапо Генрихом Мюллером. Приказ этот, изданный 11 апреля 1944 года и озаглавленный «Об обращении с русскими женщинами-военнопленными» («Behandlung Kriegsgefangener russischer Frauen»), был направлен всем органам государственной полиции и начальникам полиции безопасности и СД. В нем *in extenso*² воспроизвилось распоряжение Управления по делам военнопленных при ОКВ:

«Распоряжением от 6 марта 1944 года ОКВ (Управление по делам военнопленных, общий отдел № 836/44) установлено следующее:

По мере отправки русских пленных-женщин из оперативных районов в лагеря следует, как это имеет место в отношении всех новых советских пленных из этих районов, обратиться в соответствующий компетентный орган гестапо на предмет проведения полицейско-политической проверки. Покольку в отношении вывезенных из данного оперативного района женщин-пленных вообще имеются замечания военно-полицейского характера, то, как правило, политико-полицейское следствие докажет (!), что женщины эти являются политически ненадежными. Такие женщины и прочие политические неблагонадежные советские пленные должны быть освобождены из плена и переданы полиции безопасности. Если же в исключительных случаях политико-полицейская проверка не выявит ничего отягчающего, то таких женщин следует освободить из плена и направить в распоряжение соответствующего управления труда»³.

Мюллер сопроводил приказ ОКВ следующей «исполнительной клаузулой»:

¹ Письменный протест более чем 60 немецких пленных против жестокостей, совершаемых гитлеровцами над советскими военнопленными («Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 46).

² Полностью, без сокращений (лат.).

³ PN-12, NO-4636, dok. prok., t. XVI, s. 48—49.

«Отобранных русских женщин надлежит передать *нормальным порядком* в ближайший концлагерь. Об отборах следует немедленно и систематически доносить в соответствии с известными «Оперативными приказами № 8 и 9»!.

Категорические и совершенно недвусмысленные приказы ОКВ всем подчиненным органам (по-видимому, речь тут идет о «начальниках военнопленных» в военных округах и о комендантах лагерей для военнопленных), передача женщин в руки полиции безопасности и СД, заключение в концентрационные лагеря, действия в рамках преступных «Оперативных приказов № 8 и 9» — все это, несомненно, указывает на то, что советская женщина в военном обмундировании, попавшая в гитлеровский плен, немедленно включалась в категорию «нежелательных» и обрекалась на уничтожение. Мотив этого преступного мероприятия — хотя он открыто и не приводится в гитлеровских документах — нам совершенно ясен: женщина, сражающаяся в рядах регулярной армии, является, как утверждают авторы приказа ОКВ, «политически неблагонадежной». Следовательно, с точки зрения гитлеровцев, она относится к разряду наиболее опасных идеологических противников рейха, с которыми (как, впрочем, и с другими «нежелательными») можно справиться только путем физического уничтожения.

На некоторые размышления наводит поздняя дата (1944 год) издания этого приказа. Однако Шварте категорически утверждает, что *устный* приказ по этому вопросу был отдан еще накануне предательского нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. А не было ли еще до 1944 года издано другого такого письменного приказа? Каковы причины или взгляды, вызвавшие появление этого особенно позорного и мерзкого, да к тому же еще письменного приказа, призывающего к убийству женщин-солдат на столь позднем этапе войны? Ответ на этот вопрос до обнаружения новых материалов и установления новых фактов остается неясным.

* * *

Полное уравнение в правах, а кроме того, уважение и определенные привилегии, которыми окружает женщину современное цивилизованное общество, бесспорно, следует отнести к замечательным чертам человеческого прогресса и культуры. То, что совершила СД вкупе с вермахтом в отношении женщин-военнопленных, было явным попранием международного права и возвращением к временам варварства.

¹ PN-12, NO-4636, dok. prok., t. XVI, s. 48—49. Весь курсив в цитированном документе наш. — Ш. Д.

УБИЙСТВО КОМАНДОС

Во второй мировой войне командос комплектовали из отборных солдат, которые вдали от линии фронта, в тылу врага, небольшими группами (по несколько человек) вели неравную, но очень важную для победы борьбу с фашизмом. Этот метод борьбы, борьбы диверсионной, опасной нашел широкое применение в последней войне (причем с обеих сторон) на всех театрах военных действий. С точки зрения международного права это были такие же солдаты, как и все другие представители иных родов войск, если учесть, что они были одеты в военную форму и вполне соответствовали тем требованиям, которые предъявлялись международными соглашениями к комбатантам. В случае, если они попадали в плен, у них было полное право пользоваться статусом военнопленных.

Несколько раньше других этот метод борьбы применили англичане. Британский адмирал Роджер Кэйес 17 июля 1940 года был назначен руководителем так называемых «комбинированных операций» («Director of Combined Operations»). В его функции входили, в частности, организация и подготовка командос, а равно и взаимодействующих с ними морских подразделений. В конце 1941 года они (командос) были включены в состав сухопутной армии как составная часть регулярных войск¹.

В боевую задачу командос входили следующие действия: совершение диверсий против различных важных с военной точки зрения объектов, организация и инструктаж движения Сопротивления в оккупированных гитлеровцами странах, передача по радио сведений, интересующих собственное командование, и т. д.

Германский адмирал Бахман так оценил цели союзного командования при организации подразделений командос: «Враг пытается при возможно меньшей затрате людей и материалов нанести нам удары в военно-экономической области»².

Гитлеровцы применяли этот способ борьбы в различных формах, используя, с одной стороны, мелкие группы парашютистов, сбрасывавшихся с целью проведения диверсий и создания паники в тылу врага, а с другой — созданный в 1940 году специальный диверсионный полк «Бранденбург 800», который подчинялся начальнику гитлеровской разведки и контрразведки адмиралу Канаарису, а непосредственно — его заместителю генералу Лахузену. В задачу дивер-

¹ Cunningham Reid, *Besides Churchill-Who*, p. 79—80.

² «Trial», 176-C, v. XXXIV, p. 766.

сионного полка входил захват внезапной атакой таких важных стратегических пунктов, как, например, мосты, туннели, плотины и т. п., а затем удержание их до подхода армейских частей. Полк этот состоял преимущественно из «фольксдойче» различных европейских государств, которые хорошо знали языки стран, ставших жертвами гитлеровской агрессии. Диверсанты из полка «Бранденбург 800», грубо нарушая законы войны, часто выступали в форме войск противника и пользовались его экипировкой и снаряжением. Прецедентом здесь было организованное при сотрудничестве вермахта пресловутое «нападение» на радиостанцию в Гливицах 31 августа 1939 года, которое вызвало германское «контраступление», явившееся началом второй мировой войны. Те же самые «методы», но уже в более широком масштабе, применялись полком «Бранденбург 800» во время агрессии против Советского Союза¹.

Наиболее крупной по численности группой командос в гитлеровском вермахте было так называемое соединение «К» (диверсионно-штурмовое соединение), входившее в состав ВМС и поначалу насчитывавшее 5 тысяч, а позднее — до 16 тысяч человек. Это были экипажи одноместных торпед, одноместных подводных лодок, взрывающихся моторных лодок и т. п., оперировавших главным образом у побережья Франции и в прибрежных районах Северного моря².

Для своих командос-парашютистов гитлеровцы требовали полных прав комбатанта, в особенности обращения с ними как с военнопленными. В приказе от 2 июня 1940 года, озаглавленном «О парашютистах» («Fallschirmjäger»), ОКХ категорически заявляло, что германские парашютисты являются составной частью регулярной армии, причем для их бесспорных прав комбатантов совершенно безразлично, где они сброшены (на фронте или в глубоком тылу) и как они действуют (в одиночку или группами). Они действуют — в отличие от иных родов войск — в летной форме, и вести борьбу с ними правомочны только вооруженные силы противника, но ни в коем случае его невоенная полиция или же гражданское население³.

С гитлеровскими парашютистами, выполнявшими функции комбатантов в соответствии с Гаагской конвенцией (то есть выступавшими в военном обмундировании, открыто носившими оружие и т. д.), союзники обращались как с военнопленными. В то же время сами гитлеровцы применили к

¹ Показания бывшего начальника II отдела гитлеровской разведки и контрразведки полковника Эрвина Штольца («Trial», v. VII, p. 273).

² Показания адмирала Э. Редера (ibid., v. XIV, p. 215).

³ PN-12, NOKW-1207, dok. prok., t. V, s. 5—6.

командос союзников систему поголовного истребления и убийства без суда, совершенно отступив от принципов, соблюдения которых они так домогались для себя. Учитывая, что командос состояли из отборных солдат, нетрудно установить, что целью гитлеровских методов была — как это охарактеризовал французский обвинитель Дюбост на процессе главных гитлеровских военных преступников — «попытка уничтожения элиты [солдат. — Ш. Д.] и распространения террора на войска союзных армий»¹.

На Нюрнбергском процессе представитель английского обвинения Робертс спросил генерала Иодля, делает ли он различие между английским летчиком, бомбардирующим электростанцию с воздуха, и английским парашютистом в военной форме, который взрывает ее. Ответ Иодля был таков: «Как я уже говорил, если солдат, который только взрывает или разрушает определенный объект, является солдатом в полном обмундировании, то я не считаю эту акцию противоречащей международному праву»².

Так говорил Иодль после войны. Практика же гитлеровцев в этом отношении была совершенно противоположной.

Когда в 1943 году на процессе в Харькове советский суд приговорил к смерти группу немецких военных преступников, главари третьего рейха тут же лихорадочно бросились на поиски материалов, которые подтвердили бы их версию о том, что именно противная сторона (то есть войска союзников) допускает нарушение законов и обычаев войны. ОКВ, жаждавшее использовать эти материалы в пропагандистских целях, поручило проведение этого «мероприятия» контрразведке. И тогда контрразведка начала искать нужные «доводы», в частности в материалах о командос.

В январе 1944 года гитлеровская контрразведка сообщила начальнику главного штаба ОКВ, что в результате анализа актов, касающихся расстрелянных РСХА английских командос, не установлено, что последние допустили нарушения международного права, но можно посмертно присудить им такую вину. Свою «позицию» контрразведка изложила так:

«Существует возможность приписать им [то есть расстрелянным командос. — Ш. Д.] действия, являющиеся нарушением международного права, и дополнительно приговорить их к смерти. До сего времени доказать какое-либо особое нарушение отрядами командос международного права было невозможно» [курсив наш. — Ш. Д.]³.

¹ «Trial», v. VI, p. 351.

² Ibid., v. XV, p. 483.

³ «Trial», 507-UK, v. XXXIX, p. 120—121.

Действия английских командос в 1941—1942 годах создавали определенные трудности для гитлеровского командования.

Вот что заявил об этом фельдмаршал Кейтель:

«...Акты саботажа, засылка агентов с помощью парашютов, сбрасывание оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и мелких групп саботажников приобретали все большие размеры. Их сбрасывали с самолетов в малонаселенных местностях. Деятельность эта охватывала все пространство, занятое тогда Германией... от Западного фронта до Чехословакии и Польши и от Восточного — до самого Берлина... Это был новый и, согласно нашим понятиям, нелегальный метод ведения войны, войны в темноте, за линией фронта...

Может быть, будет более понятно, в каких больших масштабах проводилась эта деятельность, если я напомню, что в отдельные дни таким способом взрывалось железнодорожное полотно в сотнях мест. Со временем вместо отдельных парашютистов стали применяться небольшие группы командос. Командос... сбрасывали с больших самолетов. Они систематически использовались не с той целью, чтобы сеять тревогу и разрушение вообще, но чтобы нападать на *специфические, жизненно важные военные объекты...* [подчеркнуто в оригинале. — Ш. Д.]. Может показаться странным, но в течение всего этого периода [1941—1942 годы. — Ш. Д.] полчаса или три четверти часа наших ежедневных дискуссий [в главном штабе. — Ш. Д.] об обстановке были посвящены проблеме, как справиться с этими инцидентами... которые (фюрер) охарактеризовал как «террор» и о которых заявил, что единственным возможным методом, могущим быть использованным для их ликвидации, являются суровые контрмеры. Я припоминаю, что в ответ на наши... предостережения были сказаны [Гитлером. — Ш. Д.] следующие слова: «Пока парашютист или саботажник [диверсант. — Ред.] рискует только тем, что он будет взят в плен, он не чувствует никакого риска: в нормальных условиях он не рискует ничем. Мы должны принять меры против этого»¹.

Излияния шефа ОКВ, а также германские документы, которых мы коснемся несколько позже, явно указывают на то, что прежде всего именно эффективность действий командос стала причиной преступных контрдействий германского командования. Болтовня же насчет «чуждого немецким понятиям» способа ведения войны отважными командос была лишь попыткой как-то оправдать гитлеровские преступления против них.

¹ «Trial», v. X, p. 546—547.

Прообразом для последующих преступных распоряжений и указаний относительно командос (и парашютистов) стал соответствующий приказ командующего германскими силами на Западе фельдмаршала фон Рундштедта. Еще в июле 1942 года в своих указаниях, разосланных войскам («Осново-полагающий приказ № 13»), он требовал передавать захваченных в плен парашютистов — независимо от того, одеты ли они в военную форму или нет, — в руки *гестапо* для выявления саботажников и шпионов¹ среди парашютистов при массовых авиадесантах¹.

Приказ ОКВ от 4 августа 1942 года о «борьбе с отдельными парашютистами», в котором, в частности, предписывалось передавать — тоже в любом случае, независимо от наличия соответствующей военной формы — захваченных парашютистов в руки СД с «целью расследования», представляет собой распространение на весь вермахт «методов» Рундштедта².

В августе 1942 года небольшие группы английских и канадских командос, одетые в форму своих армий, совершили рейд в Дьепп. В сентябре эти рейды повторились в других пунктах оккупированной Европы. Целью рейдов была разведка состояния обороноспособности германских позиций, а равно и уничтожение важных военных сооружений.

Вермахт не оставил этих нападений без ответа. В ОКВ стало зреть преступное решение о поголовном уничтожении захватываемых командос. А чтобы отпугнуть других от подобных акций в будущем, было решено не делать тайны из вынашиваемого преступного замысла.

7 октября 1942 года германская печать и радио объявили всему миру, что ОКВ приняло решение карать смертью неприятельских «саботажников»:

«В будущем члены всех диверсионных и террористических частей (британцы и их компании), которые ведут себя не как солдаты, а как бандиты, будут рассматриваться германскими войсками как таковые и расстреливаться на месте без снисхождения»³.

Это сообщение, которое внешне производило впечатление, что вопрос был решен и рассмотрен окончательно, только частично отвечало фактическому положению вещей. Правда, решение Гитлером было принято, но еще не был отдан приказ войскам, в котором содержалось бы точное указание, при каких обстоятельствах следует считать неприятеля «банди-

¹ NOKW-2954. Более подробно см. ниже, где речь идет о преступлениях в отношении парашютистов и сбитых летчиков.

² 553-PS. Более подробно см. там же.

³ «Trial», RF-364, v. VI, p. 352.

том». Впрочем, и в самом ОКВ существовали различные мнения и различные подходы к принципиальному положению, сформулированному в упомянутом сообщении.

Разработать эту проблему, заполучить мнение заинтересованных органов и составить проект директивы вермахту было поручено штабу оперативного руководства ОКВ (ВФСт), во главе которого стоял генерал-полковник Иодль, а его заместителем был генерал артиллерии Варлимонт.

Шеф германской разведки и контрразведки адмирал Каанарис высказался отрицательно:

«Принадлежащие к саботажным частям [военнослужащие. — Ред.], которые действуют в военном обмундировании, являются солдатами и имеют право на обращение с ними, как с военнопленными; если же они окажутся в штатском или в немецкой форме, то права на это не имеют (так как в данном случае они вольные стрелки) ...»¹

В этом высказывании таилось неодобрение сообщения ОКВ от 7 октября и предостережение от проведения его в жизнь.

Такого же мнения был и подчиненный Каанариса генерал Лахузен. Выступая в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе по делу главных немецких военных преступников, он заявил, что был отрицательно настроен в отношении приказа о командос. Являясь начальником упоминавшегося выше полка «Бранденбург 800», Лахузен опасался репрессий со стороны союзников, так как учитывал, что его часть преследовала такие же цели, как и подразделения командос².

Начальник военно-юридического отдела в свою очередь заявил, что необходимо руководствоваться собственными, немецкими, интересами, важными для дальнейшего ведения войны:

«Диверсия является принципиальной составной частью ведения войны в эпоху тотальных войн... мы сами в очень сильной степени развили это средство борьбы» [курсив наш. — Ш. Д.]³.

Необходимо отметить, что военно-юридический отдел участвовал в редактировании почти всех преступных приказов ОКВ. Поэтому все оговорки и предостережения этого отдела в отношении нового замыслимого преступления указывают на то, что масштабы его даже «юристам» и «закон-

¹ «Trial», 1265-PS, v. XXVII, p. 83.

² «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 120.

³ «Bekämpfung feindlichen Sabotagegruppe», Memorandum WFSt vom 14.10.1942 («Trial», 1263-PS, v. XXVII, p. 76).

никам» из ОКВ представлялись слишком обременительными.

Как же реагировал на эти предупреждения начальник ВФСт Иодль? Ближайший сотрудник и военный эксперт Гитлера, генерал Иодль должен был любой ценой опровергнуть аргументы военно-юридического отдела и контрразведки, чтобы сформулировать приказ в соответствии с пожеланиями «фюрера». Предупреждения и оговорки военно-юридического отдела он снабдил многозначительным замечанием, что англичане получают большую пользу от этого метода борьбы, а сомнения Канариса вызваны излишней заботой об интересах контрразведки, особенно ее II отдела¹, то есть он, Канарис, боится репрессий в отношении членов полка «Бранденбург 800».

Наконец, ВФСт сформулировал свою позицию, повторив вслед за военно-юридическим отделом, что диверсия является основным элементом тотальной войны. ВФСт утверждал, что опубликованное 7 октября 1942 года сообщение предрешило вопрос об обращении с командос; оставалось только издать практические распоряжения, которые должны обеспечить самое эффективное подавление диверсионной деятельности врага, не подвергая риску собственные диверсионные акты. После столь фаталистического заявления, по мнению ВФСт, не оставалось ничего иного, как поразмыслить над такими вопросами:

«Входит ли в наши намерения высаживать диверсионные группы только в тыловом [оперативном. — Ред.] районе противника или также и в глубоком его тылу? Кто больше высаживает диверсантов — враг или мы? Можем ли мы выдвинуть принцип: «Диверсионные части не придерживаются легальных способов борьбы, и их следует беспощадно приканчивать в бою? Важно ли для нас, чтобы отдельных членов этих частей сначала допрашивали по вопросам, имеющим значение для разведки, и лишь затем убивали?»²

Эти и другие подобные им рассуждения в течение 11 дней фигурировали на конференциях и совещаниях, которые призваны были сформулировать один из наиболее преступных приказов, какие только издавались в ходе второй мировой войны. Из позиции ВФСт явственно видно, как утилитарные взгляды предрешали вопрос о моральной квалификации или дисквалификации действий противника, а также об определении собственной позиции по отношению к проблемам военно-юридического характера. Убеждение в том, что «англичане

¹ «Trial», v. XV, p. 486.

² Ibid., v. XXVII, p. 75—78.

извлекают из него [то есть из этого способа борьбы. — Ш. Д.] большую пользу», толкнуло германское командование на путь преступления.

18 октября 1942 года в ставке Гитлера был подписан и получил силу директивы пресловутый приказ «фюрера» «О командос»¹ (в дальнейшем мы будем называть его «командобефель»). Это был совершенно секретный документ, отпечатанный всего в 12 экземплярах, один из которых предназначался для Гиммлера. Он оставался в силе почти до конца войны и служил «юридическим» основанием для убийства сотен солдат, отвечавших всем требованиям, предъявляемым к комбатантам.

Вот его текст:

«1. В течение некоторого времени наши противники применяют способы ведения войны, противоречащие международной Женевской конвенции. Особенно жестоким и вероломным является поведение так называемых командос, которые частично вербуются даже из числа освобожденных уголовных преступников в странах неприятеля.

Из захваченных приказов видно, что им поручается не только захватывать военнопленных, но и убивать беззащитных военнопленных на месте, когда они считают, что эти военнопленные представляют для них бремя при исполнении последующих заданий или же могут иным образом мешать им.

Наконец, были обнаружены приказы, в которых в принципе предписывалось убивать военнопленных.

2. С этой целью уже было объявлено в приложении к коммюнике германских вооруженных сил от 7 октября 1942 г., что в будущем Германия, учитывая действия этих диверсионных частей Англии и их соучастников, будет применять те же методы. Это означает, что, где бы они ни появились, они будут безжалостно истребляться германскими войсками.

3. Поэтому я призываю, чтобы начиная с настоящего времени все неприятельские агенты, выполняющие так называемые миссии командос в Европе или Африке и обнаруживаемые германскими войсками, истреблялись до последнего человека, даже если они с внешней стороны выглядят как солдаты и одеты в форму или состоят в подрывных частях, независимо от того, вооружены они или нет, сражаются они или спасаются бегством. Нет никакой разницы, высаживаются они с морских судов или с самолетов для выполнения своей миссии или сбрасываются на парашютах. Даже если эти личности, когда они обнаружены, по всей видимости, намереваются сдаться в плен, то, как правило, им не следует давать

¹ «Нюрнбергский процесс», т. VI, стр. 251—252.

пошады. О каждом отдельном случае следует посыпать подробный отчет в ОКВ для опубликования этого отчета в коммюнике вооруженных сил.

4. Если отдельные члены таких команд — агенты, диверсанты и прочие — попадают в руки военных властей иными путями, например через полицию на оккупированных территориях, их следует немедленно передавать службе безопасности — СД. Стого запрещается содержать их под военной охраной, например в лагерях для военнопленных и т. д., даже если это предполагается только на короткое время.

5. Этот приказ не относится ко всем тем неприятельским солдатам, которые во время обычных военных действий как-то: крупные наступательные операции, высадка морского десанта, высадка воздушного десанта — захватываются в открытом бою или же сдаются в плен.

Этот приказ также не относится к тем неприятельским солдатам, которые попадают к нам в плен после сражений на море, или же к тем солдатам противника, которые пытаются спасти свою жизнь тем, что выбрасываются на парашютах после воздушного боя.

6. Я буду привлекать к ответственности по законам военного времени всех командующих и офицеров, которые будут халатно относиться к своей задаче по инструктированию войск относительно этого приказа или будут действовать вопреки этому приказу в случаях, когда он должен применяться».

Данный приказ в письменном виде получили только следующие военные органы: ОКХ, ОКМ, ОКЛ, главнокомандующие войсками вермахта в Норвегии и на Балканах, главнокомандующий войсками вермахта на Западе, командующий 20-й горнострелковой армией, главнокомандующий группой армий «Юг», танковая армия в Африке и штаб оперативного руководства ОКВ (два экземпляра). Кроме того, как сказано выше, один экземпляр получил Гиммлер.

Пункт 1 приказа призван был обосновать и оправдать убийство пленных-командос. После того как были истреблены сотни тысяч советских людей, Гитлер имел еще наглость говорить о методах войны противника, якобы стоящих «вне закона»! В соответствии с пресловутым воровским правилом действовать по принципу «держи вора!» он обвинял союзников... в убийстве военнопленных. Но в данном случае «фюрер» преследовал также цель усыпить совесть генералов, хотя, впрочем, применял для этого и другие средства воздействия: последний пункт, содержавший угрозу предания военному суду, должен был надлежащим образом подействовать на колеблющихся.

А были ли в действительности захвачены приказы союзников, предписывающие убивать военнопленных? Вот что об этом говорил на Нюрнбергском процессе соавтор разбояничего приказа о командос генерал-полковник Иодль:

«...Я не видел ни одного приказа, ни одного захваченного приказа [противника. — Ш. Д.], который предписывал бы на-казание смертью немецких военнопленных, хотя мотив этот также приведен в качестве основания в приказе фюрера»¹.

Невольно встает вопрос: почему же все-таки германское командование ссылалось в своем сообщении от 18 октября на несуществующие приказы?

В главном штабе вермахта отдавали себе отчет в том, что колеблющийся и сомневающийся командир может на практике обойти выполнение явно преступного приказа, противоречащего законам и обычаям войны, которые изучались штабистами в военных академиях. Больше того, приказ явно расходился с «10 заповедями немецкого солдата», вклеенными в солдатскую книжку каждого служаки вермахта. Возможно также, что гитлеровская военная клика опасалась, что престиж «фюрера» и всего ОКВ пострадает в результате введения преступных методов обращения с пленными. Так или иначе, указанные или какие-то другие обстоятельства склонили Гитлера сделать этот первый шаг, за которым последовал другой, в высшей степени необычный: обоснование изданного преступного приказа. Как и прежде, обходя подлинные причины, предопределившие издание приказа, «фюрер» теперь, однако, был уже более откровенен. «Метод ведения противником войны, не отвечающий немецким понятиям», отошел на второй план. Теперь речь шла уже о том, что операции командос очень эффективны и ощутимо угрожают германским военным усилиям.

В тот же день, 18 октября 1942 года, Гитлер издал свой второй приказ, который ОКВ на следующий же день передало высшим военным органам и рейхсфюреру СС как сугубо секретную директиву «фюрера». Новый документ предписывал ознакомить командиров с мотивировкой первого приказа².

Ни в одной из прежних войн, заявлял в новом приказе Гитлер, не развивался в тылу армий метод разрушения средств сообщения и важных с военной точки зрения промышленных объектов в таких масштабах, как в этой войне. Особенно ощутимо этот метод войны (в виде войны партизанской) дал себя почувствовать на Востоке. Только там, где

¹ «Trial», v. XV, p. 322.

² Ibid., 503-PS, v. XXVI, p. 115—120.

в борьбе с «партизанским бедствием» поступали с беспощадной жестокостью, и были достигнуты успехи. Тождественный с партизанским метод борьбы применяют теперь англо-американцы, создавая небольшие отряды, целью которых являются проведение диверсионно-шпионских актов и организация террористических групп. Наносимый ими ущерб не-пропорционально велик по сравнению с риском, ибо в критический момент, будучи захвачены врасплох, они сдавались, а действуя в военной форме, считали, что они защищены Женевской конвенцией. Поэтому-то англо-американцы и находили охотников на такие мероприятия. Германское командование, предупреждал и грозил Гитлер, решило не оставить у противника никаких сомнений в том, что шансы спасти свою голову в таком деле теперь равны нулю. С членами террористико-диверсионных групп не будут, следовательно, обращаться в соответствии с Женевской конвенцией, напротив, они будут уничтожаться до последнего.

Вместе с тем Гитлер позаботился о сохранении формы и видимости приличия, очевидно входя в положение своих командующих армиями, которые почувствовали бы себя скверно, если бы в военной сводке было объявлено, что расстреляно столько-то и столько пленных, захваченных в военном обмундировании и уничтоженных без суда. Гитлер заверял своих княхтов-офицеров, что донесение о таком случае, приведенное в сводке вермахта, «будет изложено кратко и лаконично: террористический, саботажный или диверсионный отряд был уничтожен в бою до последнего человека». Гитлер еще раз апеллировал к своим офицерам, чтобы они со всей присущей им энергией выполняли этот приказ, который он закончил формулировкой, вводившей определенную модификацию в изданный накануне приказ. Смысл заключительной фразы сводился к следующему: если соображения целесообразности потребуют допроса таких пленных, то следует временно сохранить одного или двух из них, но затем, после проведения допроса, их также надлежит беспощадно расстрелять.

Начальник ВФСт генерал-полковник Иодль, передавая адресатам этот приказ, снабдил его характерным примечанием: «Настоящий приказ предназначен только для командиров и ни в коем случае не должен попасть в руки противника». Поэтому ОКВ предпринимает все меры осторожности: все копии приказа (а их было 22) по ознакомлении с содержанием подлежали уничтожению.

Такими примечаниями, как установлено после войны, снабжались только наиболее преступные распоряжения властей третьего рейха.

На Нюрнбергском процессе Иодль объяснял сугубую секретность приказа тем, что «его возмущал» последний абзац,

касавшийся допроса пленных перед казнью, поскольку он, Иодль, «...считал подлостью убивать человека, принудив его перед этим давать информацию»¹. На практике к такой подлости гитлеровцы прибегали неоднократно.

Немецкие высшие офицеры, понимавшие преступный характер «командобефеля», окружали сугубой тайной факт сотрудничества с СД при выполнении этого приказа, в особенности факты допросов пленных перед их ликвидацией. «Осторожность» эту соблюдали не только в районах военных действий, но и в глубоком тылу.

Так, например, главнокомандующий войсками вермахта в Норвегии генерал-полковник Фалькенхорст, устно передавая данный приказ своим подчиненным и требуя от них точного его исполнения, обязал офицеров сохранять при этом строжайшую тайну. Если, наказывал он, армия захватит командос в присутствии свидетелей (например, местной полиции), то пленных не следует убивать на месте, а надлежит передавать СД².

Несмотря на предписанные крайние меры предосторожности, страх и нечистая совесть повелели германскому командованию отозвать и уничтожить все экземпляры приказа о командос, особенно оттуда, где военная обстановка складывалась неудачно для Германии и существовала возможность того, что приказ попадет в руки противника.

В итоге всего через несколько недель после издания этого приказа генеральный штаб ОКХ в связи с обстановкой на Востоке стал категорически добиваться уничтожения всех его экземпляров. Докладывая Гитлеру об этом, генерал Варлимонт указывал на «опасность» того, что приказ может попасть в руки противника и на других фронтах. 27 ноября 1942 года было принято решение, а на следующий день ОКВ издало приказ об уничтожении всех копий «командобефеля» на восточном театре войны (включая сюда и финский фронт), а также в Африке — во всех штабах ниже армейского³. Это был период, когда советские войска победоносно развивали наступление под Сталинградом, а союзники добились успеха под Эль-Аламейном.

28 октября 1942 года командование германским военно-морским флотом передало «командобефель» подчиненным ему соединениям, частям и кораблям, подчеркнув при этом все значение сохранения тайны. Письменный текст приказа получили только командующие флотами и эскадрами. Командиры рангом ниже должны были получить информацию от

¹ «Trial», v. XV, p. 328.

² PN-12, NOKW-188, sten., s. 603.

³ Ibid., NOKW-2906, sten, s. 1461; dok. prok., t. IV, s. 350.

своих начальников устно, причем последние по использовании текста приказа обязаны были отослать свои экземпляры обратно — для уничтожения¹.

Через несколько дней после занятия поста главнокомандующего военно-морским флотом (февраль 1943 года) гроссадмирал Дениц издал приказ², в котором сетовал на отсутствие ясности в интерпретации «командобефеля» во всех трех видах вооруженных сил. Напоминая о том, что командирам и офицерам грозит предание военному суду в случае, если они не станут инструктировать подчиненные войска об обращении с «саботажниками», Дениц разъяснял, почему этот приказ окружен такой таинственностью. По мнению гроссадмирала, в основе такого положения вещей лежали следующие соображения: «фюрер» опасался, что усиление актов саботажа на Востоке и Западе может иметь зловещие последствия для Германии, а потому приказ и содержит решение о расстреле даже одетых в форму, действующих по военным приказам пленных, хотя бы это происходило тогда, когда они сдались добровольно и просили о пощаде. Так каждый подчиненный Деница был непосредственно информирован, что приказ является столь явным нарушением Женевской и Гаагской конвенций, что его должно хранить в строжайшей тайне. В то же время, разлагольствовал Дениц, незачем держать в тайне случаи уничтожения «саботажников» в бою. Как раз наоборот, такие факты надо предавать гласности через сводки вермахта с целью добиться устрашающего эффекта.

Даже в отношении своих союзников гитлеровцы сохраняют преувеличенную осторожность, поначалу вообще не посвящая их в это преступление. Так, например, 5-я германская танковая армия 31 января 1943 года получила указание командования группы армий «Юг», что приказ Гитлера от 18 октября 1942 года *не следует сообщать итальянским частям* и что все копии этого приказа, находящиеся в немецких штабах в Африке, надлежит уничтожить³.

Чтобы замести следы преступления, гитлеровцы порой совершали дополнительные варварские акты. Так, в Норвегии СД «избавлялась» от трупов убитых командос путем уничтожения их в море с помощью взрывчатых веществ⁴.

Приказ об уничтожении командос, как уже сказано выше, был разослан командующим германскими войсками на всех фронтах в Европе и Африке (его получили также главнокомандующие ВВС и военно-морским флотом) и проведен в

¹ «Trial», 179-C, v. XXXIV, p. 772—773.

² Seekriegsleitung, 11.2.1943, «Behandlung von Saboteuren» («Trial», 179-C, v. XXXIV, p. 770—772).

³ Фотокопия документа № 379 (AGK).

⁴ «Trial», 649-D, v. XXXIV, p. 303.

жизнь повсеместно. Только командующий Африканским корпусом генерал Роммель якобы скрыл приказ и не применял его у себя¹. Чаще всего этот приказ применялся на северо-западе и в Юго-Западной Европе, где такая форма борьбы (с помощью командос) была более распространенной, а начиная с 1944 года — также и на юго-востоке. Из немецких документов известны факты убийства английских, норвежских, французских и греческих командос в 1942—1944 годах в Норвегии, Франции и на Балканах, а также американских — в 1944 году в Италии.

Захваченных одиночных командос для проведения «следствия» передавали органам СД.

Методы «следствия», практиковавшиеся этими сообщниками вермахта, мы осветим ниже. Здесь же только заметим, что «следствие» всегда заканчивалось смертью командос, о чем свидетельствуют немецкие документы и послевоенные признания высших чинов гестапо.

Согласно показаниям Мильднера (начальника гестапо в Катовицах в июле — августе 1944 года), Гиммлер при посредничестве тогдашнего шефа полиции безопасности и СД Кальтенбруннера дал указание инспекторам и начальникам территориальных управлений полиции безопасности и СД: всех англо-американских командос, переданных вермахтом СД, после допроса расстреливать и сообщать об этом соответствующим органам вермахта с указанием, что означенные командос были «уничтожены в бою». Приказ Гиммлера был строго секретным и подлежал незамедлительному уничтожению после ознакомления².

Этот бесспорный факт следует дополнить в том смысле, что приказ рейхсфюрера СС (или начальника РСХА) по упомянутому вопросу был издан значительно раньше — сразу же после подписания «командобефеля». Об этом свидетельствуют отметки в документах вермахта, где говорится о передаче командос СД на предмет «особого обращения» («зондерберхандлунг»). Наличие сотрудничества с момента издания «командобефеля» категорически подтвердил бывший начальник штаба германских войск на Западе генерал пехоты Гюнтер Блюментритт: «Приказ фюрера был одновременно дополнен Гиммлером по своим служебным каналам...»³

Таким образом, и по этой линии сотрудничество между армейским командованием и органами СД было согласовано с самого начала и в последующей практике не обнаруживало больших трений.

¹ Э. Рассел. Проклятие свастики, стр. 49.

² Показание д-ра Рудольфа Мильднера, бывшего начальника гестапо в Хемнице, Катовицах и т. д. («Trial», 2374-RS. v. XI, p. 254).

³ Показание генерала Г. Блюментритта («Trial», v. XLII, p. 250—252).

Спорным и пока что до конца не выясненным остается вопрос о том, применялся ли «командобефель» также и на Восточном фронте. Достоверно лишь одно: ОКХ передало этот приказ всем командующим группами армий и армиями на Востоке. Для чего? Только ли для сведения или же и для исполнения? Защита обвиняемых на главном Нюрнбергском процессе и на процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других доказывала, что этот приказ не применялся на Востоке. Командующие гитлеровскими армиями на Востоке не были уверены в отношении того, на кого распространяется упомянутый приказ. Так, в журнале боевых действий 3-й танковой армии (из состава группы армий «Центр») содержится следующая запись, датированная 18 ноября 1942 года:

«Танковая армия просит группу армий, чтобы прежде всего было выяснено, касается ли этот приказ исключительно британских террористических групп или же он может быть применен к бандам [то есть к партизанам. — Ш. Д.] на оккупированной территории. Командующий 3-й танковой армией генерал-полковник Ганс Рейнгардт до выяснения этого вопроса был такого мнения, что все бандиты должны быть расстреляны, даже если они носят мундир» (подчеркнуто в оригинале. — Ш. Д.)¹.

Еще отчетливее это обстоятельство проявляется в случае с генералом Гансом Зальмутом, командовавшим 2-й армией на Востоке. Начальник тыла этой армии издал приказ, согласно которому «агенты из состава террористических и саботажных отрядов, которые попадут в руки вермахта, должны быть незамедлительно переданы СД»² и «всякое содержание их под военной охраной, в лагерях для пленных и т. п. строжайшим образом запрещается, даже если это предпринято как временная мера»³. Словом, тут почти дословно пересказываются пункты «командобефеля». Американский военный суд на процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других, принимая во внимание все упомянутые моменты, пришел к выводу: армия придерживалась того мнения, что «командобефель» имел всеобщее применение. «Зальмут, — говорится в приговоре по делу фельдмаршала Лееба и других, — передал этот приказ для исполнения независимо от того, считали ли [гитлеровцы. — Ред.] его применимым только к англичанам и американцам или также и к русским». Эта точка зрения представляется вполне обоснованной.

¹ PN-12, sten., s. 10 182—10 183.

² Ibid., s. 10 204.

³ Ibid., s. 10 183, 10 204.

Кстати сказать, итальянская армия не вводила у себя принцип уничтожения командос, признавая их способ борьбы вполне соответствующим международному праву, и обращалась с командос как с военнопленными, отказываясь при этом выдавать их гитлеровцам.

Так, например, 3 января 1943 года в порту Палермо группа из 5 английских командос (1 офицер и 4 солдата), одетых в английскую военную форму и действовавших на катеро-охотнике, потопила один итальянский военный корабль и повредила несколько других итальянских и германских судов. Затем эти командос были захвачены в плен. Гитлеровцы потребовали от итальянцев выдачи пленных, чтобы расправиться с ними как с «саботажниками». Но итальянское главное командование ответило отказом, мотивируя его следующими соображениями:

«Такие действия катеров-охотников следует, по итальянским понятиям, признать регулярными военными действиями. С итальянскими военными моряками, которые в ходе совершения подобных действий, направленных против Мальты, Александрии, Гибралтара и Алжира, попали в плен, противник также обращался не как с диверсантами, а как с военнопленными...»¹

Докладывая по инстанции об этом инциденте, ВФСт сделал меланхолическое заключение: «В связи с вышеизложенным нам отказано в выдаче англичан. Они остались в итальянском плену»².

В то же время фашистское командование царской болгарской армии в июне 1944 года под нажимом гитлеровцев согласилось впредь обращаться со всеми «агентами и саботажниками» в соответствии с приказом Гитлера от 18 октября 1942 года³.

Приводя ниже ряд фактов убийства командос, мы предупреждаем, что они не охватывают собой всех случаев преступлений, совершенных над командос в 1942—1945 годах. Выяснить судьбу многих солдат, посланных со специальным заданием, оказалось невозможным, поскольку из-за уничтожения гитлеровцами многих документов или отсутствия в сводках вермахта каких-либо указаний, а также из-за понятного молчания свидетелей-гитлеровцев все следы их исчезли.

В конце октября 1942 года группа командос, состоявшая из 6 английских и 4 норвежских военнослужащих, прибыла

¹ PN-12, 505-PS, dok. prok., t. V, s. 145—146.

² Ibid.

³ Ibid., NOKW-013, sten., s. 607.

на катере в Норвегию с заданием потопить (при помощи двухместных торпед) гитлеровский «карманный» линкор «Тирпиц», стоявший в Тронхейм-фьорде. Однако задание им выполнить не удалось, так как торпеды, с помощью которых командос хотели потопить линкор и которые были прикреплены к катеру, оказались поврежденными в результате разразившегося шторма. Командос удалось бежать в Швецию, и только один из них, двадцатилетний английский моряк Роберт Пол Эванс, попал в гитлеровский плен.

Делом этого пленного интересовались многие учреждения и должностные лица рейха в Норвегии. Начальник полиции безопасности в Тронхейме отправил его в резиденцию своего шефа в Осло. Командующий войсками вермахта в Норвегии генерал-полковник Фалькенхорст сам справлялся у начальника полиции безопасности о захваченных материалах. Кроме того, Эванс был лично допрошен гитлеровским адмиралом, начальником обороны северного побережья¹.

Несмотря на то что, даже согласно немецкому рапорту, «не установлено [со стороны пленного. — Ред.] насилия, являющегося нарушением международного права», Эванс в соответствии с приказом фюрера от 18 октября 1942 года был расстрелян 19 января 1943 года². На Нюрнбергском процессе по делу главных немецких военных преступников заместитель главного обвинителя от Великобритании Дэвид Максуэлл-Файф спросил Кейтеля, что противозаконного совершил этот моряк, если он имел задание потопить при помощи торпеды линкор. На это Кейтель ответил: «Признаю, что тут все в порядке, что это абсолютно допустимая атака»³.

История убийства двух английских моряков содержится в журнале боевых действий командующего флотом в Западной Франции адмирала Бахмана⁴. 8 декабря 1942 года сильный прибой выбросил около Ле-Вердона надувную лодку с двумя английскими командос (моряками). Один из них, англичанин из Глазго, отказался давать какие-либо показания, а второй, ирландец, дал лишь несущественные показания. Адмирал Бахман распорядился, чтобы обоих пленных немедленно расстреляли. Однако его начальство в Париже воспротивилось этому, добиваясь, чтобы от пленных были получены важные сведения, интересующие командование. Было разрешено использовать для этого «все средства», в

¹ Показания Герхарда Флеша, бывшего начальника полиции безопасности и СД в Тронхейме («Trial», 864-D, v. XXXV, p. 609).

² Ibid., UK-57, v. V, p. 38—39.

³ Ibid., v. X, p. 643.

⁴ «Kriegstagebuch des Marinebefehlshabers Westfrankreich Admiral Bachmann», Eintragung vom 19.12.1942 («Trial», 176-C, v. XXXIV, p. 747—766).

частности обещание сохранить морякам жизнь и гарантировать хорошее обращение в плену. Однако гитлеровский флот, который из всех трех видов вооруженных сил рейха чаще всего хвастался своей рыцарской традицией, видимо, не добился никаких результатов в ходе проведенных допросов, ибо решил передать обоих пленных СД в Бордо. «Методы» СД оказались более эффективными, так как уже на следующий день оттуда сообщили, что проведенное «расследование» дало важные сведения об организации и подготовке командос. Оба англичанина 11 декабря по личному приказу Гитлера были расстреляны в Бордо взводом военных моряков в присутствии офицера СД (!).

На следующий день после этой казни несколько гитлеровских военных кораблей, стоявших на якоре в устье Жиронды, были серьезно повреждены магнитными минами, а один из них («Аркашон») затонул. Таков был ответ товарищей обоих замученных командос, и адмирал Бахман оценил этот акт как «совершенный с большим ожесточением». К сожалению, 6 англичан, которые совершили диверсию, были захвачены при попытке бежать в Испанию и после трехмесячного заключения расстреляны 23 марта 1943 года. Вот их имена: лейтенант флота Маккинон (21 год), сержант Сэмюэль Уэллес (30 лет), унтер-офицер Альберт Фр. Левер (22 года), а также матросы Уильям Дж. Миллс (21 год), Джеймс Конвей (20 лет) и Роберт Элэрт (21 год). Седьмой моряк, Моффет, утонул во время диверсии и был выловлен уже мертвым¹.

Необходимо отметить, что многих командос убивали за действия, совершенные еще *до* введения в действие «командобефеля». Вот пример. 16 сентября 1942 года группа командос, состоявшая из 10 англичан и 2 норвежцев из «Бритиш рифл маунтин реджимент», в английской военной форме высадилась в Норвегии и 21 сентября взорвала сооружения электростанции в Гломфьоре, убив при этом гитлеровского охранника. Семь из них попали в плен (пятым удалось бежать в Швецию) и 30 октября были расстреляны. Вот имена шести из них: капитан Грэм Блэк, капитан Джозеф Хаутон, сержант Миллер Смит, капрал Уильям Чэдли, рядовые Сирил Эбрем и Эрик Куртис.

Даже генерал Иодль подтвердил на Нюрнбергском процессе, что не может и не желает оправдать этот случай. По мнению Иодля, это убийство было совершено абсолютно противозаконно, поскольку приказ о командос не мог иметь обратной силы².

¹ «Trial», UK-57, v. V, p. 39—40; v. XXXIX, p. 124.

² Ibid., v. XV, p. 488; v. V, p. 39.

Катер норвежских военно-морских сил с экипажем в 12 человек под командованием лейтенанта флота Эскеланда, базировавшийся на Скэллоуэй (Шетландские острова), в марте 1943 года находился вблизи берегов Норвегии, имея задание «создавать организации для проведения актов саботажа» против гитлеровских военных объектов. 30 марта в Тофтфьорде дело дошло до боя с превосходящими силами гитлеровцев. Потеряв двух человек убитыми, норвежцы взорвали катер, но сами попали в плен. В связи с этим в немецком рапорте лаконично говорится: «Приказ фюрера был выполнен СД». В то же время официальная сводка вермахта, датированная 6 апреля 1943 года, представляет всему миру факт зверского убийства 10 моряков таким образом: «В Северной Норвегии диверсионный отряд противника, приближившийся к побережью, был полностью уничтожен в ходе боя»¹.

30 апреля 1943 года в плен к гитлеровцам попали 4 английских командос (1 лейтенант флота, 1 старший сержант и 2 сержанта), обслуживавших передаточную радиостанцию на б. Идре (Греция). «С англичанами следует поступить, как с саботажниками, в соответствии с приказом фюрера», — последовало указание ВФСТ².

В июле 1943 года в Ульвене (Норвегия) гитлеровцы убили захваченную ими группу из 6 норвежских и 1 английского морских офицеров. Это были: А. Андерсен, Б. Клеппе, А. Бигст, И. Клиппер, Г. Хансен, К. Хальс и радиист английского военно-морского флота Р. Хэлл. Все они составляли экипаж торпедного катера № 345, который, действуя со своей базы на Шетландских островах, атаковал гитлеровские корабли вблизи норвежского побережья. 27 июля 1943 года, окруженные отрядами гитлеровских ВМС, моряки были взяты в плен на небольшом прибрежном острове. Допрошенные офицером военно-морской разведки лейтенантом Фангером, они были им признаны военнослужащими, отвечающими всем требованиям, необходимым для обращения с ними как с военнопленными (они были одеты в военную форму). Рапорт, составленный в этом духе, был направлен командованию флота в Берген и начальнику обороны западного побережья адмиралу Шрадеру. 29 июля по приказу Шрадера все пленные были переданы СД в Бергене. Передача состоялась после совещания Шрадера с начальником полиции безопасности в Бергене оберштурмбаннфюрером СС Бломбергом. На этом совещании командующий флотом показал эсэсовцу приказ

¹ Notiz WFSt (Qu) II «Sabotagegrupp Toftefjord» vom 10.5.1943 («Trial», 512-PS, v. XXVI, p. 131—132).

² Notiz WESt (Qu) V «Feindliche Sabotagegrupps» vom 10.5.1943 (PN-12, dok. prok., t. V, s. 277).

фюрера от 18 октября 1942 года и потребовал поступить с пленными в соответствии с этим приказом. Тогда СД провела «свое собственное расследование», и на следующий день все захваченные моряки были расстреляны на полигоне вблизи концлагеря. Следы преступления были замечены следующим образом: по приказу офицера СД, руководившего экзекуцией, к трупам были привязаны головные шашки, затем убитых тайно бросили в море, и там тела их были разнесены в клочья взрывом.

После войны, в декабре 1945 года, английский военный суд в Осло осудил за это преступление 10 гестаповцев¹.

Спустя несколько дней после этого убийства адмирал Шрадер получил высшую гитлеровскую награду — «Рыцарский крест». После капитуляции гитлеровской Германии, опасаясь ответственности за передачу пленных в руки СД, сей адмирал, как показал офицер его штаба капитан флота Вильдеман, покончил жизнь самоубийством.

Главнокомандующий германским военно-морским флотом гроссадмирал Дениц старался на Нюрнбергском процессе снять с себя всякую ответственность за преступление в Ульвене. По его словам, Шрадер был подотчетен адмиралу Цилиаксу, который якобы подчинялся не командованию флота (Деницу), а командующему войсками вермахта в Норвегии генералу фон Фалькенхорсту. Однако, прижатый к стене неопровергимыми доказательствами, Дениц вынужден был заявить, что поступок Шрадера (передача командос СД) «был явным нарушением приказов, и ОКМ информировано об этом не было»².

20 сентября 1943 года вблизи Специи (Италия) части горнострелкового корпуса вермахта захватили двух английских парашютистов — капрала Джеймса Шортлла и сержанта Уильяма Фостера. Оба были вооружены пистолетами и снабжены взрывчатыми веществами, а также инструментами для организации диверсий на железнодорожных путях. Попав в плен, они будто бы заявили, что являются итальянцами. Неясен вопрос: были ли они в военной форме, и если да, то в какой именно? Они отказались давать какие бы то ни было показания относительно места и даты высадки, полученного задания и воинской части, к которой принадлежали. Обоих расстреляли без суда³.

7 ноября 1943 года разведывательный отдел штаба гитлеровских войск в Италии донес в ОКВ, что 2 ноября 1943 го-

¹ «Trial», 649-D, v. XXXV, p. 301—303.

² Ibid., v. XIII, p. 335—341.

³ Донесение LI корпуса от 23 сентября 1943 года (PN-12, 1268-PS, dok. prok., t. V, s. 150).

да около Пескари захвачены три командос, которые затем были ликвидированы. Судьба остальных девяти человек, которые, будучи ранеными, тоже попали в плен, но были помещены в госпиталь, неизвестна¹.

В ночь на 22 марта 1944 года 15 американских командос (в том числе два офицера) высадились на итальянском побережье около Фрамуры. Им предстояло взорвать туннель в Специи, чтобы перерезать коммуникации германских войск, находившихся в Кассино и Анцио. 24 марта вся эта группа была захвачена в плен отрядом фашистов Муссолини и гитлеровских солдат. 26 марта все пленные без суда, по приказу командира LXXV корпуса генерала А. Достлера, были расстреляны в Специи. Согласно германским источникам, составленным на «официальном» немецком языке, американцы были «захвачены и казнены»².

Приводим их имена:

старшие лейтенанты Винсент Руссо и Поль Дж. Трафиканте; сержанты Ливио Вичелли, Доменико С. Мауро и Альфредо Л. де Флюмери,

рядовые: техники V класса Либерти Дж. Тремонте, Джозеф М. Фаррел, Сальваторе Ди Скляфани, Анжело Сирико, Джон Дж. Леоне, Томас Н. Савино, Джозеф А. Либарди, Жозеф Нойя, Розарио Ф. Скуатрито и Сантаро Калькара.

Все расстрелянные принадлежали к 2677-му специальному разведывательному батальону американской армии³.

После войны генерал Достлер предстал перед американским военным судом «за попрание законов войны». Достлер показал, что отдал распоряжение о расстреле этой группы в полном соответствии с приказом от 18 октября 1942 года и что если бы он этого не сделал, то его тогда же предали бы военному суду. 12 октября 1945 года Достлер был приговорен в Риме к смертной казни и расстрелян⁴.

Случалось, что захваченного пленного «слишком поспешно» направляли в лагерь для военнопленных. Тогда гитлеровцы старались срочно «исправить» допущенную ошибку. Так, например, 16 апреля 1944 года командующий германскими войсками на Юго-Востоке (Греция) потребовал от штаба VIIА, чтобы отправленный туда английский

¹ PN-12, 509-PS, t. V, s. 126.

² Amt Abwehr-Abt., Abw. III, Vortragsnotiz für den Chef vom OKW v. 11.4. 1944, «Gegenmaßnahmen gegen die sowjetrussischen Schauprozesse» (PN-12, 1487-PS, dok. prok., t. V, s. 201).

³ «Trials», 2610-PS, v. IV, p. 449—451; v. XXXI, p. 34—36.

⁴ Ibid.

капитан Блайт был немедленно передан СД на основании «командобефеля»¹.

Захваченные вблизи Алимни (Греция) частями группы армий «Е» два командос — английский радиотехник Карпентер и греческий моряк Лисгарис — по решению главнокомандующего войсками вермахта на Юго-Востоке в начале июня 1944 года, после выяснения мнения (и «получения согласия») ВФСт, были переданы СД для «зондербехандлунг»².

Невыясненными остались следующие случаи.

15 августа 1942 года — за два месяца до издания приказа о командос — два англичанина, лейтенант Майкл Александер (22 года) и капрал Гунней (23 года), совершили ряд диверсионных актов за линией германского фронта в Северной Африке. Они взорвали склады боеприпасов и военного снаряжения, вывели из строя пулемет и захватили в плен гитлеровскогоunter-офицера Зеемана и 3 солдат, которых (по немецким источникам) связали, а кроме того, добыли 2 пистолета и 2 германские полевые шапки. Несколько позже роли переменились: Зееману удалось ошеломить англичан и в свою очередь захватить их в плен. Поскольку в момент нападения англичане носили на себе только рубашки и брюки цвета хаки [дело происходило в пустыне. — Ш. Д.], то их, во исполнение приказа Гитлера, обвинили в партизанских действиях и предали имперскому военно-полевому суду, но по распоряжению шефа ОКВ судебное разбирательство в этой инстанции (*Reichskriegsgericht*) было временно приостановлено. В течение всего этого времени англичане находились в качестве военнопленных в лагере Эйхштадт. В связи с объявленной «контракцией показательному процессу в Харькове» контрразведка в январе 1944 года вновь раскопала это дело и заинтересовалась, нельзя ли подвести данный случай под категорию «нарушения противником законов и обычаях войны»³. Судьба двух пленных англичан неизвестна.

Неизвестна также судьба английского диверсионного отряда, которому была поставлена задача взорвать сооружения Коринфского канала и который 1 мая 1943 года был захвачен в плен. Среди пленных оказался, в частности, капитан флота Кэмберледж, кавалер ордена «За заслуги». Как представляется, они были живы еще в январе 1944 года, но их дело, как и дело Александера и Гуннея, было вновь поднято гитлеровской контрразведкой в поисках жертв для «противохарьковской акции».

¹ PN-12, NOKW-227, sten., s. 605.

² Ibid.

³ PN-12, 1487-PS, dok. prok., t. V, s. 196.

Оговоримся сразу: приведенные выше случаи отнюдь не исчерпывают ни преступлений, совершенных над командос с момента издания приказа от 18 октября 1942 года, ни случаев, остающихся не выясненными до конца. В апреле 1944 года в отчете контрразведки, направленном ОКВ, речь шла о 44 офицерах и 19 солдатах английской и американской армий, «еще остающихся в живых», которые подпадали под категорию командос¹. Их окончательная судьба, как и перипетии упомянутой выше «противохарьковской акции», до сих пор не выяснены.

* * *

Летом 1944 года сфера применения «командобефеля» была расширена. В это время в ставке Гитлера возник вопрос о «военных миссиях» — советских, английских и американских, сотрудничающих с национально-освободительным движением в оккупированных странах Юго-Восточной Европы, особенно в Югославии. Нараставшее вооруженное сопротивление захватчикам во всей оккупированной Европе наряду с победоносно наступающими советскими войсками и созданием второго фронта на Западе превращалось в важный фактор, непосредственно ставивший под угрозу все германские расчеты и боевые операции.

Контакты союзников с движением Сопротивления на юго-восточном театре войны на первых порах поддерживались при посредничестве командос, которые появились там в начале 1944 года. (ВФСт немедленно напомнил командующему войсками вермахта в этом районе: «В связи с сообщением о высадке 19 февраля английских командос в Патросе и 23 февраля в Пископи вновь ссылаемся на упомянутый приказ»². Так обязательность применения «командобефеля» была распространена и на Балканы.) Позднее возникли постоянные военные миссии союзников при партизанских штабах.

Несмотря на бесчеловечные методы подавления освободительного движения народов Югославии, значительная территория этой страны летом 1944 года была очищена от оккупантов, а наступающие с севера советские войска и английский десант с юга грозили отсечением и уничтожением значительных германских сил в Греции (группа армий «Е»), а в недалекой перспективе и всего германского юго-восточного театра войны. В этой обстановке взбешенный Гитлер в поисках «виновников» и оправдания собственных поражений и

¹ PN-12, 1487-PS, dok. prok., t. V, s. 203.

² Ibid., 510-PS, sten., s. 604—605.

на этом фронте обратил свое внимание на упомянутые союзные миссии.

Это были нормальные с точки зрения международного права военные представительства, состоявшие из офицеров, которые носили обычную военную форму (кстати, и Югославская народно-освободительная армия в этот период уже имела установленную армейскую форму и проводила регулярные военные действия), и выполнявшие функции офицеров связи главных штабов союзных армий. Эти офицеры не имели ничего общего с совершением диверсионных актов или иными мероприятиями, осуществлявшимися командос. Несмотря на все это, в июле 1944 года Гитлер «высказал мнение», что с захваченными в плен сотрудниками таких миссий на юго-восточном театре войны следует обращаться не как с военнопленными, а как с командос. ВФСт, которому была поручена разработка этого вопроса, запросил мнение ряда учреждений ОКВ, а также командований германскими войсками в Юго-Восточной Европе и... РСХА¹.

Результат был ошеломляющим: за исключением главно-командующего войсками на Юго-Востоке, который считал возможным передачу членов военных миссий в руки СД, все остальные органы — Управление по делам военнопленных при ОКВ, оперативный отдел ВФСт, разведывательный отдел ОКВ, даже РСХА (в лице гестапо) и военное управление (разведка) при РСХА — высказались за то, чтобы в принципе обращаться с ними как с военнопленными, делая исключение лишь для тех случаев, когда они явно выполняли функции командос. Заслуживает внимания мотивировка военного управления РСХА, смысл которой сводился к тому, что «особое обращение» с членами военных миссий путем применения репрессий поставило бы под угрозу собственные германские акции в рамках действий полка «Бранденбург 800». В целом это была та же самая мотивировка, с помощью которой Канарис робко пытался в 1942 году противостоять изданию «командобефеля». Когда Кейтель утверждал на Нюрнбергском процессе, что Гитлер отверг мнение *военных* органов о необходимости обращаться с членами военных миссий как с военнопленными², то сказал он только половину правды. Он умолчал о позиции, занятой органами безопасности, и — что самое важное — о позиции начальника ВФСт и его заместителя (Иодля и Варлимонта), а также о своей собственной, так как ВФСт рекомендовал считать военные

¹ WFSt (Qu) Verw. I (№ 009074/44). Vortragsnotiz v. 22.7.1944, «Behandlung der bei Banden gefangenen Angehörigen ausländischer «Militärmisionen» «Trial», 1279-PS, v. XXVII, p. 94—95.

² «Trial», sten., v. X, p. 550—551.

миссии при «бандах»... «предприятием командос»! И это несмотря на то, что они «не отвечают прежним понятиям», а также «дословному содержанию приказа о командос»¹. Циничным является также мнение ВФСт, что хотя в отношении «банд» и проводится в последнее время политика захвата в плен в качестве военнопленных, но делается-де это лишь в связи с целесообразностью, чтобы использовать большие массы партизан как рабочую силу и вызвать массовое их дезертирство. Однако, поскольку членов военных миссий насчитывается мало, то соображения «целесообразности» отпадают, а отсюда и (сформулированный генералом Варлимонтом) вывод, который трудно назвать логичным, но который вполне сходится с преступными замыслами Гитлера: «Принципиально можно считать англо-американские, как и советские военные миссии, скорее как мероприятия командос и соответственно этому обращаться с их членами»². В этом же духе был сформирован проект приказа, который после утверждения Гитлером был издан 30 июля 1944 года как приказ ОКВ (за подписью Кейтеля). Цитируем его:

«Если в ходе акции по подавлению банд на территориях, подведомственных главнокомандующим на Юго-Западе и Юго-Востоке, будут захвачены в плен члены заграничных, так называемых «военных миссий» (как англо-американских, так и советских), в отношении их не имеют применения специальные приказы по вопросу об обращении с захваченными членами банд. С ними следует обращаться не как с военнопленными, а в соответствии с приказом фюрера от 18 октября 1942 года об уничтожении террористическо-саботажных групп (ОКВ/ВФСт № 003830/42).

Настоящий приказ не может быть передан по инстанции ниже корпуса и равнозначных штабов в иных родах войск и — после ознакомления с ним и сообщения для сведения — подлежит уничтожению»³.

Таким образом, приказ этот расширял действие «командобефеля» как с точки зрения персональной, так и территориальной. В связи с тем, что при его исполнении было принято в расчет также сотрудничество аппарата безопасности, нет ничего удивительного в том, что копию приказа получили наряду с высшими военными чинами также рейхсфюрер СС и РСХА.

Приказ о военных миссиях отнюдь не остался в сфере чистой теории. В 1945 году в Маутхаузене были расстреляны

¹ «Trial», 1279-PS.

² Ibid.

³ «Behandlung der bei Banden gefangenen Angehörigen ausländischer «Militärissionen» («Trial», 537-PS, v. XXVI, p. 140—141).

члены союзных военных миссий, находившиеся при партизанских штабах в Словении и Хорватии (см. подраздел настоящей главы «Концентрационные лагеря. Маутхаузен»).

Не выяснена пока судьба английской военной миссии, которая в конце 1943 года, то есть еще до издания приказа об убийстве членов военных миссий, попала в руки гитлеровцев. Члены этой миссии, состоявшей из 1 бригадного генерала, 2 майоров, 1 младшего офицера и 3 солдат, действовали в Южной Албании. Известно, что один из офицеров (майор) погиб в бою, а остальные попали в плен. В апреле 1944 года они были еще живы, но как раз тогда германская контрразведка начала выискивать (в рамках «противохарьковской акции») кандидатов в жертвы из числа военнопленных, которые «нарушали законы войны». Докладывая об этом деле, III отдел контрразведки запрашивал ОКВ, не следует ли признать этот случай «подходящим». На полях документа имеется пометка от руки: «Да» (и инициалы: *T. H.*), что скорее всего не предвещало ничего хорошего упомянутым пленным¹.

Приказ о командос оставался в силе почти до конца войны. Время от времени ВФСт напоминал командующим армиями о его существовании и необходимости применения.

В мае 1943 года ВФСт еще больше усилил и без того бесчеловечный характер «командобефеля» рассылкой директивы о том, что впредь о смерти командос не следует извещать их государства, поскольку на основе приказа «фюрера» от 18 октября 1942 года они являются не солдатами, а обычными преступниками².

Несмотря на строжайшую секретность, которая окружала уничтожение командос, несмотря на завуалированную форму сводок вермахта, объявлявших об уничтожении «в бою» отрядов «саботажников», нетрудно было догадаться о подлинной судьбе командос, которые не вернулись с задания. Недвусмысленная угроза, а равно и предупреждение об уничтожении командос, содержавшиеся в специальном сообщении вермахта, и сам факт, что ни от одного из них не было извещения о том, что он находится в плену, позволили очень скоро раскрыть тайну. Дело получило огласку, и английское правительство заявило в 1943 году по дипломатическим каналам решительный протест против этих расстрелов³.

В мае 1943 года ВФСт, поддерживая тесный контакт с министерством иностранных дел третьего рейха и основываясь

¹ Abwehr-Abt., Abw. III, Vorfragsnotiz für den Chef vom OKW v. II.4. 1944, «Gegenmaßnahmen gegen die sowjetrussischen Schauprozesse» (PN-12, 1487-PS, dok. prok., t. V, s. 202).

² PN-12, NOKW-004, sten., s. 601.

³ Ibid., dok. PS-514, 517, 518, 519—549, sten., s. 595—608.

на материалах, доставленных главнокомандующим войсками вермахта в Норвегии, составил проект ответа на эту ноту, позже одобренный Гитлером¹.

29 декабря 1944 года английское правительство при посредничестве швейцарского посольства вновь заявило протест против убийства командос, включая сюда также солдат из полка САС. Тогда ОКВ затребовало от главнокомандующего германскими войсками на Западе доклад по этому вопросу. Из его ответа явствует, что с солдатами САС обращались в соответствии с приказом «фюрера» от 18 октября 1942 года².

В марте 1945 года главнокомандующий союзными войсками в Европе генерал Д. Эйзенхауэр обратился к офицерам вермахта с прокламацией, в которой предостерегал их от применения «командобефеля». В штаб-квартире Гитлера воцарился страх. «Невозможно установить: заполучил ли враг в свои руки копию этого приказа или же располагает устным сообщением предателя. Поэтому в ответе вообще нецелесообразно напоминать о приказе», — гласит заключение ВФС³. И ВФС предложил подчеркнуть, по пропагандистским выражениям, два момента: Германия еще в 1940 году признала, что парашютисты в военной форме являются комбатантами и имеют право на обращение с ними в качестве военнопленных, в то же время диверсионные отряды противника, которые в глубоком тылу совершают обычные уголовные преступления, недостаточно отвечают условиям комбатанта. Видимо, ОКВ, оценив ситуацию, признало эту полную лицемерия позицию единственным возможным и надлежащим контрударом.

Призрак проигранной войны и страх перед возможием все же были причиной того, что буквально в последние дни войны приказ о командос был отменен. В марте или апреле 1945 года в Норвегию был передан приказ Кейтеля о том, что впредь с захваченными в плен командос надлежит обращаться как с обычными военнопленными⁴.

Явно преступный характер «командобефеля» вынудил *после войны* тех германских генералов, которые предстали перед судом в качестве обвиняемых за совершение военных преступлений, откликнуться от него, осудить его и всеми возможными способами доказывать, что они якобы не проводили его в жизнь. А когда их пригвождали к позорному

¹ PN-12, dok. PS-514, 517, 518, 519—549, sten., s. 596—601.

² Ibid., dok. 757, 758—759-PS, sten., s. 616—617; dok. prok., t. V, s. 214—218.

³ WFSt (Qu) № 01953/45. Vortragsnotiz v. 27.3.1945. «Rundfunkaufruf Eisenhowers an die Offiziere der deutschen Wehrmacht über den deutschen Befehl zur Behandlung von Kommando Angehörigen» (PN-12, 536-PS, dok. prok., t. V, s. 221—223).

⁴ «Trial», 649-D, v. XXXV, p. 303; v. XIII, p. 509.

столбу совершенно неоспоримыми фактами, они ссылались на первую часть приказа, прикрывались тем, будто верили, что речь тут идет о репрессалиях за преступления противника. Но эта была несостоительная попытка оправдаться, ибо Женевская конвенция 1929 года не допускает применения репрессалий в отношении военнопленных (ст. 2 конвенции). В то же время они, генералы, так и не отважились прикрыться в своей защите последней частью приказа, не посмели признать, что выполняли этот разбойничий приказ из чувства страха за собственную жизнь. Исключением здесь был только генерал Достлер, который открыто признал, что за неисполнение этого приказа его предали бы военному суду.

На Нюрнбергском процессе Кейтель и Иодль усиленно заверяли, что приказы о командос были целиком отредактированы Гитлером, что они были против этих приказов, но вынуждены были выполнить директивное указание и все же разослать их командующим армиям.

Старшина офицерского корпуса фельдмаршал Рундштедт на Нюрнбергском процессе заявил: «Мы, войсковые командиры, были категорически против приказа о командос и в устных дискуссиях в наших штабах порешили сделать его неэффективным»¹. Об отрицательном отношении к этому приказу со стороны многих офицеров и солдат говорил также подчиненный Канарису генерал Лахузен². Фельдмаршалы Лист, Кессельринг и Рундштедт утверждали, что они «саботировали» приказ о командос. Рундштедт заявил даже, что никто в связи с этим приказом не был передан в руки СД. Однако, припертый к стене неоспоримыми фактами, Рундштедт признал, что «могли случиться» два-три исключения, но вообще-то приказ «саботировался»³.

Отчетливее и яснее, в соединении с определенной попыткой оправдания, ставит вопрос адвокат Кальтенбруннера на Нюрнбергском процессе д-р Кауфман:

«Нельзя сомневаться, что этот приказ являлся нарушением международного права. Превращение второй мировой войны в тотальную войну вызвало множество новых военных уловок. Пока в их выполнении принимали участие подлинные солдаты, даже горечь, понятная с человеческой точки зрения, — а я говорю сейчас о поведении командос, нарушавших законы войны, — не могла оправдать издания этого приказа. К счастью, немного людей пало жертвами этого приказа Гитлера, как показал обвиняемый Иодль»⁴.

¹ «Trial», v. XXI, p. 26.

² PN-12, sten., s. 534.

³ «Trial», v. XLII, p. 129.

⁴ Ibid., v. XVIII, p. 69.

В том же духе, духе осуждения приказа, выступали обвиняемые генералы на процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других.

Однако нужно еще раз со всей категоричностью подчеркнуть, что хотя и могли существовать «сомнения» — как в генеральном штабе ОКХ, так и в ОКЛ и ОКМ, — все же они никогда не обретали форм явного сопротивления или хотя бы уклонения от выполнения приказа. Приказ этот повсеместно был передан и исполнен. Даже факт уничтожения приказа Роммеля требует дополнительного выяснения: не шла ли тогда речь об уничтожении в соответствии с директивой ОКВ от 28 октября 1942 года?

Если же говорить о Рундштедте, то, как мы сказали выше, его «Приказ № 13» стал прообразом приказа о командос. Рундштедт на процессе заведомо лгал: несомненно, он знал о всех случаях убийства командос на территориях, которые были ему подведомственны. В обширном опусе, лично им подписанном и переданном его начальником штаба генералом Блюментриттом 16 декабря 1942 года начальнику генерального штаба ОКХ генералу Цейтцлеру¹, мы не находим ни слова осуждения «командобефеля», наоборот, в нем содержится ряд собственных «творческих» идей Рундштедта относительно методов подавления «саботажной акции противника».

Не подлежит сомнению, что и Кессельринг знал о преступлениях в Спекии, Пескари, Фрамуре. Однако ни один волос не упал с головы преступников.

Особенно омерзительна роль главнокомандующего войсками вермахта в Норвегии генерала Фалькенхорста. Да, генерал этот «протестовал». Но трудно отнести к заслугам его «протест» от 13 декабря 1942 года. Обращаясь в нем к ОКВ, генерал отрицательно оценивал факт *немедленного* — без предварительного допроса — расстрела «саботажников» из Эгерсунда; из-за этого, по мнению Фалькенхорста, утрачена возможность получения ценных военных сведений. В своем ответе от 14 декабря ОКВ поддержало это мнение, обращая внимание генерала на то, что «командобефель» разрешает *временное* оставление в живых отдельных «саботажников» для проведения допроса².

В другом документе (от 23 мая 1943 года) тот же Фалькенхорст усилил некоторые акценты приказа о командос и невольно демаскировал его подлинные замыслы³. В частности,

¹ «Grundlegende Bemerkungen des Oberbefehlshabers West», № 16 (auf Grund von Erfahrungen) vom 15.2.1942 (PN-12, NOKW-1616, dok. prok., t. V, s. 106).

² 512-PS.

³ WBN an OKW/WFSt vom 23.5.1943, «Behandlung von Gefangenen» (PN-12, NOKW-188, dok. prok., s. 138).

генерал выразил опасение, что если убийство захваченных командос произойдет в присутствии норвежцев, то в этом случае надо считать, что о такой акции будет широко известно и дело повлечет за собой нежелательные последствия. На фоне этого высказывания особенно ясным становится значение того пресловутого абзаца пункта приказа о командос, в котором говорится об их уничтожении «независимо от того, вооружены они или нет, сражаются или спасаются бегством». Поэтому Фалькенхорст предлагал издать специальный приказ войскам в Норвегии, утверждая, что уже согласовал его с СД. Отметим важное обстоятельство (по существу, известное нам из практики оккупационной политики третьего рейха): германские административные органы тоже были втянуты в эту преступную игру. Имперский комиссар в Норвегии (Тербовен) предложил, чтобы все без исключения пленные, которых впредь будут захватывать немецкие войска в Норвегии, передавались СД, что, по заявлению Фалькенхорста, было им отвергнуто.

Обращаясь же к своим подчиненным в приказе от 25 мая 1943 года, Фалькенхорст говорил: «У меня создалось впечатление, что текст упомянутого приказа [о командос. — Ш. Д.], который должен был быть уничтожен, видимо, недостаточно запечатлелся в памяти офицеров». Поэтому генерал напомнил его содержание, в особенности пункт 3 (об «уничтожении в бою или во время бегства»), а также свой комментарий к нему, изданный 26 октября 1942 года:

«Если в целях проведения допроса поначалу надо пощадить одного человека, то он не может пережить своих товарищей больше чем на 24 часа».

Фалькенхорст рекомендовал непременно привлекать для допроса захваченных в плен командос сотрудников контрразведки и СД. Особенно знаменательна критика Фалькенхорстом поведения его подчиненных в конкретных случаях, имевших место на территории Норвегии. Так, например, в одном случае были взяты в плен два тяжелораненых командос, которых передали в военный госпиталь. Фалькенхорст заявил, что это «находится в противоречии с недвусмысленным содержанием пункта 4 основного приказа». В сомнительных случаях Фалькенхорст высказывался за расширительное толкование приказа. Так, например, со всеми военнослужащими, принадлежавшими к норвежской королевской флотилии катеров-охотников, он предписывал поступать как с «саботажниками», что якобы вытекало из заданий, поручаемых им командованием, и что якобы подтверждали документы, попавшие в руки немцев. Поэтому генерал

отказывал норвежским военным морякам в признании за ними статуса военнопленных¹.

Попытка уклонения от исполнения «командобефеля», как мы говорили, было немного. Единственная серьезная попытка имела место после высадки союзников в Нормандии в июне 1944 года. Действовавший в то время от имени главнокомандующего войсками вермахта на Западе фельдмаршала фон Рундштедта его начальник штаба генерал Блюментрите 23 июня направил в ОКВ просьбу об отмене «командобефеля» на всей территории, входящей в сферу его контроля. Однако попытка эта успеха не имела.

Были также и другого рода попытки освободиться от неприятных хлопот с командос. В особенности характерен такой факт: в сентябре 1944 года со стороны командования войсками вермахта на Юго-Востоке и ОКВ/ВФСТ были предприняты робкие попытки подвести командос под действие изданных в то время декретов о терроре и саботаже (июль — август 1944 года). Тогда бы вся эта грязная работа почти целиком легла на плечи полиции безопасности, а вермахт спокойно умыл бы руки. Однако этому воспротивился тогдашний шеф РСХА Кальтенбруннер. По мнению Кальтенбруннера, декреты о терроре касались исключительно гражданских лиц, и если бы командос действовали в штатской одежде, эти декреты могли бы быть применены также к ним. Однако если террористы и саботажники заранее были лишены защиты Женевской конвенции, то в отношении командос, «как правило», действующих в военной форме, должны, по его мнению, применяться только предписания приказа «фюрера» от 18 октября 1942 года².

Как сказано выше, некоторые командиры вермахта отдавали себе отчет в преступном характере приказов о командос. Однако они всячески избегали называть вещи своими именами. Об этом, в частности, свидетельствует запись в журнале боевых действий ОКМ от 9 декабря 1942 года в связи со сводкой вермахта о расстреле двух солдат, совершивших диверсию в устье Жиронды. «Распоряжение это соответствовало специальному приказу фюрера, однако в связи с тем, что солдаты носили мундиры, это является почином в международном праве»³.

Международный военный трибунал в Нюрнберге сурово осудил преступления, совершенные в отношении командос. «Согласно положениям этого приказа, отряды командос из

¹ PN-12, dok. prok., t. V, s. 139—143.

² Chef der Sipo und des SD (23.1.1945) an OKW/WFSt «Kommando-unternehmungen» («Trial», 535-PS, v. XXVI, p. 139—140).

³ Ibid., 658-D, v. XXXV, p. 325.

войск союзников и другие военные части, действовавшие самостоятельно, уничтожались в Норвегии, Франции, Чехословакии и Италии. Многих из членов отрядов командос убивали на месте, а тем, кого убивали позднее в концентрационных лагерях, ни в одном из случаев не было предоставлено возможности предстать перед каким-либо судом»¹.

Приговор Международного военного трибунала установил соучастие Иодля и Кейтеля в этом преступлении. Трибунал отверг аргументы защиты Иодля, базирующиеся на доктрине «выполнения приказов сверху».

«Участие в совершении преступлений, подобных этим, никогда не требовалось ни от какого солдата, и он сейчас не может прикрываться этим мифическим требованием солдатского повиновения при всех условиях в качестве оправдания за совершение этих преступлений», — гласит приговор².

О роли Кейтеля в приговоре говорится: «Он признает, что не считал этот приказ законным, но утверждает, что не мог помешать Гитлеру издать его». Отвергая и в этом случае аргументы защиты, ссылающейся на приказ сверху, Международный военный трибунал признал Кейтеля виновным и не нашел возможным применить в отношении его какие-либо смягчающие обстоятельства³.

И шеф ОКВ Кейтель и начальник ВФСТ Иодль были приговорены к смертной казни и повешены. Адмирал Редер приговором того же трибунала — в частности, и за расстрел двух командос в декабре 1942 года, а также за передачу своим подчиненным приказа от 18 октября 1942 года — был приговорен к пожизненному тюремному заключению⁴.

Много времени и места было уделено преступлениям в отношении командос также на процессе по делу фельдмаршала Лееба и других. Приговор по этому делу признал «командобефель» явно преступным приказом (*criminal on its face*), поскольку он «предписывал попросту организацию разни «саботажных» войск»⁵. Генералы Рейнгардт и Зальмут были, в частности, и за эти преступления приговорены к длительному тюремному заключению, а генерал Варлимонт, который лично сделал значительный «вклад» в разработку «командобефеля», а также при введении его в действие, был приговорен к пожизненному тюремному заключению⁶.

Командующий войсками вермахта в Норвегии генерал Фалькенхорст за передачу и распространение этого пре-

¹ «Нюрибергский процесс», т. VII, стр. 374—375.

² Там же, стр. 491.

³ Там же, стр. 447, 449.

⁴ Там же, стр. 514.

⁵ PN-12, sten., s. 10 085.

⁶ Ibid., s. 10 269—10 280 j 10 314.

ступного приказа, а также за выдачу в руки СД английских и норвежских командос был приговорен к смертной казни¹. Однако позже смертная казнь по неведомым причинам была ему заменена пожизненным тюремным заключением.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПАРАШЮТИСТОВ И СБИТЫХ ВОЕННЫХ ЛЕТЧИКОВ

Воздушная война — одна из самых грозных форм ведения войны — до сих пор еще не регламентирована нормами международного права. Причина такого положения веющей заключается, с одной стороны, в сравнительно более позднем появлении, или возникновении, этой формы вооруженной борьбы: первая мировая война принесла только начальные попытки применения авиации в военных действиях. Однако вторая мировая война уже характеризуется использованием авиации в самых широких масштабах.

Но, бесспорно, важнейшей причиной отсутствия международно-правовой регламентации воздушной войны являются почти неограниченные боевые возможности, которые таятся в новом виде вооруженных сил, и нежелание великих держав отказаться от этих возможностей.

Попытки ввести воздушную войну в рамки обязательных норм международного права датируются еще 1899 годом, когда на I Гаагской конференции было заключено соглашение, содержавшее некоторые ограничения в ведении этой войны, как, например, запрещение метания снарядов и взрывчатых средств с воздушных шаров и т. д. Однако в 1907 году к возобновлению этой конвенции государства не приступали (соглашение было подписано на 5 лет). Да и другие конференции (например, в Гааге в 1923 году) не пошли дальше выработки проектов соглашений.

Несомненно, что и в воздушной войне должны были бы действовать применимые здесь обязательные нормы для войны сухопутной: например, запрещение бомбардировать селения и открытые города, а также вытекающий из ее духа обычай щадить безоружных (например, летчика, выбрасывающегося на парашюте из сбитого самолета). Каков же в данном положении статус пленного-летчика или пленного-парашютиста? Польский ученый Юлиан Маковский придерживался мнения, что «военная авиация составляет неотъемлемую часть сухопутных и морских вооруженных сил, в связи с чем и на нее распространяются предписания, обязательные в сухопутной и морской войне...»². Взятый в плен

¹ Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 50.

² J. Makowski, Podręcznik prawa międzynarodowego, Warszawa 1948, s. 384.

летчик, стало быть, должен считаться военнопленным и пользоваться всеми правами, которые признаются за пленными других видов вооруженных сил.

* * *

Германия особенно сильно развивала свою авиацию в 1935—1939 годах: к моменту нападения на Польшу гитлеровцы располагали почти 3 тысячами боевых самолетов. Впервые Германия применила новый метод военных действий — воздушный десант, а также выброску в диверсионных целях одиночных парашютистов и групп парашютистов в тылу противника — в войне 1939—1945 годов. В 1944 году гитлеровцы имели 150-тысячную армию парашютистов (из коих полностью вышколенных насчитывалось 50 тысяч), сведенных в 6 воздушно-десантных дивизий¹. К наиболее крупным воздушно-десантным операциям гитлеровцев относятся десанты в Голландии (в мае 1940 года) и на о. Крите (в мае 1941 года).

Весьма значительными воздушно-десантными силами располагали и советские вооруженные силы, а также их западные союзники. В проведенной в сентябре 1944 года воздушно-десантной операции под Арнемом (одной из самых крупных в истории второй мировой войны, в задачу которой входил обход «линии Зигфрида» со стороны Голландии) в тесном взаимодействии принимали участие две американские воздушно-десантные дивизии (101-я и 102-я), английская авиадесантная дивизия и польская парашютная бригада.

Германия, которая до 1943 года имела значительное преимущество в своих авиационных формированиях, требовала, чтобы ее парашютисты считались комбатантами. В этот период гитлеровцы широко рекламировали свои «обиды» и жаловались всему миру, что поляки в 1939 году, а французы в мае 1940 года якобы призывались их командованием к обращению с немецкими парашютистами как со шпионами; что немецким раненым летчикам со сбитых на французском фронте самолетов якобы не оказывалась врачебная помощь; что англичане будто бы обстреливали с воздуха спасающихся на резиновых лодках пилотов гитлеровских ВВС. Все это были заявления, не подкрепленные ни одним конкретным фактом, но имеющие целью оправдать собственные преступления.

В период германского наступления на о. Крит и выброски здесь крупного воздушного десанта гитлеровцы привели к репрессиям против военнопленных:

¹ Сообщение генерала Штудента, приводимое Л. Гартом (B. H. Liddell Hart, *The Other Side of the Hill*, London 1948, p. 297).

«Если с немецкими парашютистами на Крите не будут обращаться в соответствии с международным правом, то в этом случае Германия предпримет ответные меры в отношении десятикратно большего числа английских военнопленных»¹.

Естественно, что немецкий тезис — абстрагируясь от угрозы разбойничих репрессий против пленных — об обращении с парашютистами как с комбатантами следует признать правильным, если этот парашютист вполне отвечает требованиям Гаагской конвенции. При этом ясно, что в данном случае конвенция обязывает и Германию к такому же обращению с соответствующими войсками противника. Однако это, видимо, было «не ясно» главарям третьего рейха. То, чего они домогались для себя, им не хотелось делать в отношении противника. В период второй мировой войны они совершили ряд вопиющих преступлений, пытая и убивая парашютистов и летчиков.

В 1941—1943 годах гитлеровцы сталкивались — как в своих тылах на Восточном фронте, так и в оккупированных странах на Западе — почти исключительно с единичными советскими и англо-французскими парашютистами. Ряд немецких приказов регламентировал обращение с захваченными парашютистами. Так, например, в приказе от 9 августа 1941 года штаб тыла группы армий «Юг» простирая излагал вопрос об обращении с парашютистами². После преамбулы, в которой говорилось, что русские все больше и больше используют этот метод борьбы в тылу германских войск и что существует неясность в отношении того, как относиться к захваченным парашютистам, приказ рекомендовал каждого парашютиста, захваченного в *штатской одежде*, считать партизаном (*«Freischärler»*) и только в том случае, если он явился сам и добровольно сдался германским властям, приравнивать к военнопленным. В приказе особо подчеркивалось, что не следует верить объяснениям захваченных парашютистов, будто они были принуждены к этой службе. Приказ также напоминал, что парашютисты могут давать показания в соответствии с полученными ими инструкциями, и потому надлежит беспощадно поступать с ними, ибо только так можно покончить с этим «парашютистским бесчинством» (*«Fallschirmjägerunwesen»*).

¹ «Deutsche Radioverlautbarung vom 24.5.1941» (F. Scheidl, op. cit., s. 275).

² «Fallschirmjäger» (PN-12, NOKW-2626, dok. prok., t. IX, s. 194—195).

Из вышесказанного можно ошибочно заключить, что парашютист, захваченный в военной форме, автоматически должен был считаться военнопленным. Но гитлеровская практика, установившаяся и на Востоке, и на Западе, особенно с 1941 года, была совершенно противоположной. Сбрасываемых в одиночку или небольшими группами парашютистов в гражданской одежде обычно убивали без суда. А с течением времени гитлеровские военные власти категорически стали настаивать на «особом обращении» с парашютистами, даже если они носили военную форму. Казни совершались непосредственно вермахтом (особенно на Востоке) или же СД — после передачи им захваченных вермахтом пленных (особенно на Западе). Некоторых парашютистов, после того как они прошли через ад гестаповских застенков, передавали на ликвидацию в концентрационные лагеря.

Перед ликвидацией захваченный парашютист подвергался допросу: гитлеровцы добивались получения сведений относительно цели замышляемых парашютистом (или его командованием) действий, условленного места сборного пункта, граждан из местного населения, которые сотрудничали с парашютистом, центра подготовки и т. д. Для получения такого рода сведений гитлеровцы не стеснялись в средствах и методах, передавая дело «расследования» в опытные руки палачей из полиции безопасности, СД, тайной полевой полиции или контрразведки. Некоторое представление об этих «методах» дают сохранившиеся германские документы.

12 июня 1942 года начальник гестапо Мюллер в качестве заместителя шефа полиции безопасности и СД издал приказ¹, разрешавший применять методы «третьей степени» при допросах «...коммунистов, марксистов, «свидетелей Иеговы», саботажников, террористов, участников движения Сопротивления, сбрасываемых на парашютах агентов [курсив в оригинале. — Ш. Д.], антиобщественных элементов, польских и русских лодырей и бродяг». Приказ слегка приоткрывает засовы, скрывающие тайны этого «метода».

«Третья степень среди других средств [курсив наш. — Ш. Д.] может заключаться в очень ограниченном питании (хлеб и вода), жестком ложе, темной камере, лишении сна, изнуряющих упражнениях и телесных наказаниях (если требуется больше двадцати ударов, необходимо заключение врача) ...»

Из распоряжения Мюллера видно, что парашютист противника, как правило военный, попадал в СД после согласо-

¹ «Trial», v. I, p. 233.

вания вопроса с военными властями, разведка которых была заинтересована в его показаниях. У вермахта было больше доверия к результативности методов «специалистов» СД, нежели к своим собственным военным органам (армейская контрразведка), в обязанности которых на подведомственных ОКВ территориях входил также и допрос захваченных пленных.

Но и офицеры гитлеровской военной разведки и контрразведки могут похвастаться своими «методами» допроса. Например, в ходе допроса сбитых союзных летчиков, производившегося в следственном центре около Франкфурта-на-Майне, применялся такой «метод»: в летнюю жару в камерах на полную мощность включалось центральное отопление! По мнению гитлеровских «следователей», эта мера должна была сделать пленных более склонными к даче показаний¹.

Практика следственных методов германских органов безопасности — в самом рейхе, но прежде всего в оккупированных странах, — применявшаяся также при допросах военнопленных, не могла не быть известной вермахту. Гестаповский и эсэсовский «репертуар» допросов не ограничивался перечисленными Мюллером способами («третья степень»). Хорошо известно, что его подчиненные проявляли чрезвычайную изобретательность в подборе этих «других средств» (см. распоряжение Мюллера).

Передача военнопленных в СД с целью принудить их к даче нужных показаний являлась двойным нарушением международного права: во-первых, передача пленных невоенному учреждению или органу (о чем мы уже говорили выше), хорошо известному своими жестокими методами обращения, и, во-вторых, полное игнорирование постановлений конвенции, запрещающих использование средств принуждения с целью получения от пленных информации военного характера. Пункт 3 статьи 5 Женевской конвенции гласит:

«К пленным не может применяться какое-либо принуждение для получения сведений, относящихся к положению их армии или страны. На пленных, отказавшихся давать такие ответы, нельзя воздействовать ни угрозами, ни оскорблением, а равно подвергать их взысканиям в какой бы то ни было форме».

Каждый военнопленный при допросе обязан сообщить лишь свою фамилию, имя, звание и личный номер. Смысл такого предписания совершенно ясен: нельзя какими бы то ни было средствами физического или психического воздействия

¹ Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 245.

принуждать военнопленного к измене своему отечеству. Даже сообщение своего возраста, а тем более номера своего полка — к чему, согласно конвенции, он не может быть принужден — позволяет противнику сделать важные выводы. Что же можно тогда сказать о принуждении давать иные военные сведения?

Гитлеровская практика допроса пленных выходила далеко за пределы «угроз, оскорблений и взысканий»: для того чтобы добить нужные фашистам сведения, пленных избивали, подвергали пыткам и убивали.

Сотрудничество вермахта и СД в деле борьбы с парашютистами было отчетливо и официально установлено спустя два месяца после издания приказа Мюллера.

4 августа 1942 года ОКВ издало приказ под названием: «Борьба с одиночными парашютистами»¹. Приказ этот предписывал тесное взаимодействие армии с полицией при подавлении действий парашютистов.

ОКВ проводило некоторое разграничение между воздушно-десантными частями противника, предназначенными для ведения военных действий (Luftlandetruppen), борьба с которыми относилась исключительно к компетенции вермахта, и парашютистами, действующими в одиночку или небольшими группами, в задачу которых входили организация и проведение диверсий, террористических актов, а также разведывательная деятельность. По смыслу этого приказа, вести борьбу с второй категорией парашютистов и групп, независимо от того, были ли они в военной форме или в гражданской одежде, были уполномочены в основном полиция безопасности и СД. Даже если такой парашютист был захвачен вермахтом, его надлежало передать СД. В руки СД следовало передавать также членов более крупных отрядов парашютистов, если было установлено, что их целью являлись «саботажные» (диверсионные) действия. В том случае, когда СД после проведения «следствия» устанавливала, что парашютист является солдатом (или офицером), он подлежал передаче органам ВВС. Какова может быть дальнейшая судьба парашютиста в этом случае, приказ умалчивал.

Впрочем, изданные в октябре 1942 года приказы о командос вскоре разъяснили, какая судьба ожидает парашютистов: обе эти категории пленных были заранее обречены на смерть.

Комедия с установлением через СД, является ли пленный парашютист солдатом (что без всякого труда могла устано-

¹ «Bekämpfung einzelner Fallschirmspringer» («Trial», 553—PS, v. XXVI, p. 147—149).

вить и войсковая контрразведка), указывает на плохо замаскированные попытки оправдать передачу военнопленных в невоенные органы. Категорический же приказ о передаче туда и парашютистов в военной форме раскрывает нам суть дела: речь тут шла совсем об иной цели, чем сам факт подобного «установления истины».

Разумеется, приказ был проведен в жизнь. Но как шло его осуществление?

Убийство советских парашютистов имело место с первого же дня войны и продолжалось до ее последнего дня. Ни в одном из приведенных ниже случаев гитлеровцы не применили в отношении захваченных советских парашютистов судебного разбирательства. После пыток и допросов советских пленных попросту убивали по приказу офицера. Следует заметить, что на Востоке не было надобности издавать дополнительные, подробные приказы, поскольку там, на советско-германском фронте, действовало обязательное «Распоряжение об особой подсудности в районе «Барбаросса», которое «регулировало» все эти вопросы. Вот пример: в районе действий 213-й пехотной дивизии (группа армий «Юг») тайная полевая полиция убила в августе 1941 года 49 человек, в том числе 45 парашютистов, 3 партизанок и 1 еврея — «вольного стрелка». Как сказано в донесении, парашютисты были снабжены взрывчаткой, имея, в частности, задание выводить из строя железнодорожные пути и совершать нападения на военные эшелоны¹.

6 октября 1941 года тайная полевая полиция при 1-м корпусе допросила трех женщин, которые были схвачены при попытке форсировать р. Волхов на участке 126-го пехотного полка вермахта. Оказалось, что это три парашютистки, сброшенные возле населенного пункта Угороды (к северу от поселка Медведь). Дальнейшее ведение этого дела полевая полиция передала отделу разведки и контрразведки 126-го пехотного полка. На другой день все три парашютистки были расстреляны².

8 ноября 1941 года полевая полиция того же корпуса допросила двух парашютистов: Петра Комарова и Ивана Синицына. Парашютисты имели задание взрывать мосты, перерезать телефонные провода, совершать нападения на военные транспорты и на отдельных солдат вермахта. 13 ноября того же года оба были «ликвидированы как шпионы»³.

¹ PN-12, NOKW-2598, dok. prok., t. XXXIV, s. 158.

² Ibid., NOKW-2088, dok. prok., t. IX, s. 254—255.

³ Ibid., s. 265—267.

В тыловом районе 12-й пехотной дивизии вермахта были захвачены семь парашютистов из 3-й парашютной бригады. Шестеро из них были «уничтожены»¹.

На Западном фронте убийство парашютистов также имело место, хотя и на ином «юридическом основании». Этим «основанием» был пресловутый «командобефель» от 18 октября 1942 года. Кроме того, парашютисты (в том числе и женщины) гибли и в концентрационных лагерях.

В концлагере Натцвайлер 6 июля 1944 года четыре английских парашютистки — сотрудники СОЭ (Управления специальных операций) — были умерщвлены с помощью инъекций эвипана. Парашютистки эти были сброшены на территорию Франции с целью поддержания связи штаб-квартиры союзников с французским движением Сопротивления².

Два англо-американских летчика, выбросившихся на парашюте с самолета в департаменте Па-де-Кале в апреле 1944 года, были захвачены в плен 19 апреля того же года солдатами LXXXVI корпуса. Полевая жандармерия этого корпуса направила их в военную тюрьму в Байонне для дальнейшего расследования в СД³.

Союзные парашютисты, сброшенные на территории Франции для установления связи с французским движением Сопротивления, а также союзные летчики, сбитые над Францией, обычно передавались вермахтом в гестаповский центр в Париже, на авеню Фош. Для того чтобы «вытянуть» нужные пыткам сведения, пленных подвергали таким чудовищным пыткам, что после допроса они не могли сойти по лестнице. Наиболее жестоко с пленными обходились там гестаповцы Шторх, Ханг, Гутгешель, Киффер и другие⁴.

В казематах Терезинской тюрьмы узников содержали в одиночных камерах совсем голыми и скованными. Били их до смерти. Такому варварскому обращению подверглись, в частности, два политических узника, бывшие парашютисты⁵.

В той же крепости Терезин уничтожали политических заключенных, а также парашютистов, обозначенных шифром

¹ PN-12, NOKW-2914, dok. prok., t. XVIII, s. 128; ibid., sten., s. 1586.

² Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 190.

³ PN-12, NOKW-2898, sten., s. 1582; ibid., dok. prok., t. XVIII, s. 9.

⁴ Показания английского капитана Джона А. Р. Старра из Ньюкасл-андер-Лайм, парашютиста, узника застенка гестапо в Париже с сентября 1943 года до августа 1944 года (UNWCC, Research Office, Document Series № 42, Mai 1946, AGK).

⁵ Показания Генриха Иоккеля, гауптштурмфюрера СС, коменданта полицейской тюрьмы в Терезине (UNWCC, Research Office, Document Series № 37).

«Х, У, З», с помощью отравленного кофе. Так, в частности, погиб парашютист Шабо¹.

Вопрос об обращении с захваченными в плен парашютистами союзников со всей остротой встал перед гитлеровцами в 1944 году, после открытия второго фронта в Западной Европе. Массовое использование парашютных формирований (полков и даже воздушно-десантных дивизий), принимающих участие во фронтовых сражениях или сбрасываемых в глубоком германском тылу, потребовало от германского командования быстрого принятия решения: обращаться ли согласно установленвшейся практике с парашютистами, взятыми в плен во время этих операций, как с командос (а следовательно, убивать!) или же признать за ними статус военнопленных²? Этого быстрого решения добивались две особенно заинтересованные инстанции: вермахт на фронте и аппарат безопасности в тылу. И вот вскоре после высадки десанта союзников в Нормандии, 17 июня 1944 года, начальник РСХА сообщил ОКВ о захвате 7 французских парашютистов из САС, одетых в английскую военную форму, которые имели задание провести диверсию на железнодорожной магистрали в окрестностях Ренна³. РСХА добавляло, что с этими людьми будут обращаться в соответствии с приказом «фюрера» от 18 октября 1942 года [то есть их будут уничтожать. — Ш. Д.]. Однако шеф полиции безопасности жаловался, что вермахт весьма часто неправильно интерпретирует этот приказ и, «вместо того чтобы прикончить их [парашютистов. — Ред.] в бою или во время бегства, передает их в руки полиции безопасности». Поэтому РСХА просило ОКВ издать специальную инструкцию.

23 июня 1944 года по тому же вопросу в ОКВ обратился главнокомандующий германскими войсками на Западе.

24 июня 1944 года ВФСт издал директиву³, в которой устанавливалось различие между пленными, захваченными непосредственно в районе военных действий (за ними признавался статус военнопленных, если они были в военном обмундировании), и теми, кто был схвачен за пределами этого района, то есть вне границ Бретани. С этими последними независимо от их одежды (военная форма или гражданская одежда), согласно инструкции, надлежало обращаться как с командос. Характерно, что в сомнительных случаях ВФСт предоставлял право окончательного решения... СД. Поскольку массовое использование парашютистов в ведении

¹ Показания Иоккеля (UNWCC, Research Office, Document Series № 37).

² «Trial», 1276-PS, v. XXVII, p. 92—93.

³ Ibid., 532-PS, v. XXVI, p. 137—138.

военных действий* впервые поставило вермахт лицом к лицу с этим явлением в более широких масштабах, чем это было прежде, ВФСт рекомендовал главнокомандующему войсками вермахта на Западе устно ознакомить его солдат с содержанием «командобефеля» и данной инструкцией.

Ждать результатов долго не пришлось. Сброшенные в тыл германских войск мелкие и крупные группы парашютистов, вполне отвечающие условиям, которые предъявляются к комбатантам, после захвата в плен были убиты без суда.

В конце июня 1944 года в окрестностях Пуатье вблизи полевой штаб-квартиры LXXX корпуса, которым командовал генерал артиллерии Галленкамп, были захвачены два английских парашютиста. Ссылаясь на Женевскую конвенцию, они после сообщения своих имен и званий отказались давать какие-либо другие сведения, которых добивался допрашивавший их офицер гитлеровской разведки. Заключенные в военную тюрьму в Пуатье, оба были переданы для дальнейшего следствия в СД. Методы СД оказались более «эффективными»: парашютисты показали, что в лесах около Пуатье скрывается крупная группа их товарищей и французских партизан. Совместно с отрядом велосипедистов из 258-й резервной дивизии СД провела 3 июля облаву, в результате которой в руки немцев попали 33 английских парашютиста и 1 американец. Все они были в военном обмундировании, поэтому не могло быть никаких сомнений в том, что все пленные — солдаты регулярной армии. LXXX корпус стремился любой ценой избавиться от этих пленных и передать их по принадлежности в соответствующие органы ВВС. Но все командиры ближайших авиа частей (начальники аэродромов в Туре, Коньяке и Мариньяне около Бордо) под разными предлогами (в Туре потому, что как раз в это время союзники разбомбили аэродром, а другие вообще никаких причин не привели) отказались принять этих пленных. Начальник разведки 1-й армии майор Хай тоже отказался принять парашютистов, ссылаясь на отсутствие охраны и надлежащих помещений. При этом майор Хай заявил по телефону начальнику разведки LXXX корпуса капитану Шёнигу, который пытался «сплавить» ему пленных: «Видишь ли, Шёниг, все это дело с парашютистами слишком скользкое!»¹

Из штаб-квартиры фельдмаршала Рундштедта по телетайпу запросили от LXXX корпуса сведения о судьбе парашютистов, требуя одновременно подтверждения, что этот запрос был по прочтении уничтожен. Командир корпуса генерал Галленкамп был вне себя от ярости: по адресу Шёнига он сказал, что все это дело кончится для него очень скверно.

¹ PN-12, sten., s. 755.

По телетайпу же Рундштедту сообщили: «Допрос пленных еще не закончен». Вскоре в сводке вермахта было указано, что 43 (вместо 34 — ошибка канцелярии, как выяснил Шёнинг) английских парашютиста были уничтожены в Юго-Западной Франции. Но это не соответствовало действительности, так как тогда они еще были живы.

Однако спустя три дня все «неприятности» кончились. Без суда, по приказу начальника штаба LXXX корпуса полковника Кёстлина, «исполнительный взвод» под командованием обер-лейтенанта Фогта расстрелял 31 парашютиста (трое раненых в бою еще оставались в госпитале). Казнь происходила на лесной поляне вблизи Пуатье. В качестве «ассистирующего» при казни присутствовал по распоряжению командования корпуса начальник разведки капитан Шёнинг. В его обязанности входило наблюдение за тем, чтобы казнь совершилась «при точном соблюдении устава и правил армейской традиции и чести». Перед экзекуцией переводчики сообщили парашютистам, что они будут казнены по приказу «фюрера», поскольку их сбросили за линией германского фронта, а они сами совершили акты саботажа, сотрудничали с французским движением Сопротивления, организуя его и снабжая оружием. Залп карательного взвода производился с расстояния в 5 метров. Число расстреливающих было определено так, чтобы на каждого пленного приходилось по два палача. В экзекуции участвовали такжеunter-офицеры: они должны были совершить процедуру «Gnadenschuß»¹ после совершения казни. Смерть констатировал санитар. Три раненых парашютиста, находившиеся в госпитале, в тяжелом состоянии были перевезены в военную тюрьму в Пуатье, где они (как это явствует из отношения СД, адресованного вермахту) «умерли приблизительно через 5 дней». Возникает вопрос: почему же раненых не оставили в госпитале? По сообщению СД, несколько других партизан, находившихся тогда в госпитале в Пуатье, были отбиты и уведены своими товарищами. Поэтому гитлеровцы опасались, что нечто подобное может произойти и с парашютистами. Ясно, что только после их смерти число «ликвидированных» (43—34) соответствовало сводке вермахта. В сущности, раненые эти должны были умереть. Формально судьба пленных зависела от телефонограмм, которыми непрерывно обменивались LXXX корпус, 1-я армия и командование войсками вермахта на Западе. И все же она была предопределена заранее, поскольку с вермахтом сотрудничала СД, а верховным главнокомандующим вермахта был Гитлер. Старая кайзеровская армия тоже имела свой

¹ Буквально: «выстрел милосердия». Так гитлеровцы называли выстрел, которым они добивали тяжелораненых,

«спор об унитре Грише»¹. Этот спор, идентичный по результатам с делом парашютистов из Пуатье, показывает все же, что некоторые офицеры кайзера проявили больший характер, чем подчиненные Рундштедта.

После войны за преступление в Пуатье генерал Галленкамп был приговорен английским военным судом к смертной казни (впрочем, смертная казнь была заменена ему пожизненным заключением, а уже в 1952 году он вообще был освобожден), начальник его штаба полковник Кёстлин — к пожизненному тюремному заключению, а начальник разведки корпуса капитан Шёнig — к 5 годам тюрьмы.

* * *

Германское командование очень рано — уже на первом этапе войны — начало подготовку к полному взаимодействию всех своих звеньев в противовоздушной обороне. В круг этой подготовки входил также перехват сбитых над территорией рейха летчиков, а также розыски и захват парашютистов.

Уже на первой стадии войны к участию в «обезвреживании» летчиков и парашютистов противника германские власти привлекли и гражданское население.

В марте 1940 года по различным национал-социалистским и другим каналам (органы пропаганды, СС, «Союз студентов» и т. д.) сугубо законспирированным способом и исключительно устно немецкое население было проинструктировано: экипажи неприятельских самолетов, которые приземлились на территории рейха, а также парашютистов врага надо «обезвреживать», не допуская при этом, чтобы вражеский экипаж уничтожил или повредил самолет и сжег имеющиеся документы. Населению вменялось в обязанность немедленно извещать ближайший военный пост или жандармерию о каждом таком случае².

Эта кампания проводилась через НСДАП (Гесс) по инициативе гитлеровских ВВС (Геринг).

Применение данной директивы поначалу было очень редким явлением. В 1939—1942 годах сравнительно мало самолетов противника совершало налеты, нарушая покой немцев в самом рейхе бомбардировкой с воздуха. В этот период воздушное пространство над рейхом почти безраздельно приходило гитлеровским ВВС. Польская авиация (в 1939 году), англо-французская (в 1939—1940 годах) и советская (в 1941—1942 годах) были вынуждены вести преимущественно оборонительные бои.

¹ Здесь ссылка на одноименное произведение Арнольда Цвейга.

² «Trial», 062-PS, v. XXV, p. 119—121.

Как же использовали гитлеровцы свое преимущество в воздухе?

С самого начала войны против Польши, в 1939 году, гитлеровцы применили методы воздушной войны, нарушающие все установленные и признанные законы и обычай войны. К «военным объектам», подвергшимся беспощадной бомбёжке и обстрелу, гитлеровцы сразу отнесли открытые города, толпы мирных беженцев на дорогах, пасущиеся на лугах стада, маленькие села и хутора без какого-либо следа концентрации войск, даже одиноких прохожих и т. д. и т. п.

После варварской бомбардировки Варшавы в 1939 году пришла очередь голландских городов. Кессельринг даже утверждал, что бомбардировка Роттердама непосредственно повлекла за собой сдачу голландского гарнизона Роттердама, а в результате этого и капитуляцию всей голландской армии¹. После Роттердама гитлеровцы, уже достаточно обнаглев, атаковали французские города, английские (Лондон, Ковентри), югославские (Белград), советские (Минск, Киев, Ленинград) и многие другие. Так немецко-фашистские BBC использовали опыт, приобретенный во время гражданской войны в Испании (достаточно вспомнить хотя бы бомбёжку Герники).

Ни во время сентябрьской кампании 1939 года, ни в течение 1939—1940 годов на германские города не упала ни одна польская, французская или английская бомба. До поражения Франции западные летчики бомбили Германию преимущественно... листовками.

Однако постепенно ситуация стала изменяться. Германия все больше теряла свое господство в воздухе, а преимущество союзников становилось все более очевидным. На германские города вопреки хвастовству Геринга в 1939 году со все возрастающей интенсивностью стали падать бомбы. Начиная с 1943 года особенно усилилась воздушная бомбардировка рейха стратегической англо-американской авиацией. Немецкое население все больше начало понимать судьбу польских, французских, бельгийских, голландских, югославских, греческих и советских городов, селений и поселков, подвергшихся бомбардировке в самом начале второй мировой войны.

И вот тогда-то стали учащаться случаи, когда сбитый летчик союзников подвергался линчеванию взбесившейся толпой.

Разумеется, нельзя даже и представить себе, чтобы такой самосуд мог совершаться стихийно, особенно в столь привыкшей к порядку Германии, если бы толпа опасалась репрессий со стороны властей. Но... такого опасения у толпы просто не было. Органы безопасности, а порой даже военные власти и НСДАП получили и распространили соответствующие ин-

¹ «Der Prozeß», Bd. IX, S. 203.

структур. Косвенно, намеками, тайными приказами и газетными заметками гитлеровцы сделали все, чтобы толкнуть германских граждан на путь линчевания пленных летчиков противника.

Первым на путь этих преступлений вступил Гиммлер со своим мощным аппаратом безопасности.

Все органы полиции безопасности и СД получили указание не вмешиваться в случаи линчевания толпой захваченных союзных летчиков. Как раз наоборот, им надлежало разжигать враждебные настроения среди населения¹.

10 августа 1943 года Гиммлер издал свой пресловутый приказ, в котором говорилось:

«В задачу полиции не входит вмешательство в столкновения немецкого населения с приземлившимися английскими и американскими летчиками, осуществлявшими террор»².

Приказ этот был передан офицерам СС и полиции, с тем чтобы они сообщили его для сведения всем руководителям полиции порядка и полиции безопасности на местах, а те в свою очередь должны были информировать о полученных указаниях подчиненные им полицейские органы только и исключительно устно.

Несколько недель спустя, 3 сентября 1943 года, в кампанию включился Геринг. Престиж главнокомандующего германской авиацией сильно пострадал, когда на поверку его заверения о том, что с 1939 года ни одна вражеская бомба не упадет на немецкие города, оказались пустой болтовней. Отношения рейхсмаршала с Гитлером серьезно ухудшились, звезда «человека № 2» гитлеровского рейха начала быстро меркнуть. В лихорадочных поисках выхода из создавшегося положения командование BBC предложило — явно попирая международное право, особенно статью 9 Женевской конвенции, — разместить около 8 тысяч англо-американских летчиков, находившихся в гитлеровском плену, по городам... подвергающимся бомбардировкам союзной авиации. По мнению Геринга, эта мера должна была предотвратить бомбёжку таких городов.

Но предпринятые Гиммлером и Герингом «меры» не остановили союзную авиацию. В 1944 году интенсивность воздушных бомбардировок территории Германии резко усилилась. Германская противовоздушная оборона оказалась совершенно беспомощной перед массовыми дневными и ночных налетами авиации. Гитлеровские истребители-перехватчики, несмотря на создание так называемого «егерштаба» (органа,

¹ Показание начальника отдела СД (в РСХА) Шелленберга («Trial», 2990-PS, v. XXXI, p. 440).

² Ibid., 110-R, v. XXXVIII, p. 313—314.

занимавшегося увеличением производства истребителей), все реже взлетали в воздух для отражения налетов авиации союзников. В такой обстановке распоряжения Гиммлера становились совершенно недостаточными. Гитлеровцы были тем же самым оружием, которое они безнаказанно применяли в 1939—1942 годах, и они приступили к принятию контрмер, цепляясь за прежние преступные средства, но применяя их уже по-новому.

Инициаторы войны а-ля Герника изобрели новый термин «*Terrorflieger*» («летчики-террористы») и, идя по пути преступлений, стали отказывать пленным англо-американским летчикам в признании за ними статуса военнопленных. Считая сбитых летчиков преступниками, они отказывали им и в правовой защите, настраивали против них население, а в ряде случаев прямо провоцировали убийство их разъяренной толпой или сотрудниками органов безопасности.

Это были старые способы; новостью тут явилось умышленное приоткрытие завесы, обнажившее прежнюю практику. Конечно, можно было втайне убить некоторое число пленных-летчиков, но ведь это не остановило бы лавины воздушных налетов с использованием тысяч самолетов. И вот в головах главарей третьего рейха родилась новая концепция, смысл которой можно было бы изложить так: ликвидация сбитых «террористов» без суда, их гибель от рук разъяренной толпы дает только слабые, локальные выгоды; о таких фактах ввиду их сугубой секретности не знают летчики, товарищи убитых; поэтому надо предупредить всех летчиков противника о том, что их ждет, если они будут продолжать воздушные налеты и окажутся сбитыми.

Однако в этом деле было свое «но». Оглашение для всеобщего сведения фактов «стихийных» самосудов над летчиками (до сих пор сохранявшихся втайне) позволит союзникам без особых труда расшифровать это как заранее организованное науськивание толпы, побуждение ее к убийству, то есть как явное нарушение конвенций о военнопленных.

Гитлеровские главари долго колебались, прежде чем отважились перейти к очередному этапу в своей зигзагообразной политике преступлений. Но соображения «целесообразности» взяли верх над сомнениями. А вдруг страх перед «зондербехандлунг» или линчеванием поколеблет дух летчиков, бомбардирующих Германию!

Директива о расстреле сбитых и захваченных в плен летчиков исходила от самого Гитлера (она была издана после того, как в мае 1944 года Геринг представил ему доклад по этому вопросу). Вот ее текст:

«Сбитых неприятельских летчиков надлежит расстреливать без предания военно-полевому суду в следующих случаях:

- 1) при обстреле ими спасающихся на парашютах сбитых летчиков (немецких);
- 2) при нападении, с применением бортового оружия, на совершившие вынужденную посадку немецкие самолеты, вблизи которых находились их экипажи;
- 3) при нападении на железнодорожные составы;
- 4) при нападении на бреющем полете и обстреле из бортового оружия одиночных мирных граждан»¹.

В этой директиве поражает одна деталь: к категории «преступлений» не отнесено разрушение жилых районов, что было истинным бедствием для населения. Весьма характерно, что к разряду преступлений, подпадающих под действие «юстиции линчевания», первоначально были отнесены и воздушные налеты на города. Как сама директива Гитлера от 21 мая 1944 года, так и все позднее изданные или проектировавшиеся приказы по данному вопросу отступали от этой концепции и ограничивались лишь упоминанием об атаках на бреющем полете (с применением бортового оружия). Почему? Разве разрушение жилых кварталов в Германии было меньшим преступлением? Разве оно вызывало меньшие потери среди мирного населения, чем, скажем, убийство одиночного прохожего на шоссе «из бортового оружия»?

В германских документах нет ясного ответа на эти вопросы. Но объяснение этого факта, по нашему мнению, не представляет большой трудности.

Убивая летчиков противника за бомбардировку немецких городов, публикуя в прессе сообщения об этих случаях и мотивируя их необходимостью возмездия за попрание законов и обычая войны, гитлеровцы тем самым лишили бы себя возможности применить те же средства. Но введя этот преступный обычай бомбардировки открытых городов еще с 1 сентября 1939 года и применяя его в течение всей войны, гитлеровцы не захотели отказаться от него и в 1944 году, когда самый ход войны все явственнее предвещал приближающееся поражение Германии. По мнению главарей третьего рейха, спасти их от этого поражения могло только чудо в виде «необычайного оружия». И Гитлер, и его сообщники верили в это «чудодейственное оружие», обманывали немецкий народ сказками, что вот-вот, не сегодня-завтра оно будет изобретено, более того, что оно уже готово и лишь «гуманный» «фюрер» не желает его применять до самого последнего момента, когда уже не останется иного выхода..

Трудно, однако, особенно в 1944 году, «именем закона» осуждать в противнике то, что открыто применяешь сам.

¹ «Trial», 731-PS, v. XXVI, p. 275—276; *ibid.*, NC, v. III, p. 127—128 (R-118).

И все же надо считать почти символичным тот факт, что как раз 6 июня 1944 года — в день открытия второго фронта — было принято решение не включать в перечень «преступлений» союзных летчиков, за которые власти третьего рейха допускали самосуд, такие действия авиации, как разрушение городов. Это была последняя ставка — ставка на «чудодейственное оружие» («Wunderwaffe»).

В германских исследовательских лабораториях в Пенемюнде (Щецинский залив) близились к концу лихорадочные приготовления к производству разрушительного ракетного оружия. После успехов с пробными запусками прототипов этого оружия в 1942 году, несмотря на сильнейшую бомбардировку базы в Пенемюнде англо-американской авиацией в августе 1943 года, Гитлер имел все основания к тому, чтобы в 1944 году верить в ракетное оружие. И действительно, 1 июля того же года на Лондон упали первые ракеты «Фау-1», которые обладали огромной разрушительной силой и которые Гитлер считал способными в корне изменить ход войны в пользу Германии.

Вот в чем подлинная причина «великодушия» гитлеровцев в трактовке вопроса о разрушении городов!

Совсем иначе представляется вопрос о применении бортового оружия самолетов. Хотя гитлеровцы с самого начала войны и применяли этот метод на различных фронтах, однако в отношении Англии здесь было сделано исключение — по специальному приказу Геринга¹. Не вникая в причины издания подобного приказа, надо все же заметить, что гитлеровцы решили использовать этот *формальный юридический* предлог для развязывания новой антисоюзнической кампании. Ссылаясь на международное право, они пошли на новое преступление — подстрекательство толпы к физическому уничтожению уже обезоруженных, беззащитных людей.

Что представляется парадоксальным в этой ситуации?

Разрушение жилых кварталов (больше того, целых городов!) в результате воздушных бомбардировок по своим масштабам, бесспорно, является преступлением, более чреватым своими последствиями, чем обстрел людей бортовым оружием. Но гитлеровцы прикрывались международным правом всякий раз, когда это служило их насущным интересам в определенной ситуации. В противном же случае право это оспаривалось, обходилось и... нарушалось тайно и даже явно! В июне 1944 года военное и политическое положение гитлеровской Германии побудило главарей третьего рейха, которые уже совершили убийство миллионов людей, занять на

¹ Об этом писал представитель министерства иностранных дел Риттер в своем письме в ОКВ от 20 мая 1944 года (dok. 728-PS).

первый взгляд непонятную позицию... осуждения убийства одинокого прохожего бортовым оружием летящего на бреющем полете истребителя противника, признания такого действия преступным способом ведения войны и циничным по-принятием международного права и, как следствие, «реагирования» (преступного!) в форме линчевания сбитого летчика, который допустил обстрел. С другой же стороны, такая ситуация диктовала гитлеровцам необходимость непризнания преступлением и нарушением международного права... не менее бесчеловечных бомбардировок с воздуха целых жилых районов и погребения под их развалинами десятков тысяч невинных людей. Но даже это не было единственным проявлением цинизма гитлеровцев в толковании норм международного права.

Вполне понятно, что введение новых «норм» в форме линчевания вызывало определенные опасения и сопротивление даже среди высших чинов рейха, хотя они уже привыкли к применению разбойничих методов в отношении собственного народа, а тем более в отношении других народов, ставших под ярмом гитлеровской оккупации. Однако такое «внутреннее сопротивление», если оно даже действительно имело место, было слишком слабым, и его быстро преодолели. Разумеется, для главарей третьего рейха было бы весьма желательно, чтобы Германия не оказалась одинокой в применении новых «методов». По-видимому, этим и следует объяснить предпринятую Гитлером попытку, который накануне опубликования в «Фелькишер беобахтер» пресловутой статьи Гебельса (см. ниже) пытался повлиять на своих союзников, побудив их со своей стороны по-новому обращаться с «летчиками-террористами», то есть попросту убивать их.

27 мая 1944 года во время беседы Гитлера с японским послом Осима, в частности, обсуждался вопрос о бомбардировке японских городов американской авиацией. Осима жаловался, что слабой стороной в обороне японских городов является то обстоятельство, что они построены преимущественно из дерева, а это значительно увеличивает масштабы разрушений. Гитлер порекомендовал послу, чтобы «...японцы вешали, а не расстреливали американских «летчиков-террористов», и тогда американцы призадумаются над дальнейшим проведением подобных нападений»¹. Как известно, «советы» Гитлера были доброжелательно восприняты японцами и применены на Дальнем Востоке.

Директивы Гитлера стали основой запланированной и скоординированной на высшем уровне акции. Однако была произведена некоторая довольно существенная модификация.

¹ «Trial», 378-PS, v. XXXIII, p. 79; *ibid.*, v. X, p. 384.

Первая поправка состояла в полной отмене первоначального варианта второго пункта, где говорилось об уничтожении экипажем своего самолета после вынужденной посадки. Это было сделано под влиянием Иодля, который на полях первоначального варианта этого пункта написал: «Пункт этот необходимо продумать: уничтожение самолета, который совершил вынужденную посадку, не может быть названо «гангстерским методом»; это соответствует самым строгим критериям цивилизованной войны» (см. R-118). Вторая поправка касалась способов приведения наказания в исполнение. Вместо расстрела без суда было выбрано «стихийное правосудие» толпы, частично уже примененное с официального согласия Гиммлера в 1943 году.

Существенным элементом в осуществлении упомянутой директивы было решение о том, чтобы не держать под спудом намечаемые меры (преступная расправа с летчиками), а передать их огласке с целью вызвать устрашающий эффект. Эта миссия была поручена имперскому министерству пропаганды. Первым вышел на ристалище — развивая и обосновывая «основную мысль» директивы Гитлера, а также сообщая ее для сведения изумленному общественному мнению Германии и всего мира — чемпион лжи, возведенной в ранг государственного политического инструмента, министр пропаганды третьего рейха Геббельс.

28—29 мая 1944 года в «Фёлькишер беобахтер» появилась пространная статья Геббельса под недвусмысленным заголовком: «Слово о вражеском воздушном терроре». Главный враг третьего рейха выступает тут в роли несгибаемого борца за международное право. «Враг, — разглагольствует Геббельс, — стремится сломить дух немецкого гражданского населения и (сражающихся) мужчин путем варварского способа ведения воздушной войны. Даже выдающиеся личности в лагере противника открыто и явно поддерживают и подстрекают к применению террора и жестокости в этой войне с гражданским населением. Наряду с бомбардировкой жилых районов англо-американцы перешли также к обстрелу из бортового оружия групп и даже отдельных мирных людей с малой высоты. В этом поведении противника нет даже внешнего уважения законов войны: такие действия уже не имеют ничего общего с войной, это обыкновенное убийство...» «Противник, — продолжал Геббельс, — ставит себя этим преступным способом борьбы вне всяких признанных норм международных законов войны».

Заняв удобную, хотя и не слишком-то подходящую к нему позицию «защитника закона», Геббельс переходит к существу вопроса. Излагает он его со знанием дела, профессионально. Нет, боже упаси, он не призывает к убийству! Но, комменти-

руя мнимые (или даже подлинные) высказывания союзников, он прибегает к таким «кунштюкам», что ему позавидовал бы любой жонглер: «До сего времени мы не сообщали германскому народу факты наиподлнейших из числа этих официальных высказываний врага, поскольку мы опасались, что ввиду такого цинизма он [то есть народ. — Ш. Д.] прибегнет к замозащите и заплатит сбитым пилотам неприятельских самолетов мерой за меру. Но теперь перед лицом применения таких преступных методов пусть никто не удивляется, что население охватывает безумная ярость. В такой ситуации жизнь сбитых летчиков могло бы спасти только вооруженное вмешательство армии или полиции. Но кто имеет право требовать, чтобы с такими летчиками обращались по-человечески, чтобы германская армия и полиция направлялись против германского же населения, если оно поступает с детоубийцами так, как они того заслуживают» (!).

Заканчивает свою статью Геббельс веским заявлением, что пилоты противника не могут оправдывать своих поступков ссылкой на выполнение полученного приказа, поскольку «никакой закон не предусматривает того, чтобы солдат заслуживал безнаказанности, выполняя приказы, глумящиеся над моралью и международными обычаями». И, наконец, в последнем абзаце он напыщенно восклицает: «Мы сумеем найти средства и способы, чтобы защититься от этих преступников» (!).

Статья Геббельса достигла намеченной цели. Весь мир узнал о готовящемся преступлении: германское мирное население призывалось к «оправдываемой самозащите» с одновременным заверением в безнаказанности; войска и полиция получили инструкцию не брать под защиту сбитых летчиков, а члены оперативных групп СД, гестапо, СС и полиция, не говоря уже о вермахте, с изумлением впервые узнали о том, что существуют приказы, которые нельзя выполнять, — «приказы, глумящиеся над моралью и международными обычаями». Теперь пришло время осуществлять все постулаты статьи имперского министра пропаганды. Однако дело оказалось не простым и не легким. Опубликование — в расчете на заграницу — сведений о линчевании летчиков разъяренной толпой представляло собой, особенно после угрозы Геббельса, очень щекотливое дело и требовало большой ловкости со стороны заинтересованных лиц и органов. Несмотря на всю словесную эвклистику Геббельса, нетрудно было обнаружить в его статье наличие плана, направленного на совершение новых преступлений. Именно потому следовало прежде всего точно определить: какого рода деятельность летчиков противника могла быть караема путем «самосуда». Инициатива в этом деле, по логике вещей, должна была принадлежать ОКВ,

которое к тому же взяло на себя роль координатора данной акции. Интересовались этой «операцией» и другие органы — как военные, так и гражданские (ВВС, министерство иностранных дел и СД). Но ОКВ пошло даже дальше, чем Геббельс, который выдвигал только «стихийный гнев народа»: ОКВ стремилось включить в рамки запланированной операции также и тех «терористических» летчиков, кои уже находились в лагерях для пленных, чтобы послать их на смерть от рук... СД.

После опубликования цитированной выше статьи пришло время реализовать тайные директивы Гитлера и явные, хотя и не конкретизированные угрозы Геббельса. Первой приступила к делу НСДАП. Всего через два дня после опубликования статьи начальник партийной канцелярии Борман издал секретный циркуляр для местных партийных органов с целью обосновать и, что самое главное, организовать «стихийные» выступления толпы:

«Английские и североамериканские летчики многократно, особенно в течение последних недель, обстреливали из бортового оружия с незначительной высоты играющих во дворах детей, женщин и детей, занятых на полевых работах, пашущих крестьян, подводы на шоссе, железнодорожные составы и т. д., самым подлым образом убивая при этом безоружных граждан, а в особенности женщин и детей.

...Неоднократно случалось, что члены экипажа, которые выпрыгнули с самолетов или совершили вынужденную посадку, после их задержания были линчеваны на месте возмущенным до предела населением. *Полицейское и уголовное преследование замешанных в эти дела граждан было прекращено*¹.

Рейхслайтеры, гаулайтеры, крейслайтеры и руководители филиальных организаций НСДАП получили этот циркуляр в письменном виде. Низшие инстанции местных партийных организаций (ортсгруппенлейтеры) надлежало, согласно строгому распоряжению партийной канцелярии, проинформировать о его содержании устно — через гаулайтеров и крейслайтеров. Уже сам способ передачи циркуляра свидетельствует о том, что сей документ не был обычной информацией *о фактах*, имевших место в прошлом. Заглавие циркуляра «Осуществление народного правосудия над англо-американскими убийцами» и особенно текст последнего его пункта (о прекращении преследования виновных) явно указывают на то, что речь тут идет об одном: партия включилась в кампанию уничтожения, и акты самосуда надо организовывать. Кроме того, пар-

¹ «Volksjustiz gegen anglo-amerikanische Mörder», Rundschreiben 125/44g («Trial», 057-PS, v. XXV, p. 112—113).

тийные руководители получили заверение, что участие в линчевании ненаказуемо. Так НСДАП к прочим своим преступным функциям прибавила также функцию организатора убийств союзных летчиков.

Документ Бормана не является единственным свидетельством такой роли НСДАП. Гаулайтеры — эти владыки жизни и смерти отдельных провинций третьего рейха, сосредоточившие в своих руках все атрибуты высшей государственной власти и вместе с тем являвшиеся также высшими партийными сановниками в своих провинциях, — со своей стороны, когда ослабевала ярость толпы, издавали инструкции в духе циркуляра Бормана, напоминавшие функционерам НСДАП об их «обязанностях».

Особенно прославился в этом отношении гаулайтер Бадена и Эльзаса Вагнер, который, в частности, ввел обязательную службу эльзасцев в вермахте и добился жесткого выполнения этого распоряжения. Конечно, и Вагнер тоже не преминул отдать приказ об убийстве союзных летчиков. Более того, он потребовал от своих крейслайтеров, чтобы они сами убивали захваченных летчиков¹.

25 февраля 1945 года гаулайтер и имперский комиссар обороны в Южной Вестфалии Гофман отдал следующий приказ подчиненным ему партийным организациям, бургомистрам, органам полиции и «фольксштурму»:

«Как правило, летчики сбитых бомбардировщиков и истребителей не должны быть защищаемы от гнева народа. От всех полицейских инстанций ожидаю, что они откажутся брать под защиту этих бандитов. Власти, которые попытаются действовать наперекор чувствам народа, будут мною привлечены к ответственности. Следует немедленно информировать о моей позиции всех служащих полиции и жандармерии»².

На Нюрнбергском процессе Гофман оправдывался тем, что приказ этот будто бы... «выскользнул» из его канцелярии после того, как он отказался подписать его³.

По природе вещей главным помощником НСДАП в подстрекательстве и «невмешательстве» должны были быть в гитлеровском полицейском государстве органы безопасности рейха. Однако последние ждали окончательного решения высших органов, в особенности выявления позиции тех, в чьем ведении находились дела военнопленных, то есть ОКВ. Этого решения ждали с интересом, учитывая очевидную преступ-

¹ Показания Гуго Грюнера («Trial», v. VI, p. 367).

² «Trial», 154-L, v. IV, p. 51; *ibid.*, v. XXXVII, p. 602.

³ *Ibid.*, v. XXII, p. 177.

ность данной операции. На это, в частности, указывает тот факт, что в момент, когда еще шли совещания по вопросу об окончательной редакции распоряжений, основанных на директивах Гитлера, в кругах полиции безопасности и СД ходили слухи (якобы исходящие «из конфиденциальных источников»), будто ОКВ еще 3 июня 1944 года издало совершенно секретный приказ, который был зачитан всем командирам рот и в котором говорилось, что от германских солдат ожидают, что они не встанут на защиту убийц германского народа. Эти командиры в свою очередь якобы должны были дать понять солдатам, что на непременный захват в плен летчиков противника особого внимания больше не обращается¹.

Однако в свете имеющихся документов эта информация представляется нам не совсем точной. Такой приказ ОКВ действительно издало, но месяцем позже (см. ниже). Все же весьма характерно, что еще в начальной стадии это дело стало известно органам полиции безопасности и СД средних и низших звеньев; они ошиблись только в дате и инстанциях, которым был передан позднейший приказ ОКВ.

Одновременно со всем этим проводились лихорадочные, спешные совещания. Ведь прежде всего необходимо было окончательно определить: какие действия союзных летчиков следует отнести к преступным, а какие оставить без наказания. Согласие по этому вопросу было достигнуто наконец на совещании Геринга, Риббентропа и Гиммлера 6 июня 1944 года. Проект передали для сведения ОКВ (лично генералу Варлимонту) при посредничестве Кальтенбруннера. В соответствии с директивами Гитлера, «юстиция линчевания» ограничивалась актом воздушного нападения на мирное население с бреющего полета, но в то же время было окончательно исключено обвинение в бомбардировке городов. Был затронут, но не решен еще окончательно вопрос об отношении к «летчикам-террористам», уже переданным в лагерь в Обер-Урзеле (куда направляли всех сбитых летчиков). На упомянутом совещании *по предложению ВФСт* все согласились, однако, в том, что в данном вопросе следует провести необходимую подготовку с целью передачи их в СД для осуществления «зондербехандлунг». Об этом свидетельствует приводимая ниже служебная записка Варлимонта:

«Заместитель начальника ВФСт указывает на то, что наряду с судом Линча следует также во время приема [пленных. — Ред.] в пересыльном лагере в Обер-Урзеле подготово-

¹ NC, 745-PS, v. III, p. 543—544; *ibid.*, v. II, p. 292.

виться к изоляции тех летчиков противника, на которых пало подозрение в совершении преступлений этого рода, чтобы в случае подтверждения подозрений могла быть осуществлена передача их СД. В данном вопросе ВФСт сотрудничает с ОКЛ с целью выработать указания, которые обязывали бы в этом отношении коменданта лагеря в Обер-Урзеле. Обергруппенфюрер Кальтенбруннер выразил свое принципиальное согласие относительно этого намерения, а также на передачу изолированных в СД»¹.

Что касается доведения до сведения общественности фактов совершенных самосудов, то было решено, чтобы в каждом отдельном случае предварительно состоялась консультация между ОКВ/ВФСт, ОКЛ, рейхсфюрером СС и министерством иностранных дел.

В тот же день Варлимонт провел совещание с первым адъютантом Геринга полковником Б. Браухичем, на котором было подробно установлено и согласовано, какие именно «террористические акты» оправдывают линчевание. Это были: обстрел мирного населения бортовым оружием с бреющего полета — безразлично, идет ли речь об одиночном прохожем или группе лиц; обстрел выбросившихся на парашютах сбитых немецких летчиков; обстрел из бортового оружия пассажирских поездов; обстрел лазаретов, госпиталей и санитарных поездов, отчетливо отмеченных знаком Красного Креста. Этот перечень преступлений надлежало передать коменданту лагеря в Обер-Урзеле, и в случае обнаружения, что находящиеся там пленные летчики совершили хотя бы одно из названных действий, их следовало передать в руки СД².

Спустя неделю после встречи Варлимонта с Браухичем, 15 июня 1944 года, ОКВ направило Герингу *совершенно секретное письмо*³, в котором выдвинуло предложение, чтобы «согласованные на совещании Варлимонт — Браухич катергии преступлений вражеских летчиков принять во внимание при опубликовании как случаи линчевания, относительно оправдывающие передачу неприятельских летчиков из персыльного лагеря в Обер-Урзеле в руки СД на предмет «зондербехандлунг».

Затем ОКВ обратилось к Герингу с просьбой одобрить высказанное, а также процедуру публикации случаев «самосуда» в случае необходимости *устно* информировать коменданта лагеря в Обер-Урзеле о «соответствующей процедуре».

В тот же день ОКВ направило письмо и в министерство иностранных дел (на имя посла Риттера) с просьбой высказать

¹ «Trial», 735-PS, v. XXVI, p. 276—278.

² Ibid.

³ Ibid., 729-PS, v. XXVI, p. 272.

мнение относительно предлагаемых категорий преступлений летчиков противника, указав, какие из этих категорий годились бы для публикации, а какие в большей мере могли бы считаться основанием для передачи соответствующих летчиков в руки СД. В письме определялись детали, касающиеся техники публикации заметок о действиях союзных летчиков. Здесь впервые совершенно недвусмысленным способом была определена цель: «отпугивание [союзных летчиков. — Ред.] от дальнейших убийств». Но ОКВ все же опасалось протестов противника и поэтому предложило перед каждым широким оповещением о том или ином случае «самосуда» согласовывать детали между ОКВ, ОКЛ, ВФСт, министерством иностранных дел и СД¹.

В ответ на это письмо посол Риттер привел только одну оговорку — относительно целесообразности публикации случаев «зондербехандлунг». По его словам, это потребовало бы предварительного денонсирования обязательной и для Германии Женевской конвенции 1929 года, которая в статье 63 предусматривает, что пленный может быть судим только судом, компетентным для членов вооруженных сил пленившего его государства. К тому же в статье 66 говорится, что исполнение вынесенного смертного приговора может быть совершено лишь спустя три месяца с момента уведомления державы-покровительницы. Положения эти, продолжал Риттер, настолько очевидны и ясны, что любая попытка замаскировать такого рода случаи путем ловких публикаций заранее была бы обречена на провал. Пленные, которые оказались в лагерях (например, в Обер-Урзеле), тем самым уже приобрели статус военнопленных. Ликвидация их органами СД поставит Германию перед обвинением в попрании обязательных международных соглашений и вызовет возможные репрессалии в отношении немецких военнопленных. Поэтому, подчеркивал Риттер, министерство иностранных дел не рекомендует становиться на путь формального денонсирования конвенции 1929 года².

Как и следовало ожидать, не только Геринг, но и министерство иностранных дел окончательно одобрили проект ОКВ; сомнения же, которые одолевали Геринга и руководителей гитлеровского министерства иностранных дел, а возможно, и других заправил рейха, не раз еще были предметом обсуждения на высшем уровне и окончательно решались Гитлером. Однако характерно, что Гитлер считал неуместным играть комедию в кругу своих ближайших сообщников и терять время на обсуждение мер и средств выполнения своих

¹ «Trial», 730-PS, v. XXVI, p. 274—275.

² Ibid., 728-PS, v. XXVI, p. 267—271; ibid., 740-PS, v. XXVI, p. 280.

замыслов: разговоры о «гневе народа», «самозащите», «суде Линча» — это функция его помощников. Его же дело-де издавать директивы: в таких-то и таких-то случаях надо убивать. В случае возникновения сомнений он подчеркивает и повторяет тот или иной принцип, проявляя тенденцию к расширению сферы его применения.

4 июля 1944 года, через несколько дней после начала бомбардировки Лондона снарядами «Фау-1», в ставке Гитлера во время обсуждения военно-политического положения занимались также «появившимся в печати» сообщением о том, что англо-американцы в ответ на бомбардировки с помощью «Фау-1» предупредили, что они предпримут контрмеры в виде воздушных налетов на малые населенные пункты, не имеющие военно-экономического и военного значения. Гитлер заявил, что в случае, если эти сообщения подтвердятся, он распорядится известить посредством радио и печати население о том, что «...каждый неприятельский летчик, который примет участие в таком нападении и будет при этом сбит, не может претендовать на то, чтобы с ним обращались как с военно-пленным: он должен быть немедленно, как только попадет в руки немцев, убит (то есть с ним надлежит поступить как с убийцей)¹». До момента же установления достоверности этих сообщений Гитлер приказал не предпринимать никаких мер.

Весьма сомнительно, чтобы в течение последующих пяти дней, отделявших решение Гитлера (4 июля) от исполнительных распоряжений ОКВ (9 июля), произошли какие-либо события, которые оправдывали бы такую поспешность. После повторного подтверждения позиции Гитлера ОКВ попросту включилось в эту операцию по своей линии.

9 июля 1944 года был издан совершенно секретный приказ ОКВ/ВФСт «О поведении солдат при самозащите населения против сбитых террористических летчиков» — один из самых подлых приказов второй мировой войны:

«В последнее время имели место случаи, когда солдаты, становясь на защиту англо-американских террористических летчиков, выступали против населения, вызывая этим его законное недовольство. Прошу как можно скорее *устно* проинструктировать [подчеркнуто в оригинале. — Ш. Д.] подчиненные вам войска и органы, дабы впредь не допускать, чтобы в подобных случаях солдаты выступали против населения, требуя выдачи им летчиков с целью взятия их в плен. Беря под защиту летчиков-террористов, эти солдаты тем самым совершенно явно становятся на их сторону. Ни один германский гражданин не может понять такого поведения наших вооруженных сил. Не следует также запрещать населению

¹ «Trial», 786-D, v. XXXV, p. 522.

оккупированных территорий, чтобы в своем справедливом возмущении против англо-американских террористических летчиков оно переходило к самозащите или же, выражая свое недовольство и ненависть к захваченным в плен летчикам этих вражеских держав, выражало это иными способами. Кроме того, отсылаю к статье министра д-ра Геббельса в «Фелькишер беобахтер» (берлинское издание от 28 мая 1944 года, № 148), озаглавленной «Слово о вражеском воздушном терроре»¹.

Приказ этот — из самой мрачной серии преступных приказов ОКВ — с сохранением далеко идущих мер осторожности был передан дальше, для сведения германских вооруженных сил. Сохранился один из локальных приказов, изданных на его основе. Это был приказ генерала Шмидта, командующего VI военно-воздушным округом (Luftgaukommando-VI). Излагая 11 декабря 1944 года цитированный выше приказ ОКВ, генерал сопроводил его следующим замечанием:

«Настоящий приказ, а также любая возможная переписка, которая возникла бы в связи с ним, по ознакомлении с их содержанием командиров дивизий, комендантов аэродромных районов (Flughafenbereichskommandanten), командира противовоздушной группы «Кургессен», авиационных частей округа и 112-го полка ПВО должны быть *уничтожены* [подчеркнуто в оригинале. — Ш. Д.]. Ознакомить с настоящим приказом следует только командиров рангом не ниже командиров полков и комендантов аэродромов по возможности устно, в иных же случаях письменно, но от руки. Дальнейшая письменная передача данного приказа подчиненным частям не допускается. Войска должны быть информированы в соответствующей форме устно»².

«Исполнительные оговорки» Шмидта к приказу ОКВ явно указывают на то, что он — впрочем, как и всякий другой германский командир, который получил этот приказ и передал его для исполнения дальше, — вполне отдавал себе отчет в его преступном характере. Однако Шмидту особенно не повезло: не только он сам, но и этот его приказ (а также приказ одного из его подчиненных, коменданта аэродромного района 4/VI в Кёльне³) попали в руки англичан. В 1947 году Шмидт предстал перед военным судом в Гамбурге и был приговорен к пожизненному тюремному заключению⁴.

Любопытно поведение Геринга после издания приказа ОКВ. Правда, он согласился на то, чтобы приказ был пере-

¹ PN-12, NOKW-3060, dok. prok., t. XVIII, s. 132—133.

² Ibid., s. 133—134.

³ Ibid., s. 135.

⁴ Ibid., s. 141.

дан BBC, но... только как приказ ОКВ, а не ОКЛ¹. Эту позицию трудно объяснить чем-либо другим, кроме как страхом перед ответственностью, нечистой совестью, а также стремлением обеспечить себе некий момент, способный облегчить его участь в будущем.

Ясно, что в эту операцию одним из первых включился также весь аппарат безопасности рейха. Вместе с Герингом и министерством иностранных дел Гиммлер с первой же минуты принимал участие в практической реализации приказа Гитлера. С июня 1944 года акция, по существу, была лишь продолжением и всеобщим применением тех «принципов» («невмешательство»), которые Гиммлер установил в своем приказе от 10 августа 1943 года. Начальник РСХА Кальтенбруннер еще раз напомнил всем органам полиции безопасности и СД в третьем рейхе об их обязанности «невмешательства» в случае убийства летчиков, а также о необходимости соответствующего воздействия на психику толпы².

Подстрекательство к убийству пленных дало свои результаты. В ряде городов Германии возбужденная толпа совершила в 1944 и 1945 годах много самосудов над сбитыми и захваченными союзными летчиками.

В местности Рюссельгейм подстрекаемая нацистами толпа убила целую группу летчиков. Виновники не были арестованы, так как по донесению полиции в Управление по делам военнопленных, преступников «нельзя было разыскать» или же они «не были установлены»³.

В феврале 1945 года вблизи Баден-Бадена была сбита «летающая крепость» [бомбардировщик «Боинг-26» американского производства. — Ред.], причем 7 английских летчиков попали в плен. Конвоиры повели пленных через населенный пункт Пфорцгейм, где англичане были зверски избиты местными жителями, а затем летчиков отвели в Гухенфельд и там поместили в подвале школьного здания. Разъяренная толпа ворвалась в подвал: пленных вновь избили, затем выволокли на кладбище и там застрелили. В этом зверском преступлении главную роль сыграли подростки из фашистской молодежной организации «Гитлерюгенд». Оказавшийся в подвале в самом начале побоища бургомистр Гухенфельда не позволил расстреливать пленных в подвале, конечно, отнюдь не ради их спасения. Представитель власти распорядился отвести летчиков на кладбище, так как иначе, заявил, он, дети... будут бояться ходить в школу⁴.

¹ PN-12, NOKW-548, sten., s. 712—713.

² Показания В. Шелленберга («Trial», 2990-PS, v. XXXI, p. 439).

³ Письменное показание подполковника Т. Крафта (PN-12, dok. prok., t. XVII, s. 231), а также его показания на процессе (sten., s. 1655).

⁴ Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 60.

Разъяренность и свирепость толпы бывали настолько сильны, что, как показывает Геринг, случалось даже, что и немецких летчиков, сбитых над территорией Германии, но в первый момент признанных вражескими «террористами», толпа избивала до полусмерти, прежде чем они бывали опознаны¹.

Смерть от рук взбесившейся толпы не была обычным лишением жизни: это было страшное и медленное умирание в муках человека, избиваемого самыми изощренными способами. На процессе по делу генерала Шмидта прокурор, каясь преступного характера изданного подсудимым приказа, подчеркнул:

«Это не был приказ, который повлек за собой только смерть несчастного летчика, ибо его целью было (и на это указывает весь его текст) добиться, чтобы смерть этих летчиков относилась к категории самых ужасающих способов убийства, какие только вы можете себе представить. Быть может, офицеры с вашим опытом видели где-либо, что происходит с жертвами, оказавшимися во власти толпы: это не смерть — это во сто крат увеличенное умирание»².

28 февраля 1945 года в Бомте толпа замучила насмерть двух английских военных летчиков — Дж. Г. Тейлора и В. Ф. Кэтбертсона.

Соучастники этого убийства — «штатские» Август Бюнинг и Фридрих Кёниг — были 8 марта 1946 года английским военным судом приговорены к смертной казни и повешены. Двум другим — Августу Текнеру и Норберту Мюллеру — смертная казнь была заменена 15 годами тюремного заключения³.

Однако нам кажется, что, несмотря на усиленные попытки местных гитлеровских вожаков, им не всегда удавалось подстремнуть население и толкнуть его на совершение преступления против захваченных в плен летчиков. Если толпа держалась пассивно, то на сцену немедленно выступали сотрудники органов безопасности или функционеры НСДАП, лично убивая беззащитных пленников. Во многих случаях в зверствах над безоружными летчиками принимали участие также офицеры и солдаты вермахта, особенно солдаты гитлеровских ВВС.

В октябре или ноябре 1944 года в Рейнвейлере были зверски убиты четыре англо-американских летчика. Допрошенный после войны непосредственный убийца их Гуго Грюнер, который являлся сотрудником гауляйтера Бадена и Эльзаса Ваг-

¹ «Der Prozeß», Bd. IX, S. 403.

² PN-12, NOKW-3061, dok. prok., t. XVIII, s. 136—143.

³ «Trial of August Bühning, Osnabrück, 17—19/XII 1945» (UNWCC, 6-th Supplement to the Synopsis of Trial Reports Received, 30/V 1946).

нера, показал, что эти летчики были захвачены солдатами вермахта, что они носили мундиры, но не имели головных уборов. Вот его слова:

«Я сказал жандармам, что получил от Вагнера приказ убивать каждого взятого в плен союзного летчика. Жандармы ответили, что это единственное, что должно быть сделано. Тогда я решился подвергнуть экзекуции всех четырех летчиков, а один из присутствовавших жандармов указал на берег Рейна как на подходящее место для казни».

Дальше Грюнер рассказал, как проходила подготовка к экзекуции и как он убивал летчиков выстрелами из пулемета в спину, как ему помогал агент гестапо Эрих Мейсснер из Лорраха. Трупы расстрелянных волочили по земле за ноги и сбрасывали в воды Рейна¹.

Разумеется, не оставались в стороне ни сотрудники безопасности, ни лица, непосредственно связанные с ними.

В Ровенской тюрьме надзиратели умертвили двух летчиков и двух советских летчиков (раненых при вынужденной посадке). Перед убийством всех их зверски пытали и избивали, принуждая давать нужные показания².

На процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других подполковник Крафт рассказал о случае убийства сотрудником полиции безопасности одного сбитого летчика. При этом начатое против убийцы следствие по приказу свыше было прекращено³.

21 сентября 1944 года группа чиновников полиции безопасности в Энсхеде (Голландия) убила захваченного в плен союзного летчика, имя которого не установлено. После войны английский военный суд приговорил участников убийства — чиновников нацистской юстиции Эбергарда Шенгата, Эрвина Кнопа, Вильгельма Хадлера, Герберта Гернота и Эриха Лебинга — к смертной казни, Фрица Бема — к 15 годам заключения, а Фридриха Беека — к 10 годам⁴.

21 июня 1944 года над территорией Мекленбурга были сбиты два самолета типа «Либерейтор». Оба экипажа численностью 15 человек были убиты якобы «при попытке к бегству»⁵.

¹ «Trial», RF-376, v. VI, p. 367—368.

² Показания Владислава Прейса (Akta ekstradycyjne Ericha Kocha, AGK).

³ Показания подполковника Крафта (PN-12, dok. prok., t. XVIII, s. 232).

⁴ «Trial of Eberhard Schöngrath and Six Others. British Military Court, Burgsteinfurt, Germany, 7/I—11/I 1946»; UNWCC, Trial and Law Report, Series № 33, 1/I 1947, p. 1.

⁵ Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 58—59.

9 июля 1944 года группа чиновников полиции безопасности из Хертогенбоса (Голландия) совершила карательную экспедицию в Тилбург, где, по агентурным данным, в доме на улице Дипенстраат, 49, принадлежавшем участнице голландского движения Сопротивления, известной под кличкой «Тетушка Коба», скрывались сбитые союзные летчики. Сведения оказались точными. Во время налета агентов полиции безопасности там были обнаружены три союзных летчика — англичанин, канадец и австралиец — одетые в штатское, без оружия. Чиновники полиции безопасности вывели их во двор дома и там расстреляли. При этом палачи сделали сотни выстрелов, калечили трупы, били умирающих ногами и стреляли в лежащих. Чтобы замести следы преступления, трупы сожгли.

После войны четверо соучастников этого преступления — Альберт Рёзенер, Карл Пауль Шванц, Михаэль Ротшопф и Карл Гренер — английским военным судом в Эссене были 26 июня 1946 года приговорены к смертной казни¹.

Случалось также, что в убийствах союзных летчиков принимали непосредственное участие и солдаты вермахта. Так, 3 апреля 1945 года в Бёзеле был убит захваченный в плен английский летчик Гарри Альфред Хорси. Обер-фельдфебель гитлеровских BBC Рольф Бринкман, замешанный в этом преступлении, был приговорен после войны к пожизненному тюремному заключению².

Убийцами неизвестного союзного летчика стали два офицера гитлеровских BBC — майор Гейслер и капитан Бюттнер, приговоренные после войны к смертной казни и повешенные³.

В марте 1945 года ареной убийства союзных летчиков стал германский военный аэродром в Дрейервальде. 21 марта союзная авиация бомбила этот аэродром. В ходе налета было сбито пять летчиков, которые попали в плен. Комендант аэродрома майор Рауэр передал всех пленных своему адъютанту капитану Шаршмидту. Последний выделил конвой, который, по распоряжению Рауэра, должен был отвезти летчиков в лагерь для пленных. Несмотря на предостережение сотрудника аэродрома Лаутера о том, что назначенный начальником конвоя обер-фельдфебель Амбергер не годится для этого ввиду

¹ «Trial of Franz Schönfeld and Nine Others» (UNWCC, Trial and Law Report, Series № 46, 22/X 1947).

² «Trial of Obfeld. R. Brinkmann etc, 21—29/I 1946» (UNWCC, 6-th Supplement to the Synopsis of Trial Reports Received Mix. 31, 30/V 1946).

³ «Trial of Major R. Geisler etc. Osnabrück, 20—23/XII 1945» (UNWCC, 6-th Supplement to the Synopsis of Trial Reports Received, Mix. 31, 30/V 1946).

неоднократно проявленной им ненависти к летчикам противника (он кричал: «Я их прикончу!»), Шаршмидт все же назначил Амбергера начальником конвоя. В ночь с 21 на 22 марта 1945 года во время конвоирования четверо из этих пленных были убиты якобы «при попытке к бегству», а пятый (старший лейтенант Берик) успел бежать, хотя и был ранен.

24 марта 1945 года группа других летчиков, сбитых и захваченных в плен во время длительного скитания на вражеской территории, была ночью отправлена на аэродром для закапывания воронок от бомб на взлетно-посадочных полосах. Там по приказу майора Бопфа и капитана Шаршмидта они были зверски убиты. Исполнителями экзекуции явились обер-фельдфебель Ломмес, фельдфебель Ланг и унтер-офицер Гюнтер. Жертвы были убиты с близкого расстояния. Пленных насчитывалось семь или восемь человек. Во время беседы с непосредственными убийцами капитан Шаршмидт сказал им: «Вы должны доложить, что они [союзные летчики. — Ред.] были убиты при попытке к бегству. Это нужно, чтобы я смог передать рапорт дальше». Составленный в таком духе рапорт был представлен. Ни один офицер ничего не сделал, чтобы проверить факты, и рапорт, как отчет о «подлинном» факте, был передан майором Рауэром по инстанции.

Третий случай касался раненого союзного летчика, который 25 марта 1945 года был вывезен с аэродрома и по дороге убит. Майор Бопф и капитан Боттхер перед его отправкой сказали конвоировавшим его унтер-офицерам Лангу и Ломмесу, что этот пленный должен исчезнуть так же, как и его товарищи.

Таким образом, в течение трех дней в одном только Дрейервальде были убиты 12 союзных летчиков! Убиты без суда, из-за угла, и не палачами из СД, а руками унтер-офицеров гитлеровских ВВС, при молчаливом одобрении, больше того, при явном подстрекательстве офицеров, их непосредственных командиров. На суде, перед которым после войны предстали убийцы, было, бесспорно, установлено, что как комендант аэродрома майор Рауэр, так и его адъютант капитан Шаршмидт в присутствии своих подчиненных проявляли явную ненависть к захваченным в плен летчикам. Прокурор довольно верно заявил, что ни один германский унтер-офицер не осмелился бы нападать на пленных и убивать их, если бы знал, что это действие вызовет неодобрение его начальников, офицеров. После войны английский военный суд приговорил всех ответственных за эти убийства, а также непосредственных исполнителей к смертной казни (майор Рауэр, майор Бопф, капитан Шаршмидт, капитан Боттхер, унтер-офицеры Ломмес, Ланг и Гюнтер). И лишь одному из них — майору Рауэру —

виселица была заменена пожизненным тюремным заключением¹.

Обер-фельдфебель Амбергер, который 22 марта 1945 года совершил убийство четырех летчиков под предлогом их минимого побега, был судим отдельно. Его защитники пытались доказать, что после массированного налета союзной авиации на аэродром Дрейервальде, во время которого было убито 40 военных и гражданских немцев, он, Амбергер, мог считать вполне оправданным то, что «убивая летчиков, которые принимали участие в бомбардировке, он действовал как судья» (!). Но на суде было доказано, что Амбергер совершил преднамеренное убийство, поэтому его приговорили к смертной казни и повесили².

* * *

Не менее гнусную роль сыграл вермахт в отношении французских летчиков «Свободной Франции», сражавшихся на Восточном фронте, и их семей, находившихся в оккупированной Франции. Появление французских летчиков на Восточном фронте, поистине героический вклад прославленного авиа-полка «Нормандия — Неман» в общие военные усилия государств антигитлеровской коалиции, к тому же в рядах советских войск, не на шутку встревожили все высшие германские органы. Кроме чисто военного аспекта, вопрос этот имел еще более важное, политическое значение. Франция — страна, которая, по официальной версии гитлеровского министерства иностранных дел, начиная с 22 июня 1940 года (день подписания перемирия в Компьене) вышла из войны против Германии. И вот эта Франция — частично оккупированная Германией, а частично управляемая поклонниками Гитлера и предателями своего народа Петэном и Лавалем, — эта «покоренная» Франция вдруг дает знать о своем существовании! Да еще как Франция, сражающаяся плечом к плечу со своим традиционным союзником против своего исконного врага! Наряду с появлением польских авиационных подразделений в Англии и польских войск в СССР, Франции, Норвегии, Северной Африке и Италии (факт, который начисто опроверг гитлеровскую ложь о «несуществовании» Польши) появление летчиков «Свободной Франции» на Восточном фронте было сильнейшим ударом по другой фикции — фикции о несуществовании иной Франции, кроме Франции Петэна, Дорио и... Абэца. Такой опасности надо было противодействовать!

¹ «Trial of Major Karl Rauer and Six Others, British Military Court, Wuppertal, Germany, 18/II 1946» (UNWCC, Trial and Law Report, Series № 35, 1/V 1947, s. 6—10).

² «Trial of Karl Amberger, British Military Court, Wuppertal, 11—14/III 1946» (UNWCC, Mix. № 28, 24/IV 1946, v. I, Case 7).

Реакция гитлеровцев была скорой и жестокой.

После того как на Восточном фронте были сбиты первые французские летчики, ОКВ в своей подписанной Кайтелем директиве от 26 мая 1943 года, ссылаясь на приказ фюрера «со всей решительностью противодействовать участию французов на стороне Советов», предписало:

а) Передать всех захваченных на Восточном фронте сторонников де Голля французскому правительству с целью предания их суду (в соответствии с изданной ранее, 6 декабря 1940 года, директивой ОКВ/ВР).

б) Собрать все такого рода факты и использовать их для оказания политического давления на французское правительство, которое на основании соглашения о перемирии обязано препятствовать всем лицам, принадлежащим к французским вооруженным силам, в их выезде за границу.

в) Поскольку родственники французов, сражающихся на советской стороне, находятся в оккупированной зоне Франции, надлежит провести энергичное расследование, не помогали ли они в бегстве [их родственника, сражающегося на стороне СССР. — Ред.] из Франции, и если окажется, что это так, то следует тут же прибегнуть к суровым мерам¹.

Сбитые и захваченные в плен летчики эскадрильи «Нормандия — Неман» отвечали всем требованиям, дающим им право на статус военнопленных. Однако политические расчеты гитлеровцев были иными, и пленных передавали Лавалю, веря в то, что ожидающая их там судьба не будет розовой. При случае гитлеровцы не замедлили воспользоваться этим, чтобы сразу убить двух зайцев: оказать «политическое давление» на Петэна, а заодно и организовать репрессии против мирного населения, в данном случае против родственников своих жертв. О том, какие именно «суровые меры» были предприняты в отношении родственников, некоторое представление дает такой факт: в своей директиве ОКВ предписывало, чтобы в принятии этих «мер» участвовали (наряду с ОКВ) военный губернатор Франции (*Militärbefehlshaber*) и высший начальник СС и полиции во Франции.

Мы не знаем, как была осуществлена эта директива на территории Франции. Не знаем и того, были ли выданы (и в каком количестве) летчики «Нормандии» в руки предателей из Виши.

Однако нам стало известно — и притом от самих наиболее заинтересованных лиц — несколько иных подробностей, которые могут указать на то, что в оперативных районах Восточного фронта вермахт собственными силами и «со всей

¹ «Behandlung von Angehörigen de Gaulles, die auf sowjetischer Seite kämpfen» («Trials», 020-UK, v. XXXIX, p. 116).

решительностью» проводил в жизнь рекомендации, идущие сверху, но не содержащиеся в данной директиве, хотя полностью соответствовавшие ее духу и букве.

В мае 1943 года — в то самое время, когда ОКВ издало свою позорную директиву, — «Нормандия» получила приказ атаковать неприятельские аэродромы и уничтожить возможно большее число гитлеровских самолетов непосредственно на земле. Это были довольно опасные операции, но не страх против упорствующего противника составлял здесь существование вопроса.

Один из летчиков авиаполка «Нормандия — Неман» писал после войны:

«Больше всего летчики «Нормандии» боялись вынужденной посадки на вражеской территории. Ведь радио Виши уже неоднократно объявляло, что их следует рассматривать как франтидеров, со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹.

В двух случаях захваченные в плен офицеры вышли из беды живыми. Летчик Бейссад, сбитый 30 июля 1944 года за линией гитлеровской обороны и захваченный в плен, был обнаружен живым после войны².

Но если в случае с Бейссадом мы вынуждены удовлетвориться этим лаконичным утверждением, то происшествие со старшим лейтенантом Фельдзером изобилует многими деталями. Сбитый 1 августа 1944 года над Белоруссией, он попал в плен к гитлеровцам. Опознанный как француз, он был избит солдатней прикладами, а затем отправлен в ближайший авиационный штаб, где был подвергнут допросу, сопровождавшемуся ударами по голове и угрозами:

«Вы же француз! Почему вы сражаетесь в России? Значит, за деньги? Вас сейчас расстреляют на месте. Где находится ваш полк гнусных изменников?..» Отвага и сила характера, проявленные Фельдзером, были причиной того, что гитлеровцы оказались вынужденными отступить. Летчика отправили в лагерь для военнопленных, он бежал оттуда, на мереясь через Балканы попасть обратно в свою эскадрилью, в СССР. Но окончание войны не позволило ему реализовать свой план³.

А что было с другими? Из числа захваченных гитлеровцами в плен летчиков «Нормандии» уцелело четверо. Но было значительно больше таких, что погибли по ту сторону фронта, на территории врага. Расстреляли ли их солдаты вер-

¹ Франсуа де Жоффр, Нормандия — Неман. Воспоминания военного летчика, М., Воениздат, 1960, стр. 54.

² Там же, стр. 123.

³ Там же, стр. 124—125.

махта? Были ли они убиты в бою? Допустимы всякие гипотезы... А предположения относительно судеб тех, кто живым попадал в руки гитлеровцев, были самыми мрачными. Люди из полка «Нормандия» хорошо знали высказывание взятого в плен советскими войсками германского летчика. Из его показаний было ясно, что «у французских летчиков было очень мало шансов остаться в живых, попав в плен к немцам на русском фронте»¹.

На Суде народов в Нюрнберге заместитель главного обвинителя от Великобритании сэр Дэвид Максуэлл-Файф затронул вопрос о «решительных мерах», то есть о репрессиях гитлеровцев по отношению к родственникам летчиков «Нормандии» за помощь, оказанную им в бегстве из Франции в СССР. Обращаясь к фельдмаршалу Кейтэлю, представитель Англии спросил:

«Можете ли вы себе представить нечто более страшное, чем применение решительных мер в отношении матери молодого человека, которая помогла ему идти сражаться плечом к плечу с союзниками его страны? Можете ли вы себе представить что-либо более достойное презрения?»

Пытаясь сначала защититься своими павшими сыновьями, шеф ОКВ вынужден был заявить, что он сожалеет, если была привлечена к ответственности чья-либо семья за преступления, совершенные ее сыновьями. Это вызвало немедленную реакцию — протест обвинителя против использования убийцей с маршальским жезлом термина «преступление».

Данный протест был минимальной сатисфакцией за несправедливое обвинение, брошенное Кейтэлем группе французских солдат и офицеров, которые в 1942 году, после бегства из Франции, кружным путем через Тегеран добрались до СССР. Там в составе 18-го гвардейского полка советских ВВС (командир полка Герой Советского Союза полковник Анатолий Голубев), а затем самостоятельного полка они вошли в состав авиадивизии генерала Комарова, сражаясь и проливая кровь плечом к плечу со своими советскими товарищами под небом России, Белоруссии, Литвы и Польши. Около 2 тысяч боевых вылетов, 273 победы в течение трех лет, высокое звание Героя Советского Союза, присвоенное четырем французским летчикам — Марселю Альберу, Роллану де ля Пуапу, Жаку Андре и Марселю Лефевру, а также много других высоких наград, врученных их товарищам, — таков итог этого сотрудничества. Летчики полка «Нормандия» сделали очень много для укрепления вечной дружбы между двумя великими народами — советским и французским.

¹ Франсуа де Жоффр, цит. соч., стр. 72—73.

На последнем этапе войны дело едва не дошло до чудовищной по своим масштабам резни пленных-летчиков.

После сильнейшего налета союзной авиации на Дрезден (в феврале 1945 года) в высших кругах третьего рейха (Гитлер, Геббельс и др.) возник план: в качестве реванша истребить 40 тысяч пленных английских, американских и советских летчиков. Но осуществить этот варварский план фашистам не удалось. Один из главарей рейха, Фриче, давая показания Международному военному трибуналу, объяснял невыполнение этого плана тем, что как раз в то время встал вопрос об обмене примерно 50 тысяч пленных между Германией и Англией, в чем Германия была крайне заинтересована ввиду своего критического военного положения. Задуманная же массовая резня явно могла сорвать переговоры об обмене¹.

УБИЙСТВО ГЕНЕРАЛОВ И ВЫСШИХ ОФИЦЕРОВ

В ходе последней войны Германия совершила ряд подлых преступлений в отношении высших офицеров армий антигитлеровской коалиции. Чаще всего преступления эти совершались в концлагерях, но иногда и вне их. Мотивы преступлений были самыми различными. Наиболее частыми были попытки «изъятия» действительных или предполагаемых руководителей подпольных организаций движения Сопротивления, а также лишение их возможности соединиться со своими сражающимися армиями. Нередки были случаи, когда такие убийства являлись актами репрессий или мести. При всем том в выяснении ряда этих случаев имеются значительные трудности ввиду отсутствия документальных данных, что не позволяет нам окончательно установить, каковы же были подлинные мотивы каждого конкретного убийства. Поэтому мы пока должны ограничиться регистрацией самого факта убийства, оставляя выяснение мотивов будущему.

Судьба почти всех жертв гитлеровского «нового порядка» в основном складывалась одинаково: это было открытое попрание основных принципов международного права и обычаяй войны. Высшие офицеры армий антигитлеровской коалиции передавались в руки палачей из аппарата безопасности третьего рейха, затем их отправляли в концентрационные лагеря и там убивали — тайно или открыто, но без обвинения, без суда, по-фашистски. Стремясь замести следы преступлений, гитлеровцы поступали с этой категорией плен-

¹ «Trial», v. XVII, p. 257—260.

ных, как и с миллионами иных жертв: после расправы они скигали их трупы.

Именно так, к примеру, погибла группа французских генералов, брошенных во время войны в гитлеровские концлагеря. Часть их была уничтожена, остальные умерли якобы «естественней смертью». Это были: генерал де Лестрен, убитый в Дахау; генерал Жоб, погибший в Освенциме; генерал Фрер, умерший в Штуттгофе; генерал Барди де Фурту, умерший в Нейенгамме; полковник Роже Массэ, умерший в Освенциме¹.

В нечеловеческих условиях находился генерал Вайян, которого как узника «НН» [то есть узника, с которым надлежало поступить в соответствии со специальным приказом «нахт унд небель» («мрак и туман»)². — Ред.] бросили в страшную тюрьму в Эбрахе. Об обстановке, которая царила в этой тюрьме, свидетельствует, в частности, тот факт, что в камерах, рассчитанных на 595 заключенных, в 1945 году «гостило» 1400—1600 человек одновременно. В тюрьме свирепствовали голод³ и туберкулез. Генерал Вайян, как и многие другие узники Эбраха, пал жертвой бесчеловечного режима и умер в этой тюрьме³.

В двух случаях заранее запланированное убийство не состоялось. Жертвами должны были стать маршал Вейган и генерал Жиро. В конце 1940 года начальник гитлеровской разведки и контрразведки адмирал Канарис на совещании, в котором участвовали начальники отделов гитлеровской контрразведки, в частности начальник II отдела (диверсии) генерал Лахузен, адмирал Бюргнер и другие, сообщил собравшимся, что Кейтель требует от него, чтобы контрразведка «изъяла» французского маршала Вейгана. Поводом к этому замышляемому убийству было опасение, что находившийся тогда в Северной Африке маршал мог вместе с французской армией, не попавшей в руки гитлеровцев, создать в африканских владениях Франции центр Сопротивления и базу для отрядов «Свободной Франции» и армий союзников. Кейтель добивался, чтобы убийство Вейгана было совершено агентами генерала Лахузена. Выступая в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе, Лахузен заявил, что это требо-

¹ «Letter of the French Ministry of Prisoners of War, Deporfees and Refugees etc.», («Trial», RF-339, v. VI, p. 325).

² Согласно этому приказу, участников движения Сопротивления или же людей, которые каким-либо образом «угрожали безопасности рейха», но которых по разным причинам еще не уничтожили, отправляли в Германию, где они, лишенные всякой связи с внешним миром, бесследно исчезали за толстыми каменными стенами тюрем или за проволокой концлагерей.

³ PN-3, sten., s. 10 477 (приговор).

вание было с возмущением отвергнуто всеми собравшимися, в особенности им самим. Канарис будто бы целиком разделял это мнение и не дал приказа совершить убийство Вейгана. Спустя некоторое время Кейтель в присутствии Канариса спросил Лахузена, что предпринято по данному вопросу. На это Лахузен не мог ответить прямо, что он-де не собирается выполнять такой приказ (иначе, как показал Лахузен на суде, он «не сидел бы здесь сегодня»), а вынужден был выкручиваться с помощью заявлений, что дело это весьма сложное и трудное, однако он, Лахузен, сделает все, что только возможно. В результате ничего так и не было предпринято. Иные, более важные события отвлекли внимание Гитлера и Кейтеля, поэтому они не поднимали больше вопроса относительно судьбы Вейгана. Дело было забыто. А когда год спустя Вейган попал в руки гитлеровцев и был доставлен в Германию, то у него и волос с головы не упал!¹

Генерал Жиро был командующим одной из французских армий. Летом 1940 года он попал в плен к гитлеровцам. 19 апреля 1942 года Жиро совершил смелый побег из «генеральского» олага, находившегося в крепости Кёнигштайн (оффлаг IVB). Взбешенный этим бегством, Гитлер приказал любой ценой поймать Жиро и вновь посадить его в лагерь. Кейтель повторил этот приказ Канарису, поручив ему доставить бежавшего генерала «живым или мертвым».

Канарис будто бы просил Кейтеля освободить контрразведку от такой миссии, ввиду чего задача была якобы передана... СД. Одновременно через Лаваля пытались повлиять на беглеца, чтобы он добровольно вернулся в плен.

«Миссия СД» окончилась неудачей². В отместку за про-вал операции «Густав» (гитлеровский шифр операции по поимке Жиро) власти рейха отправили в Германию 17 членов семьи генерала, среди них его дочь, г-жу Гранже, которая и умерла в ссылке³.

На Нюрнбергских процессах (в том числе и на процессе по делу главных гитлеровских военных преступников) был вскрыт еще один зверский акт — убийство гитлеровцами генерала Месни. Преступление это характерно тем, что оно до мельчайших подробностей планировалось в различных инстанциях. Ответственность за убийство генерала Месни ложится на ряд органов и лиц из числа высшей иерархии третьего рейха — ОКВ, РСХА, мининдел и т. д.

¹ «Trial», v. II, p. 144—145; *ibid.*, p. 451—452. См. также К. Н. Abshagen, *Canaris — Patriot und Weltbürger*, Stuttgart 1949, S. 289—291. См. также «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 123.

² «Trial», v. X, p. 318, 576—580; см. также К. Н. Abshagen, *op. cit.*, S. 291—298.

³ «Trial», v. VI, p. 152—153, 393.

Обстоятельства преступления таковы: 19 января 1945 года из олага IVB в Кёнигштейне на трех машинах были отправлены в олаг IVC в Кольдице пять французских генералов. Четверо из них прибыли к месту назначения без помех, зато ехавший в одиночку генерал Месни исчез. На следующий день комендант лагеря Кольдиц официально заявил встревоженным французским генералам, что 19 января около Дрездена Месни был убит «при попытке к бегству» и похоронен с воинскими почестями в Дрездене. Затем это сообщение было передано представителю державы-покровительницы (Швейцарии), Международному Красному Кресту и вдове генерала Месни.

Эта версия относительно смерти генерала держалась до конца войны, хотя оставшимся в живых четырем его коллегам некоторые обстоятельства транспортировки еще тогда казались подозрительными, а версия о «попытке к бегству» — маловероятной.

После войны в руки союзников попали германские документы, раскрывшие закулисную сторону этого подлого преступления. Представленные на Нюрнбергском процессе, они особенно серьезно обвиняли трех подсудимых: шефа ОКВ фельдмаршала Кейтеля, начальника РСХА Кальтенбруннера и министра иностранных дел Риббентропа¹. Дальнейшие подробности убийства были выяснены на Нюрнбергском процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других. В частности, свет на преступление в отношении французского генерала пролили показания выступавших в качестве свидетелей немецких генералов Бергера² и Вестгофа³, а также подполковника Крафта⁴. Как показания самих обвиняемых, так и выступления упомянутых свидетелей (кстати, тоже замешанных в убийстве Месни) осветили мотивы этого преступления и позволили восстановить все подлинные обстоятельства дела.

Осенью 1944 года ОКВ стало известно, что находившийся во французском плена гитлеровский генерал Бродовски был убит при попытке к бегству. По другой версии, он был передан конвоирами в руки французских партизан (маки), которые якобы уничтожили его. В кругах ОКВ немедленно возникла мысль: осуществить месть путем ликвидации какого-нибудь французского генерала. Несмотря на то что Женевская конвенция 1929 года категорически запрещает репрес-

¹ «Trial», v. XX, p. 150—153, 562; *ibid.*, v. XXII, p. 267—268; *ibid.*, v. XXXIV, p. 123—129 (4059-PS); p. 139—142 (4069-PS).

² PN-12, sten., s. 390.

³ *Ibid.*, NO-3879, dok. prok., t. XVIII, s. 159—169.

⁴ *Ibid.*, sten., s. 1662; *ibid.*, dok. prok., t. XVIII, s. 151—158 (NO-3878).

салии в отношении пленных (а подписи Германии и Франции стояли рядом на этом международном соглашении), мысль о мести воплотилась в определенные действия. Роли были поделены: вермахт должен был отобрать и доставить пленного, РСХА — осуществить «ликвидацию», а министерство иностранных дел — составить надлежащее сообщение для печати, из которого явствовало бы, что нельзя безнаказанно убивать германских генералов.

Кейтель поручил инспекторату по делам военнопленных «подобрать» кандидата для совершения над ним акта «воздомездия». Инспектор по делам военнопленных генерал Вестгоф обратился к коменданту олага IVB в Кёнигштейне полковнику Гессельману, и тот назвал несколько имен. О планируемом убийстве было поставлено в известность также Управление по делам военнопленных.

Более двух месяцев продолжались переговоры по этому вопросу между ОКВ, Управлением по делам военнопленных, инспекторатом по делам военнопленных, рейхсфюрером СС и командующим армией резерва Гиммлером, РСХА и министерством иностранных дел. По линии министерства иностранных дел в это дело наряду с Риббентропом были замешаны следующие высшие чиновники министерства: посол Риттер — уполномоченный министерства иностранных дел при вермахте, д-р Бобрик — начальник одного из департаментов, тайный советник Вагнер, советник-посланник д-р Кригер, посол Альберт — начальник правового отдела министерства иностранных дел, нацистский преступник фон Тадден и др. Выполнение акта убийства высшие органы поручили оберштурмбаннфюреру СС Пантцингеру, тогдашнему начальнику уголовной полиции, одновременно являвшемуся заместителем начальника гестапо и руководителем отдела IVA (борьба с противниками национал-социализма) в РСХА¹.

Детали плана, разработанные и скординированные в высших инстанциях, неоднократно менялись. Первоначально предполагалось ликвидировать жертву во время намечаемого перевода из Кёнигштейна в Кольдиц группы в 75 французских генералов. Во время транспортировки группы один из намеченных в качестве жертвы (сначала это был генерал де Буасс) должен был быть «в результате аварии» отделен от остальных и убит «при попытке к бегству»².

Цинизм соучастников преступления зашел настолько далеко, что они в записках, которыми обменивались и огласки

¹ Ф. Пантцингер был арестован в Западной Германии в 1959 году. Ему было предъявлено обвинение в соучастии в убийстве генерала Месни. Во время допроса он неожиданно умер («Żołnierz Wolności», 12. 8. 1959).

² «Trial», 4059-PS, v. XXXIV, p. 123—124 (akta AA).

которых не ожидали, не слишком стеснялись, слегка посмеивались над своими замыслами и слова «застрелен при попытке к бегству» нарочито брали в кавычки¹.

Но почти до последней минуты способ выполнения убийства окончательно избран не был. Наряду с убийством «при попытке к бегству» обсуждалась также возможность удушения при помощи выхлопных газов (углекислый газ) во время езды на машине, то есть так называемым способом «душегубки». Заметим попутно, что этот последний способ с некоторого времени уже был отвергнут как «неподходящий», после того как с его помощью были совершены массовые убийства на Востоке (СССР)². Рассматривалась также возможность умерщвления французского генерала с помощью отравленной пищи. Если говорить об этом последнем способе, то еще 30 декабря 1944 года Кальтенбруннер после ряда «экспериментальных» попыток признал его «не слишком надежным»³. Тем не менее еще 12 января 1945 года, то есть за неделю до убийства, д-р Бобрик из министерства иностранных дел заявил, что рассматриваются оба способа: «попытка к бегству» и отравление⁴.

Генерал де Буасс — первый кандидат в жертвы — избежал убийства только благодаря исключительному случаю. Эта трагическая судьба стала затем уделом генерала Месни. Почему? Первые разговоры по вопросу о «мести» велись без соблюдения достаточной предосторожности. Во время телефонных переговоров между Кейтелем и Крафтом и между Крафтом и Бергером назывались имена, детали и пр., поэтому гитлеровцам пришлось сменить «кандидата»⁵.

В то время как ОКВ, Управление по делам военнопленных и РСХА «трудились» над выбором подходящего кандидата и способа его умерщвления, чиновники министерства иностранных дел ломали голову над тем, как затушевать панируемое преступление с помощью соответствующего сообщения в печати, и непрерывно консультировались со своими партнерами. Тем не менее при редактировании этого сообщения возникли серьезные сомнения или, скорее, страх перед последствиями разоблачения задуманного преступления. Такой страх нетрудно понять, поскольку обстановка на фронтах в декабре 1944 года, а тем более в январе 1945 года для гитлеровской Германии была не слишком радостной. В конце

¹ «Trials», 4059-PS, v. XXXIV, p. 123—124 (акта АА).

² Убийство с помощью «душегубки», широко применявшееся на Востоке, было отвергнуто главным образом потому, что представляло собой «слишком большое психическое напряжение»... для убийц.

³ «Trials», 4059-PS, p. 127—128.

⁴ Ibid., p. 128.

⁵ Ibid.

концов заметку решено было не публиковать, дело с убийством надежно скрыть и распространить старую, испытанную версию: «убит при попытке к бегству».

К концу второй декады января 1945 года подготовка к убийству была закончена, кандидат окончательно намечен (Месни), способ преступления утвержден («убит при попытке к бегству»). Оставалось выполнить намеченный план.

18 января 1945 года комендатура олага IVB в Кёнигштейне выделила шестерых французских генералов, которые утром следующего дня должны были на машинах покинуть олаг. Пункт назначения объявлен не был. Генералы должны были ехать в машинах по двое. Были определены следующие пары и время отъезда: генералы Бэн и де Буасс — в 6.00, Флавиньи и Бюиссон — в 6.15, Месни и Вотье — в 6.30. На следующий день, 19 января, первая машина ушла в назначенное время. Зато дальнейшая очередность и время отъезда внезапно были изменены. Лишь в 7.00 генерал Месни уехал один. Немецкий лагерный переводчик Розенберг заявил ожидавшему своей очереди генералу Бюиссону, что ночью пришел приказ ОКВ, отменявший перевод в Кольдиц генерала Вотье. На последней машине в 8.30 уехали Флавиньи и Бюиссон. Водителям и охране было приказано в пути нигде не останавливаться, внутренние ручки дверец были отвинчены, в каждой машине сидел гитлеровский офицер с автоматом на коленях, держа палец на спусковом крючке¹. Первая и третья машины с четырьмя французскими генералами без каких-либо происшествий прибыли в Кольдиц. Вторая же машина, в которой находился генерал Месни, не прибыла ни 19 января, ни на следующий день. 20 января в помещение французских генералов в Кольдице пришел комендант лагеря майор Правитт, который заявил им следующее:

«Официально уведомляю господ, что генерал Месни был вчера расстрелян в Дрездене за попытку к бегству. Его похоронили в Дрездене с почестями, отанными ему подразделением вермахта»².

Как же восприняли эту весть коллеги убитого генерала Месни?

Обстоятельства его смерти уже тогда показались им весьма подозрительными. Их внимание привлек также факт назначения и внезапной отмены выезда генерала Вотье. Лагерь в Кольдице был повсеместно известен как штрафной, а этот генерал сам, добровольно, вызвался работать в Германии, по-

¹ «Trial», 4069-PS, v. XXXIV, p. 141—142.

² Ibid.

этому странное поведение гитлеровцев не оправдывало такого перевода Вотье. С другой же стороны, генерал Месни неоднократно заявлял своим коллегам, что до 1944 года он не раз думал о побеге, но теперь, на рубеже 1944—1945 годов, это не имело никакого смысла, поскольку война скоро закончится, а кроме того, его родной сын, находящийся в лагере для политических заключенных в Германии, мог бы заплатить своей жизнью за бегство отца. О своем решении ни в коем случае не предпринимать попытку к бегству Месни сообщил генералу Бюиссону за час до отъезда.

Да генералы и вообще не представляли себе, как можно было бежать в описанных выше условиях. Не догадываясь о том, что это было заранее запланированное преступление, они объяснили смерть своего товарища «вспышкой ненависти или безумным поступком» со стороны германского офицера-конвоира в результате какого-нибудь возникшего по дороге спора¹.

6 февраля 1945 года атташе швейцарского посольства в Берлине Денцлер, действуя в качестве делегата державы-покровительницы, посетил олаг IVC в Кольдице. Комендант лагеря майор Правитт сообщил ему о прибытии трех французских генералов из Кёнигштейна, но заметил, что «...генералы Месни и Вотье² также покинули Кёнигштайн в специальной машине, чтобы ехать в Кольдиц, но генерал Месни был «смертельно ранен при попытке к бегству»³.

Обо всем этом Денцлер информировал Международный Красный Крест, а тот — уже вдову убитого генерала.

После капитуляции гитлеровской Германии выяснились подлинные обстоятельства этого с садистской жестокостью запланированного убийства. Было со всей определенностью установлено, что генерала Месни самым подлым образом убили во время транспортировки в Кольдиц⁴.

Преступление это вызвало широкий резонанс на процессе главных гитлеровских военных преступников в Нюрнберге. Особенно резко говорил об этом американский прокурор Томас Дж. Додд, охарактеризовавший уничтожение генерала Месни как «убийство, совершенное в белых перчатках»⁵. Об убийстве генерала Месни упоминается также в приговоре

¹ «Trial», 4069-PS, v. XXXIV, p. 141—142.

² Это, как известно, не соответствовало действительности, Генерал Вотье не выезжал из Кёнигштейна.

³ Письмо Международного Красного Креста вдове генерала Месни от 5 апреля 1945 года («Trial», 4069-PS, v. XXXIV, p. 140).

⁴ PN-11, t. III, s. 210 (приговор).

⁵ «Нюрнбергский процесс», т. VI, стр. 650—651. См., также PN-11, t. III, s. 210—222.

Международного военного трибунала — в той его части, где мотивируется осуждение Риббентропа к смертной казни.

«В декабре 1944 года Риббентроп был поставлен в известность о планах убийства одного из французских генералов, находившегося в плену, и дал указание своим подчиненным следить за тем, чтобы подготовка к совершению этого акта проводилась таким образом, чтобы помешать странам, представлявшим интересы воюющих сторон, узнать об этом факте»¹.

Убийство генерала Месни было осуждено также на процессе высших чиновников министерства иностранных дел (PN-11), по которому один из главных участников преступления, начальник Управления по делам военнопленных при ОКВ генерал Бергер был приговорен к 25 годам тюремного заключения².

Раскрытие закулисных махинаций в деле убийства генерала Месни, подтвержденное неоспоримыми и явно компрометирующими германскими документами, разоблачение методов провокаций и лицемерия, которыми высшие сановники и органы третьего рейха пользовались в этом случае, позволяют сделать определенные выводы. Они полностью соответствуют оценке аналогичных преступлений гитлеровской Германии, по которым мы пока не располагаем германскими документами и тайна которых еще недостаточно раскрыта.

Не щадили гитлеровцы и польских генералов.

В Саксенхаузене погиб генерал Стефан Ровецкий (Грот), командовавший Армией Крайовой. Правда, генерал Ровецкий не был военнопленным *sensu stricto*³, однако все указывает на то, что его убийство полностью соответствует общим гитлеровским планам истребления руководителей Сопротивления. После длительных розысков и преследования гитлеровцы арестовали его 30 июня 1943 года. Затем, закованного в кандалы, его отвезли в резиденцию гестапо на Аллее Шуха в Варшаве, а оттуда спустя всего несколько часов самолетом отправили в Берлин. О том, какое значение придавали нацисты аресту Грота, свидетельствует тот факт, что по специальному распоряжению Гиммлера унтерштурмфюрер СС Мертен, который выследил и арестовал Грота, был награжден премией в сумме 1000 рейхсмарок. В управлении гестапо в Берлине на Принц-Альбрехтстрассе, 8, Грота неоднократно допрашивали. В этих допросах участвовал и сотрудник гестапо Гарро Томсен, который после войны дал показания об этом. В сентябре 1943 года Грот был доставлен

¹ «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 444.

² PN-11, т. III, с. 210—222.

³ В точном смысле слова (лат.).

в Саксенхаузен и заключен в изолированную от остального лагеря тюрьму «Целленбау», где с ним, как, впрочем, и с другими находившимися там «почетными узниками» («Ehrenhäftlinge»), обращались с определенной вежливостью. Там Грот прожил до первых дней августа 1944 года. После начала Варшавского восстания его, по личному приказу Гиммлера, застрелили¹.

В Саксенхаузене погиб также генерал-лейтенант в отставке Болеслав Ройя, бывший командир III бригады, а позже командующий армией и депутат сейма (довоенного). Он был арестован в 1940 году, заключен в Саксенхаузен и 27 мая 1940 года убит².

В Освенциме погиб бывший командир 86-го пехотного полка полковник Здзислав Мацьковский, а также два его сына — Здзислав (1923 года рождения) и Ян (1926 года рождения). Полковник Мацьковский еще в 1939 году организовал на Замойщине движение Сопротивления: оба его сына выполняли в подпольной организации функции курьеров-связных, а жена занималась архивом и перепиской.

Полковник Мацьковский вместе со всей семьей был арестован в своем доме в Замосцье 17 марта 1941 года. Арестовывая его жену и двух сыновей, гестапо, как обычно, вело себя грубо и жестоко. Когда Мацьковский заявил агентам, что он офицер польской армии и требует иного обращения, гитлеровцы избили его и так обращались с ним и в дальнейшем — сначала в Люблине, а позже и в Освенциме, куда он был отправлен. Конечно, долго он там не прожил, скончавшись от истощения 4 декабря 1941 года. Оба его сына погибли в Освенциме — их расстреляли во время массовой экзекуции в октябре 1942 года у «стены смерти». Жена полковника Мацьковского, заключенная в лагерь Равенсбрюк, была превращена фашистами в «подопытного кролика» (ей приращивали чужие кости) и вернулась калекой³.

Трагически погиб и полковник Витольд Моравский. Его героическая смерть найдет свое место в почетной и еще не

¹ Источники:

а) J. Nowaczyk, O generale Grocie («Kierunki», 1956).

б) Письмо Гротмана (адъютанта Гиммлера) Кальтенбруннеру от 2 июля 1943 года (фотокопия ГК-458/8 х).

в) A. Borkiewicz, op. cit., s. 96.

г) Заметка Александра Грохольского («Tugodnik Demokratyczny», 1957/41/226), согласно которой Грота будто бы видели в Саксенхаузене еще в феврале 1945 года «небритым и закованным в кандалы».

² B. Olszewicz, Lista strat kultury polskiej (I/IX 1939—I/III 1946), Warszawa, 1947, s. 228, а также сообщение Ст. Еленты.

³ Сообщение полковника Антона Сикорского, бывшего командующего группой «Сандомир» во время сентябрьской кампании 1939 года (ГК-226/58, AGK).

Написанной главе истории второй мировой войны, название которой будет таким: «Роль и участь военнопленных в борьбе против третьего рейха».

В лагерях для польских военнопленных в Германии, где на рубеже 1939—1940 годов оказалось около 400 тысяч пленных, в том числе почти 18 тысяч офицеров, очень быстро возникли подпольные группы, во главе которых встали наиболее видные офицеры. Деятельность этих групп вскоре распространялась также на большие группы польских граждан, пригнанных на принудительные работы в Германию¹.

Полковник Моравский был руководителем подпольной военной организации пленных, целью которой являлась «подготовка базы для возможного морского и воздушного десанта союзников, а также организация диверсий в тылу врага при приближении Восточного фронта»². Официально он выполнял функции старосты офицерского лагеря IID в Гроссборне, откуда вместе с группой своих ближайших сотрудников (майор Конрад Рогачевский, майор Холубский, майор Вандыч, поручик Кубик, поручик Клоц) руководил деятельностью этой организации в западном Поморье. Одним из его ближайших сотрудников был немецкий унтер-офицер из лагерной команды Эрнст Хейм, который проявил необычайную самоотверженность и оказал большие услуги организации.

В начале июля 1944 года роковой случай стал причиной того, что гестапо напало на след этой организации. Во второй половине июля того же года полковник Моравский был арестован вместе с группой своих помощников. Всего гестапо схватило тогда около 200 человек из числа военнопленных, а также находившихся в Германии поляков и рабочих других национальностей, живущих вне лагеря. Среди арестованных оказался и Хейм. После пыток и тяжких мучений Моравский, первоначально заключенный в тюрьму в Щецинеке, в октябре 1944 года был отправлен в лагерь уничтожения Маутхаузен. Его судьбу разделили майоры Холубский и Вандыч, поручик Клоц и французский «аспирант», поляк по происхождению, Шайбо из международного госпиталя для пленных в Гаммерштейне, тоже являвшийся членом этой организации. В конце октября или начале ноября 1944 года все они были убиты.

¹ Более подробно см. «Polskie Siły Zbrojne w II wojnie światowej», t. III, London 1950, s. 407—420.

² M. S a d z e w i c z , Oflag, Wyd. MON, Warszawa 1957, s. 285. Садзевич, кажется, первым опубликовал данные о подполье в лагере Гроссборн, а также о трагической смерти полковника Моравского и его товарищей (стр. 285—297). На этот его труд мы и опираемся при описании судьбы полковника Моравского.

В день казни полковник Моравский был вызван в отделение гестапо при концлагере, где его допросили по делу, не имевшему ничего общего с казнью, и лицемерно предложили функции переводчика с иностранных языков, заведомо зная, что через час или два он будет казнен. Полковник Моравский вернулся в блок довольный тем, что таким образом ему удастся выжить в концлагере. А тем временем писарь блока Дзярский собрал польских офицеров и заявил им: «Коллеги, мы должны смотреть на вещи по-мужски. Сообщаю вам, хотя и не имею права этого делать, что из лагерного отделения гестапо поступил приказ: я должен через полчаса отвести вас на плац для перекличек и передать в руки эсэсовцев, которые вас казнят». Все поляки отправились на плац, а оттуда в сопровождении унтер-офицеров и других узников — в крематорий¹. Туда сразу же пришли комендант лагеря, его заместитель и несколько младших по чину эсэсовцев.

Спустя примерно полтора часа весь этот эсэсовский эскорт покинул крематорий, а в лагере воцарился траур. Через несколько минут труба крематорной печи начала дымить и выбрасывать языки пламени. Заметим, что майора Холубского выволокли из лазарета, где он находился как тяжелобольной. Так же поступили и с находившимся в госпитале поручиком Клоцем².

Как пишет Садзевич, основываясь на сообщении очевидца, полковник Моравский, после того как комендант лагеря выстрелил в него и пуля попала в шею, схватил металлические носилки, служившие для переноса трупов, и бросился на палача, но пал под огнем автомата³.

Трагичной была судьба также высших польских офицеров, интернированных в Венгрии. После сентябрьской катастрофы 1939 года в Венгрии находилось около 40 тысяч польских военнослужащих, оказавшихся в лагерях для интернированных, а также почти 50 тысяч гражданских беженцев. В 1944 году число это уменьшилось до 10 тысяч вообще. Остальные, сначала полегально, а затем и совершенно нелегально (благодаря отлично действовавшей и гибкой польской подпольной организации, в которой принимал участие ряд офицеров, при молчаливом согласии, а нередко и активной поддержке многих венгров) бежали из лагерей и покинули пределы Венгрии, чтобы присоединиться к польским

¹ Сообщение очевидца казни, судьи апелляционного суда в Познани Вацлава Слонинского, приведенное в книге Садзевича. См. M. Sadzewicz, op. cit., s. 295—296.

² Ibid.

³ Ibid., s. 296—297.

вооруженным силам, сражавшимся с фашизмом во Франции, в Африке, организовывавшимся в Англии и т. д.

Положение оставшихся поляков радикально изменилось к худшему в марте 1944 года после вступления в Венгрию гитлеровских войск. В стране воцарился фашистско-гестаповский террор. Под прикрытием вермахта был совершен ряд чудовищных массовых преступлений против венгерских граждан. Жертвами этого террора пали и поляки.

19 марта 1944 года, в день вступления гитлеровцев в Будапешт, в гестапо был замучен и убит генерал-майор д-р Ян Коллонтай-Сведенцикский. Он родился в 1883 году в Пензе, окончил медицинский факультет в Москве и еще юношей принимал участие в студенческих выступлениях против царизма. Поначалу он был полковым врачом 4-го полка, а затем, после образования буржуазно-помещичьей Польши, занимал поочередно должности начальника медицинской службы ДОК-1 (Варшава), начальника Центра санитарной подготовки польской армии и, наконец, начальника медицинской службы польской армии. После падения Польши был интернирован в Венгрии в лагере Балатон-Боглиа, а позже жил на частной квартире в Будапеште, занимая пост председателя Польского общества врачей.

Тотчас же по вступлении в Венгрию гитлеровцы начали арестовывать польских офицеров, а некоторых из них убивать на месте. На помещение общества гитлеровцы совершили налет 19 марта 1944 года и в ходе его застрелили генерала Коллонтая, находившегося в своем кабинете. Венгерский гарнизонный госпиталь № 1, куда был доставлен труп генерала, 21 марта составил акт о смерти и указал причину ее: «огнестрельное ранение».

Вместе с генералом Коллонтаем в тот же день и в том же здании погибли от рук гитлеровцев секретарь генерала подпоручик д-р Канвизер (возможно, Канфедер), ксендз-капеллан Петр Вильк-Витославский и магистр-фармацевт капитан Козакевич.

В день этих трагических событий генерала Коллонтая предостерегали, чтобы он не выходил из дома и не показывался на глаза гитлеровцам. Но он не послушал доброго совета, заявив, что ему надо привести в порядок свои бумаги.

Что же заставило его сделать столь роковой по своим последствиям шаг?

Генерал Коллонтай не только занимался оказанием врачебной помощи интернированным солдатам и многочисленным польским беженцам. Это он делал официально. Неофициально же он вместе с целым рядом других лиц занимался организацией побегов интернированных из лагерей и из Венгрии, причем в первую очередь тех, кому грозила смерть из-за

национальной принадлежности (евреев) или по политическим убеждениям (коммунистов и подозреваемых в коммунизме). Кандидатам на выезд из страны он доставал венгерские документы, дававшие возможность выхода за ограду лагеря и позволявшие покинуть Венгрию. Вся эта кампания проходила при самой сердечной поддержке многих венгров — не только частных лиц, но и занимавших служебное положение при фашистском режиме Хорти. Вот эти-то компрометирующие документы с именами и адресами генерал Коллонтай и торопился сжечь, чтобы они не попали в руки гитлеровцев. Он считал это своим священным долгом и заплатил за него дорогой ценой — своей жизнью¹.

Убийство в доме Общества врачей в Будапеште явилось как бы сигналом к развязыванию террора и преследованию поляков в Венгрии. Гитлеровцы распоясались. Начались аресты поляков и конфискация их имущества, лагеря для интернированных были закрыты, а затем отдан приказ отправить всех интернированных польских офицеров в Германию. В результате десятитысячная армия скитальцев быстро уменьшилась вдвое. Но многие спасались от преследования, бежав в Румынию, Словакию и Югославию либо переходя на нелегальный образ жизни, в подполье Сопротивления².

Среди поляков, арестованных в те дни гитлеровцами, оказалось несколько высших офицеров. Все они были отправлены в германские концентрационные лагеря для ликвидации.

Так, оказались арестованными генерал-майор Мечислав Трояновский (Рысь) и майор Помаранский.

Генерал Трояновский, являвшийся командующим ДОК-1 (Варшава), после сентябрьской трагедии оказался в Венгрии, где был интернирован в Вышгороде на Дунае. Сначала к нему относились с большим почетом, в частности из-за того, что он имел орден Марии-Терезии, который получил лично от Хорти, но потом он уже находился в заключении в крепости Комарно, где ему создали очень тяжелые условия. После освобождения оттуда лечился в госпитале в Дьёре, а потом жил в Будапеште. После вступления гитлеровцев в Венгрию был вновь арестован, отправлен в Маутхаузен и там убит³.

Майор Стефан Помаранский, родившийся 7 сентября 1893 года в Варшаве, историк по образованию и по профессии,

¹ Согласно сообщению Станислава Сохацкого, историка, аспиранта Венгерской Академии наук, а также со слов капитана Ст. Еленты.

² Т. Ф., Из истории польской эмиграции в Венгрии (««Rzecz-pospolita», Warzawa — Lublin, 19.5.1945, № 132).

³ Materiały Polskiego Czerwonego Krzyża (akta Bühlera, t. LX, s. 182). См. также сообщение Ст. Еленты.

работал ассистентом профессора Хандельсмана. С самого начала сентябрьской кампании был прикреплен к штабу главнокомандующего, затем оказался в Венгрии, где участвовал в польской подпольной организации. После прихода гитлеровцев в Венгрию был в марте или апреле 1944 года арестован. В течение 7 месяцев его держали в будапештском гестапо, зверски мучили и пытали, но он так никого и не выдал. 20 октября 1944 года, брошенный в концлагерь Флоссенбюрг, он был там 15 декабря того же года убит¹.

Замыкает эту венгерскую «серию» убийство трех польских офицеров. Во время эвакуации интернированных из лагерей Венгрии в Германию 10 ноября 1944 года вблизи пункта Залабер пьяные венгерские фашисты вызвали ночью полковника медицинской службы Мошленского, инженер-подпоручика запаса Новака и еще одного неизвестного молодого офицера, а затем по неустановленным причинам застрелили их и трупы бросили в р. Саль².

Но особенно зверствовали гитлеровцы, когда в руки им попадали советские генералы, которые и в плenу проявляли несгибаемую стойкость и до конца оставались верными своему народу.

В частности, жертвой жестокости гитлеровцев оказался генерал Ткаченко, попавший в плen в августе 1941 года. Как видно из официального немецкого донесения³, он был захвачен патрулем полевой жандармерии, подчиненной полевой комендатуре № 198 в г. Белая Церковь, которая находилась в распоряжении начальника тыла 6-й армии. Арест произошел вблизи Узинского колхоза. Вместе с генералом, который был одет в штатское платье, гитлеровцам удалось задержать также нескольких красноармейцев. Все арестованные были доставлены в дулаг 170 в Белой Церкви, также подчиненный начальнику тыла 6-й армии. Здесь генерал был подвергнут первому допросу.

4 сентября 1941 года генерал Ткаченко был отправлен в штаб 454-й охранной дивизии, где его несколько раз допросили в дивизионном отделе контрразведки. Затем, по требованию командования 6-й армии, генерал Ткаченко был передан в штаб этой армии и там вновь допрошен в отделе контрразведки. Отсюда плленного переправили в дулаг 201 (Житомир) с пометкой на сопроводительной записке, что командование армии больше не нуждается в допросе данного плленного и коменданту дулага предоставляется полная свобода в отношении того, как поступить с плленным гене-

¹ Согласно устному сообщению капитана Ст. Еленты.

² Согласно устному сообщению поручика Яна Станислава Коница.

³ PN-12, dok. obr., t. XIV, s. 239—241.

ралом. В дулаге 201 Ткаченко не допрашивали, зато это вновь (и несколько раз) сделали сотрудники отдела контрразведки той же 454-й охранной дивизии.

Все эти допросы сходились в установлении факта ареста генерала с помощью полицаев-предателей из так называемой «местной полиции», а также в том, что Ткаченко находился в Узине с 15 августа, работал там, и его поведение «ничего подозрительного» не выявило: в колхозе он «только работал и в присутствии других красноармейцев никаких высказываний не делал». Как следует предположить по ряду показаний генерала, а в особенности по его героической смерти, он решил на этом этапе усыпить бдительность гитлеровцев, а затем уже перейти к активным действиям.

На упоминавшемся выше донесении мы теряем дальнейший архивный след генерал-майора Семена Акимовича Ткаченко. Вновь мы обнаруживаем его лишь в гитлеровском лагере смерти Саксенхаузене.

После массового истребления свыше 18 тысяч советских военнопленных (сентябрь 1941 года) в Саксенхаузене еще влачила жалкое существование большая группа пленных, число которых таяло с каждым днем в результате пыток, голода, холода, изнурительного труда и непрекращающихся экзекуций. Организованное узниками всех национальностей лагерное движение Сопротивления самыми различными средствами и методами противодействовало замыслам фашистских палачей. В период 1942—1943 годов это привело к значительному облегчению судьбы обретенных на гибель советских военнопленных, уменьшив благодаря братскому сотрудничеству всех узников их «естественную» смертность. Но лагерь ждал не только этого: он надеялся на военную организацию и жаждал вооруженных действий. Нужны были командиры, руководители.

И вот, как сообщает генерал Зотов, который вместе с группой советских офицеров при участии представителей узников других национальностей стал во главе лагерного движения Сопротивления, в это время в Саксенхаузен прибыли генерал-майор С. А. Ткаченко, майор Иосиф Козловский и майор Андрей Пирогов. Их привезли из «нормальных» лагерей для пленных и водворили в лагерь смерти «за организацию побегов и пропаганду против вербовки во власовскую армию»¹. Вести о совершенных ими в лагерях для пленных действиях, а равно и деятельность, которую они развернули в Саксенхаузене, оценивались очень высоко: «Это

¹ А. С. Зотов, Годы в плену, в сборнике «Незримый фронт», М., Воениздат, 1961, стр. 36.

были подлинные патриоты советской Родины, люди нестигаемой солдатской воли¹.

Генерал Ткаченко вместе со своими товарищами, к которым затем присоединились старший лейтенант Николай Голубев, лейтенант Иван Васильев, политрук Марк Тилевич, киевлянин Яков Костянин, подполковник Александр Бородин и другие, ринулись в водоворот подпольной работы. Ткаченко быстро установил контакты с советскими и иными пленными, работавшими на сортировке обуви убитых заключенных. В частности, он привлек к сотрудничеству чеха Яна Водичку, немецких коммунистов Курта Фалека и Курта Ратвагена. С помощью русского электрика Ивана Малышева они смонтировали (в лагерной мастерской) радиоприемник. В другом лагерном «предприятии» Ткаченко руководил группой активистов-диверсантов. Это были политрук Михаил Яицкий, Николай Коченко, Алексей Куйбышев, Николай Николаев и другие. Ткаченко завязал связи со многими заключенными и, несомненно, повлиял на оживление подпольной деятельности в изолированном от остальной части узников «трудовом лагере для военнопленных» («Arbeitskriegsgefangenenlager»), где под руководством старшего лейтенанта Бориса Дорохова действовала подпольная группа советских офицеров и солдат (Иван Зверев, Анатолий Рукояткин, Михаил Фильченко, Николай Герасимов, Михаил Дрождинов и Василий Автаев). Вскоре деятельность генерала Ткаченко привела к организации на территории лагеря смерти многочисленных боевых групп, мечтавших о вооруженном восстании, разбросанных по различным лагерным командам и нетерпеливо ожидавших сигнала к бою².

Ткаченко — огневая душа, пылавшая жгучей ненавистью к эсэсовским преступникам, мужественный человек, охваченный жаждой действий, — нетерпеливо шел к вооруженному восстанию. Оно должно было стать всеобщим выступлением узников, а предшествовать ему должны были более явные формы массово-разъяснительной пропаганды. «Он считал, что презрение к эсэсовцам не должно таиться в душе, а выплыснуться наружу». По его мнению, все это должно было стать одним из лучших способов дальнейшего сплочения рядов заключенных. Численное превосходство должно было дать свои результаты: в выгодных условиях, атакуя лагерную охрану «хотя бы с помощью камней», действуя решительно и смело, узники должны были обезоружить эсэсовцев, а затем объединиться с заключенными других концлагерей и выстоять до подхода приближающейся Советской Армии. При этом

¹ А. С. Зотов, цит. соч., стр. 36.

² Там же, стр. 36—37.

Ткаченко допускал возможность пробиться на соединение с советскими войсками даже в том случае, если бы пришлось преодолевать расстояние в 300—400 километров¹.

Несмотря на нереальность таких планов (действия в условиях гитлеровского лагеря смерти резко отличались от стратегии фронтовых боев и даже от тактики партизанской войны в глубоком тылу врага), устремления генерала Ткаченко и его нетерпеливая жажда дать бой врагу не могут не вызвать глубокой симпатии к этому человеку. В нем, как в зеркале, отражались непокоренная душа и несгибаемая воля советского солдата, стремление к битве с врагом в любых, даже самых невыгодных условиях, даже в лагере смерти, у стен крематориев. Однако в качестве решающей предпосылки успеха условия диктовали здесь сохранение самой глубокой тайны действий — такой тайны, перед которой конспирация старых революционеров казалась просто детской забавой.

Однако беспокойный дух генерала Ткаченко мало заботился о конспирации, несмотря на предостережения и единодушную позицию в этом вопросе всего руководства лагерного движения Сопротивления. «После вечерней поверки и в праздничные дни, когда узники имели несколько больше свободного времени, чем обычно, вокруг него [Ткаченко. — Ред.] зачастую толпились люди, среди которых могли оказаться и предатели»².

Лагерные власти, следя за руководителями-Сопротивления и инициаторами многочисленных актов саботажа, 11 октября 1944 года зверски убили 27 немецких и французских активистов подполья, а вскоре после этого отправили в лагерь смерти Маутхаузен большой транспорт других активистов, а среди них и одного из руководителей Сопротивления — майора Андрея Пирогова.

В ночь на 2 февраля 1945 года решилась также судьба генерала Ткаченко.

Из бараков, согласно именным спискам, было вызвано свыше 100 «гражданских» заключенных, в большинстве советских людей, а к ним добавлена группа в 50—60³ советских военнопленных из «трудового лагеря для военнопленных». Фашистские палачи заверили встревоженных узников, что речь идет о «внезапной эвакуации», но «...несчастные поняли, что их ждет за бетонной стеной, и бросились на палачей, стараясь как можно дороже продать свою жизнь»⁴. Под

¹ А. С. Зотов, цит. соч., стр. 47.

² Там же, стр. 47—48.

³ В. С. Ионов (см. ниже) указывает, что число убитых в эту ночь советских офицеров и солдат составило «более ста».

⁴ А. С. Зотов, цит. соч., стр. 57.

огнем автоматического оружия гитлеровцев погибли все 178 узников, которые даже перед лицом смерти продемонстрировали свою волю и сопротивление фашистскому зверю, не дав отправить себя на экзекуцию.

«В эту, как все ее назвали, «варфоломеевскую ночь», — пишет генерал Зотов, — мы потеряли беззаветно преданных коммунистов, активных патриотов нашего подпольного центра — генерал-майора Семена Акимовича Ткаченко, майора Иосифа Козловского, старшего лейтенанта Бориса Дорохова, врача Бориса Токарчука, юного санитара Ваню Литвино娃, замечательного оружейника Владимира Черевкова, Николая Назарова и многих других»¹.

Как сообщает бывший узник Саксенхаузена сержант погранвойск СССР В. С. Ионов, после убийства генерала Ткаченко и его товарищей «круглосуточно дымил крематорий»².

Вскоре после резни 2 февраля 1945 года из Саксенхаузена было отправлено в лагерь смерти Маутхаузен 450 заключенных, в том числе 110 советских военнопленных. Именно в этой группе затем оказался и прославленный советский патриот генерал-лейтенант Д. М. Карбышев³.

Убийство Карбышева относится к категории наиболее зверских.

Дмитрий Михайлович Карбышев, генерал-лейтенант инженерной службы Советской Армии, в августе 1941 года на Днепре при попытке пробиться из окружения был тяжело контужен и попал в плен к гитлеровцам. Три с половиной года провел Д. М. Карбышев в плену — сначала в лагерях для пленных в Замосцье и Хаммельбурге, а затем в концлагерях Флоссенбюрг и Майданек. Из последнего он был вывезен 7 апреля 1944 года в Освенцим, а оттуда в Маутхаузен. Генерал Карбышев был выдающимся, известным далеко за пределами Советского Союза специалистом в области военно-инженерного дела. Стремясь использовать огромные знания Карбышева, гитлеровцы всеми способами пытались склонить его к сотрудничеству с вермахтом, но все эти попытки разбивались о несокрушимую волю и патриотизм генерала: он не собирался ценой предательства родины облегчить и даже спасти свою жизнь. Когда не помогли ни просьбы, ни уговоры, ни обещания, гитлеровцы перешли к угрозам и применению своих зверских методов. Генерала, которому тогда было уже шестьдесят четыре года, бросили в концлагерь, где принуждали тяжко работать, морили голо-

¹ А. С. Зотов, цит. соч., стр. 57—58.

² В. С. Ионов, Во власти убийц, в сборнике «Незримый фронт», стр. 147.

³ А. С. Зотов, цит. соч., стр. 58.

дом, мучили, били и пытали. В Освенциме товарищи не раз спасали генерала Карбышева от очередного «отбора».

Несмотря на крайнее истощение и физические недомогания, генерал Карбышев не только не потерял присутствия духа, не поколебался и не поддался своим мучителям, но еще и находил в себе столько моральной стойкости, что поддерживал и ободрял других, укреплял их дух и открывал им перспективу победы и освобождения от ига фашизма.

Когда обещанное им освобождение было уже не за горами, когда советские войска уже приближались к границам Австрии, гитлеровские изверги решили расправиться с непоколебимым генералом. Его убили особенно зверским, изощренным способом — замораживанием.

В Саксенхаузене один из наиболее жестоких палачей эсэсовец Зорге давно практиковал свой «способ» — людей раздетыми выгоняли на 20-градусный мороз и там долго держали на холода, обливая ледяной водой. Этот «метод» переняли другие. В одном из филиалов Маутхаузена — Гузен-І по приказу еще более известного палача эсэсовца Хмелевского узников тоже выгоняли во двор под ледяной «душ». Несчастные жертвы фашистов стояли на морозе очень долго, их поливали ледяной водой до тех пор, пока они не падали без сознания¹.

Генерала Карбышева убили в ночь с 17 на 18 февраля 1945 года вместе с группой в 700 больных и ослабевших узников. Совершенно нагих, этих несчастных мучеников держали во дворе на морозе два дня и две ночи. Каждые три часа их обливали ледяной водой, пока они не замерзли².

На месте этой чудовищной казни советские люди воздвигли герою памятник.

Указом от 16 августа 1956 года Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил генерал-лейтенанту Д. М. Карбышеву высокое звание Героя Советского Союза за особую стойкость и мужество, проявленные в войне против гитлеровских захватчиков.

Имя Карбышева вошло не только в историю, но и в литературу народов Советского Союза. Славному сыну родины посвящена большая, насчитывающая более тысячи страниц биографическая повесть С. Голубова³.

¹ «Die Tat», 49/1959, 15/1959.

² Источники:

а) «Документы о Герое Советского Союза Д. М. Карбышеве», журнал «Исторический архив», 1957, № 3, стр. 48—79.

б) М. Игнатов, Люди трудной судьбы. Журнал «Смена», М., 1956, № 21; «Die Tat», 21/1960 от 21.5. 1960.

³ С. Голубов, Когда крепости не сдаются, М., 1953.

ГЛАВА

IV

Преступления в отношении военнопленных во время транспортировки

Путь, который проделывал солдат, попавший в гитлеровский плен, прежде чем он оказывался в стационарном лагере для военнопленных, был длительным, тягостным и, как правило, мучительным. А для десятков тысяч советских военнопленных это был и последний путь в жизни.

Процедура передачи пленных по назначению основывалась на иерархической структуре германской армии: дивизии собирали пленных на заранее определенных сборных пунктах, отсюда пленных передавали корпусам, те в свою очередь направляли их в армии, а уже оттуда путь лежал в дулаги, расположенные в тылу армий. В случае, если пленных задерживали по каким-либо причинам в оперативном районе, их передавали в шталаг данной армии или группы армий. Однако в основном всю массу пленных, как правило, отправляли из дулагов дальше в районы, подчиненные ОКВ. Это относилось ко всем пленным и к большинству советских военнопленных.

Даже если конвой и начальник транспорта не проявляли особой жестокости, — а такая жестокость, надо сказать, была обычной в обращении с советскими военнопленными, — то и в этом случае транспортировка в лагерь была для пленного мучительной. Однако нередко случалось, что и в отношении военнопленных других государств в пути имели место враждебные действия, всякого рода издевательства и придишки, порой переходящие в настоящие пытки. Такие случаи были отмечены уже во время сентябрьской кампании 1939 года.

После капитуляции крепости Модлин (Польша) польские солдаты, отделенные от офицеров, под усиленным конвоем прошли 40 километров до Насельска. К идущим нор-

мально придиrok не было¹. На станции Войтоство под Насельском плленых погрузили в товарные вагоны по 90 человек в каждый (то есть вдвое с лишним больше нормы: положено 40 человек на вагон). Вагоны закрыли наглухо, и в условиях такой скученности плленых везли целые сутки, не разрешая открывать двери хотя бы на несколько минут, чтобы оправиться или напиться воды. Так их везли до прибытия к месту назначения в Ольштынеке [Хоэнштейн]².

После страшного побоища польских военнопленных, организованного гитлеровцами в ночь с 13 на 14 сентября 1939 года в Замбруве, оставшихся в живых погнали в Ломжу. По пути конвоиры беспощадно пристреливали всех отставших³.

В очень тяжелых условиях проходила транспортировка солдат польской армии (евреев), «освобождаемых» зимой 1939/40 года из лагерей для плленых и направляемых в гетто или же в «еврейские жилые кварталы». Конвоиры, набираемые из невоенных формирований (СС, жандармерия, полиция), в пути убили многих плленых. Эти транспорты стали как бы прототипом последовавшего позднее массового истребления советских военнопленных во время конвоирования их в лагеря.

В 1941 году гитлеровцы отправляли большие группы югославских плленых в Германию. Во время непрерывного, продолжавшегося более 5 дней переезда в запертых вагонах, плленые не получали никакой пищи — только воду⁴.

После капитуляции генерала Бур-Комаровского в октябре 1944 года [во время Варшавского восстания. — *Перев.*] его и 20 офицеров главного штаба Армии Крайовой с большими удобствами перевезли в местечко Круклянки на Мазурах⁵. В то же время совсем в иных условиях производилась транспортировка бойцов 15-го повстанческого полка Армии Крайовой. 6 октября 1944 года этих плленных погрузили на станции Ожарув по 80 человек в вагон и отправили в Ламбиновицы. По дороге конвоиры стреляли по вагонам, в результате чего были тяжело ранены два бойца и один убит⁶. 18 октября

¹ По непроверенным данным, всех отставших во время марша плленых, страдающих дизентерией или ослабевших, гитлеровцы избивали прикладами. Сообщение бывшего плленного, проделавшего этот марш, инженера Тадеуша Чаплицкого; AGK.

² Там же.

³ Показания бывшего военнопленного солдата 33-го пехотного полка Антона Салинского; 935/z, inw. № 988, AGK.

⁴ M. Piotrowski, Adventures of a Polish Prisoner, Glasgow, 1943, p. 171.

⁵ Показания гитлеровского генерала фон дем Баха; Stenogram pro-cessu Fischer'a, t. VIII, s. 2106—2108.

⁶ A. Borkiewicz, op. cit., s. 698.

офицеров изолировали от солдат и разместили по разным лагерям¹. Вот как описывает Репецкий историю одного транспорта из Ламбиновиц в Добегнев, в котором находилось 100 офицеров (96 старших и 4 младших). Это было 19 октября 1944 года:

«На станции [Ламбиновице. — Ш. Д.] мы на себе испытали немецкие «научные» методы перевозки «опасных» пленных. Группами по двадцать человек мы встали перед пятью товарными вагонами. У нас отобрали сапоги, подтяжки, ремни, всякие шнурки и острые предметы; все это охранники уложили в мешки. Нам отвели половину каждого вагона, отделенную загородкой из двух рядов колючей проволоки. На полу нашего «купе» лежало немного соломы, в углу стояла бадья для нечистот. Теснота не позволяла нам даже вытянуть ноги. За нами закрыли загородку из колючей проволоки. Словно звери в клетке ждали мы отъезда»².

7 мая 1942 года на железнодорожную станцию Хадамар было доставлено из олага XIII 140 польских офицеров с целью отправки их в олаг IIЕ в Ней-Бранденбурге. Перед посадкой в вагоны пленных под угрозой применения оружия заставили снять сапоги и бросили обувь в отдельный вагон. В пути босых пленных заставляли маршировать по перронам крупных станций, вследствие чего они стали объектом насмешек немецкого населения. Люки вагонов были закрыты, несмотря на жару. Под угрозой применения оружия запрещалось открывать люки и даже вставать с места. Начальником этого транспорта был обер-лейтенант Брюль из олага XIII³.

В мае 1942 года транспорт, насчитывающий около 2 тысяч французских военнопленных — преимущественно унтер-офицеры, отказавшиеся работать, и военнопленные, пойманные при попытке совершить побег, — покинул шталаг XIII в Лимбурге (на р. Лан) и направился в штрафной лагерь в Раве-Русской. При посадке в вагоны с пленными стащили одежду (обмундирование и сапоги), а также отобрали все продукты. В течение всех шести дней пути пленные только два раза получали по чашке несъедобного супа — раз в Ополе и второй раз в Ярославе⁴.

¹ A. Borkiewicz, op. cit. s. 698.

² J. Rzepiecki, Wspomnienia i przyczynki historyczne, Warszawa, 1956, s. 292.

³ Сообщение бывшего военнопленного майора Стефана Войнаровского: AGK, № 3139.

⁴ Показания бывшего французского военнопленного Поля Розера, «Trial», v. VI, p. 289.

В 1945 году в связи с приближением союзных войск к границам Германии перед руководящими кругами третьего рейха возникла проблема эвакуации штабов и олагов. Для многих пленных, особенно для «засидевшихся», это было сопряжено с чрезвычайно большими трудностями: в тяжелых зимних условиях им приходилось совершать пешие переходы на далекие расстояния, порой доходившие до 400—600 километров, в течение нескольких недель.

Упомянутый выше подполковник Крафт из Управления по делам военнопленных показал после войны, что во время подобной эвакуации пленных будто бы кормили по соглашению с Международным Красным Крестом, а начальники транспортов якобы получили от Управления по делам военнопленных специальную инструкцию: как можно больше находиться возле пленных, чтобы в пути ни в коем случае не допускать актов произвола и насилия над ними¹.

А каковы были фактические инструкции, изданные в связи с эвакуацией?

Об этом свидетельствуют события в лагере в Жагани. К моменту приближения частей Советской Армии (февраль 1945 года) в этом лагере скопилось около 10 тысяч пленных летчиков. На совещании в главной ставке 27 января 1945 года Гитлер пришел в ярость, когда услышал от Геринга, что предлагалось передать этих военнопленных советским войскам. Гитлер приказал беспощадно и немедленно эвакуировать пленных под усиленным конвоем — в случае необходимости пешком — и при малейшей попытке к бегству расстреливать. Геринг дополнил эту директиву указанием «снять с пленных брюки и сапоги, чтобы не могли убежать по снегу»². Начальником этого транспорта было рекомендовано назначить генерала СС Ютнера или Глюкса.

Эвакуация из Жагани английских летчиков (среди которых оказалось некоторое число поляков — летчиков английских военно-воздушных сил) происходила в такой спешке, что пленных целых две недели гнали пешком в направлении Берлина. Ночевали прямо на снегу — там, где ночь заставала марширующие колонны пленных. В течение всех 14 дней военнопленные не получили ни куска хлеба. Пытались тем немногим, что успели захватить с собой из лагеря, а также скучными припасами, которые им тайком передавали встреченные на дороге «гражданские» невольники третьего рейха (русские и поляки), работающие у окрестных крестьян и помещиков. При этом офицеры-поляки из лагеря Жагани ока-

¹ Показания Теодора Крафта; PN-12, dok. prok., t. XVII, s. 236.

² Стенограмма совещания в главной ставке: «Mittagslage vom 27/I 1945 in Berlin», «Trial», 3786-PS, v. XXXIII, p. 102.

зали большую услугу своим английским товарищам, устанавливая в пути контакт со своими «гражданскими» земляками или с русскими людьми. Что касается конвоиров, то они ограничивались только строгой охраной — при каждом из них был дрессированный пес. О бегстве не могло быть и речи. Через две недели совершенно истощенных и больных пленных посадили в вагоны и отвезли в Люккенвальде под Берлином¹.

Еще хуже проходила эвакуация французских пленных из штаб-лагеря VIIIС (Конин-Жаганский) в феврале 1945 года. По приказу начальника конвоя, пленных по пути неоднократно избивали, наказывали лишением пищи на 48 часов, принуждали ночевать на снегу во время метели или под дождем. Многие военнопленные по дороге умерли от голода, истощения и побоев. Один из них, по фамилии Шомон, был расстрелян за то, что взял на поле одну свеклу².

Тяжелые часы пережили также несколько тысяч французских офицеров, эвакуированных из лагеря для военнопленных IIВ в Хошно (Арнсвальде, 65 километров к юго-востоку от Шецина)³. 29 января 1945 года в связи с приближением советских войск гитлеровцы погнали французских военнопленных пешком на запад. Во время этого семидневного марша они часто не получали пищи и неоднократно ночевали в суровых зимних условиях под открытым небом. Они «познали, что такое голод, болезни, суровый климат, жестокость охранников, презрительное равнодушие ответственного немецкого офицера»⁴. Одна из колонн пленных достигла 19 марта 1945 года отдаленного олага VIA в Зёсте (Вестфалия), вторая — олага 63 в Вицендорфе, около Берген-Бельзена⁵.

В не менее тяжелых условиях, но значительно более длительный (8 недель) пеший переход с востока на запад через

¹ Показания Тадеуша Ваверского (из местечка Козы, Бельского уезда), узника лагеря в Жагани (Беларии), летчика английских BBC, сбитого над Германией 27 апреля 1942 года; GK-223/58, AGK.

² Официальный документ французского правительства; «Rapport sur la Captivité», «Trial», 078/2/UK, v. XXXIX, p. 167.

³ Сразу после победы гитлеровцев на Западе, в июне и июле 1940 года, 6 тысяч французских офицеров оказались в лагере для пленных в Гросборнен (оффлаг IIД, 115 километров к востоку от Шецина). В октябре того же года это число уменьшилось до 3500 человек. В мае 1942 года всех их перевели в оффлаг IIВ в Хошно, где число их в последующие годы колебалось от 3700 до 2700. См. R. Flament, *La vie religieuse d'un Oflag*, «Revue d'Histoire de la Deuxième Guerre Mondiale», Paris, 1957, № 25, p. 47.

⁴ J. M. d'Hoop, *Une these sur un Oflag*, «Revue d'Histoire de la Deuxième Guerre Mondiale», 1957, № 25, p. 101.

⁵ Пленные из лагеря в Зёсте были освобождены 6 апреля 1945 года американцами, узники Вицендорфа — также в апреле — англичанами (P. Flament, J. M. d'Hoop, op. cit.).

всю Германию совершили польские военнопленные из оффлагов, размещенных в том же II военном округе (Шецин)¹.

Согласно сведениям Садзевича, 31 января 1945 года в связи с приближением советских войск гитлеровцы организовали эвакуацию оффлага ПД в Гросборн². В путь выступило около 5 тысяч пленных, около тысячи человек осталось в лагере, симулируя болезнь и неспособность к пешему переходу. Маршрут этого пешего марша проходил через Шецин, Поморье и Мекленбург в лагерь Зандбостель под Бременом³. Кроме обычных трудностей такого перехода, дали себя почувствовать неимоверные условия размещения и особенно недостаточное питание пленных. Они ночевали в сараях, на гумнах, в хлевах, кормили их один раз в сутки полусырым картофелем. Такой голодный рацион ни в коем случае не дал бы возможности массе военнопленных вынести лишения этого зимнего марша по маршруту протяженностью более 700 километров, если бы не значительная помощь продовольствием, оказанная им пленными- рядовыми, пленными-югославами и гражданскими лицами, занятых на принудительных работах (русскими, поляками, югославами и французами). На последнем этапе перехода немалую помощь оказал им также Международный Красный Крест: он доставил военнопленным много продовольственных посылок. В начале апреля колонна пленных достигла лагеря Зандбостель. Но там царил настоящий голод. Пленные получали в день по 100—200 граммов свекольного «хлеба», три неочищенные картофелины и кружку жидкого эрзац-супа из брюквы⁴.

Из Зандбостеля военнопленных переотправили в Бад-Швартай в Любеке, где 2 мая 1945 года они были освобождены английскими войсками⁵.

Бесчеловечное обращение с военнопленными во время эвакуации стало предметом расследования и нашло свое отражение в обвинительном заключении на процессе главных

¹ К сожалению, автор не располагает данными, относящимися к эвакуации оффлага ПС в Вольденберге.

² M. Sadzewicz, op. cit., s. 297—298.

³ По устному сообщению автору поручика Мариана Станишевского из Шамотульского батальона Национальной обороны, узника оффлага ПД; колонна, в которой он находился, была направлена и пришла в Гамбург. Там военнопленных погрузили в товарный эшелон, и последний этап пути до Зандбостеля пленные проделали по железной дороге. В Гамбурге военнопленные пережили массированный воздушный налет и бомбардировку, находясь в почти герметически закрытых вагонах.

⁴ M. Sadzewicz, op. cit., s. 298.

⁵ Поручик М. Станишевский сообщает, что его колонна перед заходом в Зандбостель была подвергнута тщательному обыску, во время которого у пленных отобрали все, даже мизерные запасы продовольствия, которые еще оставались у них. Согласно устному сообщению майора Тадеуша Кулаковского, бывшего пленного оффлага ПД, а также поручика

немецких военных преступников в Нюрнберге¹. Против отдельных конвоиров, имена которых были установлены в ходе расследования, было возбуждено судебное преследование. Особенно суровый приговор был вынесен судом за издевательства над эвакуированными из Бляховни [Блеххаммер] в Мюнхенбург английскими военнопленными (в частности, избиение рядового Реджинальда Дж. Сэддса): британский военный суд приговорил гитлеровского унтер-офицера Менцеля к 10 годам тюремного заключения (позднее срок заключения снижен до 5 лет)².

Все эти преступные нарушения законов и обычаев войны — если говорить вообще об обращении с военнопленными — были во сто крат более тяжкими в отношении советских военнопленных. Транспортировка советских пленных стала одним из факторов истребления, запланированного и неуклонно проводимого в жизнь не только командованием, но и немецкими солдатами. Это факт, что большинство замученных и убитых в 1941—1942 годах советских солдат погибло в лагерях для военнопленных. Но фактом является и то, что десятки тысяч советских военнопленных вообще не попадали в эти лагеря, погибая во время транспортировки.

Основным фактором, который сделал возможным истребление советских военнопленных во время транспортировки, были ненависть и презрение к «недочеловекам» с Востока, вдалбливаемые германским командованием в головы немецких солдат с помощью письменных и устных приказов, чтобы такой «воспитательной» работой облегчить себе выполнение задачи по уничтожению «идеологического» противника. Этим в основном и объясняются беспрецедентные зверства не только гитлеровских офицеров, но и конвоиров-солдат. Явление это можно понять только при изучении всей совокупности элементов отношения к советскому военнопленному, проявлявшегося на фоне утвержденной свыше акции истребления «ненежелательных» пленных политработников, коммунистов, партийных работников, военнопленных женщин, евреев и т. д., а также открытого и осуществлявшегося одновременно с этим уничтожения органами СД мирного населения непосредственно за линией фронта.

М. Станишевского, значительное число польских военнопленных из Зандбостеля осталось там в состоянии крайнего истощения (например, сам поручик Станишевский страдал голодным отеком). Эти пленные не совершили дальнейшего пути в Любек и дождались освобождения их 30 (?) апреля 1945 года частями английской танковой дивизии.

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1957, стр. 127—129.

² «Trial of Unteroffizier W. Menzel», Hamburg, 18/II 1946. UNWCC, 6-th Supplement of the Synopsis of Trial Report Received, Mix, 30—31/V, 1946.

Основой для технического осуществления транспортировки военнопленных на Востоке был приказ генерал-квартирмейстера ОКХ генерала Вагнера от 31 июля 1941 года, предписывающий транспортировать военнопленных, как правило, пешком или же «если это проводится без ущерба для снабжения» [немецких войск. — Ред.] — в составах порожняка на открытых платформах¹.

Женевская конвенция 1929 года допускает пешую транспортировку пленных при условии, что она не превышает 20 километров в день, и допускает исключение в случае, «если необходимо достичь пунктов снабжения водой и продовольствием» (ст. 7). Нетрудно заметить, что хорошее состояние сети пунктов снабжения водой в европейской части Советского Союза (наличие водопроводов и водоемов) не оправдывало затеваемых гитлеровцами длительных переходов, далеко превышающих установленную международным правом норму. Транспортировка пленных на открытых платформах летом — при соответствующих мерах предосторожности и соблюдении иных гуманных норм обращения с ними в пути — еще не превращала распоряжения Вагнера в преступный приказ, несмотря на наличие в нем подчеркнутого требования о пешей транспортировке военнопленных. Но если все это происходило в условиях суровой зимы, когда случаи замерзания были «обычным» явлением, — дело выглядело совсем по-иному.

Впрочем, все тут зависело от общего отношения к военнопленному, от получаемой конвоем инструкции. Об отношении к пленным со стороны конвоя мы уже говорили, инструкции же были четкими и беспрекословными: конвоир должен быть безжалостным и беспощадным. То, что происходило на шоссе и дорогах западных районов Советского Союза, оккупированных гитлеровцами летом, осенью и зимой 1941 года, относится к самым мрачным страницам истории человеческой жестокости. Двигавшиеся на запад колонны военнопленных — среди которых было множество раненых, контуженных, больных и истощенных людей, поддерживаемых своими не менее истощенными товарищами, измученных длительными маршами, голодных, нещадно избиваемых конвоирами, — представляли собой ужасающее зрелище. Обычно пленных не кормили по несколько дней подряд, отказывали им в глотке воды при изнуряющей жаре, а мирному населению под угрозой расстрела на месте запрещали передавать пленным воду и пищу. Конвоиры безжалостно расстреливали каждого пленного, который наклонялся, чтобы поднять лежавшую на поле картофелину или морковь. Больше того, убивали на месте

¹ PN-12, NOKW-2184, dok. prok., t. VI, s. 21.

любого, кто в летний зной 1941 года пытался зачерпнуть пригоршню воды из колодца или даже придорожной лужи. Дороги на временно оккупированной территории Советского Союза были усеяны сотнями трупов убитых военнопленных, а нередко и гражданских лиц, в том числе детей, беспощадно застреленных только за то, что они дали пленным кружку воды или кусок хлеба.

Бывший военнопленный, советский военврач Евгений Кивелиша, который сам проделал эти марши смерти, рассказал на Нюрнбергском процессе о той утонченной пытке, какой являлся отказ в просьбе дать напиться летом воды. При виде колодцев или воды пленные невольно облизывали пересохшие губы и непроизвольно делали судорожные глотательные движения. После целого дня такого изнурительного марша пленных ждал ночной привал под открытым небом или на скотном дворе, куда их умышленно загоняли в таком количестве, что в тесноте и давке не могло быть и речи о возможности лечь, а часто и сесть¹.

Не лучше была судьба тех, кого транспортировали по железной дороге. Тут была применена еще более подая и гнусная система изощренных пыток. Летом, в душные и зноевые дни, военнопленных везли в битком набитых и наглоухо закрытых вагонах, зимой — на открытых платформах. Летом сотни пленных гибли от невыносимой жары, духоты и скучности, а зимой замерзали от холода. Но в равной мере — независимо от времени года — пленные гибли от голода, жажды и пули немецкого конвоира.

Результаты такой системы транспортировки были поистине зловеще беспрецедентными:

дороги, по которым в оккупированной части Советского Союза гнали колонны военнопленных, были обильно политы кровью и усеяны трупами убитых советских людей;

при выгрузке из вагонов, не открывавшихся в течение долгих дней пути, число умерших в пути пленных часто превышало число оставшихся в живых;

те мученики, которые выжили в пути, прибывали в лагеря для пленных в состоянии крайнего истощения и массами гибли в новых, не менее бесчеловечных условиях, которые им подготовили гитлеровцы в этих лагерях.

Все эти злодействия очень скоро стали известны Советскому правительству и явились предметом энергичного дипломатического демарша. В ноте Наркоминдела СССР от 25 ноября 1941 года, в частности, указывалось:

«Во время следования пленных к местам назначения ославевших пристреливают на месте. При переброске советских

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. IV, М., 1959, стр. 145.

военнопленных из Хорола в с. Семеновка на Украине красноармейцев заставляли все время бежать. Падавших от усталости и истощения немедленно расстреливали»¹.

Характерно, что факты жестокого обращения с советскими военнопленными во время транспортировки не решился оспаривать ни один из обвиняемых на процессе главных немецких военных преступников. Мирное население оккупированных территорий СССР видело эти преступления воочию. Имеется немало свидетелей, которые пережили эти «марши смерти» или «эшелоны-призраки». Перед лицом столь вопиющих фактов никто не был в состоянии опровергнуть их.

Один из гитлеровских «идеологов», Альфред Розенберг — позволявший себе по политическим «соображениям» не соглашаться с истреблением славян в ходе войны, стремясь превратить их прежде всего в рабов, которые покорно работали бы на «Великую Германию», — так обрисовал картину того, что происходило за линией германского фронта на Востоке в 1941 году и в начале 1942 года. «Во время перехода в лагеря гражданскому населению также не разрешалось передавать еду военнопленным. Больше того, когда пленные по причине голода и усталости не могли продолжать марш, их расстреливали на глазах онемевшего от ужаса гражданского населения, а трупы оставляли на дороге»².

О случаях зверского обращения с военнопленными говорил на процессе гитлеровского фельдмаршала Лееба и других начальник разведки группы армий «Центр» генерал Герсдорф. Он заявил, что «бывали» случаи жестокого обращения с военнопленными. Уничтожение пленных во время транспортировки он пытался объяснить весьма своеобразным способом: убийцы-де, мол, руководствовались почти исключительно чувством... милосердия! По данным Герсдорфа, сражавшиеся в окружении и потом оказавшиеся в плену солдаты были совершенно истощены физически, «от них остались только кожа да кости, и многие из них умирали во время транспортировки». В связи с этим случалось, заявил Герсдорф, что конвоирующие охранники «стреляли по потерявшим сознание пленным, которые, видимо, уже были нежизнеспособны». Герсдорф силялся убедить суд, что в тех случаях, когда вести об этих проступках доходили до сведения командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Бока, он предпринимал против таких охранников самые строгие меры..

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 187.

² «Письмо Розенберга Кайтэлю по вопросу о военнопленных», датированное 28/II 1942; PN-12, 081-PS, dok. prok., t. XI, s. 89; «Trial», v. XXV, p. 158.

Герсдорф показал, что ему известен один конкретный случай проведения следствия по такому делу¹.

«Начальник военнопленных» Данцигского военного округа генерал Эстеррейх в своих показаниях пишет о транспортировке советских военнопленных без пищи и воды на открытых железнодорожных платформах зимой и в закрытых вагонах летом, где им приходилось и оправляться и где трупы лежали среди живых людей, о трупном смраде, бьющем из вагонов, когда их открывали на станции назначения. Эстеррейх, который в свое время принял 12—13 эшелонов с советскими военнопленными по 1000—1500 человек в каждом, пишет, что обычно в каждом таком эшелоне было 50—100 трупов. Еще в октябре 1942 года, будучи уже «начальником военнопленных» на территории всей оккупированной Украины, Эстеррейх принял эшелон с 75 умершими в пути пленными².

Начальник IV отдела РСХА (гестапо) Мюллер в своем приказе от 9 ноября 1941 года писал, что значительное число советских военнопленных, прибывающих для ликвидации в концлагеря под охраной частей вермахта, находится в таком состоянии физического истощения, что на пути от железнодорожной станции к лагерю многие из пленных замерзают на дороге и что полуживых вместе с умершими подбирает обслуживающий персонал специальных фургонов³.

Убийца миллионов людей комендант лагеря смерти Освенцим Рудольф Гесс так говорит об условиях, в которых находились советские военнопленные до прибытия в лагерь:

«Второй крупный контингент [после поляков. — Ш. Д.] составляли советские военнопленные, которые должны были построить лагерь для военнопленных в Бжезинке [филиал Освенцима. — Ред.]. Их доставили из лагеря для пленных в Ламбиновицах [Ламсдорф] (в Верхней Силезии) в состоянии полного измощдения. В Ламбиновицы они попали после многодневного пешего перехода, по дороге они не получали почти никакой пищи: Во время остановок на марше их вели на ближайшие поля, и там они ели все, что только было съедобным»⁴.

¹ PN-12, sten., s. 2169—2170.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 129—130.

³ «Transport der zur Exekution bestimmten sowjetrussischen Kriegsgefangenen in die Konzentrationslager», PN-12, NO-3424, dok. prok., t. XVI, s. 3; «Trial», 1165-PS, v. XXII, p. 42—43.

⁴ «Człowna Komisja Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce», «Wspomnienia Rudolfa Hoessa, komendanta obozu oświęcimskiego», Warszawa, 1956, s. 110—111.

Один из охранников лагеря для военнопленных в Хаммельбурге, солдат 113-го строительного батальона Матиас Патучник показал, что зимой 1941/42 года в Хаммельбург прибыло примерно 1500—2000 советских военнопленных. Они были совершенно нетрудоспособны после четырехдневного «путешествия» в наглухо закрытых товарных вагонах. Патучник добавляет, что в вагонах было много трупов¹.

В начале 1943 года гитлеровцы отправили советских пленных с Кавказа в Керчь, а оттуда на завод имени Войкова, находящийся за городом. Дорога к заводу после этого марша была усеяна трупами. Среди тех, кого гитлеровцы безжалостно гнали пешком, было много раненых и больных. Кто оставал в пути, был застрелен².

Некоторые немецко-фашистские военные донесения позволяют восстановить картину условий, в которых происходила транспортировка советских военнопленных: в большинстве донесений об этом говорится весьма осмотрительно, а в некоторых без обиняков воссоздается действительное положение вещей.

Для примера приведем донесение 24-й пехотной дивизии в штаб тыла группы армий «Юг» от 15 октября 1941 года:

«Транспортировка пленных проводится под усиленной охраной в соответствии с полученными приказами. Неподчинение, попытки к бегству и истощение пленных очень затрудняют марш. В результате расстрелов и истощения имеется уже свыше тысячи умерших» [подчеркнуто в оригинале. — Ш. Д.]³.

Начальник тыла группы армий «Юг» генерал фон Рок в приказе от 26 октября 1941 года выразил благодарность подчиненным ему частям, в особенности 24-й пехотной дивизии, за транспортировку пленных, взятых во время боя в между речье Днепра и Десны. Эта транспортировка, по его словам, «несмотря на некоторые трудности, была выполнена в соответствии с планом и в назначенный срок»⁴.

Запись в журнале боевых действий 11-й армии, датированная 3 января 1942 года, говорит о транспортировке 11 000 пленных из Крыма в дулаг 120 в Херсоне. Транспортировка проходила «в тяжелых условиях, пешком и во время сильных морозов»⁵.

¹ Affid. Matthiasa Patutschnicka, PN-12, dok. prok., t. XVII, s. 45.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 43.

³ Журнал боевых действий группы армий «Юг»; PN-12, NOKW-1615, dok. prok., t. X, s. 39—40.

⁴ Оперативная сводка начальника тыла группы армий «Юг»; PN-12, NOKW-1615, dok. prok., t. X, s. 41.

⁵ Журнал боевых действий 11-й армии; PN-12, NOKW-1741, dok. prok., t. XXXVIII, s. 58.

В оперативной сводке начальника тыла группы армий «Север» от 15 марта 1942 года указывается, что во время транспортировки 75 пленных инвалидов в районе Гдова 14 из них умерло¹.

О масштабах некоторых побоищ, совершенных во время марша колонн военнопленных, говорят следующие данные.

В приговоре американского военного суда на процессе гитлеровского фельдмаршала Лееба и других говорится, что во время марша колонны советских военнопленных, перевозимых из дулага 160 в Кременчуг, охрана убила в пути 1200 измученных и отстававших от колонны пленных, трупы которых оставили незахороненными на обочине дороги².

Советский военный трибунал в Смоленске также установил, что во время следования колонн военнопленных по пути между Вязьмой и Смоленском погибло от истощения и варварского обращения конвоиров около 10 000 пленных³.

Не менее ужасными были и случаи массового вымирания советских военнопленных во время транспортировки их по железной дороге.

Из каждого большого эшелона больных и раненых пленных, прибывающего в гитлеровский так называемый «гросс-лазарет» в Славуте, Каменец-Подольской области, специальные команды выбрасывали из вагонов по 800—900 трупов людей, умерших в пути от голода, холода, жажды, отсутствия медицинской помощи и жестокого обращения охраны⁴.

Осенью 1941 года на станцию Саласпилс (Латвийская ССР) прибыл эшелон в составе 50—60 вагонов с пленными. Когда открыли вагоны, из них ударил страшный трупный запах: почти половина пленных умерла в пути. Когда оставшиеся в живых измученные военнопленные бросились к воде, чтобы утолить многодневную жажду, гитлеровцы открыли по ним огонь и многих убили⁵.

В ноябре 1941 года возле железнодорожной станции Мост (Латвийская ССР) при разгрузке эшелона военнопленных, запертых в 30 вагонах, было установлено, что из 1500 человек не осталось ни одного живого: все умерли по дороге⁶.

Оба последних случая приведены также Расселом в его книге⁷.

¹ Оперативная сводка начальника тыла группы армий «Север»; PN-12, NOKW-2090, dok. prok., t. XI, s. 102.

² PN-12, sten., s. 10 233.

³ См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 68.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 103—104.

⁶ Там же, стр. 104.

⁷ См. Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 78.

Начиная с 1942 года в руки гитлеровцев попадает ничтожное количество пленных, поэтому резко уменьшается число транспортиров, а, следовательно, становится меньше возможности творить гнусные преступления. Однако судьба пленных, отправленных в концлагеря, оставалась по-прежнему тяжелой, как и участь всех узников этих лагерей.

В связи с приближением советских войск к Люблину гитлеровцы эвакуировали в апреле 1944 года из Майданека в Гросс-Розен 1500 пленных. В вагонах, разделенных на три части, в отгороженных колючей проволокой клетках, с одной стороны находились «гражданские» узники (поляки), по другую сторону — советские военнопленные, а в центре размещалась охрана. Одетые в каторжную полосатую форму, военнопленные, лишенные обуви, вынуждены были неподвижно лежать на полу; один военнопленный пытался встать, его тут же застрелили¹.

До настоящего времени точно не установлено, сколько всего было убито и умерло советских военнопленных во время транспортировки. Нам известны чудовищные масштабы убийств во время транспортировки, скрупулезность гитлеровцев, особенно при всяческого рода подсчетах количества военнопленных, которые должны были явиться дополнительным источником рабочей силы. Нам думается, что цифра «убыли во время транспортировки» (как об этом говорится в немецко-фашистских документах) составляет приблизительно 200—250 тысяч военнопленных.

¹ Показания Мечислава Михаловича; AGK-69, inw. № 51, s. 129.

Преступления в лагерях для военнопленных

ЛАГЕРЯ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ — ЛАГЕРЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

Международное право требует человечного обращения с военнопленными со стороны лагерных властей. Но гитлеровские лагеря для военнопленных стали олицетворением ужасных застенков, где унижалось человеческое достоинство военнопленных, где их подвергали чудовищным мучениям и они были обречены на страшную смерть.

Если лагеря для военнопленных западных государств хотя бы приблизительно отвечали элементарным требованиям человеческого существования, то лагеря для советских военнопленных были одним из главных звеньев заранее задуманной и с неслыханной жестокостью осуществляющей системы истребления.

Восточная Европа, которая по плану Гитлера должна была стать немецким «жизненным пространством», подлежала, согласно этому плану, «освобождению» от десятков миллионов коренных жителей частично путем выселения за Урал, частично путем массового уничтожения. Однако, как известно, до «выселения за Урал» дело не дошло. Но война дала гитлеровцам возможность осуществить их людоедскую программу истребления огромных масс населения на местах и военнопленных, оказавшихся в лагерях.

Часть военнопленных, наиболее «опасных» с точки зрения нацистской «идеологии», гитлеровцы уничтожали особенно старательно, не предоставая этого слепой судьбе. Такими военнопленными были те самые «нежелательные», о которых говорилось выше. Для остальных пленных при помощи целого ряда «специальных средств» создавались условия существования, которые заранее обрекали их на скорую и... дешевую смерть! К этим «средствам» относилось, в частности, абсолютное отсутствие хотя бы самых примитивных условий для жизни военнопленных в дулагах и шталагах. Применялся чрезвычайно простой «метод» строительства лагерей:

открытое пространство площадью в несколько гектаров огораживали колючей проволокой, ставили вокруг сторожевые вышки, и... лагерь был готов к приему пленных! Без бараков, даже без палаток, складов, а равно без воды не только для умывания, но часто и для питья. Без продовольствия в первые дни. И так далее, и тому подобное...

Эту картину кратко описал командир 24-й пехотной дивизии вермахта, которая в октябре 1941 года на Украине занималась транспортировкой в тыл больших групп советских военнопленных. Напомним, что в ходе этой транспортировки умерло много тысяч пленных.

«Со стороны дулага 182 до сих пор ничего не сделано для постоянного размещения 20 тысяч [военнопленных. — Ш. Д.]. Новоукраинка, кажется [подготовлена к приему. — Ш. Д.] только 10 тысяч»¹.

Именно в таких не подготовленных к приему военнопленных дулагах в оперативных районах, в «имперских комиссариатах» или «генерал-губернаторстве» военнопленных держали неделями. В первые месяцы войны против Советского Союза советских военнопленных не отправляли на территорию рейха. Почему?

Опасаясь «заражения» немцев коммунизмом, Гитлер сначала запретил отправку советских военнопленных в Германию. И только тогда, когда в лагерях для военнопленных воцарились «невыносимые, а частично и хаотические отношения», когда там вспыхнули массовые эпидемии, Гитлер разрешил отправлять пленных в Германию². Оставление военнопленных в оперативных районах было одним из многих факторов массового их истребления.

А каковы были дальнейшие «средства»? Дневные рационы в 200—700 калорий; длительное пребывание военнопленных (зимой и осенью) под открытым небом или в неотапливаемых помещениях с выбитыми окнами, а часто в окопах или наскоро вырытых землянках; неописуемые антисанитарные условия; недостаток воды, а часто и вовсе отсутствие ее; отсутствие мыла; неописуемая грязь и всеобщая завшивленность в результате крайней скученности; полное отсутствие личного и постельного белья; ночлег на голой земле или цементном полу; отсутствие зимней одежды и обуви, которую гитлеровцы попросту отбирали у пленных; нечеловеческие условия в лагерных «лазаретах», где голодные и почти лишенные медицинской помощи больные были обречены на

¹ Журнал боевых действий группы армий «Юг», донесение 24-й пехотной дивизии командующему группой армий «Юг» от 15/X 1941; PN-12, NOKW-1615, dok. prok., t. XXXIX, s. 40.

² Из заявления фельдмаршала Браухича; *ibid.*, 3798-PS, dok. prok., t. XLVI, s. 248.

неминуемую смерть. Не удивительно поэтому, что в подобных условиях смертность была просто ужасающей.

Мирному населению, которое охотно оказалось бы помочь военнопленным, было строжайше запрещено общение с пленными. Так, например, в Каунасе, в форте № 6, находился лагерь № 336 для советских военнопленных. У входа висел щит с надписью на немецком, литовском и русском языках: «Кто с военнопленными будет поддерживать связь, особенно кто будет им давать съестные припасы, папиросы и штатскую одежду, сейчас же будет арестован. В случае бегства будет расстрелян»¹. Строгое запрещение контактов с пленными было обязательно и для немецкого населения.

Все эти факторы способствовали возникновению массовых эпидемий, влекли за собой голодные отеки, общее истощение пленных и в итоге вели к массовой «естественной» их смерти.

Но при всем этом военнопленным не давали сидеть сложа руки. Их принуждали работать, ибо третий рейх ощущал острую нехватку рабочей силы. Поэтому военнопленных гнали на тяжелые, изнурительные работы. В отношении сопротивлявшихся применялись такие «воспитательные» меры, как безжалостное избиение палками, плетками или прикладами. И это, видимо, также в немалой степени способствовало росту «естественной» смертности.

Однако кроме всего этого, гитлеровцы расстреливали отдельных военнопленных под любым предлогом: за поиски пищи в кухонных отбросах; за приближение к ограде из колючей проволоки; за толчкою при раздаче «обеда» и т. д. Массовые расстрелы имели место при подавлении бунтов военнопленных, проявлявшихся в виде попыток к массовым побегам из лагерного ада. Случалось, что при помощи экзекуций гитлеровцы пытались бороться даже с эпидемиями!

Этот комплекс «средств» и условий вкупе с условиями транспортировки военнопленных с поля боя на сборные пункты, а оттуда в дулаги и шталаги создал условия для быстрого их истребления. Обо всем этом говорят тогдашние и послевоенные немецкие документы.

Особенно яркое свидетельство тому дает цитированное выше письмо Розенберга Кейтлю от 28 февраля 1942 года. Приводим выдержку из этого письма:

«Участь советских военнопленных является величайшей трагедией... Большая часть из них умерла от голода или погибла в результате суровых климатических условий. Тысячи умерли от сыпного тифа. Разумеется, снабжение продовольствием таких масс пленных столкнулось с трудностями. Однако, если бы существовало понимание целей, которые пресле-

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 116.

дует германская политика, можно было бы избежать высокой смертности. На оккупированных территориях Советского Союза, по имеющимся сведениям, местное население имело самые лучшие намерения предоставить пленным продовольствие. Несколько предусмотрительных комендантов лагерей с успехом воспользовались этим. Однако в большинстве случаев они запрещали мирному населению передавать пленным продукты питания и предпочли обречь их на голодную смерть... Во многих лагерях вообще не позаботились о помещениях для пленных... В дождь и снег они оставались под открытым небом. Больше того, им даже не давали инструментов, чтобы выкопать землянки или ямы. Совершенно забыли о систематической дезинфекции в целях ликвидации зашивленности пленных. Делались высказывания вроде: «Чем больше вымрет этих пленных, тем лучше для нас». В результате такого обращения, в связи с побегами и эпизодическим «освобождением» пленных расширились эпидемии сыпного тифа, повлекшие за собой жертвы среди вермахта и гражданского населения даже в Германии¹.

Розенберг имеет в виду, конечно, только интересы германской экономики. Сетуя на многочисленные расстрелы пленных, особенно «азиатов», он проливает крокодиловы слезы по поводу убыли рабочей силы, за что приходилось расплачиваться германской экономике и военной промышленности. Но все же остается фактом, что даже один из «идеологов» третьего рейха протестует против массового истребления советских военнопленных.

Бройтигам, один из высших чиновников министерства оккупированных восточных территорий, в меморандуме от 25 октября 1942 года говорит о сотнях тысяч советских военнопленных, которые «в наших лагерях буквально погибли от холода или замерзли», а также об их «медленной и мучительной смерти»².

Генерал Эстеррейх³ в своем потрясающем сообщении о судьбе советских военнопленных в гитлеровских лагерях приходит к следующему выводу:

«Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральные унижения и умирали от холода и заболеваний»³.

В марте 1942 года в районе Гдова было «освобождено» из дулагов несколько сот негодных к военной службе и нетрудоспособных советских военнопленных. Их разместили

¹ PN-12, 081-PS, dok. prok., t. XI, s. 88—93; «Trial», v. XXV, p. 157—158.

² «Trial», 294-PS, v. XXV, p. 338.

³ «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 129.

среди гражданского населения. И вот что в связи с этим доносит начальник тыла группы армий «Север»: «Это мероприятие вызвало очень невыгодные настроения. Пленные, умирающие от голода, похожие на живые скелеты и покрытые гноящимися, смердящими ранами, создают ужасающее впечатление. Их рассказы об условиях, в которых они жили прежде [в лагерях. — Ред.], не проходят бесследно»¹.

О голодной смерти, как одном из методов массового уничтожения пленных, говорил бывший «начальник военнопленных» XIII военного округа (Нюрнберг) генерал Шеммель, описывая степень голода пленных на примере своего округа:

«Одной группе истощенных от голода и занятых на тяжелых работах советских военнопленных однажды выдали дополнительную порцию продуктов. Все они умерли на следующий же день, поскольку их желудок не был способен переварить увеличенное количество пищи»².

Именно такие методы, вытекающие из планов истребления миллионов славян и всех «нежелательных», являются причиной смерти огромного числа советских пленных в 1941 и 1942 годах.

После войны было немало попыток приписать решающую роль в этом беспримерном для истории войн преступлению иным факторам. Подобные попытки предпринимались немецкими генералами уже со скамьи подсудимых, когда им пришлось спасать свои головы. Их поддерживали защитники на суде, да и не только на суде.

Генералы «доказывали», что военнопленные были изнурены сопротивлением, которое они оказывали, сражаясь в окружении. Именно поэтому-де они умирали, едва попав в плен! Многие из представителей генералитета, особенно на судебных заседаниях, сваливали всю вину на Гитлера, который сначала не допускал отправки пленных в Германию (Гальдер и Крафт).

Все эти «оправдания» ни в коей мере не могут опровергнуть наличия злой воли, обдуманных действий и забвения командующими армиями своих основных обязанностей по отношению к военнопленным, вытекающих из общепризнанных принципов международного права и обычая ведения войны. Обращение с пленными во время транспортировки и в лагерях, запрещение мирному населению оказывать какую-либо помощь пленным, истребление «нежелательных», режим дискриминации для оставшихся в живых советских военноплен-

¹ Оперативная сводка начальника тыла группы армий «Север»; PN-12, NOKW-2090, dok. prok., t. XI, s. 102.

² PN-12, sten., s. 415.

ных — эти и другие явления гитлеровской практики явно указывают, где надо искать причину гибели огромного числа советских военнопленных.

Число советских военнопленных, которые погибли только в течение одного года — с июня 1941 года по июнь 1942 года, — точно определить очень трудно ввиду отсутствия иных данных, кроме немецких.

Официальные немецкие органы сравнительно рано начали интересоваться этим вопросом в связи с поворотом, который произошел в их политике в отношении пленных. Проблема ужасающей смертности советских военнопленных по отдельным военным округам время от времени появляется в донесениях окружных «начальников военнопленных» в оперативных районах, а также в высказываниях сотрудников экономических учреждений, заинтересованных в даровом труде пленных (комитет центрального планирования, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы и т. д.). Приводились даже цифры захваченных в плен, но «утраченных» или же «бесполезно» потерянных пленных и т. д. За этими немецкими официальными высказываниями встает страшная картина чудовищного по своим масштабам преступления.

Некоторые эксперты германского командования по вопросам экономики, которые в конце 1941 года исследовали проблему советских военнопленных (разумеется, с точки зрения использования их в качестве рабочей силы), после ознакомления с их положением предсказывали, что во время наступавшей зимы 1941/42 года пленные будут умирать массами.

28 ноября 1941 года в штаб-квартире 18-й армии состоялось совещание по вопросу о военнопленных. В нем приняли участие начальник штаба армии, квартирмейстер армии, начальник разведки и некий профессор Арсеньев (?). Этот последний заявил, что все военнопленные, находящиеся в лагерях на Востоке, вымрут в течение ближайших 6 месяцев в результате жестокого обращения и недостаточного питания. В то же время на Западе, заявил он, где пленных не обременяют работой, число умерших невелико. Присутствовавший на совещании капитан Ангерман заметил, что в лагере для военнопленных в Пскове из общего числа 20 тысяч пленных умирает еженедельно тысяча человек¹.

Проф. Серафим, один из высших чиновников немецкой военной администрации, пишет 2 декабря 1941 года начальнику Управления военной экономики и военной промышленности ОКВ генералу Томасу после ознакомления с положением военнопленных на Украине: «Расквартирование, положение с одеждой, а равно состояние здоровья военнопленных

¹ PN-12, sten., s. 2486—2487.

плохое. Очень велика смертность. Этой зимой следует ожидать их убыли в десятки, а может быть, даже и в сотни тысяч»¹.

Заправилы третьего рейха говорят о гибели пленных в «общих чертах». Так, например, Геринг 7 ноября 1941 года, добиваясь быстрой реорганизации системы использования труда советских пленных, заявляет, что эта реорганизация необходима, поскольку «численность рабочей силы с каждым днем уменьшается [разрядка наша.—Ш.Д.] в результате убыли, вызванной нехваткой продовольствия и помесячий»².

Даже Гиммлер отмечает как достойный сожаления факт уменьшение численности рабочей силы. Он заявляет:

«Пленные гибли от истощения и голода десятками и сотнями тысяч»³.

23 апреля 1943 года фельдмаршал Мильх, выступая на заседании комитета центрального планирования, заявил, что советских военнопленных «умерло очень много. На территории рейха находится всего 300 тысяч пленных»⁴.

Начальник отдела IV-A-1-с РСХА Кенигсхайз на совещании начальников эйнзатцкоманд в Люблине 27 января 1943 года сообщил, что с начала войны в результате заболеваний тифом и других инфекционных заболеваний умерло много пленных⁵...

Весьма знаменателен и процент смертности. Он нарастает с осени 1941 года и достигает высшей точки в январе — марте 1942 года.

Донесение окружного коменданта «С», «начальника военнопленных» при командовании тыла групп армий «Север», от 28 декабря 1941 года, направленное в ОКХ, содержит данные на 1 и 15 декабря 1941 года⁶:

1/XII 1941 г. 15/XII 1941 г.

Пленные, занятые на работах	66 632	64 895
Умерло	4 613	5 909
Больные (в лазарете амбулатории)	29 956	37 187

¹ PN-12, 3257-PS, dok. prok., t. XXVII, s. 76.

² «Vermerk über Ausführungen des Reichsmarschalls in der Sitzung am 7/XI 1941 im RLM. Betr. Einsatz russischer Arbeitskräfte in der Kriegswirtschaft», «Trial», 1206-PS, v. XXVII, p. 65.

³ Речь Гиммлера на совещании группенфюреров СС в Познани 4 октября 1943 года; PN-12, 1919-PS, dok. prok., t. XV, s. 48.

⁴ Выступление Мильха на 39-м заседании комитета центрального планирования 23/IV 1943; PN-2, R-124, dok. prok., t. X, s. 30.

⁵ «Arbeitstagung EK's bei den Stalags im GG». См. «Akta procesu A. Giese», s. 231—232, AGK.

⁶ PN-12, NOKW-2371, dok. prok., t. VI, s. 177.

Военнопленные болели преимущественно сыпным тифом. Смертность составляла: во второй половине ноября — 5%, а в первой половине декабря — уже 6,5%¹.

Смертность в дулагах и шталагах тылового района группы армий «Север» (лагеря № 100, 320, 332, VIE, XXIB) достигала в декабре 1941 года, согласно официальным немецким данным, около 20% ежемесячно, а в таких лагерях, как оффлаг VIE в Пскове (где в декабре 1941 года и в январе 1942 года размещалась штаб-квартира группы армий «Север»), этот процент был значительно выше².

В Донбассе смертность работавших на шахтах военнопленных составляла ежемесячно 12%³.

Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге сурово осудил эти массовые преступления гитлеровцев:

«Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась результатом систематического плана совершения убийств»⁴.

Об этих преступлениях хорошо знали все высшие командиры вермахта и очень много других офицеров, не говоря уже о непосредственных исполнителях, — комендантах лагерей для военнопленных, их штабах, лагерной охране, конвоирах и т. д.

На процессе гитлеровского фельдмаршала Лееба и других произошел следующий диалог между американским прокурором и бывшим начальником генерального штаба генерал-полковником Гальдером:

Прокурор: Знали ли вы о сотнях тысяч советских военнопленных, которые умерли в результате бесчеловечного обращения с ними?

Гальдер: Я слышал об этом.

Прокурор: О факте массового вымирания советских военнопленных было вообще известно военным командирам, не так ли?

Гальдер: Допускаю, что значительное число высших командиров знало об этом⁵.

¹ PN-12, NOKW-2371, dok. prok., t. VI, s. 177.

² Донесение окружного коменданта по делам военнопленных начальнику тыла группы армий «Север» от 8/1 1942; PN-12, NOKW-2170, dok. prok., t. XI, s. 63—64.

³ Записка «Arbeitseinsatz der Kgf-en im Donezkohlenbergbau» от 20/III 1943 года, составленная для инспектора по вопросам экономики группы армий «Юг» генерала Нагеля; «Trial», 3012-PS, v. XXXI, p. 491—492.

⁴ «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 375.

⁵ PN-12, sten., s. 2011—2012.

Преступления гитлеровцев, совершаемые в лагерях для советских военнопленных, стали предметом детального изучения созданной в Советском Союзе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, которая сразу же после освобождения оккупированных районов производила опрос тысяч уцелевших свидетелей, организовывала экспертизу останков жертв, представляла доказательства (фото и пр.) и опубликовывала результаты своей работы в форме сообщений, раскрывающих положение во всех наиболее крупных лагерях уничтожения, организованных гитлеровцами для советских военнопленных.

Наряду с показаниями тысяч живых свидетелей об условиях в лагерях для советских военнопленных говорят также немецкие документы, фото и лагерные приказы. Об этом неопровергимо свидетельствуют и общие могилы заморенных голодом, замученных и расстрелянных советских людей, обнаруженные при каждом лагере. О бесчисленных жертвах говорят и послевоенные высказывания тех лиц, которые несут ответственность за такое положение вещей.

В лагерях для советских военнопленных, особенно в 1941 и 1942 годах, гитлеровцы специально создали нечеловеческие условия существования, что повлекло за собой массовое вымирание военнопленных. Смерть советских военнопленных в дулагах и шталагах не была естественной смертью — это было планомерное и систематическое истребление людей. То, что творилось в лагерях для советских военнопленных, слишком живо напоминало гитлеровские концлагеря: названия «дулаг» и «шталаг» никого не могут обмануть — это были те же лагеря смерти. В них не хватало лишь газовых камер и крематориев, чтобы полностью приравнять их к Освенциму и Бухенвальду. Но зато по ужасам они порой превосходили последние.

* * *

Лагеря для советских военнопленных были разбросаны на оккупированных территориях Советского Союза, в польском «генерал-губернаторстве», в самом рейхе и в некоторых других оккупированных странах (Норвегия, Франция и др.). Режим, повлекший за собой массовое вымирание военнопленных в этих лагерях, был в основном, за небольшими исключениями, одинаковым.

В качестве примера мы отдельно рассмотрим два лагеря: Демблин и Ламбиноице [Ламсдорф]. Более детальное их

описание поможет показать механизм истребления военно-пленных. Что касается всех остальных лагерей, то мы ограничимся краткими сведениями.

Фронтшталаг 307 в Демблине

Шталаг 307 охватывал 4 лагеря. Это были крепость Демблин, Зажече, Понятова и лагерный лазарет «Болонья». Чрез шталаг прошло около 180 тысяч советских военнопленных. В конце 1941 — начале 1942 года там находилось около 100 тысяч человек. В этом шталаге погибло свыше 80 тысяч советских военнопленных.

Специальная советская комиссия, по поручению Чрезвычайной государственной комиссии, провела совместно с Польской комиссией по расследованию немецких злодействий в октябре 1947 года на территории лагеря в Демблине ряд эксгумаций и осмотры трупов, опросила 30 очевидцев, изучила 75 немецких фото, а также надписи на стенах казематов, сделанные советскими военнопленными.

Результаты расследования были опубликованы в сообщении Чрезвычайной государственной комиссии «Об убийстве немцами советских военнопленных в крепости Демблин»¹.

Демблинский шталаг был организован гитлеровцами еще летом 1941 года. Территорию лагеря огородили колючей проволокой, на валах вокруг крепости поставили сторожевые посты с пулеметами. Охрану лагеря нес 640-й охранный батальон. Вся территория лагеря ночью освещалась прожекторами.

Первые эшелоны военнопленных прибыли сюда в августе 1941 года. Безли пленных преимущественно в угольных платформах, в пути не кормили. Одеты они были в лохмотья, большинство без обуви. По дороге многие пленные умерли от голода и истощения. По прибытии на место из вагонов выбрасывали сотни трупов людей, умерших уже в пути. Живые прибывали в состоянии полного истощения. Дорога от станции Демблин до крепости была усеяна трупами: гитлеровцы расстреливали всех отстающих, падающих, слабых или приканчивали их ударом приклада.

Летом и осенью 1941 года военнопленных размещали на голой земле под открытым небом, а поздней осенью перевели в сырье, неотапливаемые казематы крепости, где люди спали на голом каменном полу, без постелей, даже без соломы.

¹ В своем описании Демблинского шталага автор основывается главным образом на Сообщении Чрезвычайной государственной комиссии, на материалах процесса Артура Гизе (комендант Демблинского лагеря с 23/VI 1942 года по 1/IV 1943 года) (AGK, № 104—49, Lublin), а также на работе: Z. Łukaszewicz, Zagłada jeńców radzieckich na ziemiach polskich («Biul. Głównej Komisji», t. V, s. 143—145).

Когда прибывали очередные эшелоны, тысячи военнопленных вынуждены были оставаться под открытым небом, хотя к тому времени морозы доходили уже до 20—25 градусов.

Ежедневный рацион пищи военнопленных состоял из 100—150 граммов хлеба, супа из гнилой брюквы или гнилого картофеля и «кофе» без сахара. «Хлеб» состоял на 20—30% из муки, остальная часть — молотая солома, трава, древесная мука и картофельная шелуха. Добавляемая в «хлеб» соль состояла, как показал анализ, на 27% из пыли, песка и камешков. Терзаемые ужасным голодом, военнопленные поедали траву, кору и листву деревьев на всей территории лагеря, копались в навозе, подбирали гнилые кухонные отбросы. Гитлеровцы с наслаждением фотографировали эти потрясающие сцены...¹ Но больше всего пленные страдали из-за недостатка питьевой воды. На десятки тысяч пленных был всего один колодец. Часть пленных — главным образом раненых и больных — гитлеровцы сконцентрировали в форте «Болонья». В этом «лазарете» больных не лечили: по приказанию врачей санитары (из числа пленных) убивали их путем специальных впрыскиваний. Один из советских санитаров, который рассказал товарищам об этих впрыскиваниях, был немедленно расстрелян².

Скученность, грязь, голод, холод, отсутствие элементарной медицинской помощи — все это вызывало широко распространяющиеся желудочные заболевания, сыпной тиф и ужающую смертность, доходившую зимой 1941/42 года до 200—500 случаев в день. Три подводы беспрерывно весь день вывозили трупы умерших. Часто случалось так, что вместе с умершими вывозили и бросали в могилу людей, еще подающих признаки жизни!

Феликс Казак, который давал показания Комиссии в качестве очевидца, так описывает эту трагедию:

«В декабре 1941 года я видел, как из крепости в район госпиталя везли три воза трупов. На одном возу два человека шевелились и обессиленными руками хватались за края телеги. Этих еще живых людей везли вместе с мертвецами закапывать в могилу»³.

Смертность пленных была настолько велика, что не успевали вывозить и хоронить умерших. Поэтому на лагерном

¹ «Akta procesu A. Giese», s. 204, AGK.

² Ibid., s. 205—207.

³ Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодейств немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. «Об убийстве немцами советских военнопленных в крепости Демблин (Иван-город) и в некоторых других немецких лагерях на территории Польши», М., 1948, стр. 15. См. также «Akta procesu A. Giese», s. 75.

плацу гитлеровцы устроили склад трупов, причем гора тел была настолько велика (в январе 1942 года на этом «складе» находилось около 5 тысяч трупов), что приходилось пользоваться лестницей, чтобы поднимать трупы наверх. «Склад» существовал, пока немцы не организовали вывозку трупов на железнодорожных платформах.

Независимо от истребления советских военнопленных путем создания для них нечеловеческих условий существования много пленных погибло от пуля охраны. Экзекуции были как массовые, так и индивидуальные. Так, весной 1942 года около «Брамы Любельской» (крепостных ворот) за отказ от работы в связи с голодным пайком было расстреляно из пулеметов сразу несколько тысяч военнопленных. Массовые расстрелы имели место также в глубоких рвах между крепостными валами. Наряду с этими крупными казнями гитлеровцы расстреливали отдельных пленных и небольшие группы людей: за приближение к проволочной ограде; за поиски пищи в местах, где сваливались кухонные отбросы; за разговор спольскими рабочими, занятыми в крепости; и т. д. Охрана «развлекалась» как хотела: например, ставила на плацу котел с супом и, когда голодные узники бросались к нему, открывала по ним огонь из автоматов или забрасывала пленных ручными гранатами. От таких «забав» погибло много пленных. Многие из них погибали также под ударами палок и прикладов. Над крепостью днем и ночью стоял крик истязаемых и стоны умирающих людей.

Гитлеровцы бросали трупы в огромный крепостной ров глубиной 6 метров и протяженностью около 7000 метров, проходивший вдоль узкоколейки, по которой подвозили трупы. Ров был заполнен трупами до самых краев: они лежали в 7—8 рядов плотной массой, спрессованной тяжестью двухметровой земляной насыпи, которую заставили сделать пленных. Плотность погребения — 13—20 трупов на каждый квадратный метр. Трупы хоронили также на территории «Болоньи» и в других местах. Общее число убитых в Демблине советских военнопленных составляет, по подсчетам Чрезвычайной государственной комиссии, свыше 80 000 человек¹. По другим источникам и подсчетам, число это значительно больше — до 100 тысяч человек².

Наряду с десятками тысяч трупов остались и другие доказательства преступлений, совершенных гитлеровцами в штаб-лагере 307: немецкие фото, на которых запечатлены горы трупов военнопленных, вывозка раздетых трупов на захоронение

¹ «Об убийстве немцами советских военнопленных в крепости Демблин...», стр. 47.

² «Akta procesu A. Giese», s. 200.

либо сцены, где раздетого и еще живого пленного сталкивают в могилу и т. д. Эти потрясающие документы были представлены Комиссии польскими фотографами, которым гитлеровцы отдавали пленку для проявления и печати.

Комендантом крепости Демблин до ноября 1941 года был капитан Райс, а с ноября 1941 года до весны 1942 года — майор Лаш. Их помощниками были капитан Хоэнбергер (заместитель коменданта), капитан Штифенгофер и др. Лагерь просуществовал до второй половины 1944 года.

После истребления основной массы советских пленных в 1941—1942 годах часть людей была вывезена в Германию. Около 2—3 тысяч пленных оставалось в этом лагере до второй половины 1943 года. После отправки последних советских военнопленных в лагере Демблин разместили пленных итальянцев.

Шталаг 344 в Ламбиновицах [Ламсдорф]

Расположенный на территории VIII военного округа гитлеровской Германии, вблизи Ополя, и сооруженный еще в 1939 году, этот лагерь уже тогда принимал польских военнопленных, а позднее — английских, французских, бельгийских. С 1941 года за специальной оградой по соседству с английским сектором разместился лагерь для советских военнопленных. В общей сложности через лагерь прошло около 300 тысяч пленных, в том числе почти 200 тысяч советских.

В лагере погибло более 100 тысяч советских военнопленных. После войны это преступление было расследовано специальной советской комиссией при участии польских представителей, а результаты работ комиссии опубликованы в специальном документе¹.

Транспорты советских военнопленных прибывали в Ламбиновицы осенью и зимой 1941/42 года в среднем два ежедневно, по тысяче человек в каждом. Несмотря на холода, а

¹ По поручению советской Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодейств немецко-фашистских захватчиков и их сообщников специальная комиссия вскрыла и восстановила обстоятельства преступлений в Ламбиновицах [Ламсдорфе] после обследования территории лагеря и его помещений, опроса 142 свидетелей (бывших военнопленных и служащих лагеря), а также экстумации трупов военнопленных и изучения найденных в лагере немецких документов. Результаты этой работы были опубликованы в документе «Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодейств немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. О преступлениях, совершенных германским правительством и германским верховным командованием над советскими военнопленными в лагере «Ламсдорф», М., 1946.

позже и морозы, большинство пленных было без шинелей, в рваном обмундировании и в деревянных колодках. В пути пленных не кормили. По прибытии транспорта пленных обычно держали на морозе по 5—6 часов, прежде чем впустить их в лагерь.

«Жилища» пленных представляли собой норы-землянки 300—400 метров длиной, 3 метра шириной и высотой около 1,65 метра. Каждая такая нора была приблизительно для 700 человек: люди там были набиты, как сельди в бочке. Нередки были обвалы, и людей в норах заваливало землей.

Каково было «питание» военнопленных, видно по рациону: похлебка из брюквы или нечищенной мерзлой картошки, а нередко просто из картофельных очисток.

В таких условиях советские военнопленные, естественно, умирали массами ввиду систематического недоедания, морозов и изнурительного труда. Ежедневно из землянок выносили трупы и на подводах отвозили их на кладбище. Случалось, что вместе с мертвцами хоронили еще живых людей. В лагере свирепствовали повальная дизентерия, легочный туберкулез и сыпной тиф. Во время страшной эпидемии тифа зимой 1941/42 года, а также в июле и августе 1942 года умирало до 100 человек в день.

Наиболее эффективным, с точки зрения гитлеровцев, методом массового истребления советских военнопленных в Ламбиновицах был изнурительный, рабский труд. Из пленных были сформированы рабочие команды, и лагерные власти отдавали эти команды внаем различным немецким предприятиям для работы на шахтах, металлургических заводах и т. д. На шахтах пленные использовались в самых опасных местах: где грозил обвал, заливали водой и т. д. В результате было много несчастных случаев и, разумеется, смертей. Во время работы надзиратели били пленных и применяли самые бесчеловечные наказания за малейшую провинность. Подобные условия труда вкупе с систематическим голоданием были причиной того, что военнопленные быстро теряли трудоспособность и умирали здесь же на месте; других отправляли (уже в состоянии полного истощения) в основной лагерь Ламбиновицы, где они также постепенно вымирали. На их место присыпали других.

Весьма часто военнопленных казнили и расстреливали на месте под самыми невероятными предлогами: за то, что слишком близко подошел к проволочному ограждению, что поднял с земли какой-нибудь огрызок и т. д. и т. п.

В результате такого обращения погибло в самом лагере около 40 тысяч пленных, почти 60 тысяч умерли в шахтах

и других местах рабского труда; значительное же число пленных было уничтожено во время эвакуации лагеря¹.

Знаменательна оценка условий, существовавших в Ламбиновицах, данная комендантом концлагеря Освенцим Гессом. Вот что он писал о направленных из Ламбиновиц в Освенцим советских военнопленных, которые должны были работать на «строительстве» Бжезинки: «В лагере Ламбиновице, кажется, было около 200 000 советских военнопленных. Размещались они преимущественно в землянках, которые выкопали сами. Питание получали совершенно недостаточное и нерегулярное. Готовили себе сами, в земляных ямах... С такими пленными, едва державшимися на ногах, я должен был строить лагерь для военнопленных в Бжезинке»².

Гесс отмечает, что, согласно распоряжению Гиммлера, в Освенцим надлежало отправлять лишь таких пленных, которые были здоровы и трудоспособны. При этом он замечает: «Офицеры конвоя говорили мне, что они выбрали самый лучший человеческий материал среди массы пленных, которыми они располагали» [разрядка наша. — Ш. Д.]³.

Такова оценка гитлеровца, который руководил самой крупной «фабрикой смерти», какую только знала история.

ДАННЫЕ О ЛАГЕРЯХ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕНИХ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ⁴

Белостокское воеводство

Белосток. Казармы бывшего 10-го уланского полка в Белостоке на улицах Кавалерийской и Полудневой со дня захвата города оккупантами (27 июня 1941 года) служили

¹ См. «О преступлениях, совершенных германским правительством и германским верховным командованием над советскими военнопленными в лагере «Ламсдорф», стр. 29.

² «Wspomnienia Rudolfa Hoessa», s. 111.

³ Ibid.

⁴ Данный раздел составлен на основе следующих источников:

а) «Ankieta o egzekucjach masowych i grobach masowych», AGK.

б) Z. Łukasziewicz, Zagłada jeńców radzieckich na ziemiach polskich, «Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce», t. V, 1949, s. 125—170.

в) «Spis większych obozów jeńców radzieckich według danych Głównej Komisji», AGK.

Все указанные источники были составлены на основе расследования, проведенного по инициативе польской Центральной комиссии по расследованию преступлений нацистов на территории Польши органами суда и прокуратуры Народной Польши. Результаты экстремации заимствованы из отчетов о проведении экспертиз на территориях бывших лагерей для советских военнопленных, находившихся в Польше, а также из сообщений о результатах расследований смешанной Советско-Польской комиссии в 1946—1947 годах.

гитлеровцам в качестве лагеря для советских военнопленных, а также в начальный период для некоторого числа поляков и евреев, которых «обвиняли» в том, что они служили в Советской Армии, и тому подобных «преступлениях». В период июнь—август 1941 года на территории этого лагеря проводились массовые казни всех трех категорий узников. Позже убивали уже только советских военнопленных. В среднем обычный контингент лагеря составлял 25 тысяч военнопленных. Всего через этот лагерь прошло около 95 тысяч пленных. Их использовали на различных работах: в городе на разборке развалин, на аэродроме и в лесу на рубке деревьев. В суровую зиму 1941/42 года очень многие пленные носили бумажную «одежду», которую они смастерили из бумажных мешков для цемента. Морозы, скудное питание, состоящее всего лишь из нескольких мороженых картофелин и свеклы, а также свирепствовавшая в ту зиму эпидемия сыпного тифа повлекли за собой массовую смертность пленных, доходившую до 100 человек в день.

Максимума смертность достигла в январе—феврале 1942 года. Мертвых хоронили (а точнее, просто наспех закапывали) в массовых могилах, в несколько слоев, на двух кладбищах: около шоссе Высоке-Мазовецкое—Волковыск (неподалеку от главных ворот казармы) и на Полудневой улице, около вторых ворот казармы.

Этот лагерь функционировал до июня 1944 года. Немногочисленных оставшихся в живых пленных гитлеровцы угнали во время панического бегства из города в связи с наступлением Советской Армии.

Богуше (уезд Краево). Лагерь здесь был организован гитлеровцами летом 1941 года и тогда же принял первый транспорт в 15 тысяч военнопленных. Ликвидирован осенью 1942 года. Голод, холод и эпидемии сыпного тифа (а также других болезней), пытки и расстрелы повлекли за собой гибель около 23 тысяч пленных, в том числе расстреляно 5 тысяч «нежелательных» (место казни—в Рыдзеве, в 2 километрах от Богуше).

Кшивулка (уезд Сувалки). Лагерь возник в 1941 году, еще до нападения на СССР. Ликвидирован весной 1942 года. Пленные «жили» в ямах, питались травой, листьями и корой деревьев. В этом лагере погибло свыше 40 тысяч пленных. Отмечены случаи погребения живых вместе с мертвыми.

Быдгощское воеводство

Глинки (около Торуни). Лагерь организован в 1940 году. Первые транспорты советских военнопленных начали прибывать сюда через несколько дней после нападения гитлеров-

ской Германии на Советский Союз. Лагерь ликвидирован в январе 1945 года. Среди пленных находилось много гражданских лиц, в том числе старики и дети. Глиники выполняли роль этапного лагеря. Через этот лагерь прошло около 60 тысяч пленных. Погибло 10 тысяч человек.

Келецкое воеводство

Ближин (уезд Кельце). Лагерь устроен осенью 1941 года на территории разрушенного завода боеприпасов. Ликвидирован весной 1942 года. Пленные спали на голой земле и на цементном полу. «Питание» состояло из гнилых капустных листьев и мерзлой нечищенной картошки. Совершенно отсутствовала медицинская помощь. Пленные использовались в качестве «тягловой силы»: их запрягали в телеги, нагруженные досками, и заставляли возить этот груз с лесопилки в лагерь. Погибло около 8 тысяч пленных.

Ченстохова. Лагерь основан осенью 1941 года. Ликвидирован в 1944 году. Пленные размещались на территории военных казарм «Завады». Оставшихся в живых перевели к концу 1943 года в лагерь на Мировской улице. В этом лагере погибло 14 тысяч пленных.

Лагерь в Кельцах (казармы Фиалковского). Устроен в августе 1941 года. В сентябре прибыли первые транспорты пленных, общим числом свыше 9 тысяч человек; последующие транспорты были значительно меньше. Через лагерь прошло около 15 тысяч человек. Средняя численность — около 10 тысяч человек, исключительно советские военно-пленные. Лагерь ликвидирован осенью 1944 года. Оставшихся в живых военнопленных вывезли в Германию. Пленные получали «питание» два раза в день: «завтрак» — «кофе» из листьев и 1 килограмм эрзац-хлеба на 10 человек, а также «обед» — похлебка из гнилого картофеля и брюквы. Голод, эпидемии (дизентерия, тиф) и массовые экзекуции явились причиной высокой смертности: число умерших доходило иногда до 300 человек в день. Экзекуции осуществлялись простейшим «методом» — забивали палками до смерти. Исполнители — лагерные полицейские, изменники. Расстрел был произведен только один раз — когда ночью изголодавшиеся пленные напали на продовольственный склад с продуктами, предназначенными для гитлеровцев. Тогда на плацу для перекличек было расстреляно сразу 500 военно-пленных. К «обычным» наказаниям относились и такие меры, когда обитателей целого барака запирали на три дня и не давали им никакой пищи. Результатом такого наказания была, как правило, смерть почти всех наказанных военно-пленных.

Дополнительным фактором массового истребления военнопленных был изнурительный труд на лесозаготовках, погрузка древесины на железнодорожной станции Кельце, расчистка дорог от снега, использование пленных в качестве «упряжек» для подвод с навозом и т. д. Умерших и убитых пленных хоронили в массовых могилах в лесу около Кельце (вблизи казарм бывшего 4-го пехотного полка). В лагере погибло 11 тысяч пленных¹.

Коньске. Лагерь организован осенью 1941 года на территории недостроенного завода («лагерь на строительстве»), расположенного в 1,5 километра от города. Ликвидирован в 1943 году. Здесь погибло свыше 5 тысяч советских военнопленных.

Люблинское воеводство

Хелм (Обозова улица). Лагерь организован осенью 1941 года. Ликвидирован летом 1944 года. Через этот лагерь прошло свыше 100 тысяч пленных. На лагерном кладбище захоронено около 60 тысяч пленных.

Хелм (Львовская улица). Лагерь расположен недалеко от села Базыляны. Через лагерь прошло около 80 тысяч пленных. На лагерном кладбище в лесу «Борек», на шоссе Хелм — Грубешов, в 6 километрах от Хелма, захоронено около 30 тысяч военнопленных. Гитлеровцы пытались замести следы своих преступлений путем сожжения трупов (позже, в ходе войны). В лесу «Борек» производились также массовые экзекуции поляков, итальянских военнопленных и евреев².

Калишув, Воскшенице Дуже (волость Сидорки, уезд Бяла-Подляска). Лагерь основан летом 1941 года. Ликвидирован в декабре того же года. Через лагерь прошло 18 тысяч пленных. В среднем ежедневно умирало почти 200 человек. Не было никаких бараков или иных построек. На лагерном кладбище в лесу «Поповка» обнаружено 600 одиночных могил и 54 массовых (6 рядов по 9 могил). Число захороненных трупов свыше 13 тысяч.

Понятова (волость Годув, уезд Пулавы). Через этот лагерь прошло почти 22 тысячи пленных. Погибло около 18 тысяч.

¹ На основе показаний свидетелей Францишека Янашека, Юзефа Дудека, Яна Собчика, Яна Гонсиорека, Юзефа Лукасика, Владислава Собася, Катажины Вильк — все из Келец; «Akta Sądu Okręgowego w Radomiu w sprawie Herberta Böttchera», II-K-66/49, AGK, № 120/pr., t. II, s. 97—104.

² Относительно массовых могил в лесу «Борек» см. «Ankiety GK-Egzekucje i groby masowe. Woj. Lubelskie», t. II, s. 163, а также «Akta procesu Bühlera», t. IX, s. 138.

Сельчик (волость Сидорки, уезд Бяла-Подляска). Лагерь «построен» (то есть огорожена открытая местность) еще в мае 1941 года. Ликвидирован в декабре того же года. Первые транспорты советских военнопленных начали прибывать спустя несколько дней после нападения Германии на СССР. Никаких построек в лагере не было: пленные вынуждены были сами рыть себе землянки. Через лагерь прошло 25 тысяч пленных. На лагерном кладбище захоронено около 10 тысяч человек.

Замосць. Здесь находились три лагеря под общим управлением (шталаг 325). Это были: лагерь на «Каролювце» и лагерь без построек, где пленные «жили» в ямах (в ноябре 1941 года там имели место массовые расстрелы под предлогом подавления бунта, остальных пленных перевели затем в лагерь на улице Окшеи). В 1942—1944 годах функционировал еще и третий лагерь — на Повятовой улице. Общее число жертв около 28 тысяч человек.

Лодзинское воеводство

Руда-Пабьяница (Лодзинский уезд). Это был пересыльный лагерь. В 1945 году, спасаясь от преследования советских войск, гитлеровцы не успели эвакуировать лагерь и подожгли барак, в котором находились больные и истощенные пленные. Пожар погасили другие пленные.

Познанское воеводство

Коморово (около Вольштына). Лагерь построен еще в 1939 году. Первоначально в нем размещались польские военнопленные, а в 1940 году — французские и английские. Осенью 1941 года прибыли первые транспорты советских военнопленных. Над ними издевались здесь так же, как и в «генерал-губернаторстве». Ликвидирован в 1944 году. Из 6 тысяч советских военнопленных, которые прошли через Коморово, погибло около 4 тысяч человек. Их захоронили на еврейском кладбище в Вольштыне.

Жешувское воеводство

Майдан-Крулевски (уезд Кольбушова). Осенью 1941 года сюда прибыли первые транспорты пленных. Число пленных достигало 4500 человек. На приходском и лагерном кладбищах обнаружено около 4 тысяч трупов пленных.

Пелкине (уезд Ярослав). Пересыльный (этапный) лагерь был создан (точнее, огорожен) на этом месте перед самой войной, в 1941 году. Построек не было, были только

«жилые» ямы. В отношении пленных применялись самые различные наказания, в частности их сажали в клетку из колючей проволоки. Число жертв около 3 тысяч человек.

Рыманув. В 1940 году в предместье Рыманува был устроен военный лагерь. В 1941 году в бараки-конюшни гитлеровцы поместили советских военнопленных. Число жертв составляло 8 тысяч человек.

Шебне (уезд Ясло). Во временные конюшни, построенные еще в 1940 году, загнали осенью 1941 года советских военнопленных. Общее число их составляло 5—7 тысяч человек. Транспорты, прибывшие осенью 1941 года, почти полностью вымерли. В начале 1944 года было доставлено еще около 3 тысяч советских пленных. Лагерь просуществовал до июля 1944 года. Число жертв около 4 тысяч человек.

Вулька-Пелкиньска (уезд Ярослав). Территория будущего лагеря была огорожена колючей проволокой летом 1941 года. Вскоре привезли пленных. Построек не было, имелись только «жилые» ямы. Через этот лагерь прошло около 35 тысяч пленных. Лагерь ликвидирован осенью 1943 года. Погибло здесь по меньшей мере 5 тысяч человек. Жертвы захоронены на кладбище «Нехцялка».

Варшавское воеводство

Бениаминув (около Зегжа). Лагерь организован летом 1941 года в бывших казармах. Ликвидирован в июле 1944 года. В лагере свирепствовали голод и эпидемии, как и в других таких же лагерях. Здесь погибло почти 10 тысяч человек: их захоронили в лесу, неподалеку от лагеря.

Гронды (около Острув-Мазовецки, шталаф 324). Лагерь был огорожен перед самым началом войны гитлеровской Германией против СССР. Жилых строений не было. Среди новоприбывших немедленно производили «отбор», а «политически нежелательных» расстреливали вблизи деревни Гуты. Численность лагеря примерно 80 тысяч человек. Лагерь отличался крайне жестоким обращением с пленными. На кладбище около деревни Гронды обнаружено около 41 тысячи трупов. Число расстрелянных вблизи деревни Гуты составляет почти 1800 человек. Лагерь ликвидирован зимой 1942 года.

Коморово (уезд Острув-Мазовецки). На лагерном кладбище обнаружено 24 тысячи трупов.

Острувек (волость Лохув, уезд Венгров, шталаф 333). Лагерь организован осенью 1941 года на территории пустующего завода сельскохозяйственных орудий. Ликвидирован в мае 1942 года. Через этот лагерь прошло 12 тысяч пленных. Погибло около 10 тысяч человек.

Седльце. Лагерь устроен на территории бывших военных казарм летом 1941 года. Ликвидирован летом 1944 года. Возле лагеря была проведена экзекуция политработников Советской Армии. На лагерном кладбище обнаружено 23 тысячи трупов.

Сухожебры (волость Креслин, уезд Седльце). Лагерь «А» находился вблизи железнодорожной станции Поднесельно. Территория огорожена весной 1941 года. Ликвидирован в конце 1942 — начале 1943 года. В августе 1941 года пленные организовали массовый побег, толпой штурмую проволочные заграждения. Неподалеку, на полях деревни Воли-Сухожебрской, находился лагерь «В». Условия в нем были такие же, как и в лагере «А». Оба лагеря были ликвидированы одновременно. Число жертв в обоих лагерях около 18 тысяч человек.

* * *

Более мелкие лагеря для советских военнопленных находились в следующих пунктах: Борек (уезд Бытом), Борек-Фаленчи (уезд Краков), Домброва-Козловска (уезд Радом), Яблонна-Буков (уезд Варшава), Легьоново (под Варшавой), Красник (Люблинское воеводство), Лысе (уезд Остроленка), Пётркув (два лагеря), Пшемысьль, Стшельце (уезд Пулавы), Шубин, Вольска-Домброва (уезд Радом) и т. д. Из более крупных, но не исследованных лагерей для советских военнопленных надо упомянуть еще Свенты-Кшиж под Кельцами и Корош под Белостоком.

Условия существования пленных в этих лагерях ничем не отличались от других. Только масштабы преступлений здесь были меньше, чем в крупных лагерях. Так, например, в лагере под Красником на территории бывших казарм возле шоссе на Ужендзин из 150 находившихся там советских пленных умерло от голода почти 90 человек. Остальных перед самым своим бегством гитлеровцы расстреляли и закопали на участке между казармами и железнодорожной веткой¹.

КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫХ ЛАГЕРЕЙ УНИЧТОЖЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Минск. Один из крупнейших лагерей для военнопленных на территории Белорусской ССР. Находился в столице республики — Минске. Первоначально был размещен в при-

¹ Показания Г. Есионка, AGK, t. 693/z, s. 1.

городном поселке Дрозды, куда в первые месяцы войны было согнано свыше 30 000 военнопленных и гражданских лиц, бежавших от фашистского нашествия, но захваченных танковыми группами гитлеровцев, тысячи евреев, а также схваченные гитлеровцами местные активисты, партийные и советские работники и т. д. Вскоре лагерь в Дроздах был ликвидирован и организован новый — на Широкой улице.

Осенью 1941 года здесь фашистами была организована одна из крупнейших акций по уничтожению советских военнопленных. Совершили преступление уголовные элементы и предатели из числа литовцев, организованных в так называемый «батальон вспомогательной полиции» под командованием известного палача Импулявичюса и его адъютанта Юодиса.

Под предлогом, что военнопленных отправляют на полевые работы, людей выгнали из бараков, посадили в грузовики и отвезли на место казни. «Это были изголодавшиеся полу живые люди». На месте массового побоища пленных группами гнали к выкопанным рвам, там их расстреливали, затем очередную партию заставляли ложиться на трупы убитых и тоже расстреливали. Поскольку многие пленные не в состоянии были держаться на ногах, фашисты расстреливали их на месте, неподалеку от бараков. Перед казнью убийцы ограбили пленных. «Пленники умирали как герои: громко проклинали палачей, говорили о победе Красной Армии и о том, что придет день возмездия»¹.

Рука правосудия настигла некоторых из этих гнусных убийц 21 год спустя после совершенного ими страшного преступления. В октябре 1962 года Верховный суд Литовской ССР приговорил к смертной казни 9 преступников (Импулявичюса — заочно, поскольку в настоящее время он проживает в городе Филадельфия, США).

Артемовск (Украинская ССР). Лагерь был организован в ноябре 1941 года на территории гарнизонного городка. Мучимые страшным голодом пленные поели всю траву в окрестностях. Чтобы лишить их даже этого источника «питания», гитлеровцы огородили лагерь двойным забором из колючей проволоки. На территории лагеря захоронено около 3 тысяч умерших пленных².

Умань (Украинская ССР). В этом лагере на небольшом участке было сосредоточено в страшной тесноте и антисанитарных условиях свыше 70 тысяч пленных. Лишь незначительное число их было размещено в постройках бывшего

¹ «Czerwony Sztandar» (Вильнюс), 1962, № 244 и 245; «Volksstimme» (Варшава), 1962, № 169.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 40.

кирпичного завода: остальные находились под открытым небом. «Питания», состоявшего из жидкой похлебки, хватало всего для нескольких тысяч пленных. При раздаче супа происходили самые невообразимые сцены между изголодавшимися людьми. Гитлеровцы с садистским наслаждением фотографировали эти сцены, а охрана избивала пленных палками. В этом лагере ежедневно погибало 60—70 человек. Лагерь просуществовал недолго: оставшихся в живых пленных перевели в другие лагеря¹.

Стилино. В Стилиновском районе города Стилино существовал лагерь, в котором временами находилось до 20 тысяч пленных. Голодные рационы («эрзац-хлеб» по 1200 граммов на 8 человек и 1 литр «супа» в день на человека), холода, отсутствие воды для мытья, нехватка питьевой воды, завшивленность, эпидемии и издевательства охраны явились причиной высокой смертности. На территории этого лагеря и городской поликлиники было захоронено около 25 тысяч пленных².

Смоленск. В лагере для пленных № 126 в Смоленске в результате издевательств, пыток, избиения, голода, эпидемий тифа и дизентерии, морозов и непосильного труда умирало до 150—200 человек ежедневно. «Зондерфюрер» Гисс был «специалистом» по массовым расстрелам пленных, а унтер-офицер Гатлин и рядовой Радтке издевались над людьми и до смерти запарывали их плетьми. Экстремированные трупы были нагими, редко в обмундировании, подкожно-жировая клетчатка отсутствовала, в желудках обнаружены остатки травы и листьев³.

Лагеря на территории Литовской ССР. Каунас. В лагере для советских военнопленных № 336, находившемся в форте № 6 в Каунасе, погибло от голода, истощения и пыток около 35 тысяч пленных, в том числе 13 936 человек умерло в лагерном «лазарете»⁴. В Каунасе существовал и другой лагерь без номера вблизи аэродрома, в котором погибло около 10 тысяч советских военнопленных⁵.

Лагерь вблизи города Алитус существовал с июля 1941 года по апрель 1943 года. Кроме того, на территории Литовской ССР были лагеря поменьше. Общее число замученных и убитых в этих лагерях советских военнопленных, по данным Чрезвычайной государственной комиссии, составляет не менее 165 тысяч человек⁶.

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 49.

² См. там же, стр. 39—40.

³ См. там же, стр. 27—29.

⁴ См. там же, т. IV, стр. 116—117.

⁵ См. там же, стр. 117.

⁶ См. там же, стр. 117—118.

Рава-Русская. Почти все советские военнопленные, согнанные в этот лагерь, погибли. Весь дневной рацион состоял здесь из мерзлого нечищеного картофеля, который варили для пленных. Изнурительный труд, неотапливаемые бараки, бесчеловечные наказания в виде привязывания к колючей проволоке на несколько часов при сильных морозах быстро привели к гибели пленных. В массовых могилах вблизи лагеря, в среднем по 350—400 трупов в каждой, захоронено 10—12 тысяч пленных, которые погибли в конце 1941 — начале 1942 года. Жертвы гитлеровцев захоронены в обмундировании, но без обуви. В ходе эксгумации было установлено, что многие жертвы одеты в несколько летних гимнастерок: это свидетельствует о том, как сильно они страдали от холода¹.

Орел. Лагерь для советских военнопленных в Орле был устроен в городской тюрьме. В камеры площадью 15—20 квадратных метров загоняли по 50—80 человек. При царящей в лагере массовой смертности живые зачастую спали рядом с мертвыми. Дневной рацион питания составлял 200 граммов хлеба с примесью древесных опилок и 1 литр супа из гнилой сои и прелой муки. Такой «рацион» содержал максимум 700 калорий. При подобном питании, которое гитлеровские врачи признавали «достаточным», пленных заставляли выполнять непосильную работу в каменоломнях и на погрузке боеприпасов. «Строптивых» пленных изолировали в специальном «блоке смерти» и расстреливали регулярно по вторникам и пятницам группами по 5—6 человек. Из числа жертв, погибших в Орле, только от голода умерло 3 тысячи человек.

Выдающийся советский хирург академик Н. Н. Бурденко, который по поручению Чрезвычайной государственной комиссии расследовал условия содержания пленных (сразу же после изгнания фашистов из Орла), так описал свои первые впечатления:

«Картины, которые мне пришлось видеть, превосходят всякое воображение. Радость при виде освобожденных людей омрачалась тем, что на их лицах было оцепенение... Очевидно, пережитые страдания поставили знак равенства между жизнью и смертью. Я наблюдал три дня этих людей, перевязывал их, эвакуировал — психический ступор не менялся»².

Хутор Вертячий (Сталинградская область). Здесь пленных заставляли работать по 14—16 часов на рытье

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 29—30.

² «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 32.

окопов, бункеров и военных складов. А ведь это были работы, запрещенные положениями Женевской конвенции 1929 года! За 3,5 месяца существования этого лагеря в нем в результате каторжного труда, голода, болезней и экзекуций погибло около 1500 советских военнопленных¹.

На территории Латвийской ССР акция гитлеровцев по массовому истреблению советских военнопленных приобрела особо широкие масштабы. Это относится главным образом к лагерям в Риге и Даугавпилсе. В Риге штаб-лаг 350 был организован в июле 1941 года. Он просуществовал до октября 1944 года. Дневной рацион питания состоял из 150—200 граммов хлеба, наполовину из опилок и соломы, 1 литра супа, сваренного из нечищеного гнилого картофеля и без соли. Пленных размещали в зданиях без окон, где они спали на голой земле, в страшной тесноте, заедаемые вшами. Каторжный труд продолжался по 12—14 часов в день. В таких условиях за период с декабря 1941 года по май 1942 года погибло от холода, голода, тифа, истощения и в результате массовых расстрелов около 30 тысяч военнопленных. Общее число жертв штаблага 350 и его филиалов составляет почти 130 тысяч пленных.

Лагерь в Даугавпилсе (Двинске) повсеместно, среди пленных и населения, именовался «лагерем смерти». Здесь в таких же условиях, как и в Риге, погибло свыше 124 тысяч пленных. Когда зимой 1942/43 года в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа, гитлеровцы согнали на крепостную эспланаду несколько десятков тысяч военнопленных и расстреляли их из пулеметов! Таким «методом» фашисты «боролись» с эпидемией: в этот день погибло около 45 тысяч человек. Другим местом массового вымирания людей были лагерные «лазареты» в Риге и Даугавпилсе.

Общее число убитых и замученных в Латвии советских военнопленных, по данным Чрезвычайной государственной комиссии, составляет 327 тысяч человек²!

* * *

На территории гитлеровской Германии положение советских военнопленных было не лучше, чем в «генерал-губернаторстве» и на оккупированных территориях СССР. Об этих условиях знали военнопленные других государств, находившиеся в лагерях по соседству со штаблагами для советских военнопленных.

В качестве примера приведу картину прибытия транспорта советских пленных в штаблаги Германии в ноябре

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 41.

² См. там же, т. IV, стр. 103—105.

1941 года, которую видели французские военнопленные. Эти соседи советских людей по плечу так описывают условия, существовавшие в шталах для военнопленных из Советского Союза:

«Русские шли в колонне по 6 человек, держась за руки, так как никто из них не в состоянии был передвигаться самостоятельно. Они были очень похожи на бродячие скелеты... Их лица были даже не желтые, а зеленые, у них не было сил двигаться, они падали на ходу целыми рядами. Немцы бросались на них, били их прикладами ружей, избивали кнутом... При виде всего этого французы стали кричать, и немцы заставили нас возвратиться в бараки. В лагере русских тотчас же распространился тиф; из 10 тысяч прибывших в ноябре к началу февраля [1942 года. — Ш. Д.] осталось 2500.

...Русские военнопленные, еще не будучи мертвыми, были брошены в общую могилу. Мертвых и умирающих собирали между бараками и бросали в тележки. Первые дни мы еще видели трупы в тележках, но так как германскому коменданту было не очень приятно видеть, как французские солдаты приветствовали своих павших русских товарищей, впоследствии трупы покрыли брезентом»¹.

В шталае Хаммельбург (зимой 1941/42 года) около 1500—2000 советских военнопленных были размещены в неотапливаемых конюшнях без нар. Они прибыли после четырехдневного переезда в наглухо закрытых вагонах, истощенные и голодные. По описанию одного из лагерных охранников, в лагере свирепствовал ужасный голод, пленные копались в кухонных отбросах, ища что-либо съедобное. Не менее страшной была и «медицинская помощь». При таких условиях не удивительно, что в течение 14 дней умерло несколько сот человек².

Военно-промышленные предприятия Германии, использо- вавшие, а вернее, эксплуатировавшие даровую или почти даровую рабочую силу военнопленных, находились в руках германских промышленников, извлекавших из этого рабского труда миллионные прибыли. Но чтобы прибыли эти стали еще большими, необходимо было насколько возможно

¹ Допрос свидетеля бывшего французского военнопленного Поля Розера, «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 151.

Розер заявил, что сотни французов, с которыми он беседовал, видели подобные потрясающие картины в других лагерях для советских пленных в Германии осенью и зимой 1941 года. Розер находился в оflagе Гросборн, в шталах Зандбостель, Лимбург и др. Но он не сообщил, к какому именно лагерю относится его описание, приведенное выше.

² Письменное показание Матиаса Патучника из 113-го строительного батальона; PN-12, NO-5239, dok. prok., t. XVII, s. 451.

снизить жизненный уровень этих рабочих, или, скорее, пленных рабов.

Опишем в качестве примера положение примерно 1800 советских пленных в лагере на Раумштрассе в Эссене:

«В помещениях, предназначенных нормально для 200 человек, «жило» в среднем по 300—400 пленных. Пол — каменный. Матрацы кишили клопами. Помещения эти никогда не отапливались, даже зимой. Питание состояло из жидкого, грязного, с песком «супа» из гнилой и вонючей капусты. Миски, из которых ели этот суп, использовались также для мытья и отправления естественных надобностей, поскольку после тяжелой и изнурительной работы пленные уже не имели сил подняться со своего ложа. Пленных будили в 3 часа ночи. Во время работы их избивали резиновыми дубинками. Работа на предприятиях Круппа была опасной и требовала большого внимания, что при полном истощении пленных было явно невозможно. Ежедневно происходили несчастные случаи. При возвращении с работы часть пленных везли на тачках или несли на руках их товарищи. Ежедневно прямо на своих матрацах умирало по 2—4 человека. Трупы их лежали иногда по несколько дней, пока не начинали разлагаться, и лишь тогда товарищи закапывали их где попало»¹.

Д-р Головицкий, который был единственным врачом этих измученных людей, несмотря на все свои попытки облегчить положение пленных и протесты против такого положения ве-щих не может указать ни одного случая, чтобы совершенно изможденных людей освободили от работы хотя бы на день. Несмотря на вмешательство д-ра Майя (немецкого врача фирмы «Крупп»), которому был подчинен д-р Головицкий, им не удалось добиться ни от Круппа, ни от вермахта улучшения обращения с пленными или хотя бы усиления питания.

Некоторым дополнением к этим показаниям является служебная записка, составленная служащим конторы парово-строительного завода Круппа в Эссене неким Зэлингом и дополненная его начальником Тейле, — о совещании в отделении Германского трудового фронта (ДАФ) 20 февраля 1942 года по вопросу питания 25 советских военнопленных, выделенных для работы в цехе строительства котлов того же завода. Из этой записи явствует, что между 4—5 часами утра, перед выходом на работу, они получали 300 граммов хлеба, чего должно было «хватить» им до конца работы, то есть до 6 часов вечера².

¹ Письменное показание д-ра Аполинария Головицкого, польского военного врача, бывшего военнопленного; «Trial», 313-D, v. XXXV, p. 63—66.

² Записка Зэлинга от 25/II 1942; «Trial», 361-D, v. XXXV, p. 78—80.

Когда Тейле вмешался и поднял вопрос об этом голодном «пайке», некий д-р Леман из Эссена бросил реплику, что «русских военнопленных не следует приучать к западноевропейскому питанию». Поскольку голодавшие и изнуренные пленные не выполняли дневного производственного задания, упомянутый Зэлинг выделил этим людям, по приказу своего шефа Тейле, дополнительную порцию молочного супа из кухни района Вейдкамп. Эта мера вызвала немедленную реакцию со стороны отделения ДАФ, которое отменило дальнейшую выдачу такого супа (его успели выдать только один раз). Представитель ДАФ на этом совещании некий Приор в очень резкой форме обвинил Зэлинга в том, что тот «заступился за большевиков», и сослался при этом на известные распоряжения правительства третьего рейха¹.

Вот реплика Зэлинга, содержащаяся в его служебной записке:

«Я особенно старался тогда разъяснить Приору, что русские военнопленные были нам выделены в качестве рабочей силы, а не как большевики. Люди эти изголодались и не были в состоянии выполнять у нас тяжелые работы по строительству котлов, на которые они назначены. Больные люди являются для нас балластом, а не помошью в производстве. Г-н Приор заметил на это, что если не годится для этого один, то найдется другой, а большевики — это люди без души.

Если их вымрет даже сто тысяч, то взамен мы получим другие сотни тысяч. На мое замечание, что при такой текущести мы не достигнем цели, а главное — не обеспечим локомотивами германские железные дороги, которые настаивают на сокращении сроков поставок, г-н Приор ответил: поставки — это дело второстепенное»².

Пожалуй, трудно более ясно представить цели германской политики истребления военнопленных. Истребление было главной целью, а изнуряющий, рабский труд — только дополнительным фактором уничтожения наряду с голодом и пытками.

По поводу Эссенского лагеря следует также заметить, что как Зэлинг, так и его начальник Тейле в своем отчете для фирмы «Крупп» подчеркивают: стараясь выделить для пленных дополнительную порцию супа, они действовали только в целях повышения производительности труда пленных. Иной мотивировки от них нельзя было и ожидать.

¹ Записка Зэлинга от 25/II 1942; «Trial», 361-D, v. XXXV, p. 78—80.

² Ibid.

К сожалению, не все лагеря для военнопленных были достаточно обследованы. К числу таких лагерей относятся: штаблаг для советских военнопленных в Нёй-Бранденбурге, где зимой 1941 года в результате голода и эпидемии тифа вымерло около 14 тысяч человек¹; штаблаг в Фаллингбостеле, где также была очень высокая смертность²; штаблаг VIIIC в Жагани; лагеря военнопленных в Норвегии, Франции и многие другие.

Примерно со второй половины 1942 года было прекращено истребление уцелевших в лагерях советских военнопленных. Разумеется, это отнюдь не означало отказа рейха от его политики дискриминации по отношению к ним. Эта политика по-прежнему проводилась: она была обязательна и регламентировалась приказами сверху (ОКВ, ОКХ и т. д.), а также и снизу — приказами командиров отдельных частей и соединений вермахта, командующих отдельными военными округами, комендантов лагерей для военнопленных и т. д. В этих приказах совершенно ясно подчеркивалось, что в отношении советских военнопленных должен применяться более суровый режим, чем для пленных других государств. Это касалось таких вопросов, как питание, размещение, оплата труда, одежда и, наконец, общее обращение. Барак, в котором по норме помещалось 150 человек, служил «жилицем» для 840 советских военнопленных³, оплата труда советских людей была наполовину меньше⁴, чем граждан других государств (разумеется, в тех случаях, когда вообще «платили» за работу). Инструкции предусматривали, что пленные, постоянно работающие в закрытых помещениях, должны несколько минут проводить на свежем воздухе. На советских военнопленных это не распространялось⁵. «Одеяла», которыми покрывались советские военнопленные, мастерились из бумаги (пленные сами должны были делать их). Специальные «идеологические» инструкции прививали немецким охранникам враждебное отношение к советским военнопленным. Основой в обращении гитлеровцев с военнопленными было применение оружия даже по самому незначительному поводу. Согласно этим немецким инструкциям, о каждом случае расстрела или ране-

¹ Устное сообщение майора Т. Кулаковского автору.

² Устное сообщение капитана Ст. Елены автору.

³ Dok. USSR-422, «Der Prozeß», Bd. VIII, S. 295.

⁴ За работу, признанную гитлеровскими надсмотрщиками «полнопоченной», военнопленный западных государств получал 70 пфеннигов в день, а советский — только 35. «Ставки» за «неполнопоченную» работу составляли соответственно 20 и 10 пфеннигов (Dok. USSR-427, *ibid.*, S. 296—297).

⁵ Dok. USSR-424, 425, *ibid.*, S. 297.

ния пленного надлежало доносить в ОКВ, однако это предписание не применялось в отношении советских военнопленных¹. Для них не был также обязательным и предупредительный окрик².

Дискриминация советских военнопленных имела место даже в случае смерти военнопленного. Умерших советских пленных хоронили без гробов, раздетыми, иногда завернутыми в оберточную бумагу. Этого требовало ОКВ³. «Предусмотрительное» гитлеровское министерство внутренних дел дополняет это распоряжение следующими указаниями: в случае, если смерть советского военнопленного произошла вне лагеря для пленных, его необходимо захоронить на местном кладбище, но в отдельно расположенным месте, не привлекая к этому внимания населения, без почестей, без украшения могилы и т. д. В случаях массовой смертности пленных надлежало хоронить в общих могилах. «Необходимо расходовать как можно меньше средств», — так заканчивается эта инструкция⁴.

ИНТЕРНИРОВАННЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ СОЛДАТЫ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ПОЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ⁵

После выхода Италии из фашистской коалиции разоруженные итальянские части, которые отказались воевать на стороне Германии, особенно «взбунтовавшиеся» дивизии, были в соответствии с приказом ОКВ от 15 сентября 1943 года (L-218) переброшены на Восток, главным образом на территорию «генерал-губернаторства» и в район Белостока. Присутствие значительного числа итальянских пленных было установлено также в следующих лагерях: Бяла-Подляска, Богуше, Хелм, Ченстохова, Демблин, Седльце, Сувалки, Варшава, Торунь.

Судьба итальянских военнопленных (в большинстве своем это были офицеры) оказалась очень тяжелой. Их привезли из Греции, Югославии и Южного Тироля в летнем обмундировании, а они не привыкли к холодам. Итальянских пленных морили голодом, издевались над ними, оскорбляли их. Многие из них умерли в результате эпидемических болезней

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 106.

² См. там же, стр. 107.

³ См. там же, стр. 109.

⁴ «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 25.

⁵ На основе показаний свидетелей Стефана Лисецкого-Ольшевского, Анджея Павлючука, Казимежа Шевчика, Игнация Стасевича, ксендза Станислава Недзвинского, Станислава Гутта, Марцина Горы и Хелены Ольшевской; AGK-t, 616/z.

и крайнего истощения. В лагере Бяла-Подляска, подобно тому как это было в лагерях для советских военнопленных, отмечены случаи поедания травы доведенными до отчаяния, изголодавшимися итальянцами. Во многих случаях польское население, рискуя собственной жизнью, передавало продовольствие голодающим итальянцам. Почти в каждом лагере проводились экзекуции итальянских пленных. Так, например, массовые казни итальянцев имели место в лесу «Борек» под Хелмом, в крепости Демблин, в лесу под Седльцами, в лесу под Нивисками — сразу же за Ополем (Любельским). По показаниям некоторых свидетелей, в госпитале для пленных в Хелме итальянцев умерщвляли путем смертельных инъекций.

Используя тяжелое положение пленных, гитлеровцы оказывали на них давление, чтобы склонить их выступить за Муссолини. В отношении тех, которые поддались на pressure, применялся более легкий режим; им повышали дневной рацион питания и их даже вывозили на Запад. Значительное число итальянских пленных в Варшаве в результате жестокого обращения скоро умерло. Во время известного Варшавского восстания 1944 года гитлеровцы посыпали итальянских пленных на самые опасные участки, требуя от них выполнения совершенно бессмысленных работ, видимо с целью быстрой их ликвидации¹.

Число итальянских военнопленных, которые находились в лагерях на польской территории, а также число жертв среди них пока еще точно не установлено. По показаниям можно определить примерное количество итальянцев: в Бяла-Подляске (лагерь в районе «Зофи-Ляс») — около 6 тысяч человек и в Хелме (Любельском) — около 10 тысяч. Мнения свидетелей относительно числа итальянских пленных в Седльцах расходятся: 1000, 2000 и даже 10 тысяч человек. Нет цифровых данных и по лагерям в Богуше, Сувалках, Торуни, Варшаве и другим пунктам, где также были размещены итальянские военнопленные.

После пребывания итальянских пленных в немецких лагерях на польской территории остались массовые могилы под Хелмом («Борек»), под Седльцами, в крепости Демблин (где итальянские пленные захоронены в крепостных рвах около костела вместе с советскими военнопленными). Многие итальянцы похоронены в одиночных могилах, как, например, в селе Сяшки; там 6 итальянцев погребены на участках, где захоронены и советские военнопленные.

¹ Сообщение Антония Спандовского; «Documenta Occupationis Teutonicae», t. II, s. 192.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ УБИЙСТВА В ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Наряду с массовым уничтожением советских военнопленных почти во всех гитлеровских лагерях для военнопленных имели место индивидуальные убийства. Причины их были самыми различными. Во многих случаях дело решалось позицией и отношением к пленным со стороны очередного коменданта лагеря или офицера контрразведки. Но важную роль играли здесь и обязательные инструкции (а равно их интерпретация местным начальством), отдаваемые лагерной охране, о правилах ее поведения в случае нарушения (даже мнимого) пленными лагерного распорядка. Люди на командных постах в лагерях были неодинаковы: от человечных и лояльно относящихся к пленным (были и такие) до мизантропов, садистов и пылающих лютой ненавистью к пленным, преимущественно активных нацистов. Индивидуальные убийства зачастую были результатом гонений, применяемых очередным комендантом. Как правило, они принимали различные формы: например, охранники стреляли по баракам во время воздушной тревоги, несмотря на то что пленные находились внутри и не пытались выйти. Стреляли даже в том случае, если пленный слишком близко подходил к окну во время воздушной тревоги; расстреливали пойманного военнопленного после неудачного побега даже тогда, когда он был безоружным и не оказывал сопротивления; стреляли при мнимой попытке к бегству; за приближение к «поясу безопасности» у проволочных заграждений; за то, что слишком быстро вошел в барак после вечерней переклички и сигнала разойтись с плаца для перекличек, а порой открывали огонь без всякой видимой причины или даже предлога по... проходящим мимо пленным!

Приведем некоторые данные, касающиеся польских и югославских военнопленных.

В оффлаже XC в Любеке, особенно в первой половине 1942 года, когда комендантом здесь был подполковник Вахтмейстер, а офицером контрразведки — капитан Гроотхоф, в польских военнопленных стреляли по любому поводу. Гитлеровцы устроили себе особое «спортивное» занятие: по вечерам они неожиданно давали свистком сигнал войти в бараки и стреляли по тем, которые не успели сделать этого мгновенно. В этот период был убит капитан Дурак, тяжело ранен командор Маевский, ранен подпоручик Гловацик и несколько других пленных¹.

¹ Рапорт подпоручика Е. Гертиха (AGK-3139) и устное сообщение капитана Ст. Еленты.

В офлаге IIС в Вольденберге однажды без всякой к тому причины охрана открыла огонь по военнопленным, совершившим очередную прогулку на лагерном плацу. Двое были убиты и несколько человек ранено. Произошло это через несколько дней после побега из лагеря 5 пленных. Узники рассматривали этот случай как акт мести со стороны гитлеровцев¹. В тот день погибли майор Плянета из 29-й пехотной дивизии и поручик Бегале (?) из 2-го кавалерийского полка².

В офлаге VIIA в Мурнау несколько польских офицеров было убито за то, что находились слишком близко у окна во время воздушных тревог. Так погибли полковник Макс — бывший адъютант Пилсудского, поручик Вышинский и поручик (?) Вжесинский. Этот последний был одним из трех братьев, находившихся в Мурнау. Он участвовал в первой мировой войне в армии кайзера и был одним из нескольких немецких солдат, которые захватили упорно оборонявшийся французский форт Дуамон (Верден). Гитлеровцы хотели предоставить ему некоторые привилегии, но Вжесинский отказался от них.

В июне 1941 года из Мурнау бежали 16 польских офицеров. Четверо из них были пойманы, а один — поручик Вжесинский был убит³.

Рабочая колонна польских военнопленных из офлага IIЕ в Нёй-Бранденбурге в 1941 году по пути к месту работы встретила колонну измощденных советских военнопленных. Один из поляков, Фридрих, бросил сигарету проходившим мимо русским. Сопровождавший польскую колонну охранник выстрелил по Фридриху и убил его наповал⁴.

В офлагах для поляков лагерные власти во многих случаях оказывали сильное давление на польских офицеров, чтобы последние согласились принять немецкое подданство и сотрудничать с офицером контрразведки, угрожая репрессиями в отношении тех, кто отказывался это сделать. Один из таких «упорствующих», капитан Кароль Залевский, был вывезен в лагерь Фрауэнберг и там был застрелен под явно провокационным предлогом: «убит при попытке к бегству»⁵.

В офлаге Осиабрюк имели место частые случаи ранения лагерной охраной находившихся там югославских офицеров: она стреляла по ним по малейшему поводу, а часто и вовсе без повода. Вот несколько примеров:

¹ M. Grandys, Wyprawa do oślagu, s. 13.

² Сообщение капитана Ст. Еленты.

³ Сообщение бывшего военнопленного подпоручика Юзефа Ярошинского и «Akta procesu Andreasa Bucha, podoficera, pełniącego służbę, w obozie Murnau», s. 76, 79, 82.

⁴ Устное сообщение майора Т. Кулаковского автору.

⁵ Сообщение капитана Кароля Терлецкого, AGK-3139.

11 января 1942 года охрана открыла огонь по группе пленных и тяжело ранила капитана Петара Ножинича;

2 сентября 1942 года был ранен поручик Владислав Вайс, рана повлекла за собой тяжелое увечье;

11 марта 1943 года охранник открыл огонь по бараку с пленными и через дверь убил генерала Димитра Павловича;

26 апреля 1943 года был ранен гитлеровским унтер-офицером поручик Владислав Гайдер, который скончался от ран;

26 июня 1944 года был тяжело ранен поручик Дьордьевич. Стрелял капитан Кунце из лагерной охраны¹.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ В КАЧЕСТВЕ «ЖИВОГО ПРИКРЫТИЯ» ВОЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

Замысел использовать военнопленных, попавших в руки гитлеровцев, для прикрытия военных объектов и сооружений, являвшихся целью стратегических бомбардировок союзной авиации (военные заводы, линии коммуникаций, гидрооборужения, склады и пр.) — как изолированных, так и находящихся в жилых кварталах городов, — исходил из партийно-административных кругов третьего рейха.

После массированного воздушного налета союзников на Карлсруэ в 1942 году гауляйтер Бадена Вагнер выступил с предложением использовать английских военнопленных для разборки развалин и ликвидации других разрушений, вызванных налетами, или же разместить этих военнопленных в городах, подвергенных воздушным налетам. Кажется, однако, что предложение это не встретило тогда «должного» понимания.

Когда весной 1943 года воздушные налеты на Германию усилились, Вагнер возобновил свое предложение, обратившись с письмом по этому вопросу непосредственно к Борману.

«Я рассчитываю на решительный успех, особенно в случае организации офицерских лагерей для английских военнопленных в непосредственной близости от плотин и подобных сооружений, а также соответствующего информирования об этом противнике»², — писал гауляйтер своему шефу.

Характерная деталь: Вагнер выражает одновременно опасение, что такой шаг может повлечь за собой подобные же репрессии со стороны противника, но утешается тем, что большинство немецких военнопленных находится в Канаде и

¹ Югославское правительство сообщение о преступлениях оккупантов и их сообщников; «Der Prozeß», USSR-36, Bd. VII, S. 480—481.

² Письмо Вагнера Борману от 24 мая 1943 года; UNWCC, Bulletin, № 4, 20/VIII 1945.

других заокеанских странах, а следовательно, «вне пределов досягаемости нашего оружия». В связи с этим, по мнению Вагнера, опасность, угрожающая английским пленным, была бы при настоящем состоянии воздушной войны значительно большей, если бы его предложение было реализовано.

Но... и на сей раз «проект» Вагнера письмом Бормана от 16 июня 1943 года был отвергнут¹. Борман опасается «самых суровых репрессалий» даже в Канаде, а кроме того, обращает внимание Вагнера на тот факт, что в этих вопросах важную роль играет количество пленных с обеих сторон².

Однако, несмотря на отказ Бормана, проект Вагнера поддерживает Геринг. Скомпрометированный ввиду усиливающихся воздушных налетов на немецкие города, главнокомандующий гитлеровскими ВВС, не имея возможности предотвратить налеты военными средствами, решает использовать для этого пленных летчиков, находящихся в его ведении и под его «опекой», как заложников и гарантов безопасности немецких городов, особенно находящихся там военных объектов.

18 августа 1943 года Геринг обращается в ОКВ с проектом организации в жилых кварталах городов, подвергнутых воздушным налетам союзной авиации, лагерей для военно-пленных. Для этой цели он готов перебросить в распоряжение ОКВ около 8 тысяч английских и американских пленных летчиков. Освобожденные от них бараки Геринг предлагает передать населению, эвакуированному из разрушенных кварталов. Не ожидая санкций ОКВ, нетерпеливый Геринг начал предварительные переговоры по этому вопросу с городскими властями Франкфурта-на-Майне, которые проявили «полное понимание» его планов и выразили готовность ускоренными темпами начать строительство таких лагерей с помощью всех имеющихся в их распоряжении средств³.

¹ Письмо Бормана Вагнеру: «Unterbringung von englischen Kriegsgefangenen in der Nähe von Talsperren und ähnlichen Anlagen», UNWCC, Bulletin № 4, 20/VIII 1945.

² Это замечание Бормана по вопросу о количестве пленных нам кажется не совсем ясным. Выдвижение дополнительного аргумента (число пленных) позволяет предположить, что Борман, видимо, считал, что количественное соотношение складывается не в пользу Германии. Не имея сравнимых данных на июнь 1943 года, все же можно допустить, что, принимая во внимание положение в Северной Африке, где за месяц до этого (в мае 1943 года) после разгрома Роммеля в Тунисе армии «оси» были окончательно изгнаны с африканского континента и потеряли (убитыми и ранеными) значительную часть личного состава, это соотношение начало складываться действительно не в пользу Германии.

³ «Trial», 820-PS (RF-358), v. VI, p. 342. Указанное число англо-американских летчиков, находившихся в гитлеровском плену, не включает раненых и больных летчиков, размещенных в немецких госпиталях.

ОКВ не заставило Геринга долго ждать решения. Уже 3 сентября 1943 года после консультации с Управлением по делам военнопленных, которое дало свое согласие, ОКВ оказывает полную поддержку планам Геринга и признает важными его аргументы относительно того, что это мероприятие является «защитой для городского населения», а кроме того, оно позволит решить проблему содержания все возрастающего количества пленных летчиков, для которых уже не хватает помещений¹.

Следует подчеркнуть и роль Управления по делам военнопленных в принятии этого решения: именно Управление по делам военнопленных высказалось в том смысле, что размещение лагерей для пленных, согласно проекту Геринга, не находится в противоречии с действующими конвенциями, и хотя существует опасение, что противник применит репрессалии, в данное время такую возможность не следует принимать всерьез².

«Идея» размещения военнопленных в зонах, наиболее подверженных воздушным налетам, обсуждалась почти после каждого крупного налета авиации союзников. Когда был подвергнут бомбардировке Брауншвейг (1944 год), вопрос об обороне этого города, являвшегося важным центром военной промышленности, со всей остротой встал на заседании «Егерштаба» 25 апреля 1944 года. На этом заседании имел место следующий диалог между офицером связи «Егерштаба» при ОКВ майором Клебером и фельдмаршалом Мильхом:

«Клебер: Я желал бы перевести пленных поближе к Брауншвейгу.

Мильх: Считаю, что в случае продолжения бомбардировок Брауншвейга переброска туда пленных является замечательной идеей³.

Проект этот был осуществлен. В ряде случаев военнопленных размещали поблизости, а порой даже и на территории подвергшихся бомбардировке объектов либо их не эвакуировали из таких пунктов. В нескольких случаях результаты такой преступной политики были для пленных весьма трагичными.

Первоначально гитлеровцы намеревались использовать пленных летчиков в качестве заложников «неприкосновенно-

¹ «Trials», 823-PS (RF-339). См. также PN-12, sten., s. 686—687. Из документа 823-PS явствует, что число ежемесячно захватываемых в плен летчиков составляло «не более 1000».

² Ibid.

³ Стенограмма заседания «Егерштаба» от 25/IV 1944; PN-2, NOKW-334, dok., t. XII, s. 182.

сти» городов. Однако на практике в этот проект был внесен определенный корректив: в качестве «живого прикрытия» стали использовать пленных всех родов войск.

Еще несколько слов о реализации задуманного плана.

В Эссене в нескольких лагерях было размещено около 2000 советских и почти 2000 французских военнопленных. Лагеря эти находились рядом с известными военными предприятиями Круппа. Французских военнопленных мы обнаруживаем в Эссене уже к концу 1941 года: вопреки протестам, заявленным их доверенными лицами, французы использовали на производстве артиллерийских орудий. Частые налеты авиации союзников на Эссен повлекли за собой разрушение лагерей и людские потери. Один из бывших военнопленных, Анри Бюссон, выступая в качестве свидетеля на процессе гитлеровского фельдмаршала Лееба и других, рассказал о 2 французских военнопленных, убитых во время одного налета, и о 44 других, заживо сгоревших во время другого налета. Однако и эти потери не повлекли эвакуации военнопленных из опасной зоны. Наоборот, из разрушенных лагерей их перевели прямо на заводскую территорию¹.

Приведенные выше данные об Эссене были подтверждены обнаруженными немецкими документами. Немецкий врач, осуществлявший санитарный надзор за французскими военнопленными, в своем рапорте упоминает о налете на Эссен 27 апреля 1944 года. Во время этого налета лагерь французских пленных, о которых идет речь, находившийся на Ногератштрассе, был подвергнут бомбёжке, и ему были причинены значительные разрушения. После этого часть пленных была размещена в сыром подземном проходе, а часть оставлена в разрушенном лагере. Остальных разместили на десяти различных предприятиях Круппа².

Подобные факты имели место также и в Любеке, где находился олаг ХС (Любек-Швартгау), в котором в 1941—1943 годах оказались и польские офицеры. Этот лагерь был расположен по соседству с казармами зенитной артиллерии, а всего в 400 метрах от него были позиции гитлеровской зенитной батареи. В марте 1942 года, во время первого массированного налета на Любек, английские самолеты атаковали указанные позиции и сбросили несколько зажигательных бомб, от которых сгорело несколько бараков для пленных. Многие пленные были обожжены. Одна «зажигалка» попала в майора Скачило и убила его наповал³.

¹ PN-12, sten., s. 567—580.

² Рапорт д-ра Штайннесбека д-ру Егеру от 12/VI 1944; «Trial», v. XXXV, p. 75—76.

³ Устное сообщение капитана Ст. Еленты автору.

Лагеря, где находились польские военнопленные, довольно часто подвергались налетам союзной авиации.

Разбомбили и олаг в Дорстене, расположенный рядом со шлюзом на канале Рейн — Везер. К счастью, никто не пострадал. Зато имели место жертвы в Дёсселе, куда были переведены пленные из Дорстена.

Олаг VIB в Дёсселе, расположенный в 3 километрах от железнодорожной станции Варбург, раскинулся на холме в местности, с трех сторон окруженной железнодорожными линиями. В ночь на 27 сентября 1944 года его разбомбила канадская авиация, что повлекло за собой трагическую смерть 90 польских пленных¹.

¹ Устное сообщение капитана Ст. Еленты и поручика И. Земянского автору.

**Преступные
медицинские эксперименты
на военнопленных**

В период второй мировой войны гитлеровцы с холодной жестокостью и беспощадной педантичностью проводили заранее запланированные медицинские опыты на живых людях. В результате этих опытов в страшнейших мучениях погибли тысячи людей. В живых остались очень немногие, но и те, что уцелели, на всю жизнь остались калеками. Такие преступные эксперименты проводились как в самой Германии, так и в оккупированных странах. Жертвами гитлеровских «экспериментаторов» в первую очередь стали евреи, русские, поляки и граждане других национальностей (из числа узников концентрационных лагерей), а также военнопленные. Эти эксперименты проводились немецкими «специалистами» — профессорами медицины, врачами и ассистентами, то есть людьми, которые уже по своему образованию и занимаемой должности не могли не отдавать себе отчета в преступном характере этих «экспериментов».

Совершенно очевидно, что эти преступления отнюдь не были частными или изолированными эксцессами или «выходками» отдельных врачей: такие действия были результатом фашистской, людоедской системы, и они инспирировались лицами, находившимися на самых высоких постах военной, партийной и научной иерархии гитлеровской Германии. С точки зрения положения и должности лиц, принимавших участие в совершении этих преступлений, а равно и степени жестокости, с которой они были проведены, безмерности мучений, причиненных тысячам ни в чем не повинных людей, а также попрания законов и обычаев войны и основных принципов уголовного права, обязательного для каждого цивилизованного государства, данная категория преступлений фашизма занимает особое место среди злодеяний гитлеровцев в период второй мировой войны. Они также представляют собой важный материал для изучения фашистской морали в целом.

Указанные медицинские эксперименты проводились в рамках усилий Германии выиграть войну любой ценой. Эти злодеяния инспирировались вермахтом, особенно военно-воздушными силами и войсками СС, а поддерживали их партийные и государственные органы третьего рейха.

Целью преступных медицинских экспериментов на живых людях было найти для немецкой медицины методы и средства, которые могли бы применяться при лечении ран или заболеваний солдат вермахта. Особенно интересовались этими экспериментами в военно-воздушных силах: там проводилось много опытов и выделялись врачи для участия в них. Ряд опытов интересовал также и сухопутные войска, а некоторые из них — гитлеровский военно-морской флот.

Руководили проведением экспериментов следующие лица: профессор Хандлозер — начальник военно-санитарной инспекции вермахта и главный врач сухопутных сил, узкий круг штабистов, его сотрудников¹,

начальник медсанслужбы ВВС профессор Хипке (а после него — профессор Шрёдер) и ряд подчиненных ему врачей².

По линии СС значительную роль в преступных экспериментах сыграл д-р Гравиц, который носил высокое звание «имперского врача СС» и был главным руководителем медицинской службы СС. Гравицу была также подчинена и медсанслужба войск СС, во главе которой стоял д-р Генцкен. Сотрудниками последнего были: профессор Гебхардт — начальник отдела госпиталей СС и хирургический советник войск СС; д-р Мруговский — начальник Института гигиены войск СС; д-р Поппенчик — главный врач Управления СС по делам расы и поселений; д-р Ховен — главный врач концлагеря Бухенвальд; д-р Фишер — ассистент профессора Гебхардта; д-р Герта Оберхойзер — врач в женском концлагере Равенсбрюк, а позднее (с 1943 года) — ассистентка профессора Гебхардта в Хоэнлихене.

Преступные эксперименты на людях не были тайной для начальника гражданской службы здравоохранения третьего рейха. Они были известны д-ру Конти, статс-секретарю министерства внутренних дел, имперскому фюреру НСДАП по вопросам здравоохранения, а равно и его заместителю д-ру Бломе.

¹ Это были профессора Шрейбер, Росток, Гутцайт, Вирт, Кливе, Килиан и другие.

² Особено «прославились» начальник Института авиационной медицины в Мюнхене д-р Вейц, начальник Института авиационной медицины в «Немецком экспериментальном центре» д-р Руфф, его первый ассистент д-р Ромберг и врачи — офицеры ВВС д-р Бекер-Фрейзенг, д-р Шефер, д-р Бейгльбек, д-р Рацер и другие.

Особенно важную роль в этом деле играл обергруппенфюрер СС профессор д-р Карл Бранд, специальным приказом Гитлера назначенный генеральным комиссаром и уполномоченным по вопросам санитарии и здравоохранения¹. Таким образом, именно Бранд был самой высокой и последней инстанцией по вопросам здравоохранения в третьем рейхе.

Среди органов и учреждений, которые наиболее активно поддерживали мероприятия по проведению преступных медицинских экспериментов, наряду с военными властями следует упомянуть и так называемое «научное» общество по изучению наследственности» («аненэрбе»), существовавшее с 1933 года и охватывавшее несколько десятков исследовательских институтов, а также свыше 100 ученых, профессоров и врачей. С 1942 года «аненэрбе» организационно входит в сферу действий личного штаба рейхсфюрера СС Гиммлера. «Президентом» этого общества был Гиммлер, попечителем — профессор д-р Бюст (ректор Мюнхенского университета), а директором-распорядителем — д-р Зиверс. В 1942 году в рамках «аненэрбе» был организован Институт военных научных изысканий, который организовал и проводил преступные медицинские эксперименты на живых людях. Эти эксперименты проводились в концентрационных лагерях на беззащитных и беспомощных узниках, а также в лазаратах и амбулаториях. «Исследования» велись как врачами, так и другими «специалистами».

«Эксперименты производились способом, причиняющим ненужные страдания и наносящим повреждения испытуемым; почти не предпринималось никаких мер предосторожности, чтобы уберечь людей от возможного увечья, заболевания и смерти. Жертвы каждого эксперимента испытывали невообразимые мучения, что в большинстве случаев приводило к стойким повреждениям тела и смерти непосредственно в результате экспериментов или в связи с отсутствием надлежащего ухода после них»².

Местом проведения экспериментов, как уже говорилось, были главным образом концентрационные лагеря. Возникает вопрос: почему именно концлагеря? Объясняется это просто: это были хорошо укрытые от непрошеных и любопытных взоров места, где «подопытные кролики» — военнопленные и «гражданские» узники — были всегда под рукой и в нужном количестве.

¹ «Bevollmächtigter für das Sanitäts- und Gesundheitswesen». В 1944 году эта должность была преобразована в должность «имперского комиссара» по вопросам санитарии и здравоохранения с правом издания инструкций соответствующим государственным, партийным и военным учреждениям.

² PN-I, sten., s. 11376 (приговор).

В 1942 году группа врачей гитлеровских ВВС во главе с д-ром Рашером (д-р Вельц, д-р Руфф и д-р Ромберг) провела преступные опыты на узниках концлагеря Дахау. Наряду с «гражданскими» узниками, преимущественно евреями и русскими, были использованы также и советские военно-пленные, главным образом из числа политработников и интеллигенции¹.

«Тема» этих «исследований» — как влияет быстрое изменение атмосферного давления на человеческий организм. В этих опытах были заинтересованы немецко-фашистские военно-воздушные силы, поскольку речь шла о практических данных, касающихся реакции организма летчика на изменения давления на различных высотах, а также при прыжках с парашютом. Исследования велись таким образом, что узников — группами по 25 человек — вводили в барокамеру, в которой можно было произвольно изменять давление воздуха. «Исследователи» наблюдали за поведением жертв через специальное смотровое окошко. Большинство «подопытных» умирало в ходе проведения экспериментов от кровоизлияний в легкие и в мозг, что устанавливалось и определялось по следующим вскрытием. Внутренние органы убитых пересыпались для дальнейшего «изучения» в Мюнхен. Те из «подопытных», которые смогли вынести эти нечеловеческие муки, потом харкали кровью. Конечно, их сразу же направляли в «инвалидные блоки», где палачи поспешно умерщвляли «подопытных». Выжила только ничтожная часть этих мучеников. Жертвами таких опытов стали примерно 400—500 узников.

Тот же «врач», д-р Рашер, «исследовал» в Дахау действие холодной воды на организм человека. Речь шла о нахождении способа возвращения к жизни летчиков, упавших в море. «Опыты» проводились таким образом: узников погружали в ледяную воду и держали там до тех пор, пока они не теряли сознание. Некоторые жертвы выдерживали такую бесчеловечную пытку в течение 24—36 часов. В ходе проведения «эксперимента» врачи измеряли температуру тела и при каждом установленном снижении ее на 1° тотчас же брали на исследование кровь жертвы. Наиболее низкая температура, установленная у еще живой жертвы, составляла +19° С, однако большинство людей умирало уже при температуре 25—26° С. Извлеченных из ледяной воды узников (но только в целях проведения опыта, а не для спасения их жизни) пытались оживить путем применения искусственного солнечного тепла, горячей воды, электротерапии или же путем отогревания теплом человеческого

¹ PN-2, t. XII, s. 263; PN-1, t. XII, s. 11451; «Trial», 2428-PS, v. XXX, p. 352.

тела (укладывали не приходящую в сознание жертву между двумя обнаженными женщинами)¹. Один из свидетелей всех этих преступлений, Вальтер Нефф, узник Даахау, главный помощник Рашера во время этих экспериментов, на судебном заседании описал один такой «опыт» произведенный на военнопленных советских офицерах:

«...Из бункера вывели двух советских офицеров. Нам запретили разговаривать с ними. Они прибыли после полудня, около 16.00. Рашер приказал им раздеться и войти в бассейн². Проходил час за часом, и, хотя обычно после 60 минут наступало замерзание, эти двое русских спустя 2 часа все еще были в сознании. Все наши обращения к Рашеру сделать им [обезболивающие]. — Ш. Д.] уколы были тщетными. Приблизительно на третьем часу один из русских сказал второму: «Товарищ, скажи офицеру, чтобы нас застрелили». На это второй русский ответил: «Не надейся на милость этой фашистской собаки». Они пожали друг другу руки и сказали: «Прощай, товарищ...» После этих слов, переведенных с русского в несколько иной форме одним молодым поляком, Рашер вернулся в свою конторку. Молодой поляк попытался облегчить их страдания обезболивающей инъекцией хлороформа, но тут вернулся Рашер. Он пригрозил нам пистолетом и крикнул: «Не смеите вмешиваться и приближаться к ним!» Эксперимент продолжался по меньшей мере 5 часов, прежде чем наступила смерть. Оба трупа были отправлены в Мюнхен с целью проведения вскрытия в Швабском госпитале»³.

Как сказано выше, Рашер отогревал определенное число своих «подопытных кроликов» при помощи «животного тепла» («animalische Wärme»). В письме Гиммлеру от 17 февраля 1943 года приложено «исследование» этого «врача» с изложением «научных» выводов по этим «опытам».

Из этих выводов явствует, что Рашер погружал свои жертвы в воду с температурой в 4—9°C и держал там мучеников до тех пор, пока температура тела не доходила до 30°C, что всегда было связано, как заявляет этот преступ-

¹ См. показания свидетеля чешского врача д-ра Блахи, данные им Международному военному трибуналу в Нюрнберге; «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 446—448.

² Деревянный экспериментальный бассейн, в который погружали «подопытных» узников, находился в 5-м блоке. Глубина и длина его равнялись примерно 2 метрам.

³ PN-I, т. III (sten. ang.), с. 530—631. В госпитале Швабинг (а не «Швабском», как заявил свидетель) в Мюнхене профессор д-р Зингер проводил вскрытие только что замороженных трупов (dok. 400-PS).

ник, с потерей сознания. После этого производилось отогревание переохлажденных людей животным теплом. Вот как это выглядело на языке Рашера:

«...В восьми случаях подопытные лица укладывались в широкую постель между двумя нагими женщинами. Женщины должны были как можно теснее прижиматься к охлажденному человеку. Затем эти три лица укрывались одеялами.

Ускорение согревания посредством тепловой лампы или медикаментозных мер не испытывалось.

Результаты

1. При измерении температуры подопытных лиц в каждом случае обнаруживалось, что наступал последующий спад температуры до 3° (см. кривую 1)¹, то есть более сильное падение, чем при любом другом способе согревания. Можно было наблюдать, что сознание возвращалось раньше, то есть при более низкой температуре, чем при других способах согревания. Раз прияя в сознание, подопытные лица больше его уже не теряли, а быстро осваивались со своим положением и тесно прижимались к обнаженным женщинам.

Повышение температуры тела происходило затем приблизительно с той же скоростью, как и у подопытных лиц, которых согревали путем закутывания в одеяла (см. кривую 2). Исключение составляли четыре подопытных лица, которые между 30 и 32°C совершили совокупление. У этих подопытных лиц после контуса наступал очень быстрый подъем температуры, который можно сравнить с согреванием в горячей ванне (см. кривые 2 и 3).

2. Следующий опыт касается согревания переохлажденного человека одной женщиной. Здесь в каждом случае происходило значительно более быстрое согревание, чем оно было возможно с двумя женщинами. Я отишу это за счет того, что при согревании одной женщиной личные торможения отпадают и женщина более сильно прижимается к охлажденному (см. кривую 4). Возвращение полного сознания наступает здесь также быстрее; только у одного подопытного лица сознание не возвратилось и можно было отметить лишь незначительное согревание. Одно подопытное лицо умерло при явлениях кровоизлияния в мозг, что было установлено последующим вскрытием².

Резюмируя свои выводы, этот гитлеровский изверг и палач приходит к заключению, что согревание переохлажденных

¹ К своему «исследованию» Рашер приложил также и несколько диаграмм, которые здесь не воспроизводятся.

² «Versuche zur Erwärmung unterkühlter Menschen durch animalische Wärme», «Trial», 400-PS, v. XXV, p. 603—605.

«животным теплом» протекает слишком медленно, и рекомендует применение горячих ванн¹. Единственное, что смущает преступника в ходе проведения его «экспериментов», — это «расовая щепетильность»: в одном случае для согревания переохлажденного «недочеловека» была использована девушка-узница «нордического» типа из публичного дома².

Рашер серьезно относился к своим трудам по изучению проблемы переохлаждения организма человека. Он пытался установить контакты с зарубежными учеными, работающими в этой области. Рашер даже рискнул отправиться в Копенгаген к профессору д-ру Тальбитцеру. Однако этот вояж не принес гитлеровцу никакой пользы: Тальбитцер наотрез отказался представить фашисту какую-либо информацию³.

Жертвами подобного рода «экспериментов» стали почти 300 узников. Большинство их погибло еще в процессе «копыт», остальные — главным образом с проявлениями психических заболеваний — были отправлены в бараки для инвалидов и там ликвидированы. Выжило только двое узников, но и те страдали психическими расстройствами.

Свои «исследования» Рашер закончил в феврале 1943 года. Результаты «работ» он переслал Гиммлеру⁴. Командование военно-морского флота и морской авиации получило, таким образом, «ценные данные». Выполнив свой «патриотический долг» по отношению к военно-морскому флоту и военно-воздушным силам, Рашер незамедлительно приступил к новой серии опытов на несчастных узниках, которую этот палач определил как «имеющую важное значение для сухопутных войск». На этот раз фашистский «ученый» охлаждал людей не в ледяной воде, а выставлял их раздетыми зимой на улицу, где их заставляли стоять по 9—10 ча-

¹ Лишь в отношении слабых индивидуумов (например, младенцев) Рашер допускает отогревание их у тела матерей или применение согревающих бутылок; там же, стр. 382.

² «Одна из выделенных мне женщин имеет бесспорно нордические расовые черты: белокурые волосы, голубые глаза, соответствующую (!) форму головы и строение тела... Передача в качестве проститутки малоценным с расовой точки зрения элементам из состава узников концентрационного лагеря такой девушки, внешний вид которой является чисто нордическим и которую при помощи надлежащих воспитательных мер можно было бы возвратить на правильный путь, противоречит моим расовым убеждениям. Ввиду этого я отказываюсь от использования данной девушки для моих опытов и подаю соответствующий рапорт коменданту лагеря и адъютанту рейхсфюрера СС. Д-р З. Рашер», (PN-4, NO-323, P(oh!), t. VII, s. 95, меморандум Рашера от 9/XI 1942: «Aufgefordelter Bericht über KL-Dirnen».)

³ Письмо Рашера Гиммлеру от 9/VIII 1942, фотокопия AGK-912/PS 43a/I.

⁴ Письмо Рашера Гиммлеру от 17 февраля 1943 года (dok. 400-PS).

сов подряд. Результат — снижение температуры тела до 27—29°С. Спустя час Рашер применял горячую ванну для всего тела, что, по его описанию, якобы повышало температуру до нормальной в течение часа. Состояние несчастных мучеников, жертв людоеда-«ученого», красноречивее всего описывает сам Рашер в своем письме к Гиммлеру: «Подопытные лица вопят, когда слишком мерзнут»¹.

В этом письме Рашер уведомляет Гиммлера, что свои исследования он проводит с той целью, чтобы доказать опытами на людях: переохлажденные сухим холодом люди могут быть отогреты так же быстро, как и те, которые охлаждались в результате пребывания в холодной воде. Рашер отмечает, что главный врач СС д-р Гравиц высказал серьезные сомнения по этому поводу и требовал подтверждения этого тезиса путем проведения не менее чем 100 опытов. Рашер докладывает, что после 30 экспериментов у него еще не было случаев смерти. Условия работы в Дахау не удовлетворяют Рашера. Он жалуется Гиммлеру, что там (в Дахау) слишком тепло для проведения опытов на открытом воздухе, а слишком малое пространство привлекает внимание посторонних. Поэтому Рашер просит перевести его вместе с Неффом в Освенцим, Люблин [лагерь Майданек. — Ш. Д.] или же другой лагерь на Востоке, где значительно холоднее и больше места, чтобы можно было использовать последний период холодов.

«Эксперименты» Рашера по переохлаждению узников продолжались в Дахау до конца войны.

Круг «интересов» Рашера был весьма обширным. Кроме упомянутой тематики, его также интересовала проблема воздействия различных отравляющих веществ на человеческий организм. Так, он пришел к мысли о проведении опытов в этой области на узниках концентрационных лагерей, вместо того чтобы, как это имело место раньше, проводить их на животных. Свой замысел Рашер подсунул Гиммлеру, соответствующим образом «аргументировав» его².

Говоря о преступных «экспериментах» Рашера, следует спросить: кто был инициатором этих неслыханных преступлений и кто поддерживал их? Ответ только один: инициатором и «патроном» было командование военно-воздушных сил гитлеровской Германии, преступления совершались в его интересах! «Эксперименты эти проводились в интересах BBC», — говорит один из участников этих преступлений, д-р Ромберг, описывая историю экспериментов в барокамере в

¹ Письмо Рашера Гиммлеру от 17 февраля 1943 года (dok. 400-PS).

² Письмо Рашера Гиммлеру от 9 августа 1942 года; фотокопия AGK-912/PS/43a/I.

Дахау¹. Непосредственно замешанными в эти дела оказались и научные авиационные институты, тесно связанные с имперским министерством авиации и ВВС: Институт авиационной медицины в Мюнхене во главе с его руководителем д-ром Вельцем, а также факультет авиационной медицины Германского исследовательского авиационного института во главе с деканом этого факультета д-ром Руффом.

В январе 1942 года д-р Вельц потребовал от д-ра Руффа и его ассистента д-ра Ромберга «помочь» Рашеру в его экспериментах в Дахау. В январе — феврале 1942 года все четверо «ученых» совещались с комендантом этого лагеря смерти Пюрковским, а также с адъютантом Гиммлера эсэсовцем Шницлером по вопросу о практическом проведении экспериментов. Жертвы для этих «опытов» подбирались среди узников, «которые по своим физическим данным соответствовали лицам, принадлежащим к ВВС». Во время опытов Ромберг сам был свидетелем смерти трех подопытных лиц. По окончании этих «экспериментов» Рашер, Руфф и Ромберг составили о них отчет-доклад, который был разослан «всем заинтересованным органам ВВС». Вопрос об экспериментах был хорошо известен следующим лицам: статс-секретарю министерства авиации фельдмаршалу Мильху, начальнику медсанслужбы ВВС генералу профессору д-ру Хипке; второму старшему по званию офицеру медсанслужбы ВВС д-ру Шредеру. Ромберг категорически заявляет: «Никто и никогда в ВВС не выступил с предостережением или возражением против этих экспериментов»².

А как обстояло дело с экспериментами по переохлаждению?

«Весной 1942 года фельдмаршал Мильх в письме к обергруппенфюреру СС (начальнику личного штаба рейхсфюрера СС) Вольфу санкционировал проведение экспериментов по переохлаждению людей», — гласит заявление личного референта Гиммлера, Брандта³. Имея непосредственное отношение к этим делам (прежде чем попасть к Гиммлеру, вся корреспонденция по вопросу об экспериментах проходила через его руки), Брандт знал о благодарности, выраженной в адрес СС фельдмаршалом Мильхом за сотрудничество с главным командованием ВВС в области «высотных» опытов. Он мог также рассказать, что несколько недель спустя профессор Хипке «выпросил» [у Гиммлера. — Ш. Д.] разреше-

¹ PN-4, NO-476, dok., t. VII, s. 17—20. В дальнейших наших выводах мы будем опираться на этот документ.

² PN-4, NO-476, dok., t. VII, s. 17—20.

³ Показания Брандта в Нюрнберге 9/IX 1946; ibid., NO-242, dok., t. VII, s. 42—50, AGK.

ние на проведение экспериментов по переохлаждению людей в концентрационном лагере Даахау, учитывая, что командование ВВС было заинтересовано в нахождении эффективного средства, возвращающего жизнь германским летчикам, которые, выбросившись с парашютом из подбитого над Северным морем самолета, долгие часы находились в ледяной воде¹. Это и были те самые пружины, которые направляли действия Рашера.

Еще одна группа врачей² проводила в Даахау на здоровых узниках другие преступные эксперименты: делали внутримышечные и внутривенные инъекции гноя больных флегмой! В течение трех дней этих несчастных узников оставляли без всякой медицинской помощи. И когда у подопытных лиц обнаруживались явления воспалительного процесса и во многих случаях наступало заражение крови, «врачи» приступали к «лечению» сульфамидными препаратами и путем хирургического вмешательства. Во многих случаях производилась ампутация всех конечностей.

Для подобных экспериментов использовались преимущественно определенные категории узников — чешские, польские и голландские священники. (В частности, экспериментам подверглись и польские военные капелланы.) Из этой группы, насчитывающей 600—800 человек, большинство умерло в страшных мучениях во время экспериментов. Остальные уже в состоянии полной инвалидности были впоследствии «ликвидированы»³.

Из числа других преступных экспериментов, проводившихся фашистами в Даахау, следует упомянуть: а) проводимые д-ром Брахтлом пункции желудка (без обезболивания), б) эксперименты д-ра Гравица на цыганах, которым в течение многих дней давали одну только морскую воду⁴, в) «лечебное» заражение с помощью биохимических средств⁵, г) «эксперименты» профессора Шиллинга и его сообщника д-ра Плотнера (а также и других) по заражению людей

¹ Показания Брандта в Нюрнберге 9/IX 1946; *ibid.*, NO-242, dok. t. VII, s. 42—50, AGK.

² В особенности Шютц, Бабор, Кизельветтер, Лауэр.

³ Показания д-ра Блахи (dok. 3249-PS); «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 448—449.

⁴ Эти эксперименты (проводившиеся в 1944 году) были связаны с исследованиями по использованию морской воды для питья (PN-1, t. XLI, s. 11368).

⁵ Отчет об этих опытах был представлен Гиммлеру; фотокопия AGK-343/PS-15.

В результате такого «лечения», проведенного на 40 жертвах (в том числе 17-дневный младенец), умерло 10 человек, в одном случае было достигнуто полное излечение, в 4 случаях — сомнительное, а в 25 случаях — никакого улучшения не произошло.

малярией¹. Эксперименты с целью ускорения свертываемости крови проводили д-р Брейтиер, профессор университетской клиники в Инсбруке, и д-р Денк, профессор университетской клиники в Вене: для них охрана стреляла в узников, после чего на жертвах испытывалось вновь открытое лекарство с целью вызвать быстрое свертывание крови.

В концентрационных лагерях Бухенвальд и Натцвейлер «экспериментаторы» заражали здоровых узников сыпным тифом, желтой лихорадкой, оспой, брюшным тифом, паратифом «А» и «В», а также и дифтеритом, после чего заболевших пытались лечить путем различных инъекций². В результате этих преступных экспериментов значительное число «подопытных» узников погибло в муках.

В Бухенвальде «экспериментировал» некий д-р Варнет, применявший «искусственные железы» при лечении гомосексуализма³. Д-р Динг и д-р Ховен убивали узников путем впрыскивания им фенола, исследуя проблему степени вредности применения фенола в сыворотке, вводимой раненым немецким солдатам⁴.

Там же, в Бухенвальде, в 1943—1944 годах испытывалось действие различных ядов на человеческий организм. «Отобранным» узникам тайно добавлялись в пищу различные отравляющие вещества, в результате чего узники гибли сразу или же их пристреливали после введения ядов. Особенно страшные мучения причиняли «эксперименты», проводимые в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке. В узников стреляли отравленными пулями, вызывая этим смерть в неописуемых мучениях⁵. Опыты в этой области проводились также и в концентрационном лагере Саксенхаузен.

В 1944 году несколько врачей⁶ проводили в лагере Саксенхаузен эксперименты на советских военнопленных с ако-

¹ Показания д-ра Блахи (dok. 3249-PS), «Нюрибергский процесс», т. IV, стр. 447. В этих экспериментах участвовали также профессора Бранд, Хандлозер, Гебхардт и другие. Здоровых узников заражали путем специальных инъекций из выделений слюнных желез москитов. Затем больных «лечили» при помощи различных средств, с тем чтобы проверить их эффективность. Из более чем 1000 узников, использованных для подобных опытов, многие умерли в нечеловеческих муках, а многие стали инвалидами (PN-1, т. XLI, с. 11 367).

² Наряду с упомянутыми выше лицами в этих «опытах» принимали участие также и врачи Росток, Шрёдер, Генцкен, Розе, Беккер-Фрейзенг, Ховен и другие (PN-1, т. XLI, с. 11 370). За экспериментами наблюдал в Бухенвальде д-р Динг, а в Натцвейлере — д-р Хааген (PN-1, т. XLI, с. 11 402).

³ PN-1, т. XLI, с. 11 470.

⁴ Ibid., с. 11 465.

⁵ Ibid., с. 11 370.

⁶ Мруговский, Динг, Видман.

нитиннитратовыми пулями. Сохранился потрясающий документ с подробным описанием одного из таких «экспериментов»:

«Об опытах с аконитиннитратовыми пулями

Институт криминалистики,
лично г-ну д-ру Видману

Берлин

11 сентября 1944 года в присутствии штурмбанфюрера СС д-ра Динга, г-на д-ра Видмана и нижеподпавшегося были проведены опыты с аконитиннитратовыми пулями на пяти приговоренных к смертной казни. Были применены пули калибра 7,65 мм, наполненные ядом в кристаллической форме. В каждое из подопытных лиц, находившихся в лежачем положении, было произведено по одному выстрелу в верхнюю часть левого бедра. У двух подопытных лиц бедро было прострелено навылет. Действие яда не обнаружено. Оба этих подопытных лица были поэтому исключены. Входное отверстие не имело никаких особенностей. У одного подопытного была повреждена бедренная артерия. Из входного отверстия брызнула струя алои крови. Однако вскоре кровотечение прекратилось. Потеря крови составляла максимум $\frac{3}{4}$ литра и, следовательно, ни в коем случае не была смертельной.

У трех приговоренных реакция была поразительно единообразной. Сначала не проявлялось никаких особенностей. Через 20—25 минут появилось двигательное беспокойство и легкое слюнотечение. И то и другое затем прекратилось. Через 40—44 минуты началось сильное слюнотечение; появилась потребность в частых глотательных движениях; затем слюнотечение стало столь сильным, что слюна начала вытекать изо рта. Затем наступили удущье и рвота.

У двух лиц по истечении 58 минут пульс больше не прощупывался. У третьего пульс был 75. Через 65 минут кровяное давление было 90/60, тоны сердца глухие.

В течение первого часа опыта изменений со стороны зрачка не наблюдалось. По истечении 78 минут у всех трех подопытных зрачки несколько расширились и появилась замедленная реакция на свет. Одновременно участилось дыхание, вдох стал глубоким и затяжным. Через несколько минут дыхание успокоилось. Зрачки снова сузились и стали живее реагировать на свет. По истечении 65 минут у всех трех подопытных отсутствовали коленные и ахилловы рефлексы. У двух отсутствовали также брюшные рефлексы. У третьего верхние брюшные рефлексы еще сохранились, но нижние уже не выявлялись.

По истечении приблизительно 90 минут у одного из подопытных началось глубокое дыхание, сопровождающееся усиливающимся двигательным беспокойством. Затем дыхание перешло в поверхностное и учащенное. Одновременно появилась сильная тошнота. Один отравленный тщетно пытался вырвать. Чтобы добиться этого, он засунул четыре пальца глубоко в рот. Несмотря на это, рвота не появилась. Лицо при этом покраснело.

У двух других подопытных отмечалась бледность. Прочие явления были те же самые. Двигательное беспокойство позже возросло так сильно, что подопытные вскакивали, снова падали, вращали глазами, делали бессмысленные движения руками. Наконец беспокойство утихло, зрачки расширились максимально, обреченные лежали тихо. У одного из них наблюдался спазм жевательных мышц и непроизвольное отхождение мочи. Смерть наступила соответственно через 121, 123 и 129 минут после ранения.

Заключение. Ранение пулей, наполненной приблизительно 38 миллиграммами кристаллического аконитиннитрата, несмотря на свою незначительность, по истечении примерно 2 часов приводит к смертельному исходу. Отравление наступает через 20—25 минут после ранения. Первые признаки отравления — слюнотечение, изменения со стороны зрачков, исчезновение коленных и ахилловых рефлексов, двигательное беспокойство и сильная тошнота.

Начальник отдела
оберфюрер СС Мруговский¹.

В Саксенхаузене, Натцвейлере и других концентрационных лагерях проводились эксперименты с применением иприта — также на людях. Целью этих экспериментов было нахождение наиболее эффективного метода лечения заболеваний, вызванных действием этого боевого отравляющего ве-

¹ PN-1, s. 147—149 (приговор).

Доцент (!) Мруговский пытался на суде защититься тем, что его жертвы были приговорены к смерти и он, Мруговский, был назначен для проведения экзекуции. Американский суд отверг его увертки и заклеймил это преступление, как «подлое дело» (*«sordid affair»*; см. PN-1, f. XLI, s. 11462), а пытки, которым были подвергнуты жертвы, как «ужасающие» (*«dastardly torture»*; *ibid.*, s. 11464). Кроме того, суд подтвердил, что несчастные жертвы палача — советские военнопленные — имели право на применение к ним законов, действующих во всех цивилизованных государствах. «Если принципы ведения войн в некоторых специфических случаях и признают допустимость казни путем расстрела, то они ни в коем случае не разрешают причинять смерть путем калечения или пыток» (*ibid.*).

щества. Узникам наносили огнестрельные раны, а затем эти раны заражали инфекцией, причиняя неимоверные страдания зараженным и вызывая расширение раны; во многих случаях наступала мучительная смерть¹.

В обоих этих лагерях «экспериментировал» в 1943—1945 годах и «известный» д-р Гравиц. Он проводил опыты с инфекционной желтухой с целью установить причины этой болезни и найти методы защиты от нее, вызвав тем самым смерть многих здоровых узников, зараженных им желтухой².

Профессор Страсбургского университета д-р Хааген по заданию санитарной инспекции BBC и штаба сухопутных войск проводил в концлагере Натцвейлер преступные эксперименты с прививками против тифа³.

В 1941 году военный врач д-р Хорнек из Института антропологии в Кенигсберге провел во Франции ряд серологических опытов на военнопленных-неграх, однако работа эта не была закончена. В 1942 году в Саксенхаузене профессор Фишер⁴ продолжил эти «расовосерологические» исследования на цыганах и евреях⁵.

В женском концентрационном лагере Равенсбрюк проводимые гитлеровскими «учеными» эксперименты были самыми разнородными и охватывали широкий круг «проблем».

Так, гитлеровцы под наркозом наносили узницам глубокие раны и инфицировали эти раны бактериями столбняка, стрептококками и т. п. Чтобы усилить инфекцию, гитлеровцы сыпали в раны древесные опилки и толченое стекло. Затем «врачи» приступали к лечению при помощи сульфаниламидов и иных медикаментов⁶. На операционных столах «врачи» ломали молотком кости здоровым узницам, вырезали целые группы мышц, костей или нервов, а затем производили пересадку кусочков кости с целью изучения процессов регенерации. Некоторым женщинам, уже ставшим психически не-нормальными в условиях концлагеря, делались ампутации рук и ног; их убивали немедленно после этого, тут же, на операционном столе, при помощи смертельной инъекции. В результате этих и других подобных «экспериментов» значительное число жертв, прежде всего полек, умерли в страшных мучениях. Часть этих «подопытных» была расстреляна,

¹ PN-I, t. XLI, s. 11 367, 11 452.

² Ibid., s. 11 368, и фотокопия AGK-45 (1x).

³ «Trial», v. XX, p. 545.

⁴ Профессор Фишер был руководителем серологического отделения Института инфекционных заболеваний им. Роберта Коха.

⁵ См. фотокопию 327—328—448 (PS) 15 AGK.

⁶ PN-I, t. XLI, s. 11 367.

но незначительное число жертв уцелело, и они смогли рассказать о преступлении¹.

Наряду с этими «опытами» в Равенсбрюке, Освенциме и других концлагерях проводились массовые эксперименты по стерилизации путем облучения рентгеновскими лучами, путем хирургического вмешательства, а также при помощи различных медикаментов. Цель этих экспериментов заключалась в отыскании наиболее дешевого и эффективного способа стерилизации, который можно было бы применить к миллионам «недочеловеков» в оккупированных странах. Проблема изыскания такого способа занимала умы многих «ученых» германского рейха².

Метод хирургической стерилизации (кастрация) был известен давно, но он не входил в расчеты гитлеровцев при задуманном ими в самых широких масштабах «мероприятии по стерилизации»: кастрация была делом слишком медленным и... слишком дорогим! Гитлеровский врач, некий д-р Покорный, в 1941 году обратил внимание Гиммлера на исследования д-ра Мадауса, проводимые последним над американским растением *Caladium seguinitum*, сок которого испытывался на животных и, вводимый вместе с пищей или путем инъекций, вызывал стойкую бесплодность. Этот изобретательный эскулап предложил использовать данное средство для массовой стерилизации советских военнопленных. Покорный писал:

«Уже сама мысль, что сотни тысяч большевиков, находящихся в немецком плена, окажутся стерилизованными и станут, таким образом, рабочей силой, неспособной к размножению, открывает очень широкие перспективы»³.

Проект Покорного нашел благожелательную поддержку у Гиммлера и в НСДАП. Гаулайтер Вены д-р Юри предложил использовать для «исследовательских» целей цыган, заключенных в лагере Лакенбах⁴. Обсуждались также возможности систематического производства сока *Caladium seguinitum*.

¹ См. показания врача-преступника Эриста Фишера (Affid. «G», «Nazi Conspiracy», v. VIII, p. 635—642), а также: «Operacje doświadczalne w obozie koncentracyjnym Ravensbrück», «Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce», t. II, s. 123—175; PN-1, t. XLI, s. 11 368 (приговор).

² Такими «экспериментами» занимались, в частности, врачи Мруговский, Попленчик, Покорный, Герта Оберхойзер, Шуман, Клауберг и другие. PN-1, t. XII, s. 11 369.

³ Письмо Покорного Гиммлеру, написанное в октябре 1941 года, PN-1, NO-035, dok. prok., t. VI, s. 4. Покорный весьма «осмотрителен»; он предлагает сначала испытать это средство на преступниках.

⁴ PN-1, NO-039, dok. prok., t. VI, s. 17.

Однако в конце концов от этого дела отказались. Трудности доставки растения из Америки, да еще во время войны, а равно и выращивания его в теплицах повлекли за собой поворот «изысканий» в области стерилизации совсем в ином направлении.

Почти тысяча советских военнопленных — заключенных лагеря Маутхаузен была подвергнута массовым «диететическим опытам»: для них на лагерной кухне готовили специальные «блюда». В результате этих экспериментов многие из них заболели тяжелой формой дизентерии, что в огромном большинстве случаев закончилось смертельным исходом. После освобождения лагеря Советской Армией в живых оказалось только пять человек! Таков был результат «исследований» в области «диететики»¹.

О «диететических опытах» на узниках концлагеря Маутхаузен вспоминает также и бывший узник этого лагеря французский писатель Жан Лаффит².

Но к особенно омерзительным и гнусным преступлениям гитлеровцев, безусловно, относятся «исследования», производившиеся профессором созданного во время войны немецкого университета в Страсбурге д-ром Хиртом. Зиверс из Института по изучению наследственности и Рудольф Брандт из Управления кадров СС помогли Хирту собрать коллекцию из 150 скелетов для анатомического музея в Страсбурге. Это были жертвы очередной экзекуции³. Среди них было 109 евреев обоего пола, 2 поляка и 4 монгола. Жертвы были отправлены в концлагерь Натцвейлер; после их умерщвления Хиртом и его сообщниками скелеты были отосланы в Страсбург. В 1944 году ввиду приближения к Страсбургу войск союзников «коллекцию» уничтожили, чтобы замести следы преступления⁴.

Кроме скелетов, Хирт и его покровители интересовались также черепами «евреев-комиссаров», которые будто бы представляли особый интерес для антропологических исследований. Хирт даже «разработал» метод антропологического измерения жертвы перед ликвидацией ее, «технику» умерщвления, декапитации (обезглавления), а также консервации головы.

¹ Письменные показания Вольфганга Заннера, бывшего эсэсовца и бывшего узника лагеря Маутхаузен; PN-1, NO-3104, dok. prok., t. XVII, s. 251.

² J. Laffite, *Zycie to walka*, Warszawa, 1949, s. 144.

³ PN-1, t. XLI, s. 11370. Перед смертью жертв фотографировали и производили антропологические измерения. После умерщвления проводилось анатомическое и гистологическое исследование трупа, расовое изучение, осмотр мозга и т. д. По окончании исследования трупы пересыпались в Страсбург.

⁴ «Trial», v. XX, p. 522, 562.

с целью дальнейших исследований¹. В соответствии с планом Хирта жертвы из числа военнопленных комиссаров должен был поставлять вермахт.

В феврале 1942 года Зиверс передал д-ру Бранду предложение заболевшего тогда профессора Хирта по вопросу о «поставке черепов еврейско-большевистских комиссаров для научных исследований в Страсбургском университете».

«Дело о черепах профессора Хирта» даже среди самых омерзительных преступлений гитлеровских «экспериментаторов» занимает особое место. Вот текст предложения Хирта:

«Содержание: Коллекционирование черепов еврейско-большевистских комиссаров с целью научного исследования в имперском университете в Страсбурге.

Мы имеем почти полную коллекцию черепов всех рас и народов. Что касается еврейской расы, то мы имеем лишь очень немного экспонатов черепов, вследствие чего невозможно прийти к каким-либо определенным выводам в результате их исследования. Война на Востоке теперь дает нам возможность восполнить этот пробел.

Лучшим практическим методом для получения и отбора этой коллекции черепов явится распоряжение вооруженным силам немедленно передавать живыми² полевой полиции всех захваченных еврейско-большевистских комиссаров. В свою очередь полевая полиция должна получить соответствующие директивы регулярно сообщать определенному учреждению относительно количества и места заключения захваченных евреев и тщательно за ними следить до прибытия специального уполномоченного, которому будет поручен сбор материала. Он должен предварительно заснять их на пленку, провести антропологические измерения и, насколько это возможно, установить происхождение, дату рождения заключенного и другие личные данные о нем.

Вслед за тем как эти евреи будут умерщвлены, — причем надо следить за тем, чтобы голова не была повреждена, — уполномоченный отделит голову от тела и пошлет ее в герметически закрытом жестяном ящике, специально сделанном для этой цели и наполненном консервирующей жидкостью, в назначенный для этого пункт. По прибытии в лабораторию можно приступить к фотографированию, сравнениям и анатомическим исследованиям черепа, а также к исследованиям по установлению принадлежности к расе, относительно

¹ «Trial», v. XX, p. 517—522.

² Этот пункт невольно создает впечатление, что Хирту было известно «Распоряжение об обращении с политическими комиссарами» и он знал о том, какая их ожидала судьба.

патологических явлений, формы черепа, формы и объема мозга и т. д. Основой для этого изучения послужат фотографии, измерения и другие данные о голове и, наконец, исследование самого черепа. Самым подходящим местом для хранения и исследования полученных таким образом коллекций черепов является новый имперский университет в Страсбурге в силу своего призвания и стоящих перед ним задач»¹.

Таким образом, целью «исследований» профессора Хирта было проведение антропологических измерений скелетов и черепов, поиски возможных «расовых особенностей» и т. п.

Человеческими черепами, но с несколько иными целями, интересовался и другой немецкий профессор.

Директор больницы в Хоэнлихене, группенфюрер СС профессор Гебхардт, провел ряд трепанаций черепа у советских военнопленных. Позднее через определенные промежутки времени эти военнопленные были убиты с целью наблюдения за патологическими изменениями в черепной коробке, вызванными ранее произведенными операциями².

В то время как Хирт и Гебхардт убивали военнопленных ради получения черепов и скелетов, в институте им. кайзера Вильгельма в Берлине то же самое проделывалось с целью проведения «опытов» над мозгом человека. В филиале этого института в Дилленбурге (Гессен-Нассау), находившегося под руководством д-ра Халлевордена, умерщвляли находящихся на излечении пациентов, затем извлекали из черепа мозг и подвергали его исследованию. (Речь шла о «научном» определении влияния, которое оказывали на мозг летчика различные несчастные случаи). Отбор жертв производился врачами, но очень часто ввиду их «загруженности работой» такой отбор производил также и вспомогательный персонал³.

В июле 1943 года ОКВ созвало совещание по вопросу о бактериологическом оружии. Речь шла об использовании болезнестворных бактерий для поражения живой силы противника. Мероприятие это было продиктовано Гитлером ввиду катастрофического положения на фронтах. На этом совещании была создана группа по вопросам бактериологической войны, в состав которой вошли профессор Шуман (из научного отдела Управления военной экономики и военной промышленности); министерский советник Штантин (из того же

¹ «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 474—475.

² Показания генерал-майора медицинской службы вермахта Вальтера Шрайбера на Нюрнбергском процессе; «Нюрнбергский процесс», т. VI, М., 1960, стр. 297.

³ «Der Prozeß», RF-1427, Bd VII, S. 111—114.

управления); профессор ветеринарии генерал Рихтер (ветеринарная инспекция ОКВ); профессор Кливе (из санитарной инспекции ОКВ), а также представители BBC, Управления военной экономики и военной промышленности и других учреждений. Было решено создать институт, который выращивал бы бактерии (в частности, чумы) в массовых масштабах и проводил эксперименты с целью исследовать возможность их применения. Во главе института встал заместитель председателя Союза германских врачей, д-р Бломе, а местом расположения института была избрана Познань. Действие бактерий было испытано на советских военнопленных. В 1945 году д-р Бломе в связи с наступлением Советской Армии был вынужден эвакуироваться со своим «институтом» из Познани в Саксенбург. Поскольку «эксперименты» не были закончены, а война уже велась на территории Германии и, таким образом, применение бактерий чумы могло бы причинить ущерб здоровью немецкого населения и армии, эти безумные планы гитлеровцам осуществить не удалось¹.

Использование советских военнопленных в качестве «подопытных кроликов» при проведении преступных экспериментов вообще, особенно в ходе бактериологических экспериментов, было отмечено и осуждено в приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Трибунал отметил, что хотя мероприятия по применению бактериологического оружия не были осуществлены, что было связано с ухудшением военного положения гитлеровской Германии, тем не менее велась кампания подготовки бактериологической войны в самых широких масштабах с целью уничтожения живой силы и посевов².

Гитлеровские «ученые», проводившие опыты на живых людях, не скрывали своих исследований. На многочисленных конференциях врачей они делились результатами своих исследований.

На конференции, состоявшейся 30 ноября — 4 декабря 1942 года в Военно-медицинской академии в Берлине, профессор д-р Хольцленер сделал доклад о ходе и результатах опытов по переохлаждению людей, проведенных в Дахау. Главный врач вермахта профессор Хандлозер охарактеризовал эти эксперименты как одну из самых важных проблем, интересующих армию³.

В 1943 году оберштурмбанфюрер СС д-р Динг прочитал 30 врачам Военно-медицинской академии в Берлине доклад

¹ Показания В. Шрайбера; «Нюрнбергский процесс», т. VI, стр. 295—296.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 378.

³ PN-1, sten., s. 11400; «Trial», v. XXI, p. 553—554.

о результатах своих медицинских экспериментов на узниках Бухенвальда, которых он искусственно заражал сыпным тифом.

На IV конференции врачей вермахта (18—19 мая 1943 года), которая состоялась в упомянутой академии, профессор Гебхардт и д-р Фишер без обиняков говорили об экспериментах в Равенсбрюке. Эта конференция, носившая характер медицинского конгресса, была созвана профессором Хандлозером. Наряду с многочисленными военными врачами в ней приняли участие и гражданские врачи.

Один из докладчиков, д-р Фишер, заявил: «В своем докладе я без обиняков говорил о проведенных операциях, ссыпался на таблицы и показывал, какими инструментами и оборудованием я пользовался, сообщил о количестве прописываемых сульфамидов и о состоянии пациентов»¹.

Профессор Гебхардт говорил о принципах, на которых основывались эти эксперименты, о способе их проведения и результатах. Свой доклад профессор Гебхардт начал словами: «Я несу всю полноту ответственности как человек и врач, а также политическую ответственность за эти эксперименты»².

После докладов началась дискуссия. Но ни одного голоса не раздалось против этих злодяйний, не было и никакой критики. Подытоживая результаты конференции, Фишер заключает:

«Я убежден, что все присутствующие поступили бы так, как поступал я»³.

Из всего сказанного выше ясно, что с согласия и по инициативе высших военных властей третьего рейха были совершены отвратительные и гнусные «медицинские» преступления в отношении беззащитных узников концентрационных лагерей, как гражданских, так и военнопленных. Жертвами преступных экспериментов были люди всех национальностей, кроме немцев. Однако немецкая медицина несет ответственность и за преступления, совершенные в отношении немцев в области, близкой к описанным выше «экспериментам». Дело в том, что во время войны гитлеровцы проводили так называемую «программу эвтаназии», в ходе выполнения которой систематически тайно истребляли стариков, неизлечимо больных, калек и т. д. Это «мероприятие» осуществлялось путем умерщвления газом, смертельных впрыскиваний и т. д. в больницах, приютах для престарелых и детских учреждениях. Их убивали, как «лишние рты». Жертвами «программы эвта-

¹ Показания Фишера об экспериментах на живых людях в лагере Равенсбрюк; «Nazi Conspiracy», v. VIII, p. 640—642.

² Ibid.

³ Ibid.

назин» пали десятки тысяч больных немцев и не только немцев¹.

Тяжелая ответственность за все эти преступления ложится также и на все власти, на всю систему германского фашизма и активных исполнителей этих преступлений — профессоров, доцентов и врачей, злоупотребление которых своей благородной профессией является позорнейшим пятном в истории немецкой медицины².

¹ В 1939—1941 годах было умерщвлено около 50—60 тысяч немцев. Показания Бракка; PN-4, NO-426 (Pohl), dok., t. X, s. 4.

² Незначительное число этих преступников после войны было арестовано и осуждено американским судом на Нюрнбергском процессе врачей в 1947 году. К смертной казни были приговорены Карл Бранд, Вальдемар Ховен, Карл Гебхардт, Иоахим Мруговский, а также организаторы этого преступления — Зиверс, Бракк и Рудольф Брандт.

**Преступления
в отношении больных и раненых
военнопленных и инвалидов войны**

27 июля 1929 года в Женеве была подписана Конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях, именуемая также Конвенцией Красного Креста. Государства, подписавшие эту конвенцию, руководствовались стремлением ограничить, насколько это от них зависит, бедствия, неотделимые от войны. Казалось бы, что в 1929 году в эту конвенцию, которая улучшала и дополняла ранее заключенные конвенции 1864 и 1906 годов, уже не нужно было вносить специальные пункты, запрещающие, в частности, добивать раненых, истреблять и сжигать заживо тяжелораненых, расстреливать инвалидов войны и медицинский персонал, насиливать медсестер и санитарок и т. д. и т. п.

Казалось бы, что подобное варварство давно уже относится к безвозвратно ушедшему прошлому и что лежащая нацилизованных государствах обязанность облегчения участия тех солдат, на долю которых на войне выпали не только плен, но и ранение,увечье или тяжелое заболевание, будет выполнена в соответствии с конвенцией.

Каковы же были эти основные положения Конвенции Красного Креста?

«Статья 1. Военнослужащие и другие официально состоящие при армии лица в случае их поранения или болезни должны пользоваться покровительством и защитой при всех обстоятельствах; они будут пользоваться человеколюбивым обращением и уходом, без различия национальности, со стороны воюющего, во власти которого они окажутся...

Статья 2. Пользуясь необходимым уходом, согласно предыдущей статье, раненые и больные одной армии, попавшие во власть другого воюющего, будут считаться военнопленными и к ним будут применяться общие правила международного права, касающиеся пленных».

Каждый германский солдат во время второй мировой войны имел, как мы упоминали выше, в своей солдатской книжке особую вкладку, содержащую «10 заповедей немецкого солдата». В этих «заповедях» говорилось о том, как ему надлежит вести себя во время войны, каким должно быть его отношение к мирному населению, как ему следует обращаться с пленными и т. д. «Заповеди» являлись более или менее правильным истолкованием общепризнанных норм международного права.

Вот, например, шестая «заповедь»:

«Красный Крест неприкосновенен. С раненым противником следует обращаться гуманно. Санитарному персоналу и армейским капелланам не следует чинить препятствий в выполнении ими медицинских или религиозных функций»¹.

Старшина германского офицерского корпуса в период второй мировой войны фельдмаршал Рундштедт утверждал на Нюрнбергском процессе, что германское командование всегда считало, что положения Женевской конвенции 1929 года и Гаагской конвенции 1907 года являются для него обязательными и что оно всегда требовало от всей армии точного соблюдения этих положений. Рундштедт добавил, что раненый или захваченный в плен противник больше не считался врагом и имел право на подобающее обращение².

На роль добросовестного исполнителя положений конвенций претендовали даже войска СС! Из кругов этого формирования СС распространялись слухи о том, что якобы был расстрелян какой-то солдат войск СС за то, что в 1940 году он застрелил одного голландского лейтенанта, который попал в плен раненым. Командир части, в которой состоял расстрелянный эсэсовец, будто бы поучал тогда своих подчиненных: «Кто стреляет в раненого — тот недостоин жить!»³ Разумеется, вывод этот правилен, и он не зависит от правдоподобности или неправдоподобности данного сообщения. Германия присоединилась к Конвенции Красного Креста. Присоединились к ней также и все государства, находившиеся в состоянии войны с Германией в период второй мировой войны. Таким

¹ «10 Gebote für die Kriegsführung des deutschen Soldaten» — представлены на Нюрнбергском процессе свидетелем фельдмаршалом Мильхом; «Der Prozeß», Bd IX, S. 100—101.

² «Trial», v. XXI, p. 31.

³ Affid. SS-70, «Trial», v. XLII, p. 600.

Следует заметить, что этот документ защиты был составлен советником земельного суда д-ром Кампа и судьей суда СС д-ром Францем на основе краткого изложения 2836 данных под присягой показаний (аффидевит) членов войск СС, интернированных вскоре после войны в одном из лагерей для военных преступников.

образом, имелись все основания к тому, чтобы эта конвенция повсеместно уважалась и соблюдалась.

Действительность 1939—1945 годов, однако, была совершенно иной.

Если в отношении больных и раненых военнопленных и инвалидов войны, не являющихся советскими гражданами, нарушения Конвенции Красного Креста не были типичным явлением, то в отношении этих же категорий советских военнопленных, а равно и варшавских повстанцев, не говоря уже о членах вооруженных групп движения Сопротивления всей оккупированной Европы, эта конвенция попиралась самым грубым образом. Позиция гитлеровцев в этих вопросах, обусловленная не военной необходимостью или хотя бы военной целесообразностью, а исключительно расовой и идеологической ненавистью, глубоким презрением ко всякому праву, в результате повлекла за собой отвратительные преступления.

Как известно, в хорошо вымуштрованной германской армии ничто не происходило стихийно, неорганизованно. Все преступления были «обоснованы» точным приказом или по крайней мере снисходительным молчаливым поощрением.

Два немецких солдата, попавших в советский плен в январе 1942 года, рассказали о тех приказах, которые они получили накануне агрессии Германии против Советского Союза. Гарри Марек, солдат штабной роты 18-й танковой дивизии (командир — генерал Неринг), сообщил, что 21 июня, за день до нападения на СССР, офицер ознакомил солдат с приказом, касающимся советских военных комиссаров, а кроме того, солдаты получили ясные указания, что они не должны заниматься ранеными пленными: их просто надо приканчивать на месте.

Второй немецкий солдат, Ганс Древс из 4-й роты 6-го танкового полка сообщил:

«На инструктивном совещании 20 июня, за два дня до выступления против Советского Союза, нам заявили, что в предстоящем походе раненым красноармейцам перевязок делать не следует, ибо немецкой армии некогда возиться с ранеными»¹.

Особым зверством отличались приказы, отданные немецким воинским частям, «союзным» с ними наемникам и предателям-власовцам² во время подавления Варшавского восстания 1944 года (особенно в первый его период). Об этих

¹ «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 46.

² В настоящей работе термин «власовцы» используется в качестве условного понятия; оно не обязательно означает части изменника Власова, но вообще все части предателей, состоявших на службе у гитлеровцев на Востоке.

приказах, свидетельствующих также и об отношении к раненым, открыто говорили жителям Варшавы сами убийцы.

«Легкораненых убивали прямо на улице, если они шатались и не могли идти нормально. Немецкие солдаты имели ясный приказ: эвакуировать легкораненых и добивать тяжелораненых»¹.

И солдаты, иunter-офицеры заявляли, что они имеют строгий приказ не оказывать никакой помощи раненым, и утверждали, что все они «бандиты» [то есть партизаны. — Ред.]².

В результате таких приказов советские военнопленные и варшавские повстанцы, а также раненые участники движения Сопротивления во многих случаях были добиты или замучены на поле боя. Отмечены случаи сожжения заживо больных и раненых в госпиталях и полевых лазаретах, зачастую вместе с персоналом госпиталя: врачами, медсестрами и санитарками. По образцу «лазаретов» в концлагерях были созданы «амбулатории» и «лазареты» в лагерях для советских военнопленных, где отсутствовали даже самые элементарные условия для лечения, и поэтому они превратились в места массового вымирания больных и раненых. Во многих случаях производились зверские «отборы» и убийства неизлечимо больных и инвалидов, которые не внушили гитлеровцам надежды на то, что своей работой они смогут принести какую-то пользу военной экономике третьего рейха. Неоднократно в массовом истреблении раненых и больных принимали участие немецкие врачи. Они не оказывали никакой медицинской помощи военнопленным даже в тяжелых случаях. Наоборот, они одобряли убийственные условия существования больных и раненых пленных.

Тот факт, что гитлеровцы или их фашистские союзники добивали раненых прямо на поле боя, не был редким явлением. Здесь можно различить несколько определенных ситуаций, в каких совершались эти преступления.

После победы в бою гитлеровцы являются хозяевами на поле сражения. Противник убит, попал в плен или отступил: победителю ничто не угрожает. Каковы обязанности победителя в отношении раненого противника? Они регулируются абзацем 1 статьи 3 Конвенции Красного Креста:

«После каждого боя сторона, занимающая поле сражения, примет меры к разысканию раненых и умерших и к ограждению их от ограбления и дурного обращения».

¹ Согласно показаниям Аполонии Чельной, «Documenta Occupationis Teutonicae», t. II, s. 161.

² Показания Ирины Згрыховой, *ibid.*, s. 173.

А вот другая ситуация. Перед передним краем лежат раненые солдаты. Предположим, что они, даже будучи ранеными, могут представлять опасность. Что следует предпринять в этом случае? Ответ на это дает абзац 2 статьи 3 конвенции:

«Каждый раз, как это позволят обстоятельства, будет заключаться соглашение о местном перемирии или о прекращении огня, чтобы позволить подобрать раненых, оставшихся между линиями».

Итак, нужно позаботиться о судьбе раненого, удалить его из опасной зоны или, во всяком случае, оказать ему помощь. Если же по каким-либо причинам перемирие либо прекращение огня не может быть осуществлено, то думается, что единственным человеческим выходом тут может быть перенесение раненого противника в свои боевые порядки и оказание ему помощи.

Как обстоит дело в случае захвата пленного в непосредственной близости к противнику, например во время рейда по его тылам и внезапного отступления, когда обстановка угрожает безопасности рейдовой группы? Позволительно ли в этой ситуации убить раненого (или даже не раненого) пленного только потому, что он представляет собой опасный и обременительный «балласт»? Своими действиями гитлеровцы убедительно ответили на этот вопрос, а генерал Рейнгардт даже пытался подвести под это соответствующую «теорию». Такая преступная практика гитлеровцев, естественно, не имеет ничего общего с ремеслом солдата. В обстановке, когда пленному угрожает такая же опасность, как и тем, во власти которых он находится, он должен быть доведен до боевых порядков войск захватившего его отряда. Если же он ранен и затрудняет пленившим его отход из района действий, то следовало бы после перевязки оставить его на месте. Здорового пленного, который мог бы криком или попыткой к бегству подвергнуть опасности захвативших его, можно обезвредить каким-либо иным способом, не лишая его жизни. Убийство безоружного и беззащитного пленного даже в описанных трудных условиях не перестает быть преступлением.

Чтобы показать практику гитлеровцев, приведем несколько примеров убийства раненых на поле боя.

В июле 1941 года у железнодорожной станции Шумилино в руки гитлеровцев попала группа тяжелораненых советских солдат. Все они были тут же убиты¹.

¹ Нота Наркоминдела СССР от 25 ноября 1941 года; «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 185.

В августе 1941 года одна гитлеровская воинская часть захватила вблизи населенного пункта Муру (Эстонская ССР) 100 советских солдат. Действовавший совместно с гитлеровцами отряд «эстонской самообороны», состоящий из предателей эстонского народа, убил на месте 35 раненых пленных¹.

Журнал боевых действий X корпуса (16-я армия, группа армий «Север») содержит обширный, написанный в «лирическом» духе отчет о боевых действиях обер-лейтенанта Эверсберга за время со 2 июля по 27 декабря 1942 года. Этот «opus» носит название «Поведение настоящего солдата» и воспевает «подвиг» некоего обер-ефрейтора Цильмера: «После отражения сильной атаки русских перед немецкими позициями осталось несколько советских солдат. Боевой опыт научил нас не доверять даже раненым русским. Поэтому Цильмер подполз к раненым и добил их выстрелами»². Это «настоящее солдатское поведение» обер-ефрейтора Цильмера было оценено командованием и вознаграждено: через два дня он получает «неожиданное радостное известие» — ему дают отпуск домой³.

В декабре 1942 года в предполье района обороны 1-го батальона 699-го пехотного полка имели место два следующих случая:

15 декабря произошла стычка немецкого патруля из указанной части с советским патрулем, в результате чего в руки фашистов попал раненый советский солдат. В немецком донесении говорится: «...раненый русский защищался, попал в плен, но потом его пришлось застрелить, поскольку, находясь на виду у противника и в зоне действия его станковых пулеметов, мы не могли его транспортировать»⁴.

19 декабря боевое охранение того же батальона совершило рейд в глубину советских позиций и захватило в плен двух раненых советских солдат. На обратном пути оно попало под огонь советских минометов и понесло потери: двое

¹ Журнал боевых действий 18-й армии (группа армий «Север»), запись за 25/VIII 1941; PN-12, NOKW-1317, dok. prok., t. IX, s. 203.

² Ibid., NOKW-2897, dok. prok., t. XVIII, s. 5, sten., s. 1582.

³ Ibid. Отпуска и денежные награды за убийство человека — широко распространенный и применяющийся в гитлеровских концлагерях обычай. Им пользовались не только эсэсовцы из дивизии «Мертвая голова»; этот обычай применялся и в лагерях для военнопленных, когда охранника награждали за убийство пленного при мнимой или действительной попытке к бегству.

⁴ Журнал боевых действий № 7 342-й пехотной дивизии (XLVI танковый корпус, 3-я танковая армия); PN-12, NOKW-2281, dok. prok., t. XIV, s. 163.

убитых и двое раненых. Донесение лаконично заключает: «Пришлось пристрелить обоих советских раненых»¹.

Генерал-полковник Рейнгардт, тогдашний командующий 3-й танковой армией, в состав которой входила указанная воинская часть, оправдывая преступление, совершенное его солдатами в отношении трех советских пленных, ссылался на «военную необходимость». На процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других он заявил, что совершающие рейд в советский тыл военные патрули оказались перед «военной необходимостью» — пленные могли криком выдать присутствие врага, вследствие чего отступавший патруль вынужден был «избавиться» от пленных².

1 августа 1944 года, в первый день Варшавского восстания, на углу аллеи Шуха и Кошковой улицы была разбита рота повстанцев под командованием поручика Космы. Оставшиеся на поле боя раненые повстанцы были добиты гитлеровцами³. В тот же день во время неудачной атаки на аэродром Океньце погибло около 120 повстанцев, среди них много раненых, которых гитлеровцы добивали на месте⁴.

22 августа, во время штурма телефонной станции на Пенькой улице, 19, был тяжело ранен и попал в плен подпоручик Стоевич. После пыток и избиения пленного добили: труп его повстанцы нашли на следующий день после захвата станции⁵.

УБИЙСТВО ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОСПИТАЛЯХ, ЛАЗАРЕТАХ И НА ПЕРЕВЯЗОЧНЫХ ПУНКТАХ

Статья 6 Конвенции Красного Креста гласит:

«Подвижные санитарные формирования, то есть такие, которые предназначены сопровождать армию в поход, а также постоянные санитарные учреждения будут пользоваться покровительством и охраной воюющих».

История второй мировой войны знает много случаев, когда находившиеся на излечении в госпитале или полевом лазарете воины попадали в руки гитлеровцев. Как же вели себя захватчики в таких случаях?

Для советского солдата, который не мог передвигаться без посторонней помощи, или варшавского повстанца, или участника движения Сопротивления, захваченного в плен в parti-

¹ Журнал боевых действий № 7 342-й пехотной дивизии (XLVI танковый корпус, 3-я танковая армия); *ibid.*, s. 164.

² PN-12, sten., s. 3576—3578.

³ А. Borkiewicz, op. cit., s. 65.

⁴ *Ibid.*, s. 78.

⁵ *Ibid.*, s. 376.

занском госпитале какой-либо из оккупированных стран Европы, особенно в 1941—1942 годах, попасть в руки гитлеровцев было равносильно смертному приговору. Известны случаи, когда гитлеровцы забрасывали госпитальные помещения гранатами и стреляли по лежащим на койках или топчанах больным и раненым. Как правило, такое побоище заканчивалось тем, что фашисты обливали здание бензином, и тогда те, которых палачи не успели добить, гибли в огне. Но были и другие изощренные способы массового убийства больных и раненых.

В ряде случаев части вермахта непосредственно не совершали этих действий. Но поскольку большинство подобных преступлений имело место в оперативных районах или на территориях, находящихся под контролем военных властей, ответственность за все эти действия несет командование вермахта. Нам не известен ни один случай отдачи под суд и вынесения приговора виновникам истребления больных и раненых в госпиталях. Да это и не могло иметь места, если учесть, что подобные преступления часто совершались по приказам непосредственных командиров, на основании директив сверху. Вот несколько примеров.

29 июня 1941 года близ города Дубно гитлеровцы расстреляли группу раненых советских военнопленных, после чего еще подающих признаки жизни закололи штыками. Рядом стояли гитлеровские офицеры и смеялись¹.

В июле 1941 года около Борисова (Белорусская ССР) гитлеровцы захватили в плен 70 тяжелораненых советских солдат и всех их отравили мышьяком².

В августе 1941 года под местечком Заболотье были захвачены в плен 17 тяжелораненых советских солдат. В течение трех дней пленным не давали никакой пищи. Затем всех их привязали к телеграфным столбам, в результате чего трое пленных умерли, остальных успели спасти от верной смерти подоспевшие танкисты старшего лейтенанта Рыбина³.

В д. Лагутино фашисты привязали раненого советского бойца к двум танкам и разорвали его на части⁴.

В с. Воронки гитлеровцы разместили 40 раненых советских пленных вместе с медицинским персоналом в помещении бывшей больницы. У медицинского персонала отобрали все перевязочные материалы, медикаменты и продовольствие.

¹ Показания немецкого военнопленного Вольфганга Шарте; см. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 46.

² Нота Наркоминдела СССР от 25 ноября 1941 года; «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 185.

³ Там же.

⁴ Там же.

Медсестер изнасиловали и расстреляли, а возле раненых поставили охрану, которая в течение четырех дней никого к ним не подпускала. Часть раненых умерли, а остальных бросили в реку. Местному населению запретили хоронить трупы¹.

В Малой Рудне (Смоленская область) гитлеровцы захватили советский полевой госпиталь и расстреляли всех раненых, а также санитаров и санитарок. В числе других погибли рядовые Шаламов и Азимов, лейтенант Диляев, 17-летняя санитарка Варя Бойко и другие².

В д. Кулешовка гитлеровцы взяли в плен 16 тяжелораненых советских бойцов и командиров, раздели их, сорвали с их ран повязки, кололи штыками, ломали руки и раздирали раны. Тех, кто не умер во время этих мучений, заперли в избе и сожгли³.

В д. Стремено (Калининская область) фашисты заперли в здании школы 50 раненых плленных и сожгли их⁴.

Во время боев под Севастополем, в Инкермане, в штолнях завода шампанских вин находился военный госпиталь и медсанбат № 47. Часть раненых, которых медсанбат не успел эвакуировать, попала в руки фашистов. Гитлеровцы, захватив завод, перепились, а затем подожгли штолнию вместе с ранеными⁵.

4 декабря 1943 года гитлеровцы доставили в Севастополь транспорт раненых военнопленных из керченского десанта. Раненых погрузили на баржу и подожгли ее. В огне погибли тысячи человек. На следующий день второй транспорт раненых загнали на баржу, вывели в открытое море и затопили⁶.

Приведем также несколько фактов, относящихся к Варшавскому восстанию.

В августе 1944 года во время осмотра больных, находившихся в больнице св. Станислава, гитлеровцы обнаружили одного раненого, на котором были зеленые брюки военного покроя, из чего они сделали вывод, что это скрывающийся повстанец. Они вывели его из здания и расстреляли тут же, под окнами больницы⁷.

14 августа по приказу германских оккупационных властей в течение нескольких часов был эвакуирован Мальтийский госпиталь, находившийся на Сенаторской улице. Во время

¹ Нота Наркоминдела СССР от 6 января 1942 года; там же, стр. 210.

² Нота Наркоминдела СССР от 25 ноября 1941 года; там же, стр. 186.

³ Нота Наркоминдела СССР от 27 апреля 1942 года; там же, стр. 264—265.

⁴ Там же, стр. 265.

⁵ См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 38.

⁶ Там же.

⁷ Показания Владислава Вальчака; AGK, 852/z, ipw, № 902, с. 3—4.

эвакуации гитлеровцы застрелили на Банковской площади двух повстанцев, которых санитары несли на носилках¹.

29 августа в руки гитлеровцев попал повстанческий госпиталь, помещавшийся в здании Государственной экспедиции ценных бумаг. Находившиеся там 50 тяжелораненых повстанцев были убиты фашистами².

После вступления гитлеровцев и власовцев в Старувку [район Варшавы. — *Перев.*] были убиты почти все тяжелораненые повстанцы, попавшие в руки фашистов³.

Но наиболее зверская резня раненых пленных произошла в повстанческом госпитале на Длугой улице, 7, в здании бывшего министерства юстиции. 2 сентября 1944 года на территорию госпиталя ворвались эсэсовцы. Группу легкораненых, которым разрешили покинуть госпиталь, погнали по улице Подвале в сторону Замковой площади и по дороге убили нескольких раненых. Когда эта группа покидала госпиталь, эсэсовские офицеры поставили к стенке тяжелораненых и расстреляли их. Затем подвалы, где лежали раненые, забрасывали гранатами, а по лежавшим на дворе и в подворотне стреляли из винтовок и пистолетов. Повстанца (псевдоним «Бобик»), лежавшего на носилках около главных ворот, эсэсовцы облили бензином и сожгли заживо. Большинство тяжелораненых, лежавших в госпитальных палатах, были убиты на месте. В результате этой чудовищной резни погибло около 500 раненых⁴.

2 сентября во время эвакуации 70 раненых из госпиталей Старувки гитлеровцы расстреляли их поблизости от улицы Вонзки Дунай⁵.

2 сентября гитлеровцы уничтожили раненых повстанцев в следующих пунктах: в госпитале «Под Кшивой Лятарней» на улице Подвале, 25, они сожгли заживо около 70 раненых; в госпитале «Под Чарным Лабендзем» на улице Подвале, 46, также сожгли около 30 раненых; в медпункте на улице Килинского, 1/3, эсэсовцы Дирлевангера сожгли заживо около 50 раненых; в подвалах дома № 24 на Медовой улице гитлеровцы забрасывали гранатами 10 тяжелораненых повстанцев⁶.

Страшную резню раненых и здоровых повстанцев гитлеровцы учинили 2 сентября после овладения Садыбой [район Варшавы. — *Перев.*]⁷.

¹ St. Płoski, A. Janowski, *Zbrodnie hitlerowskie w szpitalach i przytułkach warszawskich w sierpniu i wrześniu 1944 r.*, «Biuletyn GKBZH», t. VI, s. 24.

² Ibid., s. 44.

³ A. Borkiewicz, op. cit., s. 302.

⁴ St. Płoski, A. Janowski, op. cit., s. 30, 55—61.

⁵ Ibid., s. 66.

⁶ Ibid., s. 62—65.

⁷ A. Borkiewicz, op. cit., s. 443.

6 сентября на территории Сродмесья [центр Варшавы. — *Перев.*] в подожженном немецкими снарядами здании больницы на улице Перацкого, 3/5, сгорело заживо около 80 тяжелораненых повстанцев. В этот же день гитлеровцы расстреляли в больнице на улице Смуликовского, 9, тяжелораненых повстанцев, а также всех тяжелораненых в больнице на улице Конопчинского. 27 сентября в больнице на Древняной улице, 8, гитлеровцы расстреляли 18 тяжелораненых повстанцев¹.

15 сентября фашисты захватили территорию предприятия «Сироен» на Черняковской улице, 199, где размещался повстанческий госпиталь д-ра Петра Заленского. 162 раненых, в том числе 37 тяжелораненых, были расстреляны².

При капитуляции защитников Жолибожа [район Варшавы. — *Перев.*] 30 сентября 1944 года гитлеровцы заверили повстанцев, что будут обращаться с пленными согласно международному праву. Однако условий капитуляции они не выполнили: все тяжелораненые, лежавшие в подвалах домов капитулировавшего района, были убиты³.

Убийство раненых и медицинского персонала госпиталей гитлеровцы применяли и в отношении других армий, но прежде всего в отношении партизан всех оккупированных стран Европы. В первом случае речь идет о неуважении эмблемы Красного Креста, бомбардировке госпиталей, санитарных поездов и госпитальных кораблей. Во втором случае — о непосредственном уничтожении партизанских госпиталей и по-головной резне раненых вместе с медперсоналом, как это было в описанных выше случаях преступлений в отношении раненых советских солдат и варшавских повстанцев.

Приведем несколько примеров.

16 апреля 1941 года в Коринфском заливе вблизи Селанитты немецкие бомбардировщики потопили греческое госпитальное судно, на борту которого находилось много раненых греческих солдат⁴.

В монастыре Агия Кириаки, где размещался греческий партизанский госпиталь, гитлеровцы сожгли заживо старшего лейтенанта Балласа, а вместе с ним 18 раненых греческих партизан и двух медсестер⁵.

В донесении 373-й пехотной дивизии (XV горнострелковый корпус) от 5 июня 1944 года в штаб 2-й танковой армии говорится: «Хорватские боевые [фашистские. — *Ш. Д.*] группы

¹ A. Borkiewicz, op. cit., s. 469—470.

² Ibid., s. 578.

³ Ibid., s. 664.

⁴ Показания свидетеля Спилиопулоса; PN-7, sten., s. 2299.

⁵ Показания свидетеля Костаса Триандафилидиса; PN-7, sten., s. 2146.

(Дата преступления не указана.)

уничтожили партизанский лазарет к юго-востоку от Удбины; противник потерял 20 человек (в том числе 2 врачей), кроме того, истреблено 95 раненых и больных»¹.

Отмечены также случаи издевательств над ранеными и больными. И хотя они не кончались непосредственным убийством, однако даже на фоне множества иных, более мерзких преступлений было бы неправильным не упомянуть о них. Избиение раненого или надругательство над солдатом, который в бою потерял руку или ногу, — несмотря на то, что это еще не пытки и не сожжение заживо, — вызывает не меньшее отвращение. Это не что иное, как тягчайшее нарушение издавна освященных человеком обычаяев войны, не говоря уже о том, что такие действия находятся в вопиющем противоречии с Конвенцией Красного Креста.

Таких случаев отмечено множество, но мы приведем лишь некоторые из них.

Сразу после вступления в Афины (1941 год) гитлеровцы выкинули из госпиталя на улице Кифисия всех тяжелораненых греческих солдат, которые потеряли на албанском фронте руку, ногу или глаза, и бросили их на произвол судьбы. Жители Афин сами нашли для раненых греческих солдат место в школе Марашилион, куда их ввиду отсутствия иных средств транспорта доставили на тачках².

Во время эвакуации штала га ХХВ конвоиры «транспортировали» французских военнопленных, подгоняя их прикладами и ударами кованых сапог³.

В ходе бомбардировок Эссена союзной авиацией в 1944 году был уничтожен также и лагерь для французских военнопленных на Ноггератштрассе. Гитлеровцы перенесли амбулаторию для пленных в общественную уборную; в случае непогоды узников лечили в этом «храме медицины», где всегда не хватало медикаментов, воды, пищи для раненых и т. д. Немецкий врач д-р Штиннесбек, который осуществлял надзор над этой «амбулаторией», обратился к своему начальству с просьбой положить конец этому неслыханному положению вещей⁴.

Приводим описание условий в лагере для польских военнопленных, захваченных гитлеровцами во время сентябрьской кампании 1939 года. Речь идет о шталаге IVB в Мюльберге, около Дрездена, куда поздней осенью 1939 года были согнаны многие сотни польских военнопленных рядового состава.

¹ PN-7, NOKW-1428, dok. prok., t. VI, s. 143.

² Показания Николаса Нериса; PN-7, sten., s. 2045—2047.

³ «Trial», 078/2/UK, v. XXXIX, p. 177.

⁴ Письмо д-ра Штиннесбека д-ру Егеру от 12/VI 1944; «Trial», 355-D, v. XXXV, p. 75—76.

«Каждый больной имел свое «жизненное пространство», огороженное досками, где он не мог даже ног вытянуть как следует. Лежали в берлоге, устланной соломой. Шапку с головы не снимали, а укрывались шинелью с поднятым воротником: на дворе уже стояли морозы в несколько градусов. Никто не приносил раненым воды для мытья, а из самих раненых редко кто мог бы ради этого вылезти из своей берлоги. Естественные потребности приходилось отправлять под себя: ведь была солома, которой можно было все это прикрыть. Рядом с тифозным больным за соседней перегородкой лежал солдат, больной воспалением легких. Сюда же принудительно помещали больных трахомой. Я видел там и несколько больных с рожистым воспалением. Иногда я заглядывал в эти «палаты», чтобы запечатлеть в своей памяти картину чудовищного унижения человека. Часто я заставал там пустые места, оставшиеся после вынесенных трупов»¹.

ГОСПИТАЛИ И ЛАЗАРЕТЫ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ — ОДНА ИЗ ФОРМ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ

Госпитали в лагерях для советских военнопленных — всюду, где они существовали, — были только пародией на лечебное учреждение, местом надругательства и издевательств над больными и ранеными людьми. Трудно понять, с какой именно целью создавали гитлеровцы эти «лазареты». Возможно, только потому, что это предписывал им устав. Ведь с уверенностью можно сказать, что делали они это вовсе не из страха перед инспекцией со стороны Международного Красного Креста! Правда, в конце второй мировой войны речь, по-видимому, шла об отделении больных, особенно инфекционных, от здоровых пленных, которые были нужны Германии для работы.

Самыми тяжелыми были условия в лагерных «лазаретах» в 1941—1942 годах, но и последующее улучшение было весьма незначительным и относительным. В 1941—1942 годах пленных в госпиталях вообще не лечили: не было ни медикаментов, ни врачей; немецкий медицинский персонал не «осквернял» себя лечением «недочеловеков», а советский врачебный персонал был бессилен что-либо предпринять ввиду отсутствия медикаментов, перевязочных средств, инструментария и соответствующих санитарных условий.

К этому следует добавить, что этот персонал был чрезвычайно немногочислен, так как значительная часть врачей была уничтожена в ходе отбора «нежелательных». Отсутствие

¹ Z. Stypułkowski, op. cit., s. 63.

нательного белья и постельных принадлежностей, ограниченное снабжение водой (которой иногда и вовсе не было), скученность в госпитальных помещениях, «организуемых» зачастую в сырых подвалах или конюшнях, больные с гноящимися ранами, лежащие без перевязки на голой земле, на грязных нарах или на соломе, — таков облик подобного «госпиталя». В таких «лазаретах» часто вспыхивали эпидемии сыпного и брюшного тифа, дизентерии, туберкулеза и других болезней, которые буквально косили находившихся там больных. В результате всех этих эпидемий, зачастую распространявшихся на целые лагеря, дело кончалось гибелью почти всех больных. В ряде случаев германские власти применяли своеобразный способ борьбы с эпидемиями: больных убивали путем смертельных впрыскиваний или иными способами.

После войны и изгнания гитлеровцев из оккупированных районов существовавшие в этих «лазаретах» условия стали предметом расследования советской Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодействий немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и польской Центральной комиссии по расследованию преступлений нацистов на территории Польши.

Рассматривая вопрос о «лазаретах», следует помнить о положениях, содержащихся в Конвенции Красного Креста, особенно в статье I, гласящей, что все раненые и больные, которые попали в плен к противнику, «должны пользоваться покровительством и защитой при всех обстоятельствах», а также «пользоваться человеколюбивым обращением и уходом без различия национальности». Лишь при сравнении с этими положениями конвенции станет ясной картина того, что имело место в лагерях и «лазаретах» для советских военнопленных. Ибо распоряжения ответственных командиров вермахта, касающиеся обращения с больными и ранеными военнопленными, ничего общего с духом конвенции не имели.

Генерал-квартирмейстер ОКХ генерал Вагнер издал 24 июля 1941 года приказ, в котором дал волю своим чувствам ненависти к советским солдатам:

«С целью оградить страну от наводнения русскими ранеными приказываю:

1. Транспортабельных легкораненых пленных, которые предположительно выздоровеют в течение 4 недель, следует отправлять на пункты, где они будут приняты аппаратом ОКВ.

2. Остальных... помещать в лазареты, которые нужно организовать при дулагах, но на расстоянии по меньшей мере 500—1000 метров от них. Для лечения пленных и ухода за

ними следует использовать под немецким надзором исключительно русский персонал как из числа военнопленных, так равно и гражданский...

3. Следует использовать исключительно [разрядка наша. — Ш. Д.] русский больничный инвентарь, а также русские лекарства и перевязочные средства, но прежде всего русскую сыворотку...»¹

Тенденция этого приказа совершенно ясна. В госпиталях, расположенных в глубоком тылу, где условия лечения были более сносными, должны были находиться только те, в отношении которых имелась надежда, что они выздоровеют и их можно будет использовать на работах. Четкий наказ разместить остальных — тяжелораненых — в лазаретах на расстоянии 500—1000 метров от лагеря в приказе не мотивируется. Однако в свете гитлеровской практики 1941—1942 годов совершенно бесспорно, что речь идет не о том, чтобы лечение проводилось вдали от лагерного шума, а скорее всего о том, чтобы основная масса военнопленных не слишком-то быстро разобралась, какая судьба готовится их раненым товарищам и как выглядит само это «лечение». Запрещение использовать немецкий больничный инвентарь и немецкие лекарства, а равно запрет немецкому медицинскому и санитарному персоналу оказывать медицинскую помощь военнопленным означали, что больных и раненых военнопленных в большинстве случаев не будут лечить вообще. Такое указание давалось исподтишка, а вместе с тем это была и совершенно четкая инструкция германского командования о том, как следуя поступать с ранеными советскими военнопленными. Таким образом, заявлялось, что армия — а через нее и рейх — не заинтересованы в усилиях, имеющих целью сохранить жизнь тяжелораненым и больным солдатам «идеологического противника».

Это было не что иное, как смертный приговор, что и подтвердила гитлеровская практика 1941—1942 годов.

Итак, советский солдат, который был тяжело ранен в бою и попал в руки немцев, если он не был добит на месте, мог желать себе только одного: скорейшей смерти. Гитлеровцы не заботились о нем, а возможности советского медицинского персонала из числа пленных почти равнялись нулю. Немецкие полевые госпитали, передвижные медпункты, не говоря уже о санитарных поездах, самолетах и госпитальных судах, не предназначались для советских военнопленных. Советский медицинский персонал делал все что мог для спасения раненых и больных пленных, но, как мы указывали выше, возможностей у него почти никаких не было.

¹ OKW/Gen. St. d. H./Gen. z. b. V./Gen. Qu., 24/VII 1941; «Russische Kriegsgefangene»; PN-12, NOKW-2423, dok. prok., t. IX, s. 171—172.

На сборных пунктах для военнопленных гитлеровцы не оказывали им никакой медицинской помощи. Положение в дулагах было ничуть не лучше. В районе города Гайсина (Украинская ССР) в местном дулаге в августе 1941 года сотни больных и раненых военнопленных лежали в конюшнях на голой земле, без всякой медицинской помощи. В это же время в дулаге в Умани около 15—20 тысяч раненых лежали под открытым небом, в запыленных повязках, пропитанных кровью, гноем, без всякой медицинской помощи со стороны гитлеровцев, при полном бессилии советских врачей, лишенных возможности получить бинты, медикаменты и хирургический инструментарий¹.

Разумеется, в подобных условиях тяжелораненые быстро умирали. Десятки тысяч легкораненых и больных все же попадали в постоянные лагеря и в организованные там лазерные «лазареты». Ниже мы приводим краткий обзор условий, существовавших в некоторых из этих «лечебных учреждений».

О лазарете в Харькове авторитетно высказался «начальник военнопленных» на Украине в 1942 году генерал Эстеррейх:

«Тяжелобольные были размещены в помещениях, где не было отопления и все окна выбиты... больные не имели одежды и обуви. В результате в этом госпитале ежедневно умирало от истощения и эпидемических заболеваний 200—300 человек»².

Подобные же условия были и в лагерном лазарете в г. Даугавпилсе (Латвийская ССР):

«Редко кто выходил живым из этого госпиталя. При госпитале работало пять групп могильщиков из военнопленных, которые на тележках вывозили умерших на кладбище. Бывали часто случаи, когда на тележку бросали еще живого человека, сверху накладывали еще 6—7 трупов умерших и расстрелянных. Живых закапывали вместе с мертвыми; больных, которые метались в бреду, убивали в госпитале палками»³.

В лагерном «госпитале» в Демблине (форт «Болонья») пленных не лечили, а умерщвляли путем впрыскивания в область сердца отправляющих веществ⁴.

¹ См. показания бывшего военнопленного врача Евгения Кивелиши; «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 147 и сл.

² «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 130.

³ Показания свидетельницы В. А. Ефимовой, работавшей в госпитале; «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 105.

⁴ См. «Об убийстве немцами советских военнопленных в крепости Демблин», стр. 14.

В «лазарете» лагеря № 336 для советских военнопленных (Каунас, форт № 6) с сентября 1941 года по июль 1942 года умерло 13 936 советских военнопленных¹.

В лазарете штала га 344 в Ламбиновицах [Ламсдорф] больных советских военнопленных помещали по 40—50 человек в небольшой комнатушке и, по существу, бросали их на произвол судьбы. Они лежали на соломе, на полу или на двухъярусных нарах (по двое на каждого нарах), не получая лекарств; им не делали перевязок, и они массами вымирали².

Сохранился приказ коменданта лагеря, свидетельствующий о дискриминации советских военнопленных по сравнению с другими национальными категориями:

«Направление французских военнопленных в лазарет для русских, находящийся в Ламсдорфе, не допускается, так как этот лазарет непригоден для французских военнопленных»³.

Однако далеко не все советские военнопленные в Ламбиновицах имели возможность умирать в «лазарете». Многие тяжелобольные вынуждены были оставаться в лагерных бараках в состоянии полного истощения. В феврале 1945 года, когда они не были в состоянии выйти на перекличку, гитлеровцы застрелили их прямо на месте, где они лежали. В тот день было убито около 30 пленных⁴.

В лагерном «госпитале» в Риге с сентября 1941 года по апрель 1942 года от голода и эпидемических заболеваний погибло свыше 19 тысяч военнопленных⁵.

В Севастополе гитлеровцы организовали «лазарет» для раненых и больных военнопленных в городской тюрьме. В ходе организации «лазарета» фашисты в течение шести дней не давали больным ни воды, ни хлеба, заявляя, что это является наказанием за упорную оборону Севастополя. Раненым не оказывали никакой медицинской помощи, и они лежали, истекая кровью, на цементном полу⁶.

«Госпиталь» для военнопленных в Смоленске до июля 1942 года был лишен перевязочных средств. Больные и раненые во время сухой зимы 1941/42 года лежали в неотапливаемых помещениях, на полу, на сенниках, в грязной и пропитанной гноем одежде⁷.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 116.

² Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О преступлениях над советскими военнопленными в лагере «Ламсдорф», стр. 28—30.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 29.

⁵ «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 103.

⁶ См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 37—38.

⁷ Там же, стр. 28. См. также Э. Рассел, Проклятие свастики, стр. 76.

Исключительное положение среди всех этих чудовищных лагерных «лазаретов» (с точки зрения масштабов совершенных там преступлений) занимал «гросс-лазарет» для советских военнопленных в городе Славуте (Украинская ССР). Условия содержания больных в этом «лазарете» стали предметом специального расследования советской Чрезвычайной государственной комиссии, а также предметом рассмотрения на Нюрнбергском процессе¹.

Осенью 1941 года, после захвата города Славуты, гитлеровцы организовали там «лазарет» для больных и раненых советских военнопленных и назвали его «Großlazarett Slawuta, Teillager 301». «Лазарет» был расположен в 2 километрах от города и состоял из 10 трехэтажных зданий-блоков, огороженных колючей проволокой с многочисленными сторожевыми вышками. Под «надзором» немецкой военной администрации лагеря² находились 15—18 тысяч тяжелораненых и легкораненых, а также инфекционных больных военнопленных. Новые партии пленных, прибывавшие с очередным транспортом и потерявшие многих своих товарищей, погибших в пути от зверского обращения и нечеловеческих условий транспортировки, обычно встречали у главных ворот градом ударов палками и прикладами автоматов.

После такой «встречи» с пленных сдирали обувь и теплую одежду, отнимали предметы личного пользования. Больных тифом, дизентерией и туберкулезом размещали в одних блоках с тяжелоранеными и легкоранеными. По целым неделям все пленные лежали в том самом белье, в котором они попали в плен. Не было ни постельного белья, ни одеял. Помещения не отапливались. Не было и воды для мытья. Завшивленность была всеобщей. Рацион питания состоял из 250 граммов эрзац-хлеба, выпекаемого из измельченной смеси соломы, древесных опилок и некоторого количества муки. Выдаваемый «суп» готовили из гнилого картофеля с такими «добавлениями», как крысиные экскременты и пр. Для раненых и больных не было лекарств, им не оказывалась даже элементарная медицинская помощь. В таких условиях смертность от постоянного недоедания и периодически вспыхивающих эпидемий (которые гитлеровцы именовали «парахолерой») была огромной. Дополнительным фактором массового вымирания военнопленных было зверское избиение при раздаче пищи, заключение за провинность в карцер с одновременным полным лишением пищи, «спортивные» пробежки вокруг гос-

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 50—56.

² Во главе «лазарета» стоял комендант капитан Планк (после него майор Павлик). Его заместителем был капитан Крондорфер, а кроме того, был штат сотрудников: капитан Бойе, д-р Борбе, д-р Штурм, унтер-офицеры Ильземан и Беккер.

питала, расстрел пленных при каждом удобном случае, например за поиски пищи в кухонных отбросах и т. д.

Чрезвычайная государственная комиссия определила число убитых, заморенных голодом и затравленных насмерть больных и раненых военнопленных солдат и офицеров Советской Армии, прошедших за 2 года через «гросс-лазарет» в Славуте, в 150 тысяч человек¹.

Заместитель главного обвинителя от СССР полковник Покровский, докладывая на Нюрнбергском процессе «дело» о «гросс-лазарете» в Славуте, отметил следующее:

«Трудно сказать, является ли пределом человеческой подлости то, что совершено гитлеровцами в отношении советских военнопленных в так называемом «гросс-лазарете» города Славуты Каменец-Подольской области. Но при всех обстоятельствах истребление гитлеровцами советских военнопленных в «гросс-лазарете» — одна из самых мрачных страниц, составляющих историю фашистских преступлений»².

Славута, «Болонья» (Демблин), Каунас, Смоленск и т. д. — это не случайные и изолированные явления. Все «лазареты» в лагерях для советских военнопленных слишком сильно напоминают нам «лазареты» в Освенциме, Штуттгофе и других концентрационных лагерях. «Лазареты» для военнопленных являлись составной частью общей «лечебной» системы фашистов, основанной на планомерном истреблении больных и раненых военнопленных. Эта система органически связана в одно целое с гитлеровской программой уничтожения «нежелательных» и «нетрудоспособных».

«ОТБОР» И УНИЧТОЖЕНИЕ НЕИЗЛЕЧИМЫХ И ТЯЖЕЛО БОЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

В приговоре на процессе по делу главных немецких военных преступников констатируется факт участия полиции безопасности и СД в преступлениях, совершенных в отношении военнопленных путем «отборов» в лагерях для военнопленных, и отмечается: «Комиссары, евреи, представители интеллигенции, «коммунисты-фанатики» или даже те, кого считали *неизлечимо больными* [курсив наш. — Ш. Д.], рассматривались как «нетерпимые элементы» и уничтожались»³.

Рассмотрим подробнее вопрос об истреблении «неизлечимых» (на практике это была категория тяжело больных,

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 56.

² Там же, стр. 50.

³ «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 420.

истощенных и ослабевших, туберкулезных и инфекционных больных). В первоначальных планах и приказах вермахта и СД об «отборах» не предусматривалась ликвидация этой категории военнопленных. В основном документе об «отборе», каковым является «Оперативный приказ № 8» Гейдриха от 17 июля 1941 года, среди поименованных там категорий «нежелательных» элементов из числа военнопленных, подлежащих «отбору» и уничтожению, «неизлечимые» не упоминаются. Основой «отбора», как известно, были расово-политические взгляды. Однако расширение рамок и масштабов преступления не представляет особых трудностей для тех, кто вступил на этот путь. Если ОКВ и РСХА согласились с тем, что истребление военнопленных необходимо в интересах третьего рейха потому, что они являются комиссарами, представителями интеллигенции, евреями или «коммунистами-фанатиками», то можно было согласиться и с тем, что у третьего рейха нет никакого интереса кормить и лечить такие категории советских военнопленных, от которых Германия не получит никакой пользы и труд которых она никогда не сможет использовать. Согласиться с этим было тем легче, что даже в отношении своего *немецкого* населения с самого начала войны осуществлялась «программа эвтаназии», повлекшая за собой истребление десятков тысяч «бесполезных едоков».

Так, в категорию «нежелательных» была включена еще одна группа жертв, определенная как «unheilbar krank» («неизлечимо больные») или порой — на «деликатном» языке СД — «unbrauchbar» («непригодные, бесполезные»).

Трудно установить точную дату, когда возник вопрос об истреблении «неизлечимых». Мы не располагаем ни одним письменным приказом ОКВ или РСХА по этому вопросу за период 1941—1945 годов, когда это истребление осуществлялось. Возможно, что такого письменного приказа никогда и не существовало. В то же время имеются единодушные и авторитетные немецкие сообщения, утверждающие, что уже в начале войны этот вопрос обсуждался на совещаниях заинтересованных военных органов и РСХА и что по этому щекотливому делу были даны устные инструкции, которые потом и были проведены в жизнь. Имеются также официальные немецкие документы этого периода войны, отражающие реализацию упомянутых инструкций.

После войны двое немцев, занимавших ответственные посты в третьем рейхе, независимо друг от друга сделали заявления, раскрывающие их деятельность и проливающие свет на вышеуказанный вопрос. Это были уже известный нам генерал Эстеррейх и штурмбанфюрер СС Линдов, начальник отдела IVА РСХА. Генерал Эстеррейх заявил следующее:

«В конце 1941 или начале 1942 года я опять был вызван в Берлин на совещание начальников отделов по делам военнопленных при военных округах.

Совещанием руководил новый начальник Управления по делам военнопленных при ставке верховного главнокомандования генерал-майор фон Гревенитц.

На совещании обсуждался вопрос о том, как поступать с русскими военнопленными, которые в результате ранений, истощения и болезней были непригодны для использования на работах.

По предложению Гревенитца по этому вопросу высказались несколько присутствовавших офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте — лагере или лазарете и умерщвлять при помощи яда.

В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание — нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей.

Возвратившись в Данциг, я через Зегера, Больмана и Дульнига [коменданты шталагов. — Ш. Д.] проводил эти указания в жизнь, причем я предупредил их о том, чтобы умерщвление советских военнопленных производилось весьма осторожно, дабы это не стало известным за пределами лагерей.

Летом 1942 года я был командирован на Украину на должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы «Б». Прибыв к месту службы, я узнал, что способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применяется.

В октябре 1942 года, во время посещения дулага в районе Чир, комендант лагеря доложил мне, что в течение только одной недели им было умерщвлено при помощи яда 30—40 истощенных и больных советских военнопленных.

В других лагерях нетрудоспособных русских военнопленных просто расстреливали. Так, например, во время посещения летом 1942 года дулага 125 в городе Миллерово комендант лагеря на мой вопрос о том, как он поступает с нетрудоспособными русскими военнопленными, доложил, что в течение последних 8 дней им было расстреляно по указанным выше мотивам около 400 русских военнопленных»¹.

Это все, что сказал Эстеррейх.

Начальник отдела IVА1 РСХА Линдов, который занимался вопросами деятельности оперативных отрядов СД, особенно в области производимых ими «отборов» и уничтожения «нежелательных» пленных, принимал участие в совещаниях,

¹ «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 128—129.

созываемых в Управлении по делам военнопленных для обсуждения процедуры передачи вермахтом вышеуказанных категорий пленных в руки СД. Линдов показал:

«В 1942 году я присутствовал на другом совещании у генерала фон Гревенитца, в котором принимал участие и Кенигсхайз [подчиненный Линдова, начальник сектора IV A 1c, руководивший от имени РСХА акцией по истреблению советских военнопленных. — Ш. Д.], а также высшие офицеры и врачи из ОКВ, всего около 10 человек. Вермахт обратился к управлению полиции безопасности с просьбой, чтобы оно приняло в концентрационные лагеря русских военнопленных, страдающих такими неизлечимыми болезнями, как сифилис и туберкулез, а также просил умертвить их практикуемым способом — при помощи инъекций и т. п. Полиция безопасности противилась этому, мотивируя свой отказ тем, что она не является наемным палачом вермахта»¹.

Оба эти показания сходятся в отношении даты и места совещания, имени генерала, проводившего совещание, категории пленных, подлежащих умерщвлению, и способа выполнения этого преступления. Имеются лишь незначительные и несущественные расхождения. Генерал Эстеррейх не упоминает об адресованной СД просьбе, и, по его словам, выходило, что всю эту подлую «работу» следовало бы записать исключительно на счет вермахта. Это один из немногих известных нам случаев «рыцарского» выгораживания гестаповского партнера, на которого генералы вермахта уже после войны со скамьи подсудимых и в свидетельских показаниях обычно валили все грехи, в том числе и свои собственные. Но бесспорно, что оба партнера сыграли в этом деле одинаково важную и одинаково отвратительную роль. Правда и то, что истребление «неизлечимых» производилось уже в конце 1941 года, а не в 1942 году, как это явствует из обоих документов.

В отчете мюнхенского гестапо от 25 ноября 1941 года упоминается акция, проведенная местным оперативным отрядом в шталаге VII A в Мосбурге за время с 29 сентября по 22 ноября 1941 года. В это время было «отобрано» 484 «ненужных», то есть комиссаров, евреев, офицеров, интеллигентов, «поджигателей», а также 62 «неизлечимо больных»².

В циркуляре начальника полиции безопасности и СД от 9 ноября 1941 года подтверждается, что 5—10% советских

¹ Письменные показания Линдова от 29 июля 1947 года; PN-12, NO-5481, dok. prok., t. XVII, s. 37.

² «Überprüfung der russischen Kriegsgefangenen im Wehrkreis VII», PN-12, R-178, t. XVI, s. 135.

военнопленных, направляемых для уничтожения, прибывают в концентрационные лагеря «мертвыми или полумертвыми». И далее: «Создается впечатление, что шталаги таким путем хотят избавиться от пленных. И несмотря на то, что подобные транспорты, как правило, организуются вермахтом, ответственность за такое положение вещей население взваливает на СС». В связи с этим начальник полиции безопасности и СД распорядился: начальники эйнзатцкоманд должны позаботиться о том, чтобы впредь исключать из транспортов и не направлять для экзекуции в концлагеря тех «отобранных» советских военнопленных, в отношении которых у эйнзатцкоманд нет сомнений, что они вскоре умрут и которые уже неспособны даже к непродолжительному маршру (например, к переходу от вокзала станции назначения до концлагеря)¹.

Из вышесказанного явствует, что полиция безопасности решительно не хотела подрывать своего «престижа» в глазах немецкого населения и обременять себя чужими преступлениями, поскольку вермахт подбрасывал своим партнерам из гестапо — в транспортах с «нежелательными» элементами — множество таких пленных, которые находились в состоянии полного истощения. Вермахт здесь явно «подводил» полицию безопасности, сбывая этих пленных как «нетрудоспособных», воспользовавшись случаем проведения эйнзатцкомандами запланированных ими «отборов».

Между фактами, содержащимися в обоих приведенных документах, и показаниями Эстеррейха и Линдова нет никаких противоречий. Время от времени РСХА протестовало в высших кругах против навязываемой ему роли наемного палача вермахта, однако на практике сдавалось сравнительно легко. Кроме того, по-видимому еще до заключения генерального соглашения по этому вопросу, в отдельных военных округах по собственной инициативе, а также и по предложению некоторых комендантов шталагов эйнзатцкоманды расширяли рамки «отбора» путем включения в категорию «нежелательных» также и «нетрудоспособных» военнопленных.

Сотрудничество обоих партнеров на этом участке их «деятельности» продолжалось в течение всей войны. В переписке 1944 года мы наталкиваемся на официальное закрепление этого сотрудничества в изданных обеими сторонами приказах.

16 июля 1944 года ОКВ издает согласованную с РСХА директиву², в пункте 2 которой говорится:

¹ «Transport der zur Exekution bestimmten sowjetrussischen Kgl in die Konzentrationslager», PN-12, 1165—PS, dok. prok., t. XVII, s. 31—32.

² Эта директива цитируется в циркуляре РСХА от 17/VIII 1944 со ссылкой на точное обозначение (2f. 24. 19b. Chef Kriegsgef.), Allg. (1d) № 1908-41 geh.; PN-12, NO-4637, dok. prok., t. XVII, s. 153—155.

«Если советские военнопленные, которые на основании указаний об обращении с ними должны быть переданы гестапо, больны туберкулезом или другими инфекционными болезнями, то в каждом отдельном случае надлежит обратить на это внимание компетентного органа государственной полиции».

В своем распоряжении РСХА полностью приводит эту директиву, снабдив упомянутый пункт 2 недвусмысленной «исполнительной клаузулой»:

«В дополнение к пункту 2 требую, чтобы при передаче [вермахтом. — Ред.] советских военнопленных, больных туберкулезом или другими инфекционными болезнями, могущими представить серьезную опасность для здоровья немецкого населения, этих пленных умерщвляли путем инъекции...»¹

Приведенный выше циркуляр является классическим примером сотрудничества вермахта с СД. Вермахт, разумеется, не говорит, что такую-то и такую-то категорию или группу военнопленных надо подвергнуть «особому обращению», он только обращает «особое внимание» СД на то, что такие-то и такие-то пленные, которых он передает СД, больны туберкулезом или другими инфекционными болезнями! Однако сообщник (СД) отвергает ханжеский стиль вермахта и употребляет более четкие выражения: этих пленных надо убить, поскольку они, даже брошенные за колючую проволоку лагерей для военнопленных, представляют собой «опасность для здоровья немецкого населения»!

Роль гестапо как исполнителя кровавых поручений не вызывает удивления. И все же нам кажется, что даже при этом разделении ролей наиболее отвратительную задачу принял на себя вермахт: не «марая рук» подобной грязной работой исполнителя, именно он поручает ее своим достойным сообщникам.

УБИЙСТВО ПЛЕННЫХ — ИНВАЛИДОВ ВОИНЫ

В ряде случаев к категории «неизлечимо больных» гитлеровцы относили также безруких, безногих и других лиц, получивших увечье, готовя им ту же судьбу, что и остальным военнопленным указанной категории. У нас, к сожалению, нет достаточно документального материала, для того чтобы сделать вывод, что это было общим правилом. Однако нам известны многочисленные случаи подобного рода, позволяю-

¹ «Überstellung von Kriegsgefangenen an die Staatspolizei»; циркуляр РСХА (IVB) от 17/VIII 1944 года разослан подчиненным органам; PN-12, NO-4637.

щие утверждать, что инвалиды войны вместо освобождения их из лагерей или депатриации, как это предусмотрено нормами международного права, были переданы из лагерей для военнопленных в руки СД или направлены в концентрационные лагеря и там «ликвидированы» лишь потому, что были нетрудоспособны.

В 1942 году в концлагерь Майданек небольшими группами привозили советских военнопленных — больных туберкулезом и инвалидов войны¹. Судьба их нам точно не известна, мы можем лишь догадываться об этом, зная о судьбе «неизлечимых» и инвалидов войны в других лагерях².

В лагере Штуттгоф в 1944 году охранники-эсэсовцы Мейер, Фот и Петерс «ликвидировали» несколько десятков советских военнопленных-инвалидов (безруких и безногих), которых предварительно три дня и две ночи держали в непогоду под открытым небом³.

По данным Лукашевича, группу инвалидов численностью в 50 человек под предлогом помещения в госпиталь заманили в газовую камеру, где они были умерщвлены⁴. Немецкий антифашист и бывший узник лагеря Штуттгоф Г. Вей в своем сообщении, совпадающем с описанием Лукашевича, определяет число умерщвленных в 40 человек⁵. Заместитель коменданта лагеря Штуттгоф гауптштурмфюрер СС Мейер «помнит» только о 20 инвалидах, которые по прибытии в лагерь через два дня были переданы в распоряжение лагерного врача, а затем либо умерщвлены в газовых камерах, либо повешены или расстреляны⁶. Несомненно, что мучения и пытки, которым подверглись военнопленные-инвалиды перед казнью, имели целью облегчить убийство, ослабив их волю к жизни и борьбе.

Во время Варшавского восстания 20 августа 1944 года на Вилянувской улице в руки гитлеровцев попала группа повстанцев. В соответствии с тактикой гитлеровцев, повсеместно применявшейся при подавлении восстаний и заключавшейся в расстреле без суда захваченных в плен, группа

¹ Z. Łukasziewicz, *Oboz koncentracyjny i zagłady Majdanek*, «Biuletyn GKBZH», t. IV, s. 68.

² Лукашевич сообщает, что с течением времени (1943 год) условия в госпитале на так называемом «втором поле» Майданека, где размещались советские военнопленные, несколько улучшились. Сомнительно, относилось ли это также к «неизлечимым» и инвалидам войны.

³ Материалы процесса охранников концлагеря Штуттгоф (Т. Мейер и другие); AGK-282-47, akt oskarżenia, s. 6.

⁴ Z. Łukasziewicz, *Oboz zagłady Stutthof*, «Biuletyn GKBZH», t. III, 1947, s. 82.

⁵ AGK-281-47, «Akta procesu T. Meyera», t. IV, s. 29.

⁶ Показания Теодора Мейера на процессе охранников концлагеря Штуттгоф; ibid., sten., 251-b.

была уничтожена. Среди расстрелянных оказалась связная Мария Цомер, у которой за месяц до этого была ампутирована рука¹.

При особых обстоятельствах было совершено убийство 50 советских инвалидов. Преступление это подтверждается найденными немецкими документами.

В конце октября или начале ноября 1942 года из шталага в Житомире была передана СД группа в 78 нетрудоспособных советских военнопленных. Это были инвалиды войны, все калеки, многие без обеих рук или без обеих ног и почти каждый по крайней мере без одной конечности. Лишь несколько человек из них имели невредимые конечности, но из-за тяжелых контузий и они были неспособны к какому-либо труду; поэтому гитлеровцы назначили их ухаживать за более слабыми пленными. Всех инвалидов разместили в так называемом «воспитательном трудовом лагере» в Бердичеве, подведомственном местному отделению полиции безопасности и СД, во главе которого стоял штурмфюрер СС Кнопп. Военнопленные-инвалиды находились в этом лагере до 23 декабря 1942 года (за это время число их уменьшилось до 70 человек). 23 декабря этот лагерь посетил гауптштурмфюрер СС Кальбах, заместитель начальника полиции безопасности и СД в Житомире, который и отдал приказ: на следующий же день ликвидировать всю эту группу инвалидов.

То, что случилось позднее, стало предметом подробных донесений и рапортов не только управления полиции безопасности и СД в Житомире, но и его отделения в Бердичеве².

Кнопп выделил для проведения экзекуции трех своих людей: унтершарфюрера СС Паала, роттенфюрера Гессельбаха и штурммана Фольбрехта. Он был вполне уверен, что все они достаточно «квалифицированные» специалисты для выполнения такого задания.

«От этих трех лиц, — заявляет Кнопп, — которым я поручил произвести расстрел военнопленных, мне было известно, что они, еще будучи в Киеве, принимали участие в массовых экзекуциях многих тысяч людей. И в местном отделении им, уже в мою бытность, поручался расстрел сотен людей...»

Кнопп добавляет, что ему и в голову не пришло выделить более крупный отряд для обеспечения успешного проведения экзекуции, поскольку место казни находилось в стороне, а также еще и потому, что ввиду своих физических недостатков пленные были неспособны к бегству³.

¹ A. Borkiewicz, op. cit., s. 602.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 56—62.

³ Там же, стр. 58—59.

Подготовка к экзекуции проводилась по заведенному с давних пор шаблону. Утром в день казни назначенная для ее проведения группа эсэсовцев вызвала из местной тюрьмы восемь узников и заставила их выкопать на месте казни большую яму для захоронения казненных, а затем вернулась в лагерь за инвалидами. Погрузка ничего не подозревающих пленных (первая партия их насчитывала около 50 человек) в автомашины и выгрузка их за 50 метров от места казни прошли без инцидентов. Так же «гладко» прошел и расстрел первой группы, состоявшей исключительно из безногих инвалидов. Их расстреливал Гессельбах; Пааль, Фольбрехт и шофер сторожили остальных.

Во время расстрела следующей группы произошли не-предвиденные убийцами события. Вот что гласит официальный рапорт Гессельбаха:

«После того как я расстрелял первых трех пленных, вдруг услышал наверху крик. Так как четвертый пленный был как раз на очереди, я быстренько прихлопнул его и, взглянув наверх, увидел, что у машины происходит страшная суматоха. Я и до того уже слышал выстрелы, а тут увидел, как пленные разбегались в разные стороны. Я не могу дать подробных данных о произшедшем, так как находился на расстоянии 40—50 метров. Я только могу сказать, что я увидел моих двух товарищей, лежащих на земле, и что двое пленных стреляли в меня и шофера из захваченного ими оружия»¹.

Убитыми оказались Пааль и Фольбрехт. Гессельбах обстрелял пленных, после чего, обратившись за помощью к охране штала, немедленно организовал совместное преследование бежавших инвалидов. Из их числа были убиты еще двое, остальные же 22 инвалида исчезли бесследно. На следующий день, то есть 25 декабря, под личным наблюдением оберштурмфюрера СС Кунтце (из управления полиции безопасности и СД в Житомире) была расстреляна последняя партия в 20 инвалидов из лагеря в Бердичеве (на том самом месте, где накануне разыгралась описанная трагедия). Опасаясь, что бежавшие инвалиды могут поднять на ноги действующих в окрестности партизан, Кунтце обратился к военному коменданту штала с просьбой выделить охрану в количестве 20 хорошо вооруженных солдат на все время проведения экзекуции. Комендант лагеря, офицер вермахта, не отказал в просьбе «товарищу по оружию» из СД и... глубокого тыла. «Экзекуция прошла без инцидентов», — доложил Кунтце².

¹ «Нюрнбергский процесс», т. III стр. 60.

² Там же, стр. 61.

Но и на этом преступление еще не закончилось. В отместку за то, что произошло 24 декабря, Кунтце распорядился вновь дополнительно произвести проверку всех ранее расконвоированных инвалидов, находившихся в окрестностях Бердичева, «выявить» среди них 20 «активистов» и коммунистов, а затем расстрелять их.

Вот о чём говорят донесения об экзекуции калек и невольных почестях, отданных безруким и безногим советским солдатам — героям и мученикам, которые «по всем законам, божеским и человеческим, не должны были погибнуть от рук палачей, а должны были находиться под охраной германского правительства как военнопленные»¹.

Однако в этих донесениях содержится еще один аспект, который мы должны подчеркнуть. Составляя рапорт, Кунтце пытается добраться до сути: откуда взялись эти инвалиды в полицейском лагере и почему вермахт передал их СД! Он приходит к следующему выводу.

«Ни здесь в управлении [полиции безопасности и СД в Житомире. — Ш. Д.], ни в его отделении [в Бердичеве. — Ш. Д.] нельзя было установить, по каким именно причинам бывший начальник [полиции безопасности и СД в Житомире. — Ш. Д.] принял этих калек-пленных и отоспал их в воспитательно-трудовой лагерь. В данном случае не было никаких данных относительно их коммунистической деятельности за время существования советской власти. По-видимому, представили в свое время этих военнопленных в распоряжение здешнего отделения для того, чтобы подвергнуть их «особому обращению», ибо они, вследствие своего физического состояния, не могли быть использованы на какой-либо работе»².

Каждый офицер СС знал и считал естественным, что существует приказ Гейдриха о передаче вермахтом советских военнопленных в руки СД для ликвидации их «за коммунистическую деятельность». Однако не каждый из этих офицеров знал, что вермахт (как в данном случае правильно додался Кунтце) избавляется от «бесполезного балласта» в виде нетрудоспособных военнопленных, передавая их СД для ликвидации.

Бердичевский урок не прошел даром. Экзекуции советских военнопленных инвалидов, которые проводились после описанных событий, совершились с соблюдением всех мер предосторожности — преимущественно в местах, откуда невозможно было бежать: в концентрационных лагерях. Выше мы уже упоминали об экзекуции 40—50 инвалидов в Штуттгофе.

¹ Из выступления обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Ю. В. Покровского; «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 62.

² Там же, стр. 56, 60.

Подобное же преступление, но в большем масштабе имело место в Освенциме. Бывший узник Освенцима д-р Отто Волькен пишет:

«28 ноября 1943 года в Освенцим прибыл транспорт советских военнопленных. Они были доставлены из эстонского лагеря в Вильянди. Все эти пленные были тяжелоранеными или калеками (без рук или без ног). 10 декабря 1943 года их в количестве 334 человек погрузили на автомашины якобы для отправки в Люблин»¹.

Уже на следующий день все в лагере знали правду об этих несчастных калеках. Они были уничтожены и сожжены в печах Освенцима!

Зверства гитлеровцев над инвалидами и калеками, которые попали в их руки, находятся в вопиющем противоречии не только с простым чувством человечности, но также и с четко определенными положениями международных конвенций, которые, как мы уже говорили выше, были подписаны и Германией. Вот эти положения:

«Воюющие стороны обязаны отправлять на родину тяжелобольных и тяжелораненых военнопленных вне зависимости от их звания и количества, после того как они будут приведены в состояние, допускающее их перевозку. На основании соглашений между собой воюющие стороны устанавливают в возможно короткий срок случаи инвалидности и заболеваний, влекущие за собой непосредственную репатриацию, а также случаи, влекущие за собой возможную госпитализацию в нейтральных странах. До заключения означенных соглашений воюющие стороны могут руководствоваться типовым соглашением, приложенным к настоящей конвенции» (статья 68 Женевской конвенции 1929 года).

В соответствии с этим типовым соглашением непосредственной репатриации подлежали: неизлечимо больные и раненые, умственные и физические способности которых, по всей видимости, сильно понизились, в особенности пленные, которые потеряли одну из конечностей, туберкулезные больные, страдающие тяжелыми заболеваниями органов кровообращения, пищевода, мочеполовых путей, нервной системы, слепые, глухие, а равно больные и раненые, которые, по определению врачей, не могут быть излечены в течение года.

Эти гуманные установления никогда не применялись гитлеровцами к советским военнопленным. В отношении их гитлеровцы не чувствовали себя связанными выполнением

¹ Из записок д-ра Отто Волькена, автора многих ценных материалов по Освенциму. См. F. Friedman, T. Hoij, op. cit., s. 100.

Женевской конвенции 1929 года. Однако они полагали, что им дано право решать проблему «неизлечимых» и инвалидов войны именно таким образом, как нами описано выше, что далеко выходило за рамки самых пессимистических предложений относительно возможностей, таящихся в соответствующим образом «идеологически» подготовленных нацистских «сверхчеловеках».

По-видимому, нам никогда не удастся установить точное число «отобранных» и уничтоженных вермахтом сообща с СД «неизлечимых», тяжелобольных и раненых советских военно-пленных. Мы вынуждены поэтому ограничиться лишь констатацией этого особенно гнусного вида военных преступлений гитлеровцев.

В отношении других, несоветских военнопленных гитлеровцы не применяли метода истребления «неизлечимых». Время от времени они производили обмен тяжелораненых и больных военнопленных, но и тут положения Женевской конвенции соблюдались гитлеровцами не полностью. Еще в конце войны, в марте 1945 года, Международный Красный Крест обратился к германскому правительству с предложением о рассмотрении вопроса об обмене и депатриации тяжелораненых французских и бельгийских солдат, находящихся в немецком плену¹. Однако германская сторона проявила нежелание и сопротивление.

Как известно, Польша присоединилась к Женевской конвенции 1929 года. А выполняла ли Германия по отношению к Польше свои обязательства, вытекающие из статьи 68 этой конвенции? Вот несколько примеров:

7 ноября 1939 года, нарушив соглашение о капитуляции, гарантированное «солдатским словом» командира II корпуса генерала Штрауса, войска которого осаждали крепость Модлин, гитлеровцы арестовали почти всех офицеров модлинского гарнизона (предварительно освобожденных) и отправили их в олаги. Из их числа не исключили даже тяжелобольных, среди которых несколько человек, например командир 8-й пехотной дивизии полковник Фургальский и начальник артиллерии армии «Лодзь» полковник Любенский, в результате этого умерли². Офицеров арестовала гитлеровская полиция безопасности, а принял их вермахт.

В ноябре 1940 года в Остшешуве находился транспорт, состоявший почти из 300 инвалидов и тяжелобольных польских офицеров, освобожденных вермахтом. Органы безопас-

¹ «Trial», v. XL, p. 314.

² Сообщение генерала Виктора Томмэ; AGK, «Akta dochodzeń przeciw Rundstedtowi, Mansteinowi i Straussowi», t. II, s. 286—288.

ности «генерал-губернаторства» отказались принять этих пленных.

Ввиду категорического возражения полиции безопасности вермахт, несмотря на то что это было явным нарушением конвенции, разместил этих военнопленных в различных оффлагах¹.

Что касается рядового и сержантского состава, то нам известен лишь один случай освобождения из лагерей больных польских военнопленных. В шталаге Стаблак (около Кенигсберга) в 1940 году было сосредоточено несколько тысяч пленных польских солдат. Всех инвалидов и больных, находившихся в этой группе, намечалось освободить. Перед освобождением все они прошли весьма тщательную и строгую проверку немецкой военно-медицинской комиссии². Этим военнопленным освобождали не сразу, а формировали из них транспорты, что иногда продолжалось несколько месяцев³. Транспорты направлялись в лагерь Остшешув, откуда больных уже направляли к постоянному местожительству⁴.

А как относились гитлеровцы к захваченным в плен больным и раненым повстанцам после капитуляции Варшавы?

Приведем два особенно возмутительных случая, которые касаются подростков. Как известно, при капитуляции Варшавы гитлеровцы гарантировали, что они будут обращаться с пленными повстанцами согласно положениям Женевской конвенции 1929 года. В октябре 1944 года в плен к гитлеровцам наряду с тысячами взрослых повстанцев попало также много молодежи. Невзирая на их возраст, а часто раны и болезни, гитлеровцы заключили этих юных повстанцев в шталаги на территории Германии. Среди таких повстанцев оказались в плену: тяжело больной Богдан Холевицкий, юноша, не достигший 17 лет, заключенный в лагерь Ландбрух около

¹ Сообщение бывшего солдата 8-й пехотной дивизии, инженера Тадеуша Чаплицкого, AGK.

² В благодарной памяти польских военнопленных из шталага в Стаблаке остались имена польских военных врачей: капитана д-ра Слабого (из гарнизона защитников Вестерплатте); поручика д-ра Мушинского (из Гнезны) и подхорунжего д-ра Зарыхты (из Люблина), которые самоотверженно и с большим риском для жизни помогали другим военнопленным вырваться из гитлеровского плена. Они вносили их имена в списки действительно больных и инвалидов, наставляя, как им нужно держаться перед немецкой медицинской комиссией. Так же действовали и санитары-поляки, которые «помогали» комиссии, внося по ее поручению имена признанных годными к освобождению в общие списки, а во многих случаях на свой риск дописывали туда тех своих товарищей, которые отпали после освидетельствования комиссией (сообщение инженера Т. Чаплицкого, AGK).

³ Так, например, из транспорта, прибывшего в Стаблак 22 июня 1940 года, группа подлежащих освобождению выехала в Остшешув только в ноябре того же года.

⁴ Сообщение инженера Т. Чаплицкого, AGK.

Бинерверде, а также Ежи Владзимеж Янчевский, пятнадцатилетний мальчик, у которого в результате полученных ран ампутировали левую руку и которого заключили в штабах в Ламбиновицах.

Когда Главное управление Польского Красного Креста (Информационное бюро в Пётркуве) в декабре 1944 года обратилось через «правительство» польского «генерал-губернаторства» с просьбой об освобождении обоих военнопленных юношей, ссылаясь на их возраст и состояние здоровья, оно встретило отказ. На письме Польского Красного Креста имеется недвусмысленная резолюция, что юный возраст военнопленных «как раз и говорит против освобождения», а заявление относительно освобождения Холевицкого сопровождается дополнительным и циничным замечанием: «Как видно, болезнь не помешала ему принять участие в борьбе против немцев»¹. Этот цинизм невольно стал похвалой юному повстанцу!

* * *

В заключение этой главы мы считаем необходимым затронуть также вопрос об отношении гитлеровцев к медицинскому персоналу. Здесь надо исходить из положений статей 9 и 13 Конвенции Красного Креста:

«Статья 9. Личный состав, предназначенный исключительно для подбирания, для перевозки и для лечения раненых и больных, а также принадлежащие к администрации санитарных формирований и учреждений, духовенство, состоящее при армиях, будут пользоваться уважением и покровительством при всех обстоятельствах. Если они попадут в руки неприятеля, то с ними не может быть поступлено как с военнопленными...

Статья 13. Воюющие обеспечат личному составу, перечисленному в статье 9... пока он будет находиться в их власти, то же содержание, то же помещение, то же довольствие и тоже заработную плату, как и личному составу соответствующих степеней своей армии».

Отдельные случаи убийства медицинского персонала (санитаров) были отмечены уже в сентябре 1939 года.

Но убийство врачей, санитаров, фельдшеров и медсестер в широких масштабах имело место главным образом на Восточном фронте, а также при подавлении движения Сопротивления всех народов оккупированной Европы, особенно при кровавом подавлении Варшавского восстания.

Как правило, убийство медицинского персонала было связано с истреблением больных и раненых, находящихся

¹ «Akta procesu Bühlera», t. LX, s. 162—163.

под его опекой, а равно и с уничтожением (обычно сожжением) помещения, в котором находились эти больные и раненые.

Выше мы уже упоминали о значительном числе советских врачей, убитых при проведении акции истребления «нежелательных». Лишь тогда, когда в связи с неудачами на фронте массовая смертность среди советских военнопленных начала угрожать «новой политике в отношении военнопленных», гитлеровцы были вынуждены исключить врачей из категории военнопленных, обреченных на уничтожение. Вот почему уже 21 октября 1941 года Гейдрих издает оперативный приказ, в котором впервые исключает из мероприятий по отбору «нежелательных» всех врачей (даже евреев), что мотивировалось нехваткой врачей в лагерях для военнопленных¹.

Разумеется, это отнюдь не означало, что в отношении этих врачей начали применять цитированные выше положения Конвенции Красного Креста и что врачи оказались в каком-то привилегированном положении. Этого не было. Правда, советских врачей больше уже не расстреливали, однако они остались в тех же условиях, как и все остальные советские военнопленные, то есть терпели голод и холод, болели и умирали, как и все другие. Кое-где даже отмечены случаи издевательств над ними. В особенности это относится к лагерю в Гайсине на Украине, где на военнопленных врачей были возложены функции «санитарного надзора». Этот «надзор» состоял в том, что... по заполнении выгребных ям врачи были обязаны очищать их².

Особо следует подчеркнуть высокий и часто трагический героизм сотен врачей и санитаров, которые мужественно стояли и погибли на своем посту возле больных и раненых, не покидая своих подопечных солдат даже перед лицом опасности и таких злобных врагов, какими были немецкие фашисты и их сообщники. Убийство медицинского персонала имело место в большинстве случаев на фронте или сразу же за линией фронта, в ходе боевых действий или в связи с ними. Вот несколько примеров.

30 июня 1941 года в с. Гранцас (Латвийская ССР) «истребительная команда»³ лейтенанта Бутковитца из 504-го пехотного полка 291-й пехотной дивизии расстреляла местную акушерку (не поименованную в немецком донесении) за то, что она перевязала и укрыла в своем доме советского

¹ PN-12, NO-342, dok. prok., t. XV, s. 227—235.

² Показания Е. Кивелиши; «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 150—151.

³ Небольшой мобильный отряд, предназначенный для подавления действующих в тылу немецкой армии партизан или небольших групп противника.

солдата, и за связь с Советской Армией. Вместе с ней был расстрелян и раненый¹.

6 августа 1941 года в с. Каменка солдаты 16-й армии расстреляли санитарку Регину Анстай, «которая перевязывала укрытых русских солдат»².

В с. Воронки на Украине немцы изнасиловали и расстреляли медсестер, ухаживавших за ранеными³.

Но имели место случаи убийства военнопленных врачей также и в концентрационных лагерях.

Так, например, в сентябре 1944 года в Дахау вместе с группой в 94 советских офицера были расстреляны также 2 военных врача, которые ранее работали в лагерном «лазарете»⁴.

Осенью 1944 года в лагере Штуттгоф казнены 2 женщины — военные врачи Советской Армии. Смертный приговор предусматривал повешение. Однако ни один из узников не хотел взять на себя в этом случае роль палача. Даже пресловутый Селонка, узник-немец и староста лагеря, который обычно осуществлял экзекуции, на сей раз отказался предложить свои услуги. В конце концов женщин-врачей застрелил заместитель коменданта лагеря Теодор Мейер⁵.

В ряде случаев на Восточном фронте имело место изнасилование женщин-врачей и медсестер перед их убийством.

Факты изнасилования женщин гитлеровцами были нередки и во время Варшавского восстания. Отмечен ряд зверских изнасилований, в частности во время эвакуации детской больницы имени Кароля и Марии; в Радиевом институте им. Марии Кюри-Склодовской на Вавельской улице; в родильном отделении больницы Младенца Иисуса, где, кроме того, имело место массовое изнасилование рожениц, в больнице, помещающейся на улице Фрета, № 10; в здании Благотворительного общества, превращенном в госпиталь, и т. д.

* * *

Какую ответственность в этом деле несут немецкие врачи? Деятельность немецких врачей, особенно тех, что носили мундиры вермахта, войск СС и других эсэсовских формирований, — это особая страница в истории преступлений фа-

¹ «Gefechtsbericht des Jagdkommandos Buttkowitz für die Zeit von 26/VI—4/VII 1941» (журнал боевых действий 291-й пехотной дивизии); PN-12, dok. prok., t. IX, s. 163—164.

² Донесение начальника разведки 16-й армии от 6/VIII 1941; PN-12, NOKW-2088, dok. prok., t. IX, s. 219.

³ Нота Наркоминдела СССР от 6 января 1942 года; «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 210.

⁴ Показания Ф. Блахи; «Нюрнбергский процесс», т. IV, стр. 451.

⁵ Показания бывшего узника лагеря Штуттгоф немецкого антифашиста Г. Вея; «Akta procesu T. Meyera», t. IV, s. 30 и 111.

шизма. Не обобщая и не выдвигая окончательных выводов, следует сказать, что и на них падает значительная доля ответственности.

Число немецких врачей, служивших национал-социализму и его преступным целям до конца, оказалось немалым. Это были врачи в мундирах СС, служившие в концентрационных лагерях, руководившие «отбором» нетрудоспособных и направлявшие их в газовые камеры или умерщвлявшие заключенных смертельными впрыскиваниями. Это были врачи и профессора медицины в мундирах вермахта (особенно военно-воздушных сил), проводившие эксперименты на узниках концлагерей, а нередко и на больных и раненых в лазаратах. Это были люди, презревшие свое призвание и свою врачебную клятву, явившуюся в течение двух с половиной тысяч лет, еще со времен Гипократа, торжественным обещанием, символом возвышенной и благородной врачебной этики: они не возвращали людям здоровье и жизнь, а, наоборот, убивали их, причиняли им страдания и мучения, калечили их.

Именно с такими врачами в 1939—1945 годах и столкнулись военнопленные. Это относилось к тем из них, кто стали узниками концлагерей и подверглись преступным «медицинским экспериментам», а также к больным и раненым в некоторых лагерях для военнопленных или на поле боя.

Преступления гитлеровских врачей в отношении больных и раненых можно разделить на две группы:

а) неоказание медицинской помощи больному или раненному пленному, который нередко ввиду отсутствия своих врачей и другого медицинского персонала, а также собственного медицинского оборудования и перевязочных средств мог ждать спасения, только если ему будет оказана эта помощь;

б) активное соучастие в издевательствах, «экспериментах» или непосредственном убийстве пленного (об этом шла речь в предыдущей главе).

Приведем несколько примеров.

В сентябре 1939 года, после резни польских военнопленных на казарменном плацу в Замбруве, устроенной гитлеровской охраной, немецкие врачи не оказали раненым никакой помощи и запретили использовать свой хирургический инструментарий, несмотря на то, что раненых было очень много, а единственный местный врач (д-р Грунланд) не имел необходимых инструментов¹.

В Хайна-Клостере (Германия) за период с 1 апреля по 31 декабря 1942 года группа английских военнопленных

¹ Показания д-ра Бенедикта Грунланда; AGK, inw. № 988.

подвергалась издевательствам со стороны неизвестного по имени немецкого офицера-врача¹.

Осуществлявшие надзор за «лазаретом» в лагере для советских военнопленных в Орле немецкие врачи Купер и Бекель в ответ на обращение советских врачей, жаловавшихся на голодание больных и раненых солдат, заявили, что получаемое пленными питание является вполне достаточным. Больные и раненые, так же как и все остальные пленные, получали в день по 200 граммов хлеба из заплесневелой муки с примесью опилок и литр супа из гнилой сои. Эти немецкие «врачи» называли голодные отеки военнопленных... болезнью сердца или почек².

В Смоленске немецкие врачи Шемм, Гетле, Мюллер, Отт, Штефен и Вагнер при соучастии вспомогательного медицинского персонала под видом лечения больных производили различные эксперименты на раненых солдатах и офицерах Советской Армии, применяя неизвестные доселе «медицинские» эксперименты, а затем убивали «вылеченных» инъекциями строфантина и мышьяка. Немецкий санитар Модиш из 551-го военного госпиталя в Смоленске убил этим способом 24 советских солдат и офицеров. Заметим кстати, что этот же Модиш брал значительные дозы крови у 6—8-летних советских детей для лечения раненых гитлеровских солдат. В результате такого принудительного «донорства» дети умирали³.

2 сентября 1944 года французский военнопленный из штаб-лата ШВ Буатар, работавший вне лагеря, был тяжело ранен в живот выстрелом из карабина, произведенным гитлеровским охранником за отказ снять пуловер перед началом работы. Во французской лагерной амбулатории этот раненый несколько часов тщетно ожидал разрешения на отправку в госпиталь для операции.

Немецкий военный врач (имя не установлено), несмотря на то что он был предупрежден французским военнопленным врачом, отказывал в выдаче такого разрешения, якобы из-за трудностей с перевозочными средствами. После шестичасового напрасного ожидания Буатар умер⁴.

После захвата гитлеровцами польского госпиталя, находившегося на заводе «Ситроен» (Варшава, Черняковская ул., 199) немецкий врач д-р Шульце, принимая этот госпи-

¹ «UNWCC; *Synopsis of Trial Reports*, C. 204, 11/VI 1946», p. 27.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 31.

³ Из приговора советского Военного трибунала в Смоленске, вынесенного 19 декабря 1945 года. Документ СССР-87 (см. также «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 68).

⁴ Меморандум французского правительства; «*Rapport sur la Captivité*», «Trial», 078/2—UK, v. XXXIX, p. 177.

таль, обнаружил в нем двух раненых повстанцев. Этот «врач» собственоручно застрелил обоих раненых¹.

Относительно деятельности немецких врачей-преступников следует заметить, что наряду с другими категориями преступлений гитлеровцев первыми почувствовали на себе деятельность таких «врачей» узники-немцы, брошенные в концентрационные лагеря в 1933—1939 годах, а также и немецкое гражданское население, которое принесло на алтарь преступной «эвтаназии» десятки тысяч жертв в 1939—1941 годах.

После второй мировой войны ряд врачей-преступников были привлечены к ответственности за свои злодеяния. Американский военный суд на процессе № 1 в Нюрнберге судил именно эту категорию немецко-фашистских преступников («процесс гитлеровских врачей»). Часть подсудимых попала на виселицу, однако многие избежали наказания.

Преступления, совершенные в отношении больных и раненых военнопленных, инвалидов войны и медицинского персонала, — это лишь одна из многочисленных форм истребления военнопленных фашистами во второй мировой войне. Однако данная форма истребления является наиболее гнусной и отвратительной. Нелишне напомнить, что в представлении любого больного или раненого человека белый халат врача и медсестры всегда ассоциируется с уважением и авторитетом, самопожертвованием и милосердием, лаконично сформулированными Сенекой в его изречении: «*res sacra miser*»². Эти чувства были растоптаны приверженцами того «мировоззрения», которое признавало «милосердие только для немецкого народа», да и то редко.

Участие немецких врачей во всех описанных преступлениях — это одна из самых мрачных страниц в истории немецкой медицины.

¹ A. Borkiewicz, op. cit., s. 578.

² «Страдание свято» (лат.).

**Преступные замыслы гитлеровцев
в отношении военнопленных
западных государств
в конце второй мировой войны**

В феврале 1945 года, когда вторая мировая война уже близилась к своему закономерному концу, высшие военные руководители третьего рейха обсуждали не только возможность истребления 40 тысяч англо-американских летчиков¹. В это время замышлялось преступление более широкого масштаба в отношении военнопленных всех союзных армий. Фашисты стремились создать такую ситуацию, которая «юридически» и фактически полностью «приравняла бы» положение западных военнопленных к положению советских военнопленных.

Гитлеровский зверь, вокруг логова которого все теснее сжималось кольцо окружения, чувствуя приближение агонии и погибая от бури, которую он сам вызвал, метался в беспильной ярости, замышляя одно преступление за другим. На пути к кровавой расправе с военнопленными еще стояло формальное, но слабое препятствие в виде международного права, которого гитлеровская Германия пока придерживалась в отношении большинства западных военнопленных. Третий рейх намеревался устраниТЬ это препятствие. Предлогом должны были стать... якобы «преступные» методы ведения войны союзниками. Вот краткое изложение хода этих событий:

Когда зимой 1944/45 года война перешла на территорию Германии и немецкое гражданское население все сильнее и болезненнее начало ощущать ее последствия, Гитлер и его ближайшие советники в отчаянной попытке повысить политico-моральное состояние фронта и тыла начали придумывать различные планы и меры, которые подняли бы все более слабеющий воинский дух армии и гражданского населения.

19 февраля 1945 года на совещании в ставке Гитлер поставил вопрос: не должна ли Германия денонсировать Женевскую конвенцию 1929 года? Основание? Вот оно:

¹ См. об этом стр. 318 книги.

«Поскольку не только русские, но и западные противники Германии своими действиями в отношении беззащитного населения и жилых кварталов городов поставили себя вне действия норм международного права, нам кажется целесообразным, чтобы и мы заняли такую же позицию, дабы тем самым показать противнику, что мы готовы сражаться до конца всеми средствами, сражаться за наше существование...»¹

И это говорил инициатор варварских воздушных налетов на Варшаву, Роттердам, Лондон, Белград, Минск и Ленинград! Так говорил тот, кто сам растоптал все свои торжественные международные обязательства и попрал законы и обычай войны, причем в масштабах и способами, не имеющими precedента в истории!..

Гитлер поручил начальнику штаба оперативного руководства вермахта генералу Иодлю и главнокомандующему военно-морскими силами гроссадмиралу Деницу проанализировать все «за» и «против» такого шага и срочно доложить свои выводы.

Уже на следующий день Дениц высказал свою точку зрения. То, что сказал Дениц, «увековечил» его адмирал по специальным поручениям. Записав «золотые мысли» своего шефа, этот порученец снабдил их, по понятным причинам, совершенно секретной оговоркой:

«Главнокомандующий военно-морскими силами информирует начальника штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковника Иодля и представителя министерства иностранных дел при ставке фюрера посла Хевеля о своем мнении по вопросу о возможной денонсации рейхом Женевской конвенции 1929 года. С военной точки зрения для ведения морской войны ничто не говорит в пользу такой денонсации, скорее наоборот: это принесет больше вреда, чем пользы. Главнокомандующему военно-морскими силами представляется также, что этот шаг не принесет никакой пользы. Лучше, если бы необходимые распоряжения были отданы без объявления об этом, чтобы сохранить свое лицо [разрядка наша. — Ш. Д.]. Начальник штаба оперативного руководства вермахта и посол Хевель полностью разделяют это мнение».

Иодль согласился с выводами Деница, тщательно взвесив со своей стороны все «за» и «против» денонсации международных конвенций, утверждая, что отрицательные

¹ Заметки адмирала по специальным поручениям при главнокомандующем военно-морскими силами (Admiral z. b. v. beim Ob. d. M.); Teilnahme des Ob. d. M. an der Führerlage am 19/I 1945 17 00 Uhr; «Trial», 158-C, v. XXXIV, p. 641—642.

последствия такого шага для Германии возобладают над возможной пользой.

В представленном Гитлеру меморандуме Иодль, в частности, дает оценку англо-американскому противнику, против которого направлялось острье задуманных мер:

«С формально-правовой точки зрения вообще трудно будет доказать западным противникам нарушение ими норм международного права. Они дают им свое толкование, если считают это целесообразным, но не нарушают их. В случае же, если нарушение имеет место, они обосновывают его по всем правилам».

Среди найденных «за» Иодль перечисляет возможность использования труда военнопленных, обращения с ними и содержания их, как этого желают немцы. Однако среди «против» фигурирует тщательный подсчет количества англо-американских военнопленных, попавших в руки немцев и содержащихся в гитлеровских лагерях (всего 230 тысяч человек, в том числе 168 тысяч англичан и 62 тысячи американцев). В то же время в руках союзников находилась 441 тысяча пленных немцев (134 тысячи у англичан и 307 тысяч у американцев)¹.

Как видно из вышесказанного, баланс был явно не в пользу Германии. Вывод, который Иодль не формулирует, но который вытекает из этих подсчетов, примерно таков: «Невыгодно уморить голодом, вырезать или замучить англо-саксонских пленных, ибо в случае ответных мер нам же будет хуже». Таких «против» Иодль перечислил больше и поэтому высказался против проекта Гитлера по вопросу о денонсации международных конвенций.

Но это отнюдь не означает, что генерал Иодль, ближайший военный советник Гитлера и соавтор многих преступных директив ОКВ, предлагал честно придерживаться обязательств, вытекающих из международных соглашений. Так же как и Дениц, он разъяснял Гитлеру, что формальное принятие на себя определенных международных обязательств во все не означает, что их следует выполнять на практике. Как и Дениц, он цинично внушил Гитлеру: чтобы уменьшить масштабы «террористических воздушных налетов» противника, не обязательно совсем отказываться от своих международных обязательств, желая таким образом устрашить неприятельских летчиков. Достаточно опубликовать сведения о большем числе случаев линчевания союзных летчиков разъяренной

¹ Заметки адмирала по специальным поручениям при главнокомандующем военно-морскими силами; «Trial», 158-C, v. XXXIV, p. 641—642.

толпой, которых «не удалось избежать» [закавычено в оригинале. — Ш. Д.]¹.

Такое закавычивание — это многозначительное подмигивание и явное одобрение организованного «народного гнева», это насмешка над международным правом, которое, как утверждает Иодль, должно быть в руках заправил рейха «боевым средством, а в особенности пропагандистским оружием». В этом цинизме — один из источников преступлений вермахта, в том числе и в отношении военнопленных.

Но то, что сформулировали Дениц и Иодль, — это нечто большее, чем цинизм. Это уже было определенным «мировозрением»... Дениц и Иодль доказывали, что международное право следует соблюдать, но... лишь тогда, когда оно служит интересам Германии. В то же время его следует обходить или попирать, если оно вредит этим интересам. Таким образом, отношение гитлеровцев к международному праву зависело от того, что в тех или иных обстоятельствах преобладало: польза или вред.

Такова «мораль» гитлеровских генералов.

В результате взвешивания «за» и «против» верх взяли факторы «против». До осуществления широко задуманного преступления в отношении западных военнопленных дело, к счастью, не дошло. Важнейшим аргументом против совершения этого преступления было мощное советское наступление на огромном фронте от Балтийского моря до Будапешта, в ходе которого гитлеровцам были нанесены сокрушительные удары, означавшие тотальный проигрыш ими войны. А надо сказать, что Дениц, Иодль и даже Гиммлер очень хотели спасти свою шкуру и поэтому не рисковали обременять себя новыми преступлениями.

¹ Заметки адмирала по специальным поручениям при главнокомандующем военно-морскими силами; *ibid*, p. 641—642.

**Слово
о мертвых и живых**

Изложенные нами материалы воссоздают картину обращения гитлеровцев с военнопленными во время второй мировой войны. Картина эта общая и неполная. Но тем не менее она позволяет нам составить представление о масштабах ужасного и беспрецедентного преступления, хладнокровно, изуверски совершенного германским фашизмом в отношении военнопленных¹. В качестве «объекта № 1» своих людоедских устремлений гитлеровцы избрали советских военнопленных. Только судьбу итальянских военнопленных — с точки зрения обращения с ними — в какой-то степени можно сравнить с судьбой советских военнопленных. Судьба военнопленных другой национальной и государственной принадлежности складывалась по-разному: если даже она во многих случаях и была тяжкой, а порой и жестокой, то все же никакого сравнения с судьбой советских военнопленных она не выдерживает. Хотя в отношении несоветских военнопленных нормы международного права также неоднократно нарушались гитлеровцами, но в результате таких нарушений не происходило необратимых последствий: не имело место массовое истребление при помощи внезапных или «естественных» средств. Лишь к концу войны наметилась тенденция обращаться с западными военнопленными так же, как с советскими военнопленными. Перелом в ходе войны в пользу антигитлеровской коалиции и последовавшая за этим победа

¹ Необходимо отметить, что некоторые аспекты преступлений гитлеровцев в отношении военнопленных в данном труде по ряду причин не рассматриваются. Это относится к рабскому труду, преступлениям в отношении военнопленных, пойманных при попытке к бегству, преступлениям «судебного» характера и т. д.

спасли несоветских военнопленных от страшной участи советских военнопленных.

Советский солдат стоит на первом месте как с точки зрения своего боевого вклада в успех войны против гитлеровских захватчиков, так и с точки зрения масштабов и жестокости совершенных в отношении него гитлеровцами преступлений. Нам думается, что между двумя этими моментами существует определенная причинная связь. Германский фашизм истреблял советских военнопленных хладнокровно, планомерно и систематически. И не только потому, что советский человек был «идеологическим противником» нацизма, как это вдалбливал своим генералам Гитлер, но прежде всего потому, что он был таким противником, которого Гитлер больше всего боялся как солдата, могущего перечеркнуть — и действительно перечеркнувшего! — все зловещие планы третьего рейха в его стремлении к мировому господству.

О масштабах гитлеровских преступлений против советских военнопленных говорят сотни тысяч жертв. Полные данные, которые позволили бы нам точно определить число истребленных советских военнопленных, отсутствуют. Однако мы еще раз со всей категоричностью подчеркиваем, что те сотни тысяч советских военнопленных, которые значатся в официальных гитлеровских данных как «умершие», мы не считаем умершими. Все это были люди, истребленные при помощи таких «естественных» средств, как голод, холод, антисанитарные условия и эпидемии! Эти данные заставляют нас задуматься и исследовать, а что же скрывается за этими сотнями тысяч неизвестных нам по имени человеческих существ? Кем они были, что они чувствовали, когда уже не могли сражаться и побеждать, но зато с достоинством умирали в страшных застенках врага, именуемых «лагерями для военнопленных» вермахта, либо от пуль эйнзатцкоманд в результате «особого обращения» или же в лагерях смерти от рук эсэсовских палачей? Каков был облик и судьба тех, кому удалось вырваться из лап смерти?

Современное состояние исследований в этой области позволяет нам дать только частичный ответ.

Прежде всего — какие возрастные категории представляли эти мученики?

Из сохранившейся именной картотеки советских военнопленных, истребленных в Освенциме (она содержит 7641 фамилию), вырисовывается следующая картина¹:

¹ Составлено на основе данных, собранных у J. Brandhuber, Jeńcy radzieccy w obozie koncentracyjnym w Oświęcimiu, «Zeszyty Oświęcimskie», 1960, № 4, s. 32.

Возраст	Количество
18—19 лет	123
20—24 года	2066
25—29 лет	1880
30—34 года	2097
35—36 лет	577
37—46 лет	500
48—61 год	8
Данные отсутствуют . . .	383
Всего . . .	7634
в возрасте 11 (!) лет . . .	2
» » 15 » . . .	1
» » 16 » . . .	3
» » 17 » . . .	1
Всего . . .	7
Итого . . .	7641

Кроме того, эта картотека содержит такие данные:

1 день	2 пленных
2 дня	9 »
3 »	2 »
4 »	5 »
5 дней	24 »
6 »	25 »
7 »	16 »
До 15 »	251 пленный
До 30 »	2080 пленных
До 60 »	1901 пленный
Свыше 60 »	1901 »
Свыше 1 года	1 » (!)
Ошибочно вписан	21 »
Нет даты смерти	1688 пленных

Всего . . . 7641 пленный¹

¹ J. Brandhuber, op. cit., s. 33.

В приведенном подсчете, основанном на данных официальной лагерной картотеки, имеются значительные пробелы в виде отсутствия даты смерти значительного числа военнопленных. Однако такая же официальная «книга регистрации умерших» советских военнопленных в Освенциме значительно более точна: в нее занесено 8320 случаев смерти, имевших место в период с октября 1941 по январь 1942 года включительно. Число случаев смерти по отдельным месяцам выглядит следующим образом:

1941 г.	
октябрь	1255
ноябрь	3726
декабрь	1912
1942 г.	
январь	1017
февраль	410
Всего . . .	8320 ¹

Кривая смертности резко идет вверх со второй половины октября 1941 года², достигая максимума в первой половине ноября 1941 года, после чего постепенно снижается к февралю 1942 года³.

Установить, что приведенные выше данные, относящиеся к одному лагерю смерти, идентичны и для других лагерей, — дело чрезвычайно трудное. Надо учитывать, что документы — лагерные книги, картотеки узников и т. п. — почти полностью уничтожены отступавшими гитлеровцами.

Из приведенных данных, имеющих лишь ориентировочную ценность, гипотетически — для всех лагерей смерти — вытекает, что наибольшее число советских военнопленных, замученных фашистами, имело возраст 20—36 лет⁴, что большинство их гибло в течение двух месяцев пребывания в лагере (чаще всего между 16-м и 30-м днем), а повышение смертности приходится на октябрь 1941 — январь 1942 года (с максимумом в ноябре). Процесс массового вымирания,

¹ J. Bgrandhuber, op. cit., s. 30.

² Из 1255 случаев смерти в октябре 1941 года на первую половину месяца приходится 115, а на вторую — 1140.

³ Практически смертность советских военнопленных в Освенциме снижается в связи с вымиранием почти всех пленных.

⁴ Учитывая скучность имеющегося материала, мы хотели бы заметить, не производя никаких сравнений и не делая никаких выводов, что из 33 итальянцев, умерших «естественней смертью» в первой половине 1944 года в шталаге VIIIС в Жагани, значительная часть (18 человек) скончалась (от туберкулеза!) в возрасте 19—24 лет. Только один, самый «старый», был в возрасте 37 лет; AGK, «Akta Zaganskie».

судя по Освенциму, в основном заканчивается в феврале 1942 года, когда из многотысячных транспортов с пленными не осталось уже почти никого¹.

Но о чем же все-таки думали, о чем мечтали, к чему стремились те, кому уже ничего иного не оставалось в жизни, кроме как только умереть?

Сохранились документы. Особые документы. Мысли,увеченные не на бумаге: ее не было. Были голые стены крепости, стены казематов, форточек, бараков. Надписи вырезывались на этих стенах либо писались смолой и другими стойкими красящими веществами. Такие надписи не могли быть длинными. И они действительно были лаконичными, короткими: в нескольких словах в них выражались самые горячие стремления, последние чаяния тех, которые имели слишком мало надежды, чтобы уцелеть и живыми передать живым то, что больше всего волновало их. Увы, не все эти надписи сохранились до наших дней! Слишком красноречивым и сильным было содержавшееся в них обвинение, слишком очевидны были в них доказательства преступления. Но и те, что сохранились, говорят о безграничной любви к родине, о тоске по близким, о ненависти к потерявшим человеческий облик немецко-фашистским палачам, о глубокой вере в победу своих, которые придут сюда, как освободители и мстители...

25 июля 1944 года победоносная Советская Армия освободила крепость Демблин. И перед потрясенным взорами фронтовиков, уже видевших мрачные и кровавые картины войны, предстала бездна фашистской подлости. Это был «лагерь для военнопленных, фронтшталаг 307», в котором было зверски истреблено 80—100 тысяч их товарищей по оружию. Советские военные власти немедленно начали тщательное расследование этого людоедского преступления. В результате детального осмотра «великого демблинского кладбища», каким стала для советских военнопленных старая крепость Демблин (прежнее название: Иван-город), перед комиссией, созданной Советским командованием, в которой участвовали представители польской общественности, раскрылся еще один аспект этой колоссальной человеческой трагедии:

«Осмотр одиночных камер и темных карцеров свидетельствует о том, что немцы могли погубить любого военнопленного, могли сделать его на всю жизнь уродом и калекой, могли заставить его есть траву и гниль, но они не могли по-

¹ Тогда оставалось в живых 36 пленных. Число их к 17 августа 1942 года возросло до 163 человек в связи с прибытием новой партии пленных (см. J. Grandhuber, op. cit., s. 39).

гасить в русских людях любовь к родине и веру в победу Красной Армии.

Военнопленный Оплятов В. И. 12 марта 1944 года, выражая свою тоску по родине, писал:

Русь! О Русь ты моя, дорогая!
Не вернуться мне больше к тебе...
Кто ж вернется — тот век не забудет,
Все расскажет родной семье.

Все расскажет — покатятся слезы,
Выпьет рюмку — вскружит голова...
Неужели домой не вернуться?
Сжалься к пленному, злая судьба!

Наперекор гитлеровским гангстерам верные сыны советской отчизны, заточенные в огромном каменном гробу, на стенах одиночек и темных карцеров писали слова пламенных призывов и веры в силу русского народа:

«Товарищи, объединяйтесь на борьбу!»
«Настанет тот час, когда эта цепь разорвется!»
«Да здравствует великий русский, непобедимый народ!»¹

16—21 октября 1947 года советская Чрезвычайная государственная комиссия и польская Государственная комиссия по расследованию немецких злодяйий провели на территории крепости Демблин совместное расследование по делу о массовом уничтожении советских военнопленных², а равно «изучили обнаруженные вещественные доказательства, в том числе представленные свидетелями 73 немецких фотоснимка, а также надписи, сделанные заключенными на стенах в крепостных казематах».

Некоторые из этих фотоснимков воспроизведены в конце данной книги. Надписи, которые осмотрела советско-польская комиссия, были списаны, собраны и пронумерованы старшим лейтенантом Советской Армии Юрченко и включены в акты Центральной комиссии по расследованию преступлений нацистов на территории Польши — в папку документов о преступлениях, совершенных над советскими военнопленными во «фронтшталаге 307» в Демблине³. Всего таких надписей было собрано 107. Приводим некоторые из них:

¹ Из «Заключения комиссии по расследованию немецких злодяйий над советскими военнопленными в Демблинской крепости» от 28 августа 1944 года, Демблин; AGK, «Dęblin — obóz jeńców radzieckich», 116/ob. inw. № 101, s. 60—61.

² О работе этой комиссии в крепости Демблин упоминалось на стр. 361.

³ AGK, «Dęblin-obóz jeńców radzieckich», 116/ob. inw. № 101, s. 11, 136—145.

2. «Здесь была моя смерть. В этом здании я просидел 6 м-цев и последний дни моей смерти немец избевал меня и не токо меня а всех, кто был здесь сегодня миня видут на рострел мне есть ни давали уже 10 дней...»

3. «28.6. 6.7.44 г. Здесь были русские военнопленные из Борисова 8 дней и едем не знаем куда».

5. «Здесь сидел укр. Житомирской обл., Емельченского р-ну, село Подлуби, Дмитерко Федор Горасимович ористован в БССР, гестапом г. Могилева, 18 апреля 44 г., отправлен 10.7.44 г.»

11. «Мы граждане СССР угнанные немцами сюда, находимся в тяжелых условиях под открытым небом, вши едят, голодные, нас немецкие солдаты бьют на каждом шагу».

12. «Отступая под ударами Красной Армии изверги всяко стремятся скрыть свои злодеяния. Это помни каждый красноармеец не забывай отомстить за это и за нас. Это мы попавшие красноармейцы в плен немцам под Калугой в 1942 году».

13. «Никогда не забудем эти грабежи насильства пытки, голод и холод и палочную систему этих немецких питомцев отомстим и не простим немцам на век».

14. «Здесь под немецким гнетом погибли русские солдаты — красноармейцы, офицеры, девушки и малые дети».

33. «Товарищи! Не забывайте этой жизни».

40. «Исламов Фат попал в плен 10 X-41 года на русской земле, город Вязма, здесь побыл 26 VI-43 г.»

49. «Украина родной край когда тебя увижу [дата и год неясны] В. Тимошенко».

57. «Оржаникидзевская край Кизлярская окр. Шельковская район ст. Грибинская Бактимиров Ибрагим О. попал в плен 1941 г. 10 октября. Страна Хайсулин Исл 14 июля...»

62. «Здесь находился военноплен. Киевской области Макаровский р-н село Моти.. Краморенко».

87. «Красно-Четаевского р-на д. Черепаново Макаров Ал-др Игнатьевич 1922 г. р. в плена с 18 сентября 1941 г. записано 29 апр. 1943 г.»

103. «Узбекистан р. 1919 В. Ф. г. Самарканда улица Розы Люксембург № 24, Брониславцевой К. Р.

В. Ф. Прибыл 21 октября 1941 года в лагир военнопленным жив пока на сиводня а дальше что будет низнаю кто будут жив пиши по адресу матери. В. Ф. [подпись]».

104. «Здесь находился Сонкин Роман К. г. Брянск, с 30.4.44 до 10.7.44 отправлен в Германию».

Из этих коротких, но достаточных для целой программы действий надписей, помещенных на стенах казематов «фронтштала 307», мы хотели бы остановиться на одной, значащейся под № 12. Это призыв, обращенный к товарищам — солдатам Советской Армии, которые потом придут сюда, на место казни мучеников. Немцы, гласит эта надпись, стараются скрыть следы своих преступлений. Так пусть об этом помнят товарищи, пусть отомстят за совершенные над ними преступления!

К сожалению, для сотен тысяч военнопленных и мирных граждан, оказавшихся под гитлеровской оккупацией, победа пришла слишком поздно. Военнопленные и «гражданские» заключенные погибли главным образом зимой 1941/42 года, когда Советская Армия, в одиночку сражавшаяся на главном театре военных действий второй мировой войны против пре-восходящих сил врага, вынуждена была защищать самое свое существование, и не только свое, но и всей Советской Родины. Однако эта помощь и освобождение пришли настолько быстро, что Советская Армия успела спасти сотни миллионов населения Европы, и не только Европы, от «тысячелетнего господства рейха». Правда, горек был вкус победы перед лицом руин и пепелищ, в особенности людоедского истребления своих беззащитных товарищ по оружию. И потому справедливый гнев продиктовал не менее справедливые слова:

«25 июля 1944 года крепость освобождена Красной Армией и город Демблин возвращен польскому народу. Но сто тысяч человеческих жизней, загубленных руками гитлеровских убийц и покоящихся в земле Демблинской крепости, требуют суворой кары, которую должны понести перед советским народом и всем человечеством гитлеровские палачи»¹.

Это был голос советского фронтовика, к которому присоединился в освобожденном Демблине (август 1944 года) и голос представителей польского народа. В августе 1945 года этот призыв фронтовиков, которые, осуществляя его, дошли до Берлина, поддержали правительства стран, объединившихся в антигитлеровской коалиции: «...Германский милитаризм и нацизм будут искоренены».

Затем пришел Нюрнберг.

После главного Нюрнбергского процесса состоялся еще ряд процессов. Незначительная часть убийц понесла заслуженное наказание, но большинство их ускользнуло от рук

¹ AGK. «Заключение комиссии по расследованию немецких злодействий над советскими военнопленными в Демблинской крепости», стр. 74.

правосудия. Сейчас палачи и убийцы, благоденствуя, доживают свой век в Западной Германии. Больше того, во многих странах Запада им предоставлено... «политическое (!) убежище». Единственным важным и стабильным достижением, а вместе с тем и выполнением завета павших является уничтожение фашизма на всем огромном пространстве Восточной Европы.

* * *

А каков был удел тех советских военнопленных, которые не пали жертвами массового мора и не были убиты палачами из эйнзатцкоманд в 1941—1942 годах и позднее?

Они вели «жизнь» невольников, принуждаемых к труду в сельском хозяйстве, промышленности и горном деле. В оперативных районах их нередко заставляли — в зоне боевых действий и вблизи нее — выполнять задания, имеющие непосредственную связь с боевыми действиями: например, обезвреживание мин, погрузка и выгрузка боеприпасов (причем часто под огнем) и т. п. Делалось это гитлеровцами вопреки ясным и четким предписаниям международного права. Но самой тяжкой была судьба советских военнопленных, загнанных в гитлеровские лагеря уничтожения, но не умерщвленных немедленно (как это делали с «нежелательными»), а обреченных на медленную смерть в процессе изнурительной работы.

Как реагировали на все это советские военнопленные? Мерились ли они с таким положением вещей? Усиливали ли они своим трудом военный потенциал врага?

Ответ на эти вопросы может быть лишь один, и звучит он более чем категорично: НЕТ! В основной своей массе советские военнопленные вместе с военнопленными других государств — а из числа военнопленных других национальностей к работе принуждали только солдат — первыми и с первого же дня неволи поднялись на борьбу против немецко-фашистских захватчиков и против их попыток использовать советских военнопленных в борьбе против советского народа и советского государства. Военнопленные всех государств антигитлеровской коалиции вписали славную страницу в эту главу военной истории, однако надо со всей решительностью подчеркнуть, что советские военнопленные в этой борьбе стояли в первых рядах как по масштабам своей активности и боевитости, так и по использованию методов борьбы, совершенно не применявшимся или почти не применявшимся военнопленными других национальностей, — своим примером они увлекали других. Какие же это были методы? В случаях, когда здравый смысл и обстоятельства допускали это, — они

отвечали на силу силой, на насилие — насилием, то есть вооруженными выступлениями!

Если мы говорим о борьбе военнопленных с теми, кто их пленил¹, то одной из главных форм этой борьбы и непременным условием для всех других действий было освобождение из плена — бегство. Эта форма борьбы проистекала из извечного стремления человека, лишенного свободы, к тому, чтобы вновь обрести или добыть ее. У военнопленного, который попал в неволю, бегство, кроме того, вызывается глубоко человеческими, благородными мотивами: любовью к родине, чувством солдатского долга, стремлением вновь включиться в продолжающиеся военные усилия своего народа. Словом, военнопленные бежали из плена затем, чтобы сражаться вновь. Тезис этот, как правило, подкрепляется опытом второй мировой войны. О масштабах этих побегов говорят некоторые цифры.

В 1941—1944 годах из гитлеровского плена бежало около 71 тысячи французских военнопленных². В это же время только на территориях, подконтрольных ОКВ, то есть на территории оккупированной фашистами Европы и всего третьего рейха, по официальным немецким данным, бежало из гитлеровской неволи 66 694 советских военнопленных³. К сожалению, у нас нет точных официальных данных по оперативным районам на Востоке. Однако на основе общих немецких данных, охватывающих не только побеги, но и передачу военнопленных в руки СД и ВВС⁴, можно ориентировочно определить количество бежавших из плена (в оперативных районах) советских военнопленных примерно в 400 тысяч человек.

Таким образом, общее число бежавших из немецкого плена советских военнопленных в 1941—1944 годах составляет ориентировочно около 450 тысяч человек⁵.

Этот колоссальный масштаб бегства из плена находит свое закономерное подтверждение в некоторых общих данных, переданных Шпеером непосредственно Гитлеру в 1944 году. Имперский министр вооружений и боеприпасов Шпеер — военный преступник, осужденный в Нюрнберге, —

¹ В связи с тем, что эти вопросы не входят в основной аспект данного труда, мы затрагиваем их лишь попутно. Этой проблеме автор посвящает отдельную книгу.

² Эти данные собраны французским исследователем М. Будо и приведены у Ж. М. Ноир, *Note sur les évasions, «Revue d'Histoire de la 2-me guerre mondiale»*, 1957, № 25, p. 77.

³ «Kriegsgefangene Organisation (Ia); Nachweisung des Verbleibes Sowjet. Kriegsgefang.», Dok. NOKW-2125, PN-12, dok. prok., t. XV, s. 78.

⁴ Эта официальная общая численность составляет 490 441 человек

⁵ S. Datner, *Ucieczki jenieckie z niewoli niemieckiej w czasie drugiej wojny światowej, «Wojskowy Przegląd Historyczny»*, 1960, № 2, s. 122.

определил число бежавших с мест работы военнопленных и иностранных рабочих, угнанных на принудительные работы в Германию, примерно в 30—40 тысяч человек *ежемесячно*, то есть почти полмиллиона в год!¹ В данных Шпеера не выделяются отдельно бежавшие военнопленные. Но они свидетельствуют еще об одной истине: о громадном числе бежавших (наряду с военнопленными) иностранных рабочих, принятых в Германию на принудительные работы. Отметим, что за пальму первенства в бегстве с германской каторги тут соревнуются советские и польские гражданские рабочие.

В свете этих данных официальные немецкие цифры, касающиеся бегства советских военнопленных, в особенности с территорий, подконтрольных ОКВ, кажутся явно заниженными и, по-видимому, не учитывают массовых побегов, в которых принимало участие сразу несколько тысяч военнопленных, как, например, из лагеря в Сухожебрах (Польша) и т. д.

Советские военнопленные, рассеянные почти по всей оккупированной Европе, как правило, бежали на родину («на Восток»). Те из них, которые находились в оперативных районах, стремились пробиться на соединение со сражающейся Советской Армией и действительно пробивались через линию фронта. К сожалению, число этих солдат-героев статистически не учтено, можно только утверждать, что их было тысячи.

И еще один весьма важный факт: побеги советских военнопленных датируются первыми же днями войны и не прекращаются до самого ее конца. Тысячи советских людей бегут в одиночку, чаще же всего небольшими группами, но некоторые побеги отличаются большими масштабами. Полагаем, что наиболее крупный побег в истории второй мировой войны был совершен советскими военнопленными, которые были сконцентрированы для истребления и находились в тяжелейших условиях в лагере Сухожебры, вблизи железнодорожной станции Поднесельно, в 15 километрах от уездного города Седльце (Польша). Здесь в августе 1941 года тысячи пленных по сигналу бросились на заграждение из колючей проволоки, прорвали ее и вырвались на свободу. Большинство их было скошено пулеметными очередями, однако некоторое число сумело уйти.

Немецким же официальным источникам мы обязаны и сведениями о побеге 340 советских военнопленных, совершенном 15 августа 1941 года с одной из железнодорожных станций под Торунью сразу же по прибытии туда транспорта с пленными. На процессе по делу гитлеровского фельдмаршала

¹ «Auszug aus der Führerbesprechung vom 3—5. Juni 1944», Dok. Exhibit Speer-13, «Trial», v. LI, p. 416.

Лееба и других мы узнали о массовом восстании советских военнопленных в Умани (на Украине), хотя подробности этого события пока что остаются неизвестными.

Трагическим и возвышенным поступком был вооруженный побег 600—800 советских офицеров — заключенных пресловутого «блока № 20» в лагере смерти Маутхаузен, совершенный в ночь на 3 февраля 1945 года.

Меньшие по масштабам коллективные и массовые побеги советских военнопленных насчитывают тысячи участников. Но и западные военнопленные совершили ряд серьезных и вызывающих уважение своей смелостью побегов из плена: а) польские военнопленные (47 офицеров и солдат) организовали трагически закончившийся побег из олага VII в Десселе 19 сентября 1943 года; б) 112 варшавских повстанцев бежали 12 октября 1944 года с вокзала в Лодзи; в) французские военнопленные (97 офицеров) устроили дерзкий побег 20 сентября 1943 года из олага XVIIА в Эдельбахе; г) 54 французских солдата предприняли в ночь на 18 декабря 1943 года побег из лагеря «Адмирал Броми» в Бремене; д) трагический по своим последствиям побег совершили в ночь на 25 марта 1944 года 80 офицеров английских военно-воздушных сил из лагеря «шталаг люфт 3» в Жагани.

Приведенный выше перечень охватывает лишь наиболее крупные по масштабам побеги западных военнопленных.

Все упомянутые побеги имеют более или менее тождественный характер и отличаются лишь масштабами и способами. Однако имел место один такой побег военнопленных, который можно считать уникальным в истории. Это вооруженный побег безруких и безногих советских военнопленных-инвалидов, совершенный 24 декабря 1942 года под Бердичевом в момент их казни. Об этом изумительном и подлинно героическом побеге мы писали выше (см. стр. 436—437).

Если же говорить о технических деталях побегов, то следует констатировать, что находчивость и изобретательность всех советских беглецов была неисчерпаемой и почти безграничной. Бесстрашие и отвага, проявленные советскими военнопленными, рождали прямо-таки невероятные побеги: бежали пленники, закованные в кандалы, были случаи совершения побегов... на самолетах и т. д.

Дискриминация и звериная ненависть гитлеровцев по отношению к советским военнопленным явились причиной различных и куда более трагических (по сравнению с пленными других национальностей) последствий в тех случаях, когда побеги заканчивались неудачей. Если пойманный несоветский беглец подвергался только дисциплинарному наказанию в соответствии с Гаагской и Женевской конвенциями или

дисциплинарному аресту (преимущественно 21—30 дней лагерного «карцера»), то советских военнопленных после поимки либо расстреливали, либо отправляли в лагерь уничтожения, предварительно замучив до полусмерти. Однако раз попранное в одном месте право легко попирается и в другом: с 1943 года отмечаются зверские преступления, совершенные и в отношении бежавших из Дёсселя польских офицеров, а в 1944 году подобные преступления допускаются гитлеровцами в отношении английских, французских и американских военнопленных. К беглецам этих национальностей либо применялся так называемый «приказ «Пуля», либо их отправляли в Маутхаузен и там «ликвидировали».

Необходимо отметить еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: большой вклад бежавших — советских военнопленных в партизанское движение. На всей оккупированной территории Советского Союза участие бежавших из плена советских солдат и офицеров в партизанском движении было массовым явлением.

Те советские военнопленные, которые оказались в западных районах рейха и в оккупированных странах Европы, после удачного побега чаще всего связывались с местными организациями движения Сопротивления. Множество советских людей влились в ряды югославских, чехословацких, итальянских и французских партизанских отрядов, укрепив их состав, или же создали на этих территориях самостоятельные отряды и боевые группы.

Очень большим было участие бежавших из плена советских людей в партизанском движении в оккупированной Польше. Не было почти ни одного партизанского отряда Гвардии Людовой или группы Армии Людовой, в которых они не участвовали бы. В Люблиńskом, Белостокском и других воеводствах Польши действовали самостоятельные отряды советских партизан, в значительной части или почти исключительно состоявшие из бежавших военнопленных.

Часто бежавшие из плена советские люди организовывали очаг сопротивления в данном районе, а во многих случаях они составляли кадры руководства создающихся национальных партизанских отрядов. Так было во многих странах и районах Европы.

Не преувеличивая, можно утверждать, что без советских людей, бежавших из фашистской неволи, — наряду с которыми в ряде случаев необходимо также отметить и бежавших военнопленных других государств антигитлеровской коалиции — партизанская война в оккупированной гитлеровцами Европе (во время второй мировой войны) не имела бы такого размаха, таких масштабов, эффективности и значения, какие она обрела в действительности. Это бесспорно.

Но с фашистским врагом сражались не только те, кому удалось бежать из нацистского ада и кто вступил затем в вооруженные партизанские отряды. Славную страницу в историю борьбы с фашизмом вписали и многие военнопленные, брошенные в гитлеровские лагеря уничтожения.

После короткого, но самого трудного первого периода пребывания в плenу, когда большинство военнопленных было уничтожено в результате массовых казней, истреблено голodom, эпидемиями или непосильным трудом, оставшиеся в живых быстро пришли в себя и в невообразимо тяжелых условиях начали объединяться и организовываться, сплачиваться вокруг верных, испытанных товарищей по несчастью, товарищей по оружию: преимущественно вокруг старших и младших по званию офицеров. Перед лицом подстерегающей их на каждом шагу и в любую минуту смерти, в кольце газовых камер, печей и застенков тайные организации узников начали возвращать вчерашним солдатам прежде всего чувство их человеческого достоинства, веру в победу их сражающейся родины, частицей которой они оставались даже в этих страшных условиях.

Это было самым большим и самым важным достижением советских людей, оказавшихся в «тени крематорных труб». Но не только это: с течением времени они вступили на путь активной борьбы, прежде всего организации актов саботажа в мастерских и на заводах, находившихся на территории лагерей смерти или поблизости от них. Планировались и даже готовились вооруженные восстания в самом тесном сотрудничестве с наиболее надежными людьми из числа «гражданских» заключенных: немцев, поляков, французов, норвежцев и т. д. (Саксенхаузен, Бухенвальд, Освенцим и другие лагеря). Сравнительно большое число советских военнопленных бежало из такого места, откуда, казалось бы, просто невозможно бежать,— из Освенцима! В совершенно невероятных условиях советские военнопленные организовали массовый побег из лагеря смерти Маутхаузен. Вооруженное восстание в лагере смерти Собибур было задумано и осуществлено прежде всего находившимися там советскими офицерами-евреями. И если в лагерях смерти не всюду дело дошло до вооруженных выступлений, то это не может быть поставлено в вину брошенным туда военнопленным. Стратегия и тактика движения Сопротивления в условиях лагеря смерти должны были быть совсем иными, нежели «на воле», и любые аналогии, а равно и возможные попытки привести это дело к общему знаменателю глубоко ошибочны. Здесь важно одно: за исключением незначительной горстки предателей и изменников, советские военнопленные в своей массе даже

тут, в этом аду, сохранили свое лицо солдата и гражданина своей великой Родины!

Свою почетную страницу в историю этой борьбы вписали и военнопленные, которых использовали на германских промышленных предприятиях, принуждая работать там вопреки запрету, содержащемуся в нормах международного права. Дела эти нам мало известны и пока что почти не исследованы: они еще требуют детального изучения. Но акты саботажа, многочисленные факты таких и многих других действий несомненны. Что особенно важно, как это яствует из немецких официальных документов, данная форма борьбы применялась не только одиночками, но были попытки (и, кажется, не только попытки!) организовать военнопленных для ведения такой борьбы. Как и в большинстве других случаев, передовая, ведущая роль советских военнопленных как инициаторов и руководителей организованных форм борьбы тут также бесспорна.

Ниже, основываясь на немецких документах, мы представляем читателям одну из таких изумительных попыток включить в борьбу против германского фашизма также и военнопленных многих других национальностей, причем в самом сердце преступного третьего рейха.

В начале 1944 года на территории VII военно-воздушного округа (Мюнхен) гитлеровцы нашли у заключенного Закира Ахметова (личный номер 19 900), работавшего на объекте BBC вместе с многими другими советскими военнопленными, «инструкцию и программу» подпольной организации пленных — БСВ. Немедленно после обнаружения у него этих документов Ахметов бежал из плена вместе с другим военнопленным, Иваном Бондарем. К сожалению, дальнейшая их судьба нам неизвестна.

Содержание «инструкции и программы БСВ» были настолько сенсационны, что местное начальство из BBC сочло необходимым немедленно представить по этому делу рапорт высшему начальству, и, таким образом, дело попало к самому Герингу. Ознакомившись с этими материалами, Геринг в свою очередь срочно ознакомил с ними начальника полиции безопасности и СД Кальтенбруннера, потребовав от него срочного расследования и проведения обысков среди военнопленных с целью выявления подробностей, касающихся раскрытий организации БСВ. Издав соответствующие инструкции своим подчиненным (по производству массовых обысков среди советских военнопленных), Кальтенбруннер заявил, что «...среди военнопленных, особенно советских, уже возникли повстанческие организации, которые, насколько удалось установить, работали по единым указаниям и искали связи с восточными рабочими».

Из «инструкции и программы БСВ» явствует, что существовала широко разветвленная организация, руководимая советскими военнопленными (под программой стоят две подписи: Федотов, Днепрец) и охватывающая военнопленных из армий многих государств: Польши, Франции, Югославии, Великобритании, Чехословакии, США и, естественно, Советского Союза.

«Инструкция и программа» призывают узников к созданию советов военнопленных, к организации актов саботажа, к побегам, к проведению суда над изменниками, к совместным действиям всех военнопленных с целью начать организованную борьбу против гитлеризма и оказывать помощь сражающимся армиям Советского Союза. Особенно подчеркивается братский интернационализм, о чем свидетельствует уже самое название организации: БСВ. Организация называлась «Братское содружество военнопленных». Полное немецкое название этого беспрецедентного и удивительного документа, сохранившегося в архивах гитлеровской полиции безопасности и СД, таково: «*Illegal Organisation der Brüderlichen Mitarbeiterschaft aller Kriegsgefangenen Polens, Frankreichs, der Tschechoslowakei, Jugoslawiens, Englands, der USA und der Sowjetunion*» (Подпольная организация братского содружества всех военнопленных Польши, Франции, Чехословакии, Югославии, Англии, США и Советского Союза)¹.

Как видно из немецких документов, организация БСВ возникла в марте 1943 года и была широко разветвленной. Факт существования БСВ и ее характер и цели заслуживают самой высокой оценки.

Приводим ниже ряд выдержек из изумительных документов этой организации.

Инструкция о структуре и работе организации «Братское содружество военнопленных»

«БСВ является тайной организацией всех военнопленных, цель которой состоит не только в том, чтобы помогать нашим странам в войне против Германии и ее союзников, но также и в том, чтобы самостоятельно бороться против общего врага народов мира — гитлеровского фашизма...»

¹ Подробнее об этом см. «Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны». М., 1962 (гл. XVIII, «Германия», автор В. П. Бондаренко), и «Германский империализм и вторая мировая война. Материалы научной конференции Комиссии историков СССР и ГДР в Берлине (14—19 декабря 1959 г.)», М., 1963 (статья Е. А. Бродского «Участие советских патриотов в антифашистском движении Сопротивления в Южной Германии (1943—1944 годы)»). — Прим. ред.

Указав, что распространение данного документа в копиях недопустимо и что инструкция составлена на основе решения Объединенного совета БСВ от 9 марта 1943 года, а также установив порядок выборов советов БСВ (из пяти человек) в лагерях для военнопленных, с тем чтобы обеспечить в них места для представителя каждой национальности, инструкция провозглашает:

«Право на борьбу против общего врага всех военнопленных не дает ни одной национальности преимущества перед другими. Борьба — это дело всех военнопленных: таков принцип БСВ. Чем скорее и активнее военнопленные начнут вести эту борьбу, тем скорее они освободятся от цепей».

Программа Объединенной организации «Братское содружество всех военнопленных Польши, Франции, Чехословакии, Югославии, Англии, США и Советского Союза»

Цели и задачи:

Организация «Братское содружество военнопленных», сокращенно БСВ, находящаяся в гитлеровской фашистской Германии, основанная на сотрудничестве наших стран, ведущих войну против Германии и ее союзников, создала Объединенный совет.

Его задачей является руководство борьбой всех военнопленных в Германии и других странах — ее союзниках в целях подрыва военно-экономической мощи страны и оказания помощи немецким трудящимся в вооруженном восстании для уничтожения гитлеризма... оказания всеми силами помощи раненым, больным, подготовляющим побег из тюрем и лагерей, отказывающимся работать, осуществляющим акты саботажа и иные действия, полезные нашим странам и БСВ, разоблачения лиц... вступивших в связь с фашистами... вплоть до уничтожения их по приговору судов военнопленных.

Следует добиваться того, чтобы ни один военнопленный не вступал в добровольческие отряды поляков, французов, эстонцев, украинцев и казаков, а также в «Российскую освободительную армию», организуемую предателем Власовым...

...Гитлер и его фашистско-капиталистическая власть провозгласили тотальную войну, а его пропаганда призывает к ее осуществлению. В тайных документах Гитлера имеются указания об уничтожении всех военнопленных, которые рассматриваются в Германии как опасные элементы и которые образуют огромную силу. Поэтому Совет БСВ ставит своей задачей организацию самообороны военнопленных.

...На военных предприятиях и в рабочих командах следует вместо производительного труда осуществлять саботаж, который ведет к ослаблению военно-экономической мощи Германии.

...В концентрационных лагерях и в рабочих командах следует создавать группы БСВ из военнопленных, исходя из настоящей программы.

...Нужно оказывать всемерную помощь бежавшим из плена, так как они нужны для выполнения особых заданий, связанных с достижением победы над врагом».

Главными лозунгами БСВ являлись:

1. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
2. Демократические страны, объединяйтесь на борьбу против фашизма!
3. Все на борьбу против фашизма!
4. Мы, военнопленные, подрываем силы врага в его собственной стране!
5. Долой кровожадного гада Гитлера!
6. «Рот фронт!» (Символ — поднятый вверх кулак правой руки.)
7. Победа будет за нами! (Символ — поднятые на уровне головы указательный и средний пальцы правой руки.)
8. Мы уничтожим фашизм! (Символ — кулак, поднятый на уровне головы.)
9. Ура войне Советского Союза! (Символ: восклицание «Ура!»)

Программа БСВ датирована 9 марта 1943 года.

Вот в основном все, что изложено в «инструкции и программе БСВ».

О конкретной деятельности БСВ мы можем делать только косвенные выводы по секретному циркуляру начальника полиции безопасности и СД от 22 февраля 1944 года (к которому в качестве приложений даны «инструкция и программа»), информирующему о раскрытии БСВ и требующему в связи с этим от полиции проведения контрмер в самых широких масштабах. Этот циркуляр, помещенный в «Сборнике циркуляров Главного имперского управления безопасности», был представлен на процессе по делу гитлеровского фельдмаршала Лееба и других¹.

Из этого циркуляра, как мы уже упоминали выше, известно, что гитлеровским органам безопасности был известен факт существования («особенно среди советских военнопленных») повстанческих организаций. Этими организациями, которые пытались установить связь с угнанными на каторжные

¹ «Auszüge aus Allgemeiner Erlaß-Sammlung (AES), 2. Teil, herausgegeben vom R.S.H.A. — I. Org., Abschnitt 2 A III e, Behandlung der Kriegsgefangenen. RdErl. des ShdSPuSD vom 22.2.1944 — IV D 5 d № 120/43 g. neu — Geheim!», PN-12, t. XVII, s. 221—236.

работы в Германии «восточными рабочими», руководил какой-то центр.

Каков же был результат раскрытия БСВ?

Нам известно, что было издано распоряжение о принятии контрмер со стороны германского аппарата безопасности. Эти контрмеры заключались в проведении внезапных и массовых обысков, включая личные обыски советских военнопленных в VII (Мюнхенском) военном округе. Акция эта должна была проводиться как в лагерях для военнопленных, так и на авиационных базах и мастерских ВВС, использующих труд советских военнопленных. В ней предусматривалось участие не только военного персонала, но и сотрудников аппарата безопасности. Такая же акция должна была проводиться и на территории всех остальных военных округов, а равно в «генерал-губернаторстве». О предстоящей акции были информированы все высшие начальники СС и полиции, а также начальники полиции безопасности и СД и, кроме того, соответствующие основные отделы РСХА.

Мы хотели бы обратить внимание советских читателей на один момент, а именно *на оценку*, какую получили советские военнопленные еще во время войны. Имеются в виду прежде всего бежавшие советские военнопленные, сражавшиеся против гитлеровцев.

Заслуги партизан были отмечены во многих военных коммюнике и сводках, партизанам даже отдавались приказы. Мы хотим здесь сказать, что партизаны — это патриоты, среди которых, наряду с местным гражданским населением, парашютистами, отдельными солдатами регулярной армии, никогда не попадавшими в плен, были и бежавшие от фашистов военнопленные. Сводки и коммюнике никогда о них не упоминали, а тем не менее их участие в партизанском движении неоспоримый факт! Никто до сих пор не изучал, каково было их участие; все это еще вопросы для изучения даже сегодня. Мы выдвигаем предположение, что участие это было повсеместным. Это значит, что оно имело место если не во всех партизанских отрядах, то, во всяком случае, в большинстве их. Соответственно, в партизанских отрядах был высок процент бежавших военнопленных.

Еще важнее была оценка среды, в которой оказался советский военнопленный. В неволе, во время ужасающих «маршей смерти» колонн истощенных, голодных и униженных пленных, они были — не только на оккупированной территории Советского Союза, но и за его пределами — предметом всеобщего и повсеместного чувства симпатии со стороны местного населения, доказательством чему служат такие факты, как передача проходящим пленным воды, хлеба, папирос и т. д., что нередко было связано с риском для жизни или на-

несением побоев. Даже в лагерях для военнопленных, больше того, в лагерях смерти, например в Бухенвальде, прибытие советских военнопленных давало повод к манифестациям солидарности и актам братской помощи. Жители обреченных на уничтожение еврейских гетто в разных городах перед смертью часто успевали оказать помощь советским военнопленным (разумеется, по мере возможности). Так было в Белостоке, Вильнюсе и других местах.

Еще ярче выступают эти проявления симпатии по отношению к бежавшим военнопленным, скрывшимся от преследования и искавшим связей с партизанами. Это сказывалось и на отношении к партизанам вообще, в том числе и к сражающимся в их рядах бывшим советским военнопленным. Не только на оккупированной территории Советского Союза, но и во всей оккупированной Европе мы наблюдаем знаменательное явление: за исключением ничтожной кучки продажных людей, шпиков и фашистов, рядящихся в тогу «защитников отечества», подавляющее большинство населения, которое сталкивалось с беглецами, всегда проявляло по отношению к ним чувство сердечной дружбы и симпатии — давало одежду, пищу, предоставляло убежище. Не следует забывать при этом, что за такие акты дружелюбия гитлеровские оккупанты наказывали *смертью* — смертью не только самого «виновника», но и всей его семьи, включая жену и детей (даже грудных). В оккупированной Польше эта смерть наступала не от пули-избавительницы, а в страшных мучениях в пламени горящей усадьбы или дома.

Приведем несколько примеров преступлений фашистов, совершенных над крестьянскими семьями за оказанную ими помощь бежавшим советским военнопленным.

9 января 1943 года в деревне Язвины жандармы расстреляли и сожгли две польские семьи: Яна Геша и Феликса Хмелевского. Вместе с семьей Геша расстрелян и скрывавшийся у нее неизвестный советский военнопленный. Все жертвы были захоронены в общей могиле. Один из убитых членов семьи Хмелевских, Ян Войцеховский, был в возрасте 70 лет¹.

25 июля 1943 года в местечке Змысловка, уезд Ланьцут, гестаповцы расстреляли семью Восей, состоящую из 4 человек, в том числе Якуба Вося 73 лет².

В 1943 году в селе Савице-Бронице, уезд Соколов-Подляски, жандармы убили семью Францишека Савицкого из 7 человек, в том числе пятерых детей: Ирену — 14 лет,

¹ «Ankieta Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce. Województwo Lublin», t. I, s. 65—66.

² Ibid., Wojew. Rzeszowskie, t. III, s. 320.

Антония — 12 лет, Мирославу — 10 лет, Марию — 6 лет и Галинку — 1½ лет¹

1 ноября 1944 года в местечке Добра, уезд Лиманов, эсэсовцы расстреляли и сожгли в домах 35 местных жителей: «возмездие» за обстрел немецких грузовиков советскими партизанами. В частности, погибли: Антоний Чернек — 65 лет, Анна Якубец — 14 лет, Хелена Дронг — 9 лет, Янина Якубец — 7 лет, Мария Дронг — 6 лет, Мария Польски — 3 лет, Станислав Дудзик — 2 лет, Юзеф Дронг — 2 лет, Мария Польски — 6 недель².

Таких примеров множество.

Возникает вопрос: чем руководствовались эти, а также сотни и тысячи других таких же людей, предоставляя убежище и оказывая помощь бежавшим советским военнопленным или сражавшимся в рядах партизан бывшим военнопленным? Руководило ли ими чувство человеческого милосердия, когда они не скучились на помощь преследуемым, укрывая их от озверевших палачей, спасая им жизнь?

Конечно, этот мотив неизбежно имел место и сыграл свою роль. Но было бы явным искажением реальной действительности и правды, если бы кто-либо стал утверждать, что это был единственный мотив, единственная причина, по которой люди сознательно подставляли свои головы под удар и рисковали жизнью своих близких.

Правда заключается в том, что в оккупированной гитлеровцами Европе под фашистским ярмом страдали сотни миллионов людей, лишенных своей вольной отчизны, ежедневно физически и морально унижаемых, неуверенных не только в дне, но и в часе своей жизни, а равно и в целости своего имущества. Правда состоит в том, что в эту мрачную ночь оккупации единственным, что давало людям силу выдержать долгие и невыносимые годы рабства, была надежда на то, что рано или поздно придет конец этому кошмару, надежда на то, что в мире есть силы, которые вскоре разгромят захватчика и принесут народам и странам желанную свободу. Эту надежду людям придавало знание того, что где-то идет ожесточенная битва, — далеко от их родных очагов, но достаточно близко, чтобы весть о ней доходила и сюда, — битва с силами зла, битва государств антигитлеровской коалиции с гитлеровской чумой. От внимания народов оккупированной Европы не могло ускользнуть то, что основные усилия в этой битве и самые большие жертвы принадлежат народам Советского Союза, его победоносной Советской Армии. Реально

¹ «Ankieta Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce. Wojew. Warszawskie», t. IV, s. 716.

² Ibid., Województwo Krakowskie, t. II, s. 237–238.

и конкретно только от этой армии могли ждать свободы народы как Восточной, так и Центральной Европы. Кроме того, вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз и героическая борьба советского народа подняли все народы оккупированной Европы на восстание против фашистских угнетателей, а затем привели к возникновению движения Сопротивления и к партизанской войне.

Упорное сопротивление советских войск в первый и самый трудный для Советского Союза период войны и в особенности последовавшие за этим мощные удары Советской Армии и победы над немецко-фашистским вермахтом в дальнейшем ходе второй мировой войны вынудили германское командование перебросить на Восточный фронт значительную часть своих лучших сил. Это обстоятельство в большой мере усилило борьбу народов, ведущуюся в глубоком тылу, на территории всей оккупированной Европы, включая сюда борьбу патриотического антифашистского движения Сопротивления на Западе — во Франции, Голландии, Бельгии, Италии и других странах.

Для сотен миллионов граждан и для сотен тысяч сражающихся патриотов во всем мире Советский Союз и Советская Армия стали утешением и великой надеждой, союзником и желанным освободителем. Именно героический Советский Союз и его армия были окружены даже в самые тяжелые годы войны горячей любовью и самой искренней симпатией почти всей без исключения Европы независимо от идеологии и убеждений миллионов людей (за исключением, конечно, всяких продажных элементов, коллаборационистов и других предателей, состоявших на содержании у гитлеровского рейха).

И вот среди этих буквально влюбленных в Советскую Армию людей неожиданно появлялся кто-то, кто был как бы частичкой этой далекой, героически сражающейся армии и ее народа. Он появлялся или как изнуренный и замученный фашистами пленник, бежавший из неволи, или уже как сражающийся среди них бывший военнопленный, делящий в их национальных отрядах все тяготы партизанской борьбы, как примерный солдат, боевой инструктор, а нередко и как командир. Такой военнопленный или бывший военнопленный, с одной стороны, становится как бы символом этой далекой и сражающейся с врагом (*их врагом!*) великой, непобедимой армии, становится ее представителем, полпредом. Этому символу, этому конкретному представителю Советского Союза люди воздавали почести и выражали свою благодарность вопреки приказам оккупантов, под угрозой смерти запрещавшим контакт с советскими людьми, вопреки зверским репрессиям фашистов!

Так пусть же здесь будет сказано — решительно и во весь голос, — что эти функции представителя своей великой сражающейся Родины советские военнопленные в подавляющем большинстве своем выполнили с честью. И не только в лагере для военнопленных, в лагере смерти, в местах каторжного и подневольного труда, но также как бежавшие из плена патриоты, как сражающиеся с оружием в руках бывшие плениники.

Эти слова — хотя они и выходят за рамки данного труда — не риторический прием. Мы хотели бы, чтобы уважение и преклонение, какими должна быть окружена и окружается могила каждого солдата, павшего на поле боя в войне с фашизмом, равно как и уважение, которое мы оказываем каждому человеку в военном мундире или в штатском, если он с оружием в руках принял участие в борьбе и победе — чтобы, повторяю, это уважение не обходило могил замученных нацизмом солдат, а также тех, у кого военная фортуна выбила оружие из рук в самом пекле военных сражений против гитлеровской Германии. Ибо они, даже в самых тяжелых, иных условиях до конца остались сражающимися солдатами!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Военные преступления таятся в самом характере войны, по сути дела, являющейся, — за исключением войны справедливой, ведущейся в защиту свободы и независимости, против тирании, — легализованным преступлением, до недавнего времени санкционированным международным правом, одним из способов разрешения споров между государствами, то есть «продолжением политики иными средствами» (Клаузевиц).

Но военные преступления, совершенные во время второй мировой войны германскими вооруженными силами, превосходят по своим масштабам все то, что в этой области было известно в истории рода человеческого. Нацистский режим, который поднял преступление до уровня государственной политики и который с помощью террора, осуществляемого мощным полицейским аппаратом, сначала растоптал все человеческие права своих собственных граждан, а затем во время разбойничьих нападений почти на всех ближних и дальних соседей намеревался навязать Европе и даже всему миру свой «новый порядок», — означал возврат к каннибализму.

Рассматриваемые в настоящей работе преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных в 1939—1945 годах, которые повлекли за собой смерть многих сотен тысяч военнопленных различных национальностей — заморенных голодом, умерщвленных в газовых камерах, расстрелянных и уничтоженных другими способами, — это только один аспект военных преступлений гитлеровской Германии.

Полную картину всех преступлений, совершенных немецко-фашистским вермахтом в отношении военнопленных, можно представить себе, лишь рассматривая их в тесной связи с другими военными преступлениями третьего рейха.

А эти другие военные преступления были самыми различными и не менее отвратительными, чем преступления в отношении военнопленных.

Кровавый палач Польши «генерал-губернатор» Франк 26 октября 1943 года на заседании «правительства» «генерал-губернаторства» в замке Вавель (в Кракове), созданном по случаю четвертой годовщины создания «генерал-губернаторства», обратился с горячей благодарностью к присутствующим на заседании представителям вермахта. За что же «генерал-губернатор» благодарил представителей германской армии? Вот выдержка из «Дневника Франка».

«...Мы не стояли бы на этом месте и не смогли бы сбраться в этом старинном, гордом краковском замке в этот торжественный момент, если бы для завоевания этого пространства не был брошен весь цвет германской армии. Именно на кровь жертв этой короткой, но вовеки прославленной войны против Польши опирается наше дело. Нам не придется краснеть перед памятью этих жертв, если мы всегда будем помнить, что наше поведение должно быть достойно их»¹.

«Дневник Франка» умалчивает о том, как реагировали генералы и высшие офицеры вермахта на эти пышные слова Франка. Молчали они или же дипломатический этикет позволял аплодировать речи губернатора? Ясно одно: они не протестовали. Немецкие солдаты 1 сентября 1939 года ринулись на Польшу по приказу и под командованием своих генералов, чтобы завоевать на Востоке «жизненное пространство», в котором Франк и его сообщники начали творить свое «дело». В результате этого «дела» на шести крупнейших человеческих боянях, которые создали гитлеровцы (Освенцим, Треблинка II, Майданек, Белжец, Собибур и Хелмно), кровью и пеплом миллионов человеческих жертв создавался фундамент немецкого «нового порядка» в Европе. Однако Франк умолчал еще об одном: Германия Гитлера и Франка была обязана немецкой армии не только завоеванием «жизнского пространства» в Польше и в других странах. Тут дело шло о большем: только под прикрытием и под защитой вермахта, стоявшего на границах германской «европейской крепости», столь продолжительное время могли совершаться все преступления, творимые НСДАП, ее органами, а равно и гитлеровским аппаратом безопасности в самой Германии и во всех оккупированных странах Европы! В течение долгих шести лет вермахт своими неспровоцированными вооруженными нашествиями расширял зону действия этой гитлеровской машины смерти, чтобы затем отстаивать эти захваченные территории (и самое машину смерти) с яростью, достойной не солдата, а припертого к стенке убийцы. Гитлеровская Германия, кото-

¹ «Dziennik Franka», t. 32, s. 80—81 (на основе оригинала, находящегося в AGK).

рую якобы защищал вермахт, — была Германией НСДАП, СС, Гиммлера и РСХА, Германией Бухенвальда, Саксенхаузена, Дахау, Маутхаузена и многих других «фабрик смерти». Германская армия полностью отдавала себе отчет в этом.

Несмотря на всю их гнусность, преступления бандитов и палачей из гестапо, СС, СД, полиции, жандармерии и т. д. — преступления, которым нет никакого оправдания, все же были только второстепенными в сравнении с преступлениями самого вермахта. Именно вермахт своей вооруженной агрессией создал возможности для совершения всех этих чудовищных преступлений, а затем прикрывал их (как и весь разбойничий аппарат рейха) своей вооруженной рукой.

Вот почему не краснели ни Франк, ни его сообщники в оккупированной Европе за свое «дело». Да, они оказались «достойными» той крови, которую пролили немецкие солдаты! Эти солдаты истекали кровью ради того, чтобы Франк и ему подобные могли творить свое «дело»!

Вот почему подъяремная земля обагрялась кровью ее бойцов и защитников, кровью ни в чем не повинных людей, — земля, оскверненная грязным сапогом фашистского захватчика, прокладывавшего дорогу организаторам «нового порядка» в Европе.

29—30 июля 1946 года главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко, говоря о виновности «группы военных»¹, сказал:

«То обстоятельство, что совершали эти преступления люди в военных мундирах, не только не снижает, а, как мне представляется, существенно усиливает их ответственность.

Как можно им в оправдание ссылаться на «долг солдата», «честь офицера», на «обязанность выполнить приказ»?! Да разве можно с «долгом солдата» и «честью офицера» совместить расстрелы без суда и клеймение военнопленных, массовое уничтожение женщин, стариков и детей?

Единственно правильное, реальное объяснение тому удивительному факту, что эти генералы и адмиралы занимались грязными, по существу уголовными преступлениями, состоит в том, что они были генералами и адмиралами гитлеровской формации. Это люди особого качества. Это фашисты в военных мундирах, душой и телом преданные фашистскому режиму»².

Такую же мысль высказал и заместитель главного обвинителя от США Тэйлор:

¹ Рейхсмаршал Геринг, фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Иодль и гроссадмиралы Редер и Дениц.

² «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 218.

«Истина рассеяна по многочисленным документам настоящего процесса, и мы должны только сформулировать эту истину просто и понятно. Немецкие милитаристы примкнули к Гитлеру и вместе с ним создали третий рейх; вместе с ним они преднамеренно создали такой мир, в котором сила и только сила решала все; вместе с ним они бросили весь мир в пучину войны и принесли ужас и опустошение народам европейского континента. Они нанесли удар всему человечеству; удар настолько дикий и грубый, что совесть всего мира не будет в состоянии оправиться от него в течение многих лет. Это не была война, это было преступление. Они не являлись солдатами, они были варварами. Об этих деяниях нужно сказать все»¹.

Заклеймив тогда преступления германского милитаризма, совершенные во второй мировой войне (и предостерегая против опасности, какую представляло бы для всего человечества возрождение германского милитаризма), Тэйлор произнес следующие слова:

«Немецкий милитаризм, если он выступит опять, не обязательно сделает это под эгидой нацизма. Немецкие милитаристы свяжут свою судьбу с судьбой любого человека или любой партии, которые сделают ставку на восстановление немецкой военной мощи. Они рассчитывают все заблаговременно и хладнокровно. Их не остановят фанатичность идеологии или отвратительные методы; в своем наступательном стремлении они используют преступления для того, чтобы достигнуть мощи Германии и распространения ею террора. Мы видели, как они это делали раньше»².

Две мировые войны, развязанные германским милитаризмом в течение жизни одного поколения, продиктовали народам мира после разгрома гитлеризма (оплаченного страшной ценой!) необходимость вступить на единственно правильный путь, по которому должно идти человечество, если оно намерено избежать гибели в третьей мировой войне:

«...Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире.

Союзники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ...

Целями оккупации Германии, которыми должен руководствоваться Контрольный Совет, являются:

¹ «Нюрнбергский процесс», т. VI, стр. 677.

² Там же.

1. Полное разоружение и демилитаризация Германии и ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней. С этими целями:

а) все сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Германии, СС, СА, СД и гестапо, со всеми их организациями, штабами и учреждениями, включая генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов войны и все другие военные и полувоенные организации, вместе с их клубами и ассоциациями, служащими интересам поддержания военных традиций в Германии, будут полностью и окончательно упразднены, дабы навсегда предупредить возрождение или реорганизацию германского милитаризма и нацизма;

б) все вооружение, амуниция и орудия войны и все специализированные средства для их производства должны находиться в распоряжении союзников или должны быть уничтожены. Поддержание и производство всех самолетов и всякого вооружения, амуниции и орудий войны будет предотвращено...»¹

Это была программа действий в отношении Германии, Европы и всего мира, содержащаяся в документе, известном как Потсдамское соглашение 1945 года.

Казалось бы, что сейчас, после недавно проигранной гитлеровцами войны, некоторые видные командиры вермахта должны были бы учесть полученный урок и сделать соответствующие выводы из военного поражения Германии. Генерал-полковник Гальдер, бывший начальник генерального штаба германских сухопутных войск, соавтор планов разбойничьей агрессии против Польши, Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Югославии и Советского Союза, — был одним из них. Этот генерал, который ушел со своего поста накануне поражения Германии в битве на Волге, который и после войны не скрывал своей ненависти к стране Советов, который и до войны, и после нее рекламировал себя как непримиримого врага коммунизма, — все же высказал следующие мысли:

«Люди порой удивляются тому, что я, по согласованию с большинством старших офицеров [курсив наш. — Ш. Д.], предостерегаю от формирования нового немецкого вермахта. Я делаю это потому, что этот вермахт, в случае если бы он был создан, не смог бы выполнить свою задачу перед немецким народом. Его неизбежно ожидает та же участь, что и вермахт в период второй мировой войны, тем более, что ему

¹ «Сообщение о Берлинской конференции трех держав», «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, М., 1947, стр. 339—341.

будет недоставать тех качеств, какими обладал прежний вермахт... Мы должны иметь в виду, что нельзя обрекать на смерть немецкий народ, даже если бы дело дошло до третьей мировой войны и если бы Германия вновь стала театром военных действий».

Это высказывание Гальдера помещено в работе Петера Бора «Беседы с Гальдером»¹.

Из военного поражения Германии во второй мировой войне генерал Гальдер извлек определенный урок: в будущей войне, если она будет связана империалистами, немецкий вермахт (или, по-нынешнему, бундесвер) будетбит так же, как и в предыдущей! Он понимает, что в третьей мировой войне будет поставлено под страшную угрозу само существование немецкого народа, и поэтому не хочет допустить возникновения ее.

В нашей памяти еще свежо развитие политических событий в Германии начиная с 1946 года и по сей день. Положения Потсдамских соглашений, осуществление которых обеспечило бы прочный мир в Европе, были растоптаны нашими бывшими союзниками по второй мировой войне — США, Англией и Францией, а предостережения Гальдера — игнорированы. Тысячи жестоких и подлых преступников, руки которых обагрены кровью тысяч и тысяч ни в чем не повинных людей, разгуливают на свободе не только в ФРГ, но и за океаном. Нашлись государства и правительства, которые сегодня вкладывают оружие массового уничтожения в руки тех, кто не постесняется использовать это оружие при первой возможности. Старый вермахт — под измененным названием и в другом обличье — вновь марширует по Европе. Еще не все счета предъявлены германским милитаристам за их недавние преступления и не все счета оплачены ими, а уже открывается новый счет.

27 сентября 1960 года Владислав Гомулка с трибуны ООН от имени Польши сделал народам мира предупреждение о новой угрозе миру со стороны возрождающегося германского милитаризма:

«Не раскол Германии является подлинным источником этой угрозы миру. Источник опасности — прежде всего в германском милитаризме, который возродился в Федеративной Республике Германии.

Империалистические силы Германии в третий раз на протяжении нашего столетия пытаются завоевать гегемонию в Европе... Положения Потсдамского соглашения, согласно которым германский милитаризм должен был быть полностью искоренен, были попраны. Ограничения, предусмотренные

¹ P. B o r, *Gespräche mit Halder*, Wiesbaden, 1950, S. 249.

позднее в договорах западных держав в отношении вооружений ФРГ, шаг за шагом ликвидируются... Сейчас ФРГ является ареной реваншистской пропаганды, ареной фашистских и расистских эксцессов и непрерывных демонстраций милитаристов и реваншистов... Ремилитаризация ФРГ и ее политика создают серьезную опасность миру. От именипольского народа я с этой трибуны предостерегаю»¹.

* * *

В 1963 году, когда отмечалось 20-летие гигантской битвы на Волге, которая спасла Европу от гитлеровских извергов и окончательно развеяла миф о «тысячелетнем господстве третьего рейха», все люди доброй воли на всем земном шаре с глубокой благодарностью и уважением вспоминали нелегкий солдатский труд и пролитую кровь миллионов советских граждан, которые в рядах Советской Армии защищали свободу и само существование не только своей родины, но и многих стран Европы. С любовью и благодарностью миллионы людей вспоминают сейчас (и будут также вспоминать в течение жизни будущих поколений) и советского «человека с ружьем», и десятки миллионов советских людей, героически трудившихся в тылу, в первую очередь советских женщин, которые своим самоотверженным трудом в самых тяжелых условиях войны поддержали «человека с ружьем», сообща способствуя его победе. Победа в великой битве на Волге в 1942—1943 годах вдохнула новую надежду в стонавшую под гитлеровским игом Европу, придала новые силы сражавшимся в глубоком тылу врага советским партизанам, а вместе с ними — лучшим сынам и дочерям сражающейся Польши, сражающейся Югославии, Франции, Норвегии, Чехословакии, Италии, Бельгии, Голландии, даже маленького Люксембурга, а также горстке немецких патриотов. Победа в битве на Волге подняла на священную борьбу за свое человеческое и национальное достоинство запертых в позорных для XX века гетто евреев Варшавы, Белостока, Вильнюса и других городов.

Страшна была цена этой борьбы, страшна и цена победы — цена неизбежная, ибо ее альтернативой был «тысячелетний рейх» со всей его людоедской программой: «генерал-губернаторством», «планом Ост», вермахтом, гестапо, печами Освенцима, «фронтшталагом 307».

Разве эта победа осталась без последствий? Разве поколение, которое войдет в жизнь завтра и послезавтра и которое было спасено от истребления и рабства усилиями нашего поколения, — разве перед этим завтрашним поколением должен встать призрак нового истребления и неволи?

¹ «Правда», 1 октября 1960 года.

Что такое неволя вообще, а германская в особенности, показано, хотя и не очень совершенно и, естественно, неполно, на страницах данной книги.

Мир, человечество хочет жить и имеет право на жизнь. Но кованый сапог нового вермахта, под командованием старых гитлеровских генералов топчущий землю между Эльбой и Рейном, не может не вызывать самого глубокого беспокойства всех честных людей на земле. Оружие массового уничтожения, к которому так жадно тянутся руки этих генералов, становится в их руках непосредственной и грозной опасностью для жизни всего человечества. «Они используют преступления для того, чтобы достигнуть моц Германии и распространения ею террора. Мы видели, как они это делали раньше», — предостерегал в 1946 году на Нюрнбергском процессе представитель США.

Могло бы показаться, что это предостережение адресовано только будущим поколениям. Но в 1960 году Владислав Гомулка предупредил мир, что человечество уже стоит перед лицом возрождающегося германского милитаризма. В 1963 году опасность эта не уменьшилась, наоборот — увеличилась! Нельзя недооценивать угрозу, таящуюся в самом факте существования полумиллионного, вооруженного до зубов бундесвера — этого нового издания вермахта, жадно протягивающего лапы к термоядерному оружию и находящего таких безумцев, которые сами вкладывают ему в руки это оружие. Нельзя забывать и того, что бундесвер угнездился в центре Европы!

Об этой опасности и вытекающих из нее осложнениях говорили в 20-ю годовщину битвы на Волге организаторы этой великой победы. Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, напомнив всему человечеству о том, что «Волжская твердыня стала могилой для отборных войск фашистской Германии», сказал:

«Сегодня, отмечая 20-летие Сталинградской битвы, мы считаем нужным сказать, что германский милитаризм снова угрожает миру и безопасности народов. Советские люди не боятся угроз недобитых гитлеровцев. Вооруженные Силы Советского Союза располагают всем необходимым, чтобы разгромить любого агрессора. Тот, кто развязет термоядерную войну, неминуемо сам сгорит в ее пламени. Но в интересах всего человечества нельзя допустить, чтобы реваншисты или иные поджигатели войны поставили под смертельную опасность жизни сотен миллионов людей»¹.

¹ Заявления Н. С. Хрущева и Р. Я. Малиновского французскому телевидению, «Правда», 10 февраля 1963 года.

Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, который в то время был членом Военного Совета Стalingрадского фронта, так отзывался о неувядющей вечной славе советского оружия, решившего судьбы гигантского сражения за будущее мира:

«Победа на Волге решительно изменила весь ход Великой Отечественной войны советского народа, всей мировой войны. Исход этой битвы человечество восприняло как восходящую зарю победы над фашизмом.

...Советский Союз понес наибольшие жертвы, чтобы спасти человечество от фашистского варварства, от лагерей смерти, газовых печей Майданека и Освенцима, от трагедий Орадура. Наш народ с честью выполнил свою историческую освободительную миссию»¹.

Но эта священная, обильно пролитая советскими людьми кровь ко многому обязывает всех живущих сегодня на земле. И это подчеркнул Н. С. Хрущев:

«Во имя мира и счастья на земле отдали свою жизнь десятки миллионов патриотов многих стран. Многие из тех, кто сегодня слушает меня, лишились отцов и матерей, сынов и дочерей, которые погибли от руки фашистов. Быть верными памяти павших — значит активно бороться за мир, предотвратить развязывание новой мировой войны.

...Вполне естественно, что наша миролюбивая страна выступает против договоров, которые способствовали бы возрождению старых очагов военной опасности. В прошлом такая политика принесла народам Европы гибель миллионов их сынов. Она особенно опасна в наше время. *Кто действительно хочет мира в Европе, тот не должен содействовать тому, чтобы силы реваншизма и агрессии были допущены к термоядерному оружию. Европе, как и всем континентам, требуется не возрождение очагов военной опасности, а их устранение, не создание новых военных группировок, а укрепление дружбы и мирного сотрудничества между всеми странами*² [курсив наш. — Ш. Д.].

Этот дружественный призыв и эта программа мирных действий не могут не достичь цели. Речь здесь идет о самом физическом существовании рода человеческого! Однажды уже мир получил горький и страшный урок, когда некоторые западные правительства игнорировали советское предостереже-

¹ Заявления Н. С. Хрущева и Р. Я. Малиновского французскому телевидению, «Правда», 10 февраля 1963 года.

² Там же.

ние и призыв к совместным и согласованным действиям против первых же проявлений нашествия «коричневой чумы», начавшей сказываться на международной арене и в человеческих отношениях¹.

Необходимо искоренить германский милитаризм, как этого требует Потсдамское соглашение, пока еще не возникла надобность в новом Нюрнбергском суде народов. Мы не имеем права молчать и своим молчанием осквернять могилы жертв фашизма, погибших от его рук в 1933—1945 годах. Мы должны свято помнить, что пепел миллионов сожженных людей все еще витает над землей и вопиет о возмездии. Мы должны помнить о десятках миллионов людей, которые жили бы еще и сейчас, если бы в 1914 и 1939 годах не было вооруженной до зубов Германии. Мы должны помнить о всех народах мира, но прежде всего о сотнях миллионов детей, которые хотят и имеют право жить, но над судьбами и самой жизнью которых вновь нависла зловещая тень германского милитаризма. Мы не должны забывать и о тех, которые еще вчера «...нанесли удар всему человечеству; удар настолько дикий и грубый, что совесть всего мира не будет в состоянии оправиться от него в течение многих лет».

Это и есть то, что мы обязаны сделать в память о мучениках и бойцах второй мировой войны, которые принесли свои жизни на алтарь нового человечества — человечества, живущего без войн, без оружия массового уничтожения, без новых преступлений милитаризма.

Помните: «MORTUI VIVENTES OBLIGANT»².

¹ 12 марта 1938 года третий рейх, совершив до этого целый ряд нарушений международного права, начал открытую агрессию, послав свои войска в Австрию, чтобы оккупировать эту страну (пресловутый «аншлюс»). И тогда лишь один Советский Союз 17 марта 1938 года сделал предупреждение всему миру. Запад в то время молчал.

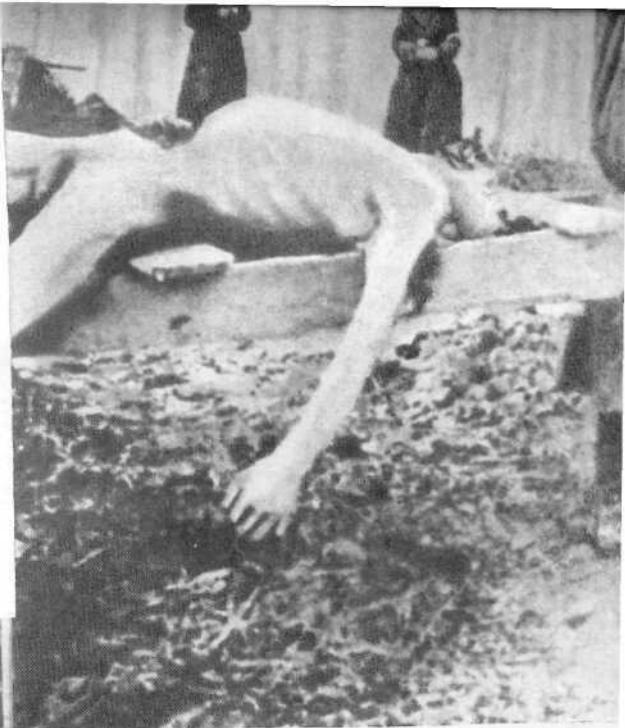
² «Мертвые обязывают живых» (лат.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Affid.	Affidavit	Письменное показание под присягой
AGK	Archiwum Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce	Архив Центральной комиссии по расследованию преступлений нацистов на территории Польши
AWA (ABA)	Allgemeines Wehrmachtsamt	Общее управление верховного главнокомандования вооруженных сил (вермахта)
Dok. obr.	Dokumenty obrony	Документы защиты
Dok. prok.	Dokumenty prokuratury	Документы обвинения
Kgf	Kriegsgefangene	Военнопленный
N. C.	Nazi Conspiracy and Aggression	Сборник документов Нюрнбергского трибунала, изданный в Вашингтоне в 1946 году
NO, NOKW	—	Обозначение документов Нюрнбергского трибунала
OKH (OKX)	Oberkommando des Heeres	Главное командование сухопутных войск
OKL (OKL)	Oberkommando der Luftwaffe	Главное командование военно-воздушных сил
OKM (OKM)	Oberkommando der Kriegsmarine	Главное командование военно-морского флота
OKW (OKB)	Oberkommando der Wehrmacht	Верховное главнокомандование вооруженных сил (вермахта) (Главный штаб вооруженных сил)
PN-1	Proces Norymberski nr 1 (proces lekarzy)	Нюрнбергский процесс по делу гитлеровских врачей
PN-2	Proces nr 2 (proces feldmarszałka Erharda Milcha)	Нюрнбергский процесс по делу гитлеровского фельдмаршала Эрхарда Мильха
PN-3	Proces nr 3 (proces prawników)	Нюрнбергский процесс по делу гитлеровских юристов

PN-4	Proces nr 4 (proces gen. SS Oswalda Pohla)	Нюрнбергский процесс по делу генерала СС Освальда Поля
PN-7	Proces nr 7 (proces feldmarszalka Wilhelma Lista i innych) zwany także procesem «balkańskim»	Нюрнбергский процесс по делу гитлеровского фельдмаршала Вильгельма Листа и других, называемый также «балканским» процессом
PN-11	Proces nr 11 (proces dyplomatów)	Нюрнбергский процесс по делу гитлеровских дипломатов
PN-12	Proces nr 12 (proces feldmarszalka Wilhelma Leeba i inn.)	Нюрнбергский процесс по делу гитлеровского фельдмаршала Вильгельма Лееба и других
RSHA (PCXA)	Reichssicherheitshauptamt	Главное имперское управление безопасности (третьего рейха)
SAS (CAC)	Special Air Service	Воздушно-десантная воинская часть (англ.)
SB	Sonderbehandlung («зондербехандлунг»)	Буквально: «Особое обращение» — гитлеровский шифр, означавший умерщвление (в данной книге — военнопленного)
SD (СД)	Sicherheitsdienst	Служба безопасности — организация разведки и контрразведки нацистской партии
SK	Sonderkommando (зондеркоманда)	Специальный отряд полиции безопасности
SOE (COЭ) «Trial»	Special Operation Executive Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, vls. I—XLII, Nuremberg, 1947—1949	Управление специальных операций (англ.) Нюрнбергский процесс по делу главных немецких военных преступников (стенограмма процесса, изданная на английском языке в Нюрнберге в 42 томах в 1947—1949 годах)
UNWCC	United Nations War Crimes Commission	Комиссия по вопросам военных преступлений при ООН
WFSt (ВФСт)	Wehrmachtshauptquartier	Штаб оперативного руководства вооруженными силами в ОКВ
Wi Rü Amt	Wirtschaftsrüstungsamt	Управление военной экономики и военной промышленности (с функциями военного министерства)
WVHA (ВФХА)	Wirtschaftsverwaltungshauptamt	Главное административно-хозяйственное управление СС

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Трупы замученных
военнопленных.

Умершие от истощения
советские военнопленные в одном
из лагерей на Замойщине
(Польша).

Эксгумированные останки советских военнопленных в Демблинской
крепости.

Югославские офицеры — узники Освенцима.

Военнопленный еврей
в концентрационном лагере.

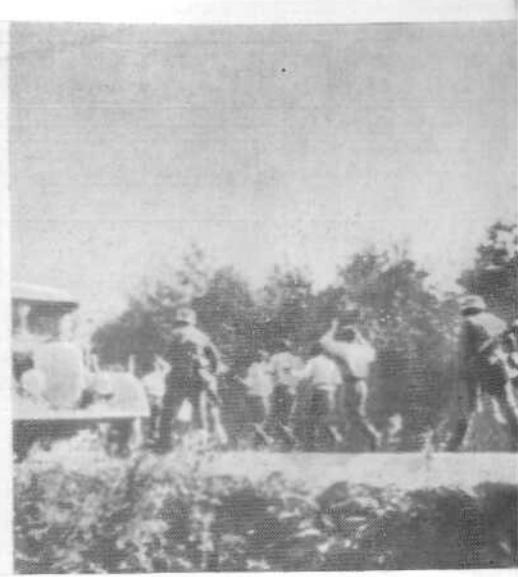

Военнопленный, убитый „при попытке к бегству“.

Немецкий полковник Вессель приказывает польским военнопленным снять куртки.

Военнопленных ведут на расстрел.

РАСПРАВА С ПОЛЬСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ В ЦЕПЕЛЮВЕ

Жертвы преступления.

Захваченные в плен служащие Гданьского почтамта.

Захваченные в плен защитники Вестерплатте.

По прибытии транспортов советских военнопленных в Демблин зимой 1941/42 года из вагонов выбрасывали сотни трупов.

Советские военнопленные, привязанные к столбам.

Группа советских
военнопленных в Демблине.

Генерал Д. М. Карбышев.

Мы прошли долгий путь
Чтобы сюда попасть:
Сюда, где гибнут наши братья,
и при этом не видим
и не слышим
одинаковых сирен
каждый час.

Боеприпасы под ударение
Красной Армии
и первое место будет уничтожено!
Справить свои взоры на
Это позорище конного полка
Кр-У, не заставить
отстегнуть за это
и за нас
Эти люди хотят забыть
К-то не виноват
ноябрь 1943 года

Надписи на одной из стен
в каземате Демблинской
крепости.

Под открытым небом, на холоде, за колючей проволокой — таков был
„лагерь“ для советских военнопленных в Демблине.

Гитлеровцы сталкивают в могилу еще живого советского военнопленного.

Солдаты вермахта (на правой стороне мундиров видна вышитая „ворона“) фотографируются возле трупов расстрелянных советских военнопленных (Демблин).

Умершие от истощения советские военнопленные (лагерь Хоэнштейн).

До такой степени истощения доводили гитлеровцы советских военнопленных (Демблин).

„Отбор нежелательных“

„Доктор“ Рашер (справа) при проведении эксперимента с переохлаждением.

Хутор Вертячий: „... Не дождались освобождения“.

Скамья подсудимых на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников. В последнем ряду первый слева — генерал-полковник Иодль.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вступительная статья</i>	5
<i>Введение</i>	17
<i>Глава I. Структура немецко-фашистского аппарата по делам военнопленных</i>	39
Аппарат по делам военнопленных в оперативных районах	40
Аппарат по делам военнопленных в системе ОКВ	43
Управление по делам военнопленных	44
Лагеря для военнопленных	45
СС и Управление по делам военнопленных	53
<i>Глава II. Преступления в отношении военнопленных в оперативных районах</i>	57
„Пленных не брать!“	57
Убийство польских военнопленных в сентябре 1939 года	61
Преступления, совершенные в оперативных районах на Западе .	71
Преступления, совершенные в оперативных районах на Востоке	81
Убийство военнопленных — варшавских повстанцев	83
Индивидуальные и массовые садистские преступления, совершенные в оперативных районах	85
Военнопленные как „живое прикрытие“ атакующих немецких войск	92
Преступления в отношении парламентеров	95
Грабеж имущества военнопленных. Мародерство и надругательство над трупами павших	100
<i>Глава III. Преступная дискриминация отдельных категорий военнопленных</i>	107
Истребление политработников Советской Армии	108
Механизм истребления „нежелательных“	140
Клеймение советских военнопленных	168
Дело майора Карла Мейнеля	172
Преступления в отношении военнопленных, совершенные в концентрационных лагерях	181
Преступное «сотрудничество» вермахта с оперативными группами СД	221
Дискриминация и уничтожение военнопленных-евреев	229

Преступления в отношении военнопленных-женщин	246
Убийство командос	250
Преступления в отношении парашютистов и сбитых военных летчиков	282
Убийство генералов и высших офицеров	318
<i>Глава IV. Преступления в отношении военнопленных во время транспортировки</i>	338
<i>Глава V. Преступления в лагерях для военнопленных</i>	352
Лагеря для советских военнопленных — лагеря уничтожения . .	352
Данные о лагерях для советских военнопленных на территории Польши	366
Краткий перечень наиболее известных лагерей уничтожения советских военнопленных на оккупированных территориях Советского Союза	372
Интернированные итальянские солдаты в немецких лагерях для военнопленных на польской территории	381
Индивидуальные убийства в лагерях для военнопленных	383
Использование военнопленных в качестве „живого прикрытия“ военных объектов	385
<i>Глава VI. Преступные медицинские эксперименты на военно- пленных</i>	390
<i>Глава VII. Преступления в отношении больных и раненых военнопленных и инвалидов войны</i>	411
Убийство военнопленных в госпиталях, лазаретах и на перевязоч- ных пунктах	417
Госпитали и лазареты для советских военнопленных — одна из форм массового уничтожения	423
„Отбор“ и уничтожение неизлечимых и тяжело больных совет- ских военнопленных	429
Убийство пленных — инвалидов войны	434
<i>Глава VIII. Преступные замыслы гитлеровцев в отношении военнопленных западных государств в конце второй мировой войны</i>	448
<i>Глава IX. Слово о мертвых и живых</i>	452
Послесловие	475
Список сокращений	485
Иллюстрации	487